Тур Хейердал

ТУР ХЕЙЕРДАЛ • В ПОИСКАХ РАЯ • АКУ-АКУ

Тур Хейердал

В ПОИСКАХ РАЯ

АКУ-АКУ

192

ЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
КАСПАРОВА Б.А.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ» МОСКВА · 1970

91 П
Х 35

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

THOR HEYERDAHL

PÅ JAKT EFTER
PARADISET

Oslo, 1938

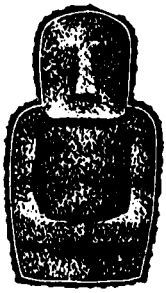
AKU-AKU

Oslo, 1957

Перевод с норвежского
Л. ЖДАНОВА

Художник
Ю. БАЖАНОВ

2-8-3



В ПОИСКАХ РАЯ

К СОВЕТСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Книга «В поисках рая» написана за десять лет до книги об экспедиции «Кон-Тики». Она рассказывает о моих первых исследованиях в Тихом океане. Вышла она в Норвегии как раз перед второй мировой войной и на другие языки не переводилась. Я провел год на полинезийском острове, пытаясь жить, как жили первобытные люди, и не подозревал, что мои наблюдения и опыт заставят меня переключиться на совсем другую область науки и десять лет спустя я снова попаду в Полинезию уже на бальсовом плоту из Южной Америки.

Когда писалась эта книга, я был молодым студентом, но, хотя прошло три десятка лет, насыщенных событиями, особых перемен я не чувствую, только непрерывно растет запас знаний и воспоминаний. Один из самых полезных уроков, которые мне преподала жизнь, заключается в том, что человек остается человеком, будь он норвежец, полинезиец, американец, итальянец или русский, когда и где бы он ни жил — в каменном или атомном веке, под пальмами или у кромки ледника. Добро и зло, отвага и страх, ум и глупость не признают географических границ, они есть в каждом человеке. В средние века верили в единорогов и бесов, обитающих в далеких землях, верили в крылатых ангелов, сидящих поверх облаков. Приедет домой путешественник и рассказывает небылицы о том, что видел в дальних странах,— кто его проверит! Теперь поезда и автомашины, самолеты и почта сблизили страны, телевидение и радио позволяют путешествовать, не выходя из комнаты. Люди живут теснее, чем когда-либо, и для ангелов, единорогов и бесов уже не осталось места. Все мы люди, об этом надо помнить и стремиться к дружбе, взаимопониманию и сотрудничеству, чтобы человечество могло выжить на нашей маленькой планете, исправляя все, что было попорчено в веках из-за недостатка знаний и уважения к ближнему.

Нынешняя молодежь должна понимать свою роль. Хочет она того или нет, ей достается в наследство от предшествующего по-

коления тьма и хорошего, и дурного. Среди молодежи есть те, в чьей власти завтра будет нажать на кнопку страшного оружия массового уничтожения. Есть и те, кто сможет вмешаться и предотвратить беду, кто проложит путь к сотрудничеству народов во имя мира, разума, дружбы.

Кое-кто из молодых говорит себе: к чему все это, что я-то могу сделать против всего мира. И торчат в подворотне, убивают время, руки в брюки, во рту сигарета. Сдаваясь без борьбы, тратя без толку лучшие годы молодости, они проходят мимо тысяч возможностей и тем самым предают человеческое общество, частицу которого составляют. Конечно, большие дела, оставляющие глубокий след, чаще всего совершаются в зрелом возрасте. Но основа почти всегда закладывается в молодые годы, когда мозг и тело тренируются для предстоящих задач, когда все дороги еще открыты, ни один мост не взорван. С маленьких шагов, сделанных в юности, начинается жизненный путь. И по какой бы дороге мы ни пошли, мы встретим людей — людей, в которых сочетаются добро и зло, ум и глупость, отвага и страх. Молодые, старые — мы должны уразуметь сами и растолковать другим, что человек остается человеком, живет ли он на севере или на юге, на востоке или на западе. Вот почему мы обязаны сделать все, чтобы не ракеты и снаряды, а рука дружбы преодолела разделяющие нас барьеры.

Тур Хейердал

Глава первая В СОЛНЕЧНУЮ СТРАНУ

Бегство от цивилизации. Таити: первое знакомство с заветным краем. Папеэте — полинезийский Марсель. У вождя Терипероо. Мы становимся полинезийцами

В тысячный раз склонились мы над пятнистой картой Южных морей. В тысячный раз пристально вглядывались в океанские просторы, надеясь высмотреть точку, которая нас устроит. Одну нетронутую точку среди тысячи рифов и островков! Точку, которую мир еще не заметил, крохотное пристанище, где можно укрыться от железной хватки цивилизации.

Но... заманчивые точки одну за другой, одну за другой перечеркивали маленькие крестики. Долой, не годится! Об этом говорили и объемистые труды, и краткие очерки...

Раротонга — крестик: вдоль всего побережья проходит шоссе.

Моореа — крестик: отели, туристы...

Мотане — крестик: нет питьевой воды.

Хутуту — крестик: нет плодовых деревьев.

Крестик тут (военно-морская база), крестик там (остров мал и густо населен). И вот уже весь лист испещрен крестиками — словно карта звездного неба. И такой же бесполезный для нас...

Чтобы жить, как наши предки, добывая себе пищу голыми руками, требовались совсем особые условия: цветущий край и полное безлюдье. Но все плодородные земли заняты людьми. А там, где нет населения, без помощи цивилизации не обойдешься. Вот почему материки — страна за страной, область за областью — сплошь покрылись крестиками. И теперь настала очередь островного мира Южных морей. Со всех сторон в него вторгались крестики, и кольцо смыкалось все у́же...

У самого экватора, где красными стрелками мчится по карте пассат, раскинулись тринадцать островов Маркизского архипелага. Тринадцать крестиков... И когда на карте не осталось ни одной не зачеркнутой точки, сюда, к этим удивительным островам, потянулся ластик.

Нуку-Хива, Хива-Оа, Фату-Хива. Это главные, самые большие. Фату-Хива — живописнейший, благодатнейший остров Южных морей! Мы готовы были без конца читать о нем, разглядывать заманчивые картинки.

Некогда на Маркизских островах было сто тысяч жителей. Теперь осталось две тысячи, да и то часть из них — белые пришельцы. Полинезийцы вымирают с ужасающей быстротой...

А Фату-Хива — благодатнейший остров Южных морей!

Девяносто восемь тысяч исчезли — значит, место есть... Неужели среди древних развалин не найдется уединенного уголка, неужели нет клочка земли, куда не проникли болезни, где не привилась цивилизация и в заброшенных, одичавших садах зреет множество плодов?

Хорошо бы найти необитаемую долину, или маленькое горное плато, или живописный уголок на берегу. Соорудить себе жилье из ветвей и листьев. Добывать пропитание в лесу. Питаться плодами, яйцами, рыбой. Кругом — природа. Пальмы и кустарники. Птицы и звери. Солнце и дождь.

Там мы могли бы осуществить эксперимент: вернуться в дебри. Расстаться с современностью, с цивилизацией, с культурой. Сделать прыжок на тысячи лет назад. Познать образ жизни первобытного человека. Познать истинную жизнь во всей ее простоте и полноте.

Возможно ли это? Теоретически — да. Но что нам теория, мы хотим проверить это на деле! Попробовать, сможем ли мы двое, мужчина и женщина, жить так, как жили наши далекие предки. Сможем ли совершенно отречься от своей нынешней искусственной жизни и во всем, да — во всем обходиться собственными силами, совершенно не пользуясь достижениями цивилизации, всецело уповая на природу.

Заманчивый Фату-Хива... Уединенный скалистый островок. Богатый солнцем, фруктами, пресной водой. Почти безлюдный. А белых и вовсе нет. Мы обвели Фату-Хиву жирным кружком.

С моря на город полз зимний туман...

Вот как получилось, что мы в морозное рождественское утро, провожаемые леденящим ветром, отбыли в свадебное путешествие на остров Фату-Хива.

И вот почему спустя месяц мы были в числе путешественников, толпившихся у поручней «Комиссара Рамеля». Сто загорелых пассажиров из девятнадцати стран — и у всех одна цель, одна заветная мечта: найти солнечный рай среди пальм. Писатели и пра-

вительственные чиновники, художники и искатели приключений, коммерсанты и обыкновенные туристы — все смотрели в одну сторону, охваченные радостным ожиданием. Там, впереди, за голубой океанской равниной, за вечно недосягаемым горизонтом — там, впереди, был Таити, жемчужина Южных морей!

Уже над водой, словно ажурная тень на тропическом небе, легкими призрачными контурами взметнулись зазубренные вершины. Нельзя сказать, чтобы мы впервые видели эту картину. Она была нам знакома по фотографиям, кинофильмам, книгам, журналам. Но теперь мы сами путешествуем! Теперь все настоящее! Лицо гладил ласковый океанский бриз — соленый, согретый солнцем. Впервые за несколько недель в воздухе парили птицы. От носа корабля серебристыми струйками разлетались крылатые рыбки.

Всеми чувствами, всем существом мы впитывали впечатления...

Корабль подходил к Таити.

После долгого плавания впервые повеяло духом земли. Прежде пахло только морской солью и распаренной палубой — теперь пассат принес еле ощутимый, живой, теплый запах почвы и редкостных растений.

Казалось, остров постепенно всплывает над водой. Величественный, устремленный ввысь, вонзающий в небо острые пики... Голубые разломы, тонкие шпили, а под ними весенняя зелень холмов и пригорков. Еще ниже к берегу сползал темно-зеленый лес, разбегаясь пальмовыми рощицами, которые придавали острову неповторимый облик. А в море, поодаль от берега, протянулся живой коралловый барьер. Здесь блестящие голубые валы разбивались вдребезги, рассыпаясь хлопьями белоснежной пены, и, уже обессиленные, скользили к берегу, под пальмы.

Чарующее, неизъяснимо прекрасное зрелище, превосходящее все, что может себе представить человеческий разум...

Так вот они какие, острова Южных морей. Рай, прославленный и воспетый несчетное множество раз. Но никто не сумел передать все его очарование, потому что его нужно видеть, слышать, осязать самому... Мы стояли у поручней как завороженные. Стар и млад. Только команда оставалась невозмутимой. Нам здесь все казалось удивительным, необыкновенным. А морякам было не впервой, и они не спеша принаряжались к встрече со старыми знакомыми — вахинами *.

За время плавания мы разучили таитянскую песню и теперь приготовились дружно спеть ее, как только покажутся встречаю-

* Вахина — женщина, жена.

щие нас пироги. Нам хотелось сразу показать, что мы не какие-нибудь цивилизованные сверхчеловеки, а простые, свободные, счастливые люди — такие же, как местные жители, что мы способны понять островитян, восхищаться ими и их привольной жизнью в солнечном крае.

Ревели буруны. Корабль вошел в проход в коралловом рифе. Вот они, совсем близко — невиданные травы, поразительные деревья с исполинскими листьями... Сказка... Кроны шелестят, каждый лист трепещет, запах — словно в оранжерее. Просто не верится, что скоро мы будем бродить по этому лесу!

Медленно огибаем мыс, на котором раскинулся порт Папеэте — столица и узел коммуникаций французских владений в Тихом океане. Корабль остановился. Сейчас, сейчас к нам со всех сторон ринется рой лодок, а в них — украшенные цветами смуглые люди... Мы не могли больше сдержаться, и грянула, понеслась под пальмы песня, старинный гимн Таити: «Э мауруру а вау» — «Я счастлив»!

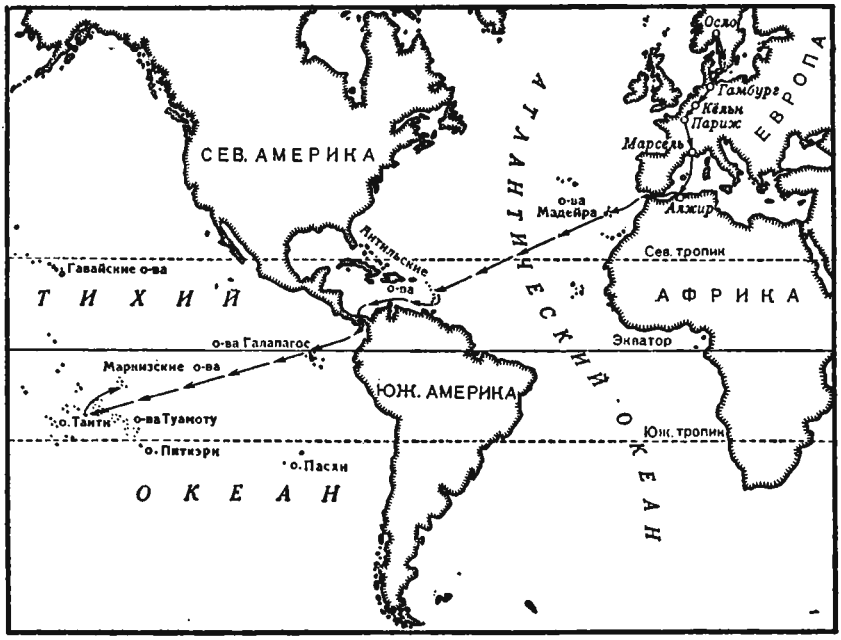
Если бы вдруг к нам на палубу попал простой конторский служащий из Европы, он принял бы нас за сумасшедших. Пожилой тучный композитор-американец с деревянной ногой запевал, грациозно танцуя вдоль борта. Цивилизованные люди? Только не мы! Мы — дети дикой природы, как те, которые вот-вот поднимутся с лодок к нам на корабль!

И вот появилась лодка. Одна-единственная. Моторная.

В ней, стоя навытяжку, руки по швам — белые мундиры. Мы слегка пали духом, но продолжали кричать, махать руками и петь. Никакого впечатления. Лишь один из мундиров поднес руку к фуражке, приветствуя. Лодка пристала к борту, встречающие поднялись на палубу. Два пальца у козырька, непроницаемое лицо... Паспорта, документы... Бумаги, печати, снова бумаги. Таможенный досмотр. И вот корабль степенно подходит к причалу. Толпы людей, пестрые зонтики, парижские моды, белые брюки с безупречной складкой, соломенные шляпки, яркие галстуки...

Мы было совсем приуныли, но тут деревянная нога опять стукнула о палубу, и мы, улыбаясь и размахивая руками, снова грянули дорогой нашему сердцу гимн. Встречающие вежливо похлопали и один за другим стали подниматься по сходням. Смуглые щеки женщин покрывали румяна, полные накрашенные губы сжимали сигареты. И однако, это они, знаменитые таитянские вахины, у каждой за ухом цветок.

Опытным взглядом красавицы оценивали приезжих мужчин. Последнее, что я видел, сбегая вместе с Лив на берег,— это как



Путь Хейердала на Маркизские острова

они выводили из камбуза нашего улыбающегося кока, обвешанного цветами и фруктами.

Что ж, Таити по-прежнему край женщин.

А на корабле весело гремел джаз. Чуть не плачущая англичанка и два улыбающихся таможенника сидели около патефона, прокручивая одну за другой пятьдесят пластинок. Местные правила предписывали проверять все пластинки — как бы кто не ввез враждебную политическую пропаганду...

«Татт-таттаратт-угу»,— рвалось из недр патефона.

На пристани кипела жизнь. Носильщики и шоферы осаждали пестро одетых туристов, привезших горы багажа. Смуглые красавицы льнули к морякам. Раскосые торговцы расхваливали свой товар. Правительственные чиновники радостно обнимали друг друга. И всюду толкались островитяне, рассчитывая на сделку.

Плакали дети, гудели автомобили, а из нагретого солнцем железного сарая плыл сладкий, жирный запах. Там в тяжелых мешках лежала копра. Главный источник доходов Южных морей.

Путь к торговле и богатству!

Путь, уводящий прочь от дружбы и счастья...

Утром следующего дня мы стояли на набережной под сенью манговых деревьев. Огромный черный корабль с живой белой бахромой пассажиров и матросов вдоль всех палуб покидал порт. Вот он медленно скользит мимо крохотного зеленого островка в лагуне. Потом выходит за риф и исчезает в голубом просторе.

У самого горизонта мы приметили на фоне неба зубчатые горы Моореа; их силуэт напоминает разрушенную крепость. Моореа — ближайший сосед Таити. Маленький мирок, исторгнутый из пучины за тысячи миль от всех материков.

Растаял дымок «Комиссара». Все, назад пути нет. Сидим на клочке земли в океане. Ни кают, ни официантов. Теперь надо как-то самим добираться до далекого Маркизского архипелага.

В лагуне плавали удивительные яркие рыбки. Вот — красная, как кровь. А вот — желтая, в черную полоску. Им посчастливилось: далеко не все виды смогли выжить здесь, в сточных водах Папеэте.

В лагуне, притягивая наш взгляд, мягко покачивались на длинных валах белые шхуны... Надпись на корме: «Тереора». Это она доставит нас на Маркизские острова. Дикий архипелаг далеко на севере, не тронутый цивилизацией. Когда она выйдет в море? Может быть, завтра. Может быть, через неделю. Или через месяц. Один лишь капитан, старик Брандер, знает точно. А ему и в Папеэте хорошо.

Вместе с потоком людей мы свернули на главную улицу. Женщины звонко смеялись, слезы расставания давно высохли; Папеэте — город радости. Звонкие велосипеды и набитые туристами автомашины сновали по асфальту меж низеньких дощатых лавчонок, заваленных товаром. Хрип граммофонов, скрип тележек с мороженым... Крикливые плакаты на китайском, французском, полинезийском языках; куда ни глянь — у всех только самое лучшее! И смуглые островитяне не пропускали ни одной двери, отдавая всю свою копру до последнего кусочка.

В этом-то хаосе мы и встретили Ларсена. Соотечественник, норвежец, Ларсен из Мосса! В соломенной шляпе и полосатых шортах. Ушедший на пенсию учитель.

Мы подружились и в тот же вечер были в гостях у его приятелей, в долине Фаутау, неподалеку от города. Опустилась тропи-

ческая ночь, по-зимнему черная и по-летнему теплая. Мы сидели за столиком на обращенной к лесу террасе; вокруг коптящей керосиновой лампы на столе плясали тени пяти огромных пивных кружек. Полоска света дотянулась до стены. К освещенному пятну крадучись подбирались ящерки, чтобы молниеносно схватить какое-нибудь крылатое существо и тотчас укрыться с добычей в темный уголок.

Вот показался косматый паук, здоровенный, отвратительный, как кошмар. Вот что-то, шурша, вырвалось из мрака, метнулось к лампе, к стене, к нам, опять к лампе. Тощий кот вскочил на стол и схватил трепещущий комочек. Ночная бабочка исчезла в утробе кота. Тараканы и ящерки испуганно бросились наутек.

Где-то в безмолвной ночи родился шелест листьев: с гор подул прохладный ночной ветерок. Нам с Лив все казалось сказочным. Густой черный лес с огромными глянцевитыми листьями стоял перед нами глухой стеной, над которой на фоне звездного неба, венчая стройные высокие стволы, качались взъерошенные кроны кокосовых пальм. Южный Крест. Незнакомые звезды. Лежащий на боку лунный серп.

На лужайке перед домом выстроились какие-то тропические растения. Я различил большие гроздья бананов. А вот черные силуэты плодов хлебного дерева. Многие плоды были мне вообще незнакомы. Удивительный край! Вот эти длинные ветки, совсем рядом, протянулись от кофейного дерева! В саду тут и там посажены цветы. Поразительные цветы! А какой воздух! Теплый, дышащий плодородием.

Кто-то закудахтал на дереве. Куры — дикие куры, объяснил Ларсен. И рассказал, что они нередко несутся прямо на террасе. Хотя вообще-то яйца найти трудно: их уничтожают крысы.

Наши новые друзья — Ларсен, швед Калле Свенсон и англичанин Чарли Хеллиген — были старожилами на острове. Калле Свенсон заведовал складом фирмы «Дональд», самой крупной торговой компании в колониях. Чудесный парень. Женился на островитянке с Туамоту, умной, приветливой женщине, настоящей красавице. Трое детей появились на свет в маленьком домике в долине Фаутау.

— Ну как, нравится вам Таити? — полюбопытствовал Свенсон, вылавливая из пива кузнечика.

— Природа... — мечтательно произнес я. — В жизни не представлял себе, что на свете есть такое чудесное место.

Свенсон угрюмо поглядел на пальмы, кланяющиеся ночному ветру.

— Одной красотой не проживешь,— сказал он.— И будто в Швеции не красиво!

— Не так, как здесь,— возразил я.— Конечно, после стольких лет вдали от родины она вам кажется прекраснее. Вы уже привыкли к чудесам здешнего края. А мы только что вырвались из объятий зимы, нам легче сравнивать.

Я перечислил все недостатки своего отечества, расписал удивительные красоты Таити. Хотелось, чтобы он понял, как ему хорошо, осознал, что живет в краю, о котором все мечтают: Южные моря, земной рай.

Но Свенсон твердо стоял на своем. Его тянуло домой. Да-да, он хотел бы уехать с женой и детьми в родную Швецию. Здешние нравы погубят детей. Мне не удастся его переубедить.

— Вы только что приехали,— говорил он.— Подождите, через месяц вы меня поймете. Сейчас вы ослеплены, как все новички. Не обольщайтесь: вы не найдете на Таити утерянный рай.

Остальные засмеялись. Меня озадачило их единодушие.

Хеллиген оторвался от кружки. Маленький скромный молчаливый англичанин решился что-то сказать.

— Рай обретает тот,— спокойно произнес он,— кто возвращается на родину.

Он прожил на Таити двадцать лет.

— А вы где родились? — удивленно спросил я.

Он родился в Лондоне. В Лондоне!

— Эх, как вспомнишь Норвегию! — вырвалось у Ларсена.— Один крыжовник чего стоит.

Я оторопел. Крыжовник. Кругом такое обилие тропических плодов, а он — крыжовник. Я показал на деревья и кустарники, усыпанные фруктами, цветами. Но Ларсен фыркнул с таким презрением, что чуть не потушил лампу. Хеллиген вовремя прикрыл ее рукой.

— Разве можно это сравнить с крыжовником! Только представить себе: стоишь в саду и, не сходя с места, ешь крыжовник, сколько влезет!..

Лицо учителя Ларсена сияло. Не успел я его перебить, как он уже принялся расписывать прелести серого хлеба с козьим сыром, свежего молока и киселя из морошки. Со сливками.

— Но ведь вы не первый раз на Таити,— вставил я наконец.— Зачем вы сюда вернулись, если вам тут не нравится?

— Молодой человек,— ответил Ларсен.— Тогда Таити был совсем другим. Всего четыре года назад на белых смотрели снизу вверх. А сейчас островитяне только смеются над нами и прохажи-

ваются на наш счет. Я понимаю их язык и слышу, какими замечаниями нас провожают. До чего же нынешние избалованы, как нос дерут, а все эти восторженные туристы и хвалебная реклама. Рай!.. Этот рай у меня уже вот где сидит. Кто ни приедет сюда, непременно должен потом написать книгу. А чтобы ее покупали, непременно нужно про рай ввернуть. Кто станет читать, если напишешь как есть на самом деле? Да никто. Людям подавай романтику и красоты. Кому нужны железные сараи и битые бутылки?.. О таком не пишут. Вот и стараются, изображают Таити таким, каким он был в каменном веке, когда туземцы бегали в лесу, прикрытые лишь фиговыми листочками, пели и плясали вокруг костра. Ввозят из Франции укулеле, а из Америки лубяные юбки, которых здесь раньше никогда не было. Сочиняют полинезийские мелодии, учат островитян играть на укулеле и плясать в юбочках перед кинокамерой — надо же что-то на экране показать. И люди смотрят, хлопают в ладоши и восхищаются: ах, до чего же там все примитивно! Вот именно: Таити должен прикидываться примитивным. Чтобы не иссяк поток туристов. Чтобы книги нравились читателям. Чтобы все билеты на сеанс были проданы. И чтобы белый человек не чувствовал вины за все то, что он здесь натворил. Я вот когда-нибудь выпущу книгу тут, на острове. На полинезийском языке. Книгу о рае Северного моря, такую же правдивую, как все ее сестры, болтающие о Южных морях. Опишу Норвегию: не страна — мечта, там викинги сидят на льдинах и высекают огонь из камня, а женщины в медвежьих шкурах отплясывают халлинг * и рожают детенышей с лыжами на ногах.

Ларсен остановился, чтобы перевести дух и налил всем еще домашнего пива. Я взглянул на Лив, которая не могла оторвать глаз от леса, от этой колышущейся стены волшебных растений. Неужели правы наши друзья?! Неужели здесь, где такая чудная природа, все тлен и гниль?! Нет. Уж во всяком случае не на Маркизских островах!

Мы поделились с друзьями нашими планами. Свенсон рассмеялся.

— С первой же шхуной вернетесь,— предсказал он.— Мрачные острова эти Маркизы. Дикие горы, узкие долины, населения почти не осталось. Конечно, зрелище внушительное, и растительность богаче, чем тут, но мало кто выдерживает тамошнее уединение. Народ на Маркизах куда угрюмее здешнего. Ведь они еще не так давно были людоедами.

---

* Халлинг — норвежский народный танец *(прим. перев.)*.

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КАСПАРОВА Б.А.

Никто из наших друзей сам не бывал на Маркизских островах. Но все они слышали об их пышной растительности и уединенности. Видно, там и впрямь дикий край. Что-то особенное...

— А есть у вас нужное снаряжение? — спросил Свенсон.

— Снаряжения,— ответил я,— никакого нет. И не надо. Будем карабкаться на деревья за плодами, будем ловить рыбу в море — как островитяне. Правда, я везу банки и препараты для зоологических коллекций.

Бурное оживление.

Учитель Ларсен похлопал меня по плечу.

— Молодой человек,— сказал он.— У вас не совсем верное представление о Южных морях. Ступайте-ка к лавочнику да купите себе примус. А заодно кастрюлю, сковороду и ящик консервов. Кроме того, запаситесь мешком муки, рисом и сахаром. Не забудьте хороший фонарь, не говоря уже об одежде и противомоскитной сетке.

— А плед для защиты от ночного холода? — вступил Свенсон.— И топор, пилу, гвозди. Если только вы не думаете снимать квартиру у островитян.

— Помните, вы не в обетованной земле,— объяснил Ларсен.— Жареные поросята в рот сами не прилетят, тут нужна сковорода, нож, спички, наконец, бидон керосина. В лесу сырые дрова.

— Лекарства! — подхватил Свенсон.— Бинты, йод, салол.

— У меня есть отличное средство от нарывов,— заверил нас Ларсен.

— Нарывов? — переспросил я.

— Ну да, нарывов,— продолжал Ларсен.— У меня был друг, и однажды у него вскочил нарыв...

— Ипохондрик ты,— ответил я.— Это что же, возвращаться к природе, волоча за собой целый воз?

И все-таки, идя вечером к себе в отель, мы с Лив заколебались.

— Ладно, возьмем топор,— сказал я.

— И кастрюлю,— добавила Лив.— Что ни говори, они бывалые люди, знают больше нас.

— Как только научимся обходиться без всего этого, отдадим кому-нибудь,— продолжал я.

— Правильно! — подхватила Лив.— Назад ни шагу!

— И вообще, прежде чем уединяться, не худо бы немного освоиться с образом жизни островитян. А что, не поехать ли нам пока в глубь острова и снять там домик?

— Шхуна уйдет,— возразила Лив.

— Это еще не скоро будет, и ведь можно попросить капитана, чтобы он нас вовремя известил. Здесь же всюду ходит автобус.

Вернувшись в отель, мы никак не могли уснуть. Тысячи мыслей и впечатлений роились в голове, тысячи комаров пищали над сеткой.

Что-то готовит нам будущее?

Я критически взглянул на объявление на стене: «Запрещается входить в отель в набедренной повязке. Не разрешается приводить в номер уличных женщин».

Из окна на стену падал луч света. Я проследил за ним глазами — в небе над лагуной плыл месяц. Под окном в теплом ночном воздухе благоухали цветы. Маленькие искрящиеся волны тихо плескались у берега. Издали, оттуда, где протянулись рифы, сливаясь с шорохом листвы, доносилась песня Южных морей — неумолчный гул бурунов. Пустынные улицы притихли.

Пальмы, луна — идиллия!..

За обеденным столом вождь Теринерое а Теринерооитерai, повелитель семнадцати вождей Таити, занимал вдвоем со своей супругой целую скамейку. С достоинством, не торопясь, он уписывал многочисленные блюда, великолепно обходясь без ложки и вилки. Жареная свинина и ананасы, сырая рыба и раки, бананы и цыплята, устрицы и плоды хлебного дерева, крабы и дыня, манго и папайя — нет, не счесть всего того, что он поглощал. И мы, как могли, старались не отставать.

Супруги были лучшей рекламой местной кухне. Улыбающийся, плечистый, могучий Теринерое весил добрых сто двадцать пять килограммов, и его добродушная жена нисколько ему не уступала. Скамейку напротив занимали миловидные дети вождя; они робко поглядывали на нас из-за горы снеди. Их меню состояло из кофе, плодов хлебного дерева и таитянского кокосового соуса, и ели они бесподобно, явно мечтая достичь комплекции отца. Общественный вес знатного таитянина прямо пропорционален его телесному весу. Наши хозяева были на высоте, достойные потомки исконных полинезийцев: настроение неизменно отличное, всегда веселые и склонные к шутке, завтрашний день их не тревожит.

Вождь Теринерое откровенно гордился своим объемом.

— Вот, смотрите, как надо есть суп,— сказал он, погружая в тарелку пятерню.

Его широкая ладонь и впрямь была отличным черпаком...

Притихшие ребятишки восхищенно глядели на отца. Широко улыбаясь, вождь объяснил нам, что у ложки и вилки противный

вкус. К тому же с ложки суп попадает на язык, а это неправильно. Вот когда пьешь из горсти, суп ласкает небо и отдает весь свой аромат.

Я последовал примеру гурмана Терииероо и одобрительно кивнул. Лив новый способ дался труднее, но и она постепенно освоилась.

Услышав, что мы собираемся на Маркизские острова, Терииероо загорелся.

— Эх, будь я помоложе, отправился бы с вами! — воскликнул он.

И мы не сомневались, что он бы это сделал. Маркизский архипелаг — сказочный край, говорил вождь. Сам он никогда там не бывал, но многие его знакомые, живущие здесь же, в долине Папену, плавали на Маркизы и рассказывают чудеса про эти острова. С каждой кокосовой пальмы там за один урожай собирают по сто орехов, а фруктов в маркизских долинах — тьма-тьмущая. Особенно на Фату-Хиве, самом южном острове архипелага.

Там не надо, как на Таити, лазить в горы за апельсинами, они растут внизу. Даже красный горный банан феи (любимое блюдо вождя) растет в долинах. А на Таити только самые искусные скалолазы могут добыть феи. Соберут, потом продают на рынке в Папеэте.

А еще на Фату-Хиве нет бурых крыс, не надо для спасения орехов обивать жестью стволы кокосовых пальм. А как там все дешево! Нас, конечно, встретят подарками, будут и верховая лошадь, и целые связки кур.

Там нет автомашин, от которых только пыль и вонь. Нет москитов, нет лавочников.

— Да, там куда лучше, чем на Таити...— вздохнул вождь.— А ведь прежде и здесь было так. Прямо в долине росли феи и много других редкостных бананов. Теперь, если и посадишь, все равно не растут. Едва поднимутся над землей, как их губит болезнь. Болезни, автомашины, лавочников — вот что принесли нам на Таити новые времена. Просто спасения нет.

Терииероо гордится своим островом и своим народом. Он может часами рассказывать про старину. Но он знает, что старому Таити пришел конец, и не любит новую культуру. Старается, насколько это в его силах, противостоять ее вторжению. Да только цивилизация сильнее. Цивилизация гофрированного железа...

Вождь не мог нам сказать, сдает ли кто-нибудь домик. Но он пригласил нас пожить у него, пока не выяснится вопрос со шхуной. Его дом — наш дом. Нет, нет, никаких возражений!

Что ж, стол великолепный! Вот только эта сырая рыба, так обильно политая растительным маслом...

— Ешь побольше плодов хлебного дерева,— посоветовал вождь Лив,— будешь здоровая и толстая.

— У тебя много детей? — спросила мадам Теринероо.

— Нет,— ответила Лив,— мы только что поженились.

Мадам запричитала: замужем — и ни одного ребенка, вот беда-то!

— Ну да и у меня их не так уж много,— утешила она Лив.— Поэтому мы усыновили еще двадцать восемь человек.

— Двадцать девять,— поправил ее вождь.

Супруга вождя сердито шлепнула черного поросенка, который истово чесал спину о мои изъеденные комарами ноги — к нашему обоюдному удовольствию. Поросенок взвизгнул и метнулся к двери, изогнув хвостик задорным крючком. У вождя Теринероо достаточно домашних животных, и они повадками ничуть не отличаются от своих сородичей в других концах света.

Если курица, вскочив на стол, примется клевать дорогое сердцу вождя феи, он взревет так, что кажется — сейчас усы отлетят, и грохнет кулаком по столу. Куры, кошки, собаки, поросята в панике удирают за дверь. А через несколько минут они уже опять тут, у стола, и все тихо-мирно.

Бедняжка Лив никак не могла осилить какой-то фрукт, напоминающий вкусом жареные калоши.

— А вот это что? — спросил я, показывая на бугристый плод в дальнем конце стола.

— Тапо-тапо,— ответил вождь; пока он смотрел в ту сторону, «калоша» исчезла в пасти свиньи, которая просительно глядела на Лив, положив на стол свое рыло-штепсель.

Мы не ленились расспрашивать. Что, да как, да почему... И супруги терпеливо все разъясняли, твердо убежденные, что в Норвегии растет только картофель и лед.

— Вуаля,— сказала мадам Теринероо, подавая нам щербатую чашку.— Это называется кофе, вкусно, пейте на здоровье.

Набив желудки до отказа, супруги плюхнулись на пол, на циновку из листьев пандануса, и тотчас уснули.

А мы побрели в сад и устроились отдыхать в тени мангового дерева. Умаялись...

Так один за другим проходили наши дни в долине Папену. Счастливые дни.

Вождь заключил, что наше неведение слишком велико, необходимо нас просветить. Он стал моим учителем, его жена — на-

ставницей Лив. Я должен был научиться добывать пищу, Лив — готовить ее. Добывание пищи сводилось в основном к лазанью по деревьям.

Вождь выбрал для урока невысокую кокосовую пальму возле дома. Вся семья вместе с домашними животными собралась вокруг нас, снедаемая любопытством. Я обнял ствол и, вспомнив детство, вскарабкался на метр — другой. Но когда я хотел спуститься, то почувствовал, что ствол, состоящий из колец с острыми краями, меня не пускает. Что делать? Висеть на пальме или, нежно обняв ее, ехать вниз?

Зрители покатывались со смеху. Я беспомощно болтался над их головами. А, была не была! Куры бросились врассыпную — бабах! — и я сижу на земле, весь в кровоточащих ссадинах.

Бурное ликование. Мадам Теринероо, трясясь от хохота, обняла ближайшее дерево, чтобы показать, как лазают европейцы. К несчастью для нее, это был банан, и тучная женщина в обнимку с хрупким стволом шлепнулась наземь *. Вождь едва не задохнулся от смеха.

Много дней спустя, когда ссадины зажили, я решил сделать новую попытку взобраться на пальму. Вождь велел одному из своих отпрысков показать мне, как это делается. Сам Теринероо, некогда первый богатырь на острове, был теперь слишком стар и толст.

Мальчуган обхватил ствол руками, уперся в него пятками, вытянул спину дугой и пошел — нет, взбежал, как обезьяна, до самой макушки!

На этот раз у меня получилось лучше. Мало-помалу я добрался до огромных листьев, среди которых большими гроздьями висели орехи. Я попытался сорвать один орех, но он был словно привязан стальной проволокой. Вдруг в кроне что-то загудело, и на меня бросилась тысяча бесов. Миг — и я опять сижу на земле. Правда, на этот раз без единой ссадины: научился лазить на полинезийский лад!

— Ты почему так быстро спустился? — спросила Лив.

— Манупатиа,— объяснил вождь,— жалящая птица.

Увы, корабли доставили сюда также и осу...

— Будь всегда осторожен наверху,— поучал меня Теринероо.— В кронах часто прячутся ядовитые тысяченожки — огромные, длиной с твою ладонь. Они жалят куда злее, чем осы. Но уж лучше

* У банана ложный ствол. Банан — многолетняя трава, от толстого корневища отходят листья с влагалищем, которые, облегая друг друга, и образуют ложный ствол.

пусть ужалит, чем от страха выпускать из рук ствол! Укус можно вылечить луком или лимонным соком.

После скоростного спуска я обнаружил, что ноготь на большом пальце ноги посинел и отстал. Вождь вызвался врачевать меня. Ноготь нужно совсем оторвать, чтобы новый рос правильно, заключил он. Я сел на пол террасы и задрал ногу кверху. Вождь Теринероо уцепился за ноготь и дернул его, вложив в этот рывок все свои сто двадцать пять килограммов. Сияя, он показал мне оторванный ноготь. Кровь капала на пол; вождь стер ее ваткой, той же ваткой прочистил ранку. Потом обдал мой палец кипятком — операция окончена.

На кухне под навесом супруга вождя и Лив что-то размешивали в огромном котле: шел урок домоводства, только плиту заменял каменный очаг посреди земляного пола. Разведут костер, камни накалятся, и на них, погасив огонь, можно жарить и печь.

Вот и сейчас между камнями торчали свертки из листьев, в которых лежало какое-то невиданное тесто, а Лив и мадам сновали вокруг очага, среди кошек и кур, размахивая прутиками, пальмовыми листьями и здоровенными секачами.

Предоставив женщинам заниматься своим делом, мы с вождем пошли потолковать о переменах, которые несут с собой новые времена. В углу террасы стоял рабочий стол; когда местные жители приходили к вождю со своими ходатайствами, он принимал их, возвышаясь над горами старых бумаг, писем, календарей и соломенных шляп, рядом с которыми можно было найти пузырьки с лекарствами, вату, жестяные коробки, треснувшую чашку, зонт, крахмальный воротничок...

Дом Теринероо, наполовину закрытый цветущим и благоухающим кустарником, стоял близко от дороги. Не отрываясь от работы, вождь мог видеть проходящих. Он приветственно махал прохожим, обменивался с ними шутками. «Заходите, пообедаем!» — кричал он. «Спасибо, уже»,— отвечали они, шагая дальше. Прежний гостеприимный обычай теперь стал просто вежливой фразой. Это уже не приглашение, а приветствие, вроде нашего «здравствуйте».

То и дело мимо проносились автомобили, битком набитые горластыми туристами, которые наслаждались природой, так сказать, на ходу. Мы успевали заметить только тропический шлем, блеск очков и фотоаппаратов, нередко — украшенную цветами вахину с сигаретой в зубах и мандолиной. Миг — и нету, скрылись в вихре пыли и выхлопных газов. Счастливые обладатели путевки в рай спешили до ночи вернуться в Папеэте.

Дни складывались в недели, а мы все жили в долине Папену. Никаких вестей с маленькой шхуны, которая должна была доставить нас на уединенные острова под экватором. Мы лазили по горам среди зарослей папоротника, купались в бурных речках под сенью пальм. Вместе с вождем ходили в лес за плодами, гуляли на солнечном морском берегу.

Как раз напротив устья долины Папену в барьерном рифе есть проход, и прибой здесь с рокотом обрушивается на берег. Словно грохочет обвал — это галька перекатывается в такт набегающим волнам. А по верху галечного вала, накаленного лучами солнца, разбросаны великолепные изделия самой природы. Вперемежку с плавником, прелыми водорослями, камушками лежит множество раковин, одни — переливающиеся всеми цветами радуги, другие — выбеленные солнцем и морем. Лежат кораллы, пестрые губки, высушенные морские животные, скорлупа кокосовых орехов.

Когда нам становилось невмочь на жарком берегу, мы забирались под дерево, пробивали дырку в зеленом кокосовом орехе и пили кокосовое молоко, самый чудесный в мире освежающий напиток. Ну чем не рай?

Вот вверху на шоссе, окаймляющем весь остров, загремела телега. Возница дудит в огромную раковину — подходите за хлебом! Чудный хлеб — кислый, с печеными мухами...

Очень нужно! Над нами тянулись к небу пальмы, а на них — огромные орехи. Сытная и здоровая пища, вкусная и дешевая.

Но на Таити теперь не едят кокосовых орехов. Их вывозят тысячами тонн в виде сушеной копры.

Издали доносился голос раковины.

Теперь едят хлеб...

Вождь Теринероо а Теринероотераи ревностно соблюдал старинные обычаи.

Однажды он созвал гостей на большой пир. Резали свиней, собирали плоды хлебного дерева. Таитянский пир. По какому поводу? Вождь решил нас усыновить! Нам предстояло стать детьми Таити, получить полинезийские имена. Плели гирлянды из цветов; кур и поросят выставили за дверь. Какие имена для нас придумали? Во всяком случае попроще наших норвежских имен. Ведь это же невозможно произнести — «Лив» и «Тур». Язык сломаешь.

И вот мы, одетые в наши лучшие наряды, увешанные цветами, восседаем за столом. Начинаются крестины.

Я взглянул на супругу вождя, которая сидела в углу, воздавая

должное соусу. Ее благозвучное имя Фауфау Таахитуэ означало: «Некрасивая. Ноги большие, как океан».

Сам вождь сидел рядом с ней, улыбаясь во весь рот. Крестники, то есть я вместе со своей женой, занимали почетное место во главе стола. Широченная соломенная шляпа все время съезжала Лив на лоб, и она, ничего не видя, без конца совала себе в рот жареные «калоши». Тропический шлем сочли неподходящим для столь торжественного случая. Но и совсем без головного убора тоже нельзя. Вот почему на голову Лив нахлобучили огромную шляпу жены вождя, украшенную пустыми раковинами. Стоило Лив сдвинуть головной убор набекрень, как «Ноги большие, как океан» тотчас подбегала к ней и поправляла шляпу. И бедняжка опять тянула с блюда «калошу».

Рядом со мной, облаченный в пиджак и шорты, почесывая икры пальцами босой ноги, сидел священник. Дальше — нарядные вахины и смуглые богатыри. Украшенный цветами и зеленью стол ломился под тяжестью огромных блюд.

Мы ели и пили. Здесь царила полная свобода. Разрешалось есть суп пригоршнями и класть ноги на стол, посыпать свинину сахарным песком и вылавливать цыплят из чая. За еду благодарили тоже по-своему; сразу было видно, что все наелись до отвала!

Все чокнулись с нами свежими кокосовыми орехами. Так произошло крещение.

Под яркозвездным небом Таити плавно качались пальмы. Луна испестрила серебристыми бликами огромные блестящие листья. При ее свете можно было даже различить гроздья бананов. Небо было совершенно чистое. И мы получили имя: господин и госпожа Чистое Небо.

Сытые и веселые гости расходились по своим домикам в красивой долине. Отныне мы были для них «свои». И у нас наконец-то появилось приличное имя: Тераи Матеата Тане * и Вахине.

---

* Тане — мужчина.

Глава вторая НА КОРАЛЛОВЫХ ОСТРОВАХ ТУАМОТУ

Шхуна — переносчик культуры. На Такапоту. Главная достопримечательность кораллового островка. Лов рыбы в «аквариуме»

Парусная шхуна «Тереора», приписанная к Таити, выходила из лагуны порта Папеэте. Серые стены лавчонок и красные черепитчатые крыши так называемых отелей постепенно скрылись за пальмами. Могучий голос великого океана, неустанно штурмующего риф, наконец-то заглушил хриплые автомобильные сирены и пронзительные велосипедные звонки.

Мы снова качаемся в открытом море. Идем вдоль заветного острова Таити, края мечты, жемчужины Южных морей. Вдоль маленького южноморского рая, который манит взор пышным зеленым убором и кажущейся дикостью, а на деле весь источен извращенной культурой.

Прощай, Таити. Теперь наш путь лежит на Фату-Хиву, цель наших стремлений. Папеэте, последний форпост цивилизации, позади, утонул в темно-зеленой гуще тропического леса. А вот и весь Таити отодвинулся к горизонту, погрузился в океан, исчез.

Валы игриво швыряли маленькую шхуну. Мы отыскали себе местечко на палубе среди полинезийцев. Компания была веселая: тучные мамаши и голосистая ребятня, седые деды и пылкие вахины. Звуки укулеле, горнов и труб; корзины с курами, рыбой, бананами; запах копры, брильянтина и океана; мешки, ящики, телята, поросята... И горы фруктов. А в центре всего этого — мы.

Нашими спутниками были уроженцы коралловых островов архипелага Туамоту. Они ездили на Таити «в город» и теперь возвращались домой. А двое направлялись на Маркизский архипелаг.

Единственным кроме нас европейцем был старик капитан Брандер, добродушный седой морской волк, некогда закончивший колледж в Англии. Он получил превосходное образование и знал Европу не хуже, чем Таити. Уже много лет он курсировал между

живописными островами Южных морей, попивал виски, водил свою шхуну и нигде не сходил на берег, за исключением Папеэте, где был его дом. Капитан Брандер презирал цивилизацию, и, однако, он помогал распространять ее на островах. Он был в плену очарования этого края, но никогда не сходил на берег, чтобы насладиться его природой. Удивительный человек, великолепно знающий Южные моря и то, какая судьба ждет этот край, он понимал, что полинезийцы уже вкусили «благ культуры» и теперь никто не сможет остановить цепной реакции, даже старый капитан Брандер. Он сразу пришелся нам по душе.

«Тереора» была торговым судном. Брандер занимал должность капитана-судоводителя; деловой стороной заведовал таитянский коммерсант Теодор, человек могучего телосложения, смекалистый и приветливый. Он носил титул суперкарго *, обожал деньги и обладал незаурядными коммерческими способностями. Шхуна скупала на островах копру, причем островитяне, получив за свой товар деньги, тотчас шли на судно, чтобы истратить их на покупки. В итоге шхуна выручала двойную прибыль.

— Нелепо, но они сами так хотят! — говорил капитан Брандер.— На что им, этим чудакам, трехколесный велосипед, швейная машина, белье, лосось в масле? Ни к чему, ей-богу, ни к чему. Но каждому хочется переплюнуть соседа — дескать, у меня есть стул, а ты сидишь на полу. И сосед тоже спешит купить стул, а в придачу еще что-нибудь, чего нет у его приятеля... Запросы растут, а с ними и расходы. Чтобы добыть денег, без которых они вполне могли бы обойтись, островитяне занимаются неприятной работой — заготовкой копры. На каждом острове множество пальм, с них круглый год сыплются спелые орехи. Пальмы, так сказать, несут золотые яйца для владельца участка. Одни обогащаются, другие остаются бедняками; правда, голодать и нищенствовать никому не приходится. Есть среди островитян миллионеры, если их доходы перевести на французские франки. И все состояние тратится на гофрированное железо и оконное стекло. Везти приходится издалека, доставка очень дорогая. Вот у нас в Европе говорят: «Купаться в шампанском». Здесь роскошь — умываться с мылом. Да они в нем и не нуждаются. У них есть кокосовое масло и морская вода. Сотни лет обходились без мыла, и кожа у них — лучшая в мире. Так нет, подавай им мыло! И это еще самая разумная из их покупок. Зайдешь в дом — стоит кафельная печь. Без

* Суперкарго — лицо, ведающее грузом на судне; обычно он второй помощник капитана.

дымохода, без трубы, хозяин даже не знает, как с ней обращаться. Зачем она ему? Здесь тепло круглый год. И стоит эта печь — из самой Европы! — на радость хозяину. Покосилась, заржавела, зато соседи завидуют. Зачем мы торгуем такими вещами?.. А не мы, так другие привезут, лишь бы брали...

День за днем плыла наша скорлупка по вечно беспокойному океану. Совсем недавно мы лихо пересекали его из края в край указательным пальцем. Теперь измеряем безбрежные просторы днями.

Спали мы на крыше маленькой каюты, под звездным небом, на свежем воздухе. На ночь привязывались веревками, потому что, когда шхуна врезалась в волну, нас могло смыть. Внизу, под палубой, для воздуха места не было — все заняли товары и кашляющие пассажиры.

...Плывем, качаясь, сквозь густую тьму. Рядом, играя на укулеле и напевая, лежат молодые вахины. Им по душе нехитрые мелодии Южных морей, джаз их не привлекает. Как чудесно звучат их маленькие укулеле, перенося нас в полинезийскую старину, придавая особое очарование ласковым, теплым ночам.

Лежа на спине, мы слушаем, слушаем... Верхушка мачты, словно маятник, качается среди тропических созвездий. Небольшой фонарь бросает красноватый свет на закутанные фигуры вокруг нас. Кто спит, кто поет. Хорошо видно энергичное лицо рулевого. Брандер отдал необходимые распоряжения и ушел спать. Руль в надежных руках таитянского парня. Удары волн о борта... Плеск воды... Треньканье укулеле... В каюте — кашель, стоны страдающих морской болезнью...

Вперед, только вперед, курсом на Такапоту!

И вот однажды утром...

Солнце, вынырнув из Тихого океана, озарило белые паруса шхуны. Блестящими стайками вспархивали, уходя от нас, летучие рыбки. Погруженный в приятную полудремоту, я наслаждался удивительными красками неба на востоке. Вдруг кто-то толкнул меня в бок, еще кто-то наступил на ногу. Земля!

Да, вот он, во всем великолепии утренних красок, первый коралловый островок! Не высокий и скалистый, как Таити, а словно стая чаек качается на воде. Собственно, самый остров еще и не видно, появилась лишь цепочка пальмовых крон. Ближе, ближе — и вот уже засверкал в солнечных лучах белоснежный пляж.

Едва «Тереора» бросила якорь, как на берегу собрался народ. Мы пробились на шлюпке через кипящие буруны и пошли к суше вброд. До чего же теплая вода!

— Иа ора на! Иа ора на! — неслось со всех сторон.

Мы отвечали тем же: «Иа ора на!» Словом «здравствуйте» исчерпывалось все наше знание местного языка. А здесь в отличие от Таити никто не говорил по-французски.

Толпа смуглых островитян увлекла нас к хижинам, приютившимся под деревьями. И вот мы сидим на лавке, окруженные восторженными зрителями. Не каждый день остров Такапоту в архипелаге Туамоту посещали европейцы.

Было очевидно, что им не терпится побеседовать с нами.

— Иа ора на! — робко произнес я еще раз.

— Иа ора на! — радостно ответили островитяне.

Мой словарный запас кончился. Но что-то надо говорить!

— Таити.

— Ай-ай! Оиа хамаи Тахиди,— радостно подхватили они.

Снова заминка. Я поглядел на небо, поглядел на островитян, которые ждали следующей реплики. Потом бессильно усмехнулся. В ответ грянул такой дружный хохот, что мы чуть не свалились с лавки. Смех затих, опять выжидательная тишина.

— Маркизы,— заговорил я.— Маркизы, Таити, Европа, Гавайи...

В следующий миг завязалась такая оживленная беседа, что в общем гаме мы преспокойно перешли на родной норвежский язык.

А затем мы окончательно опростоволосились. Из толпы островитян выскользнула вахина и предложила нам вскрытый кокосовый орех. Изнывая от тропической жары, мы жадно прильнули к нему и с наслаждением проглотили содержимое. Ух ты, как здорово!

О ужас! Площадка вокруг нас вдруг опустела, через секунду на землю посыпались с пальм орехи. Каждый — каждый! — нес нам орехи: пейте! На Такапоту не принято отвергать дары. И мы пили, пили, пили...

Часом позже, окруженные полинезийцами, мы брели в глубь чащи. Они поторапливали нас жестами, им явно не терпелось показать что-то из ряда вон выходящее. Остров — как блин, сухой, раскаленный солнцем, но красивый! С пальм скатывались огромные крабы и мигом исчезали в море. Крабы — «пальмовые воры», они карабкаются на деревья и крадут кокосовые орехи!

Под ногами хрустели раковины и кораллы. Мы не могли наглядеться на местные чудеса. Но вот мы у цели, и островитяне, сияя, указывают нам на свой главный аттракцион. Мы взглянули и... нас охватило беспокойство, успело ли кокосовое молоко перевариться в наших желудках. Перед нами между пальмами стоял потрепанный автомобиль. Впереди торчала заводная ручка.

Нас вежливо усадили в автомашину, и она запрыгала по орехам и раковинам. Прыг-трах, трах-прыг, прыг-трах... Следом мчались ребятишки. Мы миновали две пальмы, свернули за угол бамбукового сарая, проехали вдоль курятника, обогнули хлебное дерево и вернулись к старту. Экскурсия окончена, шофер востребовал мзду, можно пешком возвращаться на «Тереору». Таитянин, владелец маршрутного такси, которое ходило вокруг хлебного дерева, жил на Такапоту как король.

На «Тереоре» плата взималась не за километры, а за дни. К тому же Теодор был страстный рыболов. Стоило ему увидеть на горизонте остров, как он тотчас правил туда, чтобы порыбачить у берега. Вот почему однажды ночь застала нас в лагуне острова Такароа. Луна еще не вышла из-за пальм, но мы спустили на воду шлюпку и сели в нее, захватив керосиновый фонарь. Предстояла охота на акул.

Отойдя от шхуны, бросили якорь. По поверхности моря разбежались искры. Мы стояли возле самого рифа в том месте, где море соединялось с лагуной. Вверху — Южный Крест, внизу — черный как смоль силуэт острова с яркими пятнами костров: местные жители рыбачили с острогой. Издали глухо доносился рокот бурунов.

Глаза, привыкнув, различали на берегу очертания разбитого корабля. Среди гибких пальм удивительно прямо торчали четыре мачты. Неподдельная романтика Южных морей!

Когда я закинул удочку, на дне лодки уже бились две огромные рыбины — ярко-красная и светло-голубая. Наши смуглые товарищи знали свое дело. А сам начальник экспедиции замер, держа леску из стальной проволоки. Он подстерегал акулу. Лив сидела как на иголках.

Клюет. Да еще как! Что-то я вытяну из этого черного аквариума? Мелькнуло зеленое, голубое... Рыба с клювом! Рыба-попугай! И дальше — что ни рыба, то новость. Одна была сплошь покрыта длинными шипами. У другой голова как бы сливалась с хвостовым плавником.

Ого! Мы даже подскочили — старик тянул леску, напрягая все свои силы. Акула! Мы бросили свои удочки и вооружились топорами. Вот что-то забилось у самой поверхности. Фонарь сюда!.. Показалась маленькая уродливая голова. Ну и чучело! Полинезийцы вскрикнули и поспешно потравили леску. Потом, взяв в руки копья, снова стали ее выбирать. Опять эта странная голова! И при свете вышедшей из-за пальм луны разыгралось удивительное представление: рыбаки кричали, кололи копьями...

Наконец мертвое чудовище, исколотое копьями, изрубленное топорами, скользит через борт в лодку. Голова... голова... А где же тело? И мы узнали, что это не акула, а огромная мурена. Самый опасный обитатель Южных морей лежал комом бурого студня у наших ног. В разинутой пасти торчали острые как бритва зубы, способные одним махом перекусить руку человека. Мурена попадается редко, и это единственная морская тварь, которой островитяне по-настоящему боятся. Акулы? Мы видели, как полинезийцы купаются по соседству с ними.

Лов продолжался. Рыба все прибывала, попалась даже маленькая акула. Вдруг мы снова подскочили от воинственного крика. Вот теперь дело серьезное! Лодка скрипя накренилась; под смуглой кожей старика играли тугие мышцы... А в черной воде мелькало что-то белое — брюхо огромной рыбины. Вода бурлила под страшными ударами — вот она, вот она, зверюга! А вот уже с другой стороны! Смотри, Лив, с другой стороны! Будто грохнул выстрел — на борт обрушился удар акульего хвоста. Да, вот это рыбалка!.. Лодка качалась среди фонтана брызг. В голову акулы вознился топор. Рраз!.. два!.. три... Удары о борт прекратились.

Простись, акула, с Тихим океаном.

Глава третья УЕДИНЕННЫЕ ОСТРОВКИ

Древнее царство каннибалов. Где высаживаться? Одни на незнакомом берегу. Сын швейцарца и полинезийки. Омоа — райская долина. Дикий сад. Мы расчищаем участок в лесу. Бамбуковая хижина готова!

Экватор рядом, и «Тереора» спешит, спешит к цели, подгоняемая свежим пассатом. Уже целую неделю мы видим только пустынный океан, только волны и небо...

Но вот рано утром из-за горизонта вместе с солнцем вынырнули наконец долгожданные острова. Из воды торчали крутые неприступные вершины. Могучие валы, исступленно рокоча, обрушивались на нежданное препятствие.

Не очень-то гостеприимно выглядят острова издали... Будто развалины гигантских замков, а облака, цепляющиеся за вершины,— словно дым. Внушительное зрелище. И красивое.

Остров появился и ушел за горизонт, но на смену ему показывается следующий. Голубая океанская гладь отделяет их друг от друга, а у берега вода зеленая, как трава: ее окрашивает планктон, который питается тем, что смывают с берега волны. Зеленое пастбище притягивает косяки рыбы, преследуемые неугомонными дельфинами.

Птицы стаями сопровождали шхуну и пикировали на рыбу, соблазненную нашими удочками.

Мы подошли вплотную к берегу и с первого же взгляда убедились, что в самом деле попали в благодатнейший уголок Южных морей. По склонам долин, глубоко врезанных в горный массив, взбирались вверх такие пышные леса, такие роскошные пальмы и деревья, что лучшая оранжерея мира показалась бы жалкой рядом с ними.

Словно лепешки исполинского мха, лес облепил вершины. Оттуда он по уступам и расщелинам скатывался вниз, расстилаясь в долине густым ковром зеленых куполов и вееров. Казалось,

именно эта зелень окрасила воду. Зелень на суше, зелень в море... Но горы были красные, а небо голубое, как океан.

Не одна лишь тропическая жара создала эти плавучие оранжереи. В глубине островов к самому небу вздымались пики, которые перехватывали тучи и выжимали из них дождь. Быстрыми ручьями и речушками дождевая вода бежала по скалам, через лес и долины в зеленый океан. Время сильно источило рыхлые горные породы. Глубокие пещеры, подземные реки, причудливые скульптуры, острые шпили превращали каждый остров в сказочное царство. В этом царстве нам жить! Сойдем на берег и углубимся в таинственный лес, а «Тереора» устремится дальше...

Лежа на животе, вооруженные биноклем, мы пытались проникнуть взглядом в чащу, которая будет нашим домом. Красиво, угрюмо, пустынно... Безлюдье, тайны на каждом шагу...

Брандер посматривал на нас, завороженных невиданным зрелищем. Перед лицом могучей безмолвной природы мы чувствовали себя очень маленькими. И не могли глаз оторвать.

— До чего же мрачно,— произнес капитан Брандер.— Эти дебри, эти горы — они так давят на человека. Возвращайтесь-ка вы с нами.

Но теперь, когда мы достигли цели, разве можно было нас отговорить!

Брандер клялся, что мы еще пожалеем, когда останемся одни. Местные жители, немногие, которые еще уцелели, такие же угрюмые, как эти долины. Европейцев на Фату-Хиве нет. И нет никаких надежд покинуть остров, пока через месяц или два не вернется шхуна. Горы и море отрежут нас от всего света.

Но Брандеру пришлось уступить. Мы твердо стояли на своем. Поворачивать — поздно. Сдаваться — рано.

Мы потратили целую неделю на то, чтобы обойти весь архипелаг. Осмотрели все острова и удостоверились, что дóма, изучая карту, листая справочники и пыльные тома, сделали удачный выбор.

Итак, перед нами Фату-Хива, самый красивый и живописный из островов Маркизского архипелага.

— Где вас ссадить? — спросил Брандер, показывая на дикий берег.

— У вас есть карта? — вопросом ответил я.

Карта нашлась, но на ней были показаны только контуры Фату-Хивы.

— Что ж, давайте осмотримся,— предложил Брандер и велел править вдоль берега.

Отвесные скалы обрывались в пучину, отороченные внизу кипящим прибоем. Но кое-где стена расступалась, и мы видели уходящие в глубь острова райские долины. Плывя по темно-зеленой оборке Фату-Хивы, мы ощущали дыхание дебрей.

Брандер и Теодор стояли у поручней, расспрашивая полинезийца, местного жителя. Сами они, хотя много лет и плавали в этих водах, видели остров лишь с моря... Нужно подыскать долину, где мы можем поселиться. Первое требование — питьевая вода.

Вот среди гор раскинулась красивая широкая долина. У входа в нее над лесом высятся могучие изваяния, выполненные самой природой. Вдоль галечного пляжа выстроились хижины, крытые пальмовыми листьями. Стоят сарайчики для лодок местных жителей.

— Ханававе,— объяснил Брандер.— Вдоволь питьевой воды в речке, изобилие фруктов. В деревне — полсотни жителей.

Лив загорелась. Она хотела тотчас сойти на берег. Но Брандер покачал головой.

— Нездоровый климат,— сказал он.— Страшная сырость, влажный воздух, в деревне всякие болезни. Еще заразитесь. Слоновая болезнь здесь — истинное бедствие.

Ханававе замкнула свои исполинские каменные ворота, а мы продолжали путь вдоль обрывистого берега. Одно за другим сменялись тесные ущелья и расщелины, до краев наполненные зеленью. Но ни воды, ни места для жилья... Ага, вот чудесный бережок, густой лес!

— Аоэ теваи,— объявил островитянин.

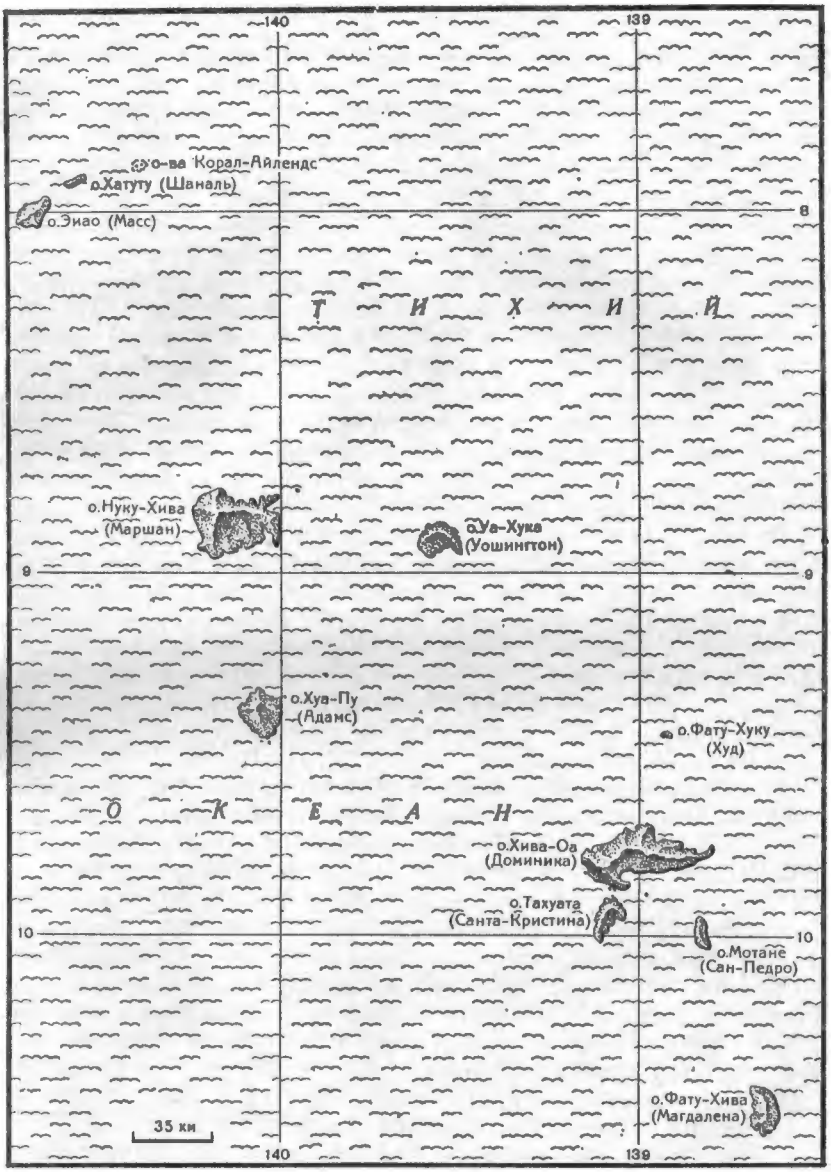
Нет питьевой воды.

И опять долины меж высоких круч. В одной нет воды, в другой так темно и тесно, что невозможно жить.

А вот тут и красиво, и питьевая вода есть! Исполнение нашей мечты? Увы, и в эту долину — она называлась Ханауи — проникла слоновая болезнь. Два искалеченных ею старика — вот и все население Ханауи.

Последняя долина, Омоа. Широкая, просторная, тянется до самого сердца острова. Красиво — залюбуешься! Вдоволь фруктов, достаточно питьевой воды. Наряду с Ханававе это единственная на Фату-Хиве большая долина. Но в деревушке у самого моря — люди, около сотни островитян... Правда, выше в долине никто не живет.

«Тереора» бросила якорь в заливе, обрамленном скалами и зелеными холмами. Вгрызаясь в горный массив, извиваясь среди острых шпилей и утесов, Омоа упиралась своим верховьем в отвес-



Маркизские острова

ную кручу, на которую лес уже не мог взобраться. Дно долины покрывали густые, пышные заросли.

— Здесь, либо нигде,— сказал Брандер, указывая на долину Омоа.— Вы все посмотрели, выбирайте. Может, вернетесь?

Брандер нарисовал на бумаге план острова. Очертаниями Фату-Хива напоминает бобовое зерно. Капитан провел черту с севера на юг и объяснил, что по этой линии остров сечет крутой хребет, который отделяет восточную часть от западной. Западное побережье мы видели — это подветренная сторона, здесь пышная растительность. Восточное побережье не стóит и осматривать. Оно засушливое, почти безводное, почва неплодородная. Там все долины безлюдные, и корабли давно туда не заходят. На шлюпке не высадишься — сильный ветер, сумасшедший прибой. Неоткуда ждать помощи, некому подать сигнал, будете словно в могиле.

— Охотно заберу вас на обратном пути! — крикнул нам вслед Брандер, когда мы спустились в пляшущую на волнах шлюпку.

Никогда не забуду особое чувство, которое я испытывал, ступив на берег... Вот уже шлюпка прорвалась обратно через бушующий прибой и вернулась к «Тереоре». Мы видели, как нам машут, прощаясь, капитан Брандер и другие. Якорь поднят, белые паруса летят к горизонту. Крохотная точка скрылась вдали, а мы все глядим, глядим... Наконец, обернулись к долине, к пальмам. Здесь будет наш новый дом.

Одни на неведомом берегу. Назад пути нет. Не знаем края, не знаем народа, не знаем языка... Стоим каждый со своим чемоданчиком и думаем: что дальше?

И мы пошли к лесу. Настроение было отличное, мы всем своим существом предвкушали жизнь, полную приключений. Жаркое солнце, щебет птиц, благоухающие цветы. Мы взглянули на кроны пальм. Голод нам не грозит — вон сколько кокосовых орехов!

Под пальмами, пристально нас изучая, стояли смуглые островитяне. Стояли молча. И смотрели. Несколько человек в набедренных повязках, на остальных — рваная одежда.

Сморщенная старуха заговорила первой. Какая певучая речь, сплошные гласные! Совсем не похоже на таитянский язык. Мы пожали плечами и засмеялись. Старуха покатилась со смеха. Кто умеет смеяться, сумеет и объясниться!

Набравшись храбрости, женщина подошла к Лив, облизнула свой длинный, тощий указательный палец и провела им по ее лицу. Лив от страха онемела, а старуха покрутила палец перед глазами и широко улыбнулась: белый цвет оказался естественным!

Позднее мы узнали, что я не вызвал у них никаких сомнений, а вот Лив они приняли за переодетую таитянку в белом гриме. На Фату-Хиве считали, что в Европе вовсе нет женщин. Ведь сколько ни приходило шхун, на них было полно белых мужчин — и ни одной женщины. Всегда белые мужчины шли к смуглым вахинам, и никогда к смуглым островитянам не приходили белые женщины!

Ночь выдалась кошмарная. Нам пришлось спать в лачуге из листового железа, было жарко и душно, как в печи. Лачуга принадлежала метису — сыну швейцарца и полинезийки. Его звали Вилли Греле, он был местным аристократом и отлично зарабатывал на копре. Покойный отец Вилли дружил с Полем Гогеном *, который жил на соседнем островке Хива-Оа и там же похоронен. Вилли безупречно владел французским языком; впрочем, говорил он очень мало, будь-то по-французски или по-полинезийски. Жил замкнуто, на коренных островитян смотрел свысока и редко покидал остров.

Как ни любил Вилли Греле деньги, он старался быть честным. Островитяне с почтением относились к его богатству. В подвале у Вилли был своего рода «магазин», где он выдавал товары в обмен на копру. Какие товары? Спички, рубахи, муку, рис, сахар. Выбор небогатый, да и этих запасов хватало ненадолго. Магазин открывался только на закате, когда хозяин приходил домой с работы. Он трудился не покладая рук, заготавливал копру и был к тому же рьяным охотником; остров знал как свои пять пальцев.

Вечером мы при свете керосиновой лампы долго обсуждали свои планы. Вилли смотрел на нас как на диковинных зверей, но совет все же дал. В верхней части долины Омоа, говорил он, в сердце острова, куда редко заходят местные жители и где леса изобилуют фруктами, находится именно то, что нам нужно.

Под железной крышей, наглухо отгороженные от всякий романтики, мы всю ночь промечтали о вольной природе, которая нас окружала. Эх, заживем на свободе! Сколько увлекательного нас ждет, сколько неведомого!

Вообще доступ белым на остров был закрыт. Судам разрешалось стоять на якоре в заливе не больше двадцати четырех часов. Не знаю уж, как это получилось, но французское правительство выдало нам разрешение на въезд и известило об этом местного вождя...

Глухой рокот прибоя поминутно напоминал нам, что мы находимся на уединенном островке. В Тихом океане...

---

* См.: *Б. Даниельссон.* Гоген в Полинезии. М., 1969 *(прим. ред.).*

Пестрые пичуги пели ликующий гимн солнцу, когда мы утром следующего дня зашагали вверх по долине. Мы шли по старой заросшей тропе, уводящей прочь от деревни. Нам хотелось найти пристанище в глуши, подальше от поселения, от заразных болезней. На ходу мы помахали островитянам, которые купались в мутной речке. Из этого же потока они брали воду для питья. Никто не говорил им, что такое инфекция.

Выше деревни речка была чистой и прозрачной. Протоптанная в рыхлой красной почве тропа переходила с берега на берег по большим камням. Если рай существует, то здесь для него самое подходящее место... Пальмы, журчащий ручей. Сюда бы еще густую траву и цветочный ковер, к которым я привык в Норвегии! Но под сенью пальм и других невиданных растений для травы не хватало света. Лес, цветущая долина, горы — чудо как хороши. А внизу ничто не радует глаза. Папоротник, сгнившие стволы и лишь местами длинные космы жидкой травы, бессильной прикрыть землю.

Зато как поднимешь голову — не наглядишься! Деревья и пальмы вечно зелены. Одни цветут, на других появляется завязь, а на третьих уже созрели плоды. Склоны долины заняты дикими зарослями, а на дне ее — сплошной сад. Вот огромный ярко-зеленый стебель банана с растопыренными кверху толстыми листьями. Одиноко свисает банановая гроздь; недозрелая, она выглядит худосочной, бледной, но зато как поспеет, станет желтой, пышной, с причудливым цветком внизу.

У бананов различный вкус, некоторые напоминают землянику. Мы насчитали семь видов. Одни плоды длинные, с руку — их варят или жарят, другие — совсем маленькие, почти круглые. Скажу особо о феи — редком горном банане. В этой долине он рос в изобилии. Его красивые грозди не свисают вниз, а торчат над стеблем. Феи варят, он очень питательный и вкусный.

Выше всех вздымался твердый, прочный ствол кокосовой пальмы; к самому небу он вознес косматую крону с множеством крупных, тяжелых орехов.

Более скромно и привычно выглядит апельсиновое дерево. Его ветви покрыты небольшими листьями, среди которых гроздьями и поодиночке пристроились плоды, мелкая зеленая кислятина и огромные желтые шары, превосходящие сочностью и ароматом все, что мы когда-либо ели дома. Вот еще деревца, поменьше, на них лимоны...

Попадалось и хлебное дерево, напоминавшее дуб с исполинскими листьями. На его ветвях висели тяжелые зеленые плоды

величиной с голову ребенка. Плоды хлебного дерева пекут; вкусом они напоминают одновременно картошку и свежий хлеб.

А вот манговое дерево. Густая широкая крона пестрит красными, желтыми и зелеными плодами разной величины — есть с яйцо, есть с кулак. Если снять кожуру, видна сочная оранжевая волокнистая мякоть, которая облекает большую косточку. Сок приятный, освежающий, с привкусом хвои.

Тонкий прямой ствол, вверху огромные листья на длинных черешках — это папайя. Ее плоды, напоминающие видом дыню, свисали вниз между черешками. Нагни гибкий ствол и собирай.

Между пальмами и плодовыми деревьями — заросли кофейного кустарника с красивыми красными ягодами, внутри ягод — кофейное зерно. Ваниль причудливо обвивала пальмовые стволы, соперничая с растением, которое мы назвали «воздушным картофелем», потому что его плоды, висящие на длинных нитях, в самом деле напоминали картофель! Много было незнакомых нам сказочных растений, но кое-что мы узнавали. Уроки вождя Терииероо па Таити не прошли даром.

Некогда долина была возделанным садом, теперь она заброшена, и плодовые деревья растут неухоженные, вперемежку с дикорастущими. Всюду попадаются старые развалины, покрытые мхами и папоротником. Когда-то здесь жили тысячи людей. Полвека назад оставалось всего семьсот. А ныне последние фатухивцы, ровным счетом сто человек, покинув долину, сгрудились в деревушке на берегу. И там, где, бывало, людям не хватало пищи, теперь гниет множество плодов.

Пройдя далеко вверх по долине, мы расстались с речкой и поднялись по склону к опушке леса. Здесь из земли, прикрытый огромными листьями, бил единственный родник. И здесь же кончалась тропа; дальше она совсем заросла.

С нами шел Иоане, родственник Вилли; он рассказал, что когда-то в этом месте был дворец короля.

Прабабушка Иоане была последней местной королевой перед тем, как остров аннексировала Франция. От нее ему досталась в наследство эта часть долины. Хотя людей мало, на острове нет такого клочка земли, который не принадлежал бы кому-нибудь. Вся площадь разделена и передается по наследству, и горе тому, кто стащит банан на чужом участке. Если поймают на краже, доложат вождю...

Дебри поглотили площадку, на которой в прошлом стоял дворец. Пришлось прорубать себе путь в зарослях. На каждом шагу мы проваливались в выложенные камнем ямы, закрытые сверху

сплетением ветвей и тугих корней. Ни один луч солнца не проникал сквозь густые кроны в это царство комаров и мокриц. Зато превосходная родниковая вода, изобилие плодов и полное уединение; до ближайшего дома — четыре километра. Да и стал бы разве король выбирать себе плохой участок?!

Иоане назначил очень умеренную арендную плату. Мы получали право расчищать участок, строить на нем и собирать плоды сколько влезет. Налог, который надлежало уплачивать вождю, был символическим.

...Солнце зашло, мы одни в лесу. Лив впервые в жизни сама испекла на углях плоды хлебного дерева. Поужинав, мы забрались в свою маленькую палатку, которую поставили под сенью исполинских листьев. И только комары портили всю идиллию.

В эту первую ночь нам многое казалось загадочным. Кто это кричит таким противным голосом, прыгая по палатке? То заквакает лягушкой, то щелкает рябчиком. Кто-то затеял возню в лесу поодаль. Дикие свиньи? Выше по склону как будто ухает филин, а вот совсем рядом кот замяукал...

Вдруг мы услышали чьи-то шаги, зашуршали листья, хрустнула веточка. Остановился. Опять идет! Возле самой палатки замер. Мы слушали с колотящимся сердцем.

Кто бы это мог красться в лесу среди ночи, кто сейчас подстерегает нас возле палатки? Воображение рисовало нам злобного островитянина с копьем в руке. Или с большим камнем. У полинезийцев нет никаких причин любить белых, к тому же обитатели Фату-Хивы еще недавно были людоедами...

У нас не было никакого оружия. Я заорал и выскочил из палатки наружу. Не знаю, кто сильнее перетрусил — я или одурело глядевший на меня бродячий пес. Во всяком случае песик молнией метнулся в кусты и бросился наутек вниз по склону; мы его больше ни разу не видели.

Но и после этого не затихло. Вдруг отчетливо послышались ружейные выстрелы. Мы вышли из палатки. Странно... Людей нет, стрелять некому! Загадка решилась быстро: ночной ветерок ворошил кроны пальм, и время от времени с огромной высоты срывались вниз бомбы джунглей — кокосовые орехи. Пришлось отодвинуть палатку подальше от опасных соседей.

Незнакомые звуки, неведомые запахи... А взглянешь вверх — в небе чужие звезды и непривычно опрокинутый лунный серп. Новая жизнь началась!..

Над горами Тауауохо поднялось солнце, а у нас царил сумрак. Лесной полог был настолько густым, что не пропускал ни света,

ни ветра, который разогнал бы комаров. Надо немедля расчищать участок и строить такой дом, чтобы туда не могли проникнуть летающие и ползающие твари!

На завтрак я принес бананов, а Лив испекла на углях какие-то орехи. Запили все водой из каменного бассейна самой королевы. Здорово! Даже полчища комаров не могли испортить наше великолепное настроение.

И мы приступили к расчистке. Длинный нож подсекал сочные банановые стволы, словно зеленый лук. Один ствол за другим валился наземь. Как-то даже не по себе — будто мы громим чей-то сад. Лив выдергивала ваниль, папоротник, воздушный картофель, кофейные кусты. Мало-помалу в древние королевские угодья проникали солнце и воздух.

На крутом склоне нашему взгляду предстали пять вымощенных камнем плоских площадок. В степку возле родника мы воткнули бамбук, и вода побежала из него, совсем как в старину, когда повелительница людоедов после завтрака освежала в бассейне свои могучие телеса.

По мере того как редели деревья, открывался чудесный вид. Пальмовая долина, речушка, колышущиеся листья-великаны, могучий папоротник — все оттенки зелени! Через долину — каменная стена, кручи, остроконечные пики... Вдоль края пропасти мелькали белые точки: дикие козы паслись на горных лугах. Подножие обрыва окаймляли заросли бамбука. Мы видели всю долину до самого устья, но море листвы закрывало от нас деревню и океан.

Расчищая участок, мы нашли среди каменной кладки древние орудия из камня и раковин и треснувшую деревянную миску. Обнаружили большое каменное кресло, с которого удобно было обозревать площадку, и гладкое каменное ложе, из щелей которого росли пальмочки. Мы не стали их трогать, не потревожили и наиболее редкостные плодовые деревья, и великолепный куст с алыми цветами.

Через три дня место для жилья было расчищено. Настала пора на развалинах древнего дворца строить свою лачугу. Сперва мы хотели ограничиться шалашом из ветвей и листьев, но из этого ничего не получилось. Пришел Иоане, принес наши чемоданы, которые мы оставили на хранение у Вилли Греле. В них была одежда и различные предметы, припасенные нами для долгого плавания. Теперь нужда в них миновала, но Вилли не решался держать наше имущество у себя. Мы объяснили Иоане, что шалаш из листьев тоже не лучшая камера хранения. Он отчаянно затряс головой и, мешая маркизские, таитянские и французские слова,

помогая себе жестами, категорически заявил, что не разрешит нам строить такое жилище. Листья завянут, и сквозь крышу будет хлестать дождь, дикие лошади проломят стены, а комары, муравьи и огромные тысяченожки окончательно нас доконают.

Что мы знали о местных условиях? А Иоане родился здесь. Иоане сказал, что надо строить дом из бамбука. Старый плут полюбился нам с первого взгляда. Он так убедительно говорил, этот чудак, который гордился своим родством с королевой и бродил по лесу босиком, в соломенной шляпе и белых шортах. И всегда-то он улыбался, отчего все его лицо бороздили мелкие морщинки.

Мы от души поблагодарили Иоане за совет, тем более что он вызвался для помощи нам привести жену и четверых товарищей.

И закипела работа, развернулось строительство на полинезийский лад. Двое мужчин, словно обезьяны, карабкались на пальмы и срубали листья трехметровой длины. Две женщины, сидя на корточках, плели из листьев «черепицу».

Остов дома собрали из круглых стволов, затем настелили крышу. Все части скрепили между собой прочным лубом дерева борао.

Дом подведен под крышу — это уже событие! И мы устроили пир, угощаясь ананасами. Следующий этап — пол, его мы сделали из жердей. Для стен принесли с гор огромные связки молодого темно-зеленого бамбука. Тонкие стволы расплющивали камнем и сплетали вместе. Одна стена готова! С веселым криком и гамом установили ее на место и прочно закрепили. Затем поставили вторую стену, получился зеленый туннель.

Теперь Иоане сколотил нары, на которые тоже пошли круглые жерди. Лежишь словно на бильярдных шарах!..

В стене, обращенной к долине, вырезали два отверстия, а вырезанные куски укрепили петлями из бычьей кожи. Пожалуйста — дверь и окно! Потом появились торцовые стены, в каждой — по окну. Осталось застелить пол бамбуковыми прутьями, и вот готов наш дом — сплошная зелень, чудо ботаники!

Одно плохо: на Фату-Хиве явно не знали, что такое симметрия. Перекос на полметра нисколько не смущал строителей. У нас-то был задуман дом размером два на четыре метра... Ладно, не будем придираться!

Но высоту нар я все-таки проверил рулеткой. И поспешил опустить конец на двадцать один сантиметр. Не тут-то было: Иоане покачал головой и сделал по-старому. Свой глаз верней!

На строительство ушло немало времени: бригада не спешила. С утра они отправлялись в лес за бамбуком и пропадали. Когда я

шел за ними, то обнаруживал, что строители спят крепким сном за валом из апельсиновой кожуры.

— Не кончим сегодня — завтра снова придем,— утешал нас Иоане.

Он был человек слова. Сказал, что придет, и приходил — три недели подряд! Мы решили, что не стоит их подгонять. Лучше не портить отношения. Попробуй топни ногой, изобрази «белого господина» — на всю жизнь врагом станешь. Полинезиец считает себя ничуть не хуже белого, и если берется сделать работу, то исключительно ради дружбы.

И когда строительство наконец завершилось, мы от души поблагодарили наших друзей и постарались щедро вознаградить их. Кухню построили сами, тут же возле дома. Под навесом из пальмовых листьев, положенных на высокие столбы, сложили очаг из двух больших камней.

Глава четвертая В БАМБУКОВОЙ ХИЖИНЕ НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНИХ КАННИБАЛОВ

Знахарь поневоле. Подарок за подарок. Первобытная жизнь в джунглях. Не голоден и не сыт. Мы обретаем друзей. Берег с белыми камнями

В первый же день, сидя в гостях у Вилли Греле, мы составили список самых нужных слов. Узнав от нас, как это все будет по-французски, Вилли перевел каждое слово на маркизский язык. И, поселившись в джунглях, мы вечерами зубрили наш словарик. Странный язык, совсем не похож на таитянский... На Таити, здороваясь, говорят «иа ора на». Здесь — «каоха». Даже в пределах Маркизского архипелага на каждом острове свои особенности. На Фату-Хиве, например, любят глотать согласные.

Аоэ — нет.	Э́уа — два.
Оао — я.	Оаи — кто.
Оиа — он.	Эу́а — дождь.
Ауа —они.	Оау и Оауна — имена.
Оэ — ты.	

«Некрасивый» по-маркизски «аоэхаканахау». «Семнадцать с половиной франков» — столько мы платили в день строителям,— «этоутемониэуатевасодисо». И, если из человека, точно бусины, сыплются такие слова, понять его не так-то просто.

Надо было видеть восторг островитян, когда мы пытались говорить на их языке. Они хохотали до икоты. Мы путали гласные, и слова получали совсем иной смысл.

В эти первые дни я, сам того не ожидая, дебютировал в роли волшебника. Помимо досок и рифленого железа, консервированной лососины и спичек, эмалированных тазов, тушеной говядины и нижнего белья, доставляемых на остров «Тереорой», островитяне мало что знали из благ цивилизации. Вот почему зрители с восхищением смотрели, как я превратил маленький сверток в непромо-

каемый дом (палатку), где вполне можно было спать. А когда я открыл чемодан, со всех сторон потянулись любопытные носы. В бинокль фатухивцы совсем близко увидели пики по ту сторону долины, и «очки, которые приносят горы», пришлись им очень по душе. Микроскоп превратил насосавшегося кровью комара в такое чудовище, что мадам Йоане визжала от ужаса. Вогнутое зеркало для бритья заменило целый комедийный фильм: они подносили его вплотную к своим плоским носам и смеялись как безумные. Компас и мерная лента, которая сама выскакивала из коробки, тоже пользовались большим успехом. А застежка «молния» могла соперничать с эстрадным обозрением.

Прослышав о моем колдовстве, из деревни пришел длинный верзила с опухшей щекой. Зуб... Бедняга скривился, согнулся от боли, на него нельзя было глядеть без улыбки. И его товарищи покатывались со смеху. Когда он стал умолять меня вылечить его, я понял, что все ждут чуда.

Как раз в эту секунду я топил в эфире какого-то редкостного кузнечика. Эфир... Честное слово, я где-то слышал, что он помогает от зубной боли. Верзила раскрыл огромную пасть с редкими зубами, публика затаила дыхание, и я сунул пациенту в рот ватку, смоченную эфиром. Минута напряженного ожидания...

Пациент, изобразив на лице нечто невообразимое, жевал ватку.

— Дыши носом,— приказал я.

Если это сойдет хорошо, мне сам черт не страшен!

Моя рука невольно поднялась поправить несуществующий воротник.

Бедняга скривился еще больше — не понять, от боли или от блаженства.

— Выплюнь! — завопил я, увидев, что у него как-то странно дрожат колени.

Несуществующий воротник еще сильнее сдавил мне горло.

Он вытащил ватку и смиренно ждал следующего распоряжения.

— Дыши глубже,— велел я.

Верзила задышал так, что дух распространился по всей поляне; зрители восхищенно ахнули.

— Ватку на зуб! — распорядился я.

Похоже, он и не такое может выдержать.

Пациент послушался. Что вы думаете — лечение помогло! И с того дня долговязый Тиоти был нашим искренним, вернейшим другом.

Островитяне не скупились на дары. Куры, петухи, рыба, свинина сыпались на нас как из рога изобилия. Каждый день кто-

нибудь поднимался вверх по долине, чтобы осчастливить нас. Мы были в отчаянии от этих подношений. Бамбуковая хижина заполнялась съестным от пола до потолка, и ведь отказаться нельзя. Зато, когда наступала ночь, мы незаметно уносили лакомства в лес и зарывали в землю под большим камнем. Пусть лучше там гниют. Скормить их было некому, паршивый дикий пес боялся к нам близко подойти.

Однажды щедрость островитян объяснилась. Мы услышали, что здесь положено благодарить подарком за подарок. Пришел наш черед... Правда, у нас не было ни кур, ни рыбы — зато пригодилось содержимое чемоданов. И когда все, от бритвенного прибора до юбок и мерной ленты, переменило владельцев, хождение по долине Омоа прекратилось. Нас наконец-то оставили в покое.

Счастливые дни! Нам было очень хорошо в нашем бамбуковом жилище. Никакие обои не могут соперничать с бамбуком! Зеленые клеточки плетеных стен сменялись золотисто-желтыми, да и на потолке зеленые и коричневые клетки образовали самые затейливые узоры. Комнату украшали чудесные черепаховые панцири и цветочные вазы из бамбука, окна смотрели на долину, которая казалась нам экзотическим садом...

Из мебели у нас кроме нар были две табуретки, связанные из жердей, и такой же столик. Тарелками нам служили огромные перламутровые раковины, отливающие всеми цветами радуги, чашки мы сделали из скорлупы кокосового ореха. Лив никак не хотела есть тем способом, которому нас учил Теринероо, и мы обзавелись бамбуковыми ложками. Пальмовые листья были нашим матрасом — вот только тепла от них мало. Да-да, едва наступала ночь, как температура резко менялась. С гор дул холодный ветер, и мы кутались в пледы, которыми пользовались в плавании.

А поверх пледов на нас густо сидели комары. Те самые, которые распространяют слоновую болезнь. Не дневные комарики, а другие, которые прилетают и жалят ночью. Пришлось нам купить у Вилли противомоскитную сетку. Мы затянули ею окна, а тем, что осталось, укрывались сами. Теперь нам самая ядовитая сколопендра была не страшна! И как мы сладко спали!..

Будильником служила нам маркизская кукушка; на Фату-Хиве ее называют «ку-ку». Других часов у нас не было — и не надо! Солнце круглый год восходит здесь почти точно в шесть утра и заходит в шесть вечера, и кукушка ни разу нас не подвела. Мы просыпались от ее хриплого монотонного крика, выглядывали в окно над нарами и видели, как она порхает по хлебному дереву, пестрая и яркая, словно попугай.

По сигналу кукушки начинался ежедневный утренний концерт. На пальмах восхитительными трелями заливались желтые певчие птицы. Их привлекла наша расчищенная площадка: здесь они отлично видели насекомых, копошащихся на земле.

Лучшее время суток эти утренние часы, когда воздух освежает последнее дыхание ночного ветерка и птицы поют-заливаются, а первые лучи солнца уже ласкают пальмовые кроны, расцвечивают золотыми бликами бамбуковый пол. Во всей природе бодрость и ясность; и мы тоже ощущали прилив свежих сил.

Позже, по мере того как солнце все выше поднимается над горизонтом, отдавая свое тепло тропическому лесу, человеком овладевает какая-то истома. Палящего зноя нет — восточный пассат прилежно проветривал нашу обитель. Не в жаре дело, а в том, что воздух словно густеет и давит на вас, выжимая всю энергию.

Дослушав утренний концерт, мы соскакивали с нар и подставляли тело струям из родника королевы. Часто заставали врасплох красивую дикую кошку, которая лакала чистую воду. Из-под самых ног с тропы во все стороны улепетывали разноцветные ящерки. Завтрак висел на ветвях хлебного дерева, заменявшего нам кладовку. Это были бананы и другие собранные нами плоды. Поев, я отправлялся в лес за хлебом насущным.

Наш домик находился в самой плодородной части долины. Лес здесь состоял из бананов с примесью других растений. Всюду — созревающие плоды; спелые тотчас падали на землю, становясь добычей жучков, муравьев и червяков. Нужно было найти и собрать не совсем зрелые фрукты. В нашей солнечной кладовке они быстро дозревали.

Редко на стебле висели целые бананы. Увидишь желтый плод, сорвешь его — оказывается, одна лишь кожура осталась. Ловкие крысы опережали нас, им помогали ящерицы и банановая мушка. Но мы не огорчались, плодов в лесу было вдоволь.

Лив дома стряпала под кухонным навесом, а я, надев пеструю набедренную повязку и вооружившись здоровенным ножом в ножнах из бычьей кожи, шел на добычу. Идешь под солнцем, загораешь... Привыкнув ходить босиком, я наслаждался прикосновением мягкой земли, теплых камней, прохладного ила в ручье. Ветки и листья гладят нагое тело, душе привольно — полное слияние с природой. А как обостряется внимание, когда не подошва ботинка, а босая нога ступает то на камень, то на палки. Двигаешься гибче, свободнее и чувствуешь себя бодрее, когда тело не облачено в одежду, а обдувается свежим ветром.

Я рыскал взглядом по кронам и собирал нужные нам фрукты.

Одни складывал в плетеную корзину, другие вешал на палку, которую нес на плече. Кокосовых орехов всегда было сколько угодно на земле вокруг дома, но за апельсинами и другими фруктами приходилось идти в лес. У нас очень скоро прошла охота лазить по апельсиновым деревьям — слишком уж много на них шипов. Куда удобнее, стоя внизу, сбивать плоды длинной жердью с крючком на конце.

Своеобразно происходил сбор бананов. Мы не карабкались за гроздьями. Удар секачом — и пальма валится наземль. Пусть даже она в разрезе диаметром с тарелку, все равно стебель настолько мягкий, что достаточно ударить один раз — и хватай гроздь, пока не упала и не разбилась.

Поначалу этот способ казался нам варварским, но мы скоро поняли, что это не страшно. Все равно банан за свою жизнь плодоносит один раз. А оставшийся пенек, напоминающий в разрезе луковицу, тотчас начинает расти. Внутренние кольца вытягиваются вверх воронкой, что ни день, то выше. Через две недели стебель уже в рост человека, и из его верхушки во все стороны протягиваются широкие листья. Меньше чем через год банан снова плодоносит!

Кое-где от речушки тянулись маленькие каналы, которые вели к обложенным камнями болотцам — древним посадкам таро. Большие листья этого растения образовали сплошной ковер. Мы варили клубни таро и ели их вместо картофеля. Кругом росли ананасы и сахарный тростник, стебли которого вкусом напоминали леденцы, но ничуть не портили зубов.

Нагрузившись всевозможной зеленью, я спускался к речушке, потом шел вдоль нее по тропке к нашему дому. В здешних дебрях не было змей — они не смогли перебраться на эти острова. Не было у нас и скорпионов. Вообще-то скорпионы ухитрились проникнуть с судами на архипелаг, но дальше галечного берега они не пошли. Единственной ядовитой тварью, которой нам приходилось остерегаться, была огромная, длиной с ладонь, желтая тысяченожка. Укус тысяченожки не смертелен, но мы все-таки старались не наступать на нее.

А дома Лив, окутанная клубами дыма, стряпала обед. Таро и феи очищены, на углях лежат испеченные плоды хлебного дерева. На третье задуман сюрприз: вся в копоти и слезах, искусно орудуя двумя мокрыми палочками, Лив пекла прямо на огне чудесное печенье.

— Попробуй! — она подала мне ореховую скорлупу, в которой лежали какие-то угольки.— Жаль только, пригорело сверху.

— Ничего,— ответил я,— зато внутри сырое...

Нет, что ни говори, Лив великолепный повар, она к любой трапезе умела приготовить лакомые блюда по рецептам каменного века.

Так прошла неделя, другая, третья. Однажды мы встали из-за обеденного стола голодные. Живот набит, как барабан, на столе лежат плоды хлебного дерева, таро и бананы, с которыми мы не справились. Не потому, что невкусно, просто больше не можем съесть. И все-таки мы ощущали голод!

Вечером к нам долго не шел сон.

— Послушай, Лив,— сказал я,— копченая лососина.

— Жаркое,— отозвалась она.— Свиная отбивная с кислой капустой.

— Н-да,— сказал я.— А как насчет рябчика с подливкой? Что?!

— Бифштекс,— спокойно ответила она.

Победа осталась за ней...

На следующую ночь мне приснился обед из трех блюд. Я еще не успел облизать последнюю тарелку, когда подала голос кукушка.

Надо что-то предпринимать. Не дожидаясь завтрака, я сунул за пояс секач и зашагал вниз по склону. Щебетали птички, куковала кукушка... В долине речка мурлыкала свою вечно новую песенку. Приметив заводь, я вошел в воду и нагнулся, всматриваясь в дно. Внимание! Из-под камней рывками выползали какие-то неуклюжие черные твари. Они медленно приближались, выпучив глаза, точно загипнотизированные видом моего носа. Один царапнул мне колено своей длинной жесткой клешней. Но я стерпел, потому что одновременно второй подкрался к моей руке. Ущипнул ладонь... Рванувшись вперед так, что брызги полетели, я сжал пальцы в кулак. Куда там! Не так-то просто, оказывается, поймать рака!

Когда рябь улеглась, на пестром дне не было видно ни одного. Впрочем, они скоро появились опять — и снова я опростоволосился. Так повторилось несколько раз, пока большим ракам игра не надоела, и только мелюзга продолжала меня дразнить. Я пошел вверх по речушке, по дороге спугнул нескольких здоровенных раков, которые окружили разбитый кокосовый орех. Вдруг меня осенило: надо сделать ловушку, положить для приманки орех... Несколько попыток, и я наконец восторжествовал!

Держа в руке первого добытого мною рака, я чуть не плясал от радости. И когда солнце возвестило полдень, я пришел домой с целой охапкой завернутых в большие листья чудесных раков.

То-то было ликование! Никогда не забуду наш пир — вареные раки и жареные плоды хлебного дерева. Сперва мы насладились нежным мясом. Потом долго грызли клешни и панцирь, запивая лимонным соком, и наконец-то ощутили блаженную сытость... Существенное пополнение нашего меню!

Мы придумывали все более хитрые ловушки и стали ловить на кокосовый орех не только раков, но даже каких-то рыбешек.

И жизнь в бамбуковой хижине снова казалась нам прекрасной.

Как-то раз, когда я плескался в речушке, добывая раков, из-за высоких стеблей папоротника вдруг появился островитянин. Он был настолько поглощен своим делом, что даже не заметил меня. В одной руке у него была миска из высушенной тыквы, в другой — тонкое двухметровое копье с металлическим наконечником.

Он разжевал кусочек кокосового ореха и выплюнул кашицу в речушку. Течение понесло ореховые крошки под камни. Вдруг копье молниеносно нырнуло — и тотчас вынырнуло, извлекая из воды трепещущего рака.

«Вот оно что...» — подумал я, вставая. Миска была полна раков, пронзенных острым копьем.

— Каоха! — крикнул я островитянину.

— Бонжур, мсье,— учтиво ответил он по-французски и протянул руку для приветствия, поклонившись до самой земли.

Это был местный священник. Я спросил, не его ли звать Пакеекее, и, услышав утвердительный ответ, увлек священника к своей хижине, где вручил ему письмо на полинезийском языке. Оно было написано Терииероо, таитянским вождем, который велел мне передать письмо Пакеекее, если доведется его встретить. Дело в том, что Пакеекее учился на Таити читать и писать, чтобы стать священником; там он и познакомился с вождем.

Терииероо очень вежливо просил его потеплее принять меня и Лив. Мол, мы приемные дети таитянского вождя, да к тому же еще и настоящие протестанты. И Пакеекее постарался добросовестно выполнить просьбу своего друга.

Трое суток, с утра до вечера, длилось пиршество у священника. Хозяева резали скот, ловили рыбу, собирали плоды; на кухне беспрерывно суетились женщины и дети, и сквозь ее бамбуковые стены непрестанно сочился дым. Стол был накрыт для священника, нас и звонаря; вахины и дети ели, сидя на полу. Представляете себе, сколько было радости, когда оказалось, что звонарь не кто иной, как Тиоти, тот самый, у которого зуб болел!

Но праздник был только для протестантов, и местные католики торчали за изгородью, глядя, как мы уписываем свинину и курятину. В жизни не видал более унылых физиономий.

— А что, много протестантов на Фату-Хиве? — вежливо начал я застольную беседу.

Священник вытерся простыней, которая заменяла скатерть, подумал и начал считать по пальцам.

— Нет,— заговорил он наконец,— к сожалению, католиков больше. Все отец Викторин виноват: когда объезжал острова, щедро платил рисом и сахаром тем, кто переходил в его веру.

— А все-таки, сколько же протестантов? — домогался я.

Священник опять посчитал.

— Один умер,— сказал он.— Выходит, остаются двое — я и звонарь.

Он смущенно улыбнулся и добавил:

— Был еще один, но он переехал на Таити.

На третий день мы просто не могли больше есть. После обеда звонарь Тиоти откуда-то достал огромную, больше локтя длиной, раковину, вышел на дорогу и трижды громко протрубил в нее. Потом вернулся к столу. Долгий антракт — затем он повторил свой номер. Еще антракт, и еще один концерт на раковине. После третьего выступления священник торжественно объявил, что они со звонарем идут в церковь, ведь сегодня воскресенье.

По каким-то неведомым соображениям нас в церковь не пригласили, зато нагрузили остатками угощения, чтобы мы их унесли домой.

Рядом с дощатым домом священника стояла бамбуковая лачуга без окон, крытая пальмовыми листьями. Это и была церковь протестантов. А поодаль мы увидели католический собор: дощатые стены выкрашены белой краской, крышу из рифленого железа венчает шпиль... Н-да, пожалуй, на Фату-Хиве и впрямь почетнее быть католиком.

Мы зашагали вверх по долине, а священник и звонарь отправились в свой бамбуковый сарай.

Кроме снеди священник одарил нас всевозможными редкостями. Меня больше всего поразил коралл причудливой формы. Когда мы плыли вдоль побережья Фату-Хивы, я не видел ни одного рифа; значит, если верить науке, кораллов здесь быть не должно. Но белый как снег коралл был найден на Фату-Хиве!

И однажды рано утром мы вместе со звонарем и его женой, очень приветливой, добродушной женщиной, отправились в дальний поход. Нас обещали провести туда, где есть кораллы, на

пустынный берег с красивой белой галькой, который островитяне называли Тахаоа.

Нелегкий это был путь! По узкому бережку, по обвалившимся сверху каменным глыбам; справа бесновался океан, слева к небу вздымались грозные красноватые скалы. Здесь что ни день — камнепады, особенно после дождя.

На такой тропе не развернешься... Могучие океанские валы обрушивались на остров, и каскады воды кипели и пенились среди глыб, по которым мы шагали. Глыбы сменились узким карнизом из застывшей лавы. Стали попадаться всевозможные гроты и пещеры. Мы шли по изваянным природой мостикам, заглядывая в шахты и провалы, на дне которых плескалась вода. В одном месте что-то гудело и рокотало прямо в толще скалы у нас под ногами, а из расщелины возле тропы через одинаковые промежутки времени вырывался фонтан.

Не слишком приятный маршрут, но Тиоти чувствовал себя уверенно. Он смело прыгал с одного острого камня на другой. Этот человек мог бы, наверно, плясать босиком на битом стекле.

Путь занял не один час; наконец мы, обогнув большую скалу, соскочили на красивый пляж. Тахаоа...

На километр с лишним протянулась полоса ослепительно белого песка и белоснежных глыб. Ее окаймляли отвесные скалы, вдоль подножия которых росли пальмы и зеленела трава.

Странное чувство наполнило мою душу, когда я ступил на этот загадочный берег. Все блестит, переливается на солнце. Редкие на Маркизских островах участки плоского берега в устьях долин обычно сложены очень мелким лавовым песком угольно-черного цвета. Передо мной простиралось нагромождение коралловых глыб, и песок был тоже смесью кораллов с миллионами перемолотых в порошок ракушек.

Далеко в море протянулась лагуна — точно цепочка прудов, окаймленных пестрыми, красными, желтыми и зелеными рифами. Могучие волны разбивались вдребезги о баррикаду, которая пропускала только тихие струйки, постоянно освежающие воду в прудах.

Какой замечательный аквариум! По краю природной чаши — множество раковин и моллюсков, а в толще воды буквально кипит жизнь. Дно выстилал ковер всех цветов радуги: водоросли и непрестанно колеблющиеся морские анемоны. Полчища плавающих и ползающих тварей... Стайками сновали пятнистые рыбки — одни совсем круглые, другие тонкие, как нитка. Удивительное разнообразие видов и изобилие красок. Красные рыбки старались держать-

ся над красными пятнами дна — так их труднее обнаружить. Ведь из океана нередко приплывают рыбы покрупнее, и тогда малышам приходится не сладко... Большие преследуют маленьких, а самым крохотным — с монетку — вообще лучше не высовываться. Увидят злую морду морского угря или клешню грозного краба — и юркнут в чащу игл черного морского ежа. Малютки великолепно знали, что здесь они защищены острыми подвижными штыками. Даже самый опасный враг остерегался морского ежа. Наткнешься — игла обломится, и ядовитое острие с закорючками прочно застрянет в ранке.

Своеобразное общество: ползают, бегают, снуют, кишат, переливаются разными цветами... Мы готовы были без конца лежать на рифе и наблюдать эти картины.

Вдруг нас окликнул Тиоти: пора обедать. Он стоял на внешнем рифе, подняв над головой длинное копье. Вот уверенной рукой метнул его в воду, и на острие забилась рыба, расцвеченная красными и зелеными пятнами.

Мадам Тиоти уже облюбовала «стол»; мы уселись вокруг одной из белых глыб на берегу. Тиоти достал из кармана два лимона и выдавил сок в ямку на камне. Затем длинным ножом изрубил на мелкие кусочки отчаянно бьющуюся рыбу. Эти кусочки его жена размяла в лимонном соке. Блюдо готово! Сам звонарь уже уписывал за обе щеки. Я выловил пальцем скользкий кусочек и добросовестно заработал челюстями. Как-никак мы не первый раз ели сырую рыбу на Фату-Хиве... Бедняжка Лив бросила свою порцию в воду: может, еще оживет?

Следующее блюдо. Мадам Тиоти заблаговременно собрала на берегу несколько больших улиток. Теперь она расколола раковины камнем, точно орехи, потерла улиток о коралл и сполоснула в море. Прошу! Я стал есть, стараясь думать об устрицах. Но еще более неожиданным оказалось третье блюдо: каждый получил по морскому ежу!

— Ешьте, ешьте,— приговаривал Тиоти.— Эти не ядовитые.

Словно подушки для иголок, и до чего же колючие... Чтобы такое переварить, нужен желудок из чертовой кожи! Я осторожно тронул чудовище, поглядывая на звонаря. А он спокойно взял ежа за самые длинные иглы и сильно стукнул его о камень. Шлеп! Внутри было нечто весенне-зеленое с красными комочками. Звонарь извлек пальцем содержимое и вкусно причмокнул.

Лив положила свою порцию на песок и сказала:

— Кш, пошел прочь!

Но морской еж не очень-то прыток, он не тронулся с места. Зажмурившись, я разбил своего ежа о камень и сделал глоток, твердя себе, что ем суп из саго и смородинное желе...

А нас ждало еще и четвертое блюдо! Оно судорожно извивалось между камнями, не теряя надежды на спасение. Мне всегда становилось тошно от одного вида этих скользких «морских сосисок». Я как-то вяло попытался представить себе норвежские копченые колбаски, но этот номер не прошел!..

Глава пятая НЕТ ЖИЗНИ ПОЛИНЕЗИЙЦАМ В КРАЮ ИЗОБИЛИЯ...

Наскальные рисунки в джунглях Фату-Хивы. Эпидемия на острове. Сокровища и привидения. Неведомый враг. Мы бежим в горную глушь. Опасная встреча на узкой дорожке. Возвращение в долину. Отец Викторин

Чокк! Чокк! Чокк!

Секач врубался в стволы и сучья, расчищая нам путь в зарослях. Впереди шли трое смуглых островитян, за ними — Лив и я.

Все выше и выше — и, чем выше, тем тяжелее идти. Душно, мы обливаемся потом. Над крутыми склонами горы Тауауохо повисли грозные тучи. Там, наверху, почти непрестанно льет дождь. Каким бы синим и чистым не было небо над океаном, вершина неизменно кутается в косматое облако.

Что за склоны!.. То головокружительные обрывы, то такие густые джунгли, что никаким топором невозможно проложить себе дорогу к вершине. Негде поставить ногу: на земле бурелом и валежник, сплошное переплетение ветвей и гниющих стволов.

Но мы и не собирались покорять вершину Тауауохо. Мы отправились в лес посмотреть удивительную рыбу, обнаруженную там островитянами. Совершенно необычайную рыбу — каменную!

В чаще была прогалина, где среди древних развалин издавна росли кокосовые пальмы. Здесь мы устроили привал. Наши друзья легко вскарабкались вверх по пятидесятиметровым стволам и сбросили оттуда зеленые орехи. Взяв себе по ореху, мы срубили секачом макушку у скорлупы и жадно выпили содержимое.

Вдруг по лесу прошел ветерок — такой всегда предшествует тропическому ливню. Точно готовые низвергнуться с неба лавины воды теснят воздух. Птицы заметались в поисках укрытия, и хлынул дождь. Мы вооружились вместо зонтов огромными листьями. То количество воды, которое у нас в Норвегии льется с неба несколько дней, здесь обрушивается за несколько минут. Вот уже солнце вынырнуло из-за туч, через долину перекинулась радуга.

Идем дальше через мокрые заросли. Вскоре мы очутились на косогоре, который спускался к ручью. Здесь лес был реже. Исполинское дерево, упав, смело все на своем пути. Наши друзья объяснили, что это было священное дерево, его здесь посадили очень давно. Возле самого ствола, почти скрытые кофейными кустами, лежали две мощные каменные плиты. Полинезийцы взволнованно указали на боковую грань самой большой из них.

— Оэ ита иа те коа? Видишь каменную рыбу?

В самом деле, на мшистой поверхности камня было видно высеченное изображение удивительной рыбы, от головы до мощного хвостового плавника — два метра. Рыбу окружали таинственные рисунки. Несомненно, в древности все это носило некий магический смысл. Верхняя грань плиты была почти совсем гладкая, если не считать нескольких желобков, которых я сразу и не заметил. В чем же все-таки дело?..

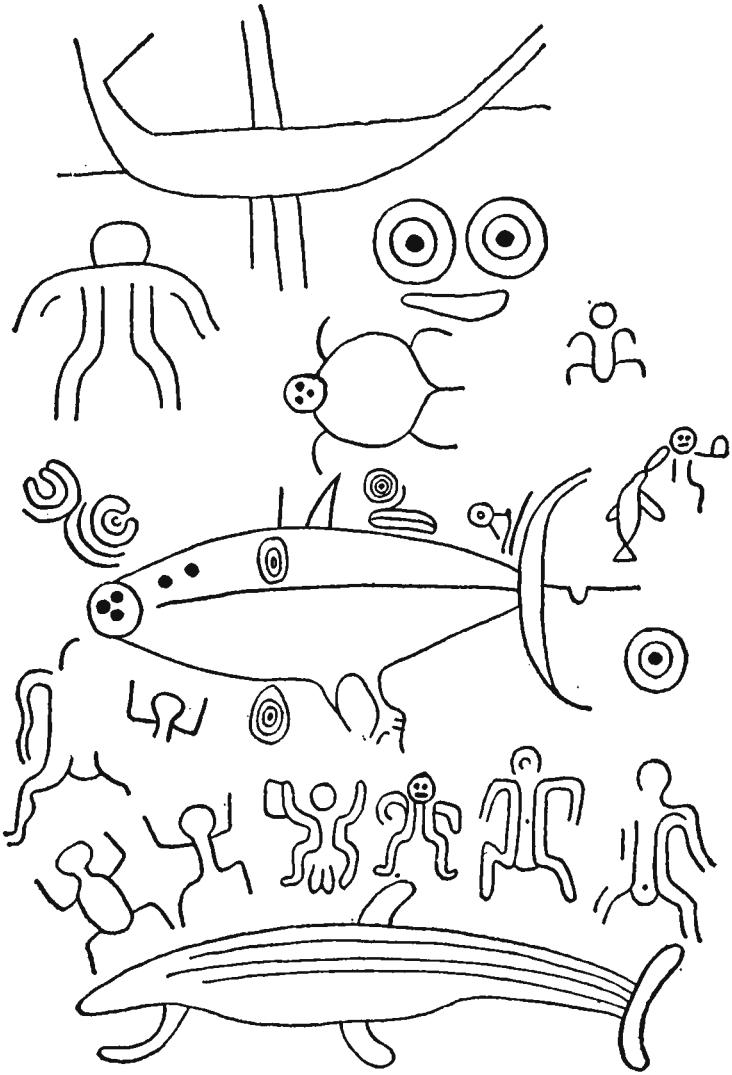
Я попросил своих спутников расчистить заросли и срыть дерн. Показалась еще одна огромная плита, испещренная странными знаками. Полинезийцы всполошились и стали испуганно шептаться. Мы очистили камень от мусора, и нашему взору предстали новые рисунки.

Примитивные изображения мужчин и женщин, непонятные линии... Островитяне смотрели на них с благоговением.

— Тики,— забормотали они,— менуи тики.

Из тьмы веков вышли на свет древние боги.

Лес примолк после дождя. Над зеленым сводом прямо в небо, точно нож, вонзался красноватый лавовый шпиль. Казалось, он охраняет древние тайны каменных плит и чутко следит за тем, что мы делаем. У наших ног, словно заколдованные солнечным светом, окаменели в пляске причудливые фигуры. Много столетий пляшут они, с той самой поры, когда на Маркизских островах господствовала таинственная культура, созданная загадочным народом, о котором наука ничего не знает. Откуда пришли эти люди, кто они?.. Толстые стены и террасы из огромных камней — вот все, что осталось от тех времен. Народ, живший здесь, был родствен тем людям, которые некогда воздвигли удивительные статуи на острове Пасхи. Этот загадочный народ давно истреблен. Его оттеснили в горы и убили воинственные полинезийцы, которые приплыли на Маркизские острова лет семьсот назад. Но и происхождение полинезийцев, немногочисленные потомки которых дожили до наших дней, тоже нерешенная загадка. Мы не знаем, откуда они явились, из каких мест начали покорение необозримого океана на утлых челнах.



На мшистой поверхности камня было видно высеченное изображение удивительной рыбы (в центре). Рыбу окружали таинственные рисунки

У этих полинезийцев — лучших в мире мореходов — есть что-то общее с древними викингами. Но пока что их исконная родина неизвестна. Их собственные легенды о происхождении народа неясны. Эти люди очень необычным способом увековечивали свои родословные: сплетали веревочки из кокосовой пеньки, обозначая каждое поколение узелком. У каждого рода была своя родословная. Европейцы еще застали этот обычай и, считая узелки, пришли к выводу, что предки островитян заняли эти земли около семисот лет назад.

Мы смотрели на каменные плиты, словно исписанные неведомым шифром. Впервые в этих местах были открыты наскальные изображения. Тщательно приглядевшись, мы увидели среди них не только человеческие фигуры, но и рыб, черепах, магические маски, большие, широко раскрытые глаза.

Некоторые рисунки остались непонятными для нас. Что это: тысяченожки, раки или длинные ладьи с веслами? Кое-что было стерто временем. И какое же тут множество изображений!

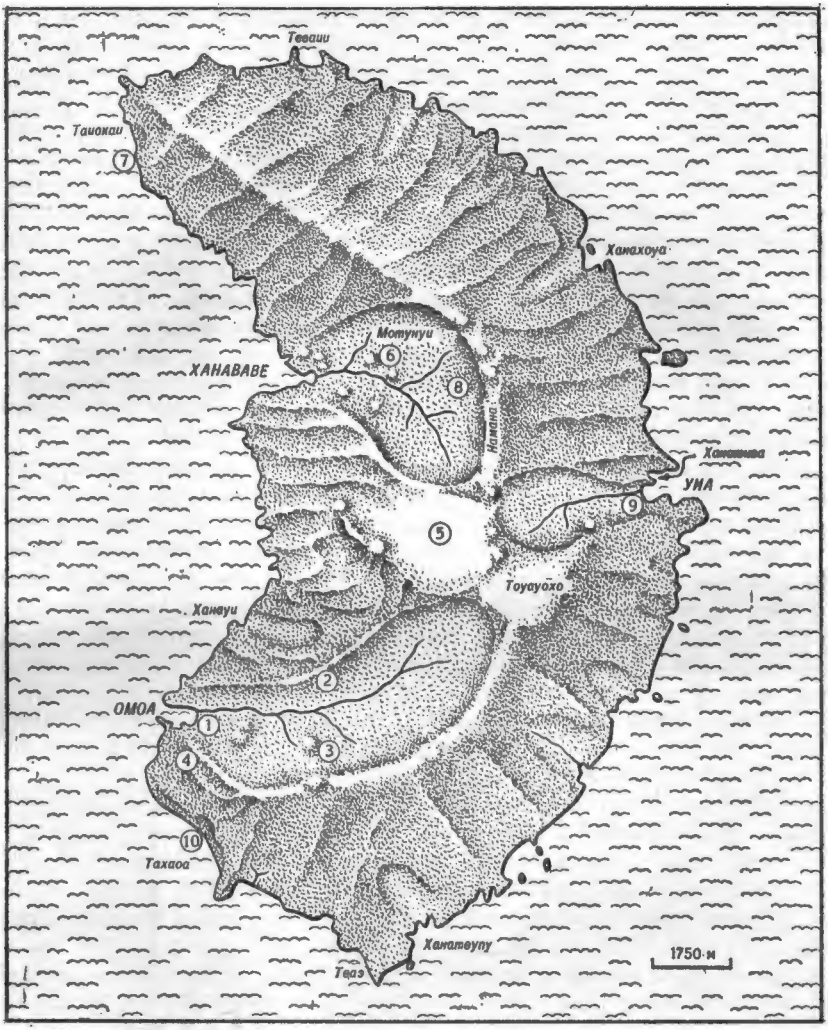
Рядом в зарослях мы нашли каменную платформу, окаймленную стеной, на которой были высечены огромные глаза. Может быть, это развалины древнего храма?

Вечерело. Островитяне торопились домой, мы отпустили их, вознаградив за помощь. Косые лучи еще освещали грани каменных плит, придавая гротескным фигурам особую рельефность.

Когда над лесом взошла луна, мы уже лежали на своих бамбуковых нарах. Спать не хотелось. Мы думали о безжизненных изображениях, которые исполняют свой танец при свете луны... Думали о вымершем народе, который некогда владел островами — от Маркизского архипелага до Пасхи. И что-то подсказывало нам, что можно найти еще немало скрытых следов древней культуры в глухих дебрях Фату-Хивы — острова, забытого наукой.

Лежа на спине каждый в своей заводи, мы уписывали апельсины. Огромные листья, свисающие над рекой, защищали нас от жгучих лучей полуденного солнца. Кругом был мир пышной тропической зелени. Высоко-высоко в небе косматые кроны венчали замшелые стволы кокосовых пальм. Солнечные лучи переливались на белом оперении двух диких голубей, которым ветер никак не давал сесть на кроны.

Мы наслаждались прохладой в журчащем горном потоке. Приметив на воде плывущие из чащи бораю желтые цветки, спорили, какой из них быстрее доплывет. И собирали к обеду крадущихся раков, которых привлекали в заводь наши белые ноги.



Остров Фату-Хива:

1 — берег, на котором мы высадились; 2 — наша бамбуковая хижина; 3 — наскальные изображения; 4 — древние развалины и черепа; 5 — неизведанные горные плато, 6 — лес, охраняемый табу; 7 — «ночная вода»; 8 — развалины, истуканы и рисунки на камне; 9 — наша свайная хижина в долине Уиа; 10 — пещера — наше последнее убежище

Бодрость после купания и упоение жизнью в чудесном пальмовом лесу переполняли душу, когда мы, выйдя на берег, пошли домой, в нашу бамбуковую лачугу. По дороге мы выдернули из земли несколько клубней таро: гарнир к ракам.

Неожиданно на тропе показался всадник. Он ехал в лес за плодами хлебного дерева, а заодно прихватил для нас из деревни кусок свинины, который завернул в большие листья. Почти две недели мы не видели людей. Всадник выглядел очень скверно, и нас пронизал холодок, когда он спросил — не дошла ли и сюда чума? Оказалось, что шхуна «Моана», зайдя за копрой в соседнюю долину Ханававе, принесла на остров болезнь. Теперь там все хворают, и в долине Омоа тоже. Многие умерли, сам он только на днях выздоровел...

— Сюда болезнь позже придет, вы на отшибе живете. — Бледный островитянин улыбнулся нам и причмокнул, подгоняя лошадь вверх по тропе.

Мы глядели на свои руки, на завернутое в листья мясо... Вот тебе и тропический рай! Эпидемия. Скоро и до нас доберется.

Обед никак не хотел лезть в глотку.

День проходил за днем, мы ждали чумы. И она явилась. Мы приготовились к самому худшему. Но все ограничилось болью в горле (у меня) и расстройством желудка (у Лив). Лив поминутно бегала в пальмовую рощицу поодаль. А затем «чума» и вовсе прошла. Мы смеялись: подумаешь, легкий грипп, только и всего!

Но вот однажды к нам в дверь постучался наш друг, звонарь Тиоти. Он был очень бледен, сильно кашлял, глаза блестели от жара. Мы не узнавали долговязого весельчака.

— Мсье не мог бы спуститься, сфотографировать последнего сына Тиоти? Их всех унесла чума.

Понурившись, он побрел впереди меня вниз по долине.

В деревне дела были совсем плохи. Всюду резали свиней: чуть ли не в каждой хижине шли поминки. Настроение у всех было мрачное.

Врачей на острове не было, и некуда ехать за помощью. Никто не рассказывал фатухивцам о микробах и вирусах, и они мало заботились о чистоте. С болью в сердце входил я в темные лачуги, где рядом со здоровыми лежали, кашляя, умирающие.

Белые сбывают островитянам самые скверные товары, прививают им свои худшие пороки, а хорошие стороны европейской культуры сюда не доходят. Полинезийцы обречены на гибель. У них не было иммунитета против болезней, которые сюда завезли

европейцы. В этом белых трудно винить. Теперь иммунитет выработался — зато нет знаний, которые помогали бы бороться с болезнями. В этом виноваты белые.

Если бы мы жили так, как островитяне, мы бы очень скоро все повымирали. Большинство из них поражено болезнями, которые нас бы тотчас скосили. Но островитяне привычны к ним с детства. Для них болезнь — нечто неизбежное. Лишь когда ко всему еще добавится грипп или пьянство, организм не выдерживает. Вот почему легкий грипп на этих островах — та же чума.

Старик Иоане трудился без передышки. Он был местным столяром и гробовщиком. Когда болезнь валила с ног кого-нибудь из его односельчан, Иоане приходил к нему в дом и прямо у постели больного сколачивал гроб. Говорите про полинезийцев что хотите, но смерти они не боятся. Для них смерть — возможность встретиться с предками, очевидцами славного прошлого острова, увидеть своих умерших друзей.

При жизни островитяне никогда не обувались. Даже на званый обед, когда полагалось надевать соломенную шляпу, шорты и пиджак, они приходили босиком. Возможно, дело в том, что у них очень широкие ступни. Но после смерти, когда тесная обувь уже не страшна, их обували в чистые белые тапочки. На тот свет покойника сопровождали гармонь, колода карт и прочие земные предметы. Хоть они и считали себя католиками, старая вера в то, что после смерти предстоит путешествие в страну предков — Гаваики, сохранилась. То-то будет весело — сыграть на гармошке для древних людоедов!

Между тем наша жизнь в бамбуковой лачуге текла по-старому. Беспечные дни помогли быстро забыть трагедию в деревне. То ласково светило солнце, то дождь барабанил по крыше нашего дома. Луна выходила в ночной обход, играя бликами на лаково-черных листьях заколдованного леса...

После первого знакомства с таинственными каменными плитами мы увлеклись поисками следов древности. До нас дошел слух об удивительных находках, которые островитяне сделали в дебрях. Будто бы в гротах и в тайниках среди развалин лежали старинные изделия искусства. Большинство островитян безумно боялось этих памятников старины. Собственность мертвых охранялась страшными заклинаниями, и, когда фатухивцы что-нибудь находили, они нередко разбивали находку вдребезги и выбрасывали осколки в море, чтобы утопить злых духов. Так гибли

предметы огромной ценности, навсегда исчезали важнейшие ключи к познанию прошлого.

Нам удалось договориться с некоторыми островитянами посмелее и купить у них коллекцию древних изделий, в том числе такие предметы, о которых думали, что они давно исчезли. Причудливые изображения богов из черного и красного камня, всевозможных размеров и видов. Резные деревянные чаши, украшенные орнаментом, фигурами, инкрустацией из зубов и человеческой кости. Подлинно художественные изделия людей каменного века, у которых из инструментов были лишь каменные топоры, ракушки да крысиные зубы.

Вот изящные серьги из человеческой кости: цепочка крохотных древних богов во всевозможных позах, выполненных с мельчайшими деталями. Такие серьги обычно находили внутри черепов.

А однажды нам рассказали про старое святилище на горе, возвышающейся у самого моря. Мы тотчас отправились туда. Но чтобы попасть на узкую тропку, которая вела к святилищу, нужно было сперва пройти через деревню, а там, как только смекнули, куда мы собрались, следом за нами отрядили лазутчика.

Мы поднимались по раскаленной солнцем скале, любуясь голубой гладью океана, которая простиралась в бесконечность, сливаясь с небосводом. Одолев подъем, очутились на большом плато с редкими пальмами. Островитянин следовал за нами по пятам. Он особенно насторожился, когда мы подошли к старым стенам.

Стены были сложены из красных кубических глыб. На некоторых глыбах высечены боги, которые угрожающе подняли вверх руки. Заглянув за стены, мы невольно вздрогнули: на земле, скаля зубы, лежало множество черепов... Я поднял один череп. Какие чудесные зубы были в прошлом у островитян! Тотчас наш смуглый спутник оказался рядом со мной. Он ревниво следил за тем, чтобы мы не унесли ни одного черепа, ни одного зуба.

Наша находка представляла собой величайшую научную ценность. Ученому-специалисту эти старые черепа рассказали бы очень много. Я принес с собой мешок, но было как-то неловко собирать экспонаты на глазах у недоверчивого островитянина. А он следил за каждым нашим шагом, каждым движением.

Мы посовещались на норвежском языке и придумали выход. На Фату-Хиве мужчина — человек, женщина — всего лишь жен-

щина. Она готовит пищу и рожает детей, только это оправдывает ее существование.

Я пошел вдоль плато; Лив осталась. Все в порядке: лазутчик шагал за мной, не обращая никакого внимания на Лив. Я свернул в заросли — он тоже. Я поднимал палочки и камни, внимательно их разглядывал, и лазутчик подозрительно наблюдал за моими действиями. А Лив не теряла времени, и, когда я вернулся к развалинам со своим назойливым спутником, мешок был набит битком. Сторож не сказал ни слова и с явным облегчением проводил нас вниз, в долину.

Когда мы были уже у самой деревни, неожиданно, как это бывает в тропиках, спустился мрак. Мы шли со своей таинственной ношей, стараясь выглядеть непринужденно. Вдруг возле последнего дома нас окликнули.

— Хемаи каикаи!

Тахиапитиани, местная красавица, приглашала нас зайти перекусить.

— Она просто из вежливости,— тихо объяснил я Лив.— Это, как на Таити, обычная приветственная фраза.

— Венез манжер! — повторила островитянка на ломаном французском языке.

Кажется, всерьез приглашает...

Нас это ничуть не соблазняло, мы знали, что в ее доме много больных. Но отказаться — значит, испортить отношения. Мы подчинились и, как только поднялись на террасу, где она сидела с мужем, поняли, что это все-таки была вежливая фраза. Однако теперь было поздно отступать, и они предложили нам отведать их пищи.

Осторожно опустив на землю мешок, мы сели на корточках подле большой деревянной миски. Здесь, под сенью деревьев, было еще темнее. Слабая керосиновая лампа еле-еле освещала содержимое двух мисок. В одной лежала сырая несвежая рыба, обильно политая кокосовым соусом, из другой пахло поипои — древним национальным блюдом маркизцев. Поипои — перебродившие плоды хлебного дерева, выдержанные в земле в обертке из больших листьев. Их достают из ямы, толкут каменным пестом и добавляют немного свежих плодов. Получается густое кислое тесто, которое пальцами отправляют в рот.

Это блюдо — память о тех временах, когда Маркизский архипелаг был перенаселен и приходилось заготавливать пищу впрок, на случай неурожая. Уже столько поколений ело поипои, что островитяне просто не могут без него жить. Оно непременный

спутник любой трапезы. У нас тяжелое кислое тесто вызывало содрогание. Но ведь мы почти что сами напросились.

Ни тарелок, ни вилок, угощайтесь пальцами из общей миски, вперегонки с хозяевами и ребятишками.

Темнота выручила нас: мы только делали вид, что ели. Огромные тараканы, которые бегали по террасе, щекоча нам ноги, подъедали все, что мы незаметно выбрасывали.

Несколько тощих псов недоверчиво обнюхивали наш мешок. Им дали облизать посуду, когда кончился ужин, и по кругу пошло ведро с питьевой водой, из которого перед тем лакали собаки. Но вот, наконец, этот кошмар позади... Нас коробило при мысли о том, в какой обстановке здесь растут дети.

За едой не было сказано ни слова, но, когда все поели и детей уложили спать на пандануcовой циновке, Тахианитиани начала беседу. Мы любовались красивыми чертами лица и телосложением хозяйки и хозяина.

— Вео — хороший охотник, — сказала она, кивая в сторону мужа. — Вео хорошо знает остров.

И она вполголоса — чтобы никто чужой не услышал! — поведала нам удивительную историю.

В пустынной долине по названию Ханахоуа, на противоположном, труднодоступном конце острова, есть в скалах пять больших пещер. Вео удалось подняться к двум из них. Вход преграждали деревянные идолы, но Вео разглядел за ними в пещерах всевозможные орудия, украшения, изображения богов. Входить он не стал, потому что склепы охраняются табу — запретом предков.

Вео не трус, он согласен показать нам это место. Но долина Ханахоуа ограждена неприступными горами, туда можно попасть только с моря. А прибой там такой, что на обычной лодке не подойти. Однажды правительственная шхуна пыталась приблизиться к острову с той стороны — ее чуть не разбило о скалы, и пришлось отступить.

Лишь большие мореходные пироги могут справиться с тамошним прибоем. А таких пирог на всем острове только три. Если мы сумеем одолжить лодку и нанять четырех сильных гребцов, Вео покажет путь к пещерным тайникам.

Было уже поздно, когда мы неохотно прервали разговор о сокровищах и побрели с нашей ношей вверх по долине. Придя домой, мы высыпали черепа под нары — единственный тайник во всей лачуге.

Прямо на следующий день мы начали готовить поход за кла-

дами. Капитаном назначили звонаря, подобрали команду, лодку. Оставалось дождаться благоприятного ветра.

Однажды Лив разбудила меня среди ночи и шепотом сказала, что в комнате кто-то есть. Я лежал на краю нар и при свете луны хорошо видел, что наша лачуга пуста.

— Я слышала какой-то шум, — настаивала Лив.

Я успокоил ее — дескать, это ворочаются людоеды под нашей кроватью — и закрыл глаза.

Но тут мы оба вздрогнули. В самом деле шум, и в самом деле — под нарами! Мы заглянули под кровать. И усомнились в своем рассудке...

Три черепа кивали и качались, постукивая челюстями. Никакой живой людоед не придумал бы более дьявольской пляски! Мы оцепенели.

Вдруг Лив взвизгнула; в тот же миг через всю комнату метнулась черная тень и юркнула в щель в стене.

Маленькая безобидная крыса, которая пробралась сквозь затылочное отверстие в один из черепов, была виновницей переполоха!

Казалось, заколдованные лунным волшебством деревья колышутся от смеха, глядя на нас...

А через несколько дней примчался верхом молодой парнишка и сообщил, что в заливе бросила якорь «Тереора».

Старик Брандер пригласил нас отобедать — и очень удивился, узнав, что мы не собираемся уезжать. На одном из коралловых атоллов на юге кто-то рассказывал ему, что нас поразила слоновая болезнь и мы ждем не дождемся, когда придет корабль. А мы, выходит, в полном здравии и довольны своей жизнью! Брандер был от души рад за нас.

Среди пассажиров шхуны оказался французский художник Алло. Он делал зарисовки райского края и его обитателей. Мы сразу узнали Алло — он был вместе с нами на борту «Комиссара Рамеля». Теперь он сошел на берег, чтобы посмотреть на наш домик, но тотчас удрал обратно на шхуну, боясь, как бы комары не привили ему какую-нибудь заразу. Тщательно вымывшись с головы до ног, художник принялся натирать каждую ссадину и царапину мазями собственного приготовления.

— Здешние острова — ад, сплошные бациллы, — бурчал он. — При первом удобном случае уносите отсюда ноги.

И Алло сел в удобный шезлонг делать новые зарисовки обетованной земли.

Настала пора «Тереоре» уходить. На какой-то миг мы словно ощутили беспокойное дыхание большого мира. Когда-то еще она придет опять...

Под вечер на нашу дворцовую площадь пришел звонарь. В руке у него было несколько рыб. Если возобновилась рыбная ловля, значит, море успокоилось!

И пока Лив стряпала праздничный обед, я стал расспрашивать Тиоти, когда же состоится поход. Звонарь долго отмалчивался, только все время ерзал и почесывал себе спину. Что же такое стряслось? В конце концов мне удалось выжать из него, что с «Тереорой» на остров прибыл отец Викторин, французский католический священник. Он уже много лет объезжал острова, печась о своей пастве, и сейчас на время поселился в деревне Омоа.

Обнаружив, что в джунглях живут двое белых, которые к тому же подружились со священником-протестантом, отец Викторин воспылал к нам непримиримой ненавистью. Он столько трудов потратил, обратил в истинную веру всех местных жителей, не считая двоих, а теперь его достижения под угрозой! Узнав, что белые — протестанты, фатухивцы, чего доброго, переменят веру! Отец Викторин хорошо помнил, что́ произошло на острове Такароа. Там было триста католиков, но стоило явиться миссионеру-мормону, как двести девяносто восемь островитян стали мормонами, и остался один католик и один протестант, на каждого из которых приходилось по огромной церкви. На тихоокеанских островах борьба за души смуглых жителей велась не на жизнь, а на смерть... Побеждал более щедрый священник, который строил самую роскошную церковь. Впрочем, души не очень сопротивлялись. Островитяне шли в церковь для того, чтобы щегольнуть там своими лучшими нарядами. Явиться к богослужению без шляпы здесь неприлично. Праздничная обстановка, пение — все это делает храм божий единственным увеселительным заведением на острове.

В первой же своей проповеди отец Викторин ополчился против нас. Дескать, мы протестанты, басурманы. Дескать, не грех и соврать нам, обмануть нас, сделать все, чтобы отравить нам жизнь. Никаких подарков нам давать не надо, а зайдет речь о покупке чего-нибудь — драть с нас втридорога. И складывать товар возле дома, ни в коем случае не переступать порога нашей лачуги. Он уговаривал прихожан следить за каждым нашим шагом: неспроста мы поселились одни в джунглях, наверно задумали что-то недоброе...

Островитяне выходили из церкви в отличном настроении. Можно ли придумать более легкий и приятный способ заработать путевку в царство небесное!

— Вот так же он все эти годы преследует меня и Пакеекее, — объяснил звонарь. — Стоит ему явиться на остров, как всю деревню восстанавливает против нас. Земляки разговаривать с нами не хотят. Ничего, скоро уедет, и они позабудут его наказы...

Мы были вне себя. Меня так и подмывало пойти в деревню и вздуть этого негодяя в черной сутане. В этой глуши у нас вдруг появился серьезный враг: белый, которого мы до тех пор и в глаза-то не видели! Какая несправедливость. Будто мы покушались хоть на одну из его душ...

А звонарь Тиоти уже рассказывал про больного слоновой болезнью Хаии, который разбавил мочей апельсиновый сок и послал протестантскому священнику, надеясь его заразить; рассказывал, как про Пакеекее сочиняли грязные небылицы, чтобы на него донесли правительству, как с ним проделывали самые подлые шутки. Мы оторопели: что-то нас ждет?..

Поход за кладами сорвался. Католики отказались грести, а два протестанта, Лив и я не могли одни управиться с мореходной лодкой. К тому же за день пользования ею с меня запросили столько, что за эти деньги на Таити можно было купить себе лодку в полную собственность.

Всю ночь длилось наше совещание, и на рассвете мы, захватив рюкзаки, покинули свой домик. Решили походить по горам, пока в деревне не утихнут страсти. Звонарь не изменил дружбе. Он привел нам двух лошадей — свою и священника; на одну мы навьючили орехи, фрукты, котелок, палатку, плед и несколько банок тушеной говядины, полученных на «Тереоре».

Путь на тропу, ведущую в горы, лежал через деревню. Из многих домов поглядеть на нас вышли католики. Они уже не приветствовали нас обычным «каоха», а с презрительным видом о чем-то перешептывались между собой. Вот и дом отца Викторина. Хозяин в это время спал.

Наконец наш караван ступил на тропу, извивающуюся вдоль склона над бухтой. Впереди верхом ехала Лив, за ней шли я и звонарь; приемный сынишка священника Пахо вел навьюченную лошадь. Чем выше мы поднимались, тем лучше становилось настроение. Мы смеялись над этими негодяями, которые думали нас сломить.

Вот и солнце вышло из-за гор. Дул легкий свежий ветерок, внизу простерся могучий океан... Тропа, петляя, карабкалась все

вверх и вверх, достигла гребня и продолжала подниматься вдоль него. Природа здесь была совсем дикая. Крутой склон отвесно обрывался в долину; поглядишь вниз — голова кружится. Где-то на противоположном склоне должна быть наша лачуга... Вон она, под пальмами, которые с высоты кажутся не больше цветочного венчика!

Начались горные луга. Самый воздух говорил о том, как мы высоко забрались. Нам столько рассказывали об этой части острова, которая никем не изучена и не нанесена на карты, а в специальной литературе почему-то названа пустыней. Иногда островитяне брали копья и отправлялись сюда на охоту с собаками, но холод быстро прогонял их обратно в долину. К кому из фатухивцев мы ни обращались, каждый по-своему описывал виденное. Теперь я понял, в чем дело: местность и в самом деле была удивительная. Ничего похожего на пустыню — напротив, такое разнообразие, такая красота, о которой я и не мечтал. Острые пики и шпили чередовались с круглыми макушками и плоскими площадками. Непроходимые дебри сменялись обширными лугами, луга — редколесьем и всякими причудливыми растениями. Мы наконец-то увидели цветы, почувствовали чудесное благоухание, которого нам так недоставало в сырой пальмовой долине. В листве копошились звонкоголосые птицы, над цветами порхали изумительные бабочки, летали разноцветные жучки.

Тут — пропасть до самого дна долины или берега моря, там — воткнувшиеся в небо пики... Мы были на высоте примерно тысячи метров. Здесь никто не жил — слишком холодно для полинезийцев. Нам горный климат казался идеальным, мы словно очнулись от вечной дремы, которая угнетала нас в долине.

Впереди раскинулся обширный луг с сухим папоротником и кустами гуайявы, усыпанными плодами, из-за которых маленькие птицы сражались с осами. Гуайява напоминает желтое яблоко, а ее сердцевина — вроде огромной малины. Необычный плод сразу пришелся нам по вкусу. А вообще здешние горные леса, несмотря на пышную растительность, бедны плодовыми деревьями. Можно увидеть кокосовую пальму или банан, но их очень мало. Иногда возле тропы нам попадались огромные манговые деревья.

Наши смуглые друзья жаловались, что зябнут. Дескать, им тут конец придет — еще никто не отваживался ночевать так высоко в горах. Тогда мы рассказали им про нашу страну, где вода от мороза делается как камень, а дождь, замерзая, превращается в белый песок. Рассказали, как мы без лодки ходили по морю и спали в шалашах, которые делали из замороженного дождя. Они

только рты разевали, слушая такие басни. На Фату-Хиве тепло круглый год...

Пахо шел последним, стуча зубами от холода и покатываясь со смеху от наших выдумок. Чудесный парнишка — крепкий, стройный, славное лицо. Ему всего двенадцать лет, и такого озорника свет еще не видал. Затеет какие-нибудь плутни и хохочет на весь лес, словно Пан. Или мчится верхом с тарзаньими воплями. Мало кто из взрослых умел так быстро забраться вверх по стволу кокосовой пальмы, и никто проворнее его не бил копьем рыбу с острых камней в заливе. Этот живой, подвижный, как ртуть, бесенок мог и соврать, и смошенничать, но все равно он нам нравился.

Мы шагали по тропе сквозь заросли папоротника, грызя гуайявы. Вдруг Пахо выпустил из рук повод вьючной лошади и помчался вниз по склону. В жизни не видел такого отчаянного бега: два шага — огромный прыжок, два шага — прыжок. Миг, и исчез за гребнем.

Мы решили было, что парень свихнулся, но тут снизу донесся дикий крик и визг, а затем Пахо вынырнул из-за гребня, держа в руках какое-то бешено отбивающееся существо. Мы не сразу разглядели, что́ это такое, но и без того можно было догадаться, что способен так визжать только поросенок! Да-да, мальчуган поймал руками дикого поросенка! И теперь они словно старались перевизжать друг друга. Вот Пахо пробивается сквозь высокий, по грудь, папоротник, одной рукой держа звереныша, а другой сжимая его морду, чтобы не отхватил пальцы.

И тут мы увидели такое, что я не скоро забуду. Куда там приключенческим фильмам! В папоротнике мелькнула черная спина дикой свиньи с взъерошенной щетиной, а с другой стороны мчалась вторая! Точно два паровоза неслись прямо на мальчишку, который стиснул в объятиях визжащего поросенка.

Мы вскрикнули от страха, предупреждая Пахо об опасности. И когда первый зверь был совсем близко, мальчишка, издав пронзительный боевой клич, тигром отскочил в сторону. Еще прыжок, еще, но беспокойную добычу он не отпускал. Каким-то чудом Пахо увернулся от преследования и доставил нам свой трофей!

Под градом камней свиньи отступили. Но когда звонарь накинул на шею поросенку лубяную веревку, звереныш щелкнул зубами, вырвался и улизнул в заросли. Пришлось силой удерживать Пахо, чтобы он не ринулся вдогонку.

Наконец мы пришли к горному источнику — маленькой ямке

с водой в пещере Теумукеукеу. Разбили лагерь, а наши друзья, сев на лошадей, галопом помчались вниз.

И вот мы одни, а вокруг самый красивый ландшафт, какой нам приходилось видеть до сих пор на тихоокеанских островах. Под сенью дерева, покрытого кроваво-красными цветками, мы сделали себе ложе из папоротника. Рядом стеной стоял лес с неведомыми растениями. Впереди полого спускался луг, дальше открывался вид на плато и горы Ханававе. Стемнело, мы разожгли костер, чтобы вскипятить чай — сухие апельсиновые листья. Я перевернул большой камень; под ним вокруг кучки белых яиц извивалась огромная ядовитая тысяченожка. И этот рай не без змеи...

Стало и впрямь холодновато. Мы завернулись в пледы и уснули.

Чудесное это было время. В горах мы дышали чистым, свежим воздухом. Простор и воля, никаких комаров, никакой заразы. Только красивые растения и дикие животные, потомки одичавшего домашнего скота.

Когда во времена парусного флота на остров впервые приплыли белые, островитяне знали из домашних животных одну лишь свинью. С кораблей доставили на берег другие виды, но полинезийцы считали всех их разновидностями свиньи! Лошадь назвали «свинья, которая быстро бежит по дороге», коза стала называться «свинья с зубами на голове». Новые «свиньи» размножались так же быстро, как старые. Люди вымирали, долина за долиной становились необитаемыми, а скот, уйдя в горы, отлично там прижился. Вот откуда на острове появилась дичь.

Множество диких лошадей, ослов и других животных паслись на горных лугах. Горе тому, кто встретит стаю диких собак! Большие и маленькие псы всевозможной масти с воем и лаем гонятся за перепуганными козами и овцами; они справляются даже с телятами. А если одна из собак погибнет от грозных клыков дикого кабана, вся стая с воем набрасывается на убитую.

Дикие кошки лазят по деревьям, грабя гнезда, или охотятся за крысами и дикими курами среди развалин в долине. Птенцы и птицы — добыча кошек, а яйца остаются крысам, которые тоже умеют лазить по деревьям. Поэтому количество птиц здесь резко сокращается. Многие ранее известные виды почти вымерли, иных уже нет совсем. Морским птицам достается не так. Они гнездятся на голых утесах или отвесных стенах, куда крысам не пробраться.

Одичавшие твари внесли немалое своеобразие в местную фауну...

Островитяне ловят лубяными арканами длинноногих диких жеребят. Позже нам не раз доводилось верхом на объезженных конях подниматься на высокогорные плато. Отличные кони — сильные, надежные.

Часто тропы вились вдоль головокружительных пропастей, на дне которых торчали острые камни. У нас невольно сосало под ложечкой, когда кони трусили по самому краю тропы, небрежно пощипывая свисающую вниз травку. Уздечкой служила веревка, обвязанная вокруг лошадиной морды. Если мы натягивали ее, пытаясь увести лошадь от края тропы, животное только становилось на дыбы и затевало такую пляску, что мы поспешно уступали. Впрочем, мы быстро прониклись доверием к этим жителям гор. Бывало, едешь ночью, в кромешном мраке по горным карнизам — и никогда лошадь не оступится. Нам рассказали лишь об одном случае, когда островитянин вместе с конем сорвался в пропасть. Но в тот раз тропа была сырой и скользкой после дождя.

Кстати, мы тоже однажды попали в переделку на краю бездны и сильно перепугались. Мы шли по горному карнизу, Лив — впереди, я — за ней, ведя на поводу Туивету, объезженного дикого жеребца, сильного и не очень-то послушного. Карниз был не больше полуметра шириной. Справа в долину Ханававе обрывалась пропасть, слева вздымалась отвесная стена. Робко прижимаясь к скале, мы любовались замечательным видом. Вдруг впереди показались три дикие лошади: могучий жеребец, кобыла и жеребенок с курчавой гривой. Кобыла и жеребенок повернули обратно, а жеребец остался прикрывать отступление.

Звонко заржав, Туивета мотнул головой и рванулся было навстречу чужаку, который подходил все ближе. Я дернул повод, тогда Туивета встал на дыбы, силясь вырвать веревку у меня из рук. Я крикнул Лив, чтобы она прижалась плотнее к стенке, и сам сделал то же. Туивета опять бросился вперед, и жеребцы встретились в нескольких шагах от нас. Несколько секунд они, дрожа от напряжения, стояли голова к голове, точно мерялись силами. И началось... Они кусались, брыкались, ржали, вставали на дыбы. Каждый миг мы ждали, что один из них полетит кувырком с обрыва, как это бывало у нас на глазах с дикими козами, спасающимися от собак. Но жеребцы твердо стояли на ногах. Только вьюк взлетел в воздух и исчез в пропасти. Пледы застряли в расщелине, все остальное пропало безвозвратно.

Победил в поединке Туивета. Дождавшись, пока кобыла и жеребенок уйдут достаточно далеко, чужак отступил, сохраняя гор-

дый вид. Теперь Туивета спокойно позволил поймать себя. Он был доволен победой, и только пропажа вьюка смущала его.

...После каждой такой вылазки в горы мы крайне неохотно возвращались в долину. Вверху было так хорошо и вольготно! Но запасы продовольствия ограничивали нас. Плодовых деревьев в горах почти не было, и охотиться нам было не с чем.

Направляясь домой из первого похода, мы чувствовали прилив новых сил. Оцепенение, которое так долго владело нами, прошло, и даже долина казалась уже не такой душной. Католики встретили нас любопытными взглядами. Пока мы жили в горах, они подсылали к нам лазутчиков — проверить, не затеваем ли мы каких-нибудь козней против них. Мы показали лазутчикам банку с зоологическими образцами, и нас оставили в покое.

Твердым шагом мы направились прямиком к дому патера, решив познакомиться с нашим врагом и объяснить ему, что мы не конкурирующие проповедники.

Сразу за большой церковью католиков стояли два домика с террасами. Один домик пустовал; прежде, когда на острове еще было много жителей и он не считался захолустьем, в нем жил французский управитель с жандармами. Рядом с домом валялся старый барабан — когда-то старик Иоане бил в него, извещая о появлении шхуны в бухте. Где ты, былое величие...

Мы подошли к террасе второго домика. Там, окруженный ребятишками, сидел человек в черной сутане. Он обучал детей азбуке. Родители не могли этого сделать, так как они сами были неграмотны. Увидев нас, человек в сутане встал. Мы поднялись по ступенькам и оказались лицом к лицу с отцом Викторином. Его маленькая, щуплая фигурка тонула в просторной сутане. Он учтиво предложил нам сесть. Мы сели.

Патер был весь сплошная улыбка, его любезность не знала границ. Казалось, он не чувствует к нам никакой вражды — если бы не колючие глаза, которые так плохо согласовались с улыбкой. со всем его обликом. Эти глаза ненавидели нас.

Мы затеяли светскую беседу. О том, о сем, о нас самих. Очень тонко патер отвел разговор от острых вопросов. Но мы все-таки воспользовались случаем и дали ему понять, что коллекционируем представителей фауны, а не человеческие души.

Отец Викторин рассказал нам о себе. Тридцать три долгих года, с тех пор как его прислали сюда из Франции, он в одиночестве путешествует по островам Маркизского архипелага. Живет вместе с полинезийцами в их грязных лачугах, ест их пищу, сидит у ложа больных и умирающих. У него нет ни единого друга:

он не смог завоевать расположения островитян. Нет никаких развлечений. Природа во всех ее проявлениях для него не существовала. Жизнь большого мира шла своим чередом, жизнь архипелага — своим. Одинокий, заброшенный, отверженный, он видел смысл своего бытия в одном: сделать из островитян католиков, всех записать в приходские книги! Хоть именем овладеть, если не удастся завоевать душу!..

Словно одержимый филателист, панически боящийся потерять хоть одну марку из своей коллекции.

Что ж, его можно было понять. Не удивительно, что он прибегает к любым средствам, чтобы достичь своей цели. И отец Викторин не скрывал своей жгучей ревности к нам. Нас двое. Мы молоды. Он один и стар, и ему нечего вспомнить, потому что жизнь потрачена впустую.

Мы молча пошли домой.

Глава шестая МЫ НАРУШАЕМ ТАБУ

На лодке вдоль побережья. Страшный склеп. Тайна «Большого камня». Быть беде. На гребне волны. «Ночная вода» принимает гостей

С большим трудом наша лодчонка пробивалась через длинные валы, катившие к берегу. Утреннее солнце ласково освещало дикий пейзаж, над океанским простором веяло свежестью: ее нес пассат.

На корме, обняв гроздь бананов, лежала Лив. Она слушала, как мы с Тиоти обсуждаем план нашей поездки. За кладами в Ханахоуа?.. Нет, сорвалось, и все из-за отца Викторина. Для рыбной ловли долбленка Тиоти еще годилась, но с наветренной стороны острова лучше на ней не появляться. А направлялись мы в долину Ханававе, решили исследовать участок леса, объявленный запретным. Один из великих шаманов прошлого наложил табу на эти заросли, и с тех пор никто не смел туда заходить. Большинство табу давно утратили свою силу, но этот запрет еще действовал, как и тот, который охранял вход в склепы Ханахоуа. Всяческие ужасы, а то и смерть грозили нарушителю. Протестант Тиоти очень красочно все это расписывал. Он не сомневался в том, что древние людоеды знались с бесами.

Гребем и гребем, вверх и вниз по волнам, и берегу нет конца. Долина за долиной скользили мимо. Забытые, обезлюдевшие. Высоко на склонах паслись пятнистые козы; из-под пальм смотрел на лодку щетинистый кабан. Посмотрел и опять принялся уписывать падалицу под хлебным деревом. Кто сказал, что долина необитаема? Вон сколько домашних животных! Только люди вымирают.

Но вот, наконец, горы раздались, и нашему взору предстала долина Ханававе. Полно, не мираж ли это?.. Стройные пальмы, острые пики. Красные скалы и зеленые заросли. Выветривание изваяло на склонах гор причудливых троллей и другие исполинские чудовища. Не мудрено, что здесь родились суеверия... Будто

заколдованный мир, огороженный неприступными грядами. В глубине долины мы увидели отверстие в горе, сквозь которое просвечивало небо. Само время прогрызло туннель в вершине. Через этот проход когда-то прорывались в Ханававе воинственные людоеды из Ханахоуа. Они лазили по горам не хуже коз и высекали в камне узенькие тропки. Но с тех пор тропы осыпались, и теперь к туннелю, который носил замысловатое название Техавахиненао, не пройти. Так что с той стороны в Ханахоуа не попадешь.

Мы не захватили ничего съестного, и до того, как высадиться на берег, надо было обеспечить себя пищей. В глубине бухты резвились серебристые рыбки. Тиоти встал в лодке и с силой метнул копье с плоским наконечником. Описав дугу, оно опустилось прямо в рыбью стаю, и торчащее из воды древко красноречиво говорило о том, что цель поражена.

И вот мы идем через деревушку. Полсотни островитян — все, что осталось от могучего племени в долине Ханававе, где некогда правили три короля: один в верховьях, у гор, второй в средней части долины, третий — на берегу. Все трое враждовали с обитателями Ханахоуа, и в лесу до сих пор можно увидеть каменные вышки, с которых караульные наблюдали за туннелем в горе. А когда враг вел себя смирно, три короля воевали между собой. Смерть угрожала каждому, кто переступал границу соседа. Из верхней части долины никто не смел спускаться к берегу, ловить рыбу, а жителям побережья нельзя было подниматься вверх за плодами.

Мы ступили на узкую тропку. Впереди, насвистывая, шагал долговязый Тиоти; у него на плече лежала острая палка, на которую был нанизан плод хлебного дерева. За ним, неся рыбу, следовал я. Замыкала шествие Лив. Она без устали уписывала апельсины. Чудесные плоды — сочные, ароматные. Но апельсиновый рай Ханававе явно никого не соблазнял... Выйдя из него, мы очутились в густых зарослях. Тропа извивалась между кустарниками и древними каменными изгородями.

Тиоти перестал свистеть. Мы приближались к заколдованному лесу. Наш проводник нерешительно предложил сделать привал. Чудесный запах дыма и печеных плодов хлебного дерева распространился меж стволов. Рыбу изжарили на угольях.

Закусив, повели речь о табу. Тиоти его не боялся. Он звонарь, протестант, ему никакая чертовщина не страшна. Людоеды, табу — это все с бесами связано. Он легко может доказать это. И Тиоти рассказал про один случай.

Последнего великого шамана-кудесника — он еще был жив, когда на Фату-Хиве появились белые,— звали Тукопана. Он просла-

вился на все Маркизские острова своим колдовством. Перед смертью Тукопана призвал короля и весь свой народ и показал им двух идолов из белоснежного камня — одного побольше, другого поменьше. Кудесник возвестил, что его душа вселится в большого каменного бога, который будет носить имя Тукопана. В маленького божка вселится душа его любимой покойной дочери. Все будущие поколения должны поклоняться этим идолам.

Тукопана умер. Каменные изваяния поставили среди сотен оскаленных черепов на площадке у моря — на той самой площадке, на которой мы однажды побывали.

А лет двадцать назад на Маркизские острова прибыл французский губернатор. Он услышал историю про Тукопану и его дочь, и ему очень захотелось присвоить редкостные статуи с Фату-Хивы. Губернатор силой заставил четырех полинезийцев отнести тяжелых идолов на его шхуну и увез изваяния в деревню на Хива-Оа, где был его дом. Тукопану и его дочь поставили у въезда на участок губернатора. Жители Хива-Оа сильно перепугались.

Вскоре над Маркизским архипелагом разразился страшный ураган. День за днем хлестал проливной дождь. Огромный поток сорвался с гор и понесся вниз по долине. Он валил деревья и пальмы, мчась прямо к усадьбе губернатора. Дом был разбит в щепки, а, когда наводнение кончилось, Тукопана и его дочь словно провалились сквозь землю. И по сей день продолжаются поиски этих каменных изваяний. Но тщетно...

Новый дом губернатора построили подальше от старого участка.

Мы все еще были под впечатлением рассказа, когда пересекли журчащий ручей и нырнули в лес, охраняемый табу. Темно и сыро, густые заросли манго — словом, дебри как дебри. Почему на них наложен запрет?

Вдруг перед нами выросла высокая, в рост человека, замшелая стена. От волнения у меня пробежал холодок по спине. Стена была сложена из больших обтесанных камней. Я осторожно взобрался на нее. Лив и звонарь последовали моему примеру, и мы очутились на площадке, сделанной из тщательно пригнанных друг к другу тяжелых камней. Густые кроны почти не пропускали света, было темно и мрачно.

Я старался понять, как могли древние люди доставить сюда такие огромные плиты и сложить из них стену?.. Вдруг раздался громкий возглас Тиоти: он что-то обнаружил!

Мы подошли к нему. Две большие красные плиты были приставлены друг к другу наподобие скатов крыши. Дерн и корни закрывали поверхность камней, но когда мы их расчистили, то

увидели высеченные на плитах древние рисунки, странные фигуры. Боги или дьяволы?.. Во всяком случае нечто гротескное. Одни размышляли, подперев рукой подбородок, другие стояли, сложив руки накрест, третьи вскинули руки вверх. Какие большие торчащие уши — на человека и не похоже! Среди бесовских созданий было причудливое двойное изображение: на одном цоколе две совершенно одинаковые фигуры.

На второй плите были высечены три пляшущих большеглазых существа с отвислыми ушами; одна рука на бедре, другая изогнута над головой. Они четко выделялись на кроваво-красном камне. А рядом с ними вычерчен какой-то геометрический орнамент.

Неожиданный ливень вынудил нас поспешно укрыться под широкими листьями. А когда мы вернулись на старое место, то приметили еще одну плиту, приставленную сбоку к двум первым. Промежуток между плитами в другом конце был тщательно заложен камнями. Мы осторожно разобрали преграду и увидели за ней черное отверстие. Тут что-то есть...

Лив даже ахнула от возбуждения. Я осторожно спустил в отверстие ноги. Это было уже слишком для звонаря.

— Будь у тебя большой фонарь, ты бы мог выгнать оттуда бесов,— сказал он.

А так как у нас фонаря не было, Тиоти предпочел отойти в сторонку.

Проход был очень узкий, но я поднял кверху руки, втиснулся в него и очутился в кромешной тьме. Ощупывая сырую холодную стену, сделал шаг-другой, потом решил зажечь спичку. Чиркнул, но она тут же погасла. Мелькнул кружок света на гладком влажном камне, и опять — мрак.

Еще одна спичка, еще... Гаснут! Я присел на корточки, заслонил коробок рукой и чиркнул снова. Опять впустую. Но то, что я успел заметить, когда на миг вспыхнул свет, заставило меня вздрогнуть: череп! Даже в темноте я мысленно видел его. Достаю спичку, чиркаю — не тем концом. Следующая спичка загорелась. Да тут целый скелет простерт на земле! Пожелтевшие кости наполовину ушли в почву. Наверное, какой-нибудь древний король или могущественный кудесник нашел здесь последнее пристанище...

Замысловатые фигуры на крыше склепа явно были призваны отгонять злых духов. А так как самые злые «духи» на тихоокеанских островах — белые люди, я поспешил выбраться из склепа на волю. Спи спокойно, старина...

Сразу за каменной платформой поднималась гора Мотунуи — «Большой камень». Она торчала над лесом, будто «чертов палец». Ветры и дожди отполировали скалу, и лишь несколько косматых деревьев ухитрились зацепиться на крохотных выступах, свесив вниз длинные-длинные корни. Вот по этим-то корням мы полезли вверх — Тиоти, его друг Фаи и я. Как ни спорила Лив, мы ее оставили в долине. Тут и мужчине-то взобраться не просто! Цепляясь руками и ногами, помогая друг другу, мы карабкались по тугим корням.

Большой камень подался под моим коленом и запрыгал вниз. Провожая его взглядом, я прямо под собой увидел широкополую шляпу звонаря.

— Берегись! — завопил я и в ужасе зажмурился.

Теперь конец Тиоти... Не смея еще раз посмотреть вниз, я слабым голосом спросил, обращаясь в пространство, что произошло.

— Камень разбился о голову Тиоти,— донесся снизу спокойный ответ.

Говорил Тиоти. Значит, сумел увернуться!

Узкий карниз пересек отвесный склон. Фаи вскарабкался на него первый — и хотел тут же вернуться: скелеты! Мы увидели целую пещеру, полную старых деревянных коробов, в которых лежали черепа и кости, обернутые в лоскуты белой тапы. Тапу делали, обрабатывая колотушками кору дерева эуте; теперь это дерево исчезло.

Со свода пещеры свисали длинные косы, сплетенные из черных как смоль человеческих волос. А за деревянными коробами, которые выдолбили в мощных стволах каменными орудиями и обожгли изнутри, стоял ящик, сколоченный из досок. В нем лежал скелет в европейской одежде с пуговицами. Неприятное зрелище: уж не моряк ли попал когда-то в лапы прожорливых людоедов?..

Храбрый Фаи уже начал спускаться, когда я услышал его вопль:

— Она может упади! О-о! Тогда меня тюрьма сади!

Мы заглянули в пропасть. Лив преспокойно карабкалась вверх по корню! Миг, и она уже на карнизе!

Когда мы наконец спустились в долину, я облегченно вздохнул. А наши смуглые друзья были в полном смятении. Нарушено табу! Теперь не миновать кары!.. Быть беде. Фаи и Тиоти настолько верили этому, что в самом деле следовало ждать какого-нибудь промаха.

На следующий день мы простились с долиной и стали спускать на воду нашу лодку. Надо сказать, что это далеко не просто. Мо-

гучие океанские валы, рокоча и пенясь, один за другим набегают на берег и с ревом обрушиваются на гальку. Только полинезийцы умеют покорять эту бурную стихию. Они обычно долго стоят на берегу, ожидая «подходящей» волны. Что это за «подходящая» волна, нам так и не удалось уяснить. Может быть, она чуть пониже других? И чуть подальше оторвалась от следующего вала?

Итак, мы стоим, ожидая «подходящей» волны. Стоим на безопасном расстоянии от прибоя, лодку держим в руках, готовые в нужный миг бежать с ней в воду. Внимание, обрушилась ожидаемая волна! Мы ринулись в пенный хаос, прыгнули в лодку и лихорадочно заработали веслами, чтобы подальше отойти от берега, пока нас не накрыло следующим исполинским валом.

Несколько сильных гребков, и мы очутились на гребне, который взметнулся вверх и стремительно понесся к берегу, курчавясь грозной пеной... И тут оказалось, что звонарь, пребывая в расстроенных чувствах, забыл воткнуть затычку в днище! Из дыры фонтаном била вода! Я выпустил весло и зажал дыру ладонью, а звонарь отчаянно греб, силясь вырвать лодчонку из объятий волны. Пирога уже наполовину заполнена водой... Нам еле-еле удалось пробиться за полосу прибоя. Тиоти принялся вычерпывать воду своей шляпой, Лив — скорлупой кокосового ореха, а я поспешил законопатить отверстие кокосовой пенькой. Опасность миновала...

Океан плавно покачивает наше суденышко, мы идем вдоль берега, где стоят чередой пышные пальмы. Нет, возвращаться домой рано, у нас задумано пройти еще дальше. На северной оконечности острова есть безлюдная долина — Таиокаи. Нас манила туда Ваи По — «Ночная вода» — таинственное подземное озеро, о котором не слышал до нас ни один белый. Этому озеру посвящено старинное предание, герои которого, Капири и Кеакеа, заходили в пещеру и видели теряющийся во мраке водоем...

Вверх-вниз, вверх-вниз по изрытой волнами поверхности океана. Смуглый, белозубый Фаи не отстает, хотя его лодчонка еще меньше нашей. Она нам пригодится на таинственном озере.

Можно подумать, что долины кончились: сплошь отвесные стены, острые пики и шпили. Глубина такая, что прибоя нет, волны покорно лижут камень. Мы подошли вплотную к скалам.

Стаи красных, серых, зеленых и черных крабов заметались по каменной стене, ныряя в ямки и расщелины. Но от копья Тиоти не уйти! Попадались большие гроты — такие большие, что в дождь там могли бы укрыться несколько лодок. Вода — кристальная, а

рыбы — как в садке. Сновали огромные рыбины всех цветов радуги, дно испестрили маленькие кораллы и актинии. У поверхности воды, укрывшись в ямки, высовывали свои грозные клешни омары. Не такие, как у нас в Норвегии, а полуметровые богатыри, с узловатым колючим панцирем, расписанным яркими узорами. Непревзойденные красавцы здешних вод.

Но всего удивительнее была рыба, которая умела ходить по суше. Величиной с палец, черная, большеголовая, она скользила с волной к скале, подпрыгивала, приклеивалась к камню и начинала скакать так, словно боялась, как бы ее не замочило! Нагуляется вдоволь и ныряет в воду, но ненадолго. Вот она уже спешит к берегу с очередной волной.

На закате мы добрались до Таиокаи. Подойти к берегу так же трудно, как уйти от него, нужно опять-таки подстеречь «подходящую» волну. Обычно Тиоти великолепно с этим справлялся, но сегодня у него все не ладилось.

Лодчонка Фаи уже проскочила через прибой, когда звонарь наконец облюбовал себе волну. Благодаря балансиру полинезийские лодки чрезвычайно устойчивы. Они могут опрокинуться, лишь если балансир высоко подбросит или утопит волной. А для этого требуется немалое усилие. Но мы слишком рано оседлали гребень. Балансир взлетел вверх, лодка опрокинулась, и вот уже мы барахтаемся в воде, лихорадочно цепляясь за днище. Могучий вал вышвырнул нас на берег.

— Табу,— первым делом вымолвил звонарь, когда мы, избитые, наглотавшиеся соленой воды, поднялись на ноги.

Но ведь все обошлось благополучно! И лодка как будто цела.

В подступивших к самой воде зарослях мы развели костер и устроили привал, чтобы обсушиться и осмотреть свои ссадины. Потом свернулись в клубок, намереваясь поспать.

В жизни не проводил более беспокойной ночи! Оказалось, что на этом берегу обитают тысячи раков-отшельников. Всю ночь напролет они бродили туда и обратно, таская за собой свои краденые раковины, некоторые величиной с детскую ладонь. Самые нахальные упорно пытались протиснуться под нами или карабкались через нас, причем щипали и кусали без всякой жалости. И когда рассвело, наше терпение лопнуло, мы решительно стряхнули с себя всех мучителей. Они обиженно спрятались в свои домики.

Тиоти, Лив и я стали искать на берегу что-либо съедобное на завтрак, а Фаи, захватив веревку из луба борао и большой нож, пошел в лес. Вернулся он с большой ношей апельсинов и плодов

хлебного дерева. Кроме этого мы зажарили несколько съедобных улиток прямо в их раковинах.

А затем отправились на разведку. Некогда в Таиокаи было многочисленное население. Но злой рок преследует эти острова. Целый горный гребень обрушился и засыпал долину вместе с хижинами и людьми. От сотрясения родилась могучая волна, которая прошла не один десяток километров по океану. И по сей день Таиокаи окружают страшные, крутые обрывы. Бо́льшая часть долины завалена глыбами, лишь кое-где можно увидеть остатки древних стен; сверху гигантская осыпь поросла кустарником.

Неприятное место... Ночью мы то и дело слышали грохот камнепадов.

У подножия горы Фаи отыскал вход в грот. Широкая расселина уходила в мрак. Согнувшись, мы нырнули туда и пошли вниз по камням. Вдруг в темноте, озаренный светом из трещины позади нас, засветился белый песчаный бережок. Над головами нависал тяжелый свод, неровный, волнистый, словно окаменевшее море. Здесь все казалось таким огромным... Белый песок омывала кристально чистая вода подземного озера, которое терялось в непроницаемой тьме. Ваи По — «Ночная вода»... Наши друзья были поражены не меньше нас: такие большие гроты на здешних островах редкость.

Тиоти и Фаи принесли в грот маленькую лодку и благоговейно спустили ее на воду. Лив и я, взяв керосиновый фонарь, отправились путешествовать в таинственный мрак. Казалось, в гроте звенит колокольчик. Из тьмы доносились чистые мелодичные звуки. «Кликк-клакк-клюкк-клокк-кликк...» Волны от лодки разбегались по зеркальной глади и извлекали чудную музыку из невидимых каменных стен. Призрачный свет из входа падал на Фаи и Тиоти; они сидели на корточках на берегу тихо, как мышки. Несколько серебристых полосок протянулись по синей воде, смешиваясь с красными и желтыми бликами от нашего фонаря.

Красота грота произвела на нас незабываемое впечатление.

Но вот за черным выступом исчезли Фаи и звонарь и пропали все краски. Теперь со всех сторон нас окружал плотный мрак и огонек фонаря казался таким крохотным, беспомощным... Напоследок наши друзья успели еще крикнуть нам что-то про табу и про морских чудовищ.

Мы гребли не спеша, и лодка скользила медленно-медленно. Лучше быть осторожным: еще попадешь в какое-нибудь течение. Да мало ли что может случиться.

Звон колокольчиков прекратился, теперь было слышно только, как падают капли со свода. Мы зачерпнули воды и отпили глоток. Холодная, удивительно вкусная, чуть солоноватая. А ведь мы, наверно, были ниже уровня моря.

Лив взяла заложенный за ухо цветок тиаре и бросила в озеро. Цветок замер на месте: у поверхности совершенно не было течения. Идем на лодке все дальше, дальше... Когда же кончится грот? Вдруг мы больно стукнулись обо что-то головами. Свод опустился совсем низко. Пригнулись, но и это не помогло; вскоре нос лодки уперся в скалу.

Однако «Ночная вода» простиралась под скалой еще дальше.

Предание рассказывает, что где-то здесь, если нырнуть, можно найти скрытое отверстие. Широкий ход ведет в другую пещеру, которая расположена выше и не затоплена водой. Будто бы там, пока обвал не погубил жителей Таиокаи, жил шаман здешнего племени. И будто бы скелет шамана и по сей день сидит в каменном кресле у алтаря в подземном святилище. Мы не решились проверить.

Когда мы выбрались на волю, наши смуглые друзья озабоченно глядели на небо. Тиоти почесал затылок. Плохо дело. Конец хорошей погоде. Теперь опасно выходить в море на пироге. Увы, погожие дни редки на Фату-Хиве.

Надо было спешить. Мы побежали к лодке и снесли ее к воде. Нам стоило немалых усилий прорваться через бушующий прибой. А теперь — назад, к долине Омоа, к нашей бамбуковой хижине, скорее, пока шторм еще только начинается.

Мы отошли подальше от берега, а Фаи вел свою лодчонку так близко к скалам, что ее швыряло то в одну, то в другую сторону. Валы стали еще выше и круче прежнего. И хотя мы побросали за борт все наши запасы фруктов, казалось, нас вот-вот захлестнет.

Был уже вечер, когда мы опять поравнялись с Ханававе. Солнце нырнуло в океан, оставив в небе красочное зарево. Потом и оно погасло, наступила ночь. Тьма-тьмущая, хоть глаз выколи.

Водная равнина становилась все более пересеченной. Мы то скользили вниз по крутому склону, то с трудом карабкались вверх, то скатывались наискосок в пропасть. Приятного мало... Ничего не видно, вдруг откуда-то из мрака на тебя обрушивается стена холодной воды. Давай вычерпывай! А через минуту лодка опять почти полна. И так все время. Мы вычерпывали воду словно заведенные. Потому что если уровень воды в лодке сравняется с уровнем океана, будет совсем плохо! Нет, долбленка-то не потонет, на этот счет Тиоти нас успокоил — знай, греби, пока голова

над водой торчит! А вот акулы... Они бы, возможно, и не стали нападать на нас, но после рыбной ловли в лодке остались следы крови, а кровь акулы чуют издалека. Стоит, например, сорваться в море раненому козлу — они тут как тут. Если бросить за борт рыбьи внутренности — тотчас налетят. Самые крупные из них были втрое длиннее нашей лодчонки. Маркизские акулы вообще известны своей величиной.

Ох, какая это была долгая ночь! Кромешный мрак, пляшущая на волнах лодка...

Наконец мы подошли к долине Омоа. Издали приметили свет в хижинах; кроме того, Пакеекее, ожидая нас, развел между пальмами огромный костер.

Идем к берегу, от которого нас отделяет громогласно ревущий прибой. По-прежнему тьма, только колышется пламя на берегу и мечутся, подбрасывая хворост в костер, полуголые фигуры.

Мы ждали команды звонаря.

— Пошел.

Нас подхватил несущийся к берегу вал. Выше, выше... Вокруг все кипело, бурлило. С огромной высоты мы вместе с волной упали на гальку. Тотчас сильные руки извлекли нас из грохочущей воды и отнесли к костру. С благополучным возвращением!

— Кончилась хорошая погода,— вздохнула Лив.

— Да, счастливо отделались,— подхватил я, выходя на нашу тропу.

— Табу,— буркнул нам вслед Тиоти.

Глава седьмая ЗА КУЛИСАМИ ПАЛЬМ

Нарывы и болезнь «фе-фе». С факелами за летучими рыбами. Пленники в собственной лачуге. Наши лесные приятели. Дети рая. Тяжелые дни. Отец Викторин бежит с острова. Прощай, бамбуковая хижина. На шлюпке в открытый океан. Высадка на берег Хива-Оа

Наступила пора путешествий. Мы бродили по горам, забирались в дебри, а в хорошую погоду несколько раз ходили на лодке в Ханававе. Здесь нас манила пещера на отвесном склоне, вход в которую, наполовину заложенный камнями, был виден с моря. Но пробраться в нее снизу нам не удалось, а сверху пути вообще не было.

В прошлом племена Ханававе и Омоа постоянно враждовали и вооруженные стычки между ними были в порядке вещей. Воины шли за советом к своему шаману, и тот в состоянии одержимости, стуча подвешенными к поясу черепами, плясал и выкрикивал бессвязные фразы. Все, что он говорил, толковалось как наказ высших сил.

Однажды шаман омоанцев предупредил, что люди из Ханававе идут на Омоа войной. Несколько человек поднялись в пещеру, и, когда внизу показались лодки врага, они из засады сбросили на них тяжелые обломки скал. Надежная баррикада защищала храбрецов от копий и камней. Но вышло так, что они потом не смогли выбраться из пещеры и остались там навсегда. Так рассказывают островитяне...

Да, мы не смогли проникнуть в пещеру, зато нашли много интересного в горах и в дебрях. Наскальные изображения, захоронения в чаще леса... А в верхней части долины Ханававе, на безлесном гребне, покрытом травой в рост человека, были культовые сооружения из кроваво-красного камня. Мы наткнулись на них, пробираясь в траве по тропам, вытоптанным дикими свиньями.

На остром гребне — высокие платформы и стены из обтесанного красного камня. Здесь же стояли идолы метровой высоты, у ног которых лежали грозные каменные топоры для обезглавлива-

ния людей. Наши проводники и не подозревали о существовании этого памятника старины.

Но недолго пришлось нам бродить по горам и по долам. Болезненные нарывы и язвы на икрах приковали нас к дому. Они появились уже давно, но до сих пор мы не считались с ними. Теперь стало совсем худо. У Лив было три нарыва почти с ладонь, у меня появилось много болячек на щиколотках и икрах. Стоило замочить ноги в море, как они вздувались, словно шары. А в лесу от непрерывных дождей все размокло, и мы ходили по колено в грязи.

Поэтому мы предпочитали отсиживаться в бамбуковой хижине и промывать болячки горячей водой. Как-то к нам пришел Тиоти, принес свежей рыбы. Он заверил нас, что от болезни «фе-фе» можно излечиться за одну неделю, нужно только применить верное лекарство, и отправился в лес за лепестками желтых цветов борао. Из них мы сварили густое зелье, которым и смазали болячки. Да, прав был Ларсен из Мосса, когда предостерегал нас...

Зелье вытянуло гной, но остались незаживающие язвочки.

Мы бинтовали ноги пальмовыми листьями и сидели дома, выходя только за плодами. Лишь иногда мы позволяли себе развлечься. Как-то нас позвали на совершенно необычную рыбную ловлю. Такой потехи я еще никогда не видывал!

Поужинав у Пакеекее, мы дождались темноты и пошли на берег. Море было настроено миролюбиво. Позади нас качались черные пальмовые кроны, над головой сверкало звездное небо. Спустили на воду две лодки; в одну сели Пакеекее и Лив, в другую — звонарь, Пахо и я. На носу лежали трехметровые связки теиты. Из связанных вместе тонких сухих стеблей этой травы получались великолепные факелы. Выйдя в залив, мы их зажгли.

Трескучее пламя рассыпало искры в ночном воздухе, прочертило световые дорожки на воде. У лаково-черной поверхности кишели какие-то мальки, но нас они не занимали. Мы пошли вдоль крутого берега в сторону Тахаоа. Беспокойное пламя причудливо освещало наши лодки, во мраке вверху хрипло кричали гнездящиеся на скалах морские птицы.

Вдруг появились летучие рыбы. Будто сверкающие снаряды вырывались из тьмы и, пролетев мимо нас, погружались в немую пучину. Их-то мы и будем ловить! Не удочкой и не острогой: хватать руками прямо на лету.

Что тут было... Трескучие факелы делали свое дело: множество рыб со всех сторон летело на свет. Они неслись, точно стрелы, пущенные хорошим луком; только и слышно было, как они ударяются о борта.

— Глаза берегите! — крикнул звонарь.

Уместное предупреждение — блестящие стрелы проносились возле самой головы.

Тиоти размахивал в воздухе сачком на длинной палке. Есть! Одна рыба шлепнулась из сачка на дно лодки. Отсюда она уже не могла взлететь. Летучая рыба — словно планер: чтобы подняться в воздух, ей нужен разгон, и она набирает скорость в воде.

Я поднял пленницу. Длиной с локоть, спина черная, брюхо белое, на боках серебристо-голубые полоски. Длинные пятнистые «крылья», громадные, словно шары, черные глаза.

Еще одна! Вот это да! Вдруг я увидел рыбу, которая летела прямо на меня. Удар в живот, и я повалился с банки на дно. Пахо тоже чуть не упал — от смеха. Прямое попадание! Ничего, зато теперь у нас уже три рыбы. С другой лодки тоже доносился хохот; видно, и там кому-то досталось!

А рыбы все летели; казалось, озорные мальчишки затеяли игру в снежки. Все освещенное пространство вокруг лодок пронизывали блестящие снаряды. У звонаря от меткого попадания слетела с головы шляпа. Мы хохотали и размахивали руками, хватая рыб в воздухе и воде, приседали и извивались, мокрые от брызг и шлепков. Тиоти как мог защищался своим сачком.

Когда от факелов остались одни хвостики, мы надели их на палки, чтобы горели до конца. Но вот шипя погасли в воде последние искры, и тотчас рыбьи гонки прекратились. Снова кругом только сияние звезд да хриплые крики птиц...

У наших ног лежало тридцать пять рыб. Большинство из них сами влетели в лодку. Богатый улов! Но звонарю все было мало. Мы вернулись в бухту и забросили удочку, наживив летучей рыбой. Теперь Тиоти хотел добыть пяток као-као. Вскоре к нашему улову прибавились четыре здоровенные рыбины с рылом, напоминающим длинный клюв. Но пятая заставляла себя ждать. Я чуть не заснул.

Сильный стук веслом о борт заставил меня встрепенуться. Поймал? Нет, не клюет. Снова потянулось ожидание. Вдруг Тиоти опять взял весло и принялся стучать, так что гул пошел над водой.

— Зачем ты так делаешь? — не удержался я.

— Рыбу бужу,— объяснил звонарь.

Шла неделя, другая, третья, а «фе-фе» все не унималась. Напротив: язвы увеличились, и боль порой была такая, что мы не могли встать с постели.

Ели что придется. Дождь лил не переставая, почва в лесу превратилась в сплошную жидкую грязь, воздух насытился испарениями. Сырость была страшная. Наша хижина покрылась плесенью, нары стали гнить. Кругом стояли лужи, и комары размножились в невероятных количествах. Вот для кого здесь был рай!

Комарье тучами окружало хижину. А ветер помогал им проникать даже сквозь сетку на окнах. С утра до вечера мы их давили, обеспечивая работой полчища крохотных мурашей, которые убирали с пола комариные трупы. Казалось, все насекомые дебрей ищут спасения в нашей хижине! Всюду, всюду что-нибудь копошилось. Даже в постели завелись муравьи. Три семьи облюбовали наше ложе из листьев.

Чтобы не шлепать босиком по грязи, мы купили в «магазине» Вилли тапочки; они были такого размера, что пришлось их привязывать к ногам. Однажды утром Лив побрела за водой к роднику; вдруг я услышал дикий вопль. Огромный — чуть ли не с мышь! — косматый паук забрался к ней в тапочку и основательно укусил ее за ногу. Хорошо еще, что укус оказался неопасным.

А затем началось самое худшее... Из дыр в стенах посыпалась мелкая, как мука, белая пыль. Она ложилась на пол, собиралась в лепешки на стенах, роилась в воздухе. От нее нигде не было спасения. Ляжешь спать, а наутро тебя словно снегом занесло. Мы дышали пылью, глотали пыль...

Иоане и его друзья все-таки подвели нас. Ведь они должны были знать, что на зеленый, молодой бамбук нападает жучок. Только желтый бамбук, да еще вымоченный неделю в соленой воде годится для постройки. Видно, они не верили, что мы задержимся здесь надолго.

А пыль все летела и сыпалась, сыпалась и летела. Что ни день — генеральная уборка. Но толку мало. Кончилась бамбуковая идиллия. Ее уничтожили пыль и комарье, пауки и плесень.

Правда, было у нас одно утешение — Пото. На маркизском диалекте «пото» — «кот». Наш Пото был чудесным полудиким котом. Полосатая шубка, пушистый хвост, мягкая походка хищника... Он пришел к нам, надеясь поохотиться на мышей и ящериц. Из окна мы хорошо видели, как он в первый раз крался к нашей кухне. Внимательно все обнюхал, подобрал крошки от кокосового ореха, еще что-то.

На каменном столике стояли в ореховой скорлупе густые сливки, которые мы готовили сами. Лив натирала теркой кокосовый

орех, кашицу заворачивала в кокосовую пеньку и выжимала жирный сок. Он играл немалую роль в нашем домашнем хозяйстве и вполне заменял настоящие сливки.

Вскочив на стол, Пото сунул мордочку в скорлупу. За всю свою кошачью жизнь он не пробовал такой вкусной еды! Вылизав миску начисто, кот аккуратно умылся лапками и игриво покатался на камне. И видно, услышал какой-то шум из хижины, так как в следующий миг его уже не было.

Но назавтра Пото явился снова и смело прыгнул на стол, где его ожидали сливки. С тех пор он стал наведываться к нам каждый день.

Как только Лив садилась тереть орех, из леса выходил Пото. Любопытный кот не мог надивиться на странное двуногое создание. Он ложился на каменную ограду и смотрел оттуда на Лив. Но мало-помалу дикарь становился все более ручным и наконец до того осмелел, что стал подкрадываться за кокосовой массой к ногам Лив. Однако тут стали ревновать наши единственные домашние животные — две молодые курицы, которые всегда расхаживали с таким важным видом, словно воображали себя петухами, и поминутно схватывались между собой так, что только перья летели. Когда Пото посягнул на крошки, которые драчуньи считали своим достоянием, ему пришлось отступить. Казалось, в лес катится пушистый мяч, преследуемый по пятам разгневанными птицами.

Чтобы умиротворить девиц, мы раздобыли в деревне петушка. Но когда мы поставили отважного рыцаря на землю между двумя «вахинами», юный красавец встретил далеко не любезный прием. Они задали ему такую взбучку, что он еле унес ноги в лес, где появление петуха очень обрадовало диких собак... А наши отнюдь не женственные куры, выпятив грудь, вышагивали по двору, чрезвычайно гордые своей победой. Этак они скоро даже нам перестанут дорогу уступать!

Они неслись, но явно стыдились этого. Чтобы найти яйцо, нам приходилось обыскивать чуть ли не весь лес. Найдешь, а оно уже протухло. Но мы все им прощали: все-таки хоть какая-то компания!..

Бывало, только удивишься — что это на дворе пусто, как уже из лесу или из-за каменной стены бесшумно крадется Пото, а откуда-то сверху, громко хлопая крыльями, летят воинственные подружки.

У Пото был закадычный друг, которого мы назвали Леопардом. Леопард был примерно того же возраста, только порыжее и более

робкий. Пото каждый день приводил друга к нашему участку и преспокойно шагал через двор к кухонному навесу. Оттуда он оглядывался на Леопарда, как бы зовя его, но тот боязливо жался к ограде. Как ни заманивал Пото приятеля, рыжий дальше стены не шел, предпочитая издали смотреть, как Пото с наслаждением уписывает вкусное угощение — разумеется, если в это время не было поблизости кур.

И еще один приятель завелся у нас — ящерица Гарибальдус. Большой, с новорожденного котенка, он лихо расправлялся с насекомыми, не отступая даже перед коварной тысяченожкой. Нельзя сказать, чтобы Гарибальдус охотился бесшумно: он топал по стенам так, что источенный жуками бамбук жалобно скрипел и посыпал нас пылью. А когда мы ложились спать, Гарибальдус устраивал на потолке целый концерт: пищал, шипел, квакал.

Родители явно не приучили его к чистоплотности — с потолка нет-нет да летели вниз лепешечки, и почему-то всегда на мою голову! По-моему, он это делал нарочно. Сколько бы я ни менялся местами с Лив, это меня не спасало. А стоило мне ударить кулаком по столу и пригрозить, что я сейчас посажу безобразника в формалин, как Гарибальдус, весело хохоча, исчезал в какой-нибудь щели в потолке.

Пока мы никуда не ходили, привязанные к дому болезнью, у нас не было другой компании. С четвероногими и пернатыми друзьями были связаны все события нашей однообразной жизни; островитяне неделями не появлялись в долине. В листве деревьев обитали птахи, а по соседству с нашим участком ходила дикая лошадь с жеребенком, но они были уж очень робкие. А однажды к нам во двор забрели крабы! Мы даже поймали несколько штук. Вдали от моря, в сердце острова! Для меня это было полной новостью.

Были у нас и враги. Самые страшные из них — комары. Комары и отец Викторин. Мы прятали ноги в мешки, кутались в пледы — все равно кожа была бугристой от жгучих укусов. Порой нами овладевал садизм. Мы давали комарам как следует напиться крови. Раздувшись, словно шары, они летели, сытые, довольные, к окну. Но теперь ячея сетки не пропускала их! И мы расправлялись с кровопийцами...

Часто за окном гудела целая туча комарья. Стоило приставить к сетке палец, как они, вытянув свои хоботки, тысячами бросались на добычу. Подразнив их всласть, мы хватали какого-нибудь мучителя за хоботок и втаскивали внутрь. Вот бы отца Викторина так...

Нередко боль в ногах вынуждала нас лежать. Иногда мы все-таки, прихрамывая, выходили на добычу в лес. Но вдруг обнаружилось, что с фруктами дело плохо! Все плодоносящие бананы срублены, на хлебном дереве — ни одного плода. Ох, как нам хотелось есть! И какая же была радость, когда звонарь приносил рыбу! Только тот, кто голодал, поймет нас. Обычно человек в цивилизованном обществе настоящего голода не знает, он жалуется на голод перед обедом, когда его одолевает аппетит. Для него еда уже не то неземное наслаждение, каким она, наверно, была в прошлом.

Рыба-меч... С каким удовольствием мы ее ели! Конечно, можно приготовить дорогое, изысканное блюдо. Безусловно, будет вкусно. Но и только. Тот, кто по-настоящему голоден, стряпает проще, а получается блюдо, о каком лакомки могут только мечтать. Трапеза изголодавшегося — сплошное блаженство и счастье.

Неожиданно выяснилось, куда исчезают все плоды. Как-то рано утром, еще до рассвета, мы увидели в лесу целый отряд вахин и молодых парней во главе с нашим старым приятелем Иоане! В мешках и просто охапками они тащили плоды, за которые мы честно уплатили вперед. И ведь им эти плоды были совсем не нужны. Это делалось нарочно. Они обобрали даже кокосовые пальмы возле самой хижины. Порядком разозленный, я догнал отряд Иоане возле реки, где они грузили мешки на лошадей. Неплохо поживились!

— Иоане,— сказал я,— ведь эти плоды мои.

— Аоэ *,— беззастенчиво солгал Иоане.— Я собрал их на соседнем участке.

Мы оба были настроены одинаково воинственно. Но спорить бесполезно. Против меня будет все племя во главе с вождем.

А еще через несколько дней я застал Иоане, когда он слезал с кокосовой пальмы возле нашего дома. Я бросился к нему. Он зло посмотрел на меня.

— Это наш участок,— сказал я.

— А пальма моя,— крикнул Иоане.

— Мы заплатили за пользование участком и за фрукты.

— За фрукты платили, за орехи нет.

— Нет, уплачено за все, и за орехи. Мы не можем жить без орехов. И ведь фрукты тоже все исчезли.

Я с трудом сдерживал себя.

— Кокос — не еда, кокос мои деньги! — завопил он.

---

* Нет.

Не знаю чем бы это кончилось, если бы Иоане не ушел, буркнув, что я могу забрать оставшиеся орехи.

Что делать. Мы не дома. Придет судно — можем послать жалобу. Но через сколько месяцев ее рассмотрят? Через сколько лет пришлют решение? К тому же островитяне будут настаивать на своем, и попробуй установи, кто прав. Всем известно, что белые грабят полинезийцев; так что лучше помалкивать... Но ведь орехи нам необходимы, это наша главная пища!

Жизнь в дебрях становилась невыносимой. Без конца хлестал ливень, куда-то пропали все раки, полчища комаров безжалостно преследовали нас. Их развелось столько, что островитяне не могли работать в долине, не могли заготавливать копру. Скорее бы явился корабль, который мог бы забрать нас из этого ада и доставить туда, где есть врач, способный справиться с нашими язвами!

Нам рассказали, что одна женщина в деревне наступила на рыбью кость. Ранка быстро разрослась, и заражение распространилось на всю ступню. Пришлось ей потом на Таити отнимать ногу.

Как мы ждали корабля... И однажды поздно вечером, когда мы сели ужинать, издалека донесся гудок парохода. Там за лесом, в океане — пароход! В ту ночь нам было не до сна. Задолго до рассвета мы достали нашу самую лучшую одежду, от которой давно успели отвыкнуть.

Я даже опешил, когда взглянул в зеркальце, чтобы завязать галстук: он исчез под косматой дикарской бородой. Волосы длинными прядями падали на плечи. Лив-то что, ее только красили длинные волосы. Ну, да неважно! Хотя смешно, конечно, с непривычки. Сами виноваты, отдали свои бритвы и ножницы.

Обернув ноги мешками для защиты от грязи, мы зашлепали вниз по долине. Не доходя до деревни, мешки сняли и ступили на главную улицу во всем параде. Фатухивцы ахнули.

Но что это? Синяя гладь океана, белые гребни волн — и никаких пароходов! Ничего!

Пакеекее рассказал, что ночью он видел огни, но пароход прошел мимо... Он тоже приуныл. Этому мученику веры, которого преследовали все соплеменники, приходилось не сладко. Соседи переносили его межевые камни, устраивали ему всяческие козни. Только что вождь оштрафовал священника за кражу феи. Это Пакеекее-то, который не то что украсть, даже солгать не способен! Я рассказал ему, как Иоане воровал наши фрукты и уверял, что они собраны на соседнем участке.

— Се па бьен *,— ответил Пакеекее.— Соседний участок — мой!

Еще одну неприятную новость сообщил нам звонарь. Сын Иоане Хаии, страдающий слоновой болезнью (да-да, тот самый, который подмешивал мочу в апельсиновый сок, посылаемый священнику), поймал на берегу скорпиониху с детенышами и заготовил для нас полную коробку этих тварей. Так что нужно быть начеку...

Положение в деревне было бедственное. Местные жители всецело зависели от поставок риса и муки, а подвалы Вилли давно опустели. «Тереора» привезла очень мало продуктов. В Хапававо тоже голодают, туда ходила лодка, чтобы узнать, как дела. И там ждут парохода...

Дни складывались в недели, недели — в месяцы, и, когда прошло три месяца без каких-либо перемен, мы решили, что все ясно. Последние новости о том, что́ происходит в мире, были шестимесячной давности. Тогда шла война в Испании. И в Китае. Видно, теперь началась мировая бойня. От островитян мы слышали, что во время первой мировой войны они годами были оторваны от внешнего мира. Никто не заходил за копрой. Тогда на Фату-Хиве даже не знали о том, что был разрушен Папеэте.

На четвертый месяц тщетных ожиданий в деревне стало совсем скверно. И особенно отвратительно чувствовал себя отец Викторин. Он решил любой ценой покинуть Фату-Хиву.

До ближайшего острова больше ста километров пути по бурному океану. А самым крупным судном на Фату-Хиву была старая рассохшаяся шлюпка, которая лежала под навесом на берегу. Она принадлежала Вилли Греле, но он давно забросил её и решил купить себе новую лодку.

По приказу отца Викторина фатухивцы законопатили щели в шлюпке, вывели ее через прибой и поставили на якорь в бухте, чтобы разбухли доски. Затем они срубили в лесу несколько тонких деревьев для мачты и оснастили ее огромным парусом — на наш взгляд, слишком большим для такой скорлупки.

Океан избороздили буйные валы, дул сильный ветер — правда в нужном направлении, на север, к ближайшим от Фату-Хивы островам Хива-Оа и Тахуата.

И однажды утром — оно было таким же хмурым, как и многие предыдущие,— отец Викторин решился. Вместе с командой гребцов он вышел на подлатанной шлюпке в океан. Нельзя было не

* Вот это здорово! *(франц.)*

воздать должного его отваге. Огромные волны швыряли лодку вверх-вниз, она то и дело исчезала за водяной горой, нам казалось — навсегда. Но всякий раз ее выносил вверх гребень очередной волны. Вот белый парус затерялся вдали. Мы долго стояли на берегу, волнуясь за смельчаков.

Отец Викторин хотел остаться на Хива-Оа, главном острове архипелага, а его спутники должны вернуться с рисом, мукой, сахаром. Вернутся ли?.. Наконец через неделю наблюдатель на берегу сообщил, что видит шлюпку.

Могучие волны легко вынесли ее на берег. Команда была совершенно измотана. Им пришлось работать веслами всю дорогу до Фату-Хивы. Мачта сломалась, из днища вышибло доску, и, пока длилась починка, они немало потрудились, вычерпывая воду. Отца Викторина доставили благополучно, но из продуктов раздобыли только небольшой мешок муки.

Путешественники добрели до своих хижин и заснули как убитые. Но мы успели выяснить, что никакой войны нет, виноваты спекулянты копрой.

Положение становилось отчаянным. Суда не появлялись.

А тут еще стало ясно, что наши ноги под угрозой ампутации. Даже островитяне не могли смотреть на них без ужаса. После того как патер уехал, большинство фатухивцев восстановило с нами добрые отношения. Вилли, честный католик, долго не знал, как себя вести, но теперь и он всячески старался нам помочь.

И вот мы созвали совет. Выбора не оставалось: надо отправляться в путь. Вилли и еще несколько человек решили плыть за мукой и рисом и согласились взять нас с собой. Хижину пока можно запереть.

Но как уберечь наши коллекции от разграбления? С собой мы можем взять только чемодан с одеждой, а черепа, идолов и древние изделия придется оставить. Может быть, еще раз выступить в роли фокусника? Я позвал к себе в гости несколько фатухивцев и дал им понюхать формалин. Они расчихались, запрыгали, зажимая нос, а я объявил, что это смертельный яд, им будет облит весь пол хижины. Жидкость, которая убивала даже тысяченожку, произвела на них сильнейшее впечатление. Тысяченожку! Ведь ее хоть режь на куски, хоть топи — все равно оживет. А эта жидкость ее умертвляла! Для большей убедительности я, прежде чем поливать пол, заткнул себе ватой ноздри и завязал глаза. Потом пулей выскочил наружу и захлопнул дверь. Через несколько минут весь дом заполнят смертоносные испарения!..

Простившись со своим первым жильем, провожаемые тучей комаров, мы зашагали вниз по долине, уверенные, что наши коллекции хранятся надежно, как в сейфе.

Эту ночь мы провели у Вилли. Ни одного комарика! Мы уже успели забыть, что такое спокойные ночи... Точно всю жизнь прожили в этом лесу.

Под утро нас разбудил собачий лай. Одновременно из лесу вынырнуло несколько фонарей: это собиралась команда. Сегодня выходим в море. Как-то погода? По темному небу мчались тучи. Значит, в океане сильное волнение. Подождем немного...

Было холодновато; поставили чай, чтобы согреться и разогнать сон. Странно было сидеть в окружении старых недругов. Ни звонаря, ни Пакеекее, зато вместе с нами пил чай Иоане. Он беспокойно поглядывал на небо: накрапывал дождь.

Как сильно прибой грохочет! Никогда еще мы не слышали такого рева. От холода и страха по телу бегали мурашки.

Кажется, светает? Да, утро теснит ночь. Вилли встал и распорядился: «Хаман!» *

Итак, в путь. Приступаем к безумному предприятию. Но ждать на острове еще хуже. Мы вереницей спустились на берег, а тут оглушительный рев прибоя вытеснил из головы все сомнения и колебания. Умелые гребцы отвезли нас на пироге к шлюпке и вернулись за другими пассажирами. Вот уже и последний заход сделан, а на берегу, отчаянно размахивая руками, стоит кто-то. Это полукитаец из Ханававе, он тоже пресытился Фату-Хивой. Но у нас больше нет мест, а он притащил все свое имущество, да к тому же захватил свинью и несколько кур! И смешно, и жалко человека, ему так хотелось плыть с нами. Но шлюпка и без того перегружена, борта чуть-чуть выдаются над водой. По правде говоря, нам с Лив вся эта затея вообще казалась безрассудной. А впрочем, ведь прошлый рейс прошел благополучно...

Под банками лежали запасы бананов, на носу стоял бидон с пресной водой. Если все будет хорошо, мы при таком ветре за день доберемся до цели. Правда, у нас нет ни карты, ни компаса, но достаточно с самого начала взять верный курс и идти прямо, пока из-за горизонта не появятся горы Хива-Оа. Вот если опустится туман, тогда мы пропали: не заметим, как окажемся за пределами архипелага.

Перегруженная лодка угрожающе кренилась. Фатухивцы еще раз проверили направление ветра. Все в порядке: пассат дул нам в спину.

* Пошли.

Нас было одиннадцать. Роль капитана исполнял старик Иоане; он сидел на корме, держа рулевое весло, облаченный в свое обычное одеяние — соломенную шляпу, белые шорты и майку. Рядом с ним на чемоданах и мешках примостились Вилли, Лив и я. Впереди сидели гребцы: энергичные лица, закаленная обветренная кожа, смуглые торсы, тугие мышцы. На тот случай, если не выдержат доски в днище, приготовлены молоток и гвозди.

Иоане ждал, улыбаясь волнам и ветру. Казалось, он высечен из камня.

Пора... Иоане встал, обнажил голову, перекрестил грудь и лоб. Гребцы, суровые, торжественные, опустили головы; Иоане медленно прочел молитву на родном языке. Затем все еще раз перекрестились — церемония окончена.

В следующую минуту в шлюпке словно разразился ураган. Иоане командовал, размахивая руками, матросы кричали, прыгали через банки. Мигом выбрали якорь, подняли парус. Дикая суматоха — как только шлюпка не перевернулась! Все будто обезумели. Даже обычно спокойный Вилли что-то вопил, отдавая распоряжения.

И вот мы птицей летим по волнам. Фатухивцы сняли от радости. Кровь предков забурлила в их жилах. Иоане крепко держал руль, вызывающе задрав щетинистый подбородок.

Эх, и мчались мы! Поневоле кровь закипит у сонных сынов дебрей. Если бы можно было весь путь пройти под прикрытием Фату-Хивы! Но скоро нас начнет трепать всерьез. В открытом море волнение будет посильнее...

И действительно: исчезли вдали зубчатые скалы острова, и мы встретились с океаном лицом к лицу. Могучие пенящиеся валы горой вырастали над нами, но шлюпка легко взмывала на них в тучах брызг. Вот смотрим сверху в глубокую серо-зеленую долину, а вот мы уже внизу, зажаты между исполинскими валами. Да, тут туго пришлось бы и не такой скорлупке, как наша.

Мы не знали, что одновременно с нами боролась со штормом «Тереора». Волны обрушились на палубу шхуны, ворвались в кают-компанию и все переломали. А крохотное суденышко с Фату-Хивы уверенно справлялось с бушующей стихией, мы стремительно перелетали с гребня на гребень.

Иоане был отличным рулевым. Оскалив зубы в застывшей улыбке, он пристально следил за волнами и умело вел лодку на гребень. Если же нас накрывало, и шлюпка скрипела по всем швам, он только еще крепче вцеплялся в руль, не сводя глаз со следующей волны. Его окатывало водой, соль ела ему глаза,

но он ни на миг не выпустил из рук руля. Великолепный кормчий!

Двое гребцов помоложе скорчились на дне шлюпки. Товарищи безжалостно высмеивали моряков, которые поддались морской болезни. На раздувшиеся ноги Лив было страшно глядеть: бинты сорвало и унесло за борт. Она лежала без сознания на мешке, и я удерживал ее изо всех сил, когда нас захлестывало.

Иногда вся шлюпка погружалась в морскую пену, и казалось, что мы вот-вот пойдем ко дну. Но лодка вырывалась из могучих объятий океана, отдав ему лишь несколько фруктов из наших запасов. Вычерпывать, живо! Ни секунды передышки. Много раз мне чудилось, что настал конец: когда мы неслись вдоль водяной стены, которая вздымалась все выше, выше и вдруг рушилась прямо на нас!.. Или когда мы с безумной скоростью перелетали через гребень и скатывались в ложбину между волнами, так что весь корпус лодки скрипел, врезаясь в бушующие каскады! Шлюпка и ее команда буквально творили чудеса.

Но как бы высоко мы ни взлетали на могучих валах, с гребней не было видно земли. Фату-Хива давно исчез, следующий остров еще не появился. Однако Иоане не сомневался, что мы идем верно.

Я плохо помню эти часы. То хлестал дождь, то жгло слепящее солнце... Голые смуглые спины чернели на глазах; у нас с Лив обжигаемая морской солью и лучами солнца кожа вздулась пузырями. Хорошо еще, что волосы отросли, иначе нам не миновать бы солнечного удара. Помню, вокруг нас в ложбине плясали, фыркая, черные дельфины. В следующий миг лодку подбросило вверх, и мы потеряли их из виду.

Уже день в разгаре, а нашему плаванию не видно конца. Вдруг я сквозь полудремоту услышал голос Иоане:

— Мотане!

Перемена курса. Матросы, которые до тех пор вяло следили за тем, чтобы волны не поломали рею, сразу засуетились.

Мотане... Необитаемый скалистый островок севернее Фату-Хивы. Он нам очень нужен, чтобы проверить курс. Мы должны пройти западнее него.

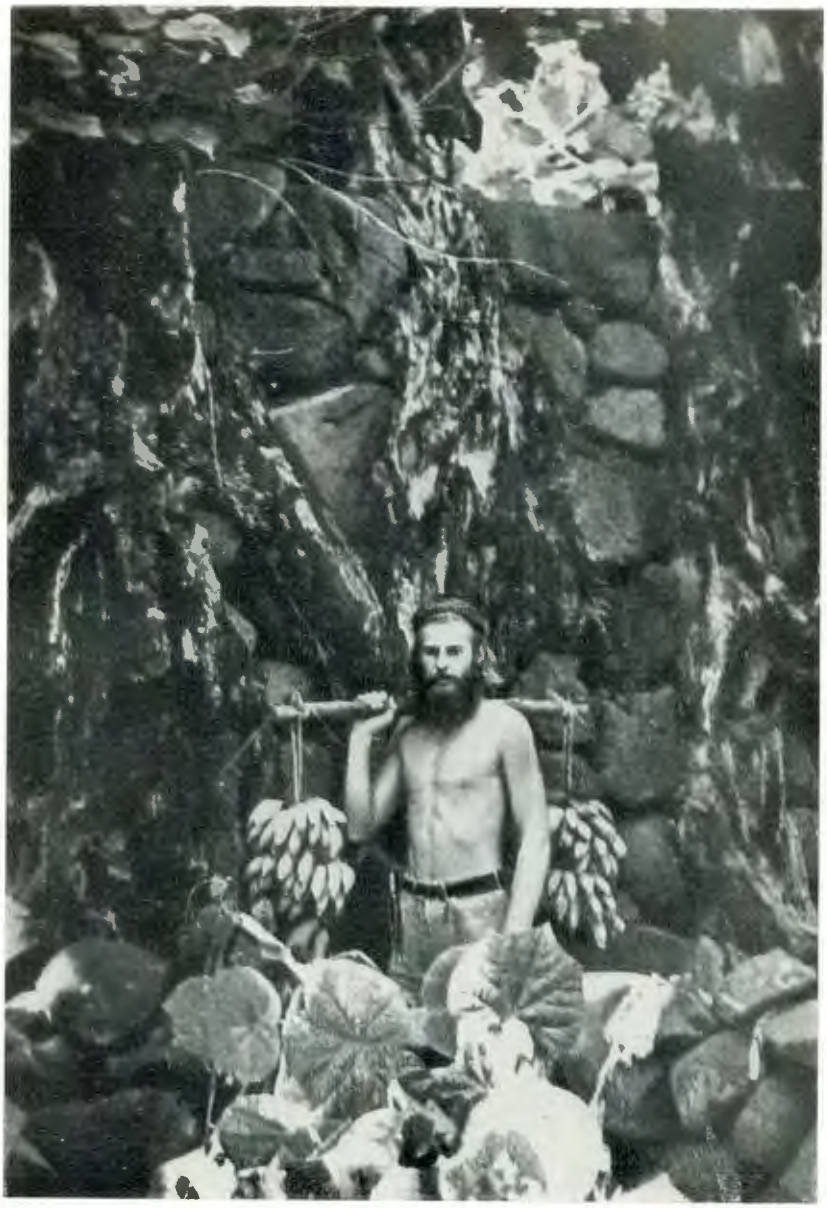
При виде этой темной глыбы на севере стало как-то веселее на душе. Пусть нас по-прежнему швыряет во все стороны и окатывает водой с головы до ног — впереди земля! А вот левее Мотане из мглы проступили зеленые полосы долин на фоне гор, словно непрестанно отступающий мираж,— это Тахуата. Нам еще плыть и плыть до него: горы видно издалека.

Терииероо а Терииерооитераи — великий вождь Таити и его достойная супруга

Наконец-то у цели. Судно возвращалось к цивилизации, а нам предстояло строить себе дом в лесу

На руинах старого дворца короля людоедов мы соорудили дом из бамбука и пальмовых листьев

Звонарь Тиоти, наш верный друг, и его жена Техина



Одни плоды я складывал в корзину, другие вешал на палку, которую нес на плече

Эта древняя корона сделана из перламутра и черепахи. Крысиным зубом на ней вырезаны изображения богов

На опушке тропического леса.
Идем в глубь острова

«Ночная вода» принимает гостей

Патер Викторин — французский католический священник и Пакеекее — местный священник-протестант

Наши фатухивские друзья. В их физическом типе признаки многих рас

На культовой площадке в лесу Хива-Оа стояли странные истуканы

Отвесные горы отгораживают долину Уиа от внешнего мира

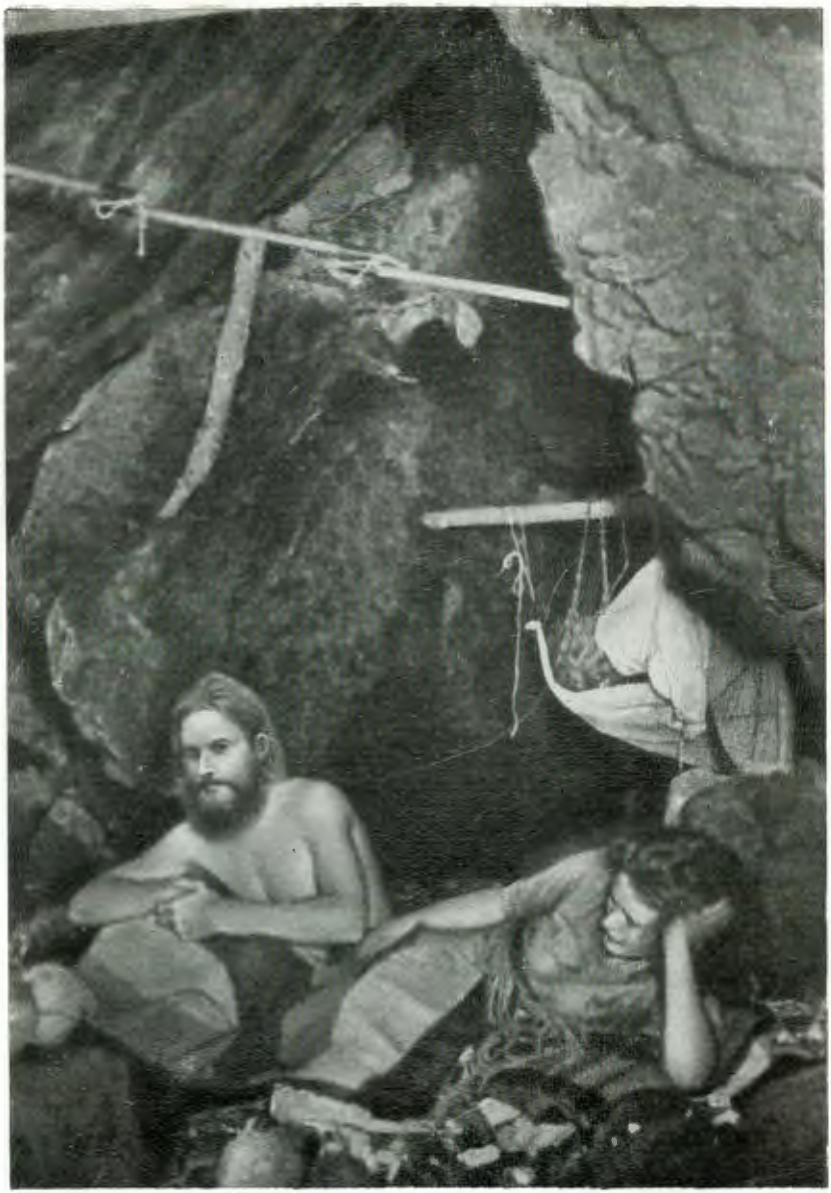
Теи Тетуа — последний представитель одного из древнейших родов Фату-Хивы

Уютно в свайной хижине!

Теи играет носом на бамбуковой флейте, Лив и Момо внимательно слушают

Через горы в Уиа пришло несколько семей, и сразу стало людно

Впереди: Момо, дочь Теи Тетуа, сзади: Хаиа с скорпионами. Слева: женщина, которую муж предлагал в обмен на Лив, вверху справа — Пахо с поросенком



В пещере вдали от людей мы ждем корабля...

Между Мотане и Тахуатой вдалеке из океана длинной серо-зеленой полосой вынырнул Хива-Оа. Я крикнул Лив, что показался наш остров. Она ничего не расслышала.

Самое опасное было впереди. В проливе между южной оконечностью Хива-Оа и Тахуатой проходит сильное океанское течение, здесь особенно большие волны. Наши гребцы хорошо это знали. Встревоженный Вилли посовещался с Иоане. Но другого пути все равно не было. Будем, насколько возможно, прижиматься вправо...

Мы полным ходом мчались к бушующей полосе. Иоане сидел как наэлектризованный, напрягся, точно зверь перед прыжком.

Сейчас все зависело от него.

Крупнейшая на Хива-Оа долина называется Атуона. Тут находится столица архипелага, в которой обитают двести-триста жителей. Когда-то в Атуоне жил губернатор Маркизских островов; это здесь исчезли статуи Тукопаны и его дочери.

В долине разбросаны дощатые лачуги, но за пальмами их не заметно с моря. Издали видны только лес и горы, полумесяцем окаймляющие широкую долину. Здесь прожил последние годы своей жизни художник Гоген. Его могила расположена на высоком пригорке.

На Маркизском архипелаге почти нет белых. На Нуку-Хиве их двое — администратор и один миссионер; все остальные — жандарм Триффе, телеграфист Бельвас и владелец небольшой лавчонки мистер Боб — живут на Хива-Оа. Еще на Хива-Оа есть миссионерский пункт, где обитают священники и две монашенки-католички. И наконец, здесь живет норвежец Генри Ли; в глухом уголке он устроил плантацию. Остальные жители архипелага полинезийцы и метисы.

Островитянину, никогда не бывавшему на Таити, Атуона — кучка деревянных домиков и заброшенная резиденция губернатора — кажется большим городом, верхом красоты, царством небесным.

Мы увидели столицу, когда солнце уже заходило.

Промокшие насквозь, смертельно усталые, мы вспоминали кошмарный путь среди неукротимых исполинских валов...

Идем к берегу, четко звучат слова команды, черные от загара гребцы убирают парус и мачту. Цель трудного плавания достигнута, но напряжение еще не оставило нас. Рано чувствовать себя в безопасности. Идти к берегу с наветренной стороны — дело серьезное.

Гребцы взялись за весла. Далеко в море протянулась отмель, и волны с оглушительным ревом обрушивались на нее. Сегодня они докатывались до самого леса. Несколько островитян стояло на берегу, любуясь игрой могучей стихии.

Лив очнулась, но глаза ее безучастно смотрели на пенный хаос. Гребцы внимательно слушали команду Иоане. Парни, которых свалила морская болезнь, получили одно весло на двоих; теперь нужна каждая пара рук.

Решительно идем к кромке прибоя, но сзади нас вырастает грозный вал, и приходится отступать, лихорадочно работая веслами. Точно мячик, шлюпка взлетает в воздух. Пронесло... Можно опять вперед.

Иоане — лицо, как у разъяренного демона,— срывающимся голосом выкрикивал команды. Гребцы ловили каждое его слово. Он был весь внимание и энергия. Только его воля и опыт могли нас спасти.

Вот она, нужная волна! Иоане командует:

— Навались, навались!

И гребцы, стиснув зубы, сверкая глазами, навалились так, что весла затрещали.

Через всю полосу прибоя стремительно нес шлюпку бурлящий гребень. Мы судорожно держались за борта. Вдруг двое парней выпустили свое весло.

Иоане взревел от ярости. Вилли в прыжке пролетел мимо нас и схватил весло; парни лежали плашмя на груде фруктов.

Но Вилли опоздал. Шлюпка уже развернулась боком к волне, и Иоане ничего не мог сделать. Бросив весла, гребцы вскочили на ноги и прыгнули за борт. Я схватил Лив и тоже нырнул в воду. Вилли — за нами. Нас подхватил бушующий водоворот.

Опомнился я, когда ощутил под ногами песок, и тотчас побежал вместе с Лив к берегу, спасаясь от неумолимо надвигающейся с моря новой отливающей стеклянным блеском стены. Нас тормозила, отступая, предыдущая волна, но мы вырвались из ее цепких объятий и упали на траву.

А наши спутники облепили шлюпку, которую швыряло прибоем. Любой ценой надо спасти ее! Они поминутно исчезали в жидкой лавине, но лодку не выпускали. Плывя больше под водой, чем по воде, вытащили на берег все мешки и чемоданы, а затем привели и шлюпку!

На всякий случай мы отнесли наше имущество подальше в лес. Весла, фрукты и прочие мелочи волны потом сами выбросят на берег. Мы добрались до Хива-Оа.

Глава восьмая НА ХИВА-ОА

Бездомные в деревне Атуона. Через горы в Пуамау. Исполинские боги в дебрях. Культовая площадка и неприступный замок. Мауриури — привидение Южных морей. Охота на кур. Удивительные судьбы. Ханаиапа — долина смерти. Комитет заседает

С берега в пальмовую рощу вела поросшая травой дорожка. Сперва мы увидели домик телеграфиста, потом, возле самой дороги, футбольное поле, правда не очень-то ровное, но все-таки цивилизация! И островитяне здесь выглядели более элегантно, чем наши фатухивские друзья. Шляпа набекрень, в уголке рта небрежно болтается сигарета — сразу видно, что сюда часто наведываются увеселительные яхты.

Местные жители смотрели на нас критически. Они уже успели раскусить белых и делили их на три категории: мундиры, требующие почтения, туристы — предмет их насмешек и заготовщики копры, к которым здесь относились безо всякого уважения.

Мундир олицетворял правительство, власть. Власть, которая издает законы и отправляет островитян в тюрьму на Таити...

Турист, по их понятиям, живое воплощение глупости. Он тратит жизнь на то, чтобы слоняться по белу свету и бросать деньги на ветер. За старого, потрескавшегося каменного божка он отдаст не только кучу денег, но даже шляпу и костюм!

А сколько глупых вопросов он задает! Турист не видит разницы между феи и другими бананами; годовалый ребенок толковее его. Ни домá, ни красивые наряды островитян его не привлекают; сойдя на берег, он тотчас устремляется в лес — дескать, вот где красота!

Но турист хоть миллионер. Не то что заготовщики копры. Эти тоже белые, но совершенно нищие. Правда, голова у них варит лучше, и они не донимают людей вопросами. И в кокосовых пальмах знают толк не хуже островитян, и лихо пьют кокосовое вино. Но они приезжают не сорить деньгами, а выкачивать их. Тури-

сты и правительство смотрят на них свысока, как на людей более низкого сорта. Словом, какие-то странные люди...

Поскольку мы прибыли на скромном туземном суденышке и сошли на берег в такую дрянную погоду, нас встретили с холодком. А когда мы, одетые в мокрое тряпье, устало побрели по дорожке, местные жители вынесли окончательный приговор: это белые самого низшего разряда.

Точно так же оценил нас жандарм Триффе, когда мы вместе с Вилли и Иоане постучали в дверь его конторы. Ибо белый, который всю свою жизнь провел в одиночестве среди полинезийцев, перенимает их взгляд на вещи.

Тощий человек в пробковом шлеме смерил нас мутным взглядом. Не вынимая из кармана правой руки, протянул левую Лив для приветствия. Затем повернулся к нам спиной и пригласил Вилли и Иоане переночевать у него, если им некуда пойти. На нас он больше не глядел. Что ж, вид у нас и впрямь был не особенно представительный.

Пошли дальше...

В дальнем конце деревни мы отыскали лавку мистера Боба; просто Боба, и все, или Попе по-местному. Он встретил нас в дверях — толстый, улыбающийся. Короткие штаны, волосатые ноги, разрисованные татуировкой руки. Наколотый на руке голубоватый якорек отлично сочетался со всем его обликом: сразу видно бывшего моряка, который осел на суше.

Но и здесь для нас не было места. Мистер Боб сообщил, что у него уже поселились два фотографа, больше некуда. И исчез в доме, пробурчав что-то насчет несносной погоды. В самом деле, шел дождь...

Только теперь до нас дошло, что мы в чем-то провинились. Жить дикарем не комильфо. Нас и здесь окружал мир, основанный на борьбе за преуспевание. Мы бросили вызов здешним белым тем, что не считались с правилами приличия. Задели их гордость, самодовольное убеждение, что они не отстают от времени, живут не в каком-нибудь глухом захолустье.

Мимо прошли наши гребцы. Их приютили в католической миссии.

Вилли был родственником местного вождя и устроился у него.

Вспомнив совет Пакеекее, мы отыскали дом протестантского священника. Грязный, темный барак на отшибе был, может быть, попросторнее большинства здешних лачуг, но ничуть не уютнее. Все, кто исповедовали веру священника-протестанта, могли поселиться в его бараке.

Навстречу нам вышел улыбающийся босой священник в черном пиджаке и полинезийской юбочке. Он пригласил нас присоединиться к пастве. Помню страшно фальшивое псалмопение, калейдоскоп странных лиц, затем мы повалились на только что освободившуюся кровать и уснули.

Когда мы проснулись, был ясный день. Сквозь разбитое окно лучи солнца падали на кучу кофе, рассыпанного для сушки на полу. За стеной кто-то стонал и кашлял.

Лив стиснула зубы. Нет, здесь оставаться невозможно.

Мы достали из «непромокаемого» чемодана нашу лучшую одежду. Она слиплась от морской воды. Ничего! Зато будем хоть немного похожи на туристов!

Лив — в шелковом платье и в туфлях на высоких каблуках, я — в костюме и шляпе отправились, прихрамывая, в деревню. Великолепный эффект! Никто не смотрел на пятна и складки. Теперь мы в глазах местных жителей были туристами! Совсем другое дело.

Боб стоял в лавке, окруженный горластыми покупателями. Он отпускал варенье, жидкость для волос, фуражки с блестящими козырьками. Одна женщина попросила полметра резинки. Боб приложил кусок резинки к мерке, растянул до нужной длины и отрезал. Затем подал изумленной покупательнице коротенькую резинку.

— Мистер Боб,— обратился я к нему,— нам бы кое-что купить...

Боб смотрел на нас и не узнавал.

— Слушаюсь, мистер,— вымолвил он наконец, вежливо поклонившись.

— Варенье есть? — спросил я.

— Есть, мистер, сколько банок вам надо?

— Давайте все.

— Ты с ума сошел,— прошептала Лив, глядя, как Боб громоздит на прилавке гору банок с заманчивыми этикетками.

— Тсс,— ответил я,— надо пустить пыль в глаза.

— Все,— с почтением в голосе доложил Боб, заставив половину прилавка разноцветными банками.

— Еще что-нибудь вкусное есть? — осведомился я.

— Конфеты, леденцы и шоколад,— отчеканил Боб, стирая со лба пот и не сводя с меня почтительного взгляда.

— Несите весь запас,— распорядился я.— А как с табаком?

— Какой вы курите?

— Я не курю, мне для подарков местным жителям.

Зрители, окружившие нас, облизывались, глядя, как Боб достает добрую порцию жевательного табака и длинный нож.

— Столько? — спросил он, примеряясь ножом.

— Чего там резать, все давайте,— небрежно бросил я, чувствуя себя Ротшильдом в деревенской лавке.

— А это что? — продолжал я.

— Жидкость для волос, с Таити прислали.

— Давайте.

Тут и Лив сориентировалась и стала отбирать товары для себя. Когда весь прилавок был завален покупками, мы угомонились.

Я вытащил свой самый большой чек, готовясь уплатить.

— Что вы, это не к спеху! — всполошился Боб и торопливо схватил чек.

Мы вышли из лавки, чувствуя себя князьями. Условились, что покупки нам пришлют. Куда? Этого мы пока сами не знали...

Положение было исправлено. Отныне на нас смотрели как на людей.

На дороге нам встретились «фотографы», о которых Боб говорил накануне. Он — худой, длинный, обвешанный аппаратами, на одной руке браслет из кабаньих клыков. Она — маленькая, юркая, как дикая кошка, с пышной шапкой ярко-рыжих волос.

Они были для нас словно оазис в пустыне. Мы тотчас подружились. Мадам Рене Шамон, французская журналистка, прибыла на Хива-Оа с кинооператором, чтобы сделать фильм об острове, где некогда жил Поль Гоген. Название — «По стопам Гогена». Они уже сняли первые кадры — дорожку от берега в глубь острова, по которой ходил великий художник.

Мадам Шамон была женщина энергичная, не признающая никаких препятствий. Увидев наши ноги и услышав, где мы ночевали, она буквально взорвалась.

— Сё т'юн скандаль! — кричала она.— Вы находитесь в колониях моей страны, и сегодня ночью мадам Хейердал будет спать по-человечески, хотя бы мне для этого пришлось уступить свою собственную кровать!

Они поселились в пустующем домике губернатора, к Бобу ходили только есть.

Мадам Шамон и кинооператор приплыли на «Тереоре» накануне утром. Они собирались поработать на Хива-Оа неделю-другую, пока шхуна набирает груз копры, а потом вернуться на Таити,

— А оттуда — домой,— воскликнул тощий оператор, блаженно улыбаясь.— Тысячу стройных пальм за одну сосновую иголку под снегом!

— Да уж, занесло нас в дыру! — бушевала Рене Шамон.— Вернусь во Францию — такую пародию сочиню!.. Назвали когда-то Южные моря раем, и теперь никто не смеет сказать правду.

На дороге показалась жалкая фигура Триффе, окруженная толпой островитян. Мадам Шамон подмигнула нам и налетела на беднягу, словно ураган. Он в отчаянии воздел руки к небу. И вот уже рабочие несут в свободный бунгало, где некогда жил врач, кровати, постель, веники.

Через неделю мы сердечно попрощались с нашими заботливыми друзьями. Держа за руку навьюченного оператора, маленькая огневая француженка крикнула последнее «о ревуар» и прыгнула в шлюпку «Тереоры», пришвартованную к утесу, который заменял пирс.

«Тереора» увезла также наших попутчиков с Фату-Хивы. За кормой шхуны прыгала на буксире старая лодчонка Вилли. Скоро они высадятся на уединенном островке, где стоит в лесу пустая бамбуковая хижина...

А нам пришлось остаться лечить ноги. Мы очень подружились с лекарем, недаром его, как и меня, звали Тераи. Я отлично помнил свое полинезийское имя: Терااматеата.

Тераи родился на Таити. В тамошней больнице он научился оказывать первую помощь, лечить несложные болезни. И надо сказать, он хорошо знал свое дело. Тераи колол и резал, врачевал мазями, извлекал больные ногти, чтобы спасти кость от инфекции. Совсем молодой — ему было немногим больше двадцати лет — он весил килограммов сто с лишним. Внешностью Тераи напоминал своего соплеменника Теринероо, и был таким же добродушным здоровяком. Умница, полный чувства собственного достоинства, верный традициям своего народа, нисколько не испорченный новыми временами.

Вся деревня в долине Атуона состояла из дощатых домиков, крытых железом, один Тераи построил себе бамбуковую хижину с крышей из пальмовых листьев. Больница была рядом; пациенты лежали на полу и сами готовили себе пищу. Ни одного свободного места...

Мы питались у китайца Чинь Лу, который жил особняком. И наши ноги постепенно заживали.

Тераи один олицетворял здравоохранение на пяти островах южной части архипелага. Но разве поспеешь всюду при такой

разобщенности! Раз в месяц он отправлялся навещать глухие горные долины Хива-Оа. Несмотря на солидный вес, Тераи был лучшим всадником на острове и держал самых резвых коней. Пешком Тераи вообще не ходил: времени не было. Когда наставал срок делать «обход», он садился на неоседланного коня и вихрем мчался вверх по долине.

Однажды мы попросили Тераи взять нас с собой. Язвы затягивались хорошо, и нам хотелось размяться. Он долго пугал Лив трудностями пути, но в конце концов сдался.

Ранним утром, еще до восхода солнца, из долины Атуона отправились в горы четыре всадника; четвертым был один местный житель, наполовину полинезиец, наполовину китаец. Сперва мы проследовали вдоль побережья до следующей долины, а уже там начался подъем. Тераи отобрал самых лучших коней, они то и дело срывались в галоп, но мы их сдерживали. До Пуамау далеко: сорок пять километров утомительного пути по диким горам. Да, мы снова были в сказочном горном крае и вновь испытали неописуемое чувство блаженства от общения с нетронутой природой. Тропа петляла в густом кустарнике, воздух был полон благоуханий, и солнце взбиралось по небу все выше и выше, освещая долину во всем ее великолепии. Веера пальм, пышные кроны деревьев — словно зеленая волна омывала подножие гор. Над нами возвышалась покрытая растительностью главная вершина острова. А далеко внизу — океан: сперва зеленоватая бухта с белыми гребнями волн, затем сверкающий голубой простор до зубчатых контуров гористого островка Мотане, который словно плыл по волнам.

Белые птицы парили в воздухе, сине-зеленые ящерицы улепетывали с красной тропы, по которой ступали копыта наших коней.

В необитаемой долине дикие петухи кукареканьем приветствовали солнце. Весело ржали кони, чуя близость лугов, окаймленных тонкими стволами карликового железного дерева.

Я придержал коня, любуясь замечательным видом. Острые гребни, гряды, шпили — это края кратеров; внутри, окруженные темно-зелеными джунглями, простирались светлые луга папоротника и травы теиты. Узловатые стволы и косматые кроны пандануса, мощные зонты древовидного папоротника. Заросли борао перемежались с растениями, присущими только горам. А рядом круто вниз обрывались голые стены.

Отсюда океан казался особенно огромным, ему не было ни конца, ни края. Вон зеленые горы острова Тахуата, еще дальше буд-

то парусный корабль — Мотане. Каким крохотным выглядел с этой высоты островной мир Иоане, Тиоти и Пакеекее...

— Се жоли,— произнес чей-то голос за моей спиной.

Тераи тоже любовался горами.

— Что красиво? — я удивленно взглянул на моего спутника.

— Горы, лес — все! Природа... Очень красиво.

Похоже, Тераи не такой, как все островитяне.

— А Папеэте? — спросил я.— Разве город не идеал красоты для вас всех?

— Для меня — нет,— ответил Тераи.— Прежний Таити нравился мне больше.

— И все-таки большинство его жителей переезжает в город.

— Да,— согласился Тераи.— Очень плохо. А как ведут себя девушки?.. Это хуже всего.

— Все девушки?

— Все.

— Почему?

— Деньги. Белые мужчины.

Тераи тронул коня, и мы двинулись дальше рядом.

— Посмотрите,— показал Тераи,— такой была прежде наша страна. И мы были счастливы. Наш старый король сочинил гимн Таити. «Я счастлив — цветок тиаре с Таити». Вот и весь текст!

Начался красивый лес. Здесь по заросшей тропе можно было ехать только гуськом. Между кронами редко проглядывало солнце; лианы и низко нависшие ветки заставляли нас то и дело нагибаться. Среди зеленой листвы резвились почти не боящиеся людей удивительные птицы редкой расцветки.

Мы обогнули лесистый утес. Прямо из скалы бил чистый родник, и ручеек сбегал вниз, в джунгли. Отсюда открывался прекрасный вид; к тому же здесь было отличное пастбище для коней. Мы устроили привал. Достали расплющенную булку хлеба; тотчас из норки поблизости выглянула любопытная горная мышка. Заметив нас, она что-то сердито пискнула и скрылась. Видно, хозяйка здешних мест.

Кони напились из родника, покатались на густой, сочной траве, потом стали пастись. Все, кроме мышки, были в отличном настроении.

И снова в путь по узкому карнизу с многочисленными выступами. Здесь опасно ехать верхом, а пешком идти и вовсе нельзя: весь уступ заливало сочившейся из трещин водой, и на километр лежал мощный слой скользкой глины. Кони шли очень осторожно, местами копыта проваливались в трещины. Вот один конь

споткнулся... Всадник молниеносно соскочил на тропу, прямо в грязь.

Наконец неприятный участок остался позади, зато горы стали еще круче. Выйдя снова из зарослей, мы испытали такое ощущение, будто парили в воздухе. Прямо перед нами открылась бездна. Слух уловил далекий непонятный гул, из пропасти тянуло холодящим ветерком. С карниза мы увидели отвесную стену, которой, казалось, не было конца. Далеко-далеко внизу простерлась крохотная долина и в ее устье — крохотный бережок.

— Здесь высоко,— произнес Тераи.

Конский круп заслонял вьющуюся вдоль обрыва тропу, и мы предпочли смотреть на каменную стену рядом. Узкий гребень... перевал, а за перевалом — новая бездна, со дна которой летели резкие порывы ветра.

Вот мы и пересекли весь остров! Перед нами другая долина, другой берег. А какой бурный прибой! Наветренная сторона... Но лучше не смотреть вниз, лучше опять повернуться лицом к стенке, пока кони медленно плетутся по карнизу.

Вдруг стенка исчезла! С обеих сторон пустота. Впереди — вершина, сзади — другая, между ними, точно лезвие, гребень, за который цеплялась наша тропка. Тераи обернулся, улыбаясь. Слева пропасть, справа пропасть; и тут, и там на дне — извилистый морской бережок, опоясанный белой каймой прибоя. Длинные пенные валы исчертили зеленую гладь, но шум разбивающихся волн не доносился к нам. Только слабый ровный гул да шелест ветра.

Оставалось крепче держаться в седле и глядеть на конские уши. Сорвешься — будешь лететь без задержки. Соскочить некуда. Кони уверенно шли вперед, настороженно подняв голову. Похоже было, что порывы ветра из бездны их беспокоят. А мы, пока тянулся гребень, даже боялись вздохнуть.

Пронесло!.. Тропа обогнула вершину, миновала еще один гребень, и вокруг нас снова сомкнулась лесная чаща. Из нее мы выехали уже под вечер, на закате. Новый перевал — и опять такое ощущение, словно перед нами провалилась земля. Кони непроизвольно остановились.

Внизу, окаймленная крутыми склонами древних кратеров, полумесяцем изогнулась широкая, просторная долина Пуамау. На длинный берег обрушивались океанские валы. Тусклые лучи вечернего солнца еще освещали лесной свод под нами. Один шаг — и ты будешь в долине... пролетев тысячу метров. Огороженная стеной Пуамау казалась нам другим миром.

Здесь тропа была высечена прямо в стене. Мы погнали вперед

усталых коней. Впереди больше чем на километр тянулся узкий карниз, дальше тропа петляла по склону до самого подножия. А на часах уже шесть! Значит, нам предстоит весь спуск совершить в темноте.

Постепенно мрак поглотил все вокруг, даже уступа не видно. Лишь таинственное дыхание снизу говорило нам, что наш путь не совсем обычен, что мы едем отнюдь не по ровным лугам. Впрочем, об этом свидетельствовали и порывистые движения коней, наклоненная вперед тряская конская спина, стук камешков под осторожно ступающими копытами. Мы не видели друг друга и поминутно перекликались. В кромешном мраке голоса казались необычно звонкими.

Наконец конские спины выровнялись, копыта застучали чаще. Вот они уже шлепают по воде шумного ручья. Спустились... Тераи стегнул своего коня, и мы пошли через лес рысью, навстречу все более громкому гулу прибоя.

Деревья расступились, и рев валов стал оглушительным. В лицо нам подул морской бриз.

На берегу мелькнул огонек — свет в окне хижины. Приехали! Это был домик норвежца Генри Ли, владельца самой лучшей в архипелаге плантации кокосовых орехов. Одеревеневшие от долгой езды, мы соскочили с коней и постучались в дверь. Сквозь щели в стенах проникал соблазнительный запах яичницы.

Дверь распахнулась, нас ослепило светом. Хозяин стоял на пороге с фонарем в руке, внимательно изучая ночных пришельцев. Не часто сюда являлись белые гости, и уж во всяком случае не с гор!

— Бонжур! — весело поздоровался он.

— Добрый вечер,— ответил я по-норвежски.

Он даже попятился от неожиданности.

...Не одну яичницу съели мы в тот вечер. И долго хлопали пробки в уединенной норвежской хижине в долине Пуамау на острове Хива-Оа.

Дьявольские, гротескные фигуры из красного камня... Огромные, тяжеловесные... Глаза — как тазы, рот — от уха до уха. Громадные круглые головы, маленькие кривые ноги; руки сложены на животе. Этакие неуклюжие тролли стоят и ухмыляются на открытой культовой площадке. Некоторые повалены на землю; лежат, бессильные, и таращат страшные глазища на звезды, которые следуют по своим извечным путям.

Это боги Пуамау.

Выйдя из чащи на древнюю культовую площадку в лесу, мы замерли на месте. Все пространство занимали стены и террасы, на которых стояли боги — красные исполины сверхъестественного роста.

Каменные лица строго глядели на нас, словно повелевая стать на колени. Боги первого загадочного населения архипелага привыкли к тому, что люди поклонялись им.

Мы отчетливо представили себе, как древние островитяне ночью, при луне, молились и приносили жертвы идолам. Дьявольские физиономии, барабаны, песня, ночной лес — все это, конечно, возбуждало воображение людей, и они наделяли гротескных богов сверхъестественными качествами. Вся сила идолов была в самовнушении островитян, которые приписывали своим кумирам чудесные свойства.

Вот они по-прежнему презрительно улыбаются, хотя люди уже давно их покинули.

Эту культовую площадку недостроили. Рядом с низвергнутыми идолами лежали другие, которые так и не были воздвигнуты, даже не изваяны до конца. Произошло так по вине полинезийцев; они прибыли на лодках из своей неведомой родины за океаном и вытеснили первых обитателей в горы, где те вскоре вымерли.

Взобравшись на древнюю террасу, мы подошли к одному из богов, чувствуя себя рядом с богатырем карликами, пигмеями. Как и все остальные идолы, он был высечен из кроваво-красного монолита.

Нелегко представить себе, как воздвигались величественные пирамиды Египта. Не менее трудно вообразить, как доставляли на площадку и водружали на постаменты этих исполинов. По соседству с культовой площадкой нет красных горных пород, зато в верхней части долины расположена древняя каменоломня. Теслами из очень твердой породы здесь вырубали в склоне огромные глыбы.

Остается загадкой, как древние жители острова спускали эти глыбы вниз по долине для обработки и установки на террасах. С берега вверх доставляли камни для террас.

Мы нашли много жертвенников с изображениями богов. Поверхность камня была испещрена ямками. Что это — так называемые «солнечные символы» или вместилища для человеческой крови?

Наши друзья-островитяне предложили свое объяснение: в старину не только люди, воздвигшие этих идолов, но и все другие

существа обладали сверхъестественной силой. И ямки на камне — это следы присосков спрута.

В одном конце площадки мы увидели бога, лежащего на животе. Нет-нет, он не был повален, его так и изваяли, вместе с колонной, уходящей в землю. Загадочный идол был совсем не похож на других. Голова поднята, руки вытянуты вперед; он точно плывет. Мы расчистили ножом землю вокруг колонны и увидели на ней высеченные изображения богов. Что ж, это вполне понятно. Но, кроме того, мы обнаружили силуэт животного длиной около полуметра. По хвосту можно было определить, что это собака. Вот это уже странно: когда первые обитатели острова ваяли своих кумиров, на нем не было собак. Они появились позже, вместе с европейскими судами.

Выходит, древние ваятели изобразили животное из своей далекой, неведомой родины?

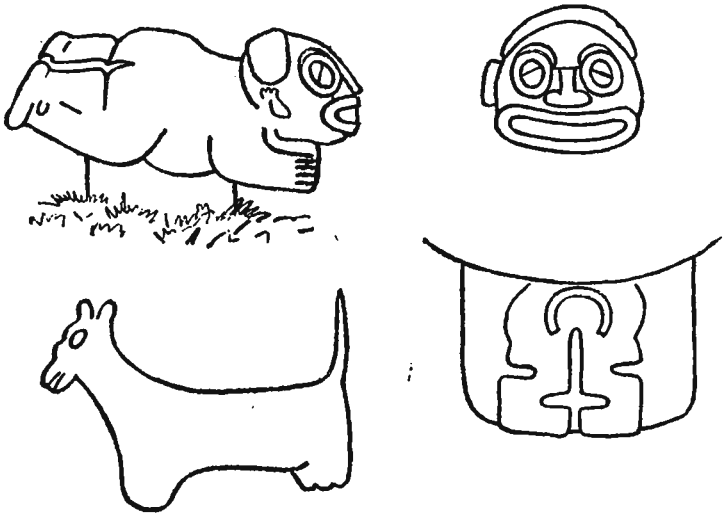
Расчистив соседнюю стену, мы нашли на ней непонятные знаки. Письменность? Иероглифы? Никто не ведает...

Над культовой площадкой возвышалась остроконечная горная вершина. Она напоминала «Большой камень» — Мотунуи. Генри Ли кое-что рассказал нам про этот пик, на котором не побывал еще ни один белый. Однажды он сам стал карабкаться на высокий шпиль, но у самой цели сдался. Поверх глубокой расщелины, которая казалась бездной, лежал шаткий камень. Генри счел этот мостик чересчур ненадежным.

А его сын от жены-таитянки, удалой парнишка Алетти, был не прочь попытать счастья. И мы отправились в путь, пригласив с собой одного таитянина. Лив осталась у Генри Ли — ее ноги еще не зажили как следует.

Сперва шли вдоль лесистого гребня, затем лес кончился, потянулась голая скала. Здесь из камня был выложен широкий карниз. Осторожно карабкаясь вверх, мы очутились на следующем карнизе, похожем на первый. Отсюда открывался великолепный вид на долину и домики на берегу. Дальше скальная стенка была почти гладкой, лишь кое-где выветривание создало причудливые колонны и ходы.

Уже совсем не за что зацепиться. Все-таки Алетти, шедший впереди, нашел расселину. Вверху она переходила в камин. Один за другим мы протиснулись сквозь него. Одолев камин, мы очутились перед расщелиной с шатким мостиком, сделанным самой природой. Теперь долина была прямо у нас под ногами. Внизу парили белые птицы. Алетти смело пошел по камню. Пришлось и нам с таитянином следовать за ним.



Сверху — лежащий бог-великан. Снизу — изображения на колонне

Еще несколько шагов, и мы стоим на вершине шпиля. В незапамятные времена здесь было укрепление. Руки людей расчистили маленькую круглую площадку и вымостили ее плоскими плитами. Площадку окаймляла каменная стена. Отсюда древние обитатели острова могли следить за появлением врага. Должно быть, они видели, как подходили с океана и высаживались на берег те, кому было суждено истребить первоначальных насельников.

Гора была неприступной крепостью, но на вершине могли разместиться только вожди. Воины, очевидно, занимали позицию на карнизах внизу. Но и после их разгрома камин был для противника серьезным препятствием: ведь он пропускал не больше одного человека. А за камином, у шаткого мостика? Здесь даже женщине было под силу отправить непрошеного гостя вниз, в пропасть. Крепость могла держаться столько времени, сколько позволяли запасы продовольствия.

В нишах в стене мы нашли камни для пращи. А у самой стены начинались два хода, которые выводили на склон. В ходах лежали кости и оскаленные черепа. Голод победил...

Целый народ погиб, погиб безвозвратно. В долинах развилась новая культура. Теперь ее вытесняет наша раса, но на смену ны-

нешней культуре в опустевших долинах не ра[illegible] по комнате.
нового.

— Тси-тси-тси-тси-тсиririririри,— неслось к нам из ночного мрака.

Мы прислушались.

— Мауриури,— объяснил Генри Ли и показал на потолок.— Привидение, дух умерших предков, которые обращаются к своим потомкам.

Он улыбнулся.

Мы не впервые слышали о мауриури. Нам говорили о нем еще на Таити. На шхуне наши спутники — полинезийцы рассказывали про его зов; на Фату-Хиве о мауриури нам поведали Тиоти и Пакеекее.

Мауриури, паиоио — у него много имен, он известен на большинстве островов Южных морей. Полинезийцы твердо верят, что его стрекот — голос предков. Никто не видел его, ни полинезийцы, ни белые. Таинственный голос доносится то с одной, то с другой стороны, то звучит прямо над головой! Но не пытайтесь найти мауриури, все равно ничего не выйдет. Вы можете услышать его голос в открытом море, плывя на шхуне. Не ищите на палубе — бесполезно. А если стрекот доносится с мачты, то, сколько ни карабкайся вверх, он все равно будет звучать над вами.

Мауриури бесшумно появляется, бесшумно исчезает. И всегда только ночью. Самый яркий фонарь не поможет его найти. Если несколько человек сидят вместе, а услышав голос мауриури, расходятся в разные стороны, то зов следует за каждым из них. Но его так же отчетливо слышит и тот, кто остался сидеть на месте!

Мы сами не раз слышали голос мауриури. Ночью на крыше нашего бамбукового домика их сидело сразу два-три. Мы пытались их отыскать; нам попадались ящерицы, цикады, всякие прочие твари, только не мауриури.

Для островитян этот неуловимый дух — своего рода оракул. Если ночью над хижиной раздался его стрекот, хозяин уже знает: это предостережение. Он начинает выспрашивать мауриури и до тех пор выкрикивает вопросы, пока дух не замолчит. Вот смолк: значит, произойдет то, о чем говорилось в последнем вопросе.

Полинезийцы кладут духам пищу: рыбу, фрукты, немного поипои. Насыпают щепотку табаку.

Однажды Генри Ли был в гостях у старика островитянина. Они ели поипои, в это время над хижиной закричал дух. Старик,

[illegible]нул вверх ком поиной — тесто так и прилипло к потолку.

— Нотеаха? — спросил Генри.— Зачем ты так сделал?

— Родственники,— невозмутимо ответил старик.

Пока мы, сидя вокруг лампы, толковали про загадочный голос, он внезапно смолк, и со двора в хижину ворвался Алетти. Положив на стол ветку с зелеными листьями борао, юноша поспешил плотно закрыть дверь.

— Эна инеи! Вот он!

Мы рассматривали ветку, перебирали листья, но ничего не могли обнаружить.

Алетти объяснил, что, услышав характерный стрекот, он стал красться по направлению к нему. На дворе был всего один кустик, и звук доносился именно оттуда. Внимательно прислушиваясь, Алетти приметил наконец подозрительную ветку, срезал ее и примчался к нам.

— Алетти впустую болтать не станет,— строго произнес отец.

Мы осторожно подвесили трофей над столом. Если там что-то есть, уж мы непременно найдем! Все дружно уставились на ветку, освещенную керосиновой лампой. Вдруг из сухого свернутого листика на мгновение высунулись какие-то ниточки и тотчас исчезли.

Мы переглянулись. Подозрительно... Подождем еще. Сидели молча, неподвижно, только тени колыхались на стене.

Внимание! Появилось маленькое невзрачное насекомое. Покрутило усиками, осталось довольно итогом разведки и выбралось на середину листика. Неужели эта крохотная тварь и есть загадка, которую столько людей тщетно пытались разгадать? Эта серенькая козявка — виновник несчетных россказней о привидениях?

Насекомое стало в позу, точно готовясь нам ответить. Вот на спине появилось нечто вроде воронки, раз-другой дернулась задняя нога... «Тси, тси»,— и насекомое юркнуло назад в свое убежище.

Я увидел, как Генри стирает со лба пот. Алетти сиял от гордости, у Лив был такой вид, словно она с луны свалилась. Значит, не я один слышал!

А козявка снова вышла, стала в позу, и упоенно застрекотала. Снаружи кто-то вторил...

Вороночка на спине напоминала граммофонный рупор. Она многократно усиливала вибрирующий звук, который возникал от того, что нога насекомого терлась о нее, как смычок о скрипку.

«Тси-тси-тси-тси-тсириририри»,— неслось по комнате.

И тут зоолог во мне взял верх: я схватил музыканта и сунул его в коробочку.

Бедняжка музыкант, самое прославленное насекомое и самое знаменитое привидение Тихоокеанской области, ты пал жертвой науки...

«Тси-тси-тси»,— неслось со двора.

Ничего, хватит мауриури еще не на одно поколение суеверных!

— Это надо отметить! — воскликнул Генри Ли.— Алетти, поймай курицу! Хотите посмотреть на охоту? — обратился он к нам.

И в мрак тропической ночи выступила охотничья экспедиция.

Да, на кур охотятся ночью. Без оружия. Через лес мы вышли к прогалине, на которой стояло несколько деревьев. Алетти нес длинную жердь с поперечной палочкой на конце. Генри посветил вверх фонариком. Несколько диких кур сидели на ветвях, охваченные крепким сном. С величайшей осторожностью Алетти стал подносить к ним жердь.

Непонятно... Он же спугнет их! Сколько раз мы видели, как куры, хлопая крыльями, спасаются от преследующей их собаки. Они отлично летают.

Вот жердь дотянулась до одной из куриц. Алетти осторожно подтолкнул спящую птицу сзади. Она сонно закудахтала, затем, не просыпаясь, шагнула на поперечную палочку сперва одной, потом другой ногой. Сидя на жерди, она продолжала спать.

Алетти бережно опускал жердь вниз между ветвями. Легкий толчок... курица закудахтала... взмахнула одним крылом... Спит! Лишь когда жердь опустилась на землю и парнишка схватил добычу, она проснулась и подняла отчаянный крик.

Опоздала, голубушка!

Генри Ли удивительный человек с необыкновенной судьбой. Он прибыл сюда еще юнгой, во времена парусных судов. Капитан его корабля любил выпить, пьянство и драки были на борту обычным явлением. И когда корабль после кошмарного плавания бросил якорь у Хива-Оа, Генри бежал и отсиживался в пещере на берегу, пока судно не ушло.

Он женился на женщине с Гавайских островов и нанялся на шхуну, плававшую в здешних водах. Достиг должности суперкарго, потом жена получила наследство — долину на островке, он осел и стал заниматься заготовкой копры.

Теперь Генри был уже пожилой человек. Первая жена умерла, многое переменилось. Здесь на Хива-Оа он возделал лучшую плантацию во всем архипелаге. С внешним миром он был связан только через шхуну, которая забирала копру. Дом Генри стоял в стороне от деревни. Любимые книги и сын Алетти — вот и вся его отрада.

Чудесный парень этот Алетти и настоящий здоровяк! Он не знал, что такое школа, зато был самым искусным в этих местах охотником и рыбаком.

— Вот уже тридцать лет здесь живу,— сказал нам однажды Генри,— а подружиться с островитянами не удалось. Вреда они мне не причиняют. Моя плантация обеспечивает меня всем необходимым. Однако сблизиться с островитянами белому невозможно. Им это вроде бы ни к чему. К белому они подходят с мыслью, как бы из него побольше выудить. Островитянин подарит цыпленка и ждет, что ему в ответ преподнесут быка. На других островах они хоть поприветливее. На маркизянке я бы ни за что не женился.

— А вообще-то, хорошо вам здесь? — спросил я.

— Что значит — хорошо!? Здесь у меня есть плантация и лавка. Поеду домой — буду нищим.

— А тропический рай,— не унимался я,— как насчет него?

Он расхохотался:

— Если знаешь, какой суп предпочитают клиенты, конечно, будешь его подавать.

— И вас никогда никуда не тянуло отсюда?

— Нет,— ответил Ли.— В прошлом году я побывал на Таити — это мое первое путешествие за много лет. Каждый день ем отраву, чтобы не пристала какая-нибудь зараза, но в прошлом году мне пришлось все-таки отправиться в больницу на операцию. Чудно́ мне показалось на этом острове. Я впервые увидел самолет, услышал радио. И привез оттуда жену, уроженку Тупуаи, солидную женщину — весом сто килограммов! Алетти путешествовал со мной. Его больше всего поразила какая-то необыкновенная ласточка, здесь он таких не видел.

Во всей долине Пуамау у Генри Ли был лишь один друг — старый усач, француз. Они до полуночи просиживали, беседуя о философии и политике, об искусстве и науке, и когда спорили, то старик, шумно втянув носом понюшку табаку, сердито стучал кулаком по столу. Ему ли не знать свет! Он был шеф-поваром на увеселительной яхте, стрелял медведей в лесах Канады, пас овец в Новой Зеландии, искал золото на Аляске...

Теперь этот потешный французик занимал лачугу по соседству с Ли. Он с гордостью повел нас к себе показать свой дворец. Крыша из связок травы, стены из ящиков и обломков. Но сколько выдумок и изобретений было в этой конурке! Потянешь за веревочку или дернешь гвоздь — что-нибудь да появится.

Чтобы лечь, хозяин откуда-то вытягивает за веревку кровать; нужен стол — дерни другую веревку. Стоя посреди комнаты, старик мог дотянуться до любого отделения и приспособления.

Потянешь не ту веревку — вдруг сверху спускается конское седло. Или открывается ящик с чудесным свежим хлебом: усач его пек прямо над огнем в железной печке между кроватью и столом.

Никогда мне не забыть этого человечка с его забавным покосившимся домиком. Дом и небольшой участок с отличным огородом и стройными пальмами — вот все его владения.

Старик был по-настоящему счастлив.

Тераи и четвертый член нашей компании уехали, но нас гостеприимный хозяин задержал. Генри Ли взялся окончательно залечить наши язвы. Сам он никогда не ходил босиком и дезинфицировал малейшую царапину на коже, но болезнь «фе-фе» знал хорошо.

Однако и мы не могли остаться здесь навеки; пришел день прощания. С пастбища привели наших коней. Было искренне жаль расставаться. Утешало лишь то, что мы снова поднимались в великолепную страну гор.

Пропасти и обрывы, горные пики и пышные леса. И чистый, свежий воздух, лучше которого не найти.

На безлесном бугре среди папоротника сидела на тропе странная бескрылая птица. При виде несущихся галопом коней она стремительно бросилась бежать, потом вдруг нырнула в гущу папоротника и исчезла. Птица эта еще не изучена, ее никому не удалось поймать. Полинезийцы часто за ней охотились, но она слишком быстро бегает по своим бесчисленным ходам. Бескрылые виды известны и в других изолированных архипелагах. На всякий случай мы прочесали все ходы, но беглянка будто сквозь землю провалилась.

Свернув с тропы, ведущей в Атуону, мы двинулись вдоль гребня на север и под вечер очутились в глубокой угрюмой долине — Хапаиапа. Это третья населенная долина на Хива-Оа. С трудом протискивается она к морю между грозно нависшими скалами.

Возле дороги стоял угрюмый дощатый дом с железной кры-

шей. Заглянули в окна: пусто... Большинство домов было заброшено, и лишь на самом берегу мы нашли обитаемое жилье.

К нам подошел островитянин и пригласил идти за ним. Мы узнали в нем одного из постояльцев протестантского барака в Атуоне.

— Вене,— сказал он.— Плюис томпер.

Это он «по-французски» предлагал нам переночевать в доме местного священника.

— Спасибо,— ответил я,— мы будем спать на воздухе.

Он покачал головой и указал на горы. Небо помрачнело, вокруг вершины собирались тучи. Вдали рокотало. Гроза... Она бывает здесь очень редко, но уж если разразится — держись!

Мы отказывались до тех пор, пока над долиной не прокатился мощный раскат грома и не хлынул ливень.

Только после этого мы укрылись на террасе дома священника. Сгустился ночной мрак, а дождь все хлестал, ослепительные молнии рассекали тьму, и в узкой теснине грохотал гром. Никуда не денешься...

Мотаро, владелец дома, рассказал нам кое-что об этой страшной долине, в которой осталось всего тридцать жителей: туберкулез.

Суеверные люди не хоронили умерших, а клали их под пол своих лачуг. Понятно, что все остальные жильцы дома тоже отправлялись на тот свет.

Слоновая болезнь и проказа свирепствовали здесь с особой силой. Двое из выживших тридцати — помешанные. Кошмарное место...

Яркие молнии падали в теснину, от стенки к стенке метались раскаты грома. Мы сидели на террасе на полу. Полинезийцы обиделись, когда мы отказались лечь на их кровати. Но мы скорее согласились бы всю ночь ходить под ливнем. Нельзя было без содрогания слушать этот кашель, стоны, хрипы.

Среди ночи раздался вдруг такой грохот, что мы подскочили. Казалось, весь соседний гребень обрушился в долину! Впереди летели мелкие камешки, за ними — обломки покрупнее, и наконец вниз по склону двинулась огромная скала.

Глыбы завалили русло речушки; весь дом дрожал.

Но вот как будто все стихло, только мелкие камешки еще стучат. Сверкают молнии... Подождав немного, местные жители легли спать: в Ханаиапе привыкли к лавинам.

На следующее утро гроза, рокоча, ушла в океан. Там, где прошла лавина, от самого гребня до подножия, тянулся широкий

след. Деревья будто сбрило, речка широко разлилась и стала густой от шоколадной глины.

Мы быстро оседлали коней: хватит, погостили. Вдруг подошел тот самый человек, который первым заговорил с нами накануне вечером. Он хотел что-то показать нам. Мы не особенно охотно последовали за ним.

В лесу за одинокой лачугой стояла древняя каменная стена; возле нее я увидел своеобразный жертвенный камень с круглыми ямками. А затем мы очутились на прогалине, вымощенной большими плитами. Она была усеяна сотнями человеческих черепов — больших и малых, целых и разбитых.

Наш проводник широко улыбался беззубым ртом. Да, древние обитатели острова — пусть даже они были людоедами — явно могли похвастать куда лучшими зубами, чем их нынешние потомки.

Мы вернулись к домам и рысью двинулись вверх по тропе. Внизу осталась Ханаиапа, мрачная долина с тридцатью жителями, тремя церквами и тысячей черепов.

Горы нам показались приветливее, чем когда-либо.

По главной улице Атуоны шагал толстяк Бельвас, местный телеграфист. Он шел вразвалочку, качаясь — точно ступал по матрасу. Перед лавкой Боба Бельвас остановился и визгливым голосом зачитал телеграмму толпе островитян во главе с Бобом и Триффе.

Взволнованным гулом встретила толпа новость о том, что назначен новый губернатор Французской Океании. На борту военного корабля он плывет на Маркизские острова: хочет посетить находящиеся в его ведении территории, прежде чем обосноваться в постоянной резиденции на Таити.

Важная весть вихрем облетела всю деревню. Тотчас снарядили гонца, который должен был известить жителей других долин. Триффе объявил, что предстоит большой праздник.

Местные деятели срочно собрались на совещание. Наконец-то представится случай добиться улучшения условий жизни! Сам губернатор приедет, надо будет просить ассигнований и иной помощи.

Боб требовал отмены ограничений в торговле: ему разрешалось продавать только одну бутылку вина в неделю на каждого человека. Думаете, его беспокоила прибыль? Что вы, его волнует совсем другое: островитяне незаконно гонят кокосовое вино и напиваются до бесчувствия. Это же недопустимо.

Предложение Боба провалилось.

Зато единогласно постановили вырыть канаву поперек деревенской улицы.

Общей мечтой было электрическое освещение в домах и на улицах, как на Таити. Решили выяснить насчет этого у губернатора.

Кто-то потребовал, чтобы на Фату-Хиве был свой штатный фельдшер. Мол, люди там живут совсем изолированно и лишены медицинского обслуживания.

— Нет,— отозвался другой участник заседания,— на Фату-Хиве нет никакого смысла наводить порядок. Пусть себе вымирают...

И деятели принялись обсуждать предстоящий праздник.

В программе — пляски и песни. Белые это любят. Танцевать, как обычно: вертеть бедрами и напевать, размахивая руками, пока другие, усевшись в круг, отбивают такт.

В исполнителях не будет недостатка, так как богатые туристы охотно раскошеливались, лишь бы увидеть редкостное представление.

А костюмы? Да, в самом деле!

— Лубяные юбочки,— решительно заявил Боб.— Из тонких ленточек. Это то, что им надо. На худой конец можно из бумаги сделать.

— Лубяные юбочки? — возмутились остальные.— Лубяные?! Нет уж! Слава богу, мы люди культурные. Белые костюмы и белые платья, одинаковые у всех! Чтобы вид был!

Разгорелись горячие дебаты. Сами танцоры мечтали о фуражках с блестящими козырьками — Боб только что закупил оптом целую партию. Вот будет здорово: у всех блестящие козырьки! Губернатор придет в восторг.

В итоге постановили: футбольная команда в полосатых майках прошагает с развевающимися знаменами от причала до деревни, чтобы придать встрече надлежащую торжественность.

После этого пусть будут лубяные юбочки. Танцоры выступят в шелковых сорочках и белых брюках, а юбочки наденут сверху.

Такое решение всем пришлось по душе.

Можно было встречать губернатора.

Глава девятая В БЕЗЛЮДНОЙ ДОЛИНЕ КАННИБАЛОВ

Мотане, перенаселенный необитаемый остров. Мы узнаем о Теи Тетуа, последнем хранителе старых традиций. В долине Теи. Строим свайную хижину. Новые друзья: Теи и его приемная дочь. История творения. Каннибалы и хирурги. Счастливые дни. Гости. Всего лишь поросенок. В ожидании корабля. Завершение

Это было много дней спустя. Корабль губернатора ушел. Зато пришла шхуна. Минуло полтора месяца с тех пор, как мы на шлюпке Вилли сражались с океаном. Ноги совсем зажили, и, когда шхуна вновь подняла якорь, мы стояли на ее корме, прощаясь с островом. По пути на Таити нас опять высадят на Фату-Хиве. Мы решили сделать еще одну, последнюю попытку. Заберемся подальше в глушь, чтобы совсем отделиться от местных жителей.

Паруса наполнились ветром, и мы в последний раз увидели долину Атуона. На мысу стояло несколько стен — все, что осталось от лепрозория. Его сожгли. Якобы для того, чтобы убить бациллы и предотвратить распространение заразы. А больных разослали по домам.

Над синей гладью летел благословенный свежий пассат. Шхуна обогнула мыс и вышла в открытое море. На борту был опасный преступник, которого везли на Таити, жертва табу — или болезненного воображения.

Это случилось в соседней долине, населенной горсткой людей. Двое из них перебрались сюда с Таити, искали свободную землю, чтобы выращивать орехи и заготовлять копру. А в той долине стояло могучее дерево, на которое было наложено табу. Но парни с Таити ничего не боялись. Они заглянули в дупло запретного дерева и увидели там три черепа. Огромные черепа, они таких никогда не встречали. Тотчас в таитянах заговорила коммерческая жилка: ага, есть что предложить богатым туристам! И на-

ходку спрятали в чемодан, чтобы потом переправить на Таити. Но когда наступила ночь, черепа начали жаловаться (так рассказывали островитяне). Один из двух друзей решил положить их обратно в дупло, второй не соглашался. Тут в чемодане начались такие охи и причитания, что в соседних хижинах проснулись люди и пришли выяснить, в чем дело.

Причитания не прекращались. Вдруг на того, который отказался нести находку обратно, напало безумие. Он выхватил нож и бросился на товарища. После жаркой схватки безумца скрутили и доставили в Атуону. И вот теперь его везут в тюрьму на Таити.

А черепа положили обратно в дупло.

Печальная судьба постигла Маркизский архипелаг. Белые успели натворить здесь немало, прежде чем оставили его в покое. Возделанные поля, расчищенные земли превратились в пустыни и покрылись зарослями. Так было на крупнейших островах, об этом мы знали давно. Сегодня нам предстояло увидеть, как пышные леса и тучные пастбища превратились в каменистую пустыню: такова судьба самых маленьких островков. Если на больших островах еще остались жители, то маленькие совсем обезлюдели. Когда-то и они были обитаемы, об этом говорят хотя бы старые каменные сооружения. Но люди исчезли. Зато отлично чувствовали себя завезенные белыми домашние животные. Здесь хищников нет, так что ослы, коровы, козы, овцы и свиньи размножались с невиданной быстротой. Некому было истреблять их потомство. Огромные стада паслись на островках. Когда исчезла трава и листва, они принялись за ростки и корни деревьев, стали глодать кору. А потом скот начал погибать от бескормицы...

Мы подошли к Мотане — гористому островку, который видели по пути на Хива-Оа. Здесь шхуна должна была пополнить свои запасы продовольствия.

Несколько полинезийцев принялись бить острогой разноцветных рыб, а мы направились в глубь необитаемого островка.

Берег крутой, скалистый; тропа идет в гору по сухому белому склону, сложенному галькой и песком. Тут и там торчат жалкие кусты с грубыми жесткими листьями. Другой растительности нет. Солнце обжигает почву, которая больше не защищена густыми кронами деревьев. Пересохшие русла занесены песком. О прибрежные скалы разбиваются соленые океанские валы, от вида которых только усиливается жажда.

Всюду валялись иссушенные солнцем бараньи скелеты, кри-

вые рога, черепа... Кажется, весь остров сплошь устлан ими. Галька, сухой кустарник и кости. В кустах, звонко кукарекая, сидели дикие петухи.

Отойдя от берега, мы увидели овец с ягнятами. Испуганные животные прятались, блея, за кустами. Тощие, малорослые, грязная шерсть... Они спасались бегством от моряков-таитян, которые мчались вдогонку за ними вверх и вниз по склону. Догнав жертву, люди бросались на нее, хватали за шерсть и взваливали на плечо. Овцу за овцой, ягненка за ягненком тащили в шлюпку.

Было еще светло, когда мы покинули остров белых скелетов, сухая почва которого никогда уже не покроется зеленью.

Теперь — на Фату-Хиву. Легкая качка быстро убаюкала нас.

Долина Омоа встретила нас свинцовыми тучами. Все это время на Фату-Хиве лил дождь. В лесу — сырость, грибной запах. Комарье и мошкара свирепствовали, как никогда. Ничего, мы ведь не думали долго задерживаться в Омоа.

Одевшись так, чтобы не бояться ни комаров, ни грязи, мы зашагали к нашему участку, узнавая по пути каждое дерево, каждый утес, каждый изгиб речушки. Мы успели полюбить эту долину. Память хранила первые, счастливые дни. Но это было, а теперь...

Сопровождаемые тучей комаров, с трудом ступая по размытой тропе, мы наконец подошли к платформе, на которой стояла бамбуковая хижина. Где же она? Наше жилье исчезло за высокой травой, кустарником и бананами. Просто удивительно, как сильно они выросли. Мы не верили своим глазам. Столбы, подпиравшие кухонный навес, проросли, на ветвях зеленели листья. Бамбуковые стены хижины истлели. Рука проходила сквозь них, как сквозь бумагу. Крыша распалась. Кругом сновали тысяченожки и пауки. Внутри все покрывала белая пыль.

Без нас никто не входил в дом. Мы собрали свое имущество и спрятали его в пещере в лесу; туда же перенесли древние черепа. Неудобно, если островитяне, когда хижина совсем развалится, найдут под нашей кроватью останки своих предков.

В эту ночь мы спали на дворе, на куче листьев, укрывшись противомоскитной сеткой.

На следующий день мы вместе с нашим другом Тиоти составили план дальнейших действий.

Тиоти был таким же весельчаком, как прежде, хотя одна его нога превратилась в бесформенный ком. Еще одна жертва самого распространенного недуга на острове — слоновой болезни...

Итак, мы покидаем долину Омоа. Решили бежать из дождевого леса, от назойливых насекомых. От болезней и вымирающих островитян. Мы задумали перебраться на участок Теи Тетуа — почтенного старца, потомка одного из древнейших местных родов.

Вдоль острова, разделяя восток и запад, протянулась могучая цепь гор Тауауохо и Намана. Мы познакомились с западной частью, пышными дождевыми лесами Омоа и Ханававе. Здесь сосредоточено местное население, сюда изредка заходят суда.

Восточная половина Фату-Хивы скрыта от всего мира. Огорожена крутыми хребтами и буйным океаном, который гонит сюда свои валы от далеких берегов Американского материка. Долины здесь разделены неприступными горами. Климат суше; можно подумать, что неугомонный пассат оттесняет тучи через хребты на запад.

Все население восточной части острова вымерло. Лишь в долине Уиа еще остались люди. Здесь жил старик Теи Тетуа вместе со своей приемной дочерью.

Некогда Теи Тетуа был вождем четырех племен, но он пережил всех своих подданных, а также двенадцать жен. Тиоти называл его последним представителем прошлого. В самом деле, Теи Тетуа — последний из тех, кто ел человеческое мясо.

Уиа — единственная из восточных долин, в которую можно проникнуть через горы. Правда, путь в нее нелегок. В ней-то мы и задумали теперь поселиться. Познакомимся с потомком древних, которого не изменили новые времена, хранителем традиций своего народа. Нынешние презрительно называют его «дикарем», а он, быть может, гораздо лучше их.

Караван выступил в путь: сначала вниз по долине, потом в горы по хорошо знакомой тропе. Кроме Тиоти и Пахо нам вызвался помочь еще один островитянин, который знал дорогу. Две лошади (одна из них — наш старый друг Туивета) несли поклажу: банки с вареньем и консервами, леденцы, табак, шоколад. Вот когда нам пригодятся покупки, сделанные у Боба. Наверное, старик Теи будет рад подаркам из нашей страны.

Поднявшись в горы, мы свернули с проторенного пути на старую, заросшую тропу. То и дело дорогу нам преграждали почти непроходимые болота, местами поперек тропы лежали огромные стволы. А под вечер перед нами выросла плотная стена бамбуковых зарослей. Пришлось шаг за шагом прорубать себе проход в густом переплетении желтых и зеленых прутьев. Тиоти не повезло: он распорол себе руку об острый ствол бамбука.

Но мы не сдавались и в конце концов вышли на край чудо-

вищной пропасти, которая обрывается в мрачные дебри Уиа. Здесь пришлось оставить лошадей. Мы привязали их к дереву: пусть пасутся. Поклажу взвалили себе на плечи наши друзья-островитяне. Предстоял сложный спуск: держись крепче, коли не хочешь сорваться. Над бездной тянулся узкий карниз. Во многих местах он обвалился, и мы делали мосты из толстых бревен.

А возврата нет, шхуна ушла, больше деваться некуда. Оставался только один путь — вниз, в долину. И мы спустились.

По дну сумеречной теснины мы вдоль реки пробирались сквозь заросли борао. Вдруг река исчезла. Ушла под землю... Лишь в устье долины бурный поток снова выходил из-под земли, устремляясь в океан.

Пахо ушел вперед. Потом издали донесся лай. Должно быть, Пахо уже достиг лачуги старика. Значит, осталось немного.

Долина расширилась. Устье было светлое, открытое. Кустарник сменился пальмовой рощей, и между стволами у самого моря мы увидели несколько хижин, построенных на старинный лад. Навстречу нам бежал человек с одной лишь набедренной повязкой на теле. Теи Тетуа!

Смуглый, здоровый, мускулистый, чудесные белые зубы; весь словно сгусток жизни и энергии. Он радостно рассмеялся, когда мы, здороваясь, протянули ему руку. После долгого одиночества старик никак не мог найти нужных слов, чтобы выразить переполнявшие его чувства.

— Есть свинью,— вымолвил он наконец.— Свинья кончится, есть петуха, петух кончится, есть еще свинью.

И он помчался к дому, крича на своих одичавших свиней. С помощью Пахо ему удалось поймать одну из них за заднюю ногу лубяным арканом. И вот уже Теи тащит к нам отчаянно визжащую добычу.

— Есть свинью,— твердил он, сияя.

Видимо, это было у него высшим знаком дружбы. До поздней ночи мы сидели вокруг трескучего костра, держа в руках огромные куски свинины. К смуглому старику прильнула его приемная дочь, красавица Тахиа Момо. Сверкая большими глазами, она слушала, о чем говорят взрослые. Теи Тетуа по-детски радовался тому, что в его безлюдную долину пришли гости.

— Останьтесь здесь,— уговаривал он нас.— Уиа большая. В Уиа много плодов. Много свиньи. Хороший ветер в Уиа.

Мы с Лив обещали остаться. Старик Теи и маленькая Момо, сияя, придумывали один план заманчивее другого. Но наши друзья из Омоа неодобрительно качали головами.

— В Уиа плохо,— сказал звонарь.— Много фруктов, много свиней, много ветра. Но в Уиа нет копры, нет денег. В Омоа хорошо. Много домов, много мужчин. Много копры, много денег.

— Тиоти,— вмешался я,— на что тебе деньги, будто ты и так не сыт?

Звонарь рассмеялся.

— Верно.— Он пожал плечами.— Раньше было хорошо без денег. Теперь нет. Теперь мы не дикари.

Старик разбил головешки и пригласил нас с Лив в свой домик. Сам он вместе с остальными собирался спать в сарайчике.

Мы завернулись в свои пледы. Островитяне еще не наговорились. Сидя вокруг тлеющих углей, они шепотом говорили о нас, обсуждали прошлое и настоящее.

Стены хижины были сделаны из перовных жердей, и снаружи в щели проникал свет. Мы видели на стенах сосуды, сделанные из высушенной тыквы, из скорлупы кокосового ореха. Некоторые из них были очень искусно украшены. В углу висела связка сушеных листьев табака. На полу лежали старые каменные топоры, различные железные инструменты, огниво. А под потолком был какой-то ящик. Теи Тетуа объяснил нам, что это его гроб.

— Если я заболею, то влезу в гроб и закрою крышку. Здесь некому меня перенести, а если я останусь лежать мертвый на кровати, меня съедят собаки.

Рядом с хижиной была вырыта могила. Старик следил за ней, выкидывал из ямы мусор и куриный помет.

Погасли последние угли. Наши друзья тоже легли спать. Завтра им вставать рано: еще до рассвета они выйдут в обратный путь через горы.

Мы снова строим, но теперь уже не в лесу, а на берегу океана.

Единоличным владельцем долины Уиа был Теи Тетуа. Он не взял с нас никакой платы за участок. Мы — гости, и все, чем он владел, принадлежало также нам.

«Усадьба» старика стояла в пальмовой роще на берегу, за прочной каменной оградой, сделанной для защиты от полчищ диких и полудиких свиней. Вдоль ограды текла речушка. На ее противоположном берегу мы и облюбовали себе место. Галечный барьер, сооруженный прибоем, отделял наш участок от пляжа.

Широкая изумрудная бухта, всегда исчерченная белыми гребнями волн, дальше — голубой безбрежный океан. Вот где приволье и чистый воздух! Круглый год с востока дул пассат, гоня

прочь из рощи комаров и прочую мошкару. Лишь в чаще леса эти бесы, которых доставили на остров белые, находили себе убежище и плясали роями.

Старик посоветовал нам строиться основательно. Он долго сокрушался, узнав, какая судьба постигла нашу бамбуковую хижину.

За скалистым мысом начиналась соседняя долинка — Ханатива. Здесь среди зарослей миру и борао стояли старые стены, склепы, истуканы. Но мы пришли сюда за строительным лесом. Старик легко карабкался вверх по стволам, отбирая для нас самые прямые, крепкие деревья миру.

Свалив их, мы принимались колотить ствол камнями, чтобы снять кору. Потом связывали вместе по два, по три гладких тяжелых бревна. После того как я несколько раз прошелся с ношей по камням, мое голое плечо превратилось в сплошную рану. А Теи играючи нес свою связку. Он весело смеялся, когда я, цепляясь за камни, испуганно замирал на месте там, где волны захлестывали тропинку.

На мысу мы бросали бревна в море и возвращались за следующей связкой. Течение несло стволы через залив и выкидывало на берег как раз возле нашего участка.

Чтобы оградиться от непрошеных гостей, мы ставили дом на сваях. Сам домик был низкий, три стены и крыша из пальмовых листьев; входили в него по лесенке. Вдоль задней стены на полу тоже настелили пальмовые листья. Превосходное жилье: всегда свежий воздух и ни единого комара.

Я хотел рядом соорудить кухонный навес, но старик Теи Тетуа воспротивился. Раз мы гостим в его долине, значит, и есть должны вместе с ним. Он забрал наш котелок и унес его к себе.

Так начались наши самые чудесные дни в Полинезии.

Лив и Момо быстро подружились. Момо исполнилось десять лет: почти взрослая! Она была очень рада новой подруге и охотно обучала ее всему тому, что должна уметь хорошая вахина. Они плели циновки из листьев пандануса, скручивали веревки из луба борао, при помощи колотушки превращали кору хлебного дерева в тапу — материал для одежды. Делали украшения из цветов, браслеты и бусы из красных горошин и причудливых плодов.

Как-то Момо пришла к нам и показала странную кашицу в миске из скорлупы кокосового ореха. Все тело и смеющуюся рожицу девочки покрывали узоры, нанесенные желто-зеленой рас-

тительной краской. Теперь она хотела и Лив раскрасить, как этого требовала древняя косметика!

Пока женщины занимались домашними делами, мы с Теи в лесу добывали съестные припасы. Фруктов было множество, недоставало только феи. Плоды хлебного дерева, бананы, манго, папайя, ананасы... Здесь росли таро, лимонный кустарник, апельсиновые деревья — желтые от обилия сочных плодов, которые нам никогда не приедались. Помимо этого старик собирал всевозможные съедобные корни.

Еще мы ловили раков в речке и заманивали в ловушки полудиких свиней.

В тихую погоду Момо и Лив шли гулять на мыс. Здесь были всякие чудеса: пещеры, гроты, провалы. Волны, захлестывая берег, образовали соленые лужицы, в которых кишели разные твари. Подруги находили крабов, моллюсков, удивительных рыб. Момо отлично знала, какие из них съедобны, какие ядовиты, а Теи Тетуа был превосходным поваром.

Сам он ел вместе с Момо у себя в хижине. К нам доносился запах черного кислого поипои, которое они доставали из погребов. Поипои — неизменный спутник всех полинезийских блюд...

В Омоа наше меню было очень скудным. Здесь же три раза в день — утром, в обед и вечером — старик поднимался по лесенке в нашу свайную хижину, неся нам с Лив лакомые блюда. Особенно ему удавались крабы в кокосовом соусе и сырая рыба. Да-да. Сырая рыба, если ее умело приготовить, настоящее объедение! Ее надо нарезать кубиками и на ночь положить в лимонный сок. Потом добавить морской воды и кокосового молока — и блюдо готово: вкуса сырой рыбы как не бывало.

И ни одна трапеза не обходилась без свинины. Сочная свинина, тушенная в больших листьях на раскаленных камнях...

Страшно вспомнить, сколько еды приносил нам всякий раз Теи! Мы добросовестно отведывали каждого блюда, однако всего одолеть не могли. А старик отказывался уносить оставшееся — пусть, мол, полежит до следующего раза! Но к «следующему разу» он уже нес жареную курицу, таро, плоды хлебного дерева и... свинину.

— Старик откармливает нас на убой,— сказала как-то Лив, глядя на свое отражение в заводи.— Старый людоед слишком долго жил один...

И она перешла на диету. Две недели ела одни апельсины, лишь иногда позволяя себе взять банан из гроздей, висящих у нас под потолком.

Едва темнело, мы выносили несъеденное за хижину. По ночам сюда сбегались косматые свиньи, которые чавкали, хрюкали и визжали так, что мы боялись, как бы они не разбудили деда. А когда самые здоровенные из них чесались о сваи, вся хижина угрожающе раскачивалась...

Но строение оказалось достаточно прочным. Какой бы шторм ни бушевал, хижина все выносила, только клонилась набок, точно гибкая пальма.

Широкая — во всю стену — дверь была обращена в подветренную сторону, и, когда над веерами пальм всходила луна, ее лучи заглядывали прямо в нашу спальню. Но от дождя мы были надежно укрыты, а крылатых мучителей уносило ветром. Да, нам жилось отлично.

Я никогда не забуду, как мы вечерами собирались вчетвером у потрескивающего костра на берегу. Луна серебрила Тихий океан, озаряла пальмовые кроны над нашими лачугами. За пальмами блестели огромные листья удивительных растений — море листьев, которое простиралось до черной как смоль зубчатой стены, отгородившей нас от всего мира.

Дикие козы блеяли на склоне, хрюкали свиньи, на скалах журчал ручеек.

Обычно Теи Тетуа высекал огонь из кремня железом, но он научил нас также добывать огонь трением. Это не так уж трудно. Старик расщеплял пополам сухую палочку и заострял конец одной половинки. Потом, взяв ее двумя руками, быстро и сильно тер острием по желобку второй половинки. Постепенно в конце желобка собиралась кучка мелких, как пыль, сухих стружек. Желобок чернел, появлялся запах паленого, потом стружки начинали дымиться. Теи посыпал их трутом и раздувал. И вот уже есть огонек!

Мы сидим вокруг костра и смотрим на пляшущее пламя... Тихая, мирная тропическая ночь. Словно мы перенеслись на тысячи лет назад, когда в мире безраздельно царствовала природа, а времени не существовало.

Теи Тетуа курит свой самосад; на нем только маленькая пестрая юбочка. Старый дед, весь в морщинах... Рядом, внимательно слушая, пристроилась Момо — юная, красивая, большеглазая. Мы все легко одеты; солнце и ветер закалили кожу. Разница лишь в том, что Теи и Момо еще смуглее нас, их кожа еще здоровее, а подошвы жестче и неуязвимее.

Теи, не сводя глаз с костра, начинает покачиваться. И хриплым голосом запевает монотонную песню. Мелодия проста и од-

нообразна, но она будто создана самой природой, которая окружает нас.

Мы ощутили дыхание далекого прошлого, словно перенеслись в дни молодости Теи Тетуа, даже еще дальше — в ту пору, когда на островах жили их первые обитатели.

В песне, которую до появления белых пели во время религиозных церемоний, рассказывалось о сотворении мира. Когда-то все островитяне знали эту древнюю полинезийскую легенду.

Вот коротко ее содержание.

Тики, обитающий на небесах, создал землю. Потом он создал воду. Потом — рыб. Потом — птиц. Потом — плоды. Потом — свинью (единственное млекопитающее, известное островитянам до открытия Полинезии белыми). Только после этого он создал человека. Мужчину, по имени Атеа, и женщину — Атаноа.

— Дальше они справились сами,— объяснил Теи. Продолжая петь, он перечислил всех потомков Атеа и Атаноа.

— Теи,— заговорил я,— ты веришь в Тики?

— Да,— сказал Теи,— я есть католик. Сейчас все есть католики. Но я верю в Тики. Верю, что Тики и Иегова — одно и то же. Как это на твоем языке? — Он указал на костер. Я ответил.

— Твой народ называет это «костер», а мой народ — «ахи». Твой народ говорит «Иегова». Мой народ говорит «Тики». Тики есть Иегова. Мы это поняли, когда пришел белый человек. Но белый человек не понял. Белый издевается над Тики. Они хотят дать нам новую веру.

Старик смотрел на огонь. Его народ не уважал белых. А белые презирали его народ. Мы представили себе первых прибывших сюда европейцев, которые в обмен на стекло и мишуру получали жемчуг. Они смеялись над глупыми островитянами...

А для полинезийцев жестяные броши и стеклянные бусы были огромной ценностью. Ничего подобного не было на островах. И они смеялись над белыми, которые так неумно вели торговлю. Кто же был прав? Обе стороны или ни одна из них?

— Теи,— продолжал я,— как по-твоему, Тики съедал жертвы, которые ему приносили?

Теи лукаво усмехнулся.

— Тераи,— ответил он,— как по-твоему, Иегова съедает то, что ему приносят? Нет, священники съедают. И Тики не ел жертв. Это делали наши священники — таоа, старые кудесники.

— Но Теи,— не унимался я,— я часто видел в лесу Тики. Из камня, вы сами его вытесали.

— Тики не из камня,— спокойно ответил старик.— Тики никто не видел. Таоа делали для народа каменные изображения Тики. Ваши священники делают изображения Иеговы. Я видел церковь в Омоа. Там Иегова на стене.

Теи взял бамбуковую дудочку и заиграл на ней носом причудливую мелодию. Ему больше не хотелось говорить об этом. Он католик, но сохранил старую веру. Тики для него стал Иеговой.

Теи Тетуа часто вспоминал старину. Рассказывал о войнах, о людоедстве.

Когда-то острова были перенаселены. Мы находили развалины жилищ даже на самых крутых склонах над морем: здесь много лет назад обитали бедные рыбаки. Ночью, в темноте, они прокрадывались в занятую врагом долину, чтобы набрать питьевой воды в длинные трубы из бамбука. Племена постоянно враждовали между собой. Зато природа была тогда щедрее. Она и сейчас щедра, но не так, как прежде. В большинстве долин нельзя жить, потому что ручьи высохли, исчезли. Может быть, виноваты свиньи, которые изрыли всю землю?

Скот уничтожает молодые побеги фруктовых деревьев; лошади обгладывают кору хлебного дерева, и оно сохнет. Пока что плодов избыток, но надолго ли?

Почти совсем истреблена черепаха. Некогда собирали множество птичьих яиц, ловили птиц. Теперь это уже не так просто. Но как ни богата была природа, на острове все равно царил голод. Полинезийцы ели растения и листья, которых теперь никто в рот не возьмет. Отсюда — одичание, отсюда — людоедство, хотя чаще всего людоедство было религиозной церемонией, связанной с жертвоприношениями богу Тики.

Как правило, человеческое мясо доставалось таоа и королю. Но иногда и простой народ приходил в неистовство. Теи Тетуа помнил случай, когда его друзья во время военного набега съели щеки живого пленника.

Да, страшные истории услышали мы в эти ночи у костра... Где у человека самое вкусное мясо, как его приготавливать; можно есть сырым, а можно жарить на раскаленных камнях.

Старик рассказывал спокойно, с достоинством, а у нас мурашки по спине бегали. Чего только не пережил в молодости наш друг!

С гордостью вспоминал он своего отца, Уту, самого удалого воина во всей долине. Ута почти ничего не ел, кроме человеческого мяса. Но у него был свой, особый вкус: он ждал, пока

мясо полежит, «дойдет». Тогда Ута наполнял им свою миску, не забыв добавить поипои.

Однажды, когда кто-то из его соплеменников умер, вдова принесла Уте свинью. Надеялась, что он удовольствуется свининой и не тронет покойника. Ута съел свинью, а потом закусил человечиной.

Мать Теи, его братья и сестры возмущались, умоляли Уту есть рыбу и другую пищу, от которой не было бы такого запаха. Ута послушался, много дней не трогал старого мяса. Пока не заболел и не отощал так, что пришлось уступить ему.

— Теи,— спросил я однажды,— из-за чего, по-твоему, вымер твой народ?

— Болезни виноваты, их сюда привез двойной человек,— ответил он.

— Двойной человек? О чем это ты?

— Когда на Маркизские острова прибыли первые белые, их называли двойными людьми. Потому что у них было по две головы, по два тела и по четыре ноги.

Полинезийцы не знали, что такое одежда. Когда белые раздевались, островитянам казалось, что они отделяют от себя одно тело. Снимут шляпу — под ней еще голова! Снимут ботинки — еще ноги есть! Даже страшно.

Двойной человек принес на острова кашель, лихорадку и боли в животе. Смерть косила островитян.

— Прежде мы не умирали от болезней,— сказал Теи Тетуа.— Люди делались совсем старыми, похожими па высохшие шкуры. Они могли только сидеть на одном месте, и приходилось их кормить. Молодые умирали от какого-нибудь несчастного случая— например, упадут и шею сломают. Или в океане нападет акула, мурена. Или им в битве палицей разобьют голову.

Да и то их иногда спасали таоа. Таоа — по-нашему шаман или знахарь. Но способности таоа простирались гораздо шире знахарства. Он был отличным психологом и великолепным хирургом. Ловко пуская в ход бесовские пляски и мимику, он умел завоевать душу народа. Он исцелял раненых, делал операции, не внося инфекции. А теперь малейшая царапина или ссадина гноится. Всюду проникают бациллы.

Ученые собрали замечательные инструменты таоа, искусно сделанные из кости, зуба, камня и дерева. Древние врачи пользовались шилом и буром, они даже изобрели особую пилу.

Словом, таоа — это врач. Теи Тетуа помнил таоа Теке. Он давно умер, но в Ханахепу на берегу стоит каменный идол, по-

сящий его имя. По словам островитян, в этом истукане обитает душа покойного таоа.

Теи видел, как Теке вставил человеку, сломавшему ногу, искусственную кость из дерева. Больной поправился и мог ходить.

Но еще интереснее знаменитые операции на черепе. Один островитянин, живший в Уиа, упал и пробил себе голову. Его доставили к Теке. После пляски и заклинаний врач принялся за дело. Он промыл рану, удалил осколки кости и тщательно выровнял края отверстия, стараясь не задеть мозг (если был поврежден мозг, кудесник не брался за лечение). Затем Теке вставил в отверстие гладко отполированный кусок ореховой скорлупы. В кости и в скорлупе он просверлил много дырочек и сшил все вместе ниткой из кокосового волокна. Рана зажила, и пострадавший благополучно жил еще много лет.

В то время такая операция не считалась редкостью. Мы, конечно, читали об этом, но совсем другое дело самому увидеть неопровержимое свидетельство. В старом склепе мы нашли черепа: одни, оплетенные кокосовым волокном, висели под сводом, другие лежали на полу, и на одном из них мы обнаружили шов — след операции!

Этот череп нам разрешили унести с собой.

— Цивилизация — странная причуда,— заявила однажды Лив.— Без нее отлично можно обойтись!

Мы лежали на траве, отдыхая после обеда. Ноги — в журчащем ручейке, голова — в тени пальмы, тело подставлено лучам солнца.

Гудели жучки, шумел прибой. В ручье, удовлетворенно хрюкая, стоял поросенок; то и дело выбегала погреться на солнце ядовито-зеленая ящерица.

В долине мир, тишина, мягко качаются зеленые кроны. Теи Тетуа и Момо спят в своем доме.

— Нет,— возразил я,— все-таки у цивилизации много хороших сторон.

— Да, конечно,— ответила Лив,— но они всего-навсего призваны возместить ее же недостатки. Ну скажи, например, кому здесь нужна музыка?

— Это верно,— согласился я,— ручей журчит, и птицы щебечут, и...

— Нет, я не про то,— перебила Лив,— не про звуки, а про настроение, которое они создают. Здесь сама природа переполняет душу!

— Так-то оно так, но мы только рады были, когда попали на Хива-Оа, к врачу...

— Вот именно,— подхватила Лив,— а кто занес сюда болезни?

— Ладно, ты права, но ведь теперь поздно говорить об этом. Невозможно всех заставить расстаться с городами.

— Конечно, поздно. Я просто так...

Мы поднялись и вошли в ручей. Набрав воды в горсть, я напился; блестящие чистые капли падали с ладони вниз.

— Погляди, Лив,— сказал я,— до чего вода красивая.

Лив рассмеялась.

— Сидя в ванне, ты об этом не задумывался! Все-таки портит нас цивилизация, заставляет прятаться в скорлупу. Шум, гам, гонка — если все воспринимать, лопнешь от впечатлений!

— Ну и хватит об этом,— ответил я, стоя под струями маленького водопада,— зато сейчас нам хорошо!

Так проходили дни. Простая счастливая жизнь, приволье... Мышцы всегда в работе, душа открыта впечатлениям. Никаких связей с большим миром. Даже подумать о нем было как-то странно. Когда мы рассказывали Теи Тетуа про самолеты, то удивлялись не меньше его. Мир техники казался нам огромным и страшным. Мы словно попали на другую планету.

Однажды, рубя дрова в лесу, я услышал лай. Потом показалось несколько полинезийцев — две семьи пришли из-за гор в гости к Теи Тетуа. Старик был в восторге.

Их соблазнили рассказы Тиоти, который распространил слух, будто мы засыпали Теи Тетуа всевозможными подарками. Мы быстро поладили с новыми соседями, стали вместе охотиться, вместе ловить рыбу, деля добычу поровну.

Иногда океан вел себя смирно, и мы купались и ловили спрутов. Островитяне ели их сырыми. Нарочно, чтобы подразнить нас, они жевали живых спрутов, которые обвивали их шеи длинными щупальцами! Мы с ужасом смотрели на них, а они хохотали до упаду.

Момо любила щекотать нежные пятки Лив. И когда та, не выдержав, прыскала, девочка покатывалась со смеху. У самой Момо кожа на пятках была толстая, и она безболезненно могла срезать ее целыми слоями. От такого зрелища Лив испуганно визжала — на радость и потеху островитянам.

Вечерами у костра мы пели древние песни, которым нас обучил Теи Тетуа, слушали его рассказы.

Словом, в долине Уиа царила настоящая идиллия. Увы, недолго... Видя, что первые две семьи не возвращаются, потянулись через горы и другие. Старику Теи приходилось туго: гости трудолюбием не отличались, требовали от хозяина, чтобы он о них заботился. Дед из кожи вон лез, чтобы всех накормить, а они только посмеивались над ним: вот ведь глупый!

И стало здесь так же шумно, как было в Омоа. Варили апельсиновое пиво, и даже дети напивались допьяна. Момо тоже. Хуже всех вел себя метис по имени Наполеон. В хмелю он терял рассудок. Он уже забил до смерти двух жен, а теперь ухаживал за вдовушкой Хакаева, которая перебралась в Уиа, схоронив мужа. Она заплатила отцу Викторину четыреста франков, чтобы тот своими молитвами открыл покойнику ворота в царство небесное, и была теперь свободна.

По ночам нашу хижину начали навещать воры. Жизнь в долине Уиа потеряла свою прелесть. А тут еще случилось такое, чего мы никак не ждали: новые пришельцы восстановили против нас Теи Тетуа. И он потребовал с нас деньги за пользование участком, за фрукты, за все, что мы получили и что он еще только собирался нам дать. Подарки его больше не устраивали — только деньги!

Помню день, когда мы, сидя на лесенке нашей хижины, вдруг заметили на горизонте дымок. Пароход! Первый с тех пор, как мы покинули Таити.

Прежде мне как-то не верилось, что потерпевшие кораблекрушение, попав на тропический островок, с утра до вечера всматриваются в океанские дали, ожидая, когда появится корабль-спаситель. И вот мы сами не можем оторвать глаз от маленького клуба дыма. Появились мачты, труба, нос... Уже весь пароход видно! Идет к нам... На нем люди из нашего собственного мира. Стоят на палубе, любуются чудесным островком, живописной долиной среди могучих гор. Так же, как любовались мы, когда подходили к Таити.

Наверно, они видели в бинокль нашу хижину. И наверно, приняли ее за жилье островитян, потому что корабль прошел мимо.

А мы остались на берегу, опять без друзей.

На следующий день один из полинезийцев собрался идти через горы в Омоа. Мы попросили его захватить письмо. Он отказался. Предложили хорошее вознаграждение — не взял.

Вскоре Лив проснулась среди ночи от болезненного укуса. Держась за ногу, она кричала, что в постели кишат какие-то

твари. Но я сразу догадался, что тварь была только одна — тысяченожка.

При свете луны мы долго ее искали между пальмовыми листьями, но чудовище исчезло.

Выдавили на ранку лимон: лимонный сок умеряет боль и обезвреживает яд. На следующий день Лив жаловалась, что нога плохо сгибается. Как только взошло солнце, мы возобновили поиски и нашли в своем ложе желтую гадину. В тот же день я убил в хижине еще одну тысяченожку, а третья улизнула.

После этого терпение наше лопнуло, и мы уговорили одного островитянина провести нас через горы на западную сторону.

Как раз в это время в долине Уиа произошло великое событие: одичавшая свинья родила шестерых близнецов — обаятельных крошек с длинным рылом, крохотными копытцами и жесткой щетиной. Один был рыженький с черными пятнами и весело закрученным хвостиком. И Лив не устояла. Она усыновила поросеночка, дав ему имя Маи-маи, что в переводе означает «поросюшечка».

Рано утром мы собрались в путь, Лив привела на веревке своего Маи-маи. Решила везти любимчика в Норвегию.

— Ты с ума сошла,— ужаснулся я.— Пока мы домой доедем, он вырастет, разжиреет и будет пугать всех пассажиров.

Но Лив непоколебимо стояла на своем. Я спросил нашего проводника, не возьмется ли он нести поросенка, но он наотрез отказался. Придется тащить самому.

И вот мы шагаем вверх по долине. Маи-маи визжит и брыкается, как бешеный. Я нес его на руках, нес на спине, нес за пазухой — визжит, да и только. А солнце жарит вовсю...

Наш проводник прибавил ходу и исчез впереди со своей ношей — пледами, фруктами, вареными клубнями таро. А когда мы подошли к горе, тропа затерялась в высокой траве. Мы растерялись. Куда идти дальше?

Долина кончилась, нам предстояло взбираться по раскаленному травянистому склону. Ни единого кустика, ни клочка тени, безветрие, солнце жжет... А тут еще этот поросячий визг, от которого кажется еще жарче. Я робко предложил отпустить поросеночка. Лив решительно воспротивилась.

И мы начали карабкаться вверх. Тропа все чаще пропадала, мы шли по каким-то неясным следам на песке. Потом начались расщелины и обрывы, и мы совсем запутались. Я решил получше рассмотреть следы, которые привели нас сюда. Оказалось, что это отпечатки ног диких свиней.

Заблудились...

Пробираться сквозь тейту не так-то приятно, а возвращаться по своим следам и того хуже. Примятые ногами длинные листья обращены острием к тебе и режут ноги, как нож.

Когда мы наконец выбрались на тропу, то были чуть живы. Жара, как в печи, ссадины и царапины горят, все поры закупорены потом и песком...

Распаренный неумолимым солнцем, Маи-маи ни на минуту не унимался. Злобный визг пронизывал нас до костей, и я едва удержался от того, чтобы швырнуть поросенка вниз с обрыва.

А до гребня идти еще столько же... Без отдыха не доберемся. Но разве отдохнешь на солнцепеке! Песок раскалился, наши шляпы из листьев пандануса нагрелись, легкие совсем не получали свежего воздуха.

Надо лезть выше. Мы наметили себе место для привала там, где на склоне виднелось причудливое образование, которое запомнилось нам еще с прошлого раза. Казалось, на горе, глядя на долину, стоят рядом два тролля. Под ногами у них проходил природный туннель, единственное место, где можно было найти хоть какую-то тень.

Мы поминутно посматривали на необычные скалы. Под конец Лив совсем ослабла и спотыкалась на каждом шагу. Она обмахивалась шляпой, как веером. Ветерок пришелся по душе Маи-маи, и он притих, но стоило Лив перестать обмахиваться, как поросенок опять принимался визжать.

Какое блаженство мы испытали, когда добрались до могучих троллей и нырнули в темный проход! Подъем еще не кончился, но тут хоть можно переждать до вечера. Ничего, что носильщик исчез вместе с нашими запасами еды и кокосового молока.

Маи-маи довольно похрюкивал и вскоре уснул на руках у Лив. Лежа на спине, мы упивались прохладой: хотя ветра в этот день совсем не было, в туннеле приятно сквозило. Далеко внизу простерлась залитая солнцем долина.

Прошло несколько часов, прежде чем мы собрались с силами, чтобы продолжить путь. И снова начался подъем...

На спине у меня был рюкзак с фотоаппаратом и пленками. Теперь мы туда же сунули неугомонного крикуна — хоть руки свободны!

Маи-маи отчаянно визжал, но затем вдруг стих.

— Понравилось,— решил я.

Но когда молчание затянулось, мы испугались и заглянули в рюкзак. Ух ты, словно в духовке! Уж не изжарился ли поро-

сеночек? Мы вытащили его и снова понесли на руках. Вскоре он пришел в себя и опять затеял свой концерт. Но теперь мы знали средство заставить его замолчать. Только завизжит — мы его в рюкзак: полежи, пока уймешься. Притихнет — пожалуйста, на волю.

Так мы мало-помалу достигли гребня, и перед нами — наконец-то! — простерлось высокогорное плато. Жадно вдыхая свежий воздух, мы направились к ближайшему родничку.

Наступила ночь, но нам не хотелось спускаться в долину Омоа. Мы совсем обиделись на островитян. Между двумя скалами прямо на тропе мы настелили ложе из больших листьев и легли спать под звездным небом, разложив вокруг костер, чтобы не лезли тысяченожки.

Хорошо в горах... Вот только Маи-маи визжит, не давая уснуть. Впрочем, обнаружив, что это девица, мы перекрестили поросенка, назвали его Сиреной. Я сунул Сирену в рюкзак, отошел подальше и привязал рюкзак к камню. Теперь визг до нас не доносился, и мы заснули.

Среди ночи нас разбудил какой-то шум. Костер погас, но мы разглядели на перевале силуэты двух диких коней. Они быстро приближались. Я сел и громко крикнул. Поздно — один конь не успел свернуть. Испуганный моим криком, он прыгнул через нас. Второй в последний миг остановился, потом поскакал в другую сторону.

Мы вскочили на ноги и разожгли костер.

— Сирена! — ахнула Лив.

— Вот именно,— подхватил я.

Да, вот именно! Конский топот разбудил поросеночка. Сирена взвыла и запрыгала в рюкзаке — настоящее привидение! Представляю себе, как оторопели бедные кони.

Спустившись в долину Омоа, мы первым делом отдали Сирену; пусть другие развлекаются...

В Омоа все было по-прежнему — сыро, неуютно. Мы зашли к Вилли и взяли свое имущество, которое занес к нему наш проводник-невидимка. Заодно совершили сделку. Поль Гоген дружил с отцом Вилли швейцарцем Греле и часто бывал у него в доме. Перед смертью Гоген подарил Греле свое любимое ружье, приклад которого сам украсил резьбой. После смерти Греле ружье перешло к одному островитянину, а тот перепродал его китайцу. Никто не знал подлинной цены ружья, и китаец охотился с ним на диких коз, пока Вилли не прослышал о славе Гогена и о том, как важно все, что связано с именем художника,

Вилли выменял ружье обратно и теперь собирался везти эту редкость на Таити.

Мы избавили его от необходимости далеко ехать.

А когда мы простились с Вилли, к нам подошел островитянин, чтобы предложить еще одну сделку: я оставлю ему Лив, а он уступит мне свою жену и четверых детей в придачу!

Мы поспешили покинуть Омоа.

Знакомой тропой мы пробрались в Тахаоа, на берег с белыми камнями, и здесь провели последние дни, дожидаясь судна. Жили в пещере, которая надежно защищала нас от камнепадов с подступающих к самому берегу гор. Во время прилива волны лизали порог нашего жилья, и частенько среди камней извивались ядовитые мурены. Ели мы кокосовые орехи, папайю и то, что собирали на берегу.

Мы расчистили дно пещеры от гальки и лежали на мягком белом песке. Белые барашки на волнах, резвящиеся дельфины, птица на горизонте — все настораживало нас: не корабль ли? То и дело мы взбирались на большие утесы и глядели вдаль. Только бы не пропустить шхуну! Ничто не заслоняло нам вида на запад, где простирался океан, и днем она не могла незаметно пройти,

А когда солнце тонуло в фейерверке красок, мы шли домой, в пещеру, ложились у костра и кутались в пледы. Мы знали: если шхуна придет ночью, Тиоти нас известит. Он остался верен нашей дружбе.

Ровный гул прибоя убаюкивал нас; в свете луны на поиски пищи на берег выходили раки-отшельники.

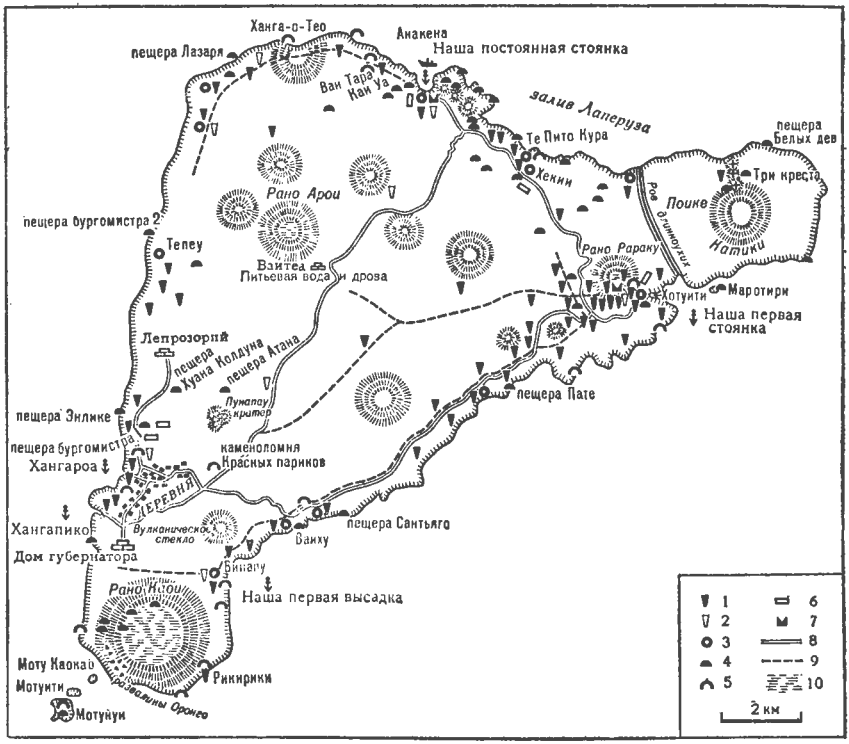
Никогда нам не забыть того дня, когда на краю неба сверкнули белые паруса «Тереоры», идущей на Фату-Хиву.

...Лежа на палубе, мы в последний раз смотрели на остров и чувствовали себя такими же счастливыми, как в день приезда!

До чего остров красив!.. Дикие горы, солнечные берега. Все так же, как в тот день, когда мы сюда прибыли.

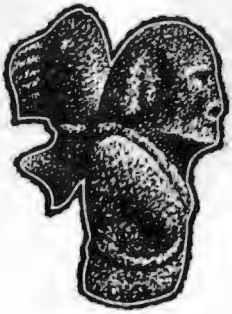
Но теперь мы знали, что́ кроется под сенью блестящей листвы и пышными кронами пальм. Живя в бамбуковой лачуге в лесу и в свайной хижине у Теи Тетуа, мы хорошо изучили остров. И убедились, что над солнечным архипелагом навис туман...

— Знаешь, Лив,— сказал я,— пустое это дело, искать рая...

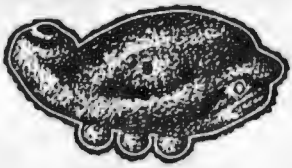


Схематическая карта острова Пасхи.

***1** Статуи (обычно несколько) **2** Статуи необычного вида. **3.** Ритуальные платформы аху. **4** Осмотренные пещеры **5** Предполагаемые пещеры. **6** Пастушьи хижины. **7.** Палаточные лагеря. **8.** Автомобильные дороги. **9.** Древняя дорога. **10.** Болота*



АКУ-АКУ



Глава первая КОГДА ДЕТЕКТИВЫ СОБИРАЮТСЯ НА КРАЙ СВЕТА

У меня не было *аку-аку*.

А если бы и был? Все равно ведь я не знал, что это такое, так что вряд ли смог бы им воспользоваться.

На острове Пасхи у каждого разумного человека есть *аку-аку*, там и у меня появился свой *аку-аку*. Но сейчас я еще только готовил путешествие на Пасху, и у меня его не было. Может быть, поэтому было так сложно собраться. Вернуться домой оказалось гораздо легче.

Во всем мире нет второго обитаемого уголка, такого же уединенного, как остров Пасхи. Ближайшая суша, которую видят его жители, на небе: луна и планеты. Им надо ехать дальше, чем кому-либо, чтобы убедиться, что на самом деле суша есть гораздо ближе. Вот откуда их интерес к звездам, вот почему они знают названия звезд лучше, чем названия городов и стран в нашем собственном мире.

На этом далеком острове, лежащем за тридевять земель, люди когда-то были поглощены одной из своих самых странных затей. Какой народ — никому неведомо. И никто не знает — зачем. Ведь это было еще до того, как Колумб доплыл до Америки и открыл европейским исследователям ворота в огромный неизведанный Тихий океан. Когда наши предки еще думали, что мир кончается у Гибралтара, жили на свете отважные мореплаватели, которые знали истину. Опередив свой век, они бороздили неведомые волны, необозримый океанский простор вдоль иссушенного солнцем западного побережья Южной Америки. Далеко в океане они нашли сушу, самый уединенный островок в мире. Сойдя на берег, они заточили свои каменные рубила и принялись осуществлять один из самых удивительных инженерных замыслов прошлого. Они не строили ни замков, ни дворцов, ни плотин, ни причалов. Они вытесывали из камня исполинские человекоподобные фигуры, высокие, как дом, тяжелые, как вагон, перетаскивали множество их через горы и долины и устанавливали на мощных каменных террасах во всех концах острова.

Как они с этим справлялись задолго до эры техники? Никто не знает. Во всяком случае статуи заняли свои места, как было задумано, чуть не подпирая головой небосвод, а народ — пал. Жители острова хоронили своих мертвых у ног созданных ими же истуканов. Воздвигали изваяния и погребали себя. Но однажды стук рубил о камень смолк. Смолк внезапно, ведь орудия остались лежать на местах, и многие статуи были готовы только наполовину. Загадочные ваятели канули во мрак забытого прошлого.

Что же произошло? Да, что произошло на острове Пасхи?

В тысячный раз, навалившись на письменный стол, я скользил взглядом по огромной карте Тихого океана, обманчивому листу бумаги, где большие буквы обозначают маленькие острова и где с линейкой одинаково легко идешь по течению и против него. Я уже немного познакомился с этим океаном. Вот здесь, южнее экватора, в диких долинах Маркизского архипелага, я прожил год на туземный лад и научился видеть природу глазами полинезийца. Здесь же я впервые услышал рассказы старого Теи Тетуа о человеко-боге Тики. А еще южнее, на островах Общества, под пальмами Таити я слушал уроки великого вождя Терииероо. Он стал моим названым отцом и научил меня почитать его расу, как свою. А вот тут, на коралловом рифе в архипелаге, мы высадились с плота «Кон-Тики», убедившись, что могучий океан прилежно трудится, катит волны от Южной Америки сюда, к этим далеким островам. Ведь как ни далеки эти острова, все они были досягаемы для бальсовых плотов, которые мастерили древние индейцы — инки.

Или взять Галапагосские острова с их сухими кактусовыми лесами. С ними тоже у меня связаны примечательные воспоминания. Наш «Кон-Тики» чуть не отнесло туда, поэтому позже я отправился с экспедицией на Галапагос, чтобы посмотреть, какие тайны есть у этого заброшенного архипелага. В сказочном мире, среди огромных ящериц и самых больших черепах на свете, вместе со своими товарищами я подобрал в куче старого мусора под кактусами осколки лампы Аладдина. Стоило только потереть эти грязные черепки, и на восточном горизонте показались широкие паруса. То плыли могущественные предшественники инков, на своих плотах они от берега Южной Америки вышли в бурный океан. Один, два, много раз выходили они в море и карабкались на безводные утесы Галапагосских островов. Здесь они устраивали лагерь и, случалось, били глиняные кувшины, необычные кувши-

ны, каких не лепил больше никто в мире. Черепки этих самых кувшинов мы и откопали на древних стоянках. Это они играли роль лампы Аладдина. В них отражались подвиги смелых мореходов, они бросали луч света в кромешный мрак прошлого.

До нас на Галапагосе не работали археологи, оттого никто и не находил ничего. Мы первыми поверили, что индейцы так далеко выходили в море, потому и отправились искать. Вместе с археологами Ридом и Шёльсволдом я раскопал больше двух тысяч старинных черепков от ста тридцати кувшинов. В Вашингтоне специалисты изучили эти осколки, как детективы изучают отпечатки пальцев, и определили, что за тысячу лет до того, как Колумб проложил путь в Америку, предшественники инков отворили ворота Тихого океана и много раз ходили на далекий Галапагосский архипелаг.

Это были древнейшие из найденных прежде следов человека на океанических островах Тихого океана. Они показывали, что *до* заселения Полинезии, *до* походов викингов в Исландию представители древних культур Южной Америки начали исследовать Тихий океан и осваивали острова, лежащие так же далеко от их родных берегов, как Исландия от Норвегии. Здесь они ловили рыбу, сажали свой южноамериканский хлопок и оставили многочисленные следы на стоянках, прежде чем уйти с негостеприимных островов к неизвестной нам цели.

От Галапагоса все то же могучее океанское течение, быстрее и во сто крат шире, чем Амазонка, устремляется дальше и через несколько недель достигает островов Полинезии.

На карте посреди этого течения была помечена безымянная точка, рядом — вопросительный знак. Земля? Мы прошли на «Кон-Тики» через эту точку и убедились, что здесь попросту происходит завихрение струй. Зато далеко на юге, куда отклоняются крайние южные ветви течения, на карте показана другая точка, у которой есть имя — *остров Пасхи*. Там я еще не бывал и туда теперь собирался. Прежде я только дивился, как люди прошлого проникли в этот пустынный уголок. Теперь меня заботило другое — как самому туда попасть. Что толку искать ответа на вопрос, как путешествовали люди каменного века, коли тебе не под силу решить собственные путевые проблемы.

Когда «Кон-Тики» несло течением далеко на север от Пасхи, мы сидели на палубе при луне и говорили о загадках острова. И была у меня заветная мечта когда-нибудь вернуться в эту область и сойти на берег этого уединенного клочка земли. Теперь я пытался осуществить мечту.

Остров Пасхи принадлежит Чили. Только раз в год сюда приводит военный корабль с припасами для островитян, затем он возвращается в Чили, а туда так же далеко, как из Испании до Канады. Других связей с внешним миром у острова нет.

Но военный корабль меня не устраивал. Исследовать остров Пасхи за неделю, пока стоит судно,— пустая затея. Оставаться на острове целый год в обществе нетерпеливых ученых мужей, если они уже через месяц заключат, что тут больше делать нечего, мне тоже не улыбалось. Можно, конечно, идти туда по течению из Южной Америки на бальсовом плоту, но удастся ли мне подбить на это археологов? А без них нет смысла изучать остров Пасхи. Значит, нужен собственный корабль, какое-нибудь экспедиционное судно. Но на Пасхе нет ни гавани, ни пристани, ни надежной якорной стоянки, негде запастись горючим и пресной водой. Значит, судно должно быть достаточно большим, чтобы взять горючее и воду на весь путь туда и обратно, да и там не стоять же ему на месте все время. А вдруг археологи через две недели заявят, что искать нечего? Тогда мне будет мало радости от собственного судна, если только мы не воспользуемся им, чтобы посетить другие малоизученные острова. Кстати, на востоке Полинезии таких островов хватает. В той самой части Тихого океана, куда доходит океанское течение со стороны Галапагоса и Южной Америки, археологов ожидало множество интересных островов.

Когда речь идет о далеких плаваниях, я всегда иду за советом к Томасу и Вильгельму. Как-то раз (до тех пор мои замыслы еще были тайной) мы сидели вместе в уютной старой конторе пароходной компании «Фред. Ульсен», в портовой части Осло. Томас сразу, едва я вошел, почуял, в чем дело, и поставил на стол между нами огромный глобус. Я повернул земной шар так, что было видно почти сплошную синеву. Это бывает только при одном положении глобуса: когда перед вами южная часть Великого океана, а Америка, Азия и Европа скрыты на обратной стороне. Я показал на остров Пасхи.

— Сюда,— сказал я.— Но как?

Два дня спустя мы снова расселись вокруг глобуса, и Вильгельм показал свои расчеты.

— Лучше всего тебе подошел бы теплоход длиной примерно в сто пятьдесят футов, развивающий скорость до двенадцати узлов и способный взять пятьдесят тонн воды и сто тридцать тонн нефти.

Я ни капли не сомневался в его правоте. Жизнь научила меня полагаться на подсчеты Вильгельма, ведь он помог мне рассчитать

дрейф «Кон-Тики» с точностью до одного дня; не его вина, что мы не сумели подать конец на берег Ангатау.

Через несколько дней Вильгельм позвонил мне по телефону. Рыбоконсервная фабрика в Ставангере предлагала подходящий траулер. Сейчас он занят на лове рыбы в гренландских водах, но с сентября я могу его арендовать на год.

Я посмотрел на календарь. Апрель месяц, до сентября меньше полугода. А мне предлагают, так сказать, «голое» судно — без команды, без оборудования.

Мой личный опыт кораблевождения не шел дальше плавания на плоту. Остальные участники экспедиции «Кон-Тики» тоже не могли составить команду настоящего судна, для этого требовались всякие свидетельства и удостоверения, с инкским плотом все было проще.

— Наша контора поможет тебе со всеми морскими проблемами,— сказал Томас.

И вот уже я сижу за большим зеленым столом, совещаюсь с судовым инспектором, уполномоченным по найму, уполномоченным по снабжению, уполномоченным по страхованию и прочими специалистами. Все вышло честь по чести. До отплытия оставалось неполных четыре месяца, и мне казалось, что я уже слышу голодный, нетерпеливый вой большого теплохода, ожидающего на старте в Ставангере без единой искорки жизни в трубе, без людей на мостике, с огромными трюмами, где голые шпангоуты, точно ребра, угрюмо облекают пустое чрево корабля.

Когда собираешься с семьей на дачу, хлопот хватает. Так представьте себе, сколько всего надо помнить, если кроме семьи везешь с собой пятерых археологов, врача, фотографа и пятнадцать моряков, да еще у тебя на руках судно с запасными частями, специальное оборудование и провиант на всю компанию на целый год. Вот когда чувствуешь себя дирижером, который, стоя босиком на муравейнике, уписывает макароны и в то же время штурмует вместе с оркестром Венгерскую рапсодию Листа. На письменном столе и вокруг него царил невероятный сумбур — паспорта, свидетельства, лицензии, фотографии, бандероли, письма... Мебель исчезла под грудой морских карт, таблиц и всевозможных образцов. Постепенно хаос охватил весь дом. Телефон и дверной звонок дребезжали в один голос, поминутно приходилось карабкаться через ящики, свертки и узлы с полевым снаряжением.

В полном отчаянии сидел я на магнитофоне с бутербродом в руках и телефоном на коленях, пытаясь набрать нужный номер. Но сегодня это было почти невозможно, я только что дал

объявление, что ищу первого штурмана для плавания в Южные моря, и провод работал без передышки. Капитана я уже подобрал.

Наконец мне удалось дозвониться.

— Мне бы три тонны зубоврачебного гипса,— сказал я.

— Что, зубы болят? — сухо осведомился мой собеседник, один из столичных оптовиков.

Нас прервала междугородная, прежде чем я объяснил, что гипс нужен для слепка пасхальской статуи, а не для новой челюсти.

— Алло,— говорил уже новый голос, из Ставангера,— алло, докладывает Ульсен, ваш машинист, коленчатый вал износился, что будем делать — ремонтировать его или заказывать новый?

— Коленчатый вал?..— произнес я.

Дрррррррр! Это уже дверной звонок.

— Спросите Реффа,— крикнул я в телефон,— это по его части.

В дверь протиснулась Ивон, вся обвешанная свертками.

— Я проверила список стюарда,— сообщила она,— и срезала перец и корицу на два кило, а еще доктор Семб сообщил, что мы можем получить в пользование походную аптечку.

— Чудесно,— отозвался я и вспомнил оптовика, который решил, что гипс нужен мне для челюстей.

— Позвони ты туда,— попросил я Ивон и протянул ей трубку.

В эту самую минуту к нам кто-то прорвался.

— Это какая-то ошибка,— повернулась она ко мне.— Фирма Мюстад спрашивает, куда доставить восемьдесят четыре килограмма разных рыболовных крючков. Но ведь мы везем с собой две тонны мороженой говядины?!

— Это не для рыбной ловли,— объяснил я.— Крючками мы будем платить островитянам на раскопках. Ты ведь не думаешь, что мы везем километр пестрых тканей себе для нарядов?

Ивон этого не думала. Зато она знала другое: механик только что прислал телеграфный отказ. Его жена решительно воспротивилась, узнав, что речь идет о Южных морях.

В три прыжка я очутился у мусорного ящика, но вернулся обескураженный. Ящик был пуст.

— Что ты там искал? — спросила Ивон.

— Заявления других механиков,— пролепетал я.

— А-а.— Ивон меня понимала.

Телефон и дверной звонок зазвонили разом. Ввалился экспедиционный аквалангист с двумя товарищами и охапкой ластов и дыхательных трубок. Они пришли показать, какая разница между французским и американским легководолазным снаряжением.

Позади них, вертя в руках шляпу, стоял странный человечек. Он хотел сказать мне по секрету что-то очень важное. Я не решился пустить его дальше коридора.

— Вы видели статуи на острове Пасхи? — прошептал он, оглядываясь по сторонам: не подслушивает ли кто-нибудь.

— Нет, я как раз собираюсь туда, чтобы посмотреть на них.

Он поднял вверх длинный указательный палец и продолжал с хитрой улыбкой:

— В них сидит внутри человек.

— Человек, в них? — Я ничего не понял.

— Вот именно.— Шепот стал еще таинственнее.— Король.

— А как же он попал внутрь? — поинтересовался я, медленно, мягко оттесняя гостя к двери.

— Они его туда засунули. Совсем как в пирамидах. Разбейте одну статую, и увидите.— Он кивнул, улыбаясь, и учтиво приподнял шляпу, а я сказал спасибо за совет и с легким замешательством закрыл за ним дверь.

Я уже начал привыкать к тому, что слова «остров Пасхи» привлекают чудаков. Стоило газетам написать про мои планы, как по почте посыпались самые удивительные предложения. Чуть не каждый день с разных концов света мне сообщали, что остров Пасхи — последний остаток затонувшего материка, своего рода тихоокеанская Атлантида. Дескать, ключ к тайне надо искать на дне океана вокруг острова, а не на суше.

Нашелся даже один мудрец, который предложил мне отменить экспедицию. «Ехать в такую даль — только время терять,— писал он.— С помощью вибраций можно решить всю проблему, не выходя из своего кабинета. Пришлите мне снимок пасхальской статуи и древней статуи из Южной Америки, и я по вибрациям определю, изваяны ли они одним и тем же народом». Дальше он писал, что однажды сделал из картона модель пирамиды Хеопса, а изнутри наполнил ее сырым мясом. Вскоре модель начала вибрировать так сильно, что пришлось всю семью отправить в больницу.

Я чувствовал, что вот-вот начну вибрировать сам, если не прекратится этот сумасшедший дом. Я рванулся вдогонку за аквалангистами, которые поднялись по лестнице на второй этаж, но Ивон остановила меня, удрученно протянув телефонную трубку. И пока я говорил по телефону, она осторожно пододвинула шатающуюся гору невскрытых писем. Утренняя почта. Я боялся класть трубку, как бы телефон не зазвонил снова.

— Это из министерства иностранных дел звонили,— сказал я Ивон.— Попроси ребят там наверху подождать, мне придется

взять такси, английское министерство колоний прислало запрос по поводу острова Питкерн, а Коста-Рика разрешила вести раскопки на острове Кокос, но я должен дать письменное обязательство, что не буду искать клад, который, как они считают, там зарыт.

— Захвати почту с собой в машину,— крикнула Ивон мне вслед.— Вдруг окажется запоздалое письмо от какого-нибудь механика.

Я в этом сомневался, но все же подобрал на ходу письма. Чаще всего просились в экспедицию художники, писатели и всякие умельцы. А один немец написал, что хоть он и пекарь по профессии, но последние годы работал могильщиком, самый подходящий человек для раскопок.

— Не забудь, у тебя еще сегодня встреча с парусными мастерами, они разбили палатки на газоне у Бергсландов,— продолжала Ивон, уже поднимаясь по лестнице.

Я выскочил за дверь и чуть не сбил с ног почтальона, который доставил вечернюю почту. Хотел было отдать ему свою пачку, но вовремя спохватился и нырнул в такси с охапкой конвертов.

— Майорстювейен,— сказал я шоферу.

— Мы на ней находимся,— ответил он кротко.

— Тогда МИД.— И я принялся за почту.

Нет механика... Правда, какой-то часовщик просился в коки, но кока я уже нашел. Письмо с кафедры археологии университета Осло. От одного из двух археологов, которые записались. Обнаружилась язва желудка, врач не разрешает плыть...

Рухнул один из наших опорных столбов. Много ли толку от экспедиции, если не хватит археологов. А найти так быстро другого, чтобы поехал на год, будет не просто. Надо опять садиться и писать археологам, норвежским и иностранным.

И вот наступил сентябрь. У пирса «Ц» перед ратушей появился белый, как яхта, траулер с плавными обводами, на трубе — кирпично-красная бородатая личина бога солнца Кон-Тики. На высоком, утолщенном для плавания во льдах форштевне синей краской намалевана странная эмблема, понятная только знатокам: два священных птицечеловека, перерисованные с пасхальской деревянной таблицы с нерасшифрованными письменами. Теперь из трубы летели искры, судно лежало сытое и довольное, волны фиорда плескались у голубой ватерлинии. На борту кипела работа, а на пристани столпилось столько народу, что грузовики и тележки с последними грузами с трудом пробивались к пирсу.

Ничего не забыто? Конечно, провиант, лопатки и все прочие

необходимые предметы мы запасли. Хуже обстояло с тем, что вообще трудно предусмотреть. Вдруг нам попадется скелет, лежащий в воде. А есть ли у нас химикалии, чтобы уберечь его от разрушения? Или понадобится влезть на неприступную скалу — найдется у нас снаряжение для этого? И как мы будем решать проблему связи и снабжения, если лагерь будет в одном конце острова, а непогода заставит судно уйти к противоположному берегу? Что делать, если кок расплавит котел, если винт будет поврежден о кораллы или кто-нибудь из матросов наступит на ядовитого морского ежа? Как быть с продуктами, если откажет холодильник? Все ли специальные инструменты и запасные части взяты? Все должно быть продумано, все ходы предусмотрены, ведь судно уже стоит под парами, готово идти на остров Пасхи, самый уединенный клочок земли на свете, где нет ни мастерских, ни магазинов.

Капитан полным ходом распоряжался на мостике, люди метались по палубе, задраивая люки и подтягивая концы, а штурман, могучий детина, невозмутимо стоял с плотницким карандашом в руке и ставил крестики в длинном списке. Все, за чем ему поручили проследить, на месте. Даже елка капитана (к рождеству!) втиснута в холодильник. Со списком порядок.

В последний раз зазвонил судовой колокол. Прозвучали команды, передаваясь от капитана к штурману, и над немеркнущей головой бога солнца из трубы вырвались клубы мглы. Через борт в обе стороны летели добрые пожелания и прощальные слова, и два десятка довольных, предвкушающих увлекательное плавание ребят на палубе оторвались от работы, чтобы в последний раз на целый год наглядеться на своих избранниц, которые стояли в толпе. Сколько лиц — столько оттенков чувств, от радости до печали. Вот безжалостно убраны сходни, с плеском вспороли воду тросы, заворчали лебедки, и механики в машинном отделении сотворили чудо — корабль пошел своим ходом. Над стеной провожающих на пристани взметнулся прощальный гул, закачались руки, словно лес в бурю, капитан заставил сирену издать несколько душераздирающих воплей.

Конец сумбуру. Я стоял на пристани и махал. Нет-нет, я не позабыл впопыхах сесть на корабль, просто мне еще надо было слетать в США, там три археолога согласились участвовать в экспедиции, потом предстоял визит вежливости в Чили, а уже после этого, когда судно пройдет Панамский канал, я поднимусь на борт... Е. К. В. кронпринц Улав любезно согласился быть высочайшим покровителем экспедиции. Королевский норвежский департа-

мент иностранных дел добыл мне разрешение от чилийского правительства вести раскопки на острове Пасхи при условии, что мы не повредим памятников прошлого. Англия и Франция также разрешили раскопки на принадлежащих им островах. Таким образом, нам была открыта «зеленая улица» в восточной части Тихого океана.

Когда судно развернулось к провожающим белой кормой и медленно отошло от пирса, на юте, выбирая грязный швартов, стоял молодой юнга. Душу его распирал восторг, и он сиял не хуже вечернего солнца, а весь класс дружным «ура» провожал Тура-младшего, на целый год избавленного от школьной повинности.

Но вот наше суденышко свернуло за огромный океанский лайнер и исчезло. Ему предстояло обогнуть половину земного шара, идя по следам мореходов, которые на много веков опередили современных детективов.

Глава вторая ЧТО НАС ОЖИДАЛО НА ПУПЕ ВСЕЛЕННОЙ

Как тихо.

Какой совершенный покой. Машина застопорена. Свет выключен. Трепетно-ясное звездное небо вырвалось из-за слепящей завесы и закачалось взад и вперед, описывая плавный круг над мачтой. Я вытянулся в шезлонге, упиваясь чистой гармонией. Будто отключили длинный провод, соединявший нас с материком, оборвался нескончаемый поток импульсов от мешающих станций всего света, остался лишь настоящий миг, обнаженная действительность. Свежий воздух, черная ночь, мерцающие звезды над мачтой. Мало-помалу зрение и слух, как говорится, открылись нараспашку, проветривая всю душу. Никаких впечатлений, которые надо приглушать или отсеивать, ничего похожего на суету большого города с его ослепительными рекламами, конкуренцией и шумными увеселениями — всем, что наперебой врывается в мозг по всем каналам чувств, подавляя нежную человеческую душу. Покой был настолько полный, что самый ток времени остановился и замер в ожидании. Боязно было кашлянуть, чтобы не разбудить задремавшие источники вселенского шума.

Далеко во мраке иногда рождался слабый шорох: то ли ветер, то ли волны гладили скалу. Все на борту примолкли, тишина рождала благоговейное настроение. Только из камбуза доносились обрывки приглушенного разговора под мелодичный плеск ласкающих судно волн да ритмично звучало негромкое «скрип, скрип, скрип...» — наш кораблик удовлетворенно покряхтывал, мирно, мягко покачиваясь в ночи.

Мы стояли с подветренной стороны.

Кончился нетерпеливый перестук запыхавшихся поршней, кончился набег океанских волн, которые все эти дни разбивались о нос корабля, качая нас вверх-вниз, вправо-влево, и с шипением катили дальше. Прежде чем над морем и над нами спустился ночной мрак, мы укрылись в объятиях пустынного берега. Там, во тьме — остров Пасхи.

Мы подошли к нему еще засветло, успели рассмотреть серо-зеленые сопки и крутые прибрежные утесы, а вдали, на склоне потухшего вулкана в глубине острова, черными зернышками тмина на фоне багрового вечернего неба выделялись статуи. Тщательно промеряя дно эхолотом и обычным лотом, мы прижались к берегу, сколько позволяла глубина, и капитан велел отдать якорь.

На берегу ни души, заброшенный окаменевший мир с глядящими на нас неподвижными бюстами вдалеке; другие столь же недвижимые истуканы лежали ничком вдоль каменной террасы на лавовых глыбах у самого берега. Словно мы прилетели на межпланетном корабле на вымершую планету, где некогда жили существа, не похожие на обитателей нашего земного шара. На землю легли длинные тени, но ничто не двигалось. Ничто, кроме пламенно-красного солнца, которое медленно ушло в черный океан, окутав нас покровом ночного мрака.

Вообще-то здесь нельзя было останавливаться. По правилам, мы должны были еще несколько часов пахать волны, чтобы доложить о своем прибытии губернатору, живущему вместе со всеми прочими обитателями в маленькой деревушке на другом конце острова. Но ведь на острове Пасхи заход корабля всегда одно из важнейших событий года, а ни губернатору, ни нам, ни пасхальцам не будет никакой радости, если судно явится в предзакатный час. Лучше уж переждем ночь здесь, под прикрытием скал, хотя грунт для стоянки паршивый. А завтра с утра пораньше подойдем к деревне Хангароа, подняв все флаги.

По шлюпочной палубе пробежала полоска света — это приоткрылась дверь нашей каюты, выпуская Ивон. Маленькая Аннет спала мирно, как само ночное небо, обняв одной рукой мишку, а другой — негритенка.

— Надо бы сегодня устроить угощение,— прошептала Ивон, указывая кивком на берег,— хоть мы официально еще и не прибыли.

После двух недель качки она впервые поднялась на ноги и могла думать о еде. Я сказал ей, что стюард уже предупрежден и через несколько минут капитан соберет на шлюпочной палубе всю команду. Стоя у фальшборта, Ивон как завороженная смотрела во мрак. Мы явственно ощущали тихое дыхание матери-земли, когда к соленому ветру примешивалось чудесное благоухание сена или травяного косогора.

Начали собираться ребята. Гладко выбритые, принарядившиеся — не узнать, они занимали места на стульях и скамейках, расставленных в круг между двумя шлюпками на верхней палубе.

Вот идет вразвалку плотный, широкоплечий Уильям Мэллой, он же Билл. Швырнул в море окурок, сел и задумчиво уставился в палубу. За ним показался худой и длинный Карлайл Смит, или попросту Карл. Закурил, взялся рукой за штаг и воззрился на звезды. Оба — доктора наук, профессоры археологии, один в Уайомингском, другой в Канзасском университете. Следующий — наш старый друг Эд, Эдвин Фердон, сотрудник музея Нью-Мексико, единственный из американской тройки, кого я знал раньше. Полный, улыбающийся, он оперся на релинг рядом с Ивон и с видимым удовольствием вдохнул веяние с суши. Сверкая озорными глазами, скатился с мостика маленький, упругий, как мячик, капитан Арне Хартмарк. Вот уже двадцать лет наш шкипер ходил в дальние плавания, но такого острова он еще никогда не видел в свой бинокль. За его спиной занял место штурман Сапне, богатырь, ухватился руками за штаги и повис на них, словно добродушная ручная горилла. Вот сверкают в улыбке зубы второго штурмана Ларсена, самого жизнерадостного человека на свете, он даже на электрическом стуле нашел бы повод посмеяться. А сейчас он к тому же сидит между двумя завзятыми остряками — слева наш первый механик, вечно улыбающийся толстяк Ульсен, справа костлявый второй механик с козлиной бородкой, которая делала его похожим то ли на проповедника-самоучку, то ли на фокусника. Поднялся по трапу наш врач, доктор Ессинг; он приветствовал всех поклоном и сел. Позади него сверкали очки экспедиционного фотографа Эрлинга Шервена, курившего, как всегда в торжественных случаях, тонкую сигару. Тур-младший пристроил свое долговязое мальчишье тело в шлюпке, между двумя плечистыми матросами. Там же почтительно сидели кок Ханкен и стюард Грёнмюр, которые только что бесшумно расставили на столе изысканные кушанья. Никакая качка не могла помешать этим двум волшебникам творить кулинарные чудеса. Появились боцман, моторист, юнги. Последними пришли Арне Шёльсволд и Гонсало. Арне, археолог, директор нового музея в Эльверуме, побывал со мной и на Галапагосских островах. Гонсало Фигероа, студент университета в Сантьяго, будущий археолог, официально представлял в экспедиции Чили. Я не знал его, когда приглашал, и у нас были свои опасения, но в Панаме на судно поднялся по сходням веселый, жизнерадостный атлет с лицом аристократа, умеющий легко и просто приспосабливаться к самым различным жизненным обстоятельствам.

И вот мы все двадцать три в сборе, отряд специалистов из самых различных областей. За несколько недель, проведенных

вместе на борту, общая мечта ступить на берег этого острова, который притаился в ночи рядом с нами, сплотила нас в единый дружный коллектив. Да, все в сборе и машина застопорена, теперь самое время немного рассказать о тех, кто побывал на Пасхе до нас. Будет легче разобраться в том, что́ предстоит нам самим.

— Настоящее название острова,— начал я свой рассказ,— никому не известно. Сами пасхальцы называют его *Рапануи*, однако исследователи не уверены, что это исконное название. В древнейших преданиях остров всегда выступает под наименованием *Те Пито о те Хенуа*, или *Пуп Вселенной*, но это скорее поэтический образ, чем имя, потому что позднее островитяне называли его также *Глаз, видящий Небо* и *Порог Неба*. Мы, живущие за тысячи и тысячи миль отсюда, написали на карте *остров Пасхи* только потому, что в 1722 году пасха пришлась на тот самый день, когда голландец Роггевен и его спутники первыми из европейцев приплыли сюда и увидели, как какие-то люди жгли сигнальные костры на берегу. Два голландских парусника уже под вечер бросили якорь у берега, однако до наступления ночи мореплаватели успели увидеть много удивительного. На борт поднялись рослые люди прекрасного телосложения, по-видимому светлокожие полинезийцы, известные нам по Таити, Гавайским и другим островам юго-восточной части Тихого океана. Однако местное население явно не было чистокровным, попадались и более темнокожие люди, а также «совсем белые», как европейцы. У некоторых кожа была «розовая, точно они обгорели на солнце». Многие носили бороду. Сойдя на берег, голландцы увидели огромных истуканов высотой до десяти метров. Макушки их были увенчаны, точно коронами, какими-то большими цилиндрами. Роггевен сообщает, что островитяне разожгли перед этими исполинскими богами огромные костры и, сидя на корточках, почтительно склонив голову, поднимали и опускали сложенные ладонями вместе руки. Беренс, который находился на втором корабле, записал, что на заре другого дня они увидели, как островитяне, бросившись ничком на землю, молились восходящему солнцу. А кругом горели сотни костров, очевидно в честь богов. Это единственное описание ритуала поклонения солнцу на острове Пасхи.

Одним из первых на судно поднялся «совершенно белый человек», который держался с особым достоинством. Все его поведение говорило о том, что он занимает видное место среди островитян, и голландцы предположили, что он жрец. Его наголо обритую голову украшала корона из перьев, а проколотые и удлиненные с помощью огромных, с кулак, круглых белых затычек мочки ушей

свисали, болтаясь, до самых плеч. Такие же уши голландцы увидели и у других. Если длинные мочки мешали работать, островитяне вынимали затычки и зацепляли мочку за верхний край уха.

Многие пасхальцы ходили нагишом, причем все тело покрывала причудливая татуировка, сплошной узор из птиц и странных символов. Другие кутали тело в плащи из луба, окрашенного в желтый и красный цвета. Головные уборы были либо из перьев, либо из камыша. Островитяне дружелюбно встретили гостей, голландцы ни у кого не увидели оружия. Как ни странно, было очень мало женщин, зато они относились к чужеземцам очень предупредительно, и мужчины их ничуть не ревновали.

Жильем островитянам служили похожие на опрокинутую вверх дном лодку длинные низкие хижины из камыша, без окон, с тесным входом, через который можно было пробраться только ползком. Внутри никакого убранства, если не считать циновок да заменявших подушки каменных плит, а жильцов в каждой хижине было множество. Из домашних животных они знали только кур. Выращивали бананы, сахарный тростник и прежде всего батат, который голландцы называют в своих записках «хлебом насущным» островитян.

Тогдашние жители острова Пасхи вряд ли увлекались мореплаванием, потому что самые большие лодки, виденные голландцами, не превышали в длину двух с половиной метров, а ширина их еле позволяла втиснуть ноги, к тому же лодки эти протекали так сильно, что одной рукой греби, а другой вычерпывай.

Пасхальцы жили еще в каменном веке, металла совсем не знали, пищу готовили в ямах, на раскаленных камнях. Не мудрено, если голландцам показалось, что на всем свете нет такой отсталости, как здесь. Тем сильнее их удивляло, что среди такой скудости высились исполинские изваяния, равных которым они никогда не встречали в Европе. Голландцев больше всего поражало, как могли быть воздвигнуты эти гиганты. Ведь у островитян не было ни бревен, ни канатов. Путешественники исследовали сильно выветренную поверхность изваяний и пришли к выводу, что все очень просто — дескать, фигуры не вытесаны из камня, они вылеплены из глины, в которую понатыкали мелких камешков.

Довольные собственной проницательностью, они вернулись на свои корабли, которые уже сорвали с грунта два якоря, и покинули удивительный остров, пробыв там всего один день. В судовом журнале голландцы записали, что островитян отличает веселый нрав и миролюбие и ведут они себя вполне прилично, но

воры высшей марки. По какому-то недоразумению одного пасхальца застрелили на борту корабля, еще с дюжину было убито на берегу. Потери европейцев ограничились скатертью да несколькими шляпами, которые украли у них прямо с головы.

Стоя возле убитых и раненых соплеменников, островитяне провожали взглядом уходящие на запад большие паруса. Прошло почти полвека, прежде чем к ним снова явились гости из внешнего мира.

Это было в 1770 году, когда пришли испанцы на двух кораблях под командой дона Фелипе Гонсалеса. И на этот раз мореплавателей привлек дым сигнальных костров, зажженных островитянами. Сойдя на берег вместе с двумя священниками и отрядом солдат, путешественники торжественно проследовали к вершине трехглавой горы в восточной части острова. Их провожали, приплясывая, ликующие толпы любопытных островитян. Испанцы поставили на каждой из трех макушек по кресту, спели что-то, салютовали ружейными залпами и объявили остров испанским владением. А чтобы подтвердить законность сего акта, они составили на имя короля Испании Карлоса послание, под которым самые смелые из островитян «с неприкрытой радостью и восторгом» начертили птиц и какие-то странные закорючки. Испанцы сочли такие «подписи» вполне достаточными. Так остров обрел хозяина в лице испанского короля и получил новое название — Сан-Карлос.

Испанцы не поддались заблуждению, будто статуи вылеплены из глины. Один из них взял в руки кирку и с такой силой ударил по изваянию, что искры полетели. Так было доказано, что истуканы каменные. Но как воздвигли этих великанов, оставалось загадкой, испанцы даже сомневались, что они вообще изваяны на этом острове.

Хотя на безлесной поверхности острова все просматривалось насквозь, дареное и краденое исчезало бесследно, и испанцы заподозрили, что у островитян есть подземные тайники. И нигде не было видно детей, казалось, все население состоит из множества взрослых мужчин и всего нескольких, но зато чрезвычайно легкомысленных женщин.

Первыми испанцам встретились рослые светлокожие мужчины, двоих самых высоких измерили, оказался рост один метр девяносто девять сантиметров и один метр девяносто пять сантиметров. Много было бородатых, и испанцы заключили, что обитатели острова — вылитые европейцы, они совсем не похожи на обычных туземцев. Путешественники отметили в своих записках, что среди

островитян попадаются светлые шатены и даже рыжие. А когда удалось еще и научить местных жителей внятно произносить по-испански «Аве Мария, да здравствует Карлос Третий, король Испании», гости единодушно заключили, что островитяне народ сметливый, способный к науке и легко поддающийся приручению. После чего они распрощались со своими новыми подданными, чтобы больше никогда уже сюда не возвращаться.

Следующими остров посетили англичане, во главе которых стоял не кто иной, как сам капитан Кук, а после него — француз Лаперуз.

Видимо, пасхальцам начали надоедать все эти гости. Когда Кук сошел на берег, его поразила малочисленность встречающих, всего несколько сот человек, да и те производили самое жалкое впечатление. Все они были ниже среднего роста, угрюмые и апатичные. Спутники Кука решили, что после визита испанцев на острове случилась какая-то беда, после которой жители чуть не все вымерли. Куку же показалось, что пасхальцы укрылись под землей. Особенно его удивило, как мало встречалось женщин, хотя он разослал патрули по всему острову. Во многих местах англичане нашли в камнях узкие ходы, они, по-видимому, вели в подземные убежища, однако пасхальцы не пускали туда чужеземцев. Сильно разочарованные, англичане, которых одолевала цинга, покинули остров Пасхи. Им удалось раздобыть лишь немного батата, единственной важной культуры, увиденной ими на острове. Впрочем, и тут их надули: пройдохи-островитяне нагрузили корзины камнями, прикрыв их сверху слоем батата.

Столь же молниеносный визит Лаперуза состоялся уже через двенадцать лет, в 1786 году. На этот раз на Пасхе опять было много людей, снова показались светловолосые, и почти половину островитян составляли женщины. Наконец, как и должно быть в нормальной человеческой общине, появилось множество детей всех возрастов. Казалось, они вышли из чрева самой земли этого загадочного островка с его безлесным лунным ландшафтом. Да так оно, собственно, и было. Пасхальцы вылезали из подземных ходов, и французам удалось проникнуть в некоторые из тесных каменных туннелей, куда англичанам не довелось попасть. Подтвердилась догадка Кука, что местные жители устроили себе убежища в темных подземных тайниках. Здесь пряталась от Кука знать, здесь же, когда голландцы открыли остров, скрывались дети и большинство женщин. Лаперуз заключил, что мирное поведение Кука и его людей успокоило пасхальцев, они теперь осмелели и вышли на поверхность, общим числом около двух тысяч человек.

Но хотя большинство местных жителей и укрылось под землей, когда по ней ходил Кук, и хотя они успели утащить с собой в тайники свое главное имущество, каменных исполинов унести было невозможно, они упорно продолжали стоять на своем посту. И Кук, и Лаперуз считали их памятниками далекого прошлого, уже тогда изваяния казались очень древними. Кук восхищался мастерством безвестных строителей: без всякой техники они установили колоссов на верхней площадке ступенчатых сооружений из камня. Какой бы способ ни был применен, записал Кук, такая работа свидетельствует о редкой одаренности и энергии людей, живших в прошлом на этом пустынном острове. Он не сомневался, что современные пасхальцы тут не при чем, они даже не пытались чинить каменные террасы, которые уже давно начали разваливаться. К тому же многие статуи были повалены и лежали ничком у подножия своих пьедесталов, причем их явно сбросили намеренно.

Кук исследовал некоторые постаменты, и его изумило, что они сложены из громадных каменных блоков, вытесанных и отполированных настолько тщательно, что эти гигантские кубики подходили один к другому с потрясающей точностью и при кладке не потребовалось никакого связующего раствора. Более совершенной кладки Кук никогда не видел, даже в лучших постройках Англии. И однако же, добавляет он в своих записках, все это тщание не смогло противостоять разрушительному действию времени.

На корабле Кука был полинезиец с Таити. Он понимал многие слова из языка тогдашних пасхальцев. И англичане выяснили, что статуи не были кумирами в подлинном смысле слова, а служили памятниками *арики* — так звали знатных островитян из священного королевского рода. Груды костей свидетельствовали, что платформы, на которых стояли изваяния, продолжают служить местом погребения. Пасхальцы явно верили в загробную жизнь, несколько раз они объясняли путешественникам знаками, что, хотя скелет лежит на земле, хозяин его улетел вверх, на небеса.

В лице Лаперуза наш мир впервые попытался воздействовать на пасхальскую культуру. Он оставил островитянам свиней, коз и овец, успел даже посадить кучу семян за те немногие часы, что находился на Пасхе. Но голодные пасхальцы слопали всех четвероногих, не дав им размножиться, и все осталось по-прежнему.

Лишь в начале следующего столетия на уединенном острове снова появились гости, и опять это были представители нашей расы. Островитяне не стали прятаться под землей, они столпились

на скалах вдоль берега. Это было на руку капитану американской шхуны, который собирался колонизовать лежащий в море около Чили необитаемый остров Хуан Фернандес и устроить там базу для боя тюленей. После отчаянной потасовки он захватил двенадцать мужчин и десять женщин и вышел в море. На третий день американец выпустил пленников на палубу. Мужчины немедленно прыгнули за борт и поплыли к исчезнувшему за горизонтом родному острову. Капитан плюнул в сердцах и повернул обратно за новой партией.

После этого островитяне стали встречать мореплавателей градом камней, и несколько судов так и не смогли высадить людей на скалистый берег. В конце концов одной русской экспедиции удалось с помощью огнестрельного оружия пробиться на берег, но уже через несколько часов им пришлось отступить.

Шли годы. Изредка около острова останавливались суда, и постепенно недоверие островитян прошло. Они все реже швыряли камнями в гостей, и все больше женщин выходило полюбезничать с чужеземцами. Но затем случилась беда.

Однажды у берега Пасхи бросил якорь отряд из семи перуанских парусников. Островитяне поплыли к судам, их пригласили на борт и порадовали, разрешив нарисовать каракули на листе бумаги. Сами того не зная, пасхальцы подписали контракт, подрядились работать на богатых гуано островах у побережья Перу. И когда они, ничего не подозревая, собрались вернуться на берег, их связали и бросили в трюмы. Затем восемьдесят охотников за рабами подошли на шлюпках к пляжу и разложили одежду и прочие соблазнительные дары. Прельщенные такой роскошью, любопытные пасхальцы, усеявшие прибрежные скалы, стали подходить поближе. Когда их собралось несколько сот, перуанцы ринулись в атаку. Тех кто, опустившись на колени, собирал дары, схватили и связали, а пытавшихся спастись бегством или вплавь обстреляли. Последняя шлюпка, набитая пленниками, уже готовилась отчалить, когда один из капитанов вдруг обнаружил двух укрывшихся в пещере островитян. Ему не удалось заставить их плыть с ним, тогда он застрелил обоих.

Так остров Пасхи в сочельник 1862 года разом обезлюдел. Кого не загнали в трюмы и не уложили наповал пулями на берегу залива, те попрятались в подземелье, завалив входы камнями. Гнетущая тишина воцарилась на голом острове, лишь угрожающе ворчал прибой. Огромные истуканы стояли с каменными лицами. А с кораблей доносились песни и пьяные вопли, гости не подняли якорь, пока не отпраздновали рождество.

Обитателям Пупа Вселенной, познавшим и пасху, и рождество, предстояло теперь получше познакомиться с внешним миром. Корабли увезли тысячу рабов и высадили их на перуанские острова собирать гуано. Епископ Таити выступил с протестом, тогда власти распорядились, чтобы пленников немедленно вернули на родной остров. Но человек девятьсот успели погибнуть от болезней и непривычных условий, прежде чем за ними пришел корабль, а из ста уцелевших восемьдесят пять умерли по пути домой. Только пятнадцать островитян вернулись живыми на Пасху. Они привезли оспу, которая мгновенно распространилась по всему острову и прикончила чуть не все население, даже тех, кто скрывался в самых глубоких и тесных пещерах. Нужда и болезни сократили число обитателей до ста одиннадцати человек, считая взрослых и детей.

Тем временем на острове впервые поселился чужеземец, который руководствовался самыми благими намерениями. То был одинокий миссионер, искренне старавшийся помочь местным жителям. Увы, они начисто обокрали его, забрали даже одежду слуги господня. Он бежал с первым же кораблем, однако вернулся с помощниками и учредил маленькую миссионерскую станцию. Оставшиеся в живых пасхальцы позволили окрестить себя, а года через два явился какой-то странствующий француз-авантюрист и натравил их на миссионеров. Они прогнали пастырей, прикончили француза и продолжали петь псалмы без посторонней помощи; все прочие следы миссионерской деятельности быстро изгладились.

В конце прошлого века чужеземцы установили, что на Пасхе отличные пастбища для овец, и остров был аннексирован Чили. Ныне здесь есть губернатор, священник, врач и никто больше не живет в пещерах или камышовых хижинах. На смену древней культуре пришла цивилизация, как это было у эскимосов, индейцев и обитателей других тихоокеанских островов.

— Так что мы прибыли сюда не за тем, чтобы изучать жизнь цивилизованных островитян,— сказал я.— Мы будем вести раскопки. Если сегодня вообще можно найти ответ на загадки острова Пасхи, то только в земле.

— А разве здесь раньше никто не занимался раскопками? — спросил один матрос.

— Считают, что здесь негде рыть, нет почвы. Деревья на острове не растут. А если и раньше тоже не было леса, то ведь одна увядшая трава не образует мощного слоя земли. Поэтому все уверены, что тут нет смысла искать.

В самом деле, на этом удивительном острове побывали только две археологические экспедиции, больше желающих не нашлось. Первая экспедиция носила частный характер, руководила ею англичанка Кэтрин Раутледж. Она приплыла на Пасху в 1914 году на собственной шхуне, измерила и нанесла на карту все, что видела на поверхности земли, и в первую очередь каменные террасы, старые дороги, а также четыреста с лишним огромных изваяний, разбросанных по всему острову. Работы был непочатый край, и Раутледж просто не хватило времени заниматься систематическими раскопками, удалось лишь расчистить от земли несколько статуй. На беду, научные записи экспедиции пропали, но Кэтрин Раутледж написала о своем кругосветном плавании книгу, в которой говорит, что остров буквально пропитан таинственностью и нерешенная вековая загадка с каждым днем все больше занимала ее мысли. Тени неизвестных ваятелей прошлого витают над островом, писала она. Они напоминают о себе на каждом шагу. Давно умершие каменотесы более активны и реальны, чем ныне живущее население, и безраздельно властвуют над островом, опираясь на своих вассалов — безгласных истуканов. Движимые неведомым для нас стремлением, они иссекли каменными рубилами склон потухшего вулкана, изменили облик целой горы, и все это ради того, чтобы воздвигнуть огромные человекоподобные скульптуры по берегам заливов и у причалов.

«Вокруг острова и над ним простираются без конца и края море и небо — безграничное пространство, несравненная тишина. Человек, живущий здесь, всегда прислушивается неведомо к чему, чувствуя подсознательно, что находится в преддверии чего-то еще более великого, лежащего за пределами его восприятий».

Так воспринимала Раутледж остров Пасхи. Она открыто признавала существование тайны, трезво изложила собранные факты и предоставила искать ответ последующим исследователям.

Двадцать лет спустя военный корабль доставил на остров Пасхи франко-бельгийскую экспедицию; потом другой корабль ее забрал. Один из археологов умер в пути, и, пока француз Метро опрашивал островитян, собирая материал для этнографического очерка, бельгиец Лавашери еле поспевал изучать тысячи наскальных изображений и каменные памятники, которые сами бросались в глаза на безлесном острове. До раскопок дело опять не дошло.

Французы и бельгийцы наметили себе в общем-то другие задачи, чем англичане, изваяния не были в центре их внимания. Но Метро заключил, что не так уж тут все и загадочно, на Пасху могли прибыть самые обыкновенные туземцы с островов, лежащих

дальше на запад, им захотелось делать фигуры, а так как деревьев не было, они принялись долбить гору.

И до и после этой экспедиции на Пасхе побывали другие исследователи и множество путешественников. Пока судно несколько дней, а чаще несколько часов стояло на якоре, они записывали со слов нищего населения предания и собирали резные изделия из дерева, либо добывали образцы скудной фауны и флоры. Медленно, но верно крохотный островок на краю света опустошали на потребу музейных витрин и сувенирных полок. Большинство поддающихся переноске предметов увезено. Лишь громадные головы с презрительной окаменелой улыбкой по-прежнему высятся на склонах, встречая и провожая лилипутиков, которые приходят сюда, таращат на них глаза и уходят опять, меж тем как одно столетие сменяется другим. Ореол таинственности легкой дымкой окутывает остров.

Таковы основные черты истории острова Пасхи.

— А может быть так, что у островитян есть еще какие-нибудь предания? — спросил негромко капитан.

— Оптимист,— сказал я.— Завтра ты их увидишь, это такие же цивилизованные люди, как мы с тобой. Первым здесь собирал предания американец Томсон. Это было в 1886 году, до того как пасхальцы подверглись влиянию чужеземцев, которые потом поселились на острове. Они ему рассказали, что их предки приплыли с востока на огромных судах, шестьдесят дней правили на закат. Сначала на острове обитали два различных народа, «длинноухие» и «короткоухие», но затем разразилась война и вторые почти совершенно истребили первых, потом продолжали хозяйничать одни: Все старые предания, какие сохранились, можно сегодня прочесть в книгах. Вообще в Южных морях от старины мало что осталось.

— А на острове Пасхи тем более,— вставил Гонсало.— Тут теперь поселилось много белых, построены даже школа и маленькая больница.

— Так что пасхальцы могут нам помочь только как рабочие на раскопках,— продолжал я.— Еще, может быть, у них найдутся для нас свежие овощи.

— Надеюсь, вахины не откажутся научить нас плясать хюлу,— пробормотал один из механиков, поддержанный смехом и одобрительными возгласами товарищей.

Вдруг чей-то хриплый голос что-то произнес. Но чей? Все смотрели друг на друга. Кто же это был? Штурман осветил фонариком теряющуюся во тьме палубу. Никого. Странно... Наконец механик нарушил молчание, еще что-то сострил насчет хюлы, и

опять послышался незнакомый голос. Может быть, из-за борта? Мы подбежали к фальшборту и посветили на черную гладь. Какая там черная гладь — свет фонаря пал на множество сверкающих любопытными глазами лиц, и каких лиц! Подобных пиратских физиономий мы еще никогда не видели. Плотно сгрудившись в тесной лодчонке, на нас снизу смотрели гости.

— *Иа-о-рана!* — крикнул я. Поймут?

— *Иа-о-рана!* — ответили они хором.

Значит, полинезийцы, заключил я. Но бог ты мой, сколько же тут еще всяких примесей!

Мы бросили им трап, и один за другим они полезли вверх. Большинство — крепкие, здоровые парни, только одетые в какие-то лохмотья. Вот первый показался над фальшбортом, голова обвязана красным платком, в зубах зажат узел, на теле драная майка и подвернутые до колен остатки штанов. Мелькнули босые ноги, и он ступил на палубу. За ним последовал огромный рябой верзила в старой зеленой шинели, тоже босой. Он нес на плече здоровенную дубинку и связку украшенных резьбой палок. А там уже появилась оскаленная деревянная голова с огромными глазищами и козлиной бородкой и деревянная же фигура с торчащими ребрами. Это изделие нес пасхалец в белой матросской бескозырке. Поднявшись на борт и пожав руку тем, кто стоял поближе, оборванцы принимались извлекать из своих узлов и мешков своеобразные изделия. Из рук в руки переходили замысловатые деревянные скульптуры, которые поразили нас еще больше, чем их владельцы.

У всех резчиков были фигурки, изображающие одного и того же гротескного сутулого человечка. Большой орлиный нос, козлиная бородка, длинные висящие мочки ушей, огромные вставные глаза, рот искажен дьявольской усмешкой, хребет и голые ребра торчат, живот втянут. Все они были выдержаны в одном стиле, отличались только размером. Обращал на себя внимание также крылатый человечек с птичьей головой; попадались изящные палицы и весла, разукрашенные большеглазыми масками, и нагрудные украшения в виде полумесяца, покрытые загадочными письменами, которых никто не может расшифровать. Все было вырезано с величайшим искусством и тщательно отполировано, так что деревянные изделия казались на ощупь фарфоровыми. Гораздо менее удачными показались нам каменные копии знаменитых больших изваяний. Один островитянин привез чудесный головной убор из перьев и искусно сделанный из того же материала наряд.

Такого обилия поделок я не видел до сих пор на полинезий-

ских островах; обычно жители этой области предпочитают не обременять себя трудами. Здесь же нас по сути дела встретила целая артель замечательных резчиков по дереву. Непосвященному человеку могло показаться, что авторы этих гротескных фигурок обладают неуемной творческой фантазией. Но если присмотреться, оказывалось, что повторяются одни и те же немногочисленные мотивы. Вариации не выходили за границы строго определенных канонов.

Незадолго перед тем я изучал в Национальном музее Чили собранные Мостным образцы современного народного искусства острова Пасхи, и, когда пасхальцы стали показывать нам свои изделия, мне ничего не стоило их удивить тем, что я знал название каждой фигурки. Ведь это были безупречные повторения предметов, которые нашли на Пасхе еще первые европейцы и которые теперь можно увидеть только в музеях. Оригиналы сегодня ценятся страшно дорого, а так как добыть их уже негде, островитяне поддерживают оборот, снабжая рынок хорошими копиями.

Резчики, смущенно улыбаясь, показывали на свои драные штаны и босые ноги, дескать, возьмем в обмен одежду и обувь. И вот уже на палубе полным ходом развернулся торг. Движимые не только жаждой приобретения, но и врожденной добротой, наши люди ринулись в каюты и вынырнули оттуда со всем, что у них было лишнего из одежды. Вдруг появилась маленькая Аннет в своей пижаме. Забравшись в гущу участников обмена, она потянула за ноги поразившего ее птицечеловека, которого держал под мышкой обладатель одной из самых свирепых физиономий. Увидев, что фигурка понравилась ребенку, он немедленно преподнес ее в дар Аннет. Ивон живо сходила за ответным подарком.

Подошел фотограф, дернул меня за рукав.

— Послушай, там стоит один тип, у него за пазухой какая-то диковинная штука. Говорит, что-то очень старинное, из поколения в поколение передавалось...

Я улыбнулся, но на всякий случай последовал за фотографом, который подвел меня к опрятно одетому худощавому человеку с лицом араба, только побледнее кожа, и с гитлеровскими усиками.

— Буэнос диас, сеньор,— приветствовал он меня и с таинственным видом вытащил из-под рубахи маленький плоский камень с выгравированным птицечеловеком.

Я сразу увидел, что гравировка недавняя, и, не дожидаясь, когда владелец начнет говорить о предках, воскликнул с нарочитым восхищением:

— Как, неужели ты это сам сделал?!

Он на секунду смешался, растерянность боролась на его лице с улыбкой, потом порозовел от гордости и посмотрел на свой шедевр, соображая, что вообще-то обидно уступать кому-либо честь авторства.

— Да,— самодовольно подтвердил он, явно упиваясь собственным мастерством.

Ему не пришлось пожалеть о своем признании: фотографу камень понравился, и он купил его.

Незаметно к борту корабля подошла еще лодка, и мне доложили, что по трапу поднимается белый. Молодой, подтянутый флотский офицер представился помощником губернатора и приветствовал нас от имени своего начальника. Мы пригласили его в салон выпить стаканчик и объяснили, почему остановились в этом месте. В ответ мы услышали, что сейчас из-за плохой погоды все равно не смогли бы стать на якорь около деревни, но завтра утром не мешало бы нам перейти под прикрытие другого мыса, ближе к селению, тогда они постараются нам помочь высадиться на скалы. Далее мы узнали, что прошло ровно полгода, как их навестило последнее судно — разумеется, чилийский военный корабль. А годом раньше к острову подошел роскошный лайнер. Губернатора запросили, есть ли в местном отеле лифт и подходит ли трамвай к пристани. Когда же он ответил, что на острове нет ни отелей, ни пристаней, пассажиров не стали высаживать на берег. Зато на борт лайнера допустили несколько островитян, которые доставили сувениры и сплясали хюлу на палубе, после чего туристы отправились дальше осматривать Тихий океан.

— Ну, мы-то сойдем на берег, хотя бы нам пришлось добираться вплавь,— рассмеялись мы, не подозревая, что эти слова окажутся почти пророческими.

Возвращаясь к трапу, офицер предложил нам оставить на борту кого-нибудь из островитян лоцманом для завтрашнего перехода.

— Они крадут, как сороки,— добавил он,— так что, пожалуй, лучше всего оставить бургомистра. Вы уже познакомились с ним?

Нет, я еще не успел. Гордые подданные привели своего бургомистра. Это был тот самый тип с гитлеровскими усиками и поддельным камнем. Рубаха его оттопыривалась, теперь за пазухой лежали вещи, полученные от фотографа.

— Вождей у нас больше нет, но вот вам бургомистр острова Пасхи,— сказал офицер, добродушно похлопывая усатого по плечу.— К тому же он лучший на острове резчик по дереву.

— Си, сеньор,— просиял бургомистр и смущенно опустил глаза.

Его приятели окружили нас тесным кольцом, каждому было лестно, что у них есть свой выборный бургомистр. Я видел много умных лиц в толпе; несколько человек выделялись властным, волевым видом.

— Си, сеньор,— повторил худощавый и выпятил грудь так, что из-под рубахи выглянули старые брюки фотографа.— Я уже двадцать восемь лет бургомистр. Они переизбирают меня каждый раз.

«Странно, почему они выбирают такого чудака,— подумал я.— Как будто нет более подходящих кандидатов».

Офицеру пришлось пустить в ход всю свою власть, чтобы заставить наших гостей сойти в лодки. Остался только бургомистр. Не знал я тогда, что он будет главным действующим лицом самого удивительного приключения, какое я когда-либо переживал.

На другой день рано утром меня разбудил скрежет якорных цепей. Натянув штаны, я вышел на палубу. Солнце уже пробудило краски, стерло ночные тени, и я увидел приветливый желто-зеленый остров. Вдали на склоне стояли нетленные истуканы. Но никто не жег костров, никто не молился божественному восходу, вообще никого не было видно. Остров казался безжизненным, словно жители приняли нас за работорговцев и ушли под землю.

— Буэнос диас, сеньор.

Опять этот бургомистр. Приветствуя меня, он приподнял шляпу. Одну из наших шляп, потому что вчера он прибыл без головного убора.

— Буэнос диас, бургомистр, что-то не больно людно на берегу.

— Верно,— согласился он.— Но эта земля теперь уже не наша, мы живем в деревне на другом конце острова, а сюда пускают только овец, которые принадлежат военным морякам. Посмотрите,— он указал на круглый пригорок.

В самом деле я отчетливо увидел стадо овец, которое серым одеялом ползло по склону.

Судно уже снялось с якоря, и залив остался позади. Мы скользили вдоль отвесных скал, хищный прибой здесь изгрыз вулканические породы, и получились головокружительные пропасти. Будто в разрезанном торте, чередовались ржаво-красные и желто-серые слои, а на самом верху гребень был оторочен зеленой травой и древними стенами, которые грозили свалиться с обрыва. Километр за километром шли неприступные кручи, потом остров опять сплющился, потянулась каменистая равнина, берущая начало у круглых травянистых конусов и бугров в глубине острова. Но нигде зелень не доходила до бурлящего прибоя, весь остров защитным валом окружало беспорядочное нагромождение черных

лавовых глыб. В одном только месте степь прорывалась к самому морю, и остров точно улыбался нам приветливой улыбкой, радуя глаз видом широкого солнечного пляжа.

— Анакена.— Бургомистр благоговейно склонил голову.— Здесь жили в старину короли. Вот на этом берегу высадился основатель нашего рода Хоту Матуа.

— А теперь кто тут живет?

— Никто. Только хижина пастухов стоит.

Я окликнул капитана, он согласился, что здесь отличное место для лагеря.

И этот залив скрылся позади, снова потянулся дикий берег с обрывами и глыбами лавы, и только на самом западе мы опять увидели плавно спадающий к морю откос и на нем деревню Хангароа. Белые домики в аккуратных садах, тут и там в окружении одиноких пальм и деревьев; на пригорках поодаль виднелись купы эвкалиптовых насаждений. Длинная ограда обозначала границу деревни, весь остальной остров был овцефермой военно-морских сил.

— Вот моя родина,— горделиво произнес бургомистр.

Ничего не скажешь, красиво! Мы не могли оторвать глаз от берега. Даже Аннет притихла на руках у Ивон и как завороженная смотрела на кукольную деревушку под огромным голубым небом. Внезапно повсюду замелькали люди, и все они, кто бегом, кто верхом, мчались в одном направлении — туда, куда шло наше судно.

— До чего здорово! — восхищался Тур-младший.— Совсем как в театре.

Капитан распорядился поднять флаги, и они мелькали над кораблем всеми цветами радуги и всеми символами морского кода, начиная от «чумы» и кончая «почтой»; приветственно ревела судовая сирена. В ответ на берегу кто-то поднял на одиноком флагштоке чилийский флаг.

Бургомистр вытер глаза рукавом.

— Сеньор,— заговорил он,— это страна Хоту Матуа. Это моя страна. Двадцать восемь лет я здесь бургомистром. Чем был бы остров Пасхи без меня? Ничем. Остров Пасхи — это я. Я — остров Пасхи,— твердил он с чувством, ударяя себя в грудь.

Полно, уж не Гитлера ли я вижу перед собой? Нет, конечно, нет, ведь этот дурачок бесконечно добрее и безобиднее. Он доволен тем, что у него есть. Даже не помышляет о том, чтобы отнять у овец земли по ту сторону ограды.

— Сеньор,— приступ красноречия продолжался,— мы с вами

единственные знаменитые люди на этом острове. Все знают меня. А кто знает губернатора? Люди приезжали даже из Германии, чтобы взять для анализа кровь из моего уха. Из Глазго и Австрии пишут и просят прислать резные работы бургомистра острова Пасхи. Мир знает меня. Так дайте же мне вашу руку, сеньор, как друг!

Мы обменялись рукопожатием, и бургомистр вежливо попросил разрешения называть меня сеньором Кон-Тики.

Новый мыс заслонил деревню, пошли отвесные кручи и разбросанные у их подножия угрюмые лавовые островки, похожие на замки с остроконечными башнями. Бурлил прибой, буйные волны лихо обрушивались на камни и откатывались назад, раскачивая наше судно. Бургомистра укачало, и он побрел к шезлонгу, но все-таки прерывающимся голосом сообщил мне, что как раз здесь развивали свою деятельность птицечеловеки. Он показал на причудливую фигурку, которую Аннет уложила в кукольную кроватку.

За мысом мы вошли в своего рода открытый залив. Правда, берег и здесь был высокий и обрывистый, но все же намного ниже. Конные и пешие двигались более коротким путем, они срезали мыс, и на зеленом косогоре над обрывом уже скопилась тьма людей и коней. В одном месте люди будто струйкой стекали вниз по стенке к штурмуемым прибоем глыбам черной лавы, где кто-то спускал на воду лодку. И вот уже за нами, подпрыгивая на волнах, идет вельбот. Капитан подошел к берегу, насколько это было возможно, и отдал якорь.

Бургомистр сразу ожил.

— На нашем языке «здравствуйте, все» будет *иа-о-рана куруа*,— прошептал он мне.— Крикни эти слова, когда сойдешь на берег, нашим это понравится.

Перевоз по буйным волнам доставил немало волнующих минут избранным, которые отправились на берег. Курчавый гребень поднял нас и швырнул за огромный камень; рулевой-островитянин искусно развернул лодку и успел увести ее от очередного вала. Здесь не было ни гавани, ни мола, только творения необузданной природы. За барьером из лавовых глыб на спускающейся вниз узкой полке плотной шеренгой стояли островитяне.

— *Иа-о-рана куруа!* — крикнул я что было мочи, когда мы пересекли рубеж их царства.

— *Иа-о-рана куруа!* — прокатилось по стенке ответное приветствие, и разом все зашевелились, чтобы помочь нам сойти на берег.

Кого только тут не было; казалось, нас встречали если не все, то почти все девятьсот жителей острова. Это были полинезийцы, правда далеко не чистокровные, и одежда на них при всей ее пестроте была явно заморского происхождения. Не успел я выбраться из пляшущей лодки, как меня схватила за руку сгорбленная старуха в платке.

— Секрет, сеньор,— хрипло прошептала она.

Пододвинула поближе корзину с бататом, подняла один клубень и с таинственным видом дернула угол лежавшей под ним тряпки.

Я сказал спасибо и пошел дальше. Разглядеть я ничего не успел, но вряд ли секрет был такой уж важный, коли его поверяли на глазах толпы. Из тех, кто стоял вдоль полки, многие держали в руках деревянные фигурки и какие-то узлы, однако больше никто мне ничего не предлагал. Пропуская нас мимо себя, они бормотали: *«Иа-о-рана! Иа-о-рана!»*

Вдоль гребня наверху чернела шеренга ожидающих, среди которых выделялся белый человек в развевающемся одеянии. Я сразу понял, кто это: самый могущественный человек на всем острове, патер Себастиан Энглерт. Он написал книгу о Пасхе. В Чили его называли некоронованным королем острова. «Если вы с ним подружитесь,— сказали мне там,— вам будут открыты все двери, но горе тому, кого он невзлюбит».

И вот он передо мной. Широкоплечий, осанистый, в длинной белой сутане, перевязанной шнуром в поясе, обут в большие блестящие башмаки, капюшон сутаны откинут. Он стоял на фоне сказочно синего неба с обнаженной головой и пышной бородой, напоминая апостола или пророка.

Глядя на румяное лицо с пытливыми, умными глазами в окружении улыбчивых морщинок, я протянул руку патеру.

— Добро пожаловать на мой остров,— приветствовал он меня.

Я отметил про себя притяжательное местоимение.

— Да, я всегда говорю *мой* остров,— продолжал он, широко улыбаясь,— потому что считаю его своим и не уступлю никому ни за какие миллионы.

Я ответил, что вполне понимаю его и мы готовы во всем ему подчиняться.

Патер рассмеялся.

— Вы любите туземцев? — внезапно спросил он, испытующе глядя на меня.

— Люблю тем больше, чем они натуральнее,— сказал я.

Патер Себастиан просиял.

— Тогда мы станем хорошими друзьями.

Я представил Гонсало, шкипера, врача и других своих спутников, после чего мы вместе прошли к джипу, который стоял между лавовых глыб и пасущихся коней. Сначала мы ехали зигзагами по ухабам, потом началась колея, она привела нас к деревне. Мы въехали внутрь ограды и вскоре остановились у стоящего особняком домика губернатора.

Вышел невысокий, плотный человек в серо-зеленом мундире, очень сердечно нас встретил и пригласил пройти в кабинет, где быстро были совершены все формальности.

Мы сидели лицом к лицу с двумя важнейшими деятелями на острове — старым мудрецом патером Себастианом и моложавым военным губернатором Арнальдо Курти. Первый прожил здесь уже двадцать лет и собирался до конца своих дней оставаться на Пасхе, второй прибыл на военном корабле, чтобы два года именем правительства управлять островом. Один олицетворял опыт, другой власть, кто же из них верховодит? Мы быстро убедились, что они составляют единое целое, повседневно сотрудничают, разрешая самые неожиданные проблемы, какие могут возникнуть только в своеобразнейшей общине на уединеннейшем из островов.

Капитан предъявил список экипажа, врач экспедиции — медицинское свидетельство, на этом официальная процедура окончилась.

— Желаю успеха в раскопках,— сказал губернатор, пожимая мне руку.— Просим соблюдать лишь два запрета: вы не должны давать островитянам оружия, а также спиртных напитков.

Нас это вполне устраивало.

— Да, и еще одно дело,— губернатор почесал в затылке.— Понимаете, вы человек довольно известный здесь на острове и причинили нам немало хлопот.

Патер рассмеялся и погладил бороду.

— Да уж, теперь пусть ваше судно несет караул,— сказал он.

Мы ничего не понимали, но за объяснением дело не стало. Когда пасхальцы узнали, что плот «Кон-Тики» благополучно пересек океан и добрался до полинезийских островов, их это очень заинтересовало. Чем они хуже своих предков, совершавших такие плавания? На безлесном острове бревен для плота не было, но несколько человек сколотили из досок лодчонку и вышли в море ловить рыбу. Течение подхватило их, и — прощай, остров Пасхи! Пять недель спустя, нечаянно повторив дрейф «Кон-Тики», голодные, изможденные путешественники пристали к одному из атоллов архипелага Туамоту, откуда перебрались на Таити. Нашлись

желающие последовать их примеру. Другие островитяне смастерили лодку и собрались выйти в море, будто бы за рыбой. Но губернатор обнаружил в лодке канистры с пресной водой и заподозрил неладное. Выпускать людей в дальнее плавание на такой скорлупке было слишком опасно, и он распорядился вытащить лодку на берег. Заговорщики все равно попытались уплыть, тогда он приставил к лодке вооруженную охрану. Кончилось тем, что ночью караульный бежал вместе с остальными. Эту лодку отнесло еще дальше на запад, и мореплаватели, страшно довольные, сошли на берег Атиу, далеко за Таити. После этого охота к перемене мест приобрела характер эпидемии. Две компании смастерили себе по лодке, которые теперь лежат наготове. Вся деревня знает, что́ за этим кроется, и, хотя на острове живет только горстка белых, приходится выделять из них одного человека, чтобы круглые сутки стеречь лодки.

— Если бы я мог объявить островитянам, что мы все равно догоним новых беглецов на вашем судне, караул можно снять,— заключил губернатор.

Я дал свое согласие.

— Караульщики пригодятся нам в других местах,— сказал он.— Островитяне крадут до двух тысяч овец в год. У нас есть что-то вроде тюрьмы для самых отъявленных воров, да что толку, ведь заключенных приходится отпускать домой, чтобы могли поесть. Если мы будем кормить их в тюрьме, все станут преступниками, лишь бы кормили бесплатно.

— А вообще-то они люди славные,— продолжал губернатор, и патер Себастиан кивнул.— Надо только постараться понять их. Серьезных происшествий или драк не бывает. Дальше воровства дело никогда не заходило, да и то надо помнить, что островитяне дарят так же охотно, как крадут. Здесь свое отношение к собственности, они не придают ей такого значения, как мы.

Патер Себастиан обещал подобрать дельных работников для наших раскопок, определить им дневной заработок и паек. Мы узнали, что наши меновые товары куда дороже для пасхальцев, чем любое золото и деньги, ведь на острове нет ни лавок, ни кино, даже парикмахерской.

Было решено, что залив Анакена в другом конце острова лучше всего подходит для лагеря экспедиции. Причин для такого выбора было много. Это самое красивое место на всем побережье. Там единственный приличный песчаный пляж, можно на плоту свезти наше снаряжение. До деревни оттуда далеко, меньше опасность краж и всяких недоразумений. К тому же это овеянная

преданиями королевская долина, где впервые пристал к острову легендарный Хоту Матуа. Что еще могли мы себе пожелать?

После великолепного угощения в домике губернатора мы вернулись на судно. Прибрежные утесы по-прежнему были усеяны островитянами, и мы разрешили всем желающим осмотреть наш корабль, чем порадовали патера Себастиана. На этот раз пасхальцы показались мне с виду более аккуратными, а главное — не такими оборванцами, как при нашей первой встрече. И я сказал об этом бургомистру, который тоже успел побывать дома и надеть целую рубаху. Он хитро улыбнулся.

— Это у нас такая уловка. Наденешь на себя старье, тебе больше платят за деревянные фигурки.

Из-за волнения на море далеко не все смогли попасть на судно, но мы обещали пригласить остальных в другой раз. Только последняя партия собралась возвращаться на берег, как прибежал капитан с книгой для посетителей.

— Пусть наши гости распишутся,— сказал он, подавая книгу самому сметливому с виду туземцу.

Пасхалец взял книгу и ручку и с озабоченным лицом пошел к товарищам; развернулось какое-то оживленное обсуждение. Наконец все тот же туземец вернулся к капитану и хмуро возвратил ему гостевую книгу — без единой подписи.

— Что, из вас никто не умеет расписываться? — спросил капитан.

— Почему, многие умеют. Но они не хотят.

Гонсало, который слышал этот разговор, взял книгу и подошел с ней к пасхальцам, дескать, он чилиец и, может быть, им его будет легче понять. Но когда он начал им объяснять, в чем дело, поднялся страшный шум и дело чуть не дошло до потасовки. потому что один из туземцев порывался выбросить книгу за борт. Пришлось мне решительно вмешаться, чтобы выручить Гонсало. Взъерошенный и разгоряченный, он подошел ко мне.

— Это просто невероятно,— воскликнул он,— они отказываются расписываться, говорят, что вот так обманули их предков и увезли в рабство в Перу!

— Не может быть, они не могли сохранить этот случай в памяти,— заметил кто-то.

Но когда мы подсчитали, получилось, что жертвами налета работорговцев были деды нынешних пасхальцев, да и отцы многих из них уже родились на свет к тому времени.

Гостевую книгу живо убрали, и я объявил гостям, что пора прощаться, мы снимаемся с якоря. Никто не послушался. Сколь-

ко мы ни гудели сиреной и как ни старались механики, пуская машину, произвести побольше шума и грохота, ничто не помогало. Пришлось мне проводить несколько человек до трапа и заставить их спуститься в одну из двух ожидающих лодок. Только я велел привести остальных, как увидел, что первые уже гребут к берегу, ведя на буксире вторую лодку, которая почему-то вдруг наполнилась водой. Я окликнул их, сказал, чтобы взяли своих товарищей, и услышал в ответ, что они вернутся, вот только отвезут пассажиров и вычерпают воду из лодок. Мы ждали, ждали, сигналили гудком, но лодки не возвращались. Нам надо было, пока не стемнело, перейти на другую стоянку, и в то же время мы не знали здешних вод и не могли на своей шлюпке высадить на берег гостей. Пришлось поднять якорь и трогаться в путь с полутора десятком новых пассажиров. Сами они ни капли не волновались, словно так и надо. Накормив ужином команду, кок накрыл стол для шестнадцати пасхальцев. Они налегли на угощение, но вскоре ринулись к фальшборту, потому что началась качка. Подойдя опять к берегу, мы отдали якорь под прикрытием той же скалы, что накануне, однако нам и здесь не удалось избавиться от непрошеных пассажиров. Стемнело, начал накрапывать дождь. Впустить этих пиратов на ночь в каюты? А потом считай пропажи... В конце концов я предложил им выбирать: либо они спят на люке на палубе, либо сами гребут к берегу на нашем алюминиевом плоту, в два захода управятся. Они выбрали второе, и мы спустили на воду плот. Но тут вдруг выяснилось, что каждый хочет плыть во *второй* заход. Видно, сегодня нам их не спровадить.

Веселые и сытые пасхальцы извлекли откуда-то гитару и принялись отплясывать хюлу на фордеке. Получилось здорово! Команда давно не сходила на берег и не знала никаких развлечений, и при звуках зажигательной музыки все оживились. Раз уж гости все равно остались на борту, давайте веселиться. Под аккомпанемент гитары и хлопающих ладоней зазвучала песня, а судовой фонарь создавал полную иллюзию сценического освещения.

— *Те тере те вака те Хоту Матуа!..*

Веселые пираты заразили своим беспечным настроением и ученых, и моряков, и вот уже все, как могут, подпевают и притопывают ногами.

Внезапно появился бургомистр. Мокрый и продрогший он сидел в маленькой лодке и с ним еще три приятеля. Поторговавшись, мы договорились, что пустим эту четверку на борт, а они за это отвезут шестнадцать пассажиров на берег. А чтобы никому

не было обидно, всем разрешили еще час провести на судне. Бургомистр с радостью согласился и поднялся с друзьями на борт. Поблагодарил за то, что мы позволили первому отряду задержаться еще на час, и не мешкая спросил, нельзя ли его четверке тоже получить угощение, какое получили другие?

— Можно,— ответил я дипломатично.— Потом, как только те шестнадцать будут на берегу.

С довольным видом бургомистр пошел к музыкантам и с полминуты помогал отбивать такт. Затем сорвался с места, подбежал ко мне и заявил, что надо немедленно отправлять домой остальных, не то они в пути промокнут и озябнут.

Сколько я за них ни заступался, ни доказывал, что до конца условленного времени еще далеко, ничто не помогало. Бургомистр крикнул музыкантам, чтобы кончали играть. Тогда я изменил тактику.

— Кстати, можете поесть сейчас, если хотите,— предложил я.

Он сразу забыл о музыкантах и прямиком отправился в камбуз к коку. И когда он выглянул, чтобы проверить, где остальные трое, его челюсти уже полным ходом работали.

Правда, бургомистр сдержал слово, через час лодка направилась к темному берегу. В ночи разносилась музыка и смех, банкет прошел успешно.

— Охой! *Те тере те вака те Хоту Матуа...*

Вот как получилось, что на следующее утро, когда мы подошли к долине королей, на столе в нашей кают-компании спал сам бургомистр Пупа Вселенной.

Глава третья ПО ВУЛКАНИЧЕСКИМ ТУННЕЛЯМ

В Анакенской долине было безлюдно, когда наш первый маленький отряд начал подыскивать хорошее место для палаток на прибрежной площадке. Однако вскоре на пригорке показался всадник. Он подъехал ближе, это был местный пастух. Соскочив с коня, он подошел к нам и поздоровался. Пастух жил в побеленном каменном домишке в западной части долины, на его попечении были все овцы в этой части острова. Услышав, что мы задумали поселиться в Анакенской долине, он сразу указал на небольшой каньон с просторными пещерами. Дескать, это пещеры Хоту Матуа, в них некогда жил первый король и его спутники, подлинные первооткрыватели острова. Потом они поставили себе большие камышовые хижины.

Островитянин говорил о Хоту Матуа, как англичане говорят о королеве Виктории. Он не допускал и мысли, чтобы кто-то не знал Хоту Матуа, который для пасхальцев является альфой и омегой, чем-то средним между библейским Адамом и Колумбом.

Я объяснил, что нам незачем занимать пещеры, у нас есть с собой готовые хижины из непромокаемого материала. Тогда пастух указал в противоположном направлении.

— Если у вас палатки, можете спать вон там, повыше пляжа, где стояла хижина Хоту Матуа, — сказал он и проводил нас к ровной площадке у подножия куполовидного пригорка.

Здесь всюду сохранились следы былого величия. Посреди береговой излучины и на обоих флангах лицом к морю расположились три алтаря из огромных каменных блоков. Они стояли над самым пляжем, и можно было бы принять их за укрепления, прикрывающие равнину от вторжения с моря, если бы рядом не лежали на песке огромные фигуры из серо-желтого камня, свидетельствуя, что кладка служила опорой для них.

Они лежали ничком, головой внутрь острова — значит, до свержения идолы стояли спиной к морю, лицом к открытой культовой площадке. Вдоль центрального алтаря лежало бок о бок

несколько павших богатырей, а по соседству валялись венчавшие их громадные цилиндры из ржаво-красного камня. На высокую мощную кладку в восточной части залива опиралась в прошлом лишь одна статуя, зато она, хоть и уткнулась теперь носом в землю, казалась намного дороднее своих стройных родичей с соседней террасы. Подле этого великана и жил некогда сам Хоту Матуа. Пастух благоговейно показал на мощный фундамент, который еще возвышался над землей. Дальше виднелась своеобразная пятиугольная печь, там прежде находилась королевская кухня.

Уж здесь-то мы, несомненно, будем копать! И мы разметили лагерную площадку по соседству, на культовой площадке возле головы поверженного идола. Пастух внимательно следил за нами и до тех пор твердил, что тут в древности жил король, пока не уверился, что мы все полностью осознали, где находимся. Получил пачку сигарет и весьма довольный отправился по своим делам.

Скоро мы начали свозить на берег снаряжение. Сперва вместе с двумя пасхальцами обследовали залив на алюминиевом плоту. Оказалось, что середина бухты свободна от подводных камней и прибой там несильный. Первым высадили кинооператора с его аппаратурой. Потом пошли обратно к катеру, стоявшему на полпути между берегом и судном. Вдруг мы увидели, как огромный вал вскинул катер на гребне. Его команда тотчас пустила мотор и взяла курс в море, спеша уйти от нового вала, который обещал вырасти еще больше предыдущего. Мы изо всех сил налегли на весла и благополучно перевалили через первую волну, но следом, круто вздымаясь вверх, катила вторая. Плот полез прямо на отвесную водяную стену и опрокинулся. Меня крепко стукнуло по голове, и я живо нырнул, пока понтоны не наподдали мне еще сильнее. Зажмурив глаза, чтобы их не засорило взмученной водой, я плыл вглубь, сколько хватило дыхания. Когда я наконец вынырнул, уже за перевернутым плотом, море опять выглядело нормально.

Хорошо, что этот урок мы получили, прежде чем начали перевозить ценное снаряжение. Правда, столь огромные валы были редкостью, но нам приходилось остерегаться крутых волн, которые совсем некстати врывались в Анакенскую бухту. Чтобы они нам не портили дело, мы перед полосой прибоя поставили на якорь наш самый большой спасательный плот в качестве своего рода плавучего мола. Катер подвозил сюда груз с судна, затем все перегружалось на маленький плот, и, если не было видно опасных

валов, он шел с накатом до самого пляжа. Так было налажено сообщение между берегом и судном. Катер вызывали с корабля гудком, с берега — флажками. Последний этап, в зоне прибоя, всегда бывал отмечен бранью, смехом и промоченными штанами. Частенько разгулявшиеся волны вынуждали кока и стюарда доставлять на берег свежий хлеб вплавь в непромокаемых резиновых мешках. Но хотя вода была холодноватая и малоприятная, зато пляж встречал нас ласковым теплом, и мы отлично себя чувствовали в солнечной долине королей. Одна за другой в Апакене выросли зеленые палатки, и вот уже возник мирный поселок на культовой площадке между поверженным богатырем и родовым поместьем Хоту Матуа. Наши пасхальские друзья, помогавшие перевозить снаряжение на берег, были поражены, когда увидели, где мы разбили лагерь. Бургомистр взволнованно вздохнул и торжественно произнес:

— Сеньор, как раз там Хоту Матуа тоже построил свой первый дом. Видите, вон — фундамент, а вон — кухня.

Опять нам долго вколачивали в голову этот факт, однако никто из пасхальцев не порицал наш выбор, и они охотно помогали ставить палатки. Прежде чем стемнело, один из них поймал несколько бродивших на воле коней, затем наши помощники попрощались и поскакали без седел в деревню.

В ту ночь я уснул поздно. Лежа, я глядел на лунный свет, просачивающийся сквозь тонкий зеленый брезент у меня над головой, и слушал, как волны бьются о берег там, где ступил на остров Хоту Матуа. Какое судно было у него, на каком он языке говорил?

Как выглядела тогда эта долина, был ли здесь лес, как на всех других островах Южных морей? Может быть, это род Хоту Матуа, заготавливая бревна и дрова, в конце концов свел весь лес и сделал остров таким, каков он сегодня: все холмы без единого дерева, так что негде укрыться от солнца? Меня несколько тревожило это полное отсутствие леса и кустарника. Вдруг в самом деле окажется, что мы зря ехали делать раскопки на остров Пасхи, ведь если он всегда был таким, как теперь, то не было растений, от гниения которых из года в год прибавляется почвенный слой. Исключая дюны на берегу и овечий помет среди камней, земля как будто та же, что во времена Хоту Матуа, такая же голая и сухая. В самом деле, если уж фундамент королевского дома видно до сего дня и он служит чуть ли не туристской достопримечательностью, то почвы здесь с воробьиный нос — и столько

же надежд открыть что-нибудь новое. С берега донесся гул двух-трех особенно мощных волн, и я погладил шишку на голове. Нет, раз мы сюда добрались, не отправимся дальше, на другие острова, пока не убедимся, что здесь бесполезно копать.

Археологи первые дни занимались рекогносцировкой в разных концах острова, остальные члены экспедиции продолжали перевозить снаряжение с судна и вели подготовительные работы. На острове не было ни одного ручья, но дно кратеров трех вулканов занимали болота и окаймленные камышом окна чистой воды. Дрова и питьевую воду приходилось возить за пять километров из Ваитеа — так называлась овцеферма, расположенная на пригорке посреди острова. Здесь насажена эвкалиптовая роща, и сюда из вулкана Рано Арои подается по трубам питьевая вода. Губернатор одолжил нам здоровенную баржу кустарного производства, пасхальцы привели ее к судну, и в один тихий день мы на ней свезли на берег экспедиционный джип. Теперь у нас было на чем возить воду и дрова. На Пасхе сохранились участки древних дорог, а в наши дни заведующий овцефермой расширил дорожную сеть, отбросив тут и там в сторону камни, так что можно пересечь на джипе весь остров, длина которого около пятнадцати километров. С помощью патера Себастиана и губернатора мы раздобыли и коней, и самодельные деревянные седла. Даже у самого бедного пасхальца есть по меньшей мере одна верховая лошадь, здесь никто не ходит пешком, потому что земля усеяна коричневым и черным вулканическим шлаком, местами так плотно, что только конскому копыту и пройти. Здешние дети, едва научившись ходить, уже осваивают верховую езду, и мы частенько видели, как по три малыша вместе скачут через камни на одном неоседланном коне — задний держится за среднего, средний за переднего, а передний цепляется за гриву.

Вдоль побережья попадалось много древних колодцев, вырытых подлинными мастерами и выложенных обтесанным камнем. Здесь первые жители острова научились пить солоноватую воду, которую находили, примечая, где в море вливаются ключи. Теперь в этих местах стоят ветряные мельницы и качают воду для овец; мы поили тут лошадей и брали воду для стирки.

Наш боцман, он же искусный плотник, сколотил полки и столы для большой палатки-столовой. Стены из проволочной сетки защищали нас от давно завезенных на остров мух, позволяя спокойно работать и есть.

— Придется все-таки опустить брезент с наветренной стороны, — сказала Ивон. — А то сквозь сетку пыль пробивается.

— Пыль? Здесь на острове?

— Да, посмотри, — она провела по полке указательным пальцем, остался ясный след.

Я с восторгом смотрел на этот след. За несколько сот лет получился бы изрядный слой, не скоро сотрешь! Кажется, все-таки есть смысл вести раскопки на острове Пасхи! Может быть, именно отсутствие леса помогает ветру точить скалы и, будто снегом, осыпать мелкой сухой пудрой равнину. Бо́льшую часть, конечно, уносит в море, но и в траве, надо думать, что-нибудь застревает.

Вернувшись из разведки, археологи сообщили немало интересного. Они видели древнюю каменную кладку и решили ее исследовать, так как было похоже, что на острове до прибытия европейцев сменились две культуры. А чтобы получше ознакомиться с местными условиями, мы решили, что археологи, прежде чем браться за большие задачи, проведут раскопки вблизи лагеря в Анакене.

Выбор пал на пятиугольную печь Хоту Матуа и напоминающий лодку фундамент рядом с ней.

Для такой работы используют не кирку и не заступ, а особую маленькую лопатку, которой очень осторожно скребут землю, углубляясь миллиметр за миллиметром, чтобы не повредить находки. Снятую лопаточкой землю просеивают сквозь тонкое проволочное сито, в нем остается все, что может представить интерес. Мы тщательно измеряли глубину раскопа, ведь чем глубже зарываешься, тем древнее то, что находишь.

Под самым дерном лежал осколок старинной каменной чаши вместе с наконечниками для копий и другими острыми орудиями из черного обсидиана. Дальше археологам стали попадаться обломки рыболовных крючков как из человеческой кости, так и из великолепно отполированного камня. Углубившись сантиметров на тридцать в землю рядом с печью Хоту Матуа, они наткнулись на какие-то камни, расчистили их и увидели пятиугольную печь такого же точно вида, как лежащая наверху. Но если верхнюю печь сложил родоначальник пасхальцев Хоту Матуа, то кто же до него готовил себе пищу таким же способом? Островитяне недоумевали, они, как и все приезжавшие на остров, приписывали первую печь и фундамент Хоту Матуа, ведь он точно жил тут. Продолжая скрести землю, мы находили все новые обломки рыболовных крючков, ракушки, осколки костей, древесный уголь и человеческие зубы. Уже и вторая печь осталась далеко наверху, мы решили, что добрались до древних слоев. И тут Биллу попа-

лась чудесная голубая бусина венецианского стекла. Он ее опознал — такими бусинами расплачивались европейцы при меновой торговле с индейцами двести лет назад. Выходит, мы находимся еще в эпохе первых европейских посещений! Бусина могла попасть на остров самое раннее в пору открытия его Роггевеном; то есть, мы дошли пока лишь до 1722 года. Обратившись к судовому журналу Роггевена, мы прочли, что первый островитянин, поднявшийся на борт его корабля, был вознагражден двумя нитками голубых бус, зеркальцем и ножницами. Вполне естественно допустить, что несколько бусин могли очутиться в обители короля в Анакене. Копая дальше, мы вскоре наткнулись на сплошную гальку без каких-либо следов деятельности человека.

Во всяком случае теперь было ясно, что есть прямой смысл вести раскопки на безлесном острове Пасхи. Можно приниматься за дело всерьез. Только надо было нанять островитян, потому что для некоторых намеченных нами объектов требовалось больше людей, чем мы могли выделить из состава экспедиции.

В эти первые дни мы почти не видели островитян. Опасаясь краж и недоразумений, патер Себастиан упросил нас объявить лагерь табу для всех пасхальцев, у кого не было особых поручений. Помешать нашим ребятам знакомиться с веселыми вахинами было невозможно, патер отлично это понимал, и он предложил: если ребята захотят повеселиться, пусть едут сами в Хангароа, не то очень скоро вся деревня переберется к нам. Мы согласились и натянули веревку вокруг лагеря, она как бы обозначала границу запретной области. Эффект был в общем и целом поразительный. Правда, не считая горстки пастухов, мало кому дозволялось бродить в этой части острова. Ведь стоило пасхальцам выйти за деревенскую ограду, как они непременно пользовались случаем стащить овечку-другую. Однако на таком маленьком островке трудно ограничить свободу передвижения.

В одну из первых ночей возле лагеря пропали две канистры, а кто-то срезал и унес отличную веревку, которой мы обнесли лагерь. Патер Себастиан считал, что ее присвоили для оснастки одной из лодок, подготовленной для побега в океан. После этого губернатор прислал Касимиро и Николаса, чтобы они дежурили вокруг лагеря. Это были деревенские полицейские. Насколько Николас был толст и дороден, настолько же старик Касимиро был тощ и высок и к тому же удивительно похож на сутулое чучело с кривыми коленями, излюбленный предмет резчиков острова Пасхи. Не будь эта фигурка известна еще во времена капитана Кука, можно было бы заподозрить Касимиро в том, что он для

нее позировал. На боку у него висел в громадной кожаной кобуре старинный револьвер, и стоило Касимиро увидеть кого-нибудь из своих соплеменников независимо от пола и возраста, как он принимался кричать и размахивать револьвером, пока виновный не исчезал за пригорком в облаке пыли. А сутулый старик, пошатываясь, шел в запретную зону и садился в тени палаток.

Мы полюбили старого Касимиро. Правда, он казался придурковатым, но зато был на редкость кроткий и добрый человек. О Николасе тоже ничего худого не скажешь, но к нему почему-то не было такого сочувствия. Делясь с ними обедом, мы самое вкусное всегда отдавали худущему Касимиро, ему в жизни не приходилось так есть, и карманы его были набиты драгоценными сигаретами. Старик чувствовал себя как на седьмом небе, и лень все чаще его одолевала. Знай себе лежит, потягивается у палатки со своим чудовищным револьвером. Настал день, когда он решил как-то отблагодарить нас за угощение. Пробравшись в мою палатку, Касимиро вполголоса сообщил, что на острове птицечеловеков есть пещера с «важными предметами». Еще мальцом он побывал там вместе с отцом и еще несколькими мальчишками; отец попросил ребят обождать, а сам ушел за скалу и забрался там в тайную пещеру. Касимиро не видел входа, он был закрыт камнями, но, если я отвезу его туда на нашей лодке, так, чтобы никто в деревне об этом не знал, он покажет, где стоял в тот раз. И если я найду пещеру, мы поделим сокровища. Глаза старика светились...

Я не принял всерьез его слова. Такие же предложения слышали и участники экспедиции Раутледж, и патер Себастиан. Стоило завоевать доверие пасхальцев, и непременно среди них оказывался охотник показать место, где находилась тайная пещера, надежно скрытое хранилище старых деревянных дощечек с письменами — *ронго-ронго*, как называют их островитяне. В музеях мира собрано всего два десятка таких дощечек, поэтому им нет цены, и пасхальцы отлично это знают. Но всякий раз, когда доходило до того, чтобы посетить пещеру с *ронго-ронго*, поход выливался в бесплодные поиски, найти потайной вход было невозможно. Туземцы объясняли это тем, что пещеру завалил оползень или обвал.

И вот наше первое воскресенье на острове.

Патер Себастиан намекнул, что рад будет видеть нас в церкви, если мы захотим послушать пение пасхальцев. Поэтому я собрал всех членов экспедиции, как научных работников, так и моряков,

и объяснил, что в Полинезии церковь играет особую роль. Это не только столп, на котором зиждется мировоззрение островитян, получающих здесь некий заменитель своей древней веры в Тики и Маке-Маке. Церковь — общественный центр, единственное место, где туземцы собираются вместе, надев свои лучшие наряды, ведь на уединенных островах Полинезии нет ни клуба, ни кино, ни рыночной площади. И если в воскресенье вы не придете к ним, потом можете вообще не приходить, островитяне привыкли фанатично относиться к своей церкви и отказ прийти воспринимают как демонстрацию, враждебный выпад. На одних островах жители протестанты, на других — католики, мормоны или адвентисты в зависимости от того, какой миссионер первым туда попал и выстроил церковь. Неискушенный гость может нечаянно задеть чувства туземцев.

— Я атеист и никогда не хожу в церковь,— сказал Карл,— но если это, по-твоему, нужно, я охотно пойду с вами.

И мы всем гуртом — атеисты, протестанты, католики — двинулись кто верхом, кто на джипе через холмы к деревенской церквушке патера Себастиана.

Перед ней собралось уже все население — белые рубашки, пестрые платья, все постирано, выглажено ради воскресного дня. Вместе с благоговейно настроенными мужчинами и женщинами, детьми и взрослыми, старцами и новорожденными, даже еще не родившимися малютками мы вошли в необычную, без башни, церковь. Солнечная деревня опустела, зато церковь была битком набита, сидящие с краю еле-еле умещались на скамейках. Впрочем, и сюда тоже проникло солнце. Его лучи пучками пробивались сквозь щели под потолком, освещая веселые краски и веселые лица, да и пичуги проникали внутрь и с беззаботным щебетанием порхали между балками. Патер Себастиан надел поверх белой сутаны широкую весенне-зеленую мантию. Кряжистый, добродушный, с пышной бородой, он напоминал доброго дедушку. Царила приподнятая атмосфера, как в опере. Главным было пение. Псалмы исполнялись на полинезийском языке, большинство — на мелодии старинных местных песен. Все до единого пели, кроме нас. Мы слушали и не могли наслушаться: так ладно и так звонко умеют петь только туземцы Южных морей.

Богослужение патера Себастиана отличалось простотой, проповедь была мудрой и ясной. Наши друзья — «пираты» и их веселые вахины слушали его так же увлеченно, как дети смотрят ковбойский фильм. Патер обратился с приветственным словом к нам, чужестранцам, и пожелал успеха экспедиции, а всех островитян

призвал всячески помогать нам, дескать, мы, хотя и придерживаемся иной веры, все равно христиане и у нас общие идеалы.

С этого дня мы стали как-то ближе пасхальцам; раз патер Себастиан нас одобрил, значит, мы люди достойные.

После богослужения членов экспедиции ожидал чудесный обед у губернатора. Помимо хозяев и патера Себастиана мы здесь встретили почти всех белых поселенцев: двух монахинь, работающих в лепрозории к северу от деревни, чилийца — капитана авиации, который искал место, где можно построить аэродром для трансокеанской авиалинии, и двух помощников губернатора. Не хватало только деревенского врача и учителя. Этих двоих мы еще ни разу не видели, даже в церкви, и я заметил, что губернатор, жаловавшийся на порок сердца, обратился за помощью к нашему доктору.

Вечером, когда мы направлялись домой, нас остановил на дороге коренастый мужчина с чернущими глазами и жесткими черными волосами. Это и был деревенский врач. Он пригласил нас всех посмотреть хюлу; понятно, никто не стал отказываться. Пляски происходили в домике сестры бургомистра, причем там набилось столько народу, что кому-то пришлось вылезть в окна, чтобы мы смогли войти в дверь. Я с ужасом увидел, что по кругу ходит огромный кувшин с жидкостью цвета виски, которую наливали в стаканы, но это была всего-навсего агуа пуро, «чистая вода», собранная с крыши. Тем не менее в комнате было очень весело, звучали шутки на четырех языках и громкий хохот, когда вахины приглашали на танец смущенных моряков и неуклюжих ученых и те корчились, как уж на сковородке. От шума и возни, наверно, рухнули бы стены, если бы снаружи их не подпирало еще больше людей, жаждавших хоть одним глазком заглянуть в окна. Четверо гитаристов играли и пели. В разгар веселья деревенский врач протиснулся ко мне, ему не терпелось обсудить со мной важные политические проблемы.

— Моя цель — открыть этим людям окно в мир,— сказал он.

«В самом деле, не худо бы,— подумал я,— скоро тут совсем нечем будет дышать». Но врач подразумевал другое, и мне пришлось выйти с ним наружу, чтобы выслушать его излияния.

Оказалось, что он и учитель стоят в оппозиции к остальным белым на острове.

— У нас в жилах течет индейская кровь.— Он показал на свои сверкающие черные глаза.— Мы хотим, чтобы островитяне покинули этот остров и познакомились с жизнью на материке.

«А патер Себастиан этого не хочет»,— подумал я. Он боится, что они, получив неограниченный доступ к спиртному, живо сопьются. Боится, что их там будут нещадно эксплуатировать и они пропадут.

— Мы хотим поднять их жизненный уровень до современных требований,— продолжал деревенский врач.— Хотим, чтобы все босые обулись.

«А патер Себастиан считает это неразумным»,— думал я. Я сам однажды слышал, как он говорил, что местные жители, не знающие ботинок, лучше кого-либо перемещаются по здешнему каменистому грунту, которого никакая обувь не выдерживает. Кое-кто пробовал ходить в ботинках, так у них кожа на ступне быстро становилась нежной, и, разбив обувь, они потом резали себе ноги в кровь.

«Похоже, у каждого из этих вопросов есть две стороны»,— заключил я. Причем мнение патера Себастиана основано на опыте целой жизни, а этот молодой врач прибыл на остров с последним кораблем.

— Будете уходить, дайте музыкантам тысячу песо, а еще лучше пятнадцать долларов в твердой валюте,— сказал врач и добавил: — Они этого ждут.

— Но ведь вся компания угощается нашим шоколадом, и курит наши сигареты, и веселится вместе с нами,— возразил я.

— Разве вы в Европе не платите оркестру, когда приходите на танцы? Если вы ничего не дадите музыкантам только потому, что они местные, в другой раз вас никто не пригласит.

Я потихоньку собрал своих ребят, мы поблагодарили всех и отправились к себе в лагерь. Мы ничего не заплатили, но в приглашениях на хюлу в деревню Хангароа не было недостатка, пока мы находились на острове.

Мы набрали изрядное количество местных рабочих. Одни ночевали в деревне и приезжали каждое утро верхом, другие перебрались в пещеры по соседству с раскопками. Чтобы высвободить побольше наших собственных людей, мы наняли также четырех женщин, которые помогали в лагере с уборкой и стиркой. Одна из них, Эрория, была чудесным человеком и неутомимой труженицей. На первый взгляд она могла показаться мрачной и суровой, но стоило ей улыбнуться, и грозовая туча исчезала, грубоватое лицо Эрории сияло ярче солнца. Вот уже много лет она работала домоправительницей патера Себастиана и показала исключительную добросовестность, за что ей теперь и был поручен присмотр за лаге-

рем. Как ни удивительно, Эрория и ее престарелая золовка седая Мариана слыли на острове самыми рьяными охотниками за пещерами. Вооруженные стеариновой свечкой и железным крюком вместо лопатки, они неутомимо разыскивали древние жилые пещеры, в полу которых откапывали каменные топоры и костяные орудия своих предков для коллекции патера Себастиана.

— Только в пещерах и можно что-нибудь найти,— сказал патер Себастиан.— Возьмите с собой Эрорию и Мариану, пусть они покажут вам все старые пещеры, которые нашли.

Дождавшись, когда мои товарищи развернули раскопки, мы оседлали четырех коней, на которых Эрория, Мариана, наш фотограф и я отправились исследовать пещеры. В первый день мы с раннего утра до позднего вечера ходили из одного подземелья в другое. В некоторые из них, совсем открытые, попасть было просто, нагнул голову — и входи. У других вход был тщательно заложен камнями, оставалось только небольшое квадратное отверстие, хочешь войти — опускайся на четвереньки. Но большинство пещер представляли собой настоящие мышеловки, даже на четвереньках не проникнешь. Просовывай в щель прямые ноги, а затем, вытянув руки над головой и извиваясь по-змеиному, протискивайся через длинный и чудовищно тесный ход. Эти ходы были искусно выложены камнем, нередко — тщательно обтесанными плитами. Они пронизывали склон по горизонтали или наклонно, но были и такие, что шли вертикально вниз, словно дымоход,— знай, притормаживай бедрами и плечами, пока сквозь потолок не попал в темную, хоть глаз выколи, полость. Чаще всего эти пещеры были такие низкие, что в них можно было стоять лишь пригнувшись, а то и вовсе только сидеть на корточках. В таких подземельях обитали в прошлом пасхальцы, во всяком случае в тревожные, смутные годы, когда не могли чувствовать себя в безопасности в камышовых хижинах на воле. Здесь они скрывались от европейцев. Обычно эти подземные убежища были размером со среднюю ванную комнату, и там царила такая темнота, что собственной руки не видно. Пол — холодная земля, толстый слой жирной почвы, удобренной многочисленными отбросами и плотной, как покрышка, потому что тысячи рук и ног ее утрамбовали. Потолок и стены — голая скала, кое-где выровненная искусной кладкой.

В одном месте мы попали в нечто вроде огромного колодца с каменной облицовкой. Через узкую дыру на дне можно было проникнуть в три пещеры, лежащие уступом друг над другом. Эрория показывала их нам с особым благоговением, здесь жил ее дед, это

была, так сказать, ее «родовая усадьба». Мариана и Эрория основательно изрыли пол пещеры своим железным крюком. В разрыхленной почве мне попался отпиленный кусок человеческой кости с отверстием в одном конце, чтобы можно было повесить на шею как амулет.

Ближе к побережью Мариана показала нам заросший травой фундамент старой камышовой хижины, остатки которых встречались нам очень часто. Здесь родился ее свекор, отец Эрории, и здесь он жил до тех пор, пока все обитатели острова не переселились в деревню Хангароа, где их крестили.

«Выходит, пасхальцев крестили совсем недавно»,— подумал я, глядя на одетых в брюки женщин, по виду и поведению которых могло показаться, что остров цивилизован со времен Ноя.

Фундамент очертаниями напоминал планшир большого вельбота. Заостренный с концов, он был сложен из умело обтесанных и даже красиво округленных плит с глубокими отверстиями в верхней плоскости. В отверстия вставляли прутья, они служили остовом, на котором укрепляли камыш. Если все эти хижины были обитаемы в одно время, население Пасхи достигало изрядной цифры. Мариана и Эрория нашли очень много жилых пещер. В большинстве из них они уже покопались железным крюком, но некоторые еще оставались «запертыми», иначе говоря, никто не бывал внутри с тех самых пор, как последние обитатели покинули подземелье и завалили вход обломками. Однажды, отодвинув глыбу в сторону, я увидел притаившуюся компанию из четырнадцати скорпионов. В другой раз проход под камнем оказался настолько тесным, что мне пришлось опорожнить все карманы и снять рубашку, да и то удалось протиснуться далеко не с первой попытки. В мрачном тайнике мой фонарик осветил белые человеческие кости. Осторожно приподняв череп, я увидел под ним поблескивающий черный обсидиановый наконечник для копья и осиное гнездо. На мое счастье, гнездо было пустым, не то досталось бы мне на орехи, пока я выбирался из тесной ловушки.

Возвращаясь вечером домой, мы пересекли западнее лагеря каменистую возвышенность. Вся земля здесь была усеяна обломками лавы, местами они образовали осыпи. Мы спешились у одной такой осыпи, которая ничем не отличалась от тысяч других. От своего сына Мариана слышала, что он видел здесь вход в пещеру «другого рода». Я не представлял себе, как она сумела отыскать нужную осыпь в этом царстве камня, тем более по одному только устному описанию. Правда, Мариана, быть может, заблудилась бы в лабиринте городских улиц.

К этому времени мы с оператором считали, что эти внучки пещерных жителей уже сделали нас мастерами по преодолению узких шахт. Следуя их советам, мы всегда протискивались в ход ногами вперед, вытянув руки над головой, а также, если ход не был вертикальным, спиной вниз и носом вверх. Однако на этот раз старушка Мариана сперва легла на живот и посветила в квадратное отверстие, которым начиналась отвесная шахта, после чего попросила меня протискиваться вниз, глядя в строго определенном направлении. Подчиняясь силе тяжести, я медленно спускался, притормаживая бедрами и плечами, потому что руки пришлось держать навытяжку над головой. Шахта оканчивалась тупиком, и я стал на дно все в том же положении. В самом низу в одной стенке оказалось небольшое квадратное отверстие, туда надо было просунуть ноги. Сжатый плитами облицовки, я сперва медленно сел, не сгибая колен, затем начал следом втискивать корпус и в конце концов оказался лежащим горизонтально на спине в узкой трубе. Ах, где ты, квартира со всеми удобствами и лифтом! До чего же скверно быть замурованным в подземелье: нос чуть не уткнулся в камень, руки неловко зажаты над головой, и не подтянуть их, отчего чувствуешь себя особенно беспомощным в каменной норе. Кажется, сплошные стены все сильнее сжимают голову, крича: «Руки вверх! Сдавайся!» Лучше не слушать этот крик и не пытаться выдернуть руки, все равно ничего не выйдет, лучше вообще ни о чем не думать, а ползти дальше, подтягиваясь пятками и отталкиваясь лопатками, пока не почувствуешь, что можно согнуть ноги в коленях и поболтать ими в пустоте. Или что дальше хода нет и ступни уперлись в камень. В последнем случае догадываешься, что труба опять изгибается под прямым углом, надо, по-прежнему с вытянутыми над головой руками, повернуться на живот и нащупать ногами дальнейший путь, новый тесный вертикальный ход, заканчивающийся последним коварным изломом, который держит тебя в крепких тисках, пока ты, напрягая все силы, не извернулся, ввинчиваясь в следующее горизонтальное колено. Внезапно стенки расступаются — значит, ты наконец продавился в пещеру, можно подтянуть руки, освободиться из плена, смахнуть песок с лица и вообще двигаться без помех, правда, оберегая голову от удара о свод, пока не зажжен фонарь.

Только на второй или третий раз я приспособился при спуске удерживать в руках карманный фонарик. Это позволяло мне рассмотреть пройденные участки тесной шахты. И везде стенки были превосходно облицованы гладкими плитами без какого-либо связующего раствора. Каждая шахта представляла собой в сечении

правильный квадрат не шире обычного дымохода. В некоторых плитах я увидел симметричные отверстия — они были взяты из фундаментов старых хижин. Выходит, те, кто выкладывал эти ходы, разломали уютное, светлое жилище, чтобы соорудить себе взамен отвратительную нору.

Но когда я в первый раз, будто змея, ввинчивался в темные подземелья острова Пасхи, у меня не было с собой даже спичек, а скользкий пол сулил неприятные сюрпризы, поэтому я предпочел стоять, как слепой, на месте и ждать во мраке. Напрягая слух, я услышал, что по шахте спускается вниз следующий. И вот уже Мариана рядом со мной и зажигает свой верный огарок. Да много ли толку от него. В недрах горы царил такой густой мрак, что я разглядел лишь искрящиеся глаза Марианы в окружении глухих морщин да шапку седых волос. Словно гротескное лицо в ночи за окном. Она и мне вручила огарок и зажгла его от своего. Держа свечи в вытянутой руке, мы различили в стене бугры и выступы. На полу лежали черные наконечники от копий. Тут и Эрория появилась, она долго пыхтела и шумела, но все же одолела шахту. Женщины рассказали мне, что это не обычное жилье, а убежище на случай войны — сюда не мог проникнуть враг. Н-да, судя по толщине утрамбованного слоя мусора на дне пещеры, войн было много и длились они подолгу. Я не мог понять, как люди отваживались заползать в такие крысоловки во время войны, ведь противнику достаточно было набросать камней в шахту, чтобы заточить их навеки. Может быть, тайна их спасала? Лишь бы никто не проведал об убежище, а там — накрыл вход камнем, и не так-то просто будет найти беглецов.

В одной стене было отверстие, и я пролез в него, сопровождаемый Марианой и Эрорией. Мы очутились в другой, более просторной пещере, а протиснувшись сквозь ход в ее задней стене, попали в подземную полость, где свод был так высоко над нами, что мы не видели его при свечах. Путешествие в недрах горы продолжалось. Местами было широко и просторно, как в железнодорожном туннеле, потом приходилось ползти на четвереньках по камню и глине или даже извиваться на животе, пока свод не поднимался, образуя новые обширные залы. Оборачиваясь, чтобы проверить, поспевают ли мои спутницы, я каждый раз видел лицо Марианы. Она шла за мной по пятам, боясь хоть на шаг отпустить от себя. Мариана учила меня остерегаться расшатавшихся камней в своде, ям и трещин в полу. В одну из полостей откуда-то просачивалась вода, и путь нам пересек ручей. Мы последовали за ним в боковой ход. Здесь люди вырубили в камне желоб, он вел к искусствен-

ным водоемам не больше таза. Я ополоснул руки в нижней яме, а в верхней набрал ладонями воды и напился. Холодная, прозрачная, вкусная — в сравнении с водопроводной водой будто изысканное вино. Что ж, пожалуй, эти пещерные жители разбирались в прелестях хорошей воды лучше нас, привыкших к третьесортной влаге из железной трубы.

В толще горы пещера многократно разветвлялась, и самые дальние ходы представляли собой тесные катакомбы с ровным полом и гладким, без малейших неровностей, сводом. Так и чудилось, что тут приложил руку человек, на самом же деле это оставили свой след огромные пузыри вулканического газа, которые пробивались сквозь огненное месиво в ту далекую пору, когда остров Пасхи представлял собой сплошную расплавленную лаву. Местами туннели сужались так, что облекали тело, словно сшитый в обтяжку костюм, тогда мы подолгу ползли на животе. Одни из них приводили к небольшим пустотам в виде колокола, другие были закупорены камнями, третьи сами сжимались, не пуская нас дальше.

Мы посетили немало обширных подземелий, которые, словно бусины на шнуре, были нанизаны на уходящие в недра каналы. В каждом случае выход на поверхность был искусно выложен камнями так, что внутрь можно было попасть только через узкие, в одно или несколько колен, ходы — никакому противнику не пробраться. Во многие из самых больших пещер просачивалась вода, и дважды мы видели запруды, а в самой глубине третьей пещеры нашли облицованный колодец с ледяной водой, и пол вокруг него был вымощен камнем, да еще на три метра возвышалась каменная терраса.

В этих вместительных убежищах могло укрыться все население острова Пасхи, однако, судя по всему, каждый ход принадлежал одному роду или родовой группе в ту пору, когда из-за кровавых усобиц островитяне чувствовали себя в камышовых хижинах ненадежно. Бродя по этим темным помещениям, я думал о том, как неразумно устроились обитатели этого солнечного островка, уйдя под землю, вместо того чтобы жить на поверхности в мире со своими соседями. Но тут мне вспомнился наш собственный мир — ведь и мы в двадцатом столетии тоже со страху роем себе убежища глубоко под землей, с тех пор как затеяли возню с атомной бомбой. И я простил непросвещенных предков Эрории и Марианы.

Сытый по горло глухими подземными закоулками, где видения прошлого смыкались с картинами будущего, я полез через изви-

листый проход вверх и почувствовал невыразимое облегчение, очутившись на воле, в солнечном настоящем, где паслись овцы да кони стояли, слушая голос прибоя.

Восемьдесят минут ушло у нас на то, чтобы пройти и проползти по всем ходам первой большой пещеры, и, только выйдя наверх, мы вновь увидели нашего оператора. Выяснилось, что он натерпелся страху. На полпути вниз его одолел в шахте приступ клострофобии, и он предпочел выбраться обратно, чтобы ждать нас наверху. На предыдущие пещеры мы тратили по нескольку минут, ведь речь шла пока лишь об осмотре, а не раскопках. И когда прошло четверть часа, оператор встревожился, сунул голову в ход и позвал нас. Не получив ответа, он не на шутку испугался. Долго он звал и аукал, так что гул стоял в туннеле, но его услышал только старик Касимиро, который примчался откуда-то со своим револьвером и вместе с оператором простоял у входа, пока мы не вылезли наружу.

Последней выбралась Мариана. Она подошла к камню и взяла с него свою соломенную шляпу с широченными полями. Мариана советовала нам всегда брать с собой шляпу или что-нибудь еще, чтобы оставить около пещеры, если мы в одиночку отправимся в подземелья. Она рассказала нам про чилийских моряков, которые в поисках клада забрались с местным проводником в пещеру. У них погас фонарик, и, прежде чем они успели вернуться к шахте, кончились спички. В темноте они заблудились и не могли найти выход. Их спасло то, что они оставили на земле у входа свои бескозырки и куртки. Проходивший мимо островитянин увидел вещи и понял, что под землей кто-то есть.

Наши археологи раскопали пол в нескольких пещерах, где по буграм было видно, что жители оставляли отбросы. Они нашли множество рыбьих костей и раковин, попадались куриные кости, реже — черепашьи. Даже крысиное и человеческое мясо входило в стол; его жарили в земляной печи на раскаленных камнях. В этих пещерах жили каннибалы. Их двуногие враги были единственной дичью на всем острове, не считая маленькой местной крысы. Сидя в темноте у своих нехитрых каменных светильников, пещерные жители роняли в мусор на полу тонкие швейные иглы из человеческой кости, и этих игл со временем накопилось изрядное количество. Кроме того, мы нашли простейшие орудия из камня, кости и обсидиана, а также амулеты из кости и ракушек. Больше ничего. Мы недоумевали. Неужели руками этих запуганных, примитивных людоедов созданы преобразившие самый облик острова классические скульптуры гордых властелинов? Могло ли

отсталое во всем племя дать столь гениальных строителей и выдающихся художников, какими были авторы этих исполинских памятников? И как можно было организовать переноску монолитов, если население не было собрано в деревне, а ютилось в обособленных камышовых хижинах или даже в разбросанных по острову тесных каменных норах?

Я влез в узкий ход, ведущий в пещеру, где Билл при свете керосинового фонаря осторожно рылся лопаткой в земле. Подле него лежал мешочек с обугленными человеческими костями.

— Все те же следы примитивной культуры,— сказал он, доставая из земли два коренных зуба.— Посмотри, эти выродки пожирали здесь друг друга и выплевывали зубы на пол.

На острове Пасхи человеческое мясо ели не только в связи с ритуалами. Пасхальцы до сих пор рассказывают предания о воинах, которые предпочитали человечину рыбе и цыплятам. И есть легенды, упорно говорящие о предшествовавшем тем временам периоде величия, когда бок о бок с предками нынешних островитян короткоухими мирно жило племя длинноухих. Но длинноухие слишком нещадно заставляли короткоухих работать на себя, и дело кончилось войной, почти все длинноухие были сожжены во рву. С того дня кончилось ваяние статуй, из уже воздвигнутых многие свалили. Гражданская война, родовые усобицы и каннибализм не прекращались до той поры, когда на острове появился патер Эухенио и собрал пасхальцев в деревне Хангароа — тогда родители нынешних островитян сами еще были детьми.

Патер Себастиан был убежден, что на остров Пасхи прибыли два народа с различной культурой. И островитяне твердо стояли на этой версии. В своей книге патер указывает также, что пасхальцы во многом отличаются от обычных жителей Тихого океана, в частности здесь наблюдаются явные следы какой-то белой расы. Не только Роггевен и другие ранние мореплаватели заметили это. Патер Себастиан указывает, что, по преданиям самих островитян, среди их дальних предков многие обладали белой кожей, рыжими волосами и голубыми глазами. И когда патер Эухенио первым из европейцев поселился на острове, его поразило, как много людей с белой кожей среди островитян, которых он собрал в деревне Хангароа. Еще пятьдесят лет назад, когда прибыла экспедиция Раутледж, жители делили своих предков на две группы по цвету кожи, и они рассказали англичанам, что последний король на острове тоже был совсем белый. Светлокожие пользовались здесь особым почетом и уважением; как и на некоторых дру-

гих островах Южных морей, были звания, которые можно было получить, только пройдя особый ритуал «отбеливания», чтобы возможно больше походить на своих обожествленных предшественников.

Настал день, когда патер Себастиан пришел в лагерь, чтобы проводить четверых из нас в Ана о Кеке, священное убежище, где некогда «отбеливали» *неру*. Так называли избранных юных дев, которых в старину заточали в глубокое подземелье, чтобы они там стали возможно белее — это требовалось для определенных религиозных праздников. Девушки неделями не видели дневного света и других людей. Особо выделенные женщины приносили им еду и клали у входа в пещеру. Пасхальцы до сих пор помнят, что, когда возвращенные на остров рабы принесли с собой оспу, эпидемия не коснулась дев *неру*, но они умерли от голода в подземелье, так как некому было носить им еду.

Вход в девичью пещеру Ана о Кеке находится в крайней восточной части острова, а название означает «Пещера солнечного склонения». По пути к ней мы миновали самый восточный вулкан острова — Катики, за ним возвышаются три вершины, на которых испанцы некогда поставили свои кресты. Здесь тоже была жилая пещера, а рядом с ней в скале вырублена устрашающая сатанинская голова с такой огромной пастью, что я забрался в нее и весь спрятался за нижней губой от стекающей сверху дождевой воды. Но патер Себастиан повел нас дальше, на самый край обрыва, который спадает в море по всей кромке возвышенного полуострова. Наш проводник так беспечно зашагал вдоль пропасти, что мы дружно стали кричать, чтобы он отошел от края.

Сильнейший восточный ветер гремел в скалах и рвал одежду, и мы с трудом удерживались на ногах, а патер Себастиан в развевающейся белой сутане и черных башмаках знай себе шагал над самым обрывом, выискивая нужное место. Вдруг лицо его осветилось улыбкой, и он торжествующе взмахнул руками: есть, нашел! Отломил кусок бурой породы — дескать, смотрите, какая рыхлая, тут надо быть начеку, потом решительно занес ногу над обрывом, ветер с шумом рванул сутану и капюшон, мы вскрикнули, и патер Себастиан исчез. Карл настолько опешил, что где стоял, там и сел, придерживая шляпу. Я осторожно подошел к краю и глянул вниз. Отвесная стенка и далеко внизу — полоска берега, медленно набегающий пенистый прибой и уходящий в бесконечность океан, весь в белых барашках. Стоял сплошной гул от ветра и волн. А на узкой полке слева я увидел белую сутану патера Себастиана. Ветер ярост-

но трепал ее, но патер, плотно прижимаясь к скале, упорно продвигался наискось вниз.

До чего сильно дуло в этот день! Море кипело, и отраженный скалами ветер обрушивал на нас мощные порывы с самых неожиданных сторон. Я поймал себя на том, что беспредельно восхищаюсь старым священником, который не знал колебаний, он так сжился со своей верой, что страх ему был неведом. Казалось, он и по воде пройдет и не утонет. Вот он обернулся и, улыбаясь мне, сделал жест рукой вниз, потом указал себе на рот — дескать, надо захватить наши съестные припасы, мы перекусим там, внизу. От сильных порывов ветра меня так качало, что я предпочел, отступив от края, сперва снять рубаху и только потом взял свертки и отважился последовать за патером. Впрочем, подобравшись к полке, я уже не увидел ни его самого, ни хотя бы краешка белой сутаны, лишь бушующий прибой в двухстах метрах подо мной. Я никогда не был сильным скалолазом, а потому чувствовал себя далеко не уверенно, когда осторожно спустился на полку и, боясь дохнуть, двинулся следом за патером, крепко прижимаясь животом к скале. Шаг за шагом, шаг за шагом, каждый раз проверяя ногой прочность опоры. Но больше всего меня злил ветер. На моем пути вырос выступ, к тому же полку здесь отделяла от скалы трещина. Выветрившаяся порода больше напоминала землю, чем камень. Что ж, если она выдержала патера Себастиана, должна и меня выдержать... Я топнул ногой — не очень сильно.

Заглянув за выступ, я снова увидел патера. Он лежал в пещере, высунув наружу голову и плечи, причем вход был куда меньше входа в собачью конуру. Таким я и буду его помнить всегда — этакий пасхальский Диоген в бочке, очки с тонкой дужкой, широкие белые рукава и пышная борода. При виде меня он взмахнул руками и воскликнул:

— Добро пожаловать в мою пещеру!

Из-за шума я еле разобрал его слова. Затем он подался назад, освобождая место. Перебравшись на карниз у входа, от которого вниз до самого моря тянулась отвесная стена, я тоже протиснулся внутрь. И сразу все пропало — гул прибоя, свист ветра. Вначале была страшная теснота, но скоро свод ушел вверх, и в чреве горы я почувствовал себя надежно, спокойно. Снаружи проникала полоска света, и мы могли различить друг друга, а включив фонарик, я увидел, что неровные стены испещрены мудреными знаками и фигурами.

Так вот она, девичья пещера. Здесь бедные девочки сидели неделями, может быть месяцами, ждали, когда кожа у них побелеет,

и можно будет их вести и показывать людям. Высота свода не достигала и полутора метров, вдоль стен можно было рассадить от силы дюжину детей.

На секунду стало совсем темно, еще кто-то протискивался внутрь. Это был сопровождавший нас пасхалец. Патер Себастиан тотчас послал его за двумя остальными участниками похода — не совестно им мешкать, когда он, шестидесятивосьмилетний старик, уже указал путь. И вот мы сидим в кружок, закусываем. Обратив наше внимание на отверстие в задней стене, патер Себастиан сказал, что через этот ход можно углубиться в гору еще на триста восемьдесят метров. Но это такое путешествие... Кто его один раз совершил, второй раз не захочет. Примерно на полпути начинается страшно узкий туннель, только-только одному человеку ползти, а за этим туннелем лежат части скелета и челюсти, словно в погребальной пещере. И как только туда ухитрились доставить покойника — ведь толкать его впереди себя было невозможно, а тащить за собой — сам потом не выберешься.

Я надел рубаху, намереваясь двинуться дальше в глубь пещеры, но патер Себастиан только расхохотался: если бы я знал, что меня ждет! Да я с полдороги вернусь! И когда я все-таки полез в отверстие, за мной последовал лишь пасхалец.

За отверстием пещера разветвлялась, но ответвления тут же опять соединялись, образуя тесный лаз, где нам пришлось ползти. Потом свод ушел вверх, начался длинный просторный туннель, в котором мы даже смогли передвигаться бегом, чтобы сберечь время. Фонарик светил отвратительно, вполсилы, потому что батарейки пострадали в лагере, и на всякий случай я нес в кармане огарок свечи и коробку спичек. Сберегая батарейки, я то и дело выключал фонарь, и мы пробегали, проходили или проползали отрезок, который успели разглядеть при свете. Понятно, при этом мы несколько раз бодали свод, так что по волосам и шее скатывались со стеклянным звоном каплевидные осколки. Уйдя довольно далеко от входа, мы попали в такое место, где под ногами лежала сырая глина. А свод начал опускаться, пока не принудил нас стать на четвереньки и так шлепать по грязи. Потом пришлось и вовсе лечь на живот и ползти, загребая воротом и штанами холодную грязь.

— Отличная дорога! — крикнул я назад.

Мой спутник, извивавшийся в грязи позади меня, отозвался какой-то шуткой. Хотя вообще-то здесь было неприятно. Теперь я понимал, о чем говорил патер Себастиан. Но если он здесь прошел, то нам как-то неловко сдаваться на полпути. В следующую минуту я чуть не передумал. Я наполовину погрузился в жидкую грязь, но

свод опустился так низко, что дальше никак не пролезть. Фонарик водонепроницаемый, но как очистить стекло, когда сам купаешься в слякоти? Все же я разглядел, что ход сузился не только в вышину, но и в ширину, выбора просто нет. Патер Себастиан сумел протиснуться... Я нажал плечами и почувствовал, что, пожалуй, кое-как проберусь, если не станет еще теснее. Вспахивая грязь, со всех сторон упираясь в камень, я дюйм за дюймом продавливался сквозь щель. Хоть смейся, хоть плачь, и я не удержался, простонал «Отличная дорога» ползущему за мной бедняге, но его чувству юмора пришел конец.

— Плохая дорога, сеньор,— прохрипел он в ответ.

Пять метров тянулись эти тиски, которые не давали вздохнуть полной грудью, наконец мы одолели игольное ушко и очутились в полости, где лежали части скелета. Здесь было сухо и сравнительно высоко до свода, можно опять не только карабкаться на четвереньках, но кое-где и бежать. Да, если несчастным *неру* хотелось поразмять ноги во время своего долгого заточения, их ждала отнюдь не романтическая прогулка при луне. От этой мокрой грязи я продрог и весь окоченел, а когда посветил назад, проверяя, поспевает ли мой спутник, то увидел чучело вроде тех, которых дети лепят из глины. Одни зубы да глаза позволяли различить человека в окружающем нас мраке.

Ход заканчивался крутым и скользким подъемом, который вел к отверстию в своде. Не помню, сколько раз я съехал вниз на животе, прежде чем наконец вскарабкался и через отверстие проник в следующую камеру, которая формой напоминала колокол. Казалось, стены сглажены человеком, на самом же деле эту полость образовал пузырь вулканического газа. Патер Себастиан оставил здесь свечку. Мой огарок лежал в заднем кармане, и спина была еще сравнительно сухой. Я попробовал зажечь свечу патера, но она не хотела гореть, да и спички сразу гасли. По лицу градом катился пот, было тяжело дышать, я съехал с горки к дожидавшемуся меня «негру», и мы поспешили обратно — насколько можно было спешить при таком скверном освещении и низком потолке. То ползком, то бегом, похожие на двух жителей преисподней, мы продвигались вперед, наконец добрались до игольного ушка, с веселой шуткой шлепнулись в грязь и начали протискиваться в щель. Пасхалец полз вплотную за мной, и мы медленно двигались вперед, чувствуя, как ребра сжимаются под неумолимым давлением горы, которая не хотела даже на волосок приподняться для нас. Если путь в недра был долгим, то обратная дорога показалась нам еще длиннее. Мы попытались шутить, ведь осталось со-

всем немного, но эта слякоть меня раздражала, все лицо было в поту, и я уже начал уставать. И воздух плохой... Мы замолчали, все силы были направлены на то, чтобы протискиваться вперед с вытянутыми руками и при этом уберечь фонарик от грязи.

Кажется, только что вроде было попросторнее? Во всяком случае сейчас опять стало теснее. Странно, что этот узкий ход еще продолжается, пора бы нам очутиться в наружном туннеле. Усталый мозг взвешивал эту мысль, пока тело упорно сражалось с тисками. Внезапно перед самым носом я увидел в слабом свете фонаря крутой изгиб. Тут явно не пролезть. Неужели с той стороны этот лаз преодолеть настолько легче, что я даже не задумался, как трудно будет возвращаться через него? Странно, почему он мне не запомнился. Напрягая все силы, я продвинулся еще чуть-чуть, чтобы заглянуть в отверстие, и, лежа в каком-то немыслимом положении, сдавленный миллионами тонн сверху и снизу, с ужасом увидел, что здесь никак не пролезешь.

— Дальше некуда,— сказал я ползущему следом за мной пасхальцу. У меня все лицо было в поту.

— Продолжайте, сеньор, другого выхода нет,— простонал он в ответ.

Повернув голову, я еще на какую-то долю миллиметра втиснулся в щель между камнями. Потом направил вверх луч фонарика и убедился, что дальше ход намного у́же моей головы, я ни за что не пролезу.

Я поспешил выключить фонарик, теперь надо было беречь каждую искорку света, нас ждали неприятности. Размышлять можно и в темноте. Казалось, могучий горный массив полуострова Поике вдруг навалился на меня всем своим весом. Тяжело, ох, тяжело, и только хуже, если напрягаешься, лучше полностью расслабиться и сделаться возможно тоньше... Но гора все равно продолжала давить со всех сторон.

— Давай назад,— сказал я своему спутнику.— Дальше нельзя.

Он наотрез отказался и умолял меня протискиваться вперед, это единственный путь на волю из этой преисподней.

Нет, он ошибается. Я снова включил фонарь и, подавшись немного назад, осмотрел пол прямо перед собой. Какая-то смесь земли и сыроватой глины, видно ясный отпечаток моей рубахи и пуговиц, а там, куда я дотянулся руками,— отпечатки пальцев, но дальше суглинок и гравий явно не тронуты ни человеком, ни животным. Я снова погасил свет. Душно. Грудь стиснута. Пот течет ручьями. Может быть, древний ход обвалился от нашего продвижения или громкой речи? Но если свод обрушился, как мы про-

бьемся на волю, ведь землю и камни некуда отгребать! Сколько мы продержимся в этом отвратительном воздухе, пока остальные сообразят, в чем дело, и сумеют пробиться к нам? А может, мы не туда забрались, попали в другой ход, оканчивающийся тупиком? Возможно ли это, если вся девичья пещера представляет собой один сплошной туннель, который в этой части чуть шире человека?..

Пасхалец пробкой лежал сзади, да еще напирал на меня, все тело облепила грязь, и гора продолжала давить своими миллионами тонн тем сильнее, чем больше я об этом думал.

— Давай назад,— крикнул я.

А пасхалец в панике продолжал напирать на мои пятки, ведь он не видел, какая впереди узкая щель, и не пропустишь его, чтобы он мог посмотреть.

— Назад! Назад давай!

Похоже, еще немного, и мой сплюснутый спутник потеряет разум от страха. Крича «Давай! Давай!», я начал брыкаться. Это подействовало, дюйм за дюймом он пополз назад, и я последовал за ним. Медленно, осторожно, не то зацепишься или голова застрянет! Больше всего я боялся за голову, она ведь не упругая, как грудная клетка. Вдруг стало просторнее. Я ничего не понимал, от духоты кружилась голова. Неужели вернулись к скелету? Я посветил и увидел перед собой две щели, причем правая изгибалась вверх.

Так вот где мы ошиблись, вместо правого хода полезли в левый! Я окликнул островитянина, который машинально продолжал отступать.

— Нам сюда! — крикнул я и опять полез в левый ход, и мой спутник все так же машинально последовал моему примеру.

Как глухо звучат в пещере наши голоса... Опять становится все теснее и теснее, да что же это такое! Включив фонарь, я увидел перед собой то же самое непролазное отверстие. И понял, что у меня помутился разум. Ведь знал, что нам надо направо, и все равно второй раз полез в левую щель.

— Назад,— простонал я.

Теперь мы оба действовали как автоматы. Задом наперед выбрались обратно, причем я непрерывно твердил про себя: «Направо, направо, направо». Протиснулись в правый ход, и вот уже можно встать, бежать, ползти, в туннеле потянуло холодным свежим воздухом, и наконец мы через последнюю дыру выбрались в уютную пещеру с надписями на стене, где нас ждали наши друзья. До чего приятно было выйти из горы на волю, где шумел

ветер! Приятно вновь увидеть слепящий солнечный свет и безбрежный простор за обрывом, море и небо, сколько угодно места!

— Что, сдались? — нетерпеливо спросил патер Себастиан, от души смеясь нашему виду.

— Нет,— ответил я.— Но теперь мне понятно, как в этой пещере мог очутиться скелет.

— Это называется, ты был в пещере для «отбеливания»? — удивилась Ивон, когда я вернулся в лагерь.

По моему виду этого нельзя было сказать.

Я прошел прямо к воде и, не раздеваясь, бросился в волны.

Глава четвертая ЗАГАДКА ВЕЛИКАНОВ ОСТРОВА ПАСХИ

Если вы мечтаете о полете на Луну, можете для начала полазить по конусам потухших вулканов острова Пасхи. Мало того, что здесь вы будете бесконечно далеко от лихорадочной жизни нашего собственного мира, ландшафт тоже вполне сойдет за лунный. Маленькая приветливая Луна между небом и морем, покрытые травой и папоротником безлесные кратеры сонно зевают в космосе, позеленевшие от старости, давно уже утратившие пламенный язык и зубы. На острове сгруппировалось несколько таких мирных вулканов, зеленых снаружи и изнутри. Пора извержений прошла так давно, что на дне двух самых широких кратеров образовались небесно-голубые озера с ярко-зеленым гибким камышом, в которых отражаются гонимые пассатом облака.

В одном из этих кратеров, названном Рано Рараку, лунные жители явно развили особенно кипучую деятельность. Их не видно, но, когда бродишь безмятежно по траве, осматривая брошенные ими дела, так и кажется, что они просто попрятались в черных норах в земле. Прервав работы, они поспешно бежали, поэтому Рано Рараку оказался одним из величайших и удивительнейших памятников творения — это памятник неведомому и утраченному прошлому и предупреждение о бренности всего сущего. Гора местами сплошь иссечена, люди некогда врезались в вулкан с такой жадностью, словно это была сдобная булка, а ведь стальной топор лишь высекает искры, когда испытываешь им твердость скалы. Десятки тысяч кубометров камня отделены от горного массива и перемещены далеко в сторону от кратера. А в зияющих ранах в теле горы лежит больше полутораста каменных исполинов от едва начатых, до только что законченных. У подножия вулкана готовые идолы выстроились в ряды, словно целая армия сверхъестественных существ, и чувствуешь себя таким крохотным, когда приближаешься к этой горе, будь-то даже верхом или в джипе по

древней дороге, которую исчезнувшие ваятели проложили к своей гигантской мастерской.

Вы спешиваетесь подле скалы и вдруг видите в ее нижней части изображение человеческого лица — это не скала, а голова упавшего исполина. Вся экспедиция может укрыться под ней от дождя. Вы подходите к ближним фигурам, по грудь врытым в землю, и вам делается жутко, потому что вы не достаете даже до подбородка великана. А если вы попытаетесь влезть на лежащего плашмя богатыря, то почувствуете себя настоящим лилипутом, потому что взобраться на его живот — это же целая проблема. Зато потом можно свободно прогуливаться по телу и по лицу поверженного Голиафа и полежать на его носу длиной с хорошую кровать. Многие истуканы достигают десяти метров, а самый большой, еще не законченный, который лежит наискось на склоне, насчитывает двадцать два метра. Считая по три метра на этаж, этот каменный мужчина будет ростом с семиэтажный дом. Что и говорить — богатырь, настоящий горный тролль!

В кратере Рано Рараку загадка острова Пасхи, можно сказать, чувствуется во всем, здесь самый воздух насыщен таинственностью. Сто пятьдесят безглазых лиц молча вас обозревают. Тайна глядит на вас пустыми глазницами стоящих истуканов, глядит с каждого карниза, из каждой пещеры, где лежат, точно в колыбели или на смертном ложе, неродившиеся и усопшие великаны, безжизненные и беспомощные, потому что их покинула творческая мысль и созидательная сила. Так было здесь, когда ваятели оставили работу, и так будет всегда. Чопорные, гордые, стоят с поджатыми губами самые старые идолы, которых успели завершить, и всем своим видом говорят, что никакое долото, даже атомная энергия не заставят их раскрыть рот.

Но хотя рты великанов запечатаны семью печатями, о многом можно догадаться, когда ходишь по склонам горы среди тьмы незавершенных статуй. Куда бы мы ни залезли, где бы ни остановились, всюду нас, будто в комнате смеха, окружали огромные лица. Мы видели их анфас, в профиль, под всевозможными углами. Все они были поразительно схожи. У всех одно и то же стоическое выражение и необычно длинные уши. Мы перелезали через носы и подбородки, наступали на рты и громадные кулаки, а на полках вдоль склона над нами лежали еще и еще исполины. Научившись отличать искусственное от природного, мы убедились, что вся гора от самого подножия до кратерного гребня чуть не сплошь состоит из каменных тел и голов. И на гребне на высоте полутораста метров над равниной с незапамятных времен

лежали наполовину законченные богатыри, глядя на небо и парящих в нем коршунов. Но и тут не было конца полчищам истуканов, они спускались непрерывной чередой вниз по стене кратера в чрево вулкана. Вплоть до пышных зарослей зеленого камыша по периметру кратерного озера протянулась кавалькада чопорных, безмолвных каменных людей, стоящих и лежащих, завершенных и незавершенных, словно племя роботов, окаменевших от жажды в тщетных поисках живой воды.

Грандиозные работы, когда-то происходившие в кратере Рано Рараку, всех поразили и потрясли. Одна лишь маленькая Аннет спокойно отнеслась к этой картине.

— Сколько куколок,— радостно сказала она, когда я снял ее с коня и опустил на землю у подножия вулкана.

Правда, когда мы подошли поближе, масштабы оказались слишком велики. Аннет пряталась за шеи истуканов, не ведая, что над ней вздымается кверху каменная голова. Когда мама помогала маленькой девочке вскарабкаться на высокий уступ, та и не подозревала, что переместилась с верхней губы на нос лежащего великана.

А когда мы приступили к раскопкам, то удивились еще больше. На что огромными казались каменные головы у подножия вулкана, а мы, зарываясь в землю, сперва откопали грудь, потом живот, руки, наконец бедра и соединяющиеся ниже живота длинные тонкие пальцы с огромными кривыми ногтями. В земле перед идолом нам попадались человеческие кости и следы кострищ. Знаменитые головы смотрелись совсем иначе вместе с телом и руками, чем в энциклопедиях и географических справочниках, где они выглядят отрубленными. Но как ни увлекало нас это зрелище, оно не давало ответа ни на одну из загадок острова Пасхи. Мы немало потрудились, чтобы перебросить веревку через самые высокие головы, и лишь самые ловкие из нас отваживались карабкаться по веревке вверх. Труднее всего последний кусок — от брови и выше. Тут веревка плотно прилегала ко лбу богатыря, и уцепиться за нее как следует было невозможно.

Да, не просто даже без груза влезть по канату на макушку стоящего исполина. Но еще труднее понять, как могли втащить наверх и водрузить на голову огромную «шляпу», если учесть, что «шляпа» тоже каменная и при объеме до шести кубических метров весила столько же, сколько два взрослых слона. Как поднять двух слонов на высоту четырехэтажного дома, если нет подъемного крана или хотя бы сподручного бугра поблизости? Допустим, на макушку головы взобралось несколько человек,— разве

втащат они следом этакую махинищу, тут дай бог самим удержаться! А все те, кого можно разместить у подножия статуи, будут подобны беспомощным лилипутикам, их руки достанут разве что до живота истукана, а ведь надо этот тяжеленный груз поднять выше груди, подбородка и всей головы, на самую макушку! Металла пасхальцы не знали, леса на острове практически не было. Наши механики только пожимали плечами в недоумении. Мы чувствовали себя школьниками, которым задали непосильную задачку. Казалось, невидимые лунные жители радуются, сидя в своих норах, и поддразнивают нас: ну-ка, угадайте, как это было сделано?! Как мы спускали этих колоссов вниз по крутому склону и переносили через горы и долины туда, куда нужно?

Гадать было бесполезно. Прежде всего надо хорошенько осмотреться кругом: может быть, загадочные искусники прошлого оставили какие-то следы, хоть маленький намек.

«Смотри в корень!» — говорят, и мы решили сперва изучить многочисленных незаконченных идолов на полках в самóй каменоломне. Все говорило за то, что работа прекратилась внезапно: тысячи примитивных каменных рубил лежали на рабочих местах. И так как ваятели трудились одновременно над многими статуями, мы могли видеть все этапы. Сначала они в горной породе высекали лицевую часть, потом оба уха и руки с длинными пальцами, которые соединялись ниже живота. И наконец они врубались в камень с боков, формируя спину. Она первоначально напоминала днище лодки с острым килем, соединяющим изваяние с горой. Полностью вытесав всю лицевую часть, ее тщательно обрабатывали и полировали, только не делали глаз под крутыми надбровными дугами. До поры до времени великан оставался незрячим. Потом скульпторы срубали «киль» под спиной, подпирая при этом богатыря камнями, чтобы не скатился с обрыва. По-видимому, ваятелям было безразлично, где и как вытесывать статую — на отвесной стене или на горизонтальной плоскости, головой кверху или книзу. Незаконченные исполины лежали как попало, словно на поле боя.

Отделив спину, начинали головоломный спуск по склону к подножию вулкана. Иной раз многотонных колоссов спускали по отвесным обрывам, через полки, на которых тоже шла работа над идолами. Немало истуканов побилось, но подавляющее большинство спустили целехонькими, правда ног не хватало, ведь каждое изваяние заканчивалось плоским срезом там, где у человека начинаются ноги. Словом, длинный торс с руками.

Тысячи тонн осколков из мастерской перенесли ваятели к подножию вулкана, где выросли огромные осыпи и искусственные морены. В этих кучах рыли глубокие ямы и временно устанавливали богатырей. Только теперь можно было отделывать спину и шею исполина, а выше бедер спину украшали поясом с символическими изображениями. Этот узкий пояс был единственным одеянием нагих фигур, и все они, кроме одной, изображали мужчин.

Однако таинственное странствие каменных богатырей здесь не заканчивалось, после доделки спины они отправлялись к своим алтарям. Большинство пасхальских истуканов покинули гору, и совсем немного осталось ждать своей очереди у подножия вулкана. Готовые богатыри разошлись во все концы острова, до пятнадцати километров от мастерской, в которой им придали облик человека.

Патер Себастиан был как бы директором этого музея под открытым небом. Он исходил лунное царство вдоль и поперек и пометил номерами все статуи, какие обнаружил, итого больше шестисот. Все они были высечены из одной породы, изваяны в огромной мастерской на крутом склоне Рано Рараку. Только здесь вы увидите характерный серо-желтый цвет, по которому затем издалека опознаете статую, где бы она ни валялась среди других каменных глыб.

Самое удивительное, что ваятели перемещали не глыбы камня, которым толчки нипочем, а полностью законченные фигуры, полированные от мочки уха до лунки ногтей. Не хватало только глазниц. Как ухитрялись они переносить готовых идолов в такую даль, ничего не повредив, не поцарапав полировки? Этого никто не знал.

Доставив слепых истуканов на место, их не опускали основанием в яму, чтобы поставить торчком, напротив — каждого идола поднимали и водружали на *аху*, каменный алтарь высотой около двух метров. Только теперь вытесывали глазницы, только теперь богатырь мог увидеть, где он очутился. И наконец, в довершение всего на голову исполина надевали «шляпу» весом от двух до десяти тонн, что как раз и равно весу двух слонов.

Впрочем, слово «шляпа» неверно, хоть так и повелось говорить. Старое пасхальское имя этого огромного головного убора — *пукао*, то есть «пучок волос», такую прическу носили многие местные мужчины, когда на Пасху приплыли европейцы. Почему древние ваятели клали на макушку богатыря особый камень, изображающий *пукао*, а не высекали прическу сразу, вместе со всей

статуей? Да потому что главным в этом пучке волос был цвет. Пасхальцы отправлялись в другой конец острова и за десять километров от каменоломни Рано Рараку в небольшом заросшем кратере добывали породу красного цвета. Именно этот красный цвет был им нужен для волос. И тащили они с одной стороны серо-желтые статуи, а с другой — красные *пукао*, чтобы водрузить их на каждом из пятидесяти с лишним алтарей, сооруженных вдоль побережья. На большинстве постаментов стояло по два идола, часто их было по четыре, пять, шесть, а на одной платформе, высотой четыре метра, выстроилось пятнадцать рыжеволосых богатырей.

Но сегодня ни один из великанов не стоит на своем алтаре. Уже капитан Кук, а по всей вероятности даже Роггевен, приплыли сюда слишком поздно, чтобы застать все статуи на первоначальных местах, но большинство идолов еще стояли с красными *пукао* на голове. В середине прошлого века последний великан был сброшен с алтаря, и красный «пучок волос», будто окровавленный паровой каток, прокатился по мощеной площадке. Теперь вы увидите стоящими только слепых, безволосых истуканов у подножия вулкана с вызывающе задранным кверху подбородком. Они ушли в землю так глубоко, что их никто не мог повалить, а попытка срубить одну голову топором кончилась полной неудачей, палач смог высечь лишь чуть заметную борозду в каменной шее великана.

Последнего идола свергли с *аху* примерно в 1840 году, во время стычки каннибалов, поселившихся в пещере по соседству. Десятиметровую фигуру венчал *пукао* объемом в шесть кубических метров, а сама она стояла на каменной стене почти в рост человека. Мы измерили поверженного богатыря и определили его вес — пятьдесят тонн. Такую махину притащили сюда за четыре километра от Рано Рараку. Представим себе, что мы опрокинули вверх колесами десятитонный железнодорожный вагон, ведь в Полинезии не знали колеса́. Рядом с первым точно так же поместим второй вагон. Потом загоним в эти вагоны двенадцать коней и пять рослых слонов. Вместе это будет пятьдесят тонн, и можно тянуть, но мало сдвинуть груз с места, мы должны протащить его по камням на четыре километра, да так, чтобы ничего не повредить. Без машин, скажете вы, невозможно! Значит, исконные обитатели острова Пасхи совершили невозможное. Во всяком случае ясно, что это сделано не кучкой полинезийцев, любителей резьбы по дереву, которые, высадившись на остров, принялись долбить гору, потому что дерева не нашлось. Нет, рыжеволосые богатыри

классического типа изваяны мореходами из страны, народ которой издавна привык работать с тяжелыми монолитами.

Итак, наш пятидесятитонный груз доставлен. Теперь его надо поднять на каменную стену и поставить прямо да еще увенчать голову на высоте четырехэтажного дома «начесом». Этот «начес» один весит десять тонн, а доставлен он из каменоломни за одиннадцать километров, считая напрямик. Одиннадцать километров — изрядный путь по такой местности, и десять метров по любой мерке — внушительная высота, если надо поднять десять тонн — вес двадцати четырех добрых коней. Но люди справились с этим. А в 1840 году каннибалы все разрушили, расшатав кладку постамента, и в ознаменование сего подвига съели в пещере три десятка соседей.

Стоя на гребне кратера Рано Рараку, я любовался чудесной панорамой острова. Позади меня довольно крутой склон уходил в заросшее чрево вулкана, где небесно-голубое кратерное озеро блестело как зеркало, окаймленное широкой полосой небывало зеленого камыша. Возможно, камыш казался особенно зеленым рядом с пожухлой от засухи травой на косогорах. Прямо передо мной исчерченная полками стена мастерской спадала к площадке у подножия горы, где наши люди суетились, словно муравьи, роясь в коричневой земле вокруг истуканов. Стреноженные кони выглядели совсем маленькими перед могучими каменными богатырями. Мне хорошо было видно то, что можно назвать центром и фокусом загадки, прежде всего привлекающей внимание тех, кто попадает на остров Пасхи. Вот он, родильный дом истуканов; я стоял на громадном зародыше, а сколько их лежало на склонах кратера впереди и позади меня. На откосах у подножия как снаружи, так и внутри выстроились безволосые и незрячие новорожденные, напрасно ожидая, когда настанет их черед отправляться в путь. С гребня я видел дороги, по которым некогда перемещались статуи. Несколько готовых идолов уже приготовились выходить из кратера, когда все работы внезапно были прекращены. Один из них успел добраться до гребня, другой даже перевалил в ложбину на наружном склоне. Но транспорт прервался, и они остались лежать, причем не на спине, а на животе. Вдоль расходящихся от кратера поросших травой древних дорог, расчищенных от камня, тут и там лежали по одной, по две, по три другие статуи. Тоже незрячие и безволосые, и было очевидно, что их не свергли с какого-либо пьедестала, а просто бросили по пути от Рано Рараку к соответствующему алтарю. Некоторые ушли довольно далеко от торчащих на горизонте конусов. А вон там, на

западе, отсюда и не видно, находится маленький кратер Пупа Пау, где ломали камень для *пукао*. Я уже спускался в него и на дне под крутыми стенками осмотрел с полдюжины цилиндрических «начесов», похожих на колесо парового катка. Древние мастера причесок переправили через обрывистый склон изрядное количество огромных глыб, и теперь они валялись в беспорядке под горой, дожидаясь, когда их поволокут дальше. Другие были брошены на пути к своим хозяевам, мы встречали их тут и там в степи. Я измерил самый большой *пукао*, извлеченный из кратера. В нем было больше восемнадцати кубических метров, он весил тридцать тонн — столько же, сколько семьдесят пять крупных лошадей.

Размах всех этих работ был так грандиозен, что не укладывался в моей голове. И я повернулся к пастуху, который стоял рядом со мной, молча глядя на кинутых вдоль дорог великанов.

— Леонардо,— сказал я,— ты человек деловой, скажи мне, как в старое время перетаскивали этих каменных богатырей?

— Они шли сами,— ответил Леонардо.

Не будь это сказано так торжественно и серьезно, я решил бы, что он шутит, ведь этот пастух в чистых брюках и рубахе был на вид такой же цивилизованный человек, как мы, а умом даже многих превосходил.

— Постой, Леонардо,— возразил я,— как же они могли ходить, если у них только туловище и голова, а ног нет?

— Они шли вот так.— Держа ноги вместе, не сгибая колен, Леонардо продвинулся немного вперед по скале, потом снисходительно спросил меня:

— А ты как думал?

Я не нашелся, что ответить. И многие до меня тоже становились в тупик. Ничего удивительного, что Леонардо полагался на бесхитростное объяснение своего отца и деда. Статуи шли сами. Зачем ломать себе голову, когда есть простой и ясный ответ.

Вернувшись в лагерь, я прошел на кухню, где Мариана в это время чистила картофель.

— Ты когда-нибудь слышала, как в старину перемещали больших *моаи*? — спросил я.

— Си, сеньор,— твердо ответила она.— Они шли сами.

И Мариана принялась рассказывать длинную историю о древней колдунье, жившей около Рано Рараку в ту пору, когда каменотесы высекали огромных истуканов. Эта колдунья своим волшебством оживляла каменных великанов и заставляла их идти, куда надо. Но однажды ваятели съели большого омара, а ведьму

У многих пасхальских статуй еще были на голове красные «парики», когда остров посещали первые европейцы (рисунок сделан участником плавания Лаперуза)

угостить забыли, она нашла пустой панцирь и так рассердилась, что заставила все статуи упасть ничком на землю, и с тех самых пор они лежат недвижимо.

Точно такую же историю про ведьму и омара поведали пасхальцы Раутледж пятьдесят лет назад. И теперь я с удивлением обнаружил, что, кого ни спроси, каждый по-прежнему держится за эту версию. Пока им не предложат более убедительного объяснения, они хоть до судного дня будут толковать про колдунью и омара.

Вообще-то островитян нельзя было назвать наивными. Правила не правила, а у них всегда находился какой-нибудь хитрый предлог, чтобы выбраться за пределы деревни и явиться к нам в лагерь со своими поделками. Почти все владели искусством резьбы по дереву, многие были истинными мастерами, но лучше всех работал бургомистр. Все спрашивали его изделия, потому что, хотя островитяне вырезали одно и то же, никто не мог сравниться с ним в изяществе линий и совершенстве отделки. Участники экспедиции завалили его заказами, только поспевай делать. В обмен за фигуры охотнее всего брали американские сигареты, норвежские рыболовные крючки и пестрые английские ткани. Пасхальцы были завзятыми курильщиками. Те, что в первую ночь побывали у нас на борту и выменяли несколько пачек сигарет, не выкурили их сами. Они помчались галопом в деревню и стали ходить из дома в дом, поднимая с постели друзей и родню, чтобы каждый получил по сигарете. Запас, полученный с последним военным кораблем, израсходовали несколько месяцев назад.

Среди тонких деревянных поделок попадались иногда каменные фигурки похуже: то наивные маленькие подобия больших идолов, то грубые головы с едва намеченными глазами и носом. Первое время владельцы пытались нам внушить, будто это старинные предметы, дескать, нашли в земле или в алтарях. Но мы только смеялись, и чаще всего они били отбой, лишь некоторые упорно стояли на своем.

Однажды в лагерь прискакала женщина и вызвала меня, мол, обнаружила в каменной осыпи что-то странное. Когда мы добрались до места, она осторожно принялась разбирать камни, и я разглядел маленькую свежеизготовленную копию знаменитых истуканов.

— Оставь ее,— сказал я женщине.— Она совсем новая, кто-то ее нарочно подложил, чтобы обмануть тебя!

Женщина заметно смутилась, и ни она, ни ее муж больше не пытались нас надуть.

В другой раз поздно вечером примчался запыхавшийся мужчина с потрясающей новостью ловя рыбу при свете факела, он нашел в песке на берегу маленькую статуэтку. Если мы ее хотим получить, он сейчас же нас туда проводит, хоть и плохо видно, а то ему надо спешить в деревню. Рыболов был явно озадачен, когда мы, подъехав на джипе, осветили фарами место находки. На траве лежала скверно сделанная фигурка, и даже песок, в котором ее вываляли, не мог скрыть, что она совсем новая. Под общий смех владелец упрятал свое уродливое изделие в мешок и потащил обратно в деревню. Ничего, сбудет какому-нибудь матросу, когда придет военный корабль...

Другую уловку применил пасхалец, который привел меня в грот с колодцами и странными барельефами на своде. Барельефы, изображавшие птицечеловеков и огромные глаза, были подлинными и очень мне понравились. Пока я их разглядывал, мой проводник с невинным видом забавлялся, роняя в воду комья земли. Вдруг он вскрикнул, я посмотрел вниз и увидел, как земляной ком медленно распадается в воде. Будто цыпленок из яйца, из него вылупилась малюсенькая куколка. Это было так неожиданно и потешно, что я расхохотался, хотя незадачливый плут не заслужил такой бурной реакции. И этот пасхалец тоже больше не пытался нас провести.

Правда, стремясь получить товары, которые мы привезли для обмена, пасхальцы иногда и впрямь отыскивали старинные вещи. Как-то раз за мной пришли молодые супруги — они нашли четыре необычные каменные головы. Как ни странно, головы лежали совсем близко от ограды, к востоку от губернаторской усадьбы. Когда мы туда прибыли, нас встретили какая-то старуха и ее дочь, истая ведьма, которая, казалось, готова была выцарапать нам глаза. Они были вне себя от ярости и сыпали ругательствами с такой скоростью, какую только полинезийский язык допускает. Когда наши проводники пытались вставить слово, на них обрушивался залп брани. Мы с кинооператором решили присесть, обождать, пока извержение кончится. Наконец бабка чуть поостыла.

— Сеньор Кон-Тики,— сказала она.— Эти двое — воры и мошенники. Камни мои, их никто не смеет трогать! Я из рода Хоту Матуа, эта земля исстари нам принадлежит.

— Теперь не принадлежит! — перебил ее молодой пасхалец.— Теперь это пастбище военно-морского флота. А камни наши, мы первыми их нашли!

Старуха опять вспылила.

— Первыми нашли? Да как у вас язык поворачивается, воровское отродье! Эти камни принадлежат нашему роду, бандиты вы этакие!

Пока они с пеной у рта оспаривали друг у друга право собственности, я по их жестам понял наконец, где находятся камни, о которых идет речь. Старуха и ее дочь сидели каждая на одном из них, я — на третьем, а молодые супруги стояли возле четвертого. С виду это были обыкновенные валуны. И вспомнил я мудрого Соломона, как он, взяв меч, вызвался поделить ребенка между двумя женщинами, каждая из которых называла себя матерью. Здесь можно было бы решить спор кувалдой. Молодые, наверно, с радостью поддержали бы меня, зато старуха окончательно взбесилась бы.

— Дай нам только посмотреть на твои камни, мы с ними ничего не сделаем,— предложил я бабке.

Она промолчала, но не стала нам мешать, и мы перевернули валуны нижней стороной кверху. Четыре причудливые рожи с незрячими круглыми глазищами величиной с блюдце воззрились на небо. Ни капли сходства с классическими пасхальскими истуканами; скорее, похоже на устрашающих круглоголовых идолов Маркизских островов. Владелицы камней смотрели на нас в полном отчаянии. Молодые супруги откровенно торжествовали, предвкушая выгодную сделку. Обе стороны напряженно следили за нами. Мы закатили камни на место, повернув их лицом вниз, поблагодарили и ушли восвояси. Наши проводники стояли, разинув рот от удивления. А старуха — старуха, как мы потом убедились, крепко запомнила этот случай.

Тем временем произошло другое событие, которое заставило нас основательно поломать голову. Когда в Южные моря пришли европейцы, ни на острове Пасхи, ни в остальной Полинезии не знали гончарства. Это довольно странно, потому что гончарное дело было важной чертой древних культур Южной Америки, а народы Индонезии и Азии знали его еще раньше. На Галапагосских островах мы нашли множество черепков от южноамериканских изделий: во-первых, архипелаг лежит достаточно близко к материку и его не раз посещали древние мореплаватели; во-вторых, почвенный слой здесь настолько скуден, что он не мог скрыть следов старины. Совсем иначе было на острове Пасхи. Вряд ли древние жители Южной Америки часто добирались сюда со своими кувшинами, и то немногое, что они могли здесь разбить, давно исчезло под дерном. Тем не менее я привез с собой один черепок, чтобы выяснить у островитян, не видали ли они что-нибудь по-

хожее. Ведь такой черепок может рассказать детективу от археологии больше иной книги.

И вот первый сюрприз: несколько стариков, которых мы опросили порознь, назвали черепок *маенго*; этого слова не было в словаре патера Себастиана. Один из них слышал от своего деда, что *маенго* — это такая вещь, которой в старину пользовались на острове. По словам стариков, много лет назад один пасхалец попытался сделать из глины *маенго*, но что-то у него не получилось. Эрориа и Мариана припомнили, что им в какой-то пещере как будто попадались такие черепки, и дня два потратили на поиски этой пещеры, но впустую. Черепки находила и жена губернатора, копаясь у себя в саду. И наконец, один пасхалец по секрету сказал нам, что у него есть дома такой черепок.

Прошло несколько дней, прежде чем этот пасхалец — его звали Андрес Хаоа — смог принести свой черепок. С удивлением мы увидели, что сосуд был вылеплен пальцами на индейский лад, а не изготовлен на гончарном круге, как это делали европейцы. Я посулил Андресу щедрое вознаграждение, если он покажет, где подобрал черепок, чтобы мы могли отыскать там еще черепки и тем самым подтвердить достоверность находки. Хаоа привел нас к большой *аху* с поваленными статуями. Могучая каменная стена сильно напоминала классические инкские сооружения в Андах. Показав на кладку в верхней части платформы, Андрес сказал, что много лет назад нашел здесь между камнями три черепка. Рабочие-пасхальцы помогли нам осторожно снять несколько плит. Нашим глазам предстало необычное для Пасхи погребение: два целых скелета лежали навытяжку рядом. Подле них оказался ход в две камеры, накрытые каждая своей очень тщательно вытесанной плитой. В обеих камерах беспорядочно валялись старые черепа. Но глиняных черепков не было, и Андрес получил только часть обещанного вознаграждения.

На другой день Карл отправился туда с рабочими и археологическим снаряжением, потому что *Аху Тепеу* явно заслуживала того, чтобы ее тщательно изучить. Неожиданно один рабочий, старик, нагнулся и стал собирать черепки, да такие крохотные, что мы поражались, как он их заметил, и ведь больше никому ничего такого не попалось. В это время из деревни прискакали Арне и Гонсало. Одна местная жительница рассказала им, что Андрес Хаоа дал старику черепки, чтобы тот помог ему получить все вознаграждение. Приложив осколочки к черепку, который мне накануне дал Хаоа, мы тотчас убедились, что один из них точно подходит к излому. Андрес пришел в бешенство, когда узнал, что

его разоблачили, и наотрез отказался говорить, где на самом деле нашел свой черепок. Назло нам он отправился к патеру Себастиану и ошеломил старика, поставив перед ним на стол три целых глиняных кувшина.

— Вот, посмотрите,— возмущенно сказал Хаоа,— я их не покажу сеньору Кон-Тики, потому что он говорит, что я вру. А вот и не вру!

Патер Себастиан, который никогда не видел на Пасхе таких кувшинов, спросил Андреса, откуда он их взял.

— Мой отец нашел их когда-то в пещере и сказал, что в них удобно воду держать,— ответил Хаоа.

Опять ложь! Хаоа не держал воды в кувшинах, вообще не хранил их дома, об этом мы узнали от соседей, которые частенько наведывались в его скромный домишко и знали там каждый уголок.

Сразу после того, как патер Себастиан увидел загадочные кувшины, они бесследно исчезли. Стало одной загадкой больше. Сосуды не вернулись в хижину Хаоа, так откуда же они взялись, и вообще — что происходит?

А тут еще добавилась новая проблема. Я решил по совету старика полицейского Касимиро отправиться на легендарный остров птицечеловеков, поискать тайное хранилище *ронго-ронго,* о котором знал его отец. Пасхальцы с таким жаром толковали о дощечках с письменами *ронго-ронго*, будто бы по сей день хранящихся в «запечатанных» пещерах, что любой приезжий в конце концов заражался любопытством.

— Нам предлагали сто тысяч песо за одну дощечку,— говорили островитяне,— значит, настоящая цена им не меньше миллиона.

В глубине души я знал, что они правы. Но я знал также, что если кто-нибудь из них и найдет хранилище *ронго-ронго*, он вряд ли отважится туда войти. Ведь дощечки были для их предков святыней, и старые мудрецы, которые спрятали свои священные *ронго-ронго* в подземелье, когда патер Эухенио ввел на острове христианство, прочли заклинания и наложили *табу* на дощечки с письменами. Пасхальцы твердо верили, что всякого, кто к ним прикоснется, ждет смерть.

В музеях мира хранится не больше двух десятков таких дощечек, и до сих пор еще ни один ученый не сумел расшифровать надписи. Замысловатые письмена острова Пасхи не похожи на письмо других народов. На дощечках они искусно вырезаны в ряд и образуют своеобразный серпантин, причем каждый второй ряд

стоит вверх ногами. Почти все хранящиеся в музеях *ронго-ронго* получены на острове давно, прямо из рук владельцев. Но последнюю дощечку, рассказал нам патер Себастиан, нашли в запретной пещере. Пасхалец, который ее обнаружил, поддался уговорам одного англичанина и привел его почти к самому тайнику. Потом попросил англичанина подождать и выложил из камешков полукруг, через который не велел переступать. А сам пошел дальше и через некоторое время вернулся с *ронго-ронго*. Англичанин купил дощечку, но пасхалец вскоре лишился рассудка и умер. С тех пор, заключил патер Себастиан, островитяне больше прежнего боятся входить в хранилища *ронго-ронго*.

Как бы то ни было, старик Касимиро забил отбой, когда я наконец принял его приглашение посетить пещеру. Сославшись на нездоровье, он предложил вместо себя другого проводника, старика Пакомио, с которым много лет назад стоял и ждал, пока отец Касимиро один ходил к тайнику. Пакомио был сыном гадалки Ангаты, той самой Ангаты, что сеяла смуту, играя на суеверии пасхальцев, когда на остров полвека назад прибыла экспедиция Раутледж. Я обратился к патеру Себастиану, и он сумел уговорить Пакомио. Посадив старика в нашу моторную лодку, мы подошли на ней к Мотунуи — скалистому островку птицечеловеков. За спиной у нас вздымался вверх самый высокий из береговых обрывов Пасхи. На гребне находились развалины святилища Оронго. Там Эд и его бригада занимались раскопками и картографической съемкой. Мы с трудом различали движущиеся белые точки, а им наша лодка представлялась рисовым зернышком на синем поле. Еще в прошлом столетии самые знатные пасхальцы неделями сидели в наполовину врытых в землю каменных коробках над обрывом, ожидая, когда на скалистом островке внизу приземлится первая в году стайка морских ласточек. Ежегодно происходило состязание, кто скорее одолеет на камышовом поплавке два километра до острова и найдет первое яйцо. Победитель возводился в ранг божества и получал звание птицечеловека. Его брили наголо, окрашивали голову в красный цвет и затем торжественно сопровождали до священной обители среди статуй у подножия Рано Рараку, где он год проводил взаперти, ни с кем не соприкасаясь. Особые служители приносили ему пищу. Скалы за развалинами, где сейчас работал Эд, были сплошь покрыты барельефами, изображающими скорченные человеческие фигуры с длинным кривым клювом.

Ступив на легендарный птичий остров, мы не увидели даже перышка — птицы давно переселились на другой обрывистый

островок поодаль. Когда мы шли мимо него, в воздухе кружили полчища птиц, напоминая облако дыма над вулканом.

Зато на Мотунуи мы сразу увидели множество наполовину заросших пещер. В двух из них вдоль стены лежали кости и заплесневелые черепа, а в одном месте на своде, будто охотничий трофей, торчала окрашенная в красный цвет бесовская голова с острой бородкой. Раутледж тоже побывала в двух здешних пещерах, Пакомио хорошо ее помнил. Теперь он нетерпеливо ждал, когда мы выйдем, чтобы вести нас к другому тайнику. Посреди склона старик вдруг остановился.

— Здесь мы изжарили курицу,— прошептал он, показывая себе под ноги.

— Какую курицу?

— Отец Касимиро сказал, что надо изжарить в земле курицу на счастье, прежде чем входить в пещеру.

Не очень-то вразумительное объяснение, а Пакомио добавил только, что таков обычай. Дескать, лишь старику можно было стоять так, что он слышал запах жареной курицы, а детям было велено ждать с другой стороны очага. Им не пришлось даже одним глазком заглянуть в пещеру, но они знали, что там хранится что-то невероятно ценное. Уже стоять по соседству, когда старик проверял в тайнике сокровище, было для ребятишек большим событием.

Разумеется, мы не нашли пещеры. После долгих поисков среди камней и папоротника Пакомио сказал, что старик, пожалуй, нарочно пошел в эту сторону, чтобы сбить с толку мальчишек, а на самом деле надо искать в противоположной стороне. Пошли в другую сторону, и опять без толку. Скоро интерес к поискам пошел на убыль. Солнце нещадно пекло, один за другим мы сдавались и ныряли в глубокую расщелину, наполненную до краев кристально чистой водой, которую океан накачивал через трещину в скале. Мы собирали фиолетовых морских ежей (Пакомио ел их сырыми) и плыли навстречу невиданным рыбам всех цветов радуги, а они, разинув рот, смотрели, что за новые обитатели появились в каменном аквариуме Мотунуи. Искрометные солнечные лучи рождали фейерверк красок в расщелине, и вода была настолько чиста и прозрачна, что мы чувствовали себя птицечеловеками, парящими среди роя золотых осенних листьев. Сказочная красота, этакий подводный райский сад... Как не хотелось нам выходить на скалы, зная, что вся эта прелесть опять надолго, если не навсегда, станет достоянием одних лишь безглазых морских ежей да рыб-дальтоников.

Правда, на суше, особенно на самой Пасхе, тоже было на что поглядеть. Лопаты и кирки обнажали предметы, которых даже местные жители не видели сотни лет. В деревне начали шептаться, пасхальцы воспринимали происходящее не без суеверия. Откуда может чужеземец знать, что под дерном что-то лежит? Не иначе как с помощью *мана* — сверхъестественного дара — проникает он в прошлое острова! Пока вслух об этом не говорили, но кое-кто из островитян спрашивал меня: может быть, я вовсе и не чужеземец, а *канака*? Дескать, цвет кожи и волос роли не играют, среди их предков тоже были светлокожие блондины. А то, что я знаю лишь несколько слов из пасхальского наречия полинезийского языка, объясняется очень просто: я так долго жил на Таити, в Норуэга и других дальних странах, что позабыл родную речь. Первое время мы не принимали все это всерьез, относили к разряду полинезийских комплиментов. Но чем больше открытий делали наши археологи, тем яснее становилось островитянам, что сеньор Кон-Тики не простой человек.

Началось с рабочих Билла. Билл выбрал себе увлекательнейшую задачу: впервые археолог исследовал самое знаменитое из пасхальских святилищ — огромную *аху* в Винапу. Ученые и туристы, которые видели это замечательное сооружение, все были поражены его сходством с величественными стенами в царстве инков. Ничего подобного нет ни на одном из десятков тысяч островов в Тихом океане, лежащих дальше па запад. Винапу, можно сказать, зеркальное отражение наиболее классических шедевров доинкской поры, и это тем более знаменательно, что речь идет о ближайшем к империи инков островке.

Может быть, и здесь работали мастера каменного дела из Перу? Может быть, питомцы этого славного цеха первыми ступили на землю острова и принялись высекать огромные плиты для пасхальских стен?

Улики говорили за это. Но теоретически была и другая возможность — та, которую до сих пор предпочитали исследователи. Дескать, сходство и соседство не более чем случайность. Пасхальцы могли самостоятельно, независимым путем прийти к такой кладке. И тогда классическая стена в Винапу — венец местного развития, так полагали теоретики.

С двадцатью рабочими Билл четыре месяца раскапывал Винапу. Но уже через две-три недели мы получили ответ, на который рассчитывали. Классическая стена в Винапу относилась к самому раннему периоду, позже *аху* дважды переделывали и надстраивали куда менее искусные архитекторы, уже не владевшие

сложной инкской техникой. Эд и Карл, работавшие каждый над своей *аху*, пришли независимо друг от друга к такому же выводу, как и Билл. Впервые было установлено, что загадочная древняя история Пасхи делится на три отчетливо различимые эпохи. Сначала на острове трудился народ, представляющий специфически развитую культуру, для него характерна «инкская» техника каменной кладки. Ничего подобного их классическим сооружениям позже не наблюдается. Огромные базальтовые плиты нарезáли, словно сыр, и подгоняли одну к другой так, что не оставалось ни дырочки, ни щелки. Загадочные сооружения с гладкими стенами, напоминающие и алтарь, и укрепление, выросли в разных концах острова. Они простояли очень долго, пока не пришла новая пора. Большинство классических сооружений частично снесли и перестроили, к лицевой стене подвели мощеную наклонную плоскость и увенчали перекроенные *аху* могучими истуканами, доставленными из Рано Рараку. Вот в этот второй период, в разгар титанической работы, в которой было занято множество людей, все вдруг оборвалось, остров захлестнула волна войны и каннибализма. Будто по волшебству пришел конец развитию местной культуры, и наступила третья, трагическая пора загадочной истории острова. Никто уже не обтесывал огромных камней, и статуи непочтительно сбрасывали с пьедесталов. Вдоль стен *аху* из булыжника и обломков наскоро сооружали погребальные камеры, причем крышкой часто служили поваленные идолы. В третью эпоху работали без плана, кое-как.

Мало-помалу начал приоткрываться покров над тайной. Впервые история острова Пасхи стала рисоваться как ряд последовательных событий. И одна из загадок была решена, кусочек великой мозаики лег на свое место. Теперь мы знали, что сюда была перенесена самая совершенная инкская техника кладки. Ее применяли представители древней культуры, первыми ступившие на остров.

Один за другим озабоченные пасхальцы приходили на раскопки в Винапу, где Билл расчистил заднюю стену *аху*, так что каждый мог отчетливо видеть слои, отвечающие трем периодам. И в один из этих же дней он наткнулся на какой-то необычный красный камень по соседству с раскопом. Подозвав меня, Билл спросил, не кажется ли мне, что у камня есть как будто две руки с пальцами. Из дерна торчала только одна грань длинной красной колонны квадратного сечения, которая ни формой, ни материалом не походила на известные пасхальские статуи, в Рано Рараку вообще не было такой породы. И борозды, в которых Билл опо-

знал пальцы, помещались в отличие от всех шестисот классических истуканов не в нижней части. Смеясь, пасхальцы заверили нас, что это просто *хани-хани*, обыкновенный красный камень.

Мне же сразу бросилось в глаза сходство этой колонны с красными статуями доинкского периода в Андах. Бородатая голова на парусе «Кон-Тики» была скопирована как раз с такой четырехгранной колонны, изображающей человека и высеченной из такой же точно красной крупнозернистой породы.

Два, четыре, пять... два, четыре, пять... Пожалуй, и в самом деле пальцы. Но ни головы, ни других человеческих черт не видно.

— Билл,— сказал я,— надо копать. Я видел такие четырехгранные статуи на берегу озера Титикака!

Когда патер Себастиан вместе с Эрорией наносил краской номера на все статуи Пасхи, стоящие и лежащие, он останавливался около этого камня. Эрория показала на борозды, напоминающие пальцы, но патер отрицательно покачал головой и пошел с ведерком дальше. Все пасхальские идолы были на одно лицо, у них не было ничего общего с этим прямоугольным красным камнем.

Мы осторожно вырыли в плотном дерне вокруг камня глубокую канаву, после чего стали медленно подбираться скребком и руками к самой колонне. Что это — в самом деле пальцы или случайные борозды на камне?.. Я так волновался, что затаил дыхание, убирая последний пласт дерна, за которым надеялся увидеть руку. Есть! Вдоль всей грани было отчетливо видно руку до самого плеча, и то же с другой стороны. Это была статуя неизвестного для острова Пасхи типа, правда голова отбита и в груди с левой стороны, где сердце, просверлена глубокая дыра. У идола были даже короткие ноги.

Мы хлопали Билла по плечу и жали ему руку. Патер Себастиан, шеф немой гвардии острова Пасхи, больше других был взбудоражен пополнением в лице угловатого красного солдата.

— Доктор Мэллой, это важнейшая находка века на острове Пасхи,— сказал он.— Эта статуя совсем не пасхальского типа, ее место в Южной Америке.

— А нашли-то ее здесь,— рассмеялся Билл.— Вот в чем дело!

Двадцать пасхальцев, вооруженные талями и краном, подняли красного идола, и он встал в яме на своих коротких неуклюжих ногах. Рабочие недоумевали больше прежнего. Выходит, это был не просто *хани-хани*,— но как мы об этом догадались?

А сюрпризы только начинались. Вскоре Эд, раскапывая прежде неизвестное святилище в селении птицечеловеков на вер-

шине Рано Као, обнаружил маленькую улыбающуюся статую. Патер Себастиан, губернатор и толпы островитян устремились туда посмотреть на находку. Арне — он работал на Рано Рараку — тоже находил со своей бригадой удивительнейшие вещи. Особенно всех поразил огромный истукан, такой же необычный для Пасхи, как красная статуя в Винапу. Когда Арне начинал копать, в этом месте выглядывал из земли неприметный камень с двумя глазами, только и всего, люди тысячи раз проходили мимо него, не замечая этих глаз и не подозревая, что здесь под дерном лежит на спине десятитонный тролль.

Богатырь был погребен в мощном слое осколков и затупившихся рубил из древней каменоломни выше на склоне, и, когда мы его отрыли, оказалось, что у него нет ничего общего с стоящими по соседству слепыми бюстами. Археологи и пасхальцы были одинаково удивлены; снова пригласили патера Себастиана и губернатора. У этого идола тоже были ноги, его изваяли сидящим на собственных пятках, руки лежали на коленях. Если другие фигуры изображались нагими, на этой был короткий плащ *пончо* с квадратным вырезом для шеи. Голова круглая, с острой бородкой и выпученными глазами. Странное лицо, такого еще не видели на острове Пасхи.

Неделя ушла на то, чтобы с помощью джипа, талей, кранов и целой бригады моряков и озадаченных островитян поднять этого великана. И вот наконец он стоит в униженной позе на коленях, задумчиво глядя на небеса. Точно высматривает другие планеты, некий исчезнувший мир. Что ему до нас, непосвященных чужаков, где его старые верные слуги? И что это за чопорные длинноносые чучела там на горе, под каменным «последом» которых был погребен он сам?

Закончен подъем, и стоит этот чужак среди чужаков, и рабочие один за другим снимают шляпы и отирают пот со лба. Потом они окружили идола, глядя на него так, словно ждали, что сейчас что-то случится. Но нет, ничего не случилось, истукан стоял неподвижно и никого не замечал.

Старик Пакомио негромко сказал, что пришла пора перекрестить остров, теперь это уже не Пасха и не Рапануи.

— Все кругом так изменилось,— объяснил он.

Касимиро и наши рабочие согласились с ним, но бургомистр добавил, что тогда и для Оронго, Винапу и Рано Рараку тоже надо искать новые имена, ведь перемены и их коснулись. Я предложил оставить прежние названия, ведь все, что мы откапываем,— старина.

— Старина для нас новизна, сеньор Кон-Тики,— ответил Пакомио.— Всю жизнь по здешней земле ходим, всякую малость запомнили. А того, что теперь вокруг видим, не помним, вот и выходит, что это уже не остров Пасхи.

— Тогда назовите остров «Пуп Вселенной», *Те Пито о те Хенуа*,— в шутку предложил я.

Пасхальцы закивали, заулыбались.

— Так назывался наш остров в старину, а ты это знал.— Бургомистр озадаченно улыбнулся.

— Это все знают,— возразил я.

— Нет, не все, да ведь ты *канака*,— сказал старик, который стоял позади статуи, и хитро кивнул мне: знаем, мол, откуда твоя осведомленность.

Да, пасхальцы никогда не видели ничего похожего на этого коленопреклоненного богатыря, который вдруг явился из чрева земли. Зато мы с Гонсало, можно сказать, встретили старого знакомого. Обоим нам приходилось бывать в Тиауанако, древнейшем в Южной Америке культовом центре доинкской поры, и там мы видели таких же коленопреклоненных каменных богатырей, настолько похожих на этого позой, чертами лица и всем стилем исполнения, точно их делал один мастер. Больше тысячи лет стоят они в Тиауанако рядом с красным бородатым истуканом и другими четырехгранными изображениями загадочного вида в окружении каменных плит, которые по своим огромным размерам и искусной обработке не знают себе равных во всей инкской империи. Вообще в древней Америке нет ничего подобного этим могучим мегалитическим сооружениям. Самые большие плиты весят свыше ста тонн, это равно весу десяти железнодорожных вагонов, а ведь эти плиты перемещали без колес на много километров. Здоровенные прямоугольные камни доставляли на место, поднимали на ребро и укладывали друг на друга, словно это были пустые картонные коробки.

А среди стен и террас, ныне обратившихся в развалины, древние мастера оставили удивительные статуи. Высота самой большой из них восемь метров, остальные намного меньше, но и они больше человеческого роста. Ныне загадочный Тиауанако со своими статуями и обтесанными глыбами покинут людьми, и предания говорят, что так же безлюдно было здесь, когда к власти пришел первый Инка. Старые хозяева задолго до этого ушли, уступив поле битвы племенам с более примитивной культурой — индейцам уру и аймара. И лишь в сказаниях остались жить исчезнувшие создатели Тиауанако. Но нас сейчас легенды не за-

нимали. Мы искали в земле голые факты и находили безмолвных каменных истуканов. Может быть, потом предание вдохнет жизнь в мертвые изваяния.

Одной из загадок пасхальских статуй считалось их полное единообразие и отсутствие чего-либо подобного в других частях света. Нигде больше не находили таких скульптур, хотя человекоподобные изваяния доисторической поры прослеживаются от Мексики до Перу, Боливии и ближайших к Америке островов Полинезии, к которым подходит океанское течение от материка на востоке. На западе, на островах, лежащих ближе к Азии, каменных статуй не было. Так можно ли говорить о влиянии извне, если нигде нет ничего подобного пасхальским истуканам? И большинство исследователей заключило, что идея этого титанического и непонятного предприятия родилась на крохотном островке самостоятельно. Обладающие самой пылкой фантазией видели ответ в гипотезе о затонувшем материке и предлагали искать сходные изваяния на дне океана.

И вот теперь в земле Пасхи обнаружены статуи другого типа. Разбирая кладку *аху*, мы и тут нашли немало частично разбитых изваяний необычного типа, которые служили строительным камнем во втором периоде, когда классические стены перестроили и увенчали огромными истуканами из кратера Рано Рараку. Неожиданно и патер Себастиан обнаружил два высеченных из твердого черного камня изваяния в рост человека; одно из них было частью фундамента старой *аху*, только спина его выпирала. В самой деревне патер вместе с островитянами помог нам взгромоздить на ноги каменного дылду невиданного прежде примитивного типа, из той же красной породы, что безголовый идол в Винапу.

В итоге мы сильно продвинулись к цели, лег на место второй кусочек мозаики. Оказалось, что создатели красивых стен инкского стиля, появившихся в первый период, не были авторами исполинских бюстов из Рано Рараку, которые прославили на весь свет остров Пасхи. Они высекали изваяния попроще, с круглой головой и огромными глазами, когда из красного туфа, когда из черного базальта, но также из серо-желтой породы, что стала такой популярной во втором периоде. Первые статуи подчас были не выше человеческого роста, и ничто их не роднит со знаменитыми великанами, если не считать, что руки всегда занимают строго определенное положение на животе, пальцами друг к другу. Зато эта особенность типична также для многих доинкских изваяний на материке и для статуй ближайших островов Полинезии.

Наконец-то нам удалось развязать язык немым пасхальским истуканам. Первыми заговорили униженные безголовые фигуры, замурованные в стены, за ними нарушили молчание и гордецы, дошедшие и не дошедшие до *аху*. Каменные статуи вместе со стенами принесла на остров струя извне, извне пришли и замысел, и умение. Малые идолы, которых потом сунули в кладку, безголовый красный истукан в Винапу и коленопреклоненный великан, лежавший под щебнем у подножия Рано Рараку,— все они относились к первому периоду. Его сменил второй период, когда местные ваятели выработали свой более тонкий стиль. Появились исполины с рыжими волосами, они увенчали переделанные стены. Копился опыт, и статуи становились все огромнее. Те, что встали на стены, уже были достаточно велики, но по дорогам шли еще бо́льшие, не говоря уже о некоторых колоссах, что стояли у подножия вулкана и ждали, когда им отшлифуют спины. И всех громаднее был гигант ростом с семиэтажный дом, которого не успели завершить и отделить от породы.

Чем бы все это кончилось? Где проходила граница невозможного? Никто не знает. Ибо раньше чем была достигнута эта граница, произошла катастрофа, положившая конец параду каменных богатырей, и они пали ничком на землю. Пали потому, объясняли нынешние пасхальцы, что ведьму обделили омаром. На самом деле речь шла, пожалуй, о более скоромной пище, ведь шествие истуканов прекратилось, когда наступил третий период и началось шествие каннибалов.

Современные пасхальцы — потомки воинственного племени, победившего в третьем периоде. Наверно, приход на остров их полинезийских предков, завершивший победоносное движение с пальмовых островков на западе, был далеко не мирным. Недаром мы услышали от современных пасхальцев сказания о схватках, о поверженных статуях, о поре, когда рубила поражали живых, а не каменных людей. Во всем этом непосредственно участвовали предки нынешних островитян. И хотя ныне на острове царят мир и согласие, третий период еще не совсем кончился.

Глава пятая СЕКРЕТ ДЛИННОУХИХ

Жизнь лагеря в Анакене шла своим чередом. Наше сверкающее белизной судно у входа в бухту стало как бы частицей острова, твердым ориентиром вроде птичьих базаров у побережья. Еще ни один корабль не задерживался так долго у берегов Пасхи. Разве что те, которые, напоровшись на скалы, легли на дно, укрытые от пассата многосаженной толщей воды. Когда ветер с моря слишком уж сильно трепал брезент палаток, стюард спешил на корабль за дополнительным запасом продовольствия, потому что в такую погоду капитан иногда гудел сиреной и сообщал по радио, что вынужден уйти. Он вел судно вдоль побережья и укрывался за мысом под скалами у подножия Рано Рараку, где мы бросили якорь в первый раз. День-два залив у лагеря пустовал; смотришь на хорошо знакомую картину, а в ней чего-то недостает. Но вот, выбравшись утром из палаток — стюард будил нас стуком в сковороду,— мы опять видим на положенном месте качающийся под лучами утреннего солнца корабль.

Мы обжили наш солнечный лагерь, он был для нас своего рода постоянной якорной стоянкой, куда мы возвращались из вылазок по острову. Завидишь белый корабль за черными скалами и зеленые палатки на желтой траве и желтом песке под упирающимся в горизонт голубым небосводом, и сразу чувствуешь себя дома. Конец трудовому дню, прибой зовет искупаться, и стюард колотит в сковороду, предлагая отведать вкусный обед. После обеда мы располагались кучками на траве и беседовали в сиянии звезд или яркой луны. Кто-то сидел в палатке — кают-компании, при фонаре читал, писал или заводил патефон, кто-то седлал коня и уносился вскачь через гребень пригорка. Сойдя на сушу, моряки стали завзятыми ковбоями, второй штурман играл роль шталмейстера, и площадка древнего святилища у палаток напоминала цирковой манеж — кони ржали и дыбились, ребята собирались в гости в деревню Хангароа. Нетерпеливый юнга решил сократить путь, махнул через осыпь и сломал руку, пришлось врачу заняться им. Но

чего не сделаешь, чтобы поскорее добраться, когда тебя манят звуки настоящей хюлы.

Вскоре мы уже знали большинство жителей деревни. Лишь черноглазый деревенский врач редко появлялся даже среди тех, кто собирался на пляски, а учителя мы и вовсе не видели. Они не приходили вместе со всеми в церквушку патера Себастиана, а потому не участвовали и в воскресных обедах после богослужения, которые устраивались либо у монахинь, либо в доме губернатора. Нас это удивляло, потому что любой человек независимо от его веры и мировоззрения немало терял, отказывая себе в том, что можно было посмотреть и послушать, когда патер Себастиан бесхитростной проповедью открывал яркий полинезийский праздник песни. Настроение пасхальцев передавалось и нам, для них это был великий день, главное торжество недели, и даже самые ленивые, способные целыми днями сидеть на своем крыльце, все, кто только мог ходить, спешили принарядиться и торжественно шагали вверх по косогору к церкви, когда звонарь Иосиф принимался раскачивать колокол.

Но в один прекрасный день судьба все-таки свела нас с учителем. Губернатор несколько раз спрашивал нас, нельзя ли школьникам пройти вокруг острова на нашем экспедиционном судне, это будет для них такое событие. Скажем, они сойдут на берег в Анакене и позавтракают на свежем воздухе возле нашего лагеря, а пополудни продолжат путь вдоль побережья, чтобы вечером быть в деревне. Я воспринял эту мысль без особого восторга, но монахини присоединились к просьбе губернатора, и, когда патер Себастиан рассказал, что никто из ребятишек не видел по-настоящему свой родной остров с моря, я обещал, что попрошу капитана подойти к деревне. Вообще-то главная палуба отлично подходила для такого случая, высокий, наклонный фальшборт служил вполне надежным ограждением, да нас еще заверили, что здешние ребятишки плавают, как рыбы, мол, они бултыхаются в заливе уже задолго до того, как пойдут в школу.

Ранним погожим утром мы бросили якорь у деревни Хангароа, и сто пятнадцать школьников были доставлены на борт. Они составляли одну восьмую часть всего населения острова. Сопровождали детей учитель, деревенский врач со своим помощником, помощник губернатора, три монахини, да еще семеро взрослых пасхальцев. Губернатор и патер Себастиан остались дома. На палубе царил шум и гам, дети пели и ликовали. Шла драка за место на самом носу, каждому хотелось видеть, как форштевень будет рассекать волны. Но когда якорь, гремя цепью, пошел вверх и

в скалах отдались прощальные звуки сирены, ребята как-то присмирели, и в их глазах, обращенных на деревню, появился намек на печаль. Можно было подумать, что они отправляются в кругосветное путешествие, а не в однодневную экскурсию вокруг Пасхи. Правда, для них остров Пасхи и был весь мир.

Едва судно закачалось на ленивых блестящих валах, наших юных пассажиров одолела морская болезнь. Один из пасхальцев обратился к нам и попросил прибавить ходу, чтобы поскорее добраться до места. После этого он, шатаясь, побрел к люку и улегся среди ребятишек, на которых вдруг напала сонливость. И вот уже по всей палубе лежат будто узлы с бельем, а если кто-нибудь подходил к фальшборту, то вовсе не затем, чтобы полюбоваться красотами родного края...

Лишь один из наших гостей, учитель, держался молодцом. С той самой минуты, как он, плечистый, дородный, ступил на палубу, он все время двигался. Мы услышали от него, что ему доводилось быть в море во всякую погоду, и никогда он не испытывал морской болезни. Волосами цвета воронова крыла и черными сверкающими глазами учитель напоминал своего деятельного друга — деревенского врача, и оказалось, что он также увлечен политикой. Пасхальцы считаются чилийскими гражданами, но не обладают соответствующими правами, пока не попадут с военным кораблем в Вальпараисо и не поселятся в Чили. И вот учитель задался целью помочь пасхальцам перебраться на материк. Но как ни глядел он сурово, когда излагал свою политическую программу, глаза его становились удивительно добрыми, когда он доставал карандаш, чтобы зарисовать в своем дневнике кусочек побережья или гладил по голове кого-нибудь из детей. Тучный воспитатель ходил вперевалку по палубе, утешая своих измученных морской болезнью питомцев на их языке. Вот присел около малышей, дает им таблетки, а вот уже тащит к фальшборту двух долговязых подростков, которые жестами призывают всех расступиться, освободить дорогу. За мысом море вело себя потише, и старшие ребята ожили, но вместо того, чтобы послушаться нас и остаться в средней части корабля, где меньше качало, они ринулись на нос. И опять пришлось учителю вмешаться, волочить позеленевших, судорожно хватающих воздух мальчишек и девчонок к люку, чтобы они снова могли принять горизонтальное положение. До самой Анакенской бухты наши юные пассажиры пребывали в унынии, зато там судно вновь огласилось песнями и веселым гомоном, а матросы принялись драить палубу, которая очень напоминала скалу под вороньим гнездом.

Экспедиционное судно

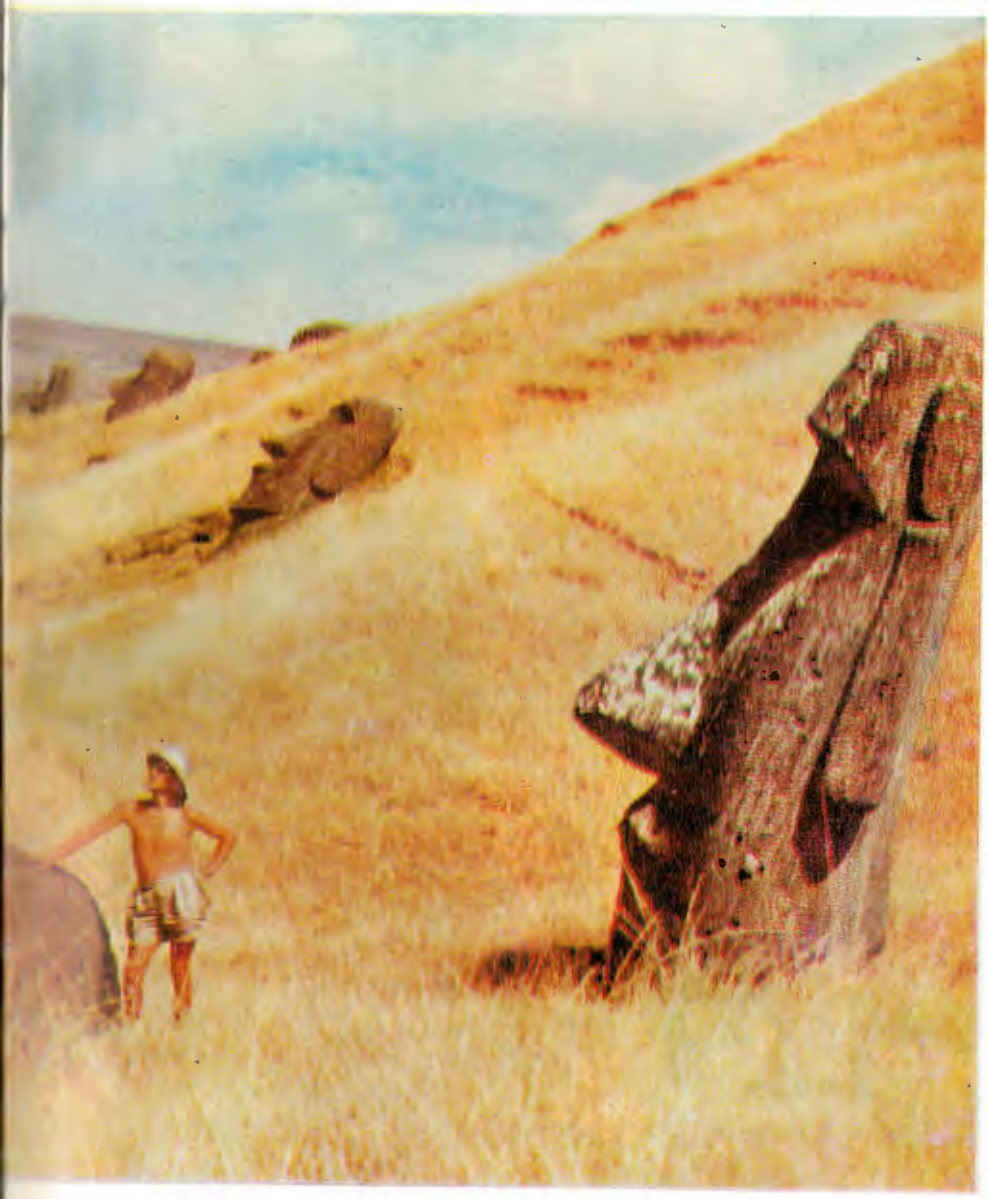
Члены экспедиции, слева направо: Гонсало, Билл, автор, Ивон, Аннет, капитан, Карл, Арне и Эд

Чтобы измерить голову пасхальского исполина, надо сперва на нее влезть! Шесть метров — а сколько под землей?

Патер Себастиан Энглерт и губернатор Арнальдо Курти

Двое из братьев Пакарати в беседе с автором на берегу кратерного озера Рано Рараку

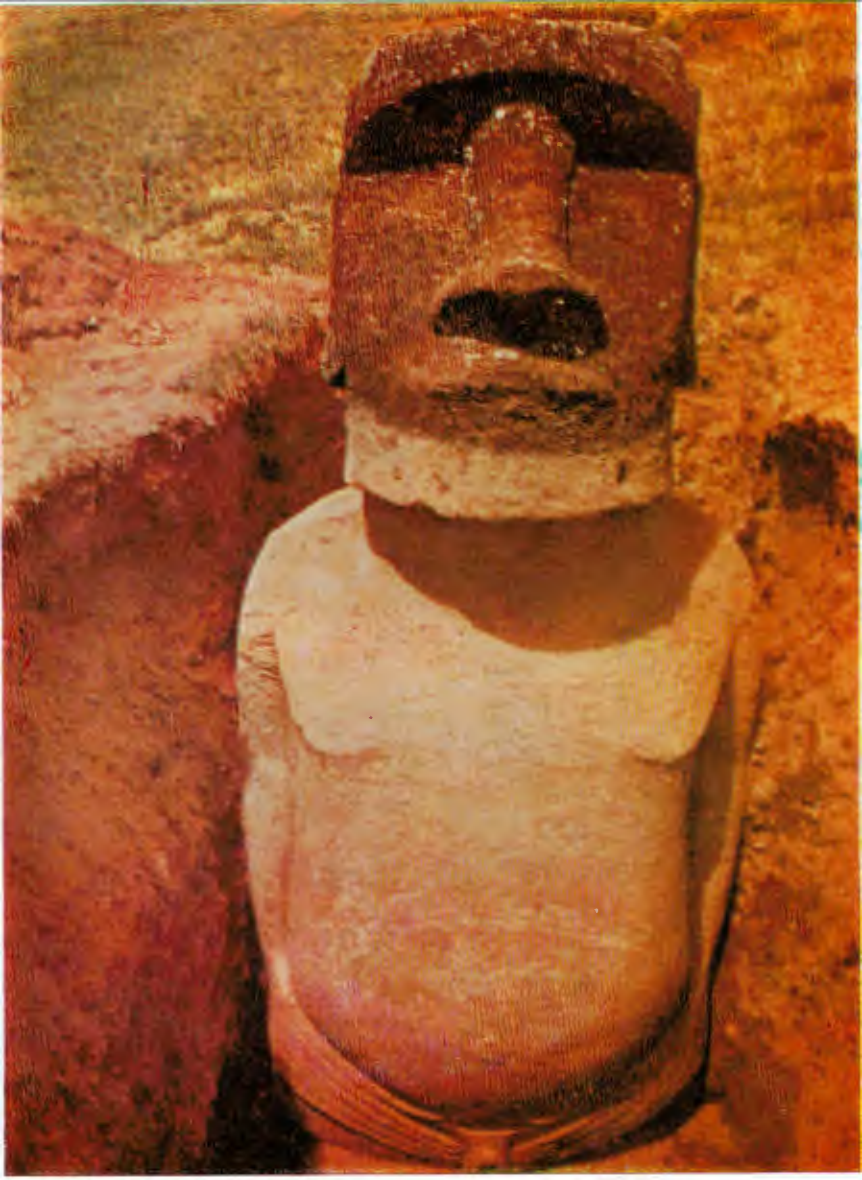
До нас на Пасхе не вели настоящих раскопок. Какие тайны скрыты в земле? Кто, когда и почему первым прибыл на остров?



«Парики» из красного камня для статуй перевозили также на больших камышовых лодках

С каких людей делались эти портреты?

На вершине Рано Као остались развалины Оронго, селения птицечеловеков. Эд и врач изучают странные изображения



За сотни лет великана засыпало землей, но мы его раскопали

Человек чувствует себя маленьким рядом с таким великаном. А как их переносили и воздвигали в древности?

Вылазка в подземелье. Капитан держит факел, освещая путь Карлу, Руите и автору

Ночной ритуал. Завтра они начнут делать статую

Впервые за сотни лет в каменоломне снова закипела работа. Приготовлен запас древних рубил и вода в калебасах

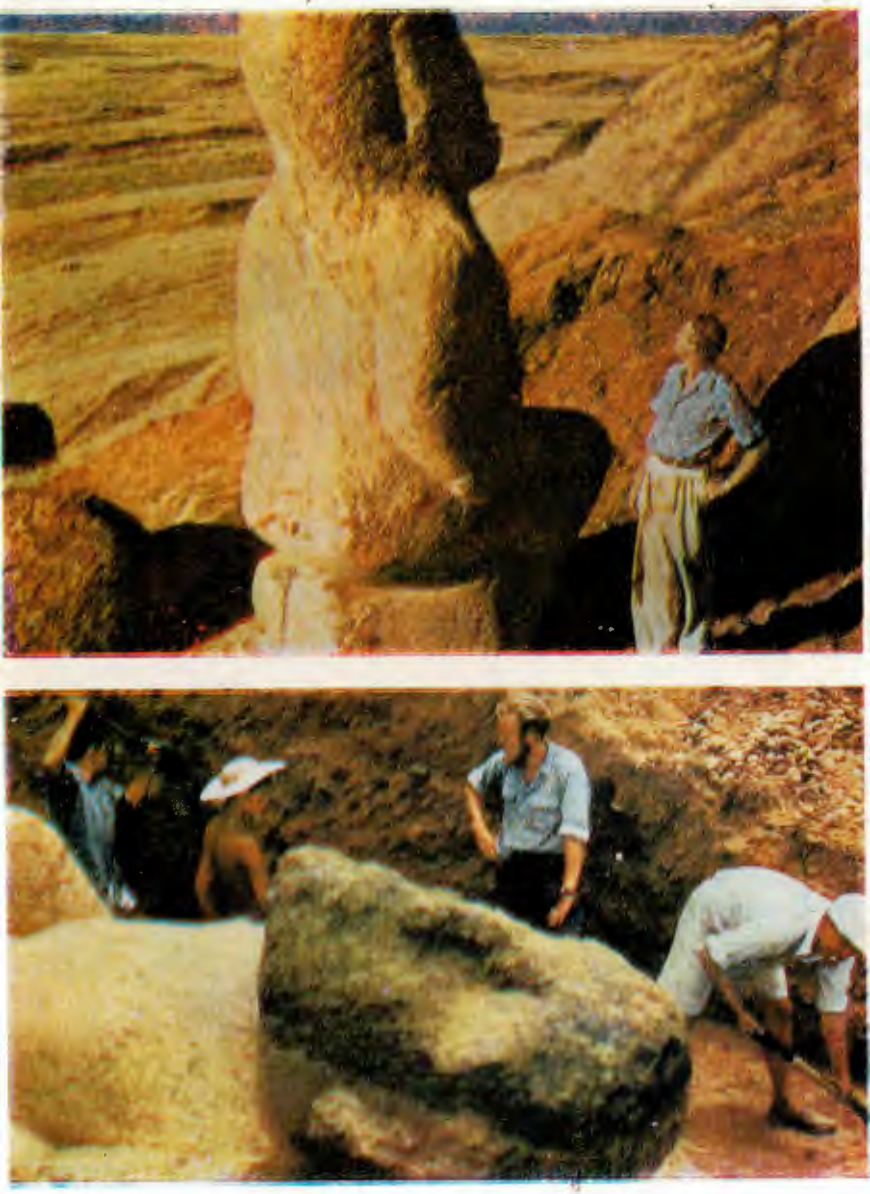
В этой нише видно фигури в разрезе

Древние каменотесы источили весь склон, но работы вдруг прекратились, и остались незаконченные статуи

Спина великана до последнего соединялась с породой

Готовые изваяния ждали, когда их перенесут на место

Даже патер Себастиан пришел посмотреть на статую неизвестного типа, сделанную в древнейший период



Современные пасхальцы и не знали, что на острове есть такие коленопреклоненные фигуры

На груди великана, раскопанного Арне, высечен трехмачтовый корабль

Судно заняло свое обычное место возле лагеря, и ребятишек свезли на берег, показали им палаточный городок на месте древней обители Хоту Матуа. Потом взрослые повели всю ораву к святилищу, и они устроились полдничать на траве под стеной. С другого конца острова прибыли верхом на помощь еще взрослые; на раскаленных камнях в яме изжарили на полинезийский лад шесть ягнят.

Близился вечер. Вокруг очага остались одни обглоданные кости, а в бухте, визжа и распевая, резвились купающиеся ребятишки. На берегу монахини собрали вокруг себя гурьбу детей, которые дружно исполняли древнюю песню предков о Хоту Матуа, первым из людей ступившем на берег Анакены.

Но вот учитель поглядел на часы, захлопал в ладоши и велел собираться: пора на судно. Море вело себя спокойно, был ровный, длинный накат; катер, как обычно, стоял у большого плота, с которого дети приноровились прыгать в воду. С первой группой вернулись на судно механики, чтобы пустить машину, а катер снова пошел к плоту. Учитель отобрал на берегу вторую группу, ее отвезли на веслах на большой плот, и кое-кто воспользовался случаем еще раз искупаться напоследок, плывя рядом. Пока катер совершал второй рейс, несколько сорванцов сами добрались вплавь до плота, чтобы ждать там очередного захода. Тут нужен был глаз, поэтому учитель тоже переправился на плот и сопровождал третью группу, когда она погрузилась на катер. Остальные взрослые на берегу готовили следующие группы.

Беда разразилась как гром среди ясного неба. Катер не спеша огибал мыс, направляясь к судну. Вдруг дети засуетились, всем сразу захотелось протиснуться на нос, где с чалкой в руках сидел Тур-младший, чтобы посмотреть оттуда на волны. Как ни старался учитель навести порядок, они его не слушались, словно перестали понимать даже полинезийский язык. Плотник, который стоял на руле, дал задний ход, и вместе с Туром они попробовали призвать к порядку ребят, но катастрофа уже надвигалась. Катер водоизмещением в две тонны, идя с половинным грузом, врезался носом в скат могучего вала и мгновенно наполнился водой. На поверхности остались только ахтерштевень и множество плавающих голов.

С судна тотчас спустили шлюпку, я вместе с судовым врачом отчалил от берега на плотике, все остальные побежали к мысу, от которого до места катастрофы было всего семьдесят — восемьдесят метров. Отчаянно работая веслами, я повернул голову и увидел, что кто-то из детей плывет к мысу, но большинство барахталось

в воде вокруг ахтерштевня. Мы подошли к ним, правя на плотника и одного из школьников, которые поддерживали чьи-то безжизненные тела. Мы вытащили их на плот, и среди них я узнал тринадцатилетнюю дочь бургомистра, милую девчушку с удивительно светлой кожей и золотисто-рыжими волосами. Затем я прыгнул в воду, а врач кружил на плотике, подбирая детишек. Тем временем подоспели вплавь взрослые со стороны мыса во главе с капитаном Хартмарком. Одного за другим мы вылавливали безвольно качающихся на воде ребят и подсаживали на плотик. На нем почти не оставалось места, когда капитан и плотник подтащили могучую тушу учителя. Потребовалось несколько человек, чтобы втолкнуть его на плотик, а тут еще за этот борт уцепились трое из приплывших с берега островитян, и суденышко угрожающе накренилось. Я прикрикнул на них, они соскочили обратно, при этом двое ухватились за меня, да так крепко, что несколько раз окунули, и пришлось мне нырнуть, чтобы вырваться. Около плотика собрались уже все бывшие на берегу моряки, помощник деревенского врача и пять-шесть пасхальцев. Вместе они принялись толкать плотик к мысу, и наш врач, со всех сторон стиснутый ребятишками, лихорадочно работал веслами.

Мы с капитаном продолжали плавать среди всякого барахла, проверяя, не прозевали ли кого-нибудь, и к нам подоспели еще трое пасхальцев. Вода была идеально прозрачной, и, ныряя, я видел на песке, на глубине восьми метров, кучу одежды и ботинок. Вдруг я с ужасом заметил на дне что-то похожее на куклу. Оттолкнувшись ногами, я пошел вниз. Ближе, ближе, кукла росла у меня на глазах. Но я далеко не первоклассный пловец, к тому же было израсходовано немало сил. На глубине семи метров я окончательно выдохся, пришлось поспешно возвращаться к поверхности, как ни горько было сдаваться так близко от драгоценной цели. Всплыв, я увидел рядом с собой звонаря Иосифа. Зная его как лучшего ныряльщика на острове — ему однажды поручили показать нам возле деревни место гибели двух судов, я через силу что-то вымолвил, показал пальцем вниз, и тотчас Иосиф исчез под водой. Через несколько секунд он показался опять, покачал головой, жадно глотнул воздух и снова нырнул. На этот раз он вернулся, держа на вытянутых руках мальчика. Уложив его на бочонок, мы направились к берегу. Тут и шлюпка подошла, а на ней — механики, но они, нырнув, увидели на дне одну только одежду. На судне было сорок восемь ребятишек, перекличка там и на берегу показала, что все налицо.

Когда мы доплыли до мыса, всех детей с плотика уже перенесли

на скалы, и наш доктор вместе с помощником деревенского врача и другими взрослыми делал захлебнувшимся искусственное дыхание. Сам деревенский врач, встретив плотик на мысу, вскочил на борт, чтобы сопровождать до пляжа учителя, которого из-за его внушительного веса не удалось вынести на острые камни. Сгущались сумерки, медленно тянулись жуткие часы, пока деревенский врач старался оживить своего друга. Ему помогали самые сильные из нашей команды, все остальные занимались детьми на мысу. Больше десятка ребятишек нуждались в срочной помощи. Метались люди с керосиновыми фонарями, подносили шерстяные одеяла и одежду; в лагере Ивон открыла все палатки и разносила большим и маленьким горячее. Из деревни в Анакену чередой потянулись всадники, и во мраке мелькало множество фигур.

В жизни не забуду эту страшную ночь. Жуть пропитала воздух над Анакенской долиной, ее усугубляла серая бесцветная радуга, мрачно повисшая в черном небе над пригорком, за которым пряталась луна. Один за другим дети возвращались к жизни, их относили в палатки и укладывали в кровать. Но двое продолжали лежать недвижимо, и среди этих двоих была рыжеволосая девочка. Бургомистр сидел словно каменный рядом с ней, говоря ровным голосом:

— Ей хорошо теперь, она всегда была такая послушная, теперь она у девы Марии...

Никогда я не ощущал так остро людское горе. И никогда не видел, чтобы его переносили с таким достоинством. Отцы и матери погибших молча пожимали нам руки обеими руками, словно хотели показать, что понимают: хоть катер наш, мы ничуть не причастны к беде. Родители спасенных бросались нам на шею и рыдали. В палатках и около них собралось сто пятнадцать школьников со своими родителями и знакомыми родителей, так что в лагере стало тесновато, но через несколько часов, когда начал сказываться ночной холодок, пасхальцы принялись собирать свои узлы, усаживались в деревянные седла и по двое, по трое разъезжались. Анакенская долина быстро пустела по мере того, как всадники исчезали во мраке, увозя детей, и только два школьника с сильным расстройством желудка остались в лагере со своими родичами.

Последними с пляжа пришли восемь человек с носилками, на которых лежало тело учителя. Серая дуга на черном небе траурной каймой обрамляла восемь фонарей, мелькающих, будто искры в ночи. Деревенский врач подошел и, глядя на меня спокойными черными глазами, произнес:

— Остров потерял хорошего человека, сеньор. Он погиб на посту, его последние слова были: *«Кау кау поки!* Работайте ногами, мальчики!»

После этого я увидел деревенского врача уже в маленькой церкви патера Себастиана. Склонив голову, он недвижимо стоял у тела своего друга. Двух погибших детей предали земле накануне, обряд был простым и красивым, гроб накрыли пальмовыми листьями, вся деревня шла в траурном шествии, и звучала тихая песня о покойных, отправившихся на небеса.

Патер Себастиан произнес над прахом учителя короткую, но проникновенную речь.

— Ты любил своих учеников,— сказал он в заключение.— Дай бог вам встретиться опять.

Когда тело учителя исчезло в могиле, мы услышали тихий голос деревенского врача:

— Работайте ногами, мальчики, работайте ногами.

Пасхальцы как-то очень быстро предали забвению трагический случай. Родные сразу принялись резать скот и, согласно обычаю, устроили роскошные поминки. Даже к нам, в Анакену, навезли целые горы мяса. Но пожалуй, больше всего нас удивила, когда мы управились с уборкой в палатках, полная сохранность всех вещей. Двести лет о пасхальцах писали как об отъявленных ворах, которые тащат все, что попадается под руку. В ту темную безлунную ночь никто за ними не следил, они свободно входили и выходили из палаток, где лежало на виду наше имущество. Мы приготовились к тому, что нас обчистят. Но мы ошиблись. Хоть бы одна шляпа, или расческа, или шнурок пропал. Одежда и одеяла, в которые были завернуты дети, вернулись из деревни выстиранные, выглаженные и аккуратно сложенные.

Правда, один из наших, прыгая в воду, оставил в шляпе на мысу часы, и они пропали. Кто-то из пасхальцев стащил их, пока владелец спасал детей. Конечно, низкий поступок, но что это было перед таким бедствием! Вот почему меня потрясло то, что я услышал от патера Себастиана, встретив его на кладбище впервые после трагедии.

— Какой ужас, что дети погибли,— вымолвил я.

— Еще ужаснее, что украли часы,— невозмутимо ответил он.

— Что ты говоришь? — воскликнул я, пораженный чудовищным ответом.

Патер Себастиан положил руку мне на плечо и спокойно сказал:

— Все мы должны умереть. Но красть мы не должны.

Никогда не забуду этих слов. И как я силился их понять. И как

меня еще раз вдруг осенило, какого я человека встретил на Пасхе, быть может самого большого, какого когда-либо знал. Патер Себастиан чрезвычайно серьезно относился к своему вероучению, для него оно не сводилось к воскресным наставлениям с амвона. Он был искренен, когда поучал других. Наш разговор на том кончился, и мы молча вернулись в деревню.

А несколько дней спустя мы опять свиделись. Я велел на время приостановить работы, хотя пасхальцы не одобряли такой шаг. Солнце зашло и снова взошло, вчера есть вчера, а сегодня — сегодня, пора работать, чтобы получить еще паек, еще деньги, еще товары. Проезжая через деревню на джипе, мы увидели, что бургомистр сидит на крыльце и ревностно вырезает из большой болванки птицечеловека. Он окликнул нас и помахал рукой, показывая свое изделие. Мы остановились перед ярко-красной клумбой, за которой стоял возле церкви домик патера Себастиана, я выскочил из машины и отворил низенькую калитку. Через окно я увидел хозяина, он сидел за маленьким столом с кучей писем и других бумаг, жестом приглашая меня войти в его просто обставленный небольшой кабинет. На стене позади него висела полка с книгами на всевозможных языках. Они образовали колоритную рамку учености вокруг головы бородатого мудрого старца в пышной белой сутане с откинутым капюшоном. Недоставало только чернильницы с большим гусиным пером. Патер Себастиан писал самопишущей ручкой. Зато на столе, прижимая стопку писем, лежал каменный топор. Старый священник как-то не укладывался в двадцатом веке. Правда, мы его воспринимали как своего, однако с таким же успехом он мог быть ученым монахом со средневековой картины, бюстом древнеримского философа, портретом мудреца с древнегреческой вазы или шумерской фрески. И хотя казалось, что он живет уже не одну тысячу лет, голубые глаза его с морщинками, в которых притаилась улыбка, искрились жизнерадостностью и молодой энергией. Сегодня он испытывал особый подъем, что-то его будоражило. Патер попросил меня направить бригаду в один уголок острова, чаще всего фигурирующий в преданиях и легендах пасхальцев.

В двадцатый раз я услышал сказание о рве Ико или земляной печи длинноухих. Всякий, кто был на острове Пасхи, слышал это сказание; его приводят все, писавшие о загадках острова. Пасхальцы показывали мне ямы там, где некогда проходил ров, и с жаром излагали его историю. Патер Себастиан тоже включил это предание в свою книгу, теперь он сам пересказал его мне и кончил просьбой, чтобы я распорядился произвести раскопки во рву.

— Я верю в предание,— сказал он.— Мне известно, что наука настаивает на естественном происхождении рва, но ведь и ученые могут ошибаться. Я хорошо знаю пасхальцев. Слишком жизненно, ярко звучит сказание о рве, чтобы быть выдумкой.

В памяти современных пасхальцев история рва длинноухих стоит в ряду самых древних событий. Она берет свое начало там, где кончился марш истуканов, в голубой дымке прошлого, а речь идет о катастрофе, которая оборвала золотой век острова Пасхи.

Два народа в разное время приплыли на этот остров, и жили они бок о бок. Людей одного племени отличала странная внешность, мужчины и женщины вдевали грузики в мочки ушей и растягивали их до самых плеч. Поэтому первый народ называли *Ханау ээпе* — длинноухие, а второй *Ханау момоко* — короткоухие.

Длинноухие были людьми энергичными, они неустанно трудились и заставляли короткоухих тоже строить стены и водружать статуи, а это вызывало недовольство и зависть вынужденных помощников. Наконец длинноухие вздумали очистить остров от камня, чтобы можно было возделывать землю. Начали с плато Поике в восточной части острова, и короткоухим приходилось носить камни к обрыву и сбрасывать в море. Вот почему сегодня на лугах Поике нет ни одного камня, хотя весь остальной остров усеян черными и красными осыпями и крупными глыбами лавы.

Но тут короткоухие не выдержали. Им надоело носить камни для длинноухих, и они поднялись на войну. Длинноухие со всех концов острова бежали на восток, на расчищенный полуостров Поике. Под начальством своего предводителя Ико они прорыли двухкилометровый ров, который отделил плато от остальной части острова, и набросали в ров множество бревен и сучьев, чтобы в любую минуту можно было зажечь огромный костер, если засевшие на равнине внизу короткоухие попытаются штурмовать склон, ведущий на плато. Полуостров обрывается в море крутыми стенами двухсотметровой высоты, и длинноухие чувствовали себя в полной безопасности. Но один из них был женат на женщине из племени короткоухих, по имени Моко Пингеи, и она оказалась вместе с мужем на Поике. Эта женщина была изменницей, она сговорилась с осаждающими, обещала подать им сигнал. Когда короткоухие увидят ее за плетением корзины, пусть прокрадутся мимо нее.

И вот однажды ночью лазутчики короткоухих заметили, что Моко Пингеи плетет корзину, сидя у конца рва Ико, и один за другим осаждающие стали красться по краю скалы. Пробираясь над обрывом все дальше вперед, они обложили плато сплошным

Длинноухий с острова Пасхи; обратите внимание на бороду и головной убор из перьев (рисунок сделан на острове участником плавания Кука)

кольцом. Одновременно другой отряд открыто подступил вплотную ко рву. Ничего не подозревавшие длинноухие выстроились по другую сторону рва и подожгли сваленное в нем топливо. Тотчас противник набросился на них с тылу, завязалась кровавая схватка, и длинноухие сгорели в собственном рву.

Лишь троим длинноухим удалось перескочить ров и бежать в сторону Анакены. Одного из них звали Ороронна, второго — Ваи, имя третьего забыто. Они спрятались в пещере, которую пасхальцы и сегодня могут вам показать. Здесь их нашли, двоих закололи острыми кольями, а третьему сохранили жизнь, и это был единственный оставшийся в живых длинноухий. Когда короткоухие вытаскивали его из пещеры, он кричал *«орро, орро, орро»* на своем языке, которого короткоухие не понимали.

Ороронну привели в дом короткоухого, по имени Пипи Хореко, у подножия горы Тоатоа. Он женился на женщине из рода Хаоа, у него было много потомков, в том числе Инаки-Луки и Пеа, у которых тоже были потомки, и последние из них по сей день живут на острове среди короткоухих.

Таков самый полный вариант предания о рве длинноухих. И вот теперь патер Себастиан хотел, чтобы я раскопал этот ров. Я знал, что обе прежние экспедиции слышали разные варианты легенды и осматривали остатки рва. Раутледж поначалу колебалась, но заключила, что это естественная впадина геологического происхождения, возможно использованная длинноухими для обороны. Метро пошел еще дальше, он заявил, что природная формация дала пасхальцам повод сочинить сказку. Дескать, островитяне старались как-то объяснить своеобразный географический феномен, так что сказание о длинноухих и короткоухих, несомненно, вымышлено пасхальцами в недавнее время.

Среди тех, кто осматривал ров длинноухих, был также один геолог. Он раз навсегда установил, что впадина возникла естественным путем еще до появления здесь людей. Поток лавы из главной части острова натолкнулся на затвердевший поток, который еще раньше сполз с плато Поике, и в месте их встречи получилось подобие рва.

Наука вынесла свой приговор, который поверг в недоумение обескураженных пасхальцев. Однако они продолжали стоять на своем: это оборонительный ров Ико, земляная печь длинноухих. И патер Себастиан верил в их версию.

— Это очень важно для меня лично, если вы согласитесь провести там раскопки,— сказал он и чуть не подпрыгнул от радости, когда я ответил «да».

Руководить раскопками рва длинноухих взялся Карл. На следующий день мы вместе с пятью пасхальцами отправились на джипе в сторону Поике по расчищенной от камня тропе. И вот уже впереди отлогие травянистые склоны без единого камешка, хотя по бокам и позади нас все было черно от вулканического шлака. Вверху, на плато, можно было катить без помех в любую сторону. Но мы остановились внизу, у кромки, за которой начиналась чистая зелень. Здесь в обе стороны на север и на юг тянулась вдоль склона небольшая впадина, будто занесенная канава. Местами, где было поглубже, она различалась отчетливо, местами почти совсем сглаживалась, потом снова появлялась, и так до самых обрывов по краям перешейка. Кое-где за рвом виднелись возвышения, словно остатки вала. Мы затормозили и выскочили из машины. Вот он, *Ко те Ава о Ико*, ров Ико, или *Ко те Уму о те Ханау ээпе*, земляная печь длинноухих!

Прежде чем копать всерьез, Карл хотел сначала заложить несколько разведочных шурфов. Мы прошли вдоль канавы и расставили с большим интервалом пятерых рабочих, поручив каждому вырыть глубокую прямоугольную яму. Впервые я видел, чтобы пасхальцы так рьяно брались за работу. Наблюдать за ними не было надобности, и мы решили прогуляться по плато. А когда вернулись и пошли к первому шурфу посмотреть, как подвигается дело, оказалось, что оставленный здесь рабочий куда-то исчез вместе с инструментом. Но прежде чем мы успели удивиться, из ямы вылетели комья земли, и, подойдя вплотную, мы увидели, что старик уже зарылся метра на два и продолжает лихо орудовать киркой и лопатой. А в горчично-желтой стене вокруг него проступал широкий красно-черный слой. Древесный уголь и зола! Здесь некогда пылал огромный костер, и Карл объяснил, что пламя было очень жарким или же костер горел долго, оттого зола такая красная. Раньше чем он успел что-нибудь добавить, я уже бежал по склону к следующей яме.

Карл поспешил вдогонку за мной, и мы увидели торчащую из земли улыбающуюся голову звонаря Иосифа. Он тоже раскопал следы костра и показал нам полную горсть черных головешек. Между тем на всем косогоре не было видно даже самого маленького кустика. Мы бежали от шурфа к шурфу, и всюду нас ждало одно и то же: ярко-красная полоса золы с каймой из черных угольков.

Съездили за патером Себастианом, и он побежал в развевающейся сутане от одной ямы к другой, рассматривая красную золу. Старый патриарх сиял, как солнце. И когда мы под вечер пока-

тили мимо чопорных истуканов Рано Рараку в Анакену, где нас ждал плотный обед, патер широко улыбался, радуясь нашей победе и предвкушая славную трапезу с добрым датским пивом в банках. Надо было хорошенько подкрепиться, завтра предстоял волнующий день, начало больших раскопок на Поике.

На другое утро бригада рабочих получила задание — сделать полный разрез впадины на перешейке. Несколько дней под руководством Карла продолжались работы, которые позволили раскрыть тайну рва. Верхняя кромка впадины и впрямь была намечена самой природой, она совпадала с границей древнего потока лавы. Но нижняя часть рва была делом прилежных человеческих рук. Люди врубились в камень и создали оборонительный ров правильного сечения, глубиной четыре метра, шириной двенадцать метров и больше двух километров в длину. Это было титаническое сооружение. В золе мы нашли камни для пращей и каменные орудия. Щебень и песок из рва пошли на вал вдоль верхнего края, причем их, судя по виду пластов, переносили в больших корзинах.

Итак, мы убедились, что ров Ико — великолепно задуманное оборонительное сооружение. В глубокой канаве вдоль всего склона много лет назад люди сложили топливо и зажгли огромный костер. Настал наш черед дивиться, а пасхальцы все это давно знали, из поколения в поколение передавалось, что занесенная впадина — след защитного рва Ико и место гибели длинноухих.

Современному археологу нетрудно датировать древесный уголь из древнего костра. Возраст довольно точно определяют, измеряя радиоактивность древесного угля, которая убывает из года в год с определенной, известной скоростью. Громадный костер в земляной печи длинноухих пылал триста лет назад, может быть чуть раньше или чуть позже. Но оборонительное сооружение было создано людьми задолго до этой катастрофы, ров уже наполовину занесло песком, когда длинноухие собрали в него топливо и подожгли. В нижних слоях тоже оказались следы кострища. Те, кто первоначально копал ров, закидали щебнем очаг, в котором горел огонь около 400 года нашей эры. Это был древнейший датированный след человека во всей Полинезии.

В деревне и в экспедиционном лагере теперь по-новому звучала история длинноухих. Приобретали смысл некоторые особенности огромных статуй — у всех них были длинные уши, отвислые, как у охотничьей собаки.

Однажды под вечер я бродил среди длинноухих статуй у подножия Рано Рараку. У меня накопилось о чем поразмыслить, а лучше всего думается в одиночестве под звездами. Чтобы хоро-

шенько узнать какое-то место, надо там переночевать. Мне случалось спать в самых неожиданных местах: на алтарном камне древнего Стоунхенджа, в сугробе на высочайшей вершине Норвегии, в каморке из сырцового кирпича в одном из заброшенных пещерных поселений Нью-Мексико, у развалин обители первого Инки на острове Солнца на озере Титикака. И вот теперь я решил переночевать в древней каменоломне Рано Рараку. Не потому, что я суеверен и рассчитывал узнать секреты длинноухих от их духов, а потому, что люблю необычные ощущения. Я карабкался вверх с полки на полку через лежащих исполинов, пока среди всех этих фигур не нашел площадку, с которой перенесли готовое изваяние. Опустевшая колыбель напоминала театральный балкон с нависшим потолком. Отсюда открывался великолепный вид, и дождь мне был не страшен.

Впрочем, пока что стояла чудесная погода. Солнце готовилось уйти за крутую стену вулкана Рано Као, который вырисовывался силуэтом в другом конце острова, и красные, пурпурные, фиолетовые облака укрыли ложе солнечного бога. Но несколько ярких лучей пробились сквозь завесу и дотянулись до сверкающей череды волн, которые в нескончаемом штурме медленно и беззвучно накатывались на берег. Днем я вряд ли увидел бы волны, слишком далеко, но вечернее солнце посеребрило курчавые гребни, и серебряная пыль повисла в воздухе у подножия вулкана. Божественное видение...

И среди роя богов на склоне горы сидел на балконе великанов маленький человек, любуясь грандиозной картиной.

Я срезал несколько пучков сухой травы, смел песок и овечий помет с одного конца каменного ложа, потом в гаснущем свете дня сделал себе мягкую постель из травы и папоротника. С луга под горой доносились чарующие звуки полинезийских любовных песен. Две девушки ехали верхом неведомо куда, лошади бесцельно петляли, а беспечные всадницы наполняли вечерний воздух звонким смехом и песней. Но когда солнце потянуло с востока ночной мрак, словно темное жалюзи, и одинокий гость горы стал укладываться спать, девушки вдруг примолкли и, чем-то спугнутые, понеслись галопом к пастушьему домику около бухты. Незадолго перед этим туда прошел пастух. Я видел, как он останавливался на ходу, чтобы поджечь траву. Давно уже стояла засуха, дожди шли очень редко, и трава пожухла. Нужно было ее спалить, чтобы могла вырасти свежая зеленая трава. Покуда было светло, я видел только серую пелену дыма, будто туман над степью. Но вот спустилась ночь, и дым исчез во мраке. Дым, но не огонь.

Чем темнее, тем ярче светились язычки пламени. Казалось, тысячи красных костров вспыхивают в черной ночи.

Морской бриз нес холодок, и я застегнул спальный мешок до самого подбородка, вслушиваясь в ночную тишину и вдыхая необычную атмосферу мастерской длинноухих. На своем балконе я чувствовал себя совсем как в театре. Длинноухие давали исполинский спектакль. Силуэты окружавших меня великанов были будто черные кулисы на фоне переливающегося звездными блестками темно-синего занавеса, а ниже их простиралась глухая степь, где вспыхивали все новые языки пламени, и вот уже кажется, что тысячи незримых короткоухих крадутся с факелами в ночи, готовясь штурмовать каменоломню. Снова время перестало существовать, словно всегда было так: ночь, звезды и люди, играющие с огнем.

С этой картиной перед глазами я задремал, но тут меня заставил вздрогнуть неожиданный шорох: кто-то тихонько полз по сухой траве. Кто бы это мог быть?.. Островитянин, задумавший стащить что-нибудь из моих вещей? Вдруг что-то прошуршало у самой моей головы, я повернулся на живот и зажег фонарь. Ни души. Лампочка мигнула, белый накал сменился красным тлением. Черт бы побрал эти отсыревшие сухие элементы! В тусклом свете фонаря я едва различал каменного богатыря с верхнего яруса, который перекрывал часть моего балкона. Судя по всему, он сломал себе шею, когда его спускали вниз. Да еще из травы на соседнем карнизе, отбрасывая причудливые тени, торчали два здоровенных носа. Небо заволокли тучи, начал накрапывать дождь, но меня он достать не мог. Я выключил фонарик и попытался уснуть, но шуршание усиливалось. Хорошая встряска заставила фонарик светить поярче, и я увидел коричневого таракана величиной с большой палец. Я отыскал ощупью угловатое рубило, каких в мастерской валялось множество, и уже хотел расправиться с чудовищем, когда заметил подле него второго таракана... третьего... четвертого. Таких громадных тараканов я еще не встречал на острове Пасхи. Посветил кругом и убедился, что со всех сторон окружен этими жирными бестиями. Они сидели гроздьями на стенке рядом со мной, над моей головой, а несколько штук забрались на спальный мешок и, таращa глупые круглые глаза, шевелили длинными усиками. Отвратительное зрелище, но, когда я погасил фонарик, стало еще хуже, потому что тараканы сразу закопошились. Один из них, посмелее, даже ущипнул меня за ухо. Снаружи лил дождь. Взяв рубило, я пришиб самых здоровенных, потом сбросил тех, которые влезли на спальный мешок. Опять фонарь отказал, а когда мне

удалось что-то из него выжать, кругом было столько же тараканов, сколько до расправы. Несколько бестий пожирали убитых собратьев — сущие каннибалы! Внезапно я увидел глядящие на меня в упор страшные глазища и разинутую беззубую пасть. Прямо кошмар какой-то. Уродливая рожа оказалась высеченным в камне изображением грозного духа *маке-маке*. Днем я его не заметил, теперь же тени в бороздах выявили его рельефность, в слабом свете фонаря гротескный лик отчетливо вырисовывался на стене у самой моей головы. Я прикончил рубилом еще несколько тараканов, но в конце концов сдался на милость превосходящих сил противника, не то пришлось бы мне всю ночь заниматься убийством. Еще мальчишкой, в бойскаутах, запомнил я мудрое изречение: все животные красивы, если хорошенько присмотреться. Я уставился прямо в блестящие, шоколадного цвета, пустые глаза шестиногого гостя, потом укрылся с головой, чтобы поскорее уснуть. Но жесткое ложе дало мне срок кое о чем еще поразмыслить. Думал я о том, до чего же эта порода твердая — не в том смысле, что лежать жестко, а в том, что рубить трудно. Снова взяв рубило, я изо всех сил стукнул им по скале. Этот опыт я проделывал и раньше и убедился, что рубило отскакивает, оставив лишь светлое пятнышко на породе. Наш капитан ходил со мной сюда один раз, решил испытать крепость камня молотком и зубилом. Полчаса ушло у него на то, чтобы отбить кусок величиной с кулак. И тогда же мы определили, что только в видимых нам нишах было вырублено больше двадцати тысяч кубометров камня, причем археологи считали, что это число надо удвоить. Непостижимо! Что-то фантастическое было во всей этой затее длинноухих... И давняя мысль с новой силой овладела мной. Почему бы не провести опыт? Рубила лежат там, где их бросили ваятели, а в деревне до сих пор живут потомки последнего из длинноухих. Ничто не мешает хоть завтра возобновить работы в каменоломне.

Факельное шествие каннибалов в степи прекратилось. Но рой крохотных каннибалов на карнизе среди великанов продолжал пировать останками сородичей, павших от рубила длинноухих. И под непрерывный шелест и шорох я погрузился в безбрежное, вневременное море сна — голиаф среди копошащихся каннибалов, карлик среди грезящих богатырей под простершимся над горой необъятным звездным небом.

А наутро солнце опять позолотило равнину, и только множество крылышек да скорченных ножек говорило мне, что нашествие тараканов не было сном. Я оседлал лошадь и поскакал по древней заросшей дороге в деревню.

Лицо патера Себастиана осветилось задорной улыбкой, когда я рассказал ему, где провел ночь и что задумал. Он сразу одобрил мою мысль, просил только выбрать укромный уголок, чтобы не нарушать привычной картины — вид на Рано Рараку с равнины. Однако мне для работы были нужны не первые попавшиеся люди. Я знал, что патер Себастиан лучше всех изучил родовые связи пасхальцев, он даже опубликовал работу о местных генеалогиях. И я сказал ему, что ищу потомков последнего длинноухого.

— Теперь осталась только одна семья, которая происходит по прямой линии от Оророины,— ответил патер Себастиан.— Они выбрали для себя родовое имя «Адам», когда в прошлом веке пасхальцев крестили. По-местному это звучит «Атан». Да ведь ты знаешь старшего из братьев Атан — это Педро Атан, бургомистр.

— Бургомистр!? — Я был поражен и невольно улыбнулся.

— Конечно, есть в нем шутовство, но он далеко не глуп, да к тому же добрый человек,— заверил меня патер.

— Но ведь он совсем не похож на коренного пасхальца,— возразил я.— Эти тонкие губы, узкий нос, светлая кожа...

— Он чистокровный,— сказал старик.— Из всего населения острова мы сегодня можем поручиться за чистокровность только восьмидесяти — девяноста человек. К тому же он настоящий длинноухий по отцу.

Я живо вскочил на коня и поскакал вдоль глинистой улочки к ограде, за которой среди кустов и деревьев укрылся белый домик бургомистра.

Педро Атан был занят работой, вырезывал набор чудесных шахматных фигур, которые изображали птицечеловеков, статуи и другие пасхальные мотивы.

— Это для тебя, сеньор.— Он гордо показал на свой шедевр.

— Ты художник, дон Педро бургомистр,— сказал я.

— Да, лучший на всем острове,— тотчас последовал самоуверенный ответ.

— Правда, что ты еще и длинноухий?

— Да, сеньор,— торжественно произнес бургомистр. Он вскочил и вытянулся в струнку, будто солдат на поверке.— Я длинноухий, настоящий длинноухий, и горжусь этим!

Он ударил себя в грудь.

— Кто сделал большие статуи?

— Длинноухие, сеньор! — последовал уверенный ответ.

— А некоторые пасхальцы говорили мне, что короткоухие.

— Это ложь, они хотят присвоить себе честь, которую заслужили мои предки. Все сделано длинноухими. Разве ты не заметил,

сеньор, что у статуй длинные уши? Неужели думаешь, что короткоухие вытесывали изображения длинноухих? Эти статуи — памятники вождям длинноухих.

От волнения он часто дышал, тонкие губы дрожали.

— Я считаю, что статуи сделаны длинноухими,— сказал я.— И хочу, чтобы мне высекли такое изваяние, причем эту работу должны выполнить только длинноухие. Как ты думаешь, справитесь?

Бургомистр на минуту окаменел, только губы шевелились, потом всколыхнулся:

— Будет сделано, сеньор, будет сделано! А какой величины?

— Да не слишком большую, метров пять-шесть.

— Тогда нужно шесть человек. Нас всего четверо братьев, но есть много длинноухих по матери — подойдет?

— Вполне.

Я тут же навестил губернатора и попросил на время освободить Педро Атана от обязанностей бургомистра. Ему было разрешено вместе с родственниками отправиться на Рано Рараку, чтобы вытесать изваяние.

Меня попросили, чтобы я за день до начала работ приготовил угощение для длинноухих. Раз я заказал статую, мне полагалось кормить работников, таков древний обычай. Кончился день, наступил вечер, а за едой все никто не шел. Один за другим обитатели лагеря стали укладываться спать, раньше всех Ивон с Аннет в крайней палатке, около поверженного широкоплечего великана, и начали гаснуть фонари. Только Гонсало, Карл и я продолжали писать в столовой.

Вдруг послышалось странное тихое пение... громче, громче... Пели где-то в нашем лагере, а вот к пению присоединился ровный глухой стук. Чем-то древним, необычным веяло от этой музыки. Гонсало встал, явно ошеломленный, Карл вытаращил глаза, и сам я слушал как завороженный. Ничего подобного я не слыхал, сколько путешествовал в Полинезии. Мы вышли из палатки в ночной мрак. Тут и наш кинооператор появился, одетый в пижаму, в палатках загорелись огни. В слабом свете, который пробивался наружу из столовой, мы различили посреди площадки между палатками сидящих людей, которые колотили по земле затейливо орнаментированными палицами, веслами и рубилами. На голове у каждого был убор из листьев, словно венец из перьев, а две фигурки с края были в больших бумажных масках, изображающих птице-человека с громадными глазами и клювом. Они кланялись и кивали, остальные пели, покачиваясь, и отбивали такт.

Но больше, чем это зрелище, нас очаровала мелодия — будто привет из мира, канувшего в лету. Особенно своеобразно, даже не описать, звучал среди низких мужских голосов чей-то гротескный пронзительный голос, который подчеркивал необычность этого замогильного хора. Приглядевшись, я рассмотрел, что он принадлежит тощей седой старухе. Они продолжали сосредоточенно петь, пока кто-то из наших не вышел из палатки с фонарем в руках. Тотчас пение смолкло, они забормотали «нет» и закрыли лица. Когда фонарь исчез, пение возобновилось, начал запевала, за ним поочередно вступили остальные, последней — старуха. Я словно унесся далеко от Полинезии; что-то похожее доводилось мне слышать среди индейцев пуэбло в Нью-Мексико, и все наши археологи подтвердили мое впечатление.

Как только песня кончилась, я вынес блюдо с сосисками, заранее приготовленное стюардом, исполнители встали и, взяв блюдо, скрылись во мраке. Мы увидели, что птицечеловеков изображали дети.

Через некоторое время вернулся с пустым блюдом бургомистр, чрезвычайно серьезный, с венком из папоротника. Я обратился к нему с шуткой, смеясь, похвалил редкостный спектакль, но бургомистр даже не улыбнулся.

— Это очень старинный обряд, древняя песнь каменотесов,— объяснил он.— Они обращались к своему главному богу Атуа, просили, чтобы им сопутствовала удача в предстоящей работе.

В бургомистре, в песне и ее исполнении было что-то особенное, из-за чего я чувствовал себя неловко и неуверенно. Это был вовсе не спектакль, чтобы развлечь себя или нас, пасхальцы выполнили своего рода ритуал. Ничего подобного я не наблюдал в Полинезии с тех самых пор, как почти двадцать лет назад жил у старика Теи Тетуа, уединившегося в долине Уиа на Фату-Хиве. Жители Полинезии давно расстались со стариной, разве что выступят в лубяных юбочках для туристов. Музыка песен и плясок обычно сочинена не ими, а когда островитяне рассказывают предания, это чаще всего пересказ вычитанного в книгах белых путешественников. Но маленькая ночная церемония явно не была придумана для нас, мы ее увидели лишь потому, что заказали у них статую.

Я нарочно попробовал вызвать бургомистра и его людей на шутку, однако не встретил поддержки. Педро Атан спокойно взял меня за руку и сказал, что все было «всерьез», эта древняя песня обращена к богу.

— Наши предки заблуждались,— продолжал он.— Они верили,

что бога зовут Атуа. Мы-то знаем, что это неверно, но не будем их порицать, ведь их некому было учить тому, что знаем мы.

Затем весь отряд, большие и маленькие, покинул со своим снаряжением культовую площадку, они отправились в одну из пещер Хоту Матуа, чтобы там переночевать.

На другое утро мы поднялись в каменоломню Рано Рараку. Здесь мы застали бургомистра и еще пятерых длинноухих: прийдя задолго до нас, они собирали древние рубила. Сотни таких рубил, напоминающих огромный клык с конусовидным острием, лежали на полках и по всему склону. На «балконе», где я ночевал, была незаметная снизу большая ровная стена, которая образовалась, когда древние ваятели врубились в гору. Здесь-то мы и задумали возобновить работу. На стене еще с прежних времен остались следы от рубил, словно длинные царапины. Наши друзья длинноухие с самого начала ясно представляли себе ход работы. У стены были сложены в ряд старые рубила, кроме того, каждый поставил возле себя наполненный водой сосуд из высушенной тыквы. Бургомистр, все в том же венке из папоротника, бегал взад-вперед, проверяя готовность. Затем он где вытянутой рукой, где пядью сделал замеры на скале; очевидно, знал пропорции по своим деревянным фигуркам. Нанес рубилом метки — все готово. Но вместо того чтобы приступать, он вежливо извинился перед нами и зашел со своими людьми за выступ.

Предвкушая новый ритуал, мы долго с интересом ждали, что теперь последует. Но вот каменотесы не спеша, с важным видом вышли из-за выступа и, взяв по рубилу, заняли места вдоль стены. Очевидно, ритуал уже совершился за выступом. Держа рубила, словно кинжал, они по знаку бургомистра запели вчерашнюю песнь каменотесов и принялись в лад песне стучать рубилами по скале. Удивительное зрелище, удивительный спектакль... Правда, в ней недоставало характерного голоса старухи, но гулкие удары рубил возмещали этот пробел. Это было так увлекательно, что мы стояли будто загипнотизированные. Постепенно певцы оживились; весело улыбаясь, они пели и рубили, рубили и пели. Особенно горячо работал пожилой долговязый пасхалец, замыкавший шеренгу, он даже приплясывал, стуча и напевая. Тук-тук, тук, тук-тук-тук, гора твердая, камень о камень, маленький камень в руке тверже, гора поддается, тук-тук-тук — наверное, стук разносился далеко над равниной... Впервые за сотни лет на Рано Рараку снова стучали рубила. Песня смолкла, но не прекращался перестук рубил в руках шестерки длинноухих, которые возродили ремесло и приемы работы своих предков. След от каждого

удара был не ахти какой — пятнышко серой пыли, и все, но тут же следовал еще удар, еще и еще, глядишь, и пошло дело. Время от времени каменотесы сбрызгивали скалу водой из тыквы. Так прошел первый день. Куда бы мы ни пошли, всюду к нам доносился стук с горы, где лежали окаменевшие богатыри. Когда я вечером улегся спать в палатке, перед глазами у меня стояли смуглые мускулистые спины и врубающиеся в гору острые камни. И в ушах звучал мерный стук, хотя в каменоломне давно уже воцарилась тишина. Бургомистр и его товарищи, смертельно усталые, спали крепким сном в пещере Хоту Матуа. Старуха приходила к нам в лагерь и получила огромное блюдо с мясом, да еще полный мешок хлеба, сахара и масла, так что длинноухие наелись до отвала перед сном.

На другой день работа продолжалась. Обливаясь потом, пасхальцы рубили камень. На третий день на скале вырисовались контуры истукана. Длинноухие сначала высекали параллельные борозды, потом принимались скалывать выступ между ними. Все стучали и стучали, сбрызгивая камень водой. И без конца меняли рубила, потому что острие быстро становилось круглым и тупым. Прежде исследователи считали, что затупившиеся рубила просто выкидывали, потому-де в каменоломне валяется такое множество рубил. Оказалось, что они ошибаются. Бургомистр собирал затупившиеся рубила и бил, словно дубинкой, одним по другому, так что осколки летели. Смотришь, рубило уже опять острое, и было это на вид так же просто, как чертежнику заточить карандаш.

И мы поняли, что большинство целых рубил, лежавших в каменоломне, были в деле одновременно. У каждого ваятеля был целый набор. Вдоль средней по величине пятиметровой статуи вроде нашей могло разместиться шесть человек. Поэтому сразу можно было делать много истуканов. Сотни-другой каменотесов было достаточно, чтобы развернуть обширные работы. Но многие статуи остались незавершенными по чисто техническим причинам задолго до того, как оборвалась работа в мастерской. Где-то ваятелей остановили трещины в породе, где-то твердые, как кремень, черные включения не давали высечь нос или подбородок.

Так нам открылись тонкости работы каменотесов. Но больше всего нас занимало, сколько времени нужно, чтобы вытесать статую. По расчетам Раутледж, хватило бы и пятнадцати дней. Метро тоже считал, что камень мягкий и обрабатывать его куда легче, чем думает большинство людей; правда, пятнадцати дней ему казалось маловато. Очевидно, оба они допускали ту же ошибку, что мы и многие другие, судя о твердости породы по *поверхности* из-

ваяний. Чувство благоговения не позволило нам последовать примеру первых испанцев, которые прибыли на Пасху. Они решили, что истуканы глиняные, и ударили по одному из них киркой так, что искры посыпались. Дело в том, что под выветренной коркой камень очень твердый. То же можно сказать о породе на защищенных от дождя участках горы.

После третьего дня работа пошла медленнее. Длинноухие показали мне свои скрюченные, в кровавых мозолях пальцы и объяснили, что, хотя они привыкли день-деньской орудовать топором и долотом, у них нет навыка, которым обладали древние ваятели, вытесывавшие *моаи*. Поэтому они не могут, как их предки, много недель подряд поддерживать высокий темп работы. Мы уселись поудобнее на траве и занялись расчетами. У бургомистра получилось, что две бригады, работая посменно весь день, управятся со статуей средней величины за двенадцать месяцев. Долговязый старик подсчитал, что нужно пятнадцать месяцев. Билл, проверив твердость породы, получил такой же ответ, как бургомистр. Год уйдет на то, чтобы вытесать идола, потом его еще надо перенести.

Интереса ради наши скульпторы вытесали пальцы и наметили лицо, потом отполировали барельеф стертой пемзой, оставленной древними ваятелями.

Вечером того же дня, посадив Аннет на плечо, я вместе с Ивон пошел через долину в пещеру к длинноухим. Они заметили нас издалека; когда мы подошли, они сидели, занятые каждый своим делом, и, плавно покачиваясь из стороны в сторону, напевали песню о Хоту Матуа. Эту старинную песню хорошо знали все пасхальцы, а мелодия ее была такой же захватывающей, как наши популярные песенки. Мы с удовольствием слушали, как ее пели тогда в деревне, но здесь, в пещере самого Хоту Матуа, она нам понравилась еще больше. Даже трехлетняя Аннет запомнила мелодию и полинезийские слова, и теперь она принялась подпевать, приплясывая вместе с двумя местными гномиками, которые выскочили из пещеры. Мы с Ивон пригнулись, вошли и сели на циновку рядом с потеснившимися длинноухими — они были страшно рады гостям.

Расплываясь в улыбке, бургомистр поблагодарил за хорошее угощение, которое им ежедневно посылал наш повар, а особенно за сигареты, самое дорогое для них. Он и еще двое из бригады, вооружившись топориками, напоминающими кирку, трудились над обычными деревянными фигурками. Один из них вставлял деревянному страшилищу глаза из белых акульих позвонков и черного

обсидиана. Бабка-стряпуха плела шляпу, остальные просто лежали, покусывая соломинки и глядя на вечернее небо. Над костром у входа в пещеру висел черный котел.

— Ты когда-нибудь отдыхаешь? — спросил я бургомистра.

— Мы, длинноухие, любим работать, всегда работаем. Я по ночам почти не сплю, сеньор,— ответил он.

— Добрый вечер,— произнес чей-то голос. Этого длинноухого мы и не приметили сразу, он пристроился на подстилке из папоротника в темной нише в стене.— А что, уютно у нас здесь?

Нельзя было не согласиться с этим, но я как-то не ожидал, что они сами придают этому значение. Начало темнеть, из пещеры мы увидели горизонтально парящий в небе лунный серп. Старуха поставила вверх дном старую жестяную банку. В дне была вмятина, а во вмятине плавал в бараньем жире самодельный фитиль. Это подобие старых каменных светильников давало удивительно яркий свет. Тощий старик сообщил нам, что в старину никто не зажигал огня ночью, боялись привлечь врагов.

— Зато воины приучались хорошо видеть в темноте, — добавил бургомистр. — А теперь мы так привыкли к керосиновым лампам, что в темноте почти слепые.

Одно воспоминание родило другие.

— Да, и тогда они так не спали. — Старик лег на спину, раскинул руки, открыл рот и захрапел, будто мотоцикл. — Вот как они спали. — Он перевернулся на живот и собрался в комок, упираясь грудью в колени и положив лоб на сжатые кулаки, макушкой ко мне. В одной руке он держал острый камень.

— Проснулся, вскочил и мигом убил врага, — объяснил старик и для наглядности вдруг стрелой метнулся вперед и набросился на меня с каннибальским воплем, который заставил Ивон взвизгнуть от неожиданности. Длинноухие покатились со смеху. Испуганные ребятишки прибежали посмотреть, что случилось, потом опять затеяли плясать вокруг костра, а длинноухие продолжали увлеченно вспоминать дедовские рассказы.

— Ели тогда очень мало, — говорил старик. — А горячего и вовсе в рот не брали, боялись разжиреть. В то время, мы его называем *Хури-моаи,* время свержения статуй, нужно было всегда быть готовым к битве.

— Это время так называли, потому что воины сбрасывали статуи, — разъяснил длинноухий в нише.

— А зачем они это делали, ведь все длинноухие сгорели? — спросил я.

— Короткоухие делали это назло друг другу,— ответил бур-

гомистр. — Все принадлежало им, у каждого рода был свой участок. У кого на участке стояли большие статуи, те гордились, и, когда роды воевали между собой, они валили статуи друг у друга, чтобы хорошенько досадить. Мы, длинноухие, не такие воинственные. Мой девиз, сеньор Кон-Тики, — «Не горячись».

И он примирительно положил руку мне на плечо, словно показывая, как надо успокаивать буяна.

— А откуда ты знаешь, что ты длинноухий? — осторожно спросил я.

Бургомистр поднял руку и начал загибать пальцы:

— Потому что мой отец Хосе Абрахан Атан был сыном Тупутахи, а тот был длинноухий, потому что он был сыном Харе Каи Хива, сына Аонгату, сына Ухи, сына Мотуха, сына Пеа, сына Инаки, а тот был сыном Ороронны, единственного длинноухого, которого оставили в живых после битвы у рва Ико.

— Ты насчитал десять поколений, — заметил я.

— Значит, кого-то пропустил, потому что я одиннадцатый, — сказал бургомистр и снова принялся считать по пальцам.

— Я тоже из одиннадцатого поколения, — объявил голос из ниши, — но я младший. Педро — старший, он знает больше всех, поэтому он глава нашего рода.

Бургомистр указал на свой лоб и, хитро улыбаясь, произнес:

— У Педро есть голова на плечах. Поэтому Педро предводитель длинноухих и бургомистр всего острова. Я не такой уж старый, но люблю думать о себе как об очень старом человеке.

— Это почему же?

— Потому что старики умные, только они что-то знают.

Я попробовал выведать, что́ происходило до того, как короткоухие истребили длинноухих и началось «время свержения статуй», но напрасно. Они знали, что их род начинается с Ороронны, а что было до него, никто не мог сказать. Известно, конечно, что длинноухие сопровождали Хоту Матуа, когда был открыт остров, но ведь то же самое говорят о себе короткоухие, и они же приписывают себе честь изготовления статуй. И никто не помнил, приплыл ли Хоту Матуа с востока или с запада. Человек в нише предположил, что Хоту Матуа приплыл из Австрии (Österreich — «Восточная империя»), однако никто его не поддержал, и он отступил, добавив, что слышал это на каком-то судне. Пасхальцы предпочитали говорить о гораздо более реальной для них «поре свержения статуй». Вспоминая предавшую его сородичей женщину с корзиной, бургомистр до того возмущался, что у него выступили слезы на глазах и перехватило голос. Видно было, что,

невзирая на девиз «Не горячись», это предание переживет еще одиннадцать поколений.

— Красивые люди были среди наших предков, — продолжал бургомистр. — Тогда на острове жили разные люди, одни темные, а другие совсем светлокожие, как вы на материке, и со светлыми волосами. В общем белые, но они все равно были настоящие пасхальцы, самые настоящие. В нашем роду таких светлых было много, их называли *охо-теа,* или «светловолосые». Да у моей собственной матери и у тетки волосы были куда рыжее, чем у сеньоры Кон-Тики.

— Гораздо рыжее, — подтвердил его брат в нише.

— В нашем роду всегда, какое поколение ни возьми, было много светлых. Правда, мы, братья, не рыжие. Но у моей дочери, которая утонула, кожа была белая-пребелая и волосы совсем рыжие, и Хуан, мой сын, он уже взрослый, тоже такой. Он представляет двенадцатое поколение после Оророины.

Что правда, то правда — у обоих детей бургомистра волосы были такого же цвета, как *пукао* тонкогубых длинноухих идолов, венчавших пасхальские *аху* во втором культурном периоде. Предки сгорели на Поике, истуканов свергли с *аху,* но рыжие волосы можно проследить, начиная от огромных каменных «парико́в» и от пасхальцев, описанных путешественниками и миссионерами, до последних потомков Оророины, ближайших родственников бургомистра.

Мы и сами чувствовали себя чуть ли не светловолосыми длинноухими, когда выбрались из пещеры Хоту Матуа и побрели через долину в спящий лагерь. Засиделись, поздновато для Аннет...

Несколько дней спустя я стоял вместе с бургомистром и смотрел на поверженных идолов на культовой площадке у нашего лагеря. Билл только что сообщил из Винапу, что его рабочие-пасхальцы, водружая на место выпавшую из каменной стены глыбу, применили какой-то необычный способ. Нет ли тут какой-нибудь связи с вековой загадкой, как в древности переносили или воздвигали огромные статуи? Применяя свой нехитрый способ, эти рабочие действовали уверенно, словно иного способа и быть не могло. Может быть, речь идет о приемах, унаследованных от предков? Вспомнилось, что я уже спрашивал бургомистра, как переносили статуи из мастерской. А он тогда ответил то же, что мне говорили все пасхальцы: истуканы сами расходились по местам. Я решил снова попытать счастья:

— Послушай, бургомистр, ты ведь длинноухий, неужели не знаешь, как поднимали этих великанов?

— Конечно, знаю, сеньор, это пустяковое дело.

— Пустяковое дело? Да ведь это одна из великих загадок острова Пасхи!

— Ну, а я знаю способ, как поднять *моаи*.

— Кто же тебя научил?

Бургомистр с важным видом подошел ко мне вплотную.

— Сеньор, когда я был маленьким-маленьким мальчиком, меня сажали на пол и велели слушать, а мой дедушка и его зять старик Пороту сидели передо мной. Знаете, как в школах обучают, вот так они меня учили. Поэтому я знаю очень много. Я должен был повторять за ними снова и снова, пока не запоминал все в точности. И песни я выучил.

Он говорил так искренне, что я опешил. С одной стороны, бургомистр ведь доказал в каменоломне, что в самом деле кое-что знает, с другой стороны, я уже убедился, что он порядочный выдумщик.

— Если ты знаешь, как устанавливали изваяния, почему же ты давным-давно не рассказал об этом всем тем, кто приплывал сюда раньше и расспрашивал жителей? — решил я проверить его.

— Никто не спрашивал *меня*,— гордо ответил бургомистр, явно считая это достаточно веской причиной.

Я не поверил ему и с апломбом вызвался заплатить сто долларов в тот день, когда самая большая статуя в Анакене встанет на свой постамент. Я знал, что на всём острове нет ни одной статуи, которая стояла бы, как в старину, на своей *аху*. И не видать мне их стоящими! Безглазые идолы, временно установленные в глубоких ямах у подножия Рано Рараку, в счет не шли.

— Условились, сеньор! — живо отозвался бургомистр и протянул мне руку.— Я как раз собираюсь в Чили, когда придет военный корабль, доллары мне пригодятся!

Я рассмеялся и пожелал ему успеха. Ну, и чудак же этот бургомистр!

В тот же день из деревни прискакал верхом рыжеволосый сын бургомистра. Он привез записку от отца, который просил меня переговорить с губернатором, чтобы тот разрешил ему и еще одиннадцати островитянам на время подъема большой статуи поселиться в пещере Хоту Матуа в Анакене. Я оседлал коня и отправился к губернатору. Он и патер Себастиан только смеялись, слушая бургомистра, дескать, все это пустое бахвальство. Я и сам так думал, но, глядя на дона Педро, который стоял перед нами, держа

шляпу в руках, с дрожащими от волнения губами, решил, что надо держать слово. Губернатор дал письменное разрешение. Патер Себастиан посмеивался — мол, посмотрим, что выйдет из этой затеи!

И вот бургомистр вместе с двумя братьями и другими потомками длинноухих по материнской линии — всего двенадцать человек — явились в лагерь. Здесь они получили паек, после чего снова вселились в пещеру Хоту Матуа.

На закате бургомистр пришел к нашим палаткам, вырыл в центре лагеря глубокую круглую яму, затем удалился.

А когда спустилась ночь и лагерь объяла тишина, послышались, как и в прошлый раз, какие-то странные, таинственные звуки. Глухой стук и тихое пение, которое звучало все громче и громче. Запевал дребезжащий старушечий голос, нестройный хор подхватывал припев. Лагерь проснулся, палатки озарились изнутри зеленым призрачным светом, точно огромные бумажные фонари. Все, как один, вышли наружу, на этот раз без фонариков — в прошлый раз мы усвоили, что пение должно происходить в темноте. Однако теперь мы увидели совсем другое представление. Пасхальцы украсили себя листьями и зелеными ветками, кто-то покачивался в лад песне, кто-то приплясывал, топая, будто в экстазе. Старуха пела с закрытыми глазами; у нее был низкий своеобразный голос. Младший брат бургомистра стоял в вырытой вечером яме; потом оказалось, что в ней под плоским камнем лежал большой сосуд. От топота босых ног этот «барабан» издавал глухой звук, который усугублял впечатление, будто мы очутились в подземном царстве. В пробивавшемся сквозь стенки палаток тусклом зеленом свете мы с трудом различали призрачные фигуры, но тут из мрака вынырнуло стройное создание, и наши ребята сразу вытаращили глаза.

Юная девушка в свободном светлом одеянии, босая, с длинными развевающимися волосами, прямая, как свеча, впорхнула в зеленый световой круг, будто нимфа из сказки. Под пение хора и звуки «барабана» она танцевала что-то необычное, в ритме танца ничего не было от хюлы, и она не вращала бедрами. Зрелище было такое прекрасное, что мы боялись дохнуть. Сосредоточенная, чуть смущенная, гибкая, стройная танцовщица словно и не касалась травы своими светлыми ногами. Откуда она? Кто это? Придя в себя от неожиданности и убедившись, что это не сон, наши моряки засыпали друг друга, Мариану и Эрорию вопросами. Уж, казалось бы, они давно успели перезнакомиться со всеми местными красавицами! Может быть, «длинноухие» прятали эту

нимфу в какой-нибудь девичьей пещере, «отбеливали» ее? Выяснилось, что она племянница бургомистра и по молодости лет еще не участвует в обычных танцевальных вечерах.

Между тем песня и танец продолжались, и мы смотрели как завороженные. Представление повторилось три раза. Мы разобрали только слова припева, в нем говорилось про *моаи*, который будет воздвигнут по приказу Кон-Тики на *аху* в Анакене. Мелодия совсем не похожа на песнь каменотесов, но такая же ритмичная и зажигательная.

Наконец барабанщик вылез из ямы, и все «длинноухие», шурша листьями, встали. Прежде чем они ушли, мы опять выдали им еды. Кто-то спросил их, не согласятся ли они спеть и станцевать какую-нибудь обычную хюлу. Но пасхальцы отказались. Песнь каменотесов еще куда ни шло, сказал бургомистр, но другие мелодии здесь не к месту, только серьезные песни годятся, они принесут удачу в работе. А другие они исполнят нам как-нибудь потом, не то предки обидятся и не будет удачи.

Итак, мы еще раз услышали песнь каменотесов, а затем ночные гости в шуршащих нарядах скрылись во мраке, уводя с собой нимфу в светлом платье...

Солнце только-только осветило мою палатку, когда я проснулся от звука шагов. Двенадцать «длинноухих» из пещеры пришли поглядеть на статую и прикинуть, какая задача им предстоит. Самой большой статуей в Анакене был плечистый верзила, который лежал ничком у нашей палатки. Коренастый крепыш, три метра в плечах, он весил тонн двадцать пять — тридцать. Другими словами, на каждого из двенадцати членов бригады приходилось больше двух тонн. Не мудрено, что, глядя на великана, они почесывали в затылке. Впрочем, они полагались на бургомистра, а он невозмутимо ходил вокруг поверженного исполина, присматриваясь к нему.

Старший механик Ульсен тоже поскреб в затылке, покачал головой и усмехнулся.

— Н-да, если бургомистр справится с этим бесом, я скажу, что он молодец, черт подери!

— Ни за что не справится.

— Куда там.

Во-первых, великан лежал на откосе у стены головой вниз, во-вторых, четыре метра отделяли его основание от плиты, на которой он некогда стоял. Бургомистр показал нам небольшие коварные камни и объяснил, что этими камнями, вбив их под плиту, «короткоухие» повалили статую.

Наконец, так уверенно и спокойно, словно он всю жизнь только и занимался подъемом каменных исполинов, Педро Атан приступил к делу. Единственным орудием пасхальцев были три бревна (потом бургомистр от одного отказался, ограничившись двумя) и множество камней, которые члены бригады собирали около лагеря. Остров Пасхи в общем безлесный, если не считать рощи недавно посаженных эвкалиптов, но вокруг озера в кратере потухшего вулкана Рано Као стоят деревья, уже первые путешественники-европейцы увидели там лес, состоящий из *торо миро* и гибискуса. Так что три бревна пасхальцы вполне могли раздобыть.

Хотя статуя зарылась носом глубоко в землю, бригаде удалось подсунуть под нее концы бревен. А с другой стороны, раскачивая бревна, повисло по три-четыре человека. Сам бургомистр, лежа на животе, подкладывал мелкие камни под голову статуи. Идол лежал как вкопанный, лишь изредка чуть подрагивал, уступая согласованным усилиям одиннадцати пасхальцев. На первый взгляд — никакого сдвига. Но бургомистр продолжал манипулировать своими камнями, на место маленьких подсовывал камни побольше, еще побольше, и так час за часом. К вечеру голова исполина поднялась над землей уже на метр с лишним, опираясь на горку камней.

На следующий день бригада вместо трех бревен использовала два, и каждой вагой орудовали по пяти человек. Поручив младшему брату подкладывать камни, бургомистр занял место на стене, раскинул руки, как дирижер, и зазвучала громкая, четкая команда:

— *Этахи, эруа, этору!* Раз, два, три! Раз, два, три! Держать! Подсунуть! Налегли снова! Раз, два, три! Раз, два, три!

Концы ваг были подсунуты под правый бок великана, и он незаметно приподнимался. Сначала это были миллиметры, потом дюймы и, наконец, футы. Тогда бревна перенесли к левому боку истукана, и процедура повторилась. И этот бок медленно-медленно поддавался, а свободное место тотчас заполняли камнями. Вернулись к правому боку, опять к левому, туда и обратно... Лежа ничком на груде камней, статуя поднималась все выше и выше. На девятый день груда представляла собой старательно выложенную башню высотой до трех с половиной метров. Даже оторопь брала, как посмотришь на почти тридцатитонного исполина, поднятого высоко над землей. Пасхальцы уже не дотягивались руками до верхнего конца бревен, они дергали и тянули веревки, привязанные к вагам. А истукан еще не начинал выпрямляться,

мы еще не видели его лицевой части, ведь он лежал ничком на камнях.

Того и гляди, кого-нибудь зашибет насмерть! Пришлось запретить Аннет подвозить в детской коляске камни для бургомистра. Только крепкие, здоровые мужчины, будто какие-нибудь неандертальцы, тащили, переваливаясь, тяжеленные булыжники. Бургомистр все время был начеку, придирчиво проверял положение каждого камня. Под весом древнего исполина некоторые камни крошились, словно рафинад. Положи хоть один камень не так, и может случиться беда. Но все было тщательно продумано, каждый ход точно рассчитан и взвешен. Затаив дыхание, мы смотрели, как пасхальцы с громадными каменюгами карабкаются на башню, цепляясь за неровности пальцами босых ног. Но люди были предельно собраны, и бургомистр ни на миг не ослаблял внимания, все видел и направлял, не тратя лишних слов.

Таким мы еще не знали дона Педро. Мы привыкли видеть в нем кичливого, назойливого пустобреха. Наши ребята невзлюбили его за постоянное хвастовство и за то, что он очень уж дорого брал за свои фигуры, пусть даже они были, несомненно, лучшими на острове. Но сейчас перед нами был другой человек, уравновешенный, рассудительный — прирожденный организатор, наделенный к тому же недюжинной изобретательностью. Пришлось нам пересматривать свою оценку.

На десятый день подъем статуи был закончен, и «длинноухие» принялись так же незаметно для глаза подавать ее основанием вперед к стене, на которую хотели поставить.

На одиннадцатый день великана начали устанавливать вертикально, подкладывая камни под лицо, шею и грудь.

На семнадцатый день в бригаде «длинноухих» неожиданно появилась морщинистая древняя старуха. На огромной плите, где готовился встать истукан, она вместе с бургомистром выложила полукруг из камней величиной с яйцо. Это был магический ритуал.

Статуя стояла наклонно в чрезвычайно неустойчивом положении, грозя перевалить через *аху* и скатиться с отвесной стены вниз, на пляж. Впрочем, с таким же успехом она могла повалиться в любую другую сторону, вместо того чтобы стать вертикально на пьедестал. Поэтому бургомистр обвязал голову великана канатом, а от него протянул четыре растяжки к вбитым в землю толстым кольям.

Наступил восемнадцатый день работ. Несколько человек ухватились за веревку со стороны пляжа и начали тянуть, другие притормаживали веревкой, которая была обмотана вокруг кола

посредине лагерной площадки, третьи тихонько подваживали бревном. Вдруг великан качнулся, и прогремела команда:

— Держать! Крепче держать!

Выпрямившись во весь свой могучий рост, истукан начал переваливаться с ребра на плоскость основания, и освобожденная от нагрузки башня стала разваливаться, здоровенные каменюги с грохотом покатились вниз в облаках пыли. А исполин твердо ступил на плиту и замер — плечистый, прямой. Он смотрел на наш лагерь, равнодушный к переменам, которые произошли на культовой площадке с тех пор, как его сбросили с пьедестала. Весь пейзаж изменился с появлением этой могучей фигуры. Широченная спина была как ориентир, видимый с моря издалека. Мы, обитатели палаток у подножия стены, на которую взгромоздился истукан, не узнавали собственной обители на участке древнего Хоту Матуа. Огромная голова неотступно следовала за нами, возвышаясь над палатками будто старый норвежский горный тролль. Идешь ночью по лагерю, так и кажется, что тролль-великан сейчас вышел из роя звезд и занес ногу, чтобы переступить через излучающие зеленый свет палатки.

Впервые после столетнего перерыва один из великанов острова Пасхи снова занял свое место на *аху*. Приехали на джипе губернатор с семьей, патер и монахини, около лагеря стучали копыта: все, кто только мог, спешили в Анакену посмотреть на работу своих односельчан. Гордые «длинноухие» разобрали башню, и бургомистр с достоинством грелся в лучах собственной славы. Он доказал, что знает ответ на одну из старейших загадок острова Пасхи. И разве могло быть иначе? Что ни говори, дон Педро Атан — старый мудрец, бургомистр острова, старший из всех «длинноухих»! Только заплатите, он на всех *аху* установит статуи, и все будет, как в старые, добрые времена. Деньги, полученные в этот раз, он поделил со своими помощниками, но если ему доведется попасть с военным кораблем в Чили, он самого президента уговорит раскошелиться, чтобы встали все статуи. С одиннадцатью помощниками, действуя двумя бревнами, он поднял этого истукана за восемнадцать дней. То ли еще будет, если ему прибавят людей и времени!

Я отвел бургомистра в сторонку и, положив ему руки на плечи, строго посмотрел ему в лицо. Он стоял с видом прилежного школьника и выжидающе глядел на меня.

— Дон Педро бургомистр, может быть, теперь ты расскажешь мне, как твои предки переправляли статуи в разные концы острова? — спросил я.

— Они сами шли, пешком,— отчеканил он.

— Ерунда! — воскликнул я разочарованно и не без раздражения.

— Не горячись. Я верю, что они шли сами, и мы должны чтить своих предков, а они говорили так. Но старики, которые мне об этом рассказывали, лично не видели, чтобы статуи сами шли. Так что кто знает, может быть, тут применяли *миро манга эруа?*

— А что это такое?

Бургомистр начертил на песке что-то вроде рогатки с перекладинами и объяснил, что из древесного ствола с развилком делали такие салазки.

— Во всяком случае на салазках доставляли большие каменные плиты для стен,— продолжал он.— Из крепкого луба *хау-хау* делали канаты, такие же толстые, как у вас на корабле. Я могу сплести тебе на пробу такой канат. И *миро манга эруа* тоже могу сделать.

Незадолго перед тем по соседству с лагерем один из наших археологов откопал статую, которая была полностью занесена песком, так что патер Себастиан о ней не знал и не метил ее. Судя по тому, что статуя была без глаз, ее бросили, не доставив к месту назначения.

— Можешь ты со своими людьми протащить этого *моаи* по равнине? — спросил я бургомистра, показывая на слепого идола.

— Нет, нужно, чтобы и другие тоже помогли, а они не станут. Тут даже всех твоих рабочих не хватит.

Статуя была далеко не из самых больших, скорее ниже среднего роста. Мне пришла в голову одна идея, и с помощью бургомистра я купил в деревне двух здоровенных быков. «Длинноухие» зарезали их и изжарили мясо на камнях в земляной печи. Потом мы пригласили жителей деревни на пир, и в степи вокруг лагеря собралась тьма народу.

«Длинноухие» осторожно убрали с печи слой песка, и показались распаренные банановые листья. Эту несъедобную приправу тоже убрали, и открылись целиком зажаренные туши. Толпа восхищенно вдыхала запах чудеснейшего в мире жаркого. Держа в руках громадные куски горячего мяса, гости расселись кучками на траве, а «длинноухие» разносили батат, кукурузу и тыкву; все это парилось вместе с бычьими тушами в плотно закрытой земляной печи. Вокруг пирующих паслись на травке оседланные кони, гнедые и вороные. Кто-то забренчал на гитаре, зазвучали песни и смех, начались пляски.

Тем временем «длинноухие» приготовили все, чтобы тяпуть слепого идола. Сто восемьдесят веселых островитян со смехом и криками выстроились вдоль длинного каната, обвязанного вокруг шеи великана. Бургомистр, в новой белой рубахе и клетчатом галстуке, чувствовал себя героем дня.

— Раз, два, три! Раз, два, три!

Бамм! Канат лопнул, мужчины и женщины, громко хохоча, покатились вперемежку по земле. Бургомистр смущенно улыбнулся и велел сложить канат вдвое. На этот раз истукан тронулся с места. Сперва короткими рывками, потом будто кто-то выключил тормоз — великан заскользил по земле так быстро, что помощник бургомистра Лазарь вскочил на голову статуи и принялся гикать и размахивать руками, как гладиатор на колеснице. Длинные колонны пасхальцев прилежно тянули, громко крича от восторга, да так скоро, словно на буксире были пустые ящики.

Через несколько минут мы остановили этот выезд. Было очевидно, что сто восемьдесят плотно закусивших пасхальцев вполне могут тащить по степи двенадцатитонную статую. А на деревянных салазках, да если собрать побольше людей, можно было перемещать и куда более тяжелые изваяния.

Итак, мы увидели, что с водой и каменными рубилами можно высечь статуи прямо в горной толще — было бы только время; убедились, что при помощи канатов или на салазках можно перенести каменных великанов — было бы вдоволь прилежных рук и крепких ног; увидели, что истуканы взмывают вверх, как воздушный шар, и встают на высокую стену, если только знать верный способ. Оставался один рабочий секрет: как водружали громадный «пучок волос» на макушку стоящей фигуры? Впрочем, ответ напрашивался. Груда камней, которые подняли идола вверх, высилась вровень с его головой — красный «парик» вполне можно вкатить наверх по этой насыпи. Или тем же нехитрым способом поднять вдоль стены. А когда и статуя, и парик оказывались на месте на *аху,* башню разбирали. Дело сделано — истукан поставлен.

Загадка родилась только после того, как умерли ваятели: как же можно было все это сделать, не зная железа, кранов, машин? А ответ прост. На этот маленький островок пришли люди, которые в изобретательности и творческой энергии никому не уступали. У них не было войн и было сколько угодно времени, чтобы сооружать свои вавилонские башни на фундаменте древней традиции. Сотни лет не знали они никаких врагов на самом уединенном острове в мире, где соседями их были только рыбы и киты.

Наши раскопки показали, что лишь в третьем периоде на Пасхе начали изготовлять наконечники для копий и другое оружие.

Недалеко от палаток лежал здоровенный цилиндр из красного камня. Давным-давно его прикатили сюда из каменоломни на другом конце острова. Цилиндр проделал тогда путь в десяток километров, а теперь бургомистр вызвался протащить его на катках оставшиеся несколько сот метров и увенчать им голову поднятого великана. Но в те самые дни, когда «длинноухие» поднимали идола, на место решенных нами загадок острова Пасхи явилась новая тайна. Все наши карты оказались перетасованными, и красный «парик» так и остался лежать там, где остановился передохнуть перед финишным рывком.

У нас появились другие заботы.

Глава шестая КЛИН КЛИНОМ

Подвешенный на веревочке фонарь чертил длинные тени на палаточном брезенте. Я прикрутил фитиль и стал готовиться ко сну. В лагере темно и тихо, только прибой шуршит на пляже. Ивон уже забралась в спальный мешок на раскладушке у задней стенки. Аннет давно уснула в своем уголке за низкой ширмой. Вдруг кто-то поскребся снаружи в брезент, и тихий голос произнес на ломаном испанском языке:

— Сеньор Кон-Тики, можно мне войти?

Я снова натянул штаны и приоткрыл замок-молнию ровно настолько, чтобы выглянуть одним глазом. Во тьме я смутно различил фигуру человека с каким-то свертком под мышкой; дальше на фоне звездного неба вырисовывался силуэт лежащего богатыря: шел седьмой день, как «длинноухие» начали его поднимать.

— Можно мне войти? — опять послышался умоляющий шепот.

Я тихо открыл и неохотно впустил гостя. Он юркнул внутрь и остановился. Пригнув голову, он восхищенно осматривался в палатке, на губах его была радостная благодарная улыбка. Старый знакомый — самый младший в бригаде бургомистра, один из так называемых нечистых длинноухих, удивительно симпатичный двадцатилетний паренек, по имени Эстеван Пакарати. Низкая палатка не давала ему выпрямиться, и я предложил ему сесть на мою кровать.

Он посидел, смущенно улыбаясь и подыскивая слова, потом неловко сунул мне круглый сверток:

— Это вот тебе.

Я развернул мятую коричневую бумагу и увидел курицу. Курицу из камня. Выполнена очень реалистично, в натуральную величину, и совсем не похожа на известные всем изделия пасхальцев. Я не успел и рта раскрыть, как гость уже продолжал:

— Все в деревне говорят, что сеньор Кон-Тики послан нам,

чтобы приносить счастье. Поэтому ты нам столько всего дал. Все курят твои сигареты и благодарят тебя.

— Но откуда у тебя этот камень?

— Это *моа,* курица. Моя жена велела дать ее тебе в благодарность, ведь она получает все сигареты, которые ты даешь мне каждый день.

Ивон высунулась из спального мешка и достала из чемодана материал на платье. Но Эстеван решительно отказался принять что-либо от меня.

— Я не меняться пришел,— заявил он.— Это подарок сеньору Кон-Тики.

— А это подарок твоей жене,— ответил я.

Эстеван нехотя уступил и опять принялся благодарить за еду, сигареты и все прочее, что ежедневно доставалось ему и остальным «длинноухим». Наконец, он выбрался из палатки и пропал во мраке, ушел ночевать в деревню. Но прежде он попросил меня спрятать курицу, чтобы ее никто не увидел.

Я еще раз осмотрел искусно выполненную скульптуру.

Отличная работа! От камня попахивало дымком. Впервые у меня в руках было подлинно художественное местное изделие, которое не повторяло в тысячный раз старые деревянные фигуры и не было миниатюрной копией больших статуй. Я убрал каменную наседку в чемодан и задул фонарь.

Вечером следующего дня, как только лагерь уснул, я снова услышал тихий голос у входа в палатку. Что ему нужно теперь?

На этот раз Эстеван принес другое изображение: на плоском камне высечен скорченный человек с птичьим клювом, в одной руке он держал яйцо. Что-то в этом роде мы видели на скалах Оронго, разрушенной обители птицечеловеков. Тонкая работа была выполнена мастерски. Камень был ответным подарком жены Эстевана за полученный от нас материал. Объяснив, что фигурку вытесал ее отец, Эстеван опять попросил нас никому не показывать эту вещь. На прощание мы дали ему новый сверток для жены. Убирая камень, я обратил внимание на то, что он влажный, тщательно начищенный песком и пахнет едким дымом. Что за чертовщина?

Я долго ломал себе голову над этими странно пахнущими изделиями, выполненными с необычайным искусством, в конце концов не выдержал, зазвал к себе в палатку бургомистра и опустил поднятые на день стенки.

— Мне нужно тебя кое о чем спросить, но только обещай: никому ни слова,— сказал я.

Заинтригованный бургомистр дал слово сохранить все в тайне.

— Что ты скажешь об этих вещах? — Я достал из чемодана оба камня.

Бургомистр отпрянул, словно обжегся. Он побледнел, глаза у него были такие, будто он увидел злого духа или дуло пистолета.

— Откуда они у тебя? Откуда они у тебя? — выдавил он наконец из себя.

— Я не могу тебе сказать этого. Но мне хочется знать твое мнение о них!

Бургомистр по-прежнему жался с испуганными глазами к стенке.

— На острове, кроме меня, никто не умеет делать такие фигуры,— сказал он, и по лицу его можно было подумать, что он вдруг встретил собственную тень.

Бургомистр продолжал разглядывать камни, и тут его явно осенила какая-то мысль, в глазах появилось что-то похожее на любопытство, потом он подвел мысленный итог и спокойно сказал мне:

— Спрячь оба камня и поскорее отправь их на корабль, чтобы на острове никто не увидел. Если тебе принесут еще, бери тоже и прячь на судне, даже если они тебе покажутся новыми.

— А все-таки что это такое?

— Это вещь серьезная — родовые камни.

Не могу сказать, чтобы я что-нибудь уразумел в мудреных речах бургомистра, но все же мне стало ясно, что я нечаянно натолкнулся на нечто чрезвычайно щекотливое. Этот тесть Эстевана творит какие-то подозрительные дела...

Я знал Эстевана как человека простодушного, отзывчивого и доброго. И когда он на третий вечер опять пришел к палатке, я решил выяснить, что же все-таки происходит. Усадил гостя на кровать и приготовился начать длинный разговор, но ему не терпелось показать свой «товар». На этот раз он высыпал из мешка на мою постель три изделия, увидев которые, я онемел. На одном камне по кругу искусно высечены три головы, трое бородатых усачей, причем борода одного переходила в волосы следующего. Второй камень изображал палицу с глазами и ртом, третий — стоящего человека с громадной крысой в зубах. Мотивы и исполнение совсем необычные не только для острова Пасхи: я не видел ничего подобного ни в одном из музеев мира.

Никогда не поверю, чтобы эти вещи сделал тесть Эстевана! В них было что-то сумрачное, что-то языческое, и парень с явной робостью смотрел на камни и прикасался к ним.

Птицечеловек — тангата ману и длинноухий человек-призрак — моаи кава-кава

— Почему мужчина держит крысу в зубах? — В эту минуту я просто не мог придумать более толкового вопроса.

Эстеван оживился, сел поближе ко мне и начал вполголоса объяснять, что у предков был такой обычай: когда у мужчины умирала жена или ребенок,— словом, кто-то из близких, он должен был поймать *киое* (крысу съедобного вида, обитавшую на острове до появления корабельных крыс) и, держа ее в зубах, один раз пробежать без остановки вдоль всего побережья, убивая каждого, кто преградит ему путь.

— Так воин показывал свое горе,— заключил Эстеван с явным восхищением в голосе.

— Кто же сделал этого скорбящего воина?

— Дед моей жены.

— А остальные — ее отец?

— Не знаю точно, один — отец, другие — дед. Несколько раз она видела, как отец работал над такими камнями.

— Он сейчас работает у нас на раскопках?

— Нет, он умер. Это священные камни, очень важные.

Чем дальше, тем загадочнее! А Эстеван уже говорил о том, что он с женой опять слышал в деревне: дескать, я прислан на остров высшими силами. Какой-то вздор, да и только!

— А где вы хранили эти камни после смерти отца твоей жены? У себя дома?

Эстеван поежился, помялся, наконец сказал:

— Нет, в пещере, в родовой пещере.

Я встретил эти слова молчанием и услышал целую исповедь. Дескать, пещера битком набита такими камнями. Но найти ее никто не сумеет, никто. Только его жена знает, где вход. Она одна может туда войти. Он сам никогда не видел этой пещеры. Хотя примерно представляет себе, где она находится, потому что стоял по соседству, пока жена доставала там камни. Жена и сказала, что пещера набита ими.

Теперь, когда Эстеван посвятил меня в свою тайну, разговаривать об этом было легче. И когда он пришел в следующий раз, то вызвался попробовать уговорить жену, чтобы она взяла меня с собой в пещеру. Тогда я сам смогу выбрать, что мне больше понравится, а то ведь камней так много, всех ему просто не принести. Но главная трудность, продолжал он, очень уж она, жена его, непреклонна в этом вопросе, прямо кремень. Даже его ни разу не пускала в пещеру. И если она теперь согласится, нам надо будет ночью тайком прийти в Хангароа — пещера находится где-то прямо в деревне.

Эстеван рассказал, что жена, прежде чем послать камни мне, чистила их песком, мыла и сушила над кухонным очагом: боялась, как бы кто-нибудь из местных, увидев их, не догадался, что она берет старинные вещи из родовой пещеры. Но раз уж я об этом прошу, он ей скажет, чтобы больше их не мыла. А вообще-то она спрашивала, что́ именно мне хочется получить.

Но о чем ее попросить, если даже Эстеван не может мне сказать, что там есть? Одно было ясно: из тайного хранилища на острове появляются чрезвычайно ценные для этнографии произведения искусства.

Бургомистру ничего не стоило установить, кто из его людей покидает ночью пещеру Хоту Матуа. А может быть, он устроил засаду около моей палатки — кто знает? Так или иначе однажды он отвел меня в сторонку и с хитрым видом сообщил, что тесть Эстевана, умерший много лет назад, был его хорошим другом. И он был последним на острове, кто делал «важные» камни. Такие камни, которые делали не для продажи, а для себя.

— А в чем было их назначение? — спросил я.

— Их приносили с собой на праздники и показывали, носили на пляски.

Больше я ничего не сумел от него добиться.

После этого у меня была новая встреча с Эстеваном, и он принес мне еще камней из пещеры. А потом его ночные посещения вдруг прекратились. В конце концов я послал за ним, и он пришел вечером в мою палатку обескураженный и огорченный: по словам жены, два духа, охраняющие ее пещеру, рассердились, потому что она вынесла столько вещей. Теперь она наотрез отказывается взять меня с собой в пещеру. И по той же причине Эстеван перестал приносить мне фигурные камни. Он-то готов для меня все что угодно сделать, но жена уперлась и ни в какую, ну прямо кремень. Недаром отец именно ей передал наследственную тайну.

В это же время, когда Эстеван приходил ко мне по ночам с камнями, на острове каждый день происходили какие-нибудь события. Археологи делали все новые неожиданные находки, и все сильнее проявлялось суеверие пасхальцев. На вершине Рано Као Эд обнаружил стены ранее неизвестного храма и начал раскопки. И когда я пришел посмотреть, как идут дела, двое рабочих из его бригады взялись за меня всерьез.

— Признайся, что ты из нашего рода и уехал с Пасхи много поколений назад,— сказал один.

— Мы всё точно знаем, так что не отпирайся,— поддержал его второй.

Я рассмеялся и ответил, что я самый настоящий норвежец, приехал с противоположного конца земного шара. Но рабочие стояли на своем: они меня разоблачили, чего уж там! Ведь говорится же в одном предании про островитянина, который в давние времена покинул остров и не вернулся. Больше того, если я никогда раньше не был на Пасхе, как это меня осенило сразу направиться в Анакену и поселиться в том самом месте, где обосновался Хоту Матуа, когда высадился на острове?

Спорить было бесполезно, и я постарался обратить все в шутку.

В этот же день по просьбе Арне рабочие перевернули показавшийся ему странным большой прямоугольный камень, который лежал у дороги возле Рано Рараку. Пасхальцы отлично знали этот камень, и многим, наверно, доводилось сидеть на нем, но тут его впервые перевернули и, ко всеобщему удивлению, увидели неведомого идола — толстогубого, плосконосого, с большими мешками под глазами. Широкое квадратное лицо не имело ничего общего с известными пасхальскими изображениями. Опять что-то новое, озадачившее пасхальцев! Кто подсказал сеньору Арне, что этот камень сто́ит перевернуть? Рабочие так и объявили ему: дескать, всем уже известно, что этот сеньор Кон-Тики якшается с нечистой силой.

Как-то вечером мы с Ивон снова навестили бургомистра с его «длинноухими» в пещере Хоту Матуа. Удобно лежа на подстилках, они уписывали ломти хлеба с маслом и джемом, а у входа в большом чайнике кипела вода для кофе.

— Дома мы едим только батат и рыбу.— Бургомистр с довольным видом погладил себя по животу.

Зажгли светильник в жестяной банке, и разговор опять зашел о старине, о том, как король Туу-ко-иху обнаружил два спящих привидения подле красной горы, где добывался камень для «париков». Оба привидения были длинноухие, с бородой и большим горбатым носом и до того тощие, что ребра торчали. Король тихо-тихо отступил, вернулся домой и поспешил вырезать их облик из дерева, пока не забыл. Так впервые появились деревянные фигурки *моаи кава-кава*, человека-призрака, которые с тех пор в точности повторяются пасхальскими резчиками.

Поужинав, «длинноухие» вытащили заготовки и принялись вырезывать свои *моаи кава-кава*. По неровным стенам пещеры метались беспокойные тени, а старики рассказывали страшные истории о призраках-людоедах, которые являлись по ночам и требовали ки-

шок. Или про женщину-призрака, которая, лежа в море, длинной-предлинной рукой стаскивала людей с утесов, а другие призраки толкали одиноких странников со скал прямо в волны. У Лазаря, помощника бургомистра, коварное привидение сбросило в море бабушку. Но были и дружелюбные привидения, они помогали некоторым людям. Большинство призраков хорошо относились к какому-то одному роду, а всем остальным чинили вред.

Страшные истории следовали одна за другой, и кончилось тем, что «длинноухие» наперебой принялись описывать загадочный случай, приключившийся с ними самими не далее как сегодня!

— И ведь ты тоже там был,— заявил кто-то.— Смотрел, как все происходило, и даже виду не подал.

Они отлично знали, что перемещать статуи по острову предкам помогала нечистая сила. Но устанавливать идолов на постаменты приходилось самим с помощью ваг и камней; правда, и тут не обходилось без участия волшебников. А сегодня на глазах у всех случилось такое, чего они прежде не видели: незримый *аку-аку* помог поднять истукана. Это песня принесла удачу.

Взяв деревянную фигуру и две палочки, «длинноухие» показали нам, как они раскачивали истукана с одного бока, и вдруг голова великана поднялась на несколько дюймов, хотя ее никто не трогал!

— Это поразительно,— приговаривал человек в нише.— Просто поразительно...

* * *

Тур-младший в эти дни помогал Эду наносить на карту развалины Оронго на вершине Рано Као.

Эд и Билл нашли приют в коттедже губернатора у подножия горы, и, так как до нашего лагеря было очень далеко, гостеприимная хозяйка дома предложила Туру тоже поселиться здесь. Но Тура обуяла юношеская страсть к романтике и приключениям, и он решил обосноваться в разрушенном селении птицечеловеков на горе. Из древних каменных хижин многие еще вполне годились для жилья. Конечно, в них низкие потолки и постель жесткая, зато он будет надежно укрыт от любой непогоды, а вид сверху такой, что ни словом сказать, ни пером описать. Стоя там, Тур видел у своих ног всю деревню Хангароа и бо́льшую часть острова; на западе и на востоке до самого небосвода простирался Тихий океан.

Врытые в землю хижины птицечеловеков располагались рядом с замечательными барельефами у острого как нож гребня кратера.

В двух-трех шагах от порога гора обрывалась па триста метров отвесно вниз до самого моря с птичьими островками; несколько шагов в другую сторону — и вы на краю второго столь же крутого обрыва. Отсюда начинался огромный кратер потухшего вулкана Рано Као, исполинская чаша полутора километров в поперечнике. Дно кратера выстилал пятнистый зеленый ковер — вероломная трясина с рябью блестящих окошек чистой воды.

Когда Тур, взяв спальный мешок и продукты, отправился на вершину, пасхальцы не на шутку испугались. Его уговаривали, умоляли на ночь возвращаться вниз. Эда просили, чтобы он запретил мальчику ночевать наверху. Дали знать даже мне в Анакену, что нельзя Туру-младшему оставаться на ночь одному в развалинах Оронго, его там заберет *аку-аку*. Но никакие предупреждения не помогли. Для юношеского воображения каменные хижины Оронго были увлекательнее самого роскошного дворца.

Кончился рабочий день, бригада спустилась вниз, а Тур остался на гребне. Бригадир-пасхалец так сильно беспокоился, что послал на гору трех добровольцев, чтобы они составили компанию парню. И когда солнце зашло и над темными кручами зарокотал ветер, Тур немного испугался: среди развалин появились три тени... Оказалось, это девушки, посланные бригадиром, причем они дико трусили, одна из них от страха буквально помешалась. Гулкое эхо в черном кратере она приняла за голос *аку-аку*, увидела отражение звездочки на болоте — опять *аку-аку!* Всюду девушкам чудились духи, и они еле дождались дня, чтобы спуститься с горы в степь. А потом Тур ночевал в Оронго один и по утрам любовался восходом, когда остальные еще только поднимались по склону. Пасхальцы считали его героем, задаривали дынями, ананасами и жареными цыплятами. И хотя им никак не удавалось уговорить заставить мальчика спуститься в степь, волноваться за него они перестали: Кон-Тики-ити-ити может один жить в Оронго, его охраняет волшебная сила.

Четыре месяца провел Тур на гребне, и никакие *аку-аку* его не тронули.

Но таинственные происшествия этим отнюдь не были исчерпаны. В те самые дни, когда я начал выпытывать у Эстевапа тайны родовых пещер, меня крепко озадачил Лазарь — правая рука бургомистра и, как утверждали они оба, одно из важнейших лиц на острове. Лазарь входил в число трех выборных представителей местной власти, и бургомистр говорил мне, что он очень богатый человек. В жилах Лазаря текла кровь и длинноухих, и коротко-ухих с примесью, к которой были причастны европейские гости.

Он был изумительно сложен, но лицо его могло бы послужить Дарвину лишним подтверждением эволюционной теории. Если когда-то в будущем археологи откопают череп Лазаря, они, пожалуй, заподозрят, что остров Пасхи был колыбелью человечества. Впрочем, несмотря на низкий скошенный лоб с крутыми надбровными дугами, выдающиеся вперед челюсти с маленьким подбородком и жемчугом зубов под полными губами, мясистый нос и чуткие глаза дикого зверя, Лазарь вовсе не походил на тупоумную обезьяну. Он был на редкость сообразителен и смышлен и к тому же щедро наделен чувством юмора. Но сверх того он был еще и суеверен.

В тот день Эд сообщил мне, что нашел неизвестные фрески на потолочной плите в развалинах Оронго. Почти одновременно Арне откопал у подножия Рано Рараку новую скульптуру своеобразного типа. И когда под вечер «длинноухие», закончив работу, удалились в пещеру Хоту Матуа, Лазарь с таинственным видом отвел меня в сторону.

— Теперь тебе только *ронго-ронго* недостает,— сказал он, украдкой поглядывая на мое лицо: как я буду реагировать.

Я сразу понял, что этот разговор затеян неспроста, и изобразил безразличие.

— Их больше нет на острове,— коротко ответил я.

— Нет, есть,— осторожно возразил Лазарь.

— Если есть, так совсем гнилые, только тронешь — рассыплются.

— Нет, мой двоюродный брат сам держал в руках две *ронго-ронго*.

Я не поверил ему. Видя это, Лазарь попросил меня пройти с ним за каменную стену, рядом с которой поднимали истукана, и здесь шепотом сообщил мне, что у него есть два двоюродных брата, близнецы Даниель и Альберто Ика, и, хотя Альберто родился часом позже Даниеля, именно ему доверили по наследству секрет родовой пещеры, где хранится множество удивительных вещей, в том числе несколько *ронго-ронго*. Два года назад Альберто ходил в пещеру и принес домой две *ронго-ронго*, причем одна дощечка напоминала плоскую рыбу с хвостовым плавником. Испещренные маленькими фигурками, эти дощечки были почти черные и совсем твердые, несмотря на свой древний возраст. Не только Лазарь, многие другие видели их. Но Альберто нарушил табу, взяв таблицы из пещеры, и ночью, когда он уснул, к нему подобрался *аку-аку* и стал его щипать и колоть, пока не разбудил. Альберто выглянул в окно и увидел тысячи крохотных человечков,

которые лезли в дом. Он чуть не свихнулся от страха, бегом отправился в пещеру и положил обе *ронго-ронго* на место. Пещера эта находится где-то поблизости от долины Ханга-о-Тео.

Рассказав все это, Лазарь добавил, что постарается убедить двоюродного брата набраться храбрости и снова вынести дощечки.

Продолжая расспросы, я выяснил, что роду Лазаря принадлежит несколько пещер. Сам он знал ход в один тайник, тоже расположенный по соседству с Ханга-о-Тео. Правда, там нет *ронго-ронго*, зато есть много других предметов.

Я стал было уговаривать Лазаря провести меня в эту пещеру, но тут его покладистости вдруг пришел конец. Наградив меня уничтожающим взглядом, он объяснил тоном наставника, что тогда нам обоим конец. В пещере обитает родовой *аку-аку*, там же лежат скелеты двух предков, и, если туда попробует проникнуть посторонний, *аку-аку* его страшно покарает. Вход в пещеру — самая священная тайна.

Я попытался обратить в шутку разговор про *аку-аку*, взывал к разуму Лазаря, но это было все равно что пробивать стену головой. Все мои старания были напрасными. Единственное, чего я добился после долгих уговоров, это обещания Лазаря, что он принесет мне что-нибудь из тайника.

А что принести? Птицечеловека с яйцом или без? В пещере есть всякая всячина, кроме *ронго-ронго*, конечно. Я предложил ему захватить всего понемногу — посмотрю и что-нибудь выберу. Но Лазарь ответил, что так нельзя. Слишком много в пещере редкостей, он может рискнуть вынести только какой-нибудь один предмет. В эту минуту наш разговор прервали, Лазарь простился и исчез.

На следующий день я решил посмотреть, как идут дела у «длинноухих»; они еще продолжали подносить камни и наращивать башню, поднимая истукана. Бургомистр и Лазарь подошли ко мне.

— Видишь, *аку-аку* нам помогает,— пробормотал бургомистр.— Если бы не колдовство, мы бы одни не справились.

Я услышал, что сегодня они изжарили курицу в земляной печи около пещеры, чтобы статуя поднималась быстрее.

Я сделал попытку победить их суеверие, но встретил решительный отпор. Когда я заявил, что никаких *аку-аку* не существует, они посмотрели на меня как на безнадежного идиота. То есть как это не существует! В старое время весь остров кишел ими, теперь их стало меньше, но все равно можно назвать множество мест, где по сей день живут *аку-аку*. Есть *аку-аку* мужского и

женского пола, добрые и злые. Кто разговаривал с *аку-аку*, рассказывает, что у них своеобразный писклявый голос; всех доказательств существования *аку-аку* и не сочтешь... Мне не давали слова вставить. С таким же успехом я мог бы попытаться внушить им, что в море нет рыбы, а в деревне — кур.

Из всего этого вытекало одно: атмосфера острова пропитана исступленным суеверием, которое лучше всяких замков преграждает вход в пещеры с неведомыми предметами.

В книге патера Себастиана об острове Пасхи можно прочесть такие слова:

«Существовали потайные пещеры, принадлежавшие определенным родам, причем только самые значительные представители рода знали вход в тайную родовую пещеру. В подземных тайниках хранились драгоценные предметы, например дощечки ронго-ронго с письменами и статуэтки. Секрет расположения этих пещер утрачен со смертью последних представителей старой поры...»

Во всем мире нет человека, который лучше патера Себастиана знал бы остров Пасхи и секреты островитян. К тому же я мог быть уверен, что все рассказанное ему останется между нами.

Итак, я отправился к патеру и сказал, что, по-видимому, на Пасхе до сих пор есть тайные родовые пещеры. От удивления он попятился и, теребя бороду, воскликнул:

— Не может быть!

Не называя имен, я рассказал ему о подаренных мне загадочных камнях. Он загорелся и тотчас спросил, где находится пещера. Но я мог только поделиться тем немногим, что сумел узнать, и добавил, что из-за суеверия островитян вход в пещеры для меня закрыт. Пока я говорил, патер Себастиан взволнованно ходил по комнате в своей белой сутане, потом он остановился и в отчаянии взялся руками за голову.

— Ох, уж это их суеверие! — вымолвил он.— На днях приходит ко мне Мариана и совершенно серьезно принимается уверять, что ты не человек. Суеверие засело в них так прочно, что с этим поколением уже ничего не поделаешь. Они чрезвычайно высоко чтят своих предков, и я их вполне понимаю. И ведь все они добрые христиане, но это суеверие сильнее всего!

Я услышал, что патер Себастиан до сих пор не смог переубедить собственную домоправительницу, почтенную Эрорию, упорно считающую себя потомком кита, выброшенного на берег залива Хотуити. Мол, она на все отвечает, что, хоть он и священник, его слово тут ничего не значит, потому что она знает об этом от своего отца, ему же рассказал его отец, который в свою очередь ссылался

на своего отца, а уж тому ли не знать, как было дело: ведь он и был тем китом!

Мы пришли к выводу, что орешек будет нелегко раскусить. Не просто это — уговорить пасхальца проводить вас в такое место, которое охраняют бесы и злые духи. Патер Себастиан предложил мне взять у него святой воды — пасхальцы верят в ее силу, может быть они расхрабрятся, если мы окропим вход в пещеру? Да нет, пожалуй, патеру не стоит открыто вмешиваться в эту историю. Он сам признал, что кому-кому, а уж ему-то местные жители вряд ли станут поверять такие секреты. Но мы, конечно, будем поддерживать с ним непрерывную связь, он примет меня хоть среди ночи, если мне удастся побывать в тайной пещере.

Меня ставило в тупик это дикое суеверие разумных пасхальцев, но потом я вспомнил про наш собственный мир. Разве нет у нас двадцатиэтажных домов без тринадцатого этажа или самолетов, где за двенадцатым местом сразу следует четырнадцатое? Значит, кто-то верит, что число «13» заколдованное, с ним связан приносящий несчастье злой дух. Вся разница в том, что мы его не называем недобрым *аку-аку*... Разве нет людей, для которых дурная примета — рассыпать соль, или разбить зеркало, или встретить черную кошку? Они, эти люди, верят в *аку-аку*, хоть и не пользуются этим словом. Так стоит ли поражаться тому, что обитатели самого уединенного в мире островка подозревают своих пращуров в колдовстве и верят, что тени предков бродят среди их гигантских скульптурных портретов, которые даже мы, европейцы, во всеуслышание называем таинственными. Если сытый черный котишка, средь бела дня мирно шествующий по дороге, на кого-то нагоняет суеверный страх, что же тогда говорить о скелетах и черепах в мрачных подземельях острова Пасхи!

Суеверие пасхальцев — наследие далекого прошлого; из поколения в поколение передавалась вера в вездесущих злых духов. На острове есть места, куда некоторые здешние жители вообще не решаются заходить, особенно ночью. Бургомистр и Лазарь озабоченно рассказывали мне, какой это бич для острова.

Подобно многим другим до меня я допустил серьезный промах, не учтя всех этих обстоятельств. Никакие доводы разума не могли погасить пламени суеверия — что бы я ни говорил, все было как о стену горох. Лесной пожар водой не затушишь, тут нужен встречный пал. Пламя — худший враг пламени, когда оно подчинено вашей воле. И, основательно поразмыслив, я пришел к выводу, что надо попробовать обратить суеверие против суеверия. Если они верят, что я общаюсь с предками, передам им от имени

тех же предков, что отныне старые табу и проклятия отменяются. Я проворочался с боку на бок целую ночь, обдумывая свой план. Ивон, хоть и назвала его безумным, поддержала меня.

На следующий день у меня состоялась на каменистом склоне долгая беседа с бургомистром и Лазарем. Чего только я не услышал, пока морочил им голову. Сперва я, ничуть не греша против истины, рассказал, что отлично знаю секрет табу и что мне первому довелось плыть на пироге по Ваи По, подземному озеру в заколдованной пещере на Фату-Хиве. Рассказал, как я на том же острове пробрался в склеп завороженной *пае-пае* — и хоть бы что. Бургомистр и Лазарь слушали, вытаращив глаза. Они и не подозревали, что на других островах тоже существуют табу. Того, что я знал про эту древнюю систему запретов, вполне хватило, чтобы потрясти их, особенно когда я принялся пересказывать слышанные на Фату-Хиве истории о всяких бедах и ужасающих несчастьях, поражавших тех, кто нарушал табу предков.

Бургомистр побледнел. Поеживаясь и смущенно улыбаясь, он признался, что его мороз по коже дерет, когда он слышит про такие вещи. Ведь точно такие случаи происходят на острове Пасхи. И я услышал примеры: как целую семью поразила проказа, как акула отхватила руку человеку, как сильнейшее наводнение унесло камышовую хижину вместе со всеми ее обитателями, как *аку-аку* доводили до помешательства многих островитян, щипая их по ночам,— и все за попытки нарушить табу родовых пещер.

— А с тобой что случилось? — спросил Лазарь с садистским любопытством.

— Да ничего,— сказал я.

Кажется, мой ответ его разочаровал.

— Это потому, что у тебя есть *мана*,— заявил он. (Так пасхальцы называют магическое свойство, наделяющее человека волшебной силой.)

— У сеньора Кон-Тики есть не только *мана*,— сказал Лазарю бургомистр: дескать, я-то все вижу.— У него есть *аку-аку*, который приносит ему удачу.

Я ухватился за эту соломинку.

— Поэтому я могу войти в запретную пещеру, и мне ничего не будет.

— Тебе-то ничего не будет, зато будет нам, если мы покажем тебе пещеру.— Лазарь показал на себя и кивнул с многозначительной кривой усмешкой.

— Со мной и вам бояться нечего, мой *аку-аку* не даст вас в обиду,— попытался я успокоить его.

Но этот довод не произвел впечатления на Лазаря. Родовой *аку-аку* покарает его, и мой *аку-аку*, как бы надежно он меня ни защищал, тут не поможет. А один я ни за что на свете не найду входа, даже если буду стоять так же близко от него, как мы сейчас друг от друга.

— Лазарь происходит из очень знатного рода,— похвастался за своего друга бургомистр.— У них много пещер. Они богатые.

Лазарь гордо сплюнул.

— Но у меня тоже есть *мана*,— кичливо продолжал бургомистр.— Это мой *аку-аку* помогает нам поднимать статую. В моей пещере в маленькой *аху* на берегу залива Ланеруза находятся три *аку-аку*. Один — в виде птицы.

Итак, нам удалось установить, что мы все трое — важные персоны. Бургомистр и Лазарь старались перещеголять друг друга в знании дурных и хороших примет, и тут вдруг выяснилось, что в этот день я, сам того не ведая, выдержал серьезное испытание. Бургомистр рассказал, что утром смотрел, как я вязал узел на палаточной растяжке, и лишний раз убедился в моей осведомленности — небось, я завязывал справа налево, а не наоборот!

Опираясь на такой плацдарм, я решил идти на штурм. Объявил, что мне известно, почему на родовые пещеры наложено табу — исключительно для того, чтобы сохранить изделия предков. Беды бояться надо только, если скульптуры достанутся туристам и матросам, которые в этом не понимают и могут даже со временем их забросить. Если же скульптуры попадут к ученым, которые доставят их в музей, это на счастье. Музей все равно что церковь, люди осторожно ходят и смотрят, и скульптуры будут там стоять за стеклом, их никто не разобьет и не выбросит. И злые духи покинут остров вместе с ними, так что больше некого будет бояться.

Мне показалось, что мои слова произвели особенно сильное впечатление на Лазаря. И я не ошибся: в ту же ночь снова кто-то поскребся в стенку палатки и чей-то голос тихонько позвал Кон-Тики. На этот раз пришел не Эстеван, а Лазарь. В мешке, который он мне сунул, лежало старинное изделие, плоская каменная голова — своеобразное лицо, длинные жидкие усы. В ямках на камне была паутина, сразу видно, что его не мыли и не чистили песком. Лазарь кое-что рассказал о самой пещере: я узнал, что в ней множество скульптур, в числе которых каменная чаша с изображением трех голов, удивительные люди и животные, модели судов, что расположена пещера около Ханга-о-Тео и первоначально принадлежала прадеду, теперь же перешла по наследству

к Лазарю и его трем сестрам. Когда Лазарь доставал каменную голову, никакой беды не случилось, и теперь он решил поговорить с двумя старшими сестрами, чтобы они позволили ему принести мне еще что-нибудь. С младшей говорить не обязательно, ей всего двадцать лет, она в этих делах не смыслит.

Сразу было видно, что Лазарь, побывав в пещере, чувствует себя героем.

Он продолжал рассказывать: всего его роду принадлежат четыре подземных тайника. Тайник с *ронго-ронго,* в который ходил Альберто, находится где-то по соседству с пещерой, где сейчас побывал Лазарь, но вход известен одному Альберто. Еще одна пещера — в скалах около Винапу, ее Лазарь знает, и туда он собирается сходить в следующий раз. Четвертый тайник — на склоне Рано Рараку, той самой горы, где высекали статуи. В этой пещере три отделения, она принадлежит трем родам. Там столько чужих скелетов, что он туда никогда не посмеет войти, да он и входа не знает.

Я спросил его, не бывает ли краж, коль скоро три рода знают ход в пещеру. Нет, сказал он, этого бояться нечего: каждому роду принадлежит свой уголок, и он охраняется родовым *аку-аку.*

Лазарь получил для обеих старших сестер материал на платье и другие подарки и скрылся во мраке.

А бургомистр на следующий день продолжал как ни в чем не бывало командовать «длинноухими», которые висели на тяжелых бревнах. Стои́т на *аху,* отбивает такт взмахом руки, и по его лицу ничего не угадаешь. Чем он похвастался вчера? Тем, что ему помогает в этой работе *аку-аку* да еще тройка добрых духов, обитающих в стене в соседней долине. И только. Но я, глядя, как он, спокойно и трезво, словно опытный инженер, распоряжается подъемом статуи, говорил себе, что было бы странно, если бы предводитель «длинноухих» не имел ни одной пещеры, когда у рода Лазаря их целых четыре! Просто, чтобы он заговорил, нужно средство посильнее.

Выбрав удобную минуту, я опять отвел в сторонку бургомистра и Лазаря для доверительного разговора. Есть ли у дона Педро своя пещера или нет, он во всяком случае знает, что́ это такое. И в ходе беседы я спросил его, много ли на острове родов владеет подземными тайниками. Много, ответил он, но между собой они об этом избегают говорить. Секрет большинства пещер утрачен, потому что местонахождение тайника известно, как правило, только одному члену семьи. И если он умирает, не успев посвятить в тайну преемника, вход найти невозможно, так все хитро

устроено. Из-за этого кануло в неизвестность много родовых пещер. Старинные изделия лежат в них без ухода, портятся, а это приносит несчастье.

— Вот и надо это предотвратить,— подхватил я.— Потому-то так важно поместить изделия в надежный музей, там их никто не украдет, и там они будут в полной сохранности, для этого специальный сторож есть.

Бургомистр призадумался, однако я его не убедил. Мол, те, кто делал каменные фигурки, велели хранить их в тайных пещерах, а не в домах.

— Это потому, что на камышовые хижины нельзя было положиться,— объяснил я.— Тогда пещеры были самым надежным местом, но, стóит забыть, где вход, и все пропадет. А вход в музей не затеряется.

Бургомистр продолжал сомневаться. Какую бы *мана* он мне ни приписывал, веление предков было сильнее. И ведь у него тоже есть и *мана,* и *аку-аку,* но он почему-то пока не видел никаких указаний на то, чтобы предки изменили свою позицию.

Я зашел в тупик. Видя это, и Лазарь тоже начал колебаться. И тут я решился на отчаянный шаг. Бургомистр суеверен — так надо придумать знамение, которое убедит его, что предки отменили смертоносное табу.

В степи рядом с лагерем стояла старая *аху* с поверженными идолами. Первая, классическая кладка сильно пострадала, когда во вторую эпоху началась перестройка. Работу не довели до конца, а потом пришли разрушители. На песке перед фасадом беспорядочно лежали плиты и необтесанные камни. Билл уделил воскресенье осмотру этой *аху* и под слоем песка на одной плите увидел что-то вроде головы кита; огромный камень закрывал все остальное. Он рассказал мне про свою находку и вернулся в Винапу.

Вместе с фотографом мы отыскали это место, приподняли верхний камень, и к подножию стены скатилась плита с рельефным изображением кита длиной около метра. Плита упала необработанной стороной вверх, и никто не отличил бы ее от остальных камней, валявшихся кругом.

Это подсказало мне идею. Никто не видел, как мы ходили к *аху.* И теперь я предложил бургомистру и Лазарю прийти в лагерь в полночь, когда будет совсем темно и тихо. Мы устроим волшебное представление и убедим предков самих прислать нам скрытое в земле произведение искусства в знак того, что они больше не боятся открывать свои секреты.

Мое предложение страшно увлекло бургомистра и Лазаря, и, когда воцарилась ночь, оба тихонько пришли в лагерь. Как раз перед ними ко мне явился Эстеван со своим последним подарком. Ивон представляла себе всякие ужасы и не могла уснуть, все лежала и прислушивалась. Остальные крепко спали.

Я объяснил моим гостям, что нам надо стать в затылок, положить руки на плечи друг другу и медленно пройти по кругу. Наутро мы внутри этого круга найдем изделие предков, присланное ими в знак справедливости моих слов о том, что *аку-аку* впредь никого не будут карать за нарушение старых табу.

И мы зашагали: впереди я, сложив руки накрест на груди, за мной бургомистр, держа меня за плечи, и последним Лазарь. В кромешной тьме я не видел, куда ступаю, и, с трудом сдерживая смех, спотыкался на каждом шагу. Но мои ведомые отнеслись к церемонии так серьезно, что, наверно, прошли бы за мной даже по канату. Но вот обход завершен, мы вернулись к палатке, без слов низко поклонились друг другу и бесшумно разошлись.

На следующий день бургомистр уже на рассвете явился в лагерь и рассказал мне, что ночью около пещеры Хоту Матуа видел два таинственных огня. Нет, это были не фары джипа, он точно знает, а какое-то доброе предзнаменование.

Снабдив бригады заданием на день, я пригласил бургомистра и Лазаря и попросил их отобрать лучшего и самого надежного из своих людей, чтобы он помог нам искать внутри круга, который мы наметили ночью. Бургомистр тотчас назвал мне своего младшего брата Атана Атана, тщедушного человечка с черными усами и огромными доверчивыми глазами. Атан Атан простодушно заверил меня, что у него в самом деле золотое сердце и он добрый человек, я могу хоть кого спросить, если не верю ему на слово. Мы взяли Атана с собой и приступили к поискам.

Будем переворачивать все камни подряд, сказал я, и посмотрим, не попадется ли нам художественное изделие предков. А чтобы придать поискам больше драматизма, оттянуть минуту находки, я начал с дальнего конца.

Случай решил иначе. Сперва Атану попался какой-то необычный предмет из красного камня, потом я подобрал старый каменный напильник и чудесный топорик из обсидиана. А вскоре мы услышали громкий крик Атана — он перевернул большую плиту и счищал с нее песок. Втроем мы подбежали к нему и увидели великолепного рельефного кита. Но ведь это совсем не тот кит, которого я приметил! Выходит, их тут два... Бросив статую, к нам прибежали «длинноухие» — посмотреть; из лагеря примчались

кок, стюард и фотограф. Бургомистр стоял с округлившимися глазами, грудь его часто вздымалась. Вместе с Атаном он восхищенно что-то бормотал о могуществе моего *аку-аку*. Лазарь, напустив на себя важность, возвестил, что это место раньше принадлежало его роду и родовым *аку-аку*. Бургомистра била дрожь. Пасхальцы смотрели на меня, как на диковинного зверя. А я думал о том, что главный сюрприз еще впереди!

— Вы раньше видели такие фигуры? — спросил я.

Нет, никто не видел. Но все тотчас узнали *мамама ниухи* — дельфина.

— Тогда я сделаю так, что внутри круга появится еще одно изображение,— сказал я.

Бургомистр отправил своих людей обратно, чтобы собирали камни для подъема идола, и вчетвером мы продолжали поиски. Переворачивали камень за камнем и медленно приближались к цели. В эту минуту стюард позвал меня завтракать, и я велел помощникам подождать — я приду и сам заставлю явиться кита.

Сидя в столовой, мы вдруг услышали крики и шум, вбежал страшно расстроенный бургомистр и сообщил, что двое рабочих сами, без его ведома, затеяли искать в кругу, нашли кита и поволокли к пещере Хоту Матуа, рассчитывая продать его мне. Бургомистр был в полном отчаянии. Я потер себе нос: н-да, задали они мне задачу, черт возьми, что же делать? Эти ребята присвоили мои лавры, теперь уже не явится по моему велению кит, как я обещал...

Тем временем Лазарь догнал рабочих и заставил их тащить камень обратно. Они положили свою находку на место. Что такое — это ведь совсем не то место? Вместе с бургомистром я подошел ближе — и опешил: мой камень по-прежнему лежал оборотной стороной вверх, его никто не трогал! А двое преступников, которые теперь стояли передо мной с виноватым и испуганным видом, оказывается, нашли третьего кита, размером поменьше. Я поспешил их успокоить, дескать, все в порядке, как только я доем, мы продолжим, и они увидят еще одного кита, лучше и больше этого.

Когда поиски возобновились и остался последний сектор круга, я заметил, что мои помощники, все трое, словно нарочно, обходят нужный камень, а все другие переворачивают. Наконец кольцо замкнулось.

— Нет больше китов,— озадаченно произнес бургомистр.

— А вы пропустили вот этот.— Я показал на заветный камень.

— Ничего подобного,— возразил Лазарь.— Разве ты не видишь: он лежит светлой стороной вверх.

И я понял, что эти дети природы с одного взгляда могут определить, повернут ли камень «загаром» кверху или светлой, не прокаленной солнцем стороной, как этот.

— Ладно, допустим, вы его перевернули,— уступил я.— А теперь поверните еще раз. Помните камень у Рано Рараку, на котором вы часто сидели,— что было, когда его перевернул сеньор Арне?

Лазарь вместе со мной ухватился за камень, и мы опрокинули его.

— Глядите! — вымолвил Лазарь, растерянно улыбаясь.

Атап ахнул; бургомистр возбужденно твердил:

— Очень важно. Очень важно. Какой сильный *аку-аку!*

Бросив статую, опять прибежали «длинноухие», подошел и народ из лагеря. Все были поражены, даже два молодца, которые только что сами нашли камень с рельефом. Мы с фотографом, думая про удивительные совпадения этого дня, с трудом удерживались от смеха. Эрория покачала головой и спокойно объявила, что я удачник, только и всего. Она не могла оторвать глаз от трех китов, и я подумал, что для нее это своего рода галерея фамильных портретов, ведь говорил же ей отец, что она происходит по прямой линии от кита! А бабка Мариана поведала нам странную историю. Вместе с пастухом Леонардо она жила в каменном домике на другом краю нашей долины. Сегодня у них ночевал брат Леонардо — старик Доминго, и, проснувшись утром, он рассказал, что видел во сне, как сеньор Кон-Тики поймал пять тунцов.

— Значит, еще двух не хватает! — воскликнул бургомистр.

И не успел я опомниться, как вся компания снова принялась ворочать камни, причем наиболее рьяные, по-моему, выходили за круг.

Все настроились во что бы то ни стало найти двух недостающих китов, чтобы исполнился сон Доминго. Наконец кому-то попались две не очень старательно высеченные рыбы, которых тотчас объявили китами.

Пасхальцы с торжеством разложили в ряд все пять изображений, затем бургомистр взял небольшой камешек, начертил им некую дугу на песке перед китами, в середине дуги выкопал ямочку и сказал:

— Готово.

Вместе с Лазарем он стал у дуги и, вращая бедрами, они спели несколько строф из древней песни Хоту Матуа, отдохнули, потом

спели еще, опять передохнули. Так продолжалось до вечера, наконец все разошлись.

На следующий день Лазарь ни свет ни заря явился в лагерь с мешком и шмыгнул в мою палатку. Когда он скинул мешок с плеча на пол, я услышал стук каменных фигур.

С той поры Лазарь частенько наведывался ко мне по ночам. Днем он работал, вечером вместе со всеми отправлялся спать в пещеру, но среди ночи, шагая через спящих, тихонько выбирался наружу, седлал коня и исчезал во мраке за пригорком на западе.

Бургомистр еще три дня крепился, потом и он не выдержал. Вызвав меня для важного разговора, он сообщил, что у него-де есть друг, у которого в саду хранится большая красная статуя без номера, и эту статую я могу взять к себе на корабль как талисман. Я объяснил бургомистру, что такие памятники охраняются государством, их нельзя увозить. Он заметно расстроился и приуныл: значит, этот дар не годится... По его лицу было видно, как он терзается. Наконец бургомистр тихо сказал, что переговорит со своими людьми, у многих из них есть родовые пещеры. Пусть только меня не сбивает с толку, если кто-нибудь принесет новые с виду изделия, и станет уверять, будто сам их нашел или сделал. Дескать, люди боятся говорить открыто об этих вещах. И вообще хранимые в пещерах камни положено мыть и чистить.

Я принялся втолковывать ему, что этого ни в коем случае не надо делать, можно испортить изделие.

И тут дон Педро проговорился: как же так, отец специально просил его мыть камни!

— А ты сдувай пыль, и все,— посоветовал я.— Тогда камень не будет истираться.

Бургомистр одобрил эту идею и сказал, что поделится моим советом с другими. Но его беспокоило, что в поры застывшей лавы могут проникнуть личинки насекомых и мелкие корешки. В пещерах, которые остались без присмотра, из-за этого потрескалось и пропало много скульптур. Забыв про свою осторожность, бургомистр рассказал, что моет все свои фигуры каждый месяц. Я слушал с каменным лицом, и он совсем разоткровенничался.

Я узнал, что на чистку всех камней у него уходит пятнадцать ночей, ведь он как старший брат отвечает за четыре пещеры. Жена в это время ловит рыбу, ей не положено помогать ему, она из другого рода. Бургомистр должен входить в пещеру один и стараться не шуметь. Как вошел, быстро хватай, что нужно,— раз, два, три! — и скорей на волю, мыть взятое. В одном тайнике есть даже деньги — железные деньги. Но в пещерах сыро, поэтому

деревянных фигур в них нет. Правда, он унаследовал еще две пещеры другого рода — *ана миро,* которые полны деревянных изделий, да только ему до сих пор не удалось найти туда вход. Три раза приходил он в указанное место и жарил цыпленка в земляной печи, чтобы запах помог отыскать тайные входы в эти пещеры, и все напрасно. Теперь вот хочет попробовать еще раз. Под конец бургомистр добавил, что его *аку-аку* все время советует ему взять кое-что из пещер и подарить Кон-Тики, хотя отец говорил, чтобы он никогда-никогда ничего не выносил из тайников. Ему бы получить брюки, рубаху, совсем немного материала на платье да несколько долларов в придачу — он спрячет все это в пещере на тот случай, если кто-нибудь из родни будет очень нуждаться. Тогда посмотрим, что произойдет...

Бургомистр получил все, о чем просил, но ничего не произошло. А тут наступил шестнадцатый день работ со статуей — еще немного, и великан станет на место. Была середина февраля, время ежегодного визита с материка, губернатору уже сообщили по радио, что на Пасху вышел военный корабль «Пинто», и «длинноухие» страшно торопились.

Бургомистр мечтал вовремя управиться с подъемом, чтобы командир корабля своими глазами увидел стоящего на стене идола,— ведь он, прибыв на остров, автоматически становился высшим представителем власти на Пасхе, и дон Педро надеялся, что капитан «Пинто» доложит о нем что-нибудь лестное президенту Чили.

На шестнадцатый день работ бургомистру понадобился канат, чтобы с одной стороны тянуть, с другой удерживать статую. И так как все наши веревки были заняты на раскопках в разных концах острова, мы вечером поехали на джипе к губернатору в надежде раздобыть канат. А губернатор встретил нас известием, что «Пинто» ожидается завтра, ведь уже десять суток как судно вышло из Чили. Бургомистр расстроился. Значит, он не поспеет со статуей... Как только придет корабль, всех поставят на погрузку шерсти и выгрузку муки, сахара и прочих припасов на год. Да, как ни жаль, подтвердил губернатор, «длинноухим» и всем остальным, кого мы наняли, придется прервать работы и завтра явиться к нему.

Обескураженные, мы проехали через деревню к патеру Себастиану, чтобы сообщить о ходе событий. Я шепнул ему, что все мои попытки проникнуть в родовую пещеру пока остаются безуспешными, хотя на борту нашего судна собралась уже целая коллекция необычных скульптур.

Еще по пути к патеру бургомистр вдруг предложил, чтобы каждый из нас мысленно обратился к своему *аку-аку:* пусть задержат «Пинто» хотя бы на один день, тогда он успеет поднять идола. И он погрузился в благоговейное молчание, сидя на инструментальном ящике между мной и фотографом и судорожно цепляясь за сиденья, чтобы не разбить голову о потолок, когда нас бросало на ухабах.

После визита к патеру Себастиану нам предстояло опять проехать через всю деревню, затем свернуть на колею в сторону Анакены. На самом повороте мы увидели в свете фар губернатора и рядом с ним на земле здоровенную бухту каната. Пришла новая радиограмма: «Пинто» будет только послезавтра.

Я откинулся на спинку сиденья, сдерживая смех. Фотограф прыснул, нагнувшись над баранкой. Ведь это надо же — какое странное совпадение! А бургомистр воспринял все как должное.

— Вот видишь,— тихонько сказал он мне.

Я не знал, что́ отвечать, только молча качал головой, пока мы катили дальше во мраке.

На деле оказалось, что «длинноухим» нужно два дня, а не один для завершения подъема, так что из замечательного плана дона Педро ничего не вышло. Но тогда он не мог этого знать и громко восхищался могуществом наших объединенных *аку-аку,* причем главная роль явно отводилась моему *аку-аку,* потому что бургомистр по собственному почину начал нашептывать мне про удивительные вещи, хранящиеся в его пещерах. Никогда еще, ни разу он не выносил ничего из унаследованных сокровищ, теперь же собственный *аку-аку* упорно подбивает его на это...

И вот семнадцатый день. Сегодня идол должен встать на пьедестал. Появилась, как я уже говорил, седая бабка и выложила из камушков магический полукруг на плите, призванной быть основанием статуи. Затем она подошла ко мне и подарила большой, искусно сделанный и тщательно отполированный рыболовный крючок из черного камня. Дескать, она «нашла» этот крючок как раз сегодня — добрая примета.

Я впервые видел эту старуху. Маленькая, тщедушная, сутулая, но за морщинами угадывалось некогда красивое, благородное лицо, а глаза сверкали умом. Бургомистр шепотом сказал мне, что это сестра его отца, последняя, остальные умерли. Ее имя Виктория, но она предпочитает называться *Таху-таху,* что означает «колдовство». Всю ночь она плясала перед пещерой «длинно-

ухих», чтобы им сопутствовало счастье и великан не сорвался со стены, становясь на плиту.

Великан не упал, но и не стал на место. Оставалась самая малость, завтра он выпрямился бы во весь рост, но назавтра всем надлежало быть в деревне по случаю главной сенсации года — прибытия военного корабля. Так что истукан встретил командира корабля в наклонном положении, уткнувшись носом в каменную насыпь.

А пока лагерь на ночь опустел, остался только сторож, мы же все отправились на борт экспедиционного судна, чтобы на рассвете выйти в море и эскортировать военный корабль до залива Хангароа. Пасхальцы не привыкли к такому оживлению в океане. Обычно лишь голая паутинка горизонта разделяла два голубых поля. Завтра утром на паутинке будут висеть муха и комар, а затем два корабля вместе бросят якорь около деревни.

Кстати, в эти дни умы пасхальцев занимало еще одно судно — не стальное и не бронированное, а связанное ими из золотистого пресноводного камыша и спущенное на воду в Анакене. Теперь эта лодка лежала у нас на палубе, сверкая в солнечных лучах. Ее построили в виде эксперимента, но, оказавшись на воде, она пополнила череду пасхальских тайн.

Началось с того, что Эд, ползая между каменными плитами в развалинах Оронго, обнаружил неизвестные ранее стенные росписи. Особенно нас поразили плачущие глаза, типичные для индейского искусства, и нарисованные на потолке серповидные лодки с мачтой. На одной из лодок были показаны поперечные крепления и большой прямой парус.

Давно известно, что древние пасхальцы вязали из камыша характерные одно- и двухместные лодки, такие же, какими в незапамятные времена пользовались инки и их предшественники в перуанском приморье. Но никто не слыхал, чтобы на Пасхе в прошлом делали парусные суда! Меня это особенно заинтересовало, ведь я плавал на озере Титикака на камышовых лодках, которыми управляли горные индейцы с плато Тиауанако, известного своими древними развалинами. Отличные суда, скороходные и удивительно грузоемкие. В эпоху великих географических открытий перуанцы выходили на больших камышовых судах в открытое море. Рисунки на сосудах доинкской поры показывают *, что представители древних культур этой области делали из камыша настоящие ко-

* См. таблицу XXXI и рисунки на стр. 588 и 589 в труде: *Тур Хейердал*. Американские индейцы в Тихом океане. Осло, Стокгольм, Лондон, 1952.

рабли, подобно тому как египтяне вязали суда из папируса. Плоты из бальсовых бревен и лодки из камыша непотопляемы, и народы Перу предпочитали их для всех морских перевозок. Я знал также, что камышовые лодки могут месяцами держаться на воде. Одна такая лодка с озера Титикака, которую мои перуанские друзья доставили в приморье, скользила, как лебедь, через волны Тихого океана, причем шла вдвое быстрее бальсового плота.

И вот новая встреча с камышовыми лодками, теперь на фреске в развалинах строения на кратерном гребне самого большого пасхальского вулкана, помеченного в записях Эда номером «19» И ведь мы нашли не только изображение, но и камыш. Стоя в разрушенном городе птицечеловеков, мы видели далеко внизу с одной стороны гонимые буйным океаном соленые волны прибоя, а с другой на дне кратера — заросшее высоченным камышом тихое пресноводное озеро. Этот самый камыш и применяли в строительстве древние пасхальцы. Любой островитянин мог нам рассказать про маленькие лодки *пóра*, которые вязали себе участники гонок к птичьим базарам за первым в году яйцом.

Наконец, я знал, что этот камыш есть своего рода ботанический курьез. Его родина — Америка, где он растет по берегам озера Титикака, так не сюрприз ли это — увидеть в кратере на острове Пасхи тот самый камыш, из которого индейцы Титикаки делали свои лодки и который жители засушливого приморья Перу выращивали на орошаемых участках для строительства своих заслуженных камышовых лодок там, где было трудно достать бальсу. Как же могло пресноводное растение попасть сюда через океан?

У патера Себастиана и у пасхальцев был готов ответ на этот вопрос. По преданию, камыш в отличие от многих других здешних растений не был диким, его заботливо посадили на озере предки. Легенда приписывает это дело Уру, одному из первых переселенцев. Мол, он привез с собой корневища и посадил их в кратере. Как только появились ростки, Уру перенес корневища в кратер Рано Рараку, а затем и в Рано Орои. Длинный камыш стал одним из важнейших растений острова, он шел не только на лодки, но и на дома, циновки, корзины, шляпы. И в наши дни пасхальцы регулярно спускаются в кратеры резать камыш. В бинокль мы видели внизу на поблескивающем окошке посреди болота большой камышовый плот, который связали себе любители купания — ребятишки.

Мне захотелось увидеть настоящую *пóра*. Современные люди знают эту пасхальскую лодку только по нехитрому старинному ри-

сунку, а по нему нельзя судить, как она вела себя в открытом море.

— Братья Пакарати справятся с этим,— заверил меня патер Себастиан, который с увлечением выслушал рассказ о моем новом плане.— Эти старые чудаки знают все о лодках и рыбной ловле

Педро, Сантьяго, Доминго и Тимотео подтвердили, что могут сделать *пбра*. Только им для этого нужен хороший нож и время, чтобы высох срезанный камыш. Старики получили каждый по ножу и отправились в кратер Рано Рараку. Но сперва Тимотео рассказал мне, что камышовые лодки были двух родов: одноместные — для участников гонок на птичьи базары за яйцом, и двухместные — для рыбной ловли в океане. Я попросил братьев сделать по одной лодке каждого вида. Старики нарезали охапки длинного, выше человеческого роста, камыша и сложили для просушки под каменоломней, потом отправились верхом разыскивать кусты *махуте* и *хау-хау*, из луба которых можно было сплести крепкие веревки, чтобы связать камыш по старинке.

На сушку ушла уйма времени, потому что стоило братьям покинуть кратер, как являлись другие пасхальцы и увозили громадные охапки. Камыш отличное сырье для циновок и матрацев, и, конечно, проще воспользоваться уже срезанным, чем самим заготавливать его на болоте. И старикам приходилось снова браться за ножи.

Пока в кратере Рано Рараку сушился зеленый камыш, я, захватив палатку, отправился в другой кратер, тот самый, на гребне которого стоят развалины поселения птицечеловеков. Тур-младший тогда еще не перебрался на гребень, где работал Эд, поэтому он сопровождал меня, когда я лез по крутой стенке вниз, в чрево вулкана. На всем острове мы еще не встречали такого дикого места. Спустившись по единственному проходу в скале, мы увидели сплошную огромную трясину. Словно зеленый шпинат устилал дно исполинского котла, а кругом — страшные кручи...

С нами был фотограф. Он карабкался по стенкам и узким гребням что твой козел, но трясина на дне котлована его обескуражила. Мы стояли у подножия почти отвесной скалы, а сделаешь шаг вперед — и ты уже на болоте, либо проваливаешься в воду, либо тебя качает на трясине, как на батуте. Пришлось соорудить из веток и камыша помост, иначе на склоне нельзя было лечь без риска скатиться в болото. Скальные стенки чередовались с осыпями, настолько крутыми, что полезешь — сразу обвал устроишь. А где и можно бы влезть, так нас давно опередили деревья и кусты — такие заросли, что не пробиться. Это здесь, в этом кратере, пасхаль-

цы до недавнего времени добывали древесину. Тут можно было нарубить себе дров для трескучего костра, а когда настал час ложиться спать, мы вознесли хвалу неизвестному мореплавателю по имени Уру, который даровал нам такой чудесный камышовый матрац.

До сих пор никто не брал буром проб на этом болоте, поэтому мы рассчитывали провести несколько дней в кратере. Ведь если верить преданию, здесь впервые был посажен тот камыш, из которого в Южной Америке строили лодки. Когда первые испанцы прибыли на остров Пасхи из Перу, они узнали в местном пресноводном камыше *тотору* инков, и современные ботаники подтвердили их догадку. Теперь мы пришли за пробами торфа с специальным восьмиметровым буром. Ведь в таких болотах герметически сохраняется цветочная пыльца. В Государственном музее в Стокгольме профессор Селлинг изучит наши пробы под микроскопом и определит, как развивалась с древних времен растительность Пасхи. И если нам посчастливится, цветочная пыльца расскажет, был ли остров покрыт лесом и когда попал в кратер южноамериканский пресноводный камыш. Вообще-то сразу видно, что это было очень давно: большое, в полтораста гектаров, кратерное озеро настолько заросло зеленым *тоторой*, что напоминало плантацию сахарного тростника с пятнами коричневой трясины из старых стеблей.

На первый взгляд казалось, что ходить по такому болоту опасно для жизни, однако это было делом привычки. Из поколения в поколение пасхальцы разведывали надежные проходы к окошкам. Когда деревню поражала засуха, приходилось за водой идти в кратер: сперва восхождение на вулкан, потом трудный спуск. Местные жители считали озеро бездонным. Патер Себастиан рассказывал, что промеры полуторастаметровым линем ничего не дали.

...В глубокой котловине солнце разбудило нас поздно. Пока мы дули на дымящие головешки, пытаясь извлечь из них огонь для утреннего кофе, сверху спустился десятник Эда Тепано, чтобы показать нам путь к точкам, которые я наметил для бурения. Поистине необычная прогулка! Ступив на пружинящий ковер, мы сперва должны были пробиваться сквозь дремучий лес — камыш ростом с одноэтажный дом стоял густо, как щетина в щетке. Сочные стебли коренились в мощных пластах мертвых волокон, которые то и дело предательски расступались. Чтобы не провалиться в очередную волчью яму, приходилось все время делать свежий настил, нагибая зеленый камыш. Но вот пройдена баррикада у бе-

рега, и нам открылся вид на все болото — будто пестрое одеяло из коричневых, желтых, зеленых, синих и черных лоскутов.

Дальше опора стала совсем ненадежной. Местами мы шагали вброд по шаткой основе, местами на каждом шагу погружались по колено в ил и мох, все булькало, хлюпало — скорей выдергивай ногу, не то застрянешь! Тут и там торф прорезали канавы с бурой водой, через которые надо было прыгать, а трясина под ногами качается так, что даже жутко. Попадались купы высоченного камыша, и, выбравшись из одной такой рощи, мы с Тепано и Туром вдруг провалились с головой в окошко, прикрытое сплошным слоем ряски. Тепано успокоил нас, мол, здесь нигде не засасывает, и, если умеешь плавать, бояться нечего. Облепленные илом и ряской, мы скоро стали похожи на водяных, к тому же в закрытой со всех сторон котловине солнце нещадно припекало, и соблазн искупаться в бурой болотной воде взял верх. У поверхности вода была теплая, но поглубже — как лед. Тепано заклинал нас не нырять: один пасхалец нырнул здесь и больше не вынырнул — заблудился под трясиной.

Мы никак не могли найти подходящего места для бурения. Бур пронизывал насквозь трясину и уходил в воду. Сплетение мертвых стеблей достигало в толщину и трех, и четырех метров. Пробовали делать промеры в окошках, но дна нигде не достали: каждый раз лот ложился на всплывшую дернину. Тепано рассказал, что окошки все время кочуют по болоту и меняют свои очертания. Все непрерывно перемещалось в этом адском котле.

Еще до вечера Тепано отправился обратно через гребень кратера. Фотограф ушел с ним, мы же с Туром остались еще на несколько дней, надеясь взять более удачные пробы. Теперь мы знали тайны кратерного болота, научились по цвету и виду трясины угадывать, что нас ждет впереди.

На следующий день, пройдя через все болото до противоположной стены кратера, мы вдруг увидели на краю трясины каменную кладку высотой метра в четыре, густо поросшую травой и кустарником. Мы вскарабкались наверх и очутились на старинной искусственной платформе.

На склоне выстроились террасами одна над другой еще четыре-пять таких кладок. Продолжая разведку, мы отыскали низкие квадратные входы в подземные каменные жилища, подобные которым до сих пор видели только в разрушенном селении птицечеловеков — Оронго.

Так, мы невзначай открыли старинные развалины, неизвестные даже самим пасхальцам, во всяком случае они ни разу не

рассказывали про них белым. Многие камни были покрыты почти стершимися контурными и рельефными изображениями людей, птиц и мифических животных, гротескных лиц и магических глаз. Лучше всего сохранились два птицечеловека и четвероногое животное с человечьей головой. Террасы были построены для земледелия, и у подножия нижней стены мы взяли на краю болота много проб торфа.

На четвертый день, когда мы сидели, запечатывая пробирки расплавленным парафином, к нам спустился капитан Хартмарк и сообщил, что Арне сделал новое открытие в Рано Рараку. Он откопал торс огромной статуи, которая была врыта в землю почти до подбородка, и оказалось, что на груди у нее высечено изображение большого камышового судна с тремя мачтами и парусами. С палубы тянется длинный канат к черепахе на животе изваяния.

Мы собрали свои вещи и покинули чрево Рано Као. Тур-младший перебрался в развалины Оронго, а я отправился на джипе к Рано Рараку. Арне показал мне свою находку. Его окружали пасхальцы, которые с благоговением и гордостью любовались древним судном на животе *моаи*. Они не сомневались, что это корабль самого Хоту Матуа, ведь он прибыл на остров во главе нескольких сот человек на двух кораблях, таких вместительных, что злейший враг Хоту Матуа — Орои сумел спрятаться на борту одного из них и доехал зайцем. Теперь на острове нет *хону* — черепах, но во времена Хоту Матуа один из его людей был даже ранен на берегу Анакены во время охоты на большую черепаху.

Пасхальцы наперебой принялись рассказывать о подвигах предков, и я услышал обрывки известных легенд про Хоту Матуа, записанных патером Русселом и судовым казначеем Томсоном еще в конце прошлого столетия. Мы и сами видели, что это не европейский корабль, а какое-то необычное судно, только трудно было представить себе, чтобы древние пасхальские ваятели строили такие большие многомачтовые суда. Но разве кто-нибудь поверил бы, что эти самые люди создавали гигантских идолов высотой с четырехэтажный дом, не будь материал таким крепким, на века? И ведь эти неукротимые гении инженерного искусства были не только ваятелями, но и замечательными мореплавателями, они сумели проложить путь в самый уединенный уголок на свете, где затем из столетия в столетие без помех вытесывали свои статуи. Если они, располагая камышом *тотора*, вязали из него маленькие плотики, то так ли уж странно, что они делали из него большие мореходные плоты?

Старинный рисунок пасхальца с характерной прической и бородой, который подплыл на камышовой лодчонке пóра к кораблю Пти-Туара

Когда на Пасху впервые прибыли европейцы, они не увидели там судостроителей, но ведь они не застали и ваятелей. К этому времени пасхальцы делали только узкие крохотные лодчонки на два — четыре человека, рассчитанные на тихую погоду, да еще меньшие плоты из камыша. Но европейцы попали на остров в третий период, это была варварская пора, когда война и распри совершенно парализовали древнюю культуру, а кровавые усобицы исключали всякую возможность сотрудничества родовых групп. Пасхальцы предпочитали не уходить далеко от своих подземных убежищ. Естественно, в таких условиях люди не собирались вместе, чтобы построить суда. Вот почему науке известны лишь два вида неказистых пасхальских суденышек — маленький полинезийский аутриггер *вака ама* и небольшой южноамериканский камышовый плот *по́ра*. Оба настолько малы, что не могли доставить людей на самый уединенный островок в мире. Но легенды пасхальцев сохранили описания огромных судов, совершавших дальние плавания в пору расцвета культуры предков. В прошлом веке патер Руссел записал рассказ о громадных судах на четыреста пассажиров. Нос корабля был изогнут, как лебединая шея; ахтерштевень высотой равнялся носу и делился надвое. Точно такие же суда можно увидеть на древнеперуанских кувшинах. Но в преданиях острова Пасхи идет речь и о других древних судах. Патер Себастиан слышал о громадном судне вроде плота или баржи, которое называлось *вака поепое* и тоже использовалось, когда в далекий путь отправлялось много людей.

После того как Эд и Арне независимо друг от друга нашли изображения камышовых судов, мы стали более придирчиво изучать каждую фигуру, напоминающую лодку. На статуях и на скалах в каменоломне оказалось много таких изображений с четко различимыми связками камыша. Биллу попалась лодка с мачтой и прямым парусом; Карл обнаружил на животе поверженной десятиметровой статуи камышовую лодку, мачта которой пересекала круглый пуп идола; Эд открыл в Оронго фреску — трехмачтовый корабль с маленьким круглым парусом на средней мачте.

Случай позаботился о том, чтобы мы получили еще более убедительные доказательства того, что такие большие суда были на самом деле. В разных концах острова мы встречали широкие мощеные дороги, обрывающиеся в море. Эти загадочные дороги породили множество домыслов и фантастических теорий. На них опирались все те, кто считает остров Пасхи остатком затонувшего материка. Дескать, мощеные дороги продолжаются на дне моря и по ним можно дойти до развалин затонувшего царства Му.

И правда, что нам мешало совершить прогулку по подводной мостовой? В экспедиции был водолаз, и теперь вместе с ним мы отправились к ближайшей дороге, что обрывалась у моря. Надо было видеть, как он в зеленом гидрокостюме и маске с хоботом зашлепал широкими ластами по магистрали, ведущей в страну Му. Держа в одной руке камеру в оранжевом боксе, смахивающем на корабельный фонарь, он сделал другой рукой элегантный прощальный жест и ступил в воду: будьте спокойны, он доберется до Му! Вот уже видно лишь баллон на спине да шлепающие по воде ласты, потом он совсем скрылся, и только лопающиеся на поверхности пузырьки воздуха говорили нам, куда он держит путь.

Похоже, напрямик в Му не пройдешь... Пузыри повернули сперва влево, затем направо и пошли описывать круги и спирали. Вот шлем с хоботом высунулся из воды — водолаз проверил, где кончается дорога на берегу, и опять поплыл зигзагами под водой. Наконец он сдался, вышел из воды и попал под град вопросов.

— Что, поленились поставить указатели?

— Неужто не нашлось русалочки показать тебе дорогу?

Водолаз доложил, что никакой дороги не видел. Мостовая доходит только до воды, дальше идут карнизы, камни, грибовидные кораллы и глубокие трещины. Подводный склон обрывается в синюю пучину, там ему встретились какие-то здоровенные рыбины.

Мы не очень удивились. Океанографы уже давно по пробам грунта в Тихом океане определили, что в полинезийской области, сколько существует человек, суша не поднималась и не опускалась.

Я снова обратился к пасхальцам. Никто из них не помнил, для чего употреблялись спускающиеся к морю мощеные дороги, и я узнал только, что их называли *anapa*. Но *anapa* означает «разгружать». Это подтверждало нашу догадку: дорога вела к месту, где разгружали и вытаскивали на берег большие морские суда. Одна *anapa* кончается в мелководной бухте на южном берегу острова, у подножия высокой ритуальной платформы. Бухта настолько загромождена камнями, что древним мореплавателям пришлось расчистить широкий проход к причалу. Прямо посреди фарватера лежат три огромных красных «парика», причем два из них так близко друг от друга, что они явно находились на одном судне или на самой корме и на самом носу двух шедших друг за другом судов. Но это должны были быть внушительные суда!

Таково было первое обнаруженное нами указание на то, что ваятели доставляли часть своих тяжелых грузов морем, идя вдоль побережья острова. Выходит, у них в самом деле были суда, спо-

собные поднять полтора десятка тонн груза или двести человек. Потом мы нашли свидетельства того, что и некоторые статуи были перевезены по морю в места, куда с таким грузом можно было добраться только на широком плоту из камыша или бревен.

Пока мы по кусочкам восстанавливали картину удивительных морских достижений древних пасхальцев, четыре старика неутомимо заготавливали *тогору* в Рано Рараку. Наконец, просушив камыш, они быстро связали из него каждый свою *пóра*. Особый способ вязки придал лодкам изогнутую, заостренную с одного конца форму, так что они напоминали огромный клык. Удивительное это было зрелище, когда старики понесли их к воде, тем более удивительное, что у них получилась точная копия своеобразной одноместной лодки, которая много столетий отличала приморские культуры Перу. Даже материал тот же — южноамериканский пресноводный камыш.

Когда старики принялись вязать лодку побольше, на двоих, руководство взял на себя Тимотео. Остальные трое без его указаний просто не знали, что делать. Я спросил, чем это объясняется. Мне ответили, что Тимотео — старший, поэтому он один знает, как должна выглядеть такая лодка. Ответ меня слегка озадачил, но лишь потом мне начал открываться смысл такой монополии.

Двухместная лодка, когда ее спустили на воду в Анакене, оказалась поразительно похожей на камышовые лодки озера Титикака, отличаясь от них лишь тем, что нос и ахтерштевень, заостряясь, поднимались косо вверх, как на самых древних лодках перуанского побережья. Двое старших братьев прыгнули в лодку, каждый со своим веслом, и через бурлящий прибой легко вышли в открытое море. Камышовая лодка извивалась, переваливая через волны, будто надувной матрац, и гребцы чувствовали себя очень надежно. Тут и два других брата прыгнули в прибой с одноместными *пóра* и смело вступили в поединок с морем. Лежа на животе на широком конце огромного «клыка», они загребали руками и работали ногами.

Двухместная лодка так уверенно и лихо справлялась с волнами, что после первого испытания братья уселись на ней вчетвером и в четыре весла вывели ее в океан.

Вместе со мной на берегу стояли патер Себастиан и бургомистр, и все трое мы были одинаково поражены и восхищены. Позади нас поднялась выше палаток спина исполинской статуи длинноухих, но сейчас бургомистр видел только золотистое суденышко и четырех гребцов. У него даже слезы выступили на глазах.

— Наши деды рассказывали про такие лодки, именно такие,— сказал он,— но мы сами видим их в первый раз... Смотришь, и предки сразу как-то ближе. Вот здесь чувствую! — добавил он, взволнованно ударяя себя в грудь.

Когда двухместная лодка Тимотео вернулась, один из самых рослых среди наших ребят вскочил на корму — и хоть бы что, осадка осталась прежней. Но если наскоро связанная лодчонка выдерживала пять человек, то что могло помешать древним строителям нарезать в трех кратерах достаточно камыша для больших судов?

Патер Себастиан страшно заинтересовался этим опытом. Старики описывали ему такие лодки, но только теперь он по-настоящему понял, о чем шла речь. И патер вспомнил, что ему показывали изображение лодки в пещере на Поике.

— Это вот рыбацкая лодка,— объяснил бургомистр, показывая на изделие братьев Пакарати.— А представляете себе, какие суда были у древних королей, когда они выходили в дальние плавания!

Может быть, он знает, позволяли ли размеры этих судов употреблять паруса? С удивлением я услышал в ответ, что предки пасхальцев использовали паруса из циновок. И этот поразительный человек начертил на песке парус с вертикальными полосками, изображающими камыш. Дескать, сделать такой парус проще простого — связывай стебли вместе, как это делал Доминго на днях, изготовляя для меня циновку.

Я хорошо знал, что на озере Титикака по сей день ходят лодки из *тоторы* с камышовыми парусами, с той лишь разницей, что стебли располагаются в парусе поперек.

— Откуда ты знаешь, что у них были камышовые паруса? — недоуменно спросил я.

— Ха, дон Педро много чего знает,— гордо ответил он с хитроватой улыбкой.

Это было как раз в те дни, когда Эстеван еще приносил мне родовые сокровища. А в ночь после испытания лодок и Лазарь впервые вручил мне каменную голову из тайника, потом, увлеченный последними событиями, не выдержал и рассказал, что в его пещере кроме других изделий лежат каменные модели судов, причем некоторые напоминают лодки, сделанные братьями Пакарати.

Я решил рискнуть — ведь жена Эстевана просила его узнать у меня, что́ именно мне хотелось бы получить из подземного тайника. Узнав от Лазаря, что в его пещере есть модели судов, я надумал, так сказать, произвести выстрел вслепую: улучив минуту, отвел Эстевана в сторонку и попросил его передать жене: не от-

даст ли она мне лодки? Эстеван заметно удивился, однако после работы поскакал верхом в деревню. А ночью он явился ко мне с мешком, в котором лежало пять чудесных каменных скульптур. Первой он извлек обернутую в сухие банановые листья великолепную серповидную модель кораблика. И сказал, что, по словам жены, в пещере есть еще более искусно выполненная модель. На ней тоже показана вязка, нос и корма заострены, подняты кверху и к тому же украшены головами богов.

Я слушал его, сидя как на иголках, ведь как раз в эту ночь я пригласил Лазаря и бургомистра, чтобы вместе с ними обойти по кругу место с заветным китом. И когда Эстеван шмыгнул из палатки наружу и пропал во тьме, я, естественно, не мог предвидеть, что его жена, опасаясь своего *аку-аку*, надолго откажется давать что-нибудь для меня.

Лазарь в ту ночь не смог сходить в свой тайник за другим корабликом, ибо после того, как они с бургомистром, совершив под моим водительством магический ритуал, вернулись к своим спящим товарищам в пещеру Хоту Матуа, дон Педро до утра не смыкал глаз, наблюдая загадочные огоньки и прочие знамения. Зато на следующий день, когда были найдены все киты, Лазарь сумел ночью выбраться из пещеры. Один из его друзей проснулся и живо подобрал ноги, потому что у пасхальцев считается дурной приметой, если через них перешагивают. Он спросил Лазаря, куда тот собрался, и Лазарь ответил, что ему прихватило живот. А за скалой по соседству стоял оседланный конь, который быстро домчал хозяина до пещеры в Ханга-о-Тео.

Рано утром в дверь моей палатки просунули мешок, а затем появился и Лазарь. Сев на корточках на полу, он с гордостью достал из мешка каменную модель одноместной *пóра* в виде клыка. За лодкой последовало чудище, смахивающее на аллигатора, и красная чаша с тремя человеческими головами по краю. Лазарь сообщил, что в пещере осталось еще три лодки, но они не так похожи на лодку Тимотео. Я щедро его одарил и попросил в следующий раз все-таки захватить остальные лодки. Он пришел с ними спустя три ночи. Одна модель изображала настоящий корабль с широкой палубой и загнутыми вверх носом и кормой, причем палуба и борта набраны из толстых связок камыша. Вторая модель, плоская и широкая, представляла *вака поепое* — то ли плот, то ли баржа с высеченными в камне мачтой и парусом и двумя непонятными выступами на палубе впереди. Третья походила скорее на длинное блюдо, чем на судно, но подразумевался камыш, и посередине было отверстие для мачты. Лицом к этому от-

верстию во впадинах на носу и на корме лежали причудливые головы. У одной головы огромные надутые щеки и губы сложены трубочкой — этакий херувим, раздувающий парус; волосы сливались с камышом на бортах. Скульптура явно была старинная, мотив и стиль совсем чуждые для острова Пасхи. На мои попытки что-нибудь выяснить Лазарь ничего не мог ответить, только разводил руками. Дескать, так сделано, и все тут. Но в пещере осталась еще куча удивительных вещей, и так как Лазарь уже убедился, что ничего страшного не происходит, он обещал как-нибудь взять меня с собой, когда уйдет военный корабль. Только чтобы никто в деревне об этом не знал.

Бургомистр мне пока ничего не приносил, если не считать повторяющие друг друга фигурки из дерева. Накануне прихода «Пинто» я пригласил его вечером к себе в палатку. Надо было использовать последний шанс — ведь когда судно уйдет, оно увезет с собой бургомистра, а вход в его тайники не знает больше никто на острове, даже его жена. У меня был приготовлен для дона Педро приятный сюрприз. Отчасти мною руководили чисто эгоистические побуждения — может быть, он решит ответить щедростью на щедрость, отчасти же мне хотелось выразить свое искреннее расположение к человеку, от которого мы столько узнали.

Я плотно закрыл палатку, прикрутил лампу и в полумраке повернулся к своему гостю. Мои приготовления явно возымели действие, дон Педро даже оробел от всей этой таинственности. Шепотом я сообщил ему, что мой *аку-аку* предупредил меня: надо как следует снарядить бургомистра в его первое путешествие за пределы острова. Дескать, *аку-аку* объяснил мне, в чем именно нуждается дон Педро, и я решил последовать его совету.

После такого вступления я вытащил и вручил бургомистру мой лучший чемодан, в который у него на глазах положил дорожный плед, простыни, полотенца, шерстяной свитер, две пары брюк защитного цвета, две рубахи, галстуки, носки, носовые платки, ботинки и различные предметы туалета — от расчески и мыла до зубной щетки и бритвенного прибора. Кроме того, бургомистр получил сумку с котелками и походным снаряжением, чтобы он в случае чего мог сам готовить себе еду, несколько картонов своих любимых сигарет и бумажник с чилийскими песо на то время, что ему предстояло провести в далеком неведомом краю. Одно из лучших платьев Ивон и детскую одежду я ему дал, чтобы он мог сделать прощальный подарок жене. И наконец, я достал чучело южноамериканского кайманчика с локоть длиной, случайно купленное у одного негра в Панаме. Нечто похожее, только из камня

мне приносили из своих пещер Эстеван и Лазарь; кроме того, на Пасхе вырезают этого зверя из дерева, называя его *моко*. И он присутствует в мифах по всей Полинезии, хотя единственное животное на островах, которое похоже на него,— малюсенькая ящерица. Поэтому многие считают, что пасхальские *моко* отражают воспоминание о каймане, с которым древние мореплаватели встречались в тропическом приморье Южной Америки.

Я дал чучело бургомистру — мол, положи его в свою пещеру, и пусть сторожит ее, пока ты сам будешь на материке.

Обилие подарков поразило бургомистра, он даже рот раскрыл, а когда появилось чучело, дон Педро совсем разволновался и возбужденным шепотом сообщил мне, что в его пещере есть точно такой зверь из камня и он его принесет мне! После чего дон Педро окончательно смешался и только тряс мне руку и твердил, что мой *аку-аку* «муи буэно, муи, муи, муи буэно».

Была уже ночь, когда осчастливленный бургомистр выбрался из палатки и кликнул своего верного друга Лазаря, чтобы тот помог ему донести вещи до стоявших неподалеку коней. И друзья поскакали вдогонку за остальными «длинноухими», которые уже отправились в деревню.

Таким образом, мудреная загадка подземных тайников оставалась нерешенной, и плечистый великан еще стоял набекрень, униженно уткнувшись носом в груду камней возле наших палаток, когда Анакенская долина снова опустела. «Длинноухие» уехали домой, где их завтра ожидала другая работа и ежегодное торжество, а мы, оставив палатки, перебрались на сверкающее белой краской экспедиционное судно, чтобы выйти в море навстречу «Пинто».

Глава седьмая ВСТРЕЧА С НЕМЫМИ СТОРОЖАМИ РОДОВЫХ ПЕЩЕР

Солнце едва успело подняться над морем, расписав прибрежные скалы утренним золотом и волшебными тенями, когда большой чилийский военный транспорт показался на горизонте. Плоский, широкий, однообразно серый, с металлической вавилонской башней посередине, он надвигался все ближе и ближе — первый привет внешнего мира, первое свидетельство того, что вдали, за всеми горизонтами по-прежнему лежит суша. Ров Ико занесло песком, человек сменил одно оружие на другое.

Мы встретили «Пинто» сразу за птичьими островками. Палубы и все надстройки великана были облеплены людьми. Как только мы поравнялись, капитан Хартмарк посигналил сиреной, и мы приспустили кормовой флаг, приветствуя наших хозяев. В ответ последовал салют из одного орудия, и на грот-мачте военного корабля взвился норвежский флаг. Замечательное радушие! Мы описали полукруг, и маленький траулер, выжимая всю мощность из своей машины, проводил миролюбивого серого великана до якорной стоянки у деревни Хангароа. А там у мола уже собралось все население. Над островом гулко раскатился салют «Пинто» — двадцать один выстрел, затем от берега отчалил катер с губернатором, который явился на борт приветствовать капитана «Пинто» в протекторате военно-морского флота.

Через двадцать минут после губернатора я, как было условлено, тоже отправился на «Пинто» вместе с капитаном Хартмарком и врачом экспедиции. Нас приняли необычайно сердечно. Когда наш катер пришвартовался, трубач сыграл фанфару; у трапа, встречая гостей, стояли капитан «Пинто» и губернатор. А в салоне капитана нас представили адмиралу чилийской санитарной службы и американскому военно-морскому атташе с супругой. Американец прибыл, чтобы выяснить, нельзя ли построить на острове Пасхи большой аэродром для воздушной трассы между Южной

Америкой и Австралией. За коктейлем я в короткой речи поблагодарил за замечательное гостеприимство, оказанное нам губернатором и его людьми, а капитан «Пинто» тепло пожелал нам на будущее таких же успехов, как уже достигнутые. Он предложил поделиться с нами припасами, если мы в чем-нибудь нуждаемся, и велел принести два мешка почты, на которые набросились с жадностью наш шкипер и врач.

На этом вся немудреная официальная часть кончилась, и можно было начинать приятную беседу.

Но вот опять открылась дверь, и в салон следом за щеголявшим отглаженной рубахой с галстуком бургомистром вошло полдюжины представителей островитян, в том числе Лазарь. Дон Педро решительно прошагал прямо к сверкающему золотыми галунами суровому капитану и крепко пожал ему руку. Горячо жестикулируя, он звонким голосом объявил нам, что вот это настоящий капитан, вот это да: он первый изо всех салютовал, подойдя к острову! Затем бургомистр вытянулся в струнку, остальные пасхальцы тоже стали руки по швам, и дон Педро лихо исполнил чилийский гимн, дыша в лицо капитану. А кончился гимн, и строй поломался, свита бургомистра превратилась в джаз-банд. Вращая коленями и плечами, они грянули песню о своем короле Хоту Матуа, как он высадился на берег Анакены. Не успела отзвучать последняя строфа, как глаза бургомистра остановились на мне, он замер, словно кот на бегу, и с жаром воскликнул, показывая на меня:

— *Ми амиго,* сеньор Кон-Тики!

И будто по сигналу вся компания сунула руки в карманы, вытащила пачки американских сигарет разных марок и дружно предъявила их капитану «Пинто»: вот, мол, какой товар нам привезли, учитесь!

Капитан все это выслушал терпеливо, со стоическим спокойствием, а когда снова внесли коктейли и пасхальцам предложили угощаться, глаза бургомистра радостно засияли: нет, все-таки молодец этот капитан, ничего, что его сигареты похуже сигарет Кон-Тики. С легким испугом я смотрел, как бургомистр одним глотком опустошил рюмку, а он гордо глянул на меня и успокоительно кивнул, дескать, я могу быть уверен, дон Педро понимает толк в хорошем вине. После чего вся его компания, премного довольная, покинула салон и пошла осматривать корабль.

Затем я увидел бургомистра уже в офицерской кают-компании, где он стоял возле бара, окруженный восхищенными слушателями. Среди пассажиров было много видных лиц, в том числе

профессора Вильгельм и Пенья, которые вместе с группой студентов-археологов хотели осмотреть наши раскопки. Мы были знакомы еще по Чили, и они заключили меня в свои по-южному горячие объятия. Оба профессора и студенты с увлечением выслушали мой рассказ об открытии различных периодов в развитии пасхальской культуры и о раскопанных нами необычных статуях.

В этой беседе я не решился говорить об удивительных скульптурах из подземных тайников. Одно неосторожное слово могло сокрушить все мои надежды когда-либо раскрыть секрет родовых пещер. Мой замысел проникнуть в такой тайник буквально висел на волоске. Если сейчас пасхальцы что-то проведают, они испугаются, и тогда их уста, а с ними и пещеры будут закрыты семью печатями.

Кончив рассказ, я собрался уходить, и вдруг меня словно громом поразило. От бара до меня донесся голос бургомистра, звучащий как-то необычно звонко, а когда я увидел, как дон Педро ставит пустой бокал, то понял, что стойка явно двоится у него в глазах. Громко, отчетливо бургомистр объявил во всеуслышание:

— Друзья мои, я богатый человек. У меня есть пещера.

Я замер, ожидая, что последует дальше. Ничего не последовало. Остальные продолжали разговаривать о совершенно других вещах, а бургомистр ничего больше не сказал. Наверно, не впервые он проговаривался за рюмкой вина. Но его слов то ли не слышали, то ли принимали их за пьяную болтовню. Да и всякому ли понятно: что́ удивительного, если у человека «есть пещера». Так или иначе, было похоже, что бургомистр, опомнившись, сам испугался того, что наговорил: не успел я вернуться с «Пинто» на наше судно, как он тотчас сел в лодку и отправился на берег.

В этом году резные деревянные изделия, предложенные команде и пассажирам «Пинто», не блистали качеством. Все лучшее давно уже выменяли члены экспедиции. Поэтому профессор Пенья направился прямо в домик бургомистра, где и увидел богатый выбор законченных и полузаконченных скульптур превосходной работы. Однако дон Педро отказался их продать, дескать, они вырезаны для Кон-Тики, и вообще у него столько заказов от людей Кон-Тики, что дай бог управиться. И Пенья остался ни с чем. А дон Педро принялся рассказывать, какое счастье сопутствует Кон-Тики: стоит его людям перевернуть камень или копнуть землю, и непременно обнаружится что-нибудь замечательное. Пенья терпеливо выслушал и это, но хмель еще не совсем оставил бургомистра, и он все больше расходился, расписывая находки людей Кон-Тики. Под конец профессор призадумался. Слушая бур-

гомистра, можно было подумать, что на Пасхе трава растет на сплошном слое редких изделий. Дон Педро забыл сказать, что в земле мы из действительно ценных памятников нашли только развалины и изваяния, причем ничего не тронули. Поэтому Пенья вправе был заключить, что трюмы экспедиционного судна набиты редчайшими образцами и экспонатами, добычей археологов, которые первыми надумали вести раскопки на безлесном острове.

Вечером профессор Пенья второй раз сошел на берег, причем с какой-то телеграммой в руках. Несколько человек из тех, кому он показал эту телеграмму, поспешили ко мне и испуганно рассказали, что она подписана министром просвещения Чили, который уполномочил Пенью конфисковать весь археологический материал экспедиции и привезти с собой на «Пинто».

Губернатор был потрясен, капитан «Пинто» бессильно развел руками, патер Себастиан не мог ничего понять. Если Пенья в самом деле наделен полномочиями от министра, никто на острове не сможет ему помешать. Придется экспедиции отдать все добытое археологами из земли за эти месяцы вплоть до последнего кусочка кости и образца древесного угля. Наши чилийские друзья готовы были сделать все возможное, чтобы выяснить, в чем дело, и было решено пригласить профессора Пенью на конференцию круглого стола в маленьком кабинете патера Себастиана. Все от души надеялись, что будет найден выход и материалы экспедиции не конфискуют.

Тем временем о телеграмме прослышали и пасхальцы. Возмущенные, они пришли ко мне и заверили, что никто не имеет права отнимать у меня вещи, купленные у них, они сами распоряжаются своим имуществом. Эстеван и Лазарь особенно волновались за скульптуры, которые я от них получил. Правда, Лазарь считал, что мне достаточно призвать на помощь своего *аку-аку,* и тогда никто ничего не тронет на моем корабле. Бургомистр страшно расстроился, сознавая, что это он во всем виноват. Но ничего, он пойдет к самому Пенье и скажет, что у меня на борту есть только такие вещи, которые я купил у владельцев, то есть у жителей деревни, что я ни одной находки не присвоил!

— Мы имеем право отдавать и продавать свои вещи, кому захотим,— повторил дон Педро и отправился разыскивать Пенью.

Одновременно мы решили, что командир «Пинто» объедет остров со свитой и познакомится с работой экспедиции, а уже потом соберем конференцию. Ведь корабль все равно простоит в бухте больше недели. Пенья со своими студентами совершит верховую экскурсию с Гонсало в качестве гида, а потом они под наблюде-

нием Билла приступят к самостоятельным раскопкам на поляне Тепеу, где в прошлом стояли камышовые хижины.

На следующий день море разбушевалось, накат с ревом разбивался о скалы. Волнение не давало высадиться на берег тем, кто оставался на «Пинто», и не пускало обратно на корабль тех, кто накануне переправился на остров. Последние нашли приют у патера Себастиана, который был для них сказочной фигурой, некоронованным королем острова Пасхи. И они до того замучили старого священника вопросами и фотографированием, что он в конце концов не выдержал и сбежал из дому. Придя ко мне, патер спросил, нельзя ли отправиться на экспедиционное судно — там хоть посидим спокойно, отдохнем от толкучки. Прибой не страшен, найдем кого-нибудь знающего фарватер, и он проведет нас между рифами.

На молу, где кончала свой бег череда высоких бурлящих волн, мы увидели расстроенного бургомистра. Он попросил нас захватить и его, дескать, ему нужно переговорить со мной.

— Присоединяйтесь к нам, дон Педро,— приветливо сказал патер Себастиан, подобрал подол сутаны и, опираясь на руку капитана, шагнул в пляшущий на волнах катер.

Наши уже позавтракали, и стюард пригласил нас к столу, предложив бутерброды. Патер Себастиан любил поесть, а бутерброды с пивом ему особенно нравились. Я тоже на аппетит не жалуюсь и в ряду материальных благ очень высоко ставлю добрую трапезу. Гости составили мне достойную компанию, ели за милую душу, явно наслаждаясь жизнью, хотя корабль медленно покачивался на волнах.

Пиво у нас было в жестяных банках, и патер Себастиан кивком дал понять, что можно дать банку бургомистру,— ведь покупает же он вино на «Пинто». Бургомистр страшно обрадовался и продолжал налегать на бутерброды, подливая себе из банки пива в стакан. Но патер Себастиан понемногу сбавил темп, потом, смущенно улыбаясь, попросил извинения: он не ожидал, что качка окажется такой сильной. Наш капитан проводил его на палубу, подышать свежим воздухом у борта, а дон Педро спокойно положил себе на тарелку новую порцию отличной закуски. Как только мы остались одни, он подвинулся ко мне и, не переставая жевать, повел речь об *аку-аку*. Мол, уж мне-то нечего бояться, что у меня что-нибудь отберут: разве наши объединенные *аку-аку* не задержали на целый день большой военный корабль?!

В свою очередь я похвастался шепотом, что узнал от своего *аку-аку*, какие вещи кроме уже обещанного мне *моко* хранятся в

пещере бургомистра. Полагая, что сходные для некоторых пещерных скульптур Эстевана и Лазаря черты могут быть присущи и каким-то изделиям в пещере бургомистра, я очень приблизительно их описал. Дон Педро опешил и на миг даже забыл про еду. Неужели мой *аку-аку* побывал в его тайнике? Признав, что я не ошибся, бургомистр стал допытываться: что еще я узнал от своего *аку-аку?* Больше ничего, ответил я, ведь дон Педро сам собирался до отъезда посвятить меня во все тайны своей пещеры. Он успокоился и примолк. Вошел стюард, принес еще бутербродов. Бургомистр опять наложил себе тарелку, предаваясь дотоле неизведанным радостям холодных закусок. Взялся за банку с пивом и печально посмотрел на меня: пусто. Я как раз хотел выйти на палубу, спросить патера Себастиана, как он себя чувствует, и тут мне на глаза попалась банка с пивом, оставленная стюардом на бочке возле двери. Выходя, я поставил эту банку перед доном Педро, который расправлялся с бутербродами, а пустую выбросил за борт.

Патер Себастиан совершенно оправился на свежем воздухе, и мы разговорились с ним; вдруг из кают-компании донесся вопль ужаса.

В три прыжка я очутился у двери и увидел прижавшегося к переборке бургомистра, который с искаженным лицом и вытаращенными глазами показывал рукой на банку с пивом.

— Кто поставил ее здесь, кто ее поставил! — кричал он диким голосом.

Неужели стюард принес плохое пиво? Нам уже попадались банки с забродившим пивом, может быть, бургомистр решил, что мы задумали его отравить? Я понюхал пиво.

— Кто ее поставил, все банки были пустые, когда ты уходил! — надрывался бургомистр, словно его осаждали духи.

И тут меня осенило: да он, похоже, не заметил, как я заменил пустую банку полной!

— А что, после меня сюда никто не заходил? — спросил я осторожно.

— Нет, никто!

— Ну, тогда это мой *аку-аку* сделал.

Бургомистр и не подумал сомневаться. Вот это *аку-аку,* он такого еще никогда не видел! Дон Педро поглядел на меня с завистью: невидимый слуга подносит мне пиво, стоит только пожелать! Понемногу он отошел и снова принялся за еду, но все время глядел в оба — не случится ли еще что-нибудь таинственное. Остаток масла он завернул в бумажную салфетку и сунул в кар-

ман, после чего, сытый и довольный, вышел к нам на палубу. Тем временем капитан снялся с якоря и осторожно подвел судно ближе к берегу под прикрытие маленького мыса.

Случай с пивом поразил бургомистра куда больше, чем каменные киты и все прочее. И когда мы под вечер, оседлав прибой, съехали на берег, он отвел меня в сторонку и шепотом сообщил, что *аку-аку* упорно уговаривает его сходить в пещеру и взять что-нибудь для сеньора Кон-Тики. Он и сам не прочь, но сперва надо получить согласие своей бабушки. А я и не знал, что у него есть бабушка! Где же она находится?

— Да там, за Ханга Пико, под цементной плитой у самой дороги,— ответил бургомистр.

Я оторопел, представив себе старую женщину, придавленную упавшей плитой, но тут же сообразил, что покойная бабушка попросту похоронена около Ханга Пико. Бургомистр доверительно объяснил, что днем или при луне ее спрашивать никак нельзя, только в полной темноте. Но он при первом же подходящем случае сходит туда и, если она разрешит, сделает, как велит *аку-аку*,— наведается в пещеру.

На следующий день мы подняли якорь и вернулись к лагерю в Анакене, а команда «Пинто» приступила к разгрузке. Гонсало повел на экскурсию профессора Пенью и чилийских студентов; им давали объяснения наши археологи, временно оставшиеся без рабочих. Мы вели светскую жизнь: то обед на «Пинто» для всех нас, то прием в честь командира корабля со свитой у губернатора, а затем и в Анакене. Когда в лагерь прибыл Пенья со своей кавалькадой, снова состоялся пир, и гости остались у нас ночевать. Один из студентов-археологов, боливиец, пришел в восторг при виде красной колонновидной скульптуры в Винапу и коленопреклоненного великана у подножия Рано Рараку: он вел раскопки в Тиауанако и тотчас узнал в наших находках типы изваяний, которые видел у себя на родине.

У Пеньи было превосходное настроение, все ему страшно понравилось, однако он потихоньку сообщил мне, что, к сожалению, прибыл с «неприятной миссией» и разыскивал меня, чтобы назначить встречу и обсудить одну весьма досадную телеграмму. Мы назначили встречу и расстались добрыми друзьями.

Дня через два мне передали, что бургомистр просит прислать в деревню джип за «тяжелым мешком с очень важными вещами». Капитан Хартмарк поехал за мешком; он должен был также захватить трех монахинь, которые собирались уезжать на «Пинто» и хотели сперва посмотреть на почти воздвигнутую статую.

И вот вернулся джип, битком набитый монашками и священником с «Пинто», а поверх втиснутого в багажник огромного мешка сидели с непроницаемым видом дон Педро и Лазарь. Гости пошли смотреть идола, а пасхальцы, волоча мешок, явились в мою палатку.

Бургомистр наконец-то поддался! Он побывал вместе с бабушкой в пещере и до сих пор не остыл, чувствовалось сильное возбуждение. Лазарь, напротив, явно чувствовал облегчение и дышал как-то свободнее, убедившись, что не он один посягнул на сокровища родовых пещер.

Сколько страху оба натерпелись, когда погрузили в машину мешок и вдруг услышали, что капитан еще должен забрать монахинь! Но все обошлось хорошо, им сопутствовало счастье.

В мешке отдельно были завернуты пять резных камней, которые Лазарь взял уже из своей второй пещеры, расположенной в Винапу. А еще тринадцать скульптур — лучшие изо всех, что я пока видел на острове,— были из пещеры бургомистра. Одна изображала голову собаки с оскаленной пастью и скошенными дикими глазами, не столько даже собачьими, сколько волчьими или лисьими. Великолепная вещь, я не мог на нее наглядеться. Собак или собакоподобных тварей оказалось несколько, из них одна с такой длинной мордой и вытянутым телом и хвостом, что ее можно бы принять за крокодила, если бы не прямые ноги. Был тут, впрочем, и ползущий *моко* с широкой головой, огромной пастью и зубчатым гребнем вдоль спины — вылитый кайман; были птицы, птицечеловеки и причудливая каменная голова. Некоторые из скульптур Лазаря тоже поражали своеобразием — например, камень с рельефным изображением двух свившихся вместе змей.

Пасхальцы считали меня всеведущим, поэтому мне надо было строго следить за собой, чтобы глупым вопросом не выдать своего невежества. Но тут я увлекся настолько, что позабыл про осторожность и спросил, а на что, собственно, нужны эти камни. К счастью, все обошлось.

— Они дают силу тем, кого изображают,— взволнованным шепотом ответил бургомистр.

Он взял в руки очень реалистичное изображение омара, вернее, тихоокеанского лангуста — клешни изогнуты под животом, над спинным щитком свисают длинные усы.

— Вот этот камень дает силу лангусту, чтобы его было больше в море у наших берегов.

Показывая на змей, он объяснил, что двойные фигуры дают вдвое больше силы. Зная, что змей на здешних островах нет, я

нарочно спросил, придает ли эта скульптура удвоенную силу угрю? И услышав в ответ, что это вовсе не угорь, ведь у этих тварей широкая голова и узкая шея, это наземные животные вроде тех, которых чилийцы называют «кулебра». Лазарь добавил, что огромное животное такого же рода вырублено в скале на пути к долине Ханга-о-Тео.

Тут я вспомнил, что патер Себастиан уже говорил мне про этот барельеф и просил осмотреть его вместе с археологами. Эрория могла нас туда провести, но мне до сих пор было недосуг.

Лазарь вдруг радостно заметил, что впервые на острове оказалось возможным открыто говорить между собой о таких вещах. Сначала он рассказал бургомистру, что несколько раз ходил в пещеру за скульптурами для меня, тогда тот ответил ему, что решил сделать то же самое. Доверившись друг другу, они выяснили, что в их пещерах есть много сходных предметов.

Я знал, что некогда в Полинезии приписывали магическую силу человеческому волосу. Бургомистр и Лазарь подтвердили это в одной из наших прошлых бесед, а теперь я услышал, что в пещере бургомистра хранятся в каменной чаше пряди волос всех покойников из его рода, в том числе и его рыжеволосой дочери. Сделав страшное лицо, дон Педро с дрожью в голосе сообщил нам, что у него в пещере лежит *голова,* настоящая *голова.* Черепа попадались нам на острове часто, поэтому я понял, что речь идет не о них, и спросил, подразумевает ли он каменную голову. Нет, ничего подобного, голова настоящая, человеческая, пояснил он с содроганием и, жутко осклабившись, дернул себя за волосы.

На некоторых полинезийских островах находили в склепах высушенные головы — может быть, и у него есть такой экспонат?..

Лазарь сказал, что в двух пещерах, где он побывал, нет ни волос, ни голов, только черепа и кости его предков.

Бургомистр поведал, что всего на острове не меньше пятнадцати «действующих» родовых пещер, а забытых тайников несравненно больше. Насколько ему известно, такие пещеры имели только те пасхальцы, в чьих жилах текла кровь длинноухих. У чистокровных короткоухих пещер как будто не было. Свою главную пещеру дон Педро унаследовал по прямой линии от Ороропны, единственного длинноухого, оставшегося в живых после битвы у рва Ико. Пещеру бургомистру передал его отец, который принял ее от своего отца, а тот от своего — и так далее. А прятать сокровища в подземных тайниках повелось еще в те смутные времена, когда Ороропна и другие длинноухие воевали с короткоухими.

С пяти лет Педро работал вместе со старшими и учился у них, но только в пятнадцать лет он завоевал доверие отца настолько, что тот счел его достойным увидеть реликвии. С отцом он в тот раз дошел почти до самой пещеры, и отец кое-что вынес и ему показал. Одиннадцать поколений вот так передавали друг другу секрет.

Бургомистр помолчал, потом добавил:

— Я в первый раз об этом рассказываю: прежде чем ввести меня в пещеру, отец отрезал у меня прядь волос.

Он дернул себя за волосы, при этом Лазарь так пристально следил за всеми его движениями, что было ясно — для него это такая же новость, как для меня.

Отец Педро завернул отрезанную прядь в кусочек бананового листа и обмотал веревочкой. Потом завязал на веревочке одиннадцать узлов, отнес сверточек в пещеру и положил в каменную чашу, которую накрыл другой чашей. Волосы рядовых членов рода хранятся в другой чаше, в этой же лежат только одиннадцать прядей, большинство рыжие. На первой веревочка с одним узлом, это волосы Ороройны, на второй, с волосами сына Ороройны, веревочка с двумя узлами — и так далее. Сверточек с волосами отца бургомистра обмотан веревочкой с десятью узлами, а в последнем, с одиннадцатью узелками, лежат волосы дона Педро. Положив в чашу его прядь, отец посвятил Педро в тайны пещеры. Сперва состоялась церемония для сторожащего вход *аку-аку,* чтобы знал, что теперь еще один человек получил право переступать тайную черту. И мальчик впервые увидел древнюю пещеру Ороройны.

Несколько десятков лет дон Педро один хранил секрет, но теперь перед ним встала почти неразрешимая проблема. Его собственный сын, рыжеволосый Хуан — «дитя своего времени», он не ценит старины. Он уже взрослый, женат, но все равно на него нельзя положиться в таких секретных и серьезных делах. Если Хуан узнает, где пещера, он не устоит против соблазна разбогатеть и продаст сокровища тайника людям с первой же увеселительной яхты. Придется, пожалуй, передать пещеру младшему брату Атану Атану — у того сердце чистое, доброе, и он уважает слово предков.

Мы ждали к обеду гостей с военного корабля, поэтому пришлось заканчивать беседу. Бургомистр сказал в заключение, что отныне мы трое объединены братством, это относится и к нашим *аку-аку,* которые тоже присутствуют здесь.

— Мой стоит вот *тут.*— Дон Педро показал пальцем на невидимую точку слева от себя, на уровне колена.

Мы выбрались из палатки, и *аку-аку,* видимо, семенили вместе с нами, если только эта невидимая мелюзга не проходила прямо сквозь стенки. Известна поразительная способность *аку-аку* перемещаться в пространстве: по словам бургомистра, его *аку-аку* в две-три минуты мог попасть в Чили и вернуться обратно.

Бургомистр проинструктировал Лазаря, как за один день завершить подъем статуи, когда сам дон Педро уедет на «Пинто» и руководить этой работой будет Лазарь. Тут подъехали на джипах гости, а после обеда я поехал с ними в деревню, чтобы, как было условлено, провести совещание с профессором Пенья в домике патера Себастиана. Сам патер лежал с температурой, но в его кабинете было тесно от множества людей.

Поскольку капитан «Пинто» олицетворял верховную власть на острове, он и открыл совещание. Он, как и губернатор, все время сочувственно относился к нам, особенно после того, как сам посмотрел работу археологов. Мы услышали, что он хочет связаться по радио с командованием военно-морских сил, запросить для нас разрешение увезти с острова статую. Капитан знал, что мы уже ходатайствовали и получили отказ, так как статуи охраняются государством, но ведь мы открыли столько неучтенных раньше идолов, что после нас их все равно окажется больше, чем было до нашего приезда. Рядом с капитаном и его адъютантом сидели губернатор, профессор Вильгельм, профессор Пенья с одним студентом, дальше — наш «офицер связи» Гонсало, Эд и я.

Пенья начал с того, что выразил свою благодарность и восхищение работой, которую проделала экспедиция, потом со словами сожаления предъявил свое полномочие конфисковать все наши археологические материалы. Тотчас поднялся профессор Вильгельм, всемирно известный антрополог, и выступил в нашу защиту. Объяснил, что без лабораторной обработки материалов археологи экспедиции не смогут завершить исследование. И почему никто не предупредил Хейердала, ведь он еще до начала экспедиции на Пасху приезжал в Чили, чтобы разрешить все проблемы?

Верно, сказал Пенья, но произошло досадное недоразумение: разрешение дало министерство иностранных дел, а на самом деле компетенция в этом вопросе принадлежит министерству просвещения.

Я возразил, что и к министру просвещения тоже ходил, он принял меня чрезвычайно любезно и просил сообщить ему, если возникнут трудности и мне понадобится помощь.

Вильгельм немедленно сказал, что все готовы помочь, надо только найти законный путь. И его можно найти, так как закон,

составленный с участием его, профессора Вильгельма, оставляет для этого лазейку.

Слова попросил студент. Он заявил, что конфискацию произвести необходимо, потому что в чилийских музеях слишком мало экспонатов с острова Пасхи. «У нас меньше пасхальского материала, чем у кого-либо»,— заявил он, и Пенья утвердительно кивнул.

Поддержанный Эдом и Гонсало, я повторил, что экспедиция обнаружила изваяния и стены, которые осмотрела экскурсия. Мы раскопали и отчасти реконструировали эти объекты. Остальное это главным образом кости, древесный уголь, обломки древних орудий, не очень завидный материал для музейных витрин, зато необходимый археологам для изучения прошлого острова Пасхи. Все, что мы нашли, будет описано в научном отчете, а не войдет в отчет — значит, не представляет никакой ценности. Поэтому я предложил, чтобы нам разрешили увезти собранный материал, а после его обработки и публикации представители Чили отберут все, что им нужно.

Пенья и студенты подхватили эту мысль, мол, они как раз об этом и думали, и очень хорошо, что предложение исходит от меня.

Я добавил, что мы не нашли никаких поддающихся переноске музейных сокровищ, но пасхальцы принесли мне много диковин, которые составляли их личную собственность.

— Нас не интересует то, что вам принесли пасхальцы,— сказал Пенья,— разве что (он с улыбкой пододвинулся поближе) вы получили от них *ронго-ронго!*

— Нет, *ронго-ронго* мне не приносили,— ответил я,— зато передали множество других изделий.

— Это меня не касается,— сказал Пенья.— Я сюда прибыл не как таможенник. То, что вы купили у пасхальцев, это и мы можем купить. Нас касается лишь то, что вы сами нашли в земле, потому что до вас тут никто не занимался раскопками.

Здесь же было составлено письменное соглашение, лишающее меня постоянного права собственности только на тот археологический материал, который был добыт из земли экспедицией. Я предложил Пенье осмотреть все наши коллекции — как то, что мы нашли, так и то, что получили в подарок или купили. На этом совещание закончилось. Мои товарищи остались переписывать начисто соглашение, а я вышел в ночную тьму, где меня дожидались с джипом капитан и механик. Забираясь в машину, я вздрогнул, заметив, что кто-то неподвижно стоит рядом. Это был Лазарь. Я шепнул ему, что все в порядке, но он прервал меня:

— Знаю. Я притаился у окна и все слышал. Если бы маленький толстяк пригрозился что-нибудь взять у тебя, я бы сбегал к бургомистру, и мы привели бы сюда двести человек!

Слава богу, что мы с Пеньей договорились, подумал я, а вслух сказал Лазарю, чтобы он никогда не затевал ничего подобного. Дальше нам встретился сам бургомистр; он стоял у своей калитки и явно нервничал.

— Только не горячись, не горячись,— заговорил он при виде меня, очевидно считая, что я взбудоражен не меньше его.— Ну, что там было?

Услышав, что никто не посягает на мои *моаи кава-кава,* дон Педро приосанился.

— Вот видишь! — Он торжествующе ударил себя в грудь.— Наши объединенные *аку-аку!*

Затем он учтиво попросил шкипера и механика обождать в джипе: ему нужно поговорить со мной и Лазарем. Войдя в комнату, я увидел круглый стол, три стула и шкаф в углу. Хозяин прибавил фитиль в керосиновой лампе и достал купленную на «Пинто» бутылку вина. Наполнив три рюмки, он предложил нам плеснуть вина на пальцы и помазать им волосы «на счастье»; остальное мы выпили. Бургомистр затеял одно дело. Ночь выдалась темная, безлунная. Лазарь побудет с теми, что ждут в джипе, а дон Педро проводит меня к бабушке — может быть, она разрешит сводить меня в пещеру. Я согласился, и мы вышли с благоухающими вином головами.

Мы проехали на джипе до развилка перед домиком губернатора, свернули на колею, ведущую к молу, остановились и погасили фары; теперь только звезды мерцали во мраке. Немного погодя мимо проехало несколько пасхальцев. Я едва различил их, хотя копыта процокали совсем рядом с джипом. Как только они исчезли, бургомистр объявил, что мы с ним пойдем на пригорок изучать звезды. Шкипер и механик сделали вид, будто поверили.

Сойдя с дороги вправо, мы вдвоем продолжали идти до тех пор, пока в темноте не показалась груда камней, что-то вроде старой стены. Бургомистр остановился и шепотом предупредил меня, что по ту сторону камней не сможет говорить со мной, будем объясняться знаками. Крадучись, он прошел еще полсотни метров; я осторожно следовал за ним. Мы очутились перед какой-то неровной светлой плитой — может быть, просто цемент размазан, в темноте не разберешь. Бургомистр опять остановился, показал на землю перед собой и низко поклонился, держа руки ладонями вперед. Решив, что он ожидает того же от меня, я стал

рядом и постарался возможно точнее воспроизвести его движения. Затем бургомистр бесшумно обошел вокруг светлой плиты. Идя за ним, я разглядел, что тут протоптана настоящая дорожка. Возвратившись в точку, откуда начали, мы снова отвесили низкий поклон с вытянутыми вперед руками. Это повторилось три раза, после чего бургомистр замер на месте — темный силуэт на фоне звездного неба, руки сложены на груди, глаза устремлены на светлое пятно у ног. Я сделал то же. Вдалеке был виден рой огоньков, там стоял на якоре военный корабль.

Меня глубоко взволновало происходящее. Словно я с острова Пасхи вдруг перенесся в неизведанную часть света и наблюдал ритуал столетней давности. И вместе с тем я все время помнил, что замершая рядом со мной черная фигура — местный бургомистр, миролюбивый человек с прозаическими усиками, а сейчас к тому же и с галстуком — одним из моих галстуков — на шее. Он не двигался и ничего не говорил, только стоял, сосредоточившись на какой-то мысли, будто пытался что-то или кого-то загипнотизировать.

Кажется, без моего *аку-аку* тут не обойдется... В самом деле, пусть уломает упрямую бабку и передаст, что она согласна. Я открыл рот и пробормотал что-то неразборчивое. Этого не надо было делать.

— Все, она исчезла,— прервал меня бургомистр и внезапно пустился бежать.

Я поспешил вдогонку за ним, чтобы не потерять его из виду. Миновав груду камней, дон Педро остановился.

— Она сказала «да»,— вымолвил я.

— Она сказала «нет»,— тяжело дыша, возразил бургомистр.

И он повторил то, что говорил уже столько раз: мол, его *аку-аку* все время твердит «да, да». Вытащив из кармана коробок спичек, он высыпал содержимое на ладонь.

— Вот так, говорит мне мой *аку-аку*, ты должен опорожнить свою пещеру для сеньора Кон-Тики, а бабушка все «нет» да «нет».

Трижды он спрашивал ее, и все три раза она возражала. Но теперь она сказала ему, чтобы он отправился на «Пинто» на материк и потом, когда вернется, подарил сеньору Кон-Тики одну из пещер со всем, что в ней есть.

Мы долго стояли и торговались, что же все-таки сказала бабушка. В конце концов дон Педро согласился спросить ее еще раз, но только один и не сегодня. А до отплытия «Пинто» оставались уже считанные дни.

Прошло два дня, бургомистр не подавал признаков жизни, и я снова поехал к нему. Он сидел вместе с Лазарем за бутылкой вина в своей маленькой комнатушке с круглым столом. Бургомистр поспешил объяснить, что сегодня у Лазаря счастливый день — он решил за два дня до отъезда экспедиции с острова показать мне одну из своих пещер. А вот для бургомистра день выдался несчастливый. Бабушка все твердит «нет», да к тому же братья уверяют, что он непременно помрет, если сводит меня в пещеру, а ведь он старший, ему умирать нельзя. А тут еще пасхальцы объявили забастовку, отказываются разгружать «Пинто», требуют прибавки. Только что бургомистру передали, что его путешествие на материк не состоится, если он не сумеет прекратить забастовку.

Тем временем забастовка охватила и овцеферму военно-морских сил, остались без присмотра ветряные мельницы, которым полагалось качать солоноватую воду из древних колодцев для десятков тысяч овец. Отплытие «Пинто» задерживалось, и чилийцы с корабля использовали это время, чтобы помочь нашей экспедиции. Профессор Вильгельм спас собранные нами драгоценные образцы крови — дал нам консервирующую жидкость взамен наших собственных запасов, которые погибли, когда жара вышибла резиновые пробки из пробирок врача. Радисты «Пинто» оживили наш радар, который после долгой безупречной службы вдруг отказал; механика и стюарда тоже основательно выручили коллеги с военного корабля, на полгода обеспечив нас каждый по своему ведомству всем необходимым.

Несмотря на забастовку и прочие помехи, катер «Пинто» неустанно сновал между кораблем и берегом; туда — с мешками сахара и муки, обратно — с тюками шерсти. Наконец, был назначен день отплытия.

Накануне мы опять перевели свое судно из Анакенской бухты и стали на якорь около военного корабля. Пенья во время этого перехода был у нас на борту, изучал коллекции археологов. Как только он ступил на палубу, я пригласил его в каюту и вручил конверт на имя министра просвещения с подробным отчетом о работах экспедиции по день прибытия «Пинто». Сам Пенья получил копию отчета, которую я попросил его тут же прочитать. В частности, там подробно описывались различные типы диковинных скульптур, полученных мной на острове, и указывалось, что пасхальцы выдают эти скульптуры за наследство, хранящееся в подземных тайниках. Пенья спросил, бывал ли я сам в такой пещере. Я ответил, что не бывал, но рассчитываю побывать после ухода «Пинто». Не вдаваясь больше в этот вопрос, Пенья поблаго-

дарил за отчет и попросил показать ему ящики с тем, что нашли археологи.

Мы спустились на фордек, где шурман заблаговременно собрал ящики археологов. Вскрыли два ящика, Пенья убедился, что в них лежат полиэтиленовые мешочки с древесным углем, обломки обожженных костей и осколки камня, и на этом кончил проверку. Еле-еле удалось уговорить его пройти в мой личный склад, где лежали на полках коробки с тем, что мне принесли пасхальцы. Поскольку «Пинто» уходил на другой день, я был почти уверен, что никто из чилийцев не успеет проговориться в деревне.

Я вынул из коробки каменную голову с грозно оскаленными зубами. Пенья вздрогнул и выхватил скульптуру у меня из рук. Он никогда не видел ничего подобного среди экспонатов с острова Пасхи. На раскопках тоже находили такие головы?

Нет, не находили. Все скульптуры этого рода я получил от пасхальцев.

У Пеньи тотчас пропал всякий интерес к каменной голове, и он положил ее обратно в коробку. Взгляд его с восхищением обратился на большого деревянного *моаи кава-кава,* в котором он узнал работу бургомистра. Профессор выразил сожаление, что из-за недоразумения с забастовкой этот мастер резьбы не поедет с ними на материк,— вряд ли кто-нибудь еще на острове может рассказать столько интересных вещей.

Пенья наотрез отказался продолжать осмотр — дескать, эти предметы его не касаются. Тем временем мы бросили якорь около «Пинто», и его командир прибыл к нам на катере вместе с прочими нашими друзьями, чтобы проститься. Ко мне и Пенье подошли его ассистент и еще двое студентов. Я подчеркнуто серьезно обратился к ним и попросил их внимательно выслушать и запомнить то, что я скажу. И заявил, что среди пасхальцев есть люди, знающие очень важные секреты.

— Братья Пакарати,— живо вставил один из моих собеседников.

— Возможно, но и бургомистр тоже, и еще кое-кто,— добавил я и объяснил, что речь идет об отмирающих обычаях и суевериях. И кроме того, я уверен, что пасхальцы знают подземные тайники с мелкими скульптурами, хотя мне еще не удалось побывать в такой пещере.

Один из студентов вмешался и посоветовал мне не придавать слишком большого значения всем этим легендам и прочей болтовне пасхальцев, другой, хитро улыбаясь, сказал, что островитяне — мастера изготовлять подделки. Я снова попросил их запом-

нить мои слова: на острове есть тайники со скульптурами. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы увидеть хотя бы один тайник, если же это мне не удастся, их долг добиться скорейшей отправки на остров этнолога, который принял бы от меня эстафету.

Кто-то согласно кивал, кто-то улыбался, а профессор Пенья, весело смеясь, похлопал меня по плечу. Он предлагал пасхальцам сто тысяч песо, то есть двести долларов, за *ронго-ронго* — безуспешно. Один из студентов возразил ему: останься «Пинто» еще на пять дней, он получил бы *ронго-ронго* из потайной пещеры!

Гости с «Пинто» и из деревни все прибывали, и мы прекратили этот разговор. Я раскрыл все свои карты, хотят — верят, хотят — нет...

На следующий день «Пинто» ушел. С ним уехал наш аквалангист, который, ныряя в нерабочее время, забрался слишком глубоко и порвал барабанные перепонки. Грустно было расставаться с одним из членов нашей группы, но на его место пришел отличный парень — молодой чилийский студент Эдуардо Санчес, прибывший на «Пинто». Новый участник экспедиции должен был помогать археологам на суше, а на судне работать юнгой. Они с Гонсало были старые, закадычные друзья, и лучших работников мы не могли себе пожелать.

Провожая вдоль острова серого бронированного великана, мы шли в левом кильватере. Теперь у нас было много друзей среди тех, кто махал нам с широкой кормы «Пинто» и выступов высокой башни. На закате мы послали им прощальный привет сиреной и флагами. Далеко на западе над морем еще пламенели последние залпы солнца, когда маленький траулер лег на другой курс и пошел вдоль темного скалистого берега, а военный корабль заскользил к напоминающим бомбовые разрывы фиолетовым вечерним облакам на востоке.

И вот мы опять один на один в ночи с удивительным маленьким островком. Его обитатели укладывались спать в своей деревне на другом берегу, а здесь только одинокие *аку-аку* стерегли таинственные камни на темных карнизах, да в Анакенском лагере мигал фонарь нашего сторожа.

Скрылся последний огонек «Пинто», и корабль словно канул в небытие. Внешний мир как бы не существует для пасхальцев, пока он сам их не удостоит своим вниманием. Слухи о зеленых пальмах Таити или больших домах Чили многим кажутся заманчивыми, но жизнь по ту сторону горизонта для них все равно что загробная жизнь, нечто далекое и нереальное, происходящее где-то там, за голубым небосводом, куда не проникает взгляд. Для

своего коренного населения остров Пасхи поистине Пуп Вселенной. Прочные родовые узы привязывают их к неколебимой, надежной точке посреди Мирового океана, подлинному центру мира. Далеко на западе и на востоке лежат могущественные государства — Чили, США, Норвегия, Таити. А Пуп Вселенной торчит из моря там, где встречаются восток и запад, север и юг — то есть в центре мира.

После ухода «Пинто» жизнь на острове быстро вошла в обычную колею. *Коконго* еще не успела распространиться. *Коконго* — великое бедствие, непременный спутник контакта с материком. Она появляется и исчезает с неумолимым постоянством. После визита военного корабля месяц-два в деревне свирепствует грипп, который дает осложнения на голову, грудь, желудок. Болеют все, инфекция никого не минует, и ни один год не обходится без смертных случаев. Правда, в этом году *коконго* поначалу проявляла небывалую кротость. Пасхальцы тотчас нашли объяснение: это наша экспедиция принесла счастье. Недаром, когда мы пришли, вообще никто не заболел.

Губернатор и патер Себастиан отпустили наших рабочих, и археологи возобновили раскопки. Эд снова отправился в Оронго, где к приходу «Пинто» было открыто немало нового. Вскрыв небольшую, плохой кладки *аху* около поселения птицечеловеков, он обнаружил, что она построена на развалинах старинного сооружения, которое было сложено из искусно обтесанных камней в классическом инкском стиле. Сняли весь дерн и почву на прилегающем участке, и оказалось, что древняя стена соединялась рядом камней с найденным ранее улыбающимся идолом. Торчащие кругом камни украшало изображение больших круглых глаз, напоминающих символ солнца, и, когда Эд в центре комплекса нашел нарочито выдолбленные в скале ямки, у него родилась одна догадка.

Двадцать первого декабря, в день летнего солнцестояния в южном полушарии, Эд вместе с капитаном Хартмарком задолго до восхода солнца стоял наготове около шеста, воткнутого в одну из ямок. Как только в противоположной стороне огромного котлована над гребнем кратера поднялось светило, на другую ямку, как и думал Эд, легла четкая тень. Впервые в Полинезии была обнаружена культовая солнечная обсерватория!

Губернатор обещал нам, что в день зимнего солнцестояния на рассвете придет в обсерваторию; ведь нас тогда уже не будет на острове. Эд показал ему ямку, на которую, по его расчетам, должна пасть тень. Так оно и вышло.

Билл тоже стоял двадцать первого декабря с приборами и ин-

струментами на раскопанной им большой *аху* классического инкского стиля в Винапу. И установил, что солнечный свет падает на нее под прямым углом. Эти наблюдения снова заставили нас вспомнить про древних строителей Южной Америки — ведь инки и их предшественники в Перу были солнцепоклонниками. А открытия Билла продолжались. Место, где обнаружили и подняли на ноги красную колонновидную статую, представляло собой огромную культовую площадку, выемку около полутораста метров в длину и ста двадцати в ширину, некогда окруженную высоким земляным валом, который отчетливо видно и теперь. (Кстати, тиауанакская красная статуя тоже лежала на такой прямоугольной культовой площадке.) Собранные нами по соседству угли — след разведенного человеком костра — показали при радиоактивном анализе в лаборатории, что костер горел около 800 года нашей эры. А у фасада стены Билл откопал остатки древнего крематория, здесь было сожжено и погребено много покойников подчас вместе с рыболовными снастями. Прежде археологи не знали о кремациях на острове Пасхи. Наши открытия шли вразрез с тем, что было известно науке.

Карл наносил на карту и изучал древние сооружения. В совершенной кладке *аху* Пито те Кура, подле которой лежит самая большая из когда-либо воздвигнутых на Пасхе статуй, он открыл погребальную камеру. Между истлевшими костями лежали две замечательно красивые серьги длинноухих, сделанные из ядра огромных раковин.

Бригады рабочих, подчиненные Арне, находили интересные вещи как внутри, так и снаружи кратера Рано Рараку. Теперь он решил заложить разрез и вскрыть один из округлых бугров у подножия вулкана. Бугры эти настолько высокие, что пасхальцы присвоили им имена, а ученые считали их природными образованиями. Мы же выяснили, что они созданы человеком: это отвалы, которые росли по мере того, как из каменоломни сносили щебень в больших корзинах. Случай подарил нам уникальную возможность научно датировать работы ваятелей по головешкам от костров и обломкам рубил, найденных нами в отвалах. Радиоактивный анализ головешек позволяет определить их возраст, и мы узнали, что в этот отвал щебень из каменоломни продолжал поступать около 1470 года, за двести лет до того, как во рве длинноухих запылал роковой костер.

Итак, «Пинто» ушел, но вождь длинноухих остался. В разных концах острова возобновились работы, а дон Педро сидел на своем крыльце и наводил блеск на орлиный нос очередной деревянной

фигуры. Девиз «Не горячись» помог ему быстро примириться с крушением мечты о путешествии на материк. Взамен я с согласия губернатора пообещал бургомистру взять его с собой на Таити, Хива-Оа и в Панаму, когда мы двинемся дальше, и он почувствовал себя на седьмом небе. Разве не очевидно, что ему сопутствует счастье! Приободрившись, он отправился на новое свидание с бабушкой, но она продолжала упорствовать. Ночью *аку-аку* никак не давал ему спать, все твердил наперекор бабушке: «Ступай в пещеру, ступай в пещеру». В конце концов дон Педро не выдержал — встал и пошел в пещеру. По пути его никто не видел, ни разу не пришлось прятаться. А это считалось хорошей приметой. Войдя в тайник, он схватил зубастую звериную голову из камня, но *аку-аку* сказал: «Возьми еще, возьми еще», и кончилось тем, что бургомистр вынес из пещеры целую кучу скульптур. Он сообщил мне, что они ждут меня в укромном месте; я должен приехать за ними, как только стемнеет.

Моему взору предстали какие-то диковинные мифические животные. Было несколько вариантов зверя с длинной шеей и вытянутой мордой, причем в пасти вверху и внизу было только по три зуба. Самым великолепным экспонатом оказался широкий круглый корабль из камыша — этакий мощный ковчег. В отверстия на горбатой палубе вставлены три мачты с толстыми шершавыми парусами из камня. Корабль больше всего напоминал кондитерский шедевр, только из застывшей лавы вместо сдобного теста.

— Теперь ты видишь, как я узнал, что паруса тоже делали из камыша,— гордо произнес бургомистр, показывая на вертикальные полосы, которые изображали стебли.

Я заметил, что бургомистр покашливает — к нему подбиралась *коконго*. Сам же владелец «пряничного» корабля радостно сообщил, что в этом году *коконго* на редкость мягкая. Правда, пока он кашляет, ему все равно нельзя ходить в пещеру, это может принести несчастье. Прежде больные старики иной раз забирались в тайник, но это делалось нарочно, чтобы спрятаться и умереть там.

Когда возобновились работы в Анакене, бригаду «длинноухих» вместо заболевшего дона Педро возглавил Лазарь. Он чувствовал себя превосходно, легко вскарабкался на стену и уверенно подавал команды. И вот, наконец, на восемнадцатый день с начала подъема великан под грохот осыпающихся камней выпрямился и замер в вертикальном положении.

На море разыгрался шторм, и пришлось шкиперу увести траулер ближе к деревне, на два-три дня укрыть его за островом. А когда погода наладилась и судно вернулось на свое место у скал

возле нашего лагеря, моя переносная радиостанция приняла сообщение капитана: он захватил из деревни пассажира, который непременно хочет мне что-то показать. Катер доставил меня на судно, и я увидел моего молодого друга Эстевана. Он явно приготовил мне сюрприз, и улыбка его опять была мальчишески счастливой, таким я не видел его с тех пор, как его жена отказалась приносить скульптуры из пещеры. Заметно волнуясь, Эстеван учтиво спросил, не найдется ли на корабле уголка потемнее, он должен посвятить меня в очень важную тайну. Я провел его в свою каюту и опустил шторы. Такое затемнение вполне устраивало Эстевана. Он на минуту вышел и вернулся с двумя огромными узлами. Закрыл поплотнее дверь и попросил меня отойти в сторонку и смотреть.

В темноте я едва различал его силуэт. Вот он нагнулся и что-то достал из узлов. Я ожидал увидеть что-нибудь светящееся, раз ему понадобилось затемнение. Но извлеченный из узла предмет совсем не выделялся во мраке. Я заметил, что Эстеван надевает его на себя. Может быть, маска или еще какое-нибудь убранство для танца? На голове Эстевана с обеих сторон как будто болталось что-то вроде длинных ушей; но, возможно, мне это почудилось. Затем он извлек из узлов еще два больших предмета, один положил на пол, другой — на кушетку около моей койки, сел на корточки, положил руки на предмет, лежащий на полу, так, словно ему предстоял откровенный разговор с близким другом, и забормотал что-то по-полинезийски.

Голос Эстевана звучал мягко, мелодично, но он говорил так взволнованно и серьезно, что заразил меня своим настроением. Внезапно я сообразил, что речь идет не о том, чтобы посвятить меня в какие-то тайны; на моих глазах молодой симпатичный пасхалец совершал важный языческий ритуал. Его волнение росло, он все больше увлекался, и, когда объяснение с первым предметом кончилось и Эстеван взял руками второй, он был уже так растроган, что начал всхлипывать. Я не мог разобрать слов, уловил только несколько раз свое имя. Речь Эстевана все чаще прерывалась, он с трудом удерживался от рыданий. И в конце концов разрыдался так горько, будто потерял лучшего друга. Мне было не по себе, хотелось заговорить с Эстеваном, утешить его, выяснить, в чем дело. Но я решил, что разумнее всего пока не вмешиваться.

Наконец Эстеван взял себя в руки и начал снимать свой наряд. Потом попросил меня сделать, чтобы было светло, и я поднял шторы. На его серьезном лице пробивалась улыбка, но глаза были еще красные от слез, и пришлось вручить ему носовой пла-

ток. А вообще он заметно повеселел, словно избавился от дурного сна.

Я осмотрел снятый им наряд. Это был толстый синий с черным вязаный свитер и черная меховая шапка-ушанка, полученная, очевидно, от проезжего китобоя. На полу сидела большая собака из красного камня, которую так прилежно чистили и скребли, что она стала похожа на оплывшую шоколадную фигуру. А на кушетке лежала дьявольская личина, сам Сатана в образе зверя, горбатый, с острой бородкой и ехидно оскаленным ртом. Эта скульптура была высечена из гораздо более твердой серой породы и в отличие от стершейся собаки превосходно сохранилась.

Почтительно, чуть ли не ласково Эстеван указал на скульптуру на кушетке и объяснил, что, по словам жены, она из двух самая могущественная. Всего пещеру жены охраняли четыре сторожа; два других, которые остались на посту,— большие каменные головы с какими-то диковинными фигурами на макушке. Эстеван принес тех, которые разгневались на его жену за то, что она вынесла столько скульптур из своей части пещеры. С тех самых пор ее преследует болезнь, и вот она решила передать мне сердитых сторожей: может быть, подобреют, как опять соединятся с подчиненными им камнями.

Сверх того Эстеван принес пять «рядовых» скульптур из той же группы, в том числе двуглавое чудище куда грознее на вид, чем невинный чистенький песик, который мирно таращил на нас глаза с коврика перед койкой. В пещере осталось еще несколько фигур, чьи сторожа перешли ко мне. К ним относился и уже знакомый мне по описанию Эстевана большой корабль с головами идолов на носу и на корме. Теперь все это будет моим.

Я спросил, нельзя ли мне самому сходить за ними в пещеру. Эстеван предложил вдвоем попытаться уговорить его жену. Я обещал как-нибудь вечером зайти к ним, а заодно и врача захвачу, пусть посмотрит, что за болезнь донимает жену Эстевана.

Затем Эстеван опять повернулся к своим приятелям — собаке на полу и черту на кушетке — и твердо заявил, что теперь оба сторожа по всем правилам переданы мне. Он сделал все, как его учила жена. Точно так же передавал ей пещеру ее отец, а ему — дед.

Отныне я отвечаю за сторожей. Если мне понадобится отдать их другому человеку, я должен сделать это так, как только что сделал Эстеван, причем лучше всего одеться во все темное. Я могу показывать сторожей кому угодно на судне, но никто из пасхальцев не должен их видеть. Не позже чем через три месяца их надо

вымыть, а потом чистить четыре раза в год. Мало смыть пыль и плесень, надо хорошенько вычищать паутину из ямочек и каждый год выкуривать насекомых, которые откладывают в них личинки.

Как только я убрал двух сторожей и их подопечных, Эстеван облегченно вздохнул, словно с его молодых плеч сняли огромное бремя. Объяснил, что сам-то он добрый христианин, но его непросвещенные предки якшались с бесами. Нелегко приходится тем, кто унаследовал этих бесов и выполняет неприятный долг, поневоле неся ответ за причуды своих дедов и прадедов.

Выходит, он принес мне двух бесов? Да, по-испански их, пожалуй, вернее всего называть именно так, хотя предки называли их *аку-аку*.

Итак, у меня на судне появились два *аку-аку*... Эстеван не скрывал, что, будь его воля, я получил бы не только тех двух, которые еще остались в пещере, но и всех *аку-аку* со всего острова. Хоть бы они все до единого перебрались на судно и уехали навсегда, чтобы пасхальцам не надо было больше думать об этой нечисти! Теперь жители острова христиане, они ни за что не стали бы связываться с *аку-аку*, не будь им это предписано под страхом болезни и смерти.

В школе Эстевана обучили грамоте, и теперь он аккуратными буквами записал на бумажке слова, которые говорил в темноте. И объяснил, что такую же формулу я должен произнести, если кому-то захочу передать сторожей пещеры, только имя надо поменять.

На бумажке было написано:

Ко ау Ко Кон Тики хе Атуа Хива
Хуа вири маи те и Ка уру атуа на Ки те
Каига Эину Эхораие Эхити Ка пура Эураурага
те Махинаэе. Ка эа Коруа Какаи Кахака
хоа ите уму моа ите уму кокома оте
атуа хива.
Ко Кон Тики мо хату О Ко иа
То Коро Ва Ка Тере Ко хахо Когао Вари
оне ана Кена О Те Атуа хива Ко Кон Тики.

Эстеван не смог дать точного перевода, но смысл сводится к тому, что я, господин из внешнего мира, прибыл оттуда со своими людьми сюда, здесь позаботился о том, чтобы четверых *аку-аку*, по имени Эину Эхораие, Эхити Ка пура, Эураурага и Махинаэе, накормили потрохами петуха, изжаренного в земляной печи перед входом в пещеру О Ко иа, а мой корабль в это время стоял, качаясь, на якоре у песчаных берегов Анакены.

Я понял, что Эстеван и его жена сами от моего имени угостили *аку-аку* потрохами около родовой пещеры.

Через два-три дня мы с врачом выбрали время, чтобы съездить в деревню. Нам удалось незаметно для соседей пробраться в хижину Эстевана. Маленький стол с огромным букетом цветов в вазе, два табурета и две скамейки — вот и вся обстановка; да у стены за занавеской, очевидно, стояла кровать. Мебель и стены были покрашены голубой и белой краской, все сверкало чистотой.

Из-за занавески вышла жена Эстевана, бледная, стройная красавица, черноволосая, со строгими, умными глазами. Здороваясь с нами, эта босая молодая женщина с осанкой королевы держалась скромно, но с очень большим достоинством. Ее познания в испанском языке были скудны, и Эстеван помогал нам объясняться. Хозяева извинились, что не могут предложить нам стульев, но нас вполне устраивали скамейки.

Я внимательно рассматривал тихую молодую островитянку, которая села напротив меня, сложив руки на коленях. Не такой представлялась мне волевая жена Эстевана — я ожидал увидеть настоящую амазонку. Она спокойно и толково ответила на вопросы врача, и он определил у нее какую-то женскую болезнь, которую без труда могли излечить в местной больнице.

Эстеван сам заговорил о пещере. Тихо и приветливо, с неизменным достоинством его жена ответила на мои вопросы. Отец говорил ей, что, если в родовую пещеру проникнет посторонний человек, кто-нибудь из ее близких умрет. Она не хочет умирать, и не хочет накликать беду на Эстевана. Вот почему она не может сводить меня в пещеру.

Переубедить ее оказалось невозможно. Эстеван огорченно добавил, что в прошлый раз, когда он пытался ее уговорить, она двое суток проплакала. Видя, как близко к сердцу она это принимает, я сдался.

Но может быть, она снимет для нас фотографию в пещере, если мы ее научим, как это сделать? Нет, это тоже исключено, ведь тогда посторонние смогут увидеть на снимке пещеру, а на нее наложено табу.

Н-да, сплошное разочарование... В конце концов я без всякой надежды на успех спросил: нельзя ли перенести все содержимое пещеры в дом, чтобы мы могли здесь сфотографировать оставшиеся предметы? К моему удивлению, она тотчас сказала «да». Камни сфотографировать можно. Еще больше меня удивил Эстеван, предложив жене временно поместить скульптуры в другую пещеру, в саду около дома. Правда, ход в эту пещеру тоже тайна, но

на нее не наложено табу, так что я могу там фотографировать. Жена и тут согласилась, только добавила, что двух оставшихся сторожей трогать нельзя. Супруги заметно огорчились, когда я покачал головой и сказал, что другая пещера мне не нужна, все дело в том, чтобы увидеть именно родовой склеп. Мы сошлись на том, что скульптуры перенесут в дом и дадут мне знать об этом.

Напоследок, уже перед тем как уходить, я спросил жену Эстевана, кто вытесал эти скульптуры — не отец ли? Нет, отец помогал делать только некоторые из них. Большинство вытесано ее дедом Раймунди Уки (имя, полученное им, когда пасхальцев крестили), который умер в возрасте ста восьми лет. Она была совсем маленькой, когда дед работал над скульптурами и обучал ее отца. На первых порах деду, насколько она знает по рассказам, помогал «советами» прадед. Она не могла сказать, когда точно начали использовать эту пещеру как тайник, но некоторые изделия считались очень старинными. В основном же собрание пополнилось во времена деда.

Так мы узнали, что по крайней мере одна из загадочных пасхальских пещер не была неприкосновенным складом, мертворожденной сокровищницей поры первых междоусобных войн, а проходила какие-то ступени развития. Возможно, тайник, принадлежащий жене Эстевана, дольше всех пополнялся новыми вещами, но он же и первым начал разбазариваться. И тем не менее, покидая домик молодой четы, я чувствовал, что этой пещеры мне не видать.

Глава восьмая В ПОДЗЕМНЫЕ ТАЙНИКИ ОСТРОВА ПАСХИ

Вечером на закате мы с Лазарем бок о бок ехали верхом по древней, заросшей травой дороге от каменоломни Рано Рараку к лагерю в Анакене. Позади нас, багровый в лучах заходящего солнца, высился вулкан, впереди простиралась расписанная длинными тенями равнина с россыпью камней. Море и небо были во власти вечерней истомы, все вокруг дышало покоем. С нами вместе двигались, точно повторяя каждый наш жест, две гротескные карикатуры всадников — наши тени. У меня опять было такое чувство, словно мы в одиночестве странствуем по луне.

Я придержал коня и обернулся: подле двух теней вдруг появилась третья. За нами следовал незнакомый всадник. Длинный, худой и бледный, он глядел на нас сурово, будто сама смерть. Чужак беззвучно остановился в ту же секунду, когда мы осадили коней, но стоило нам двинуться дальше, как и третья тень заскользила по земле вперед. В этом человеке, во всем его поведении было что-то странное. Над качающимися головами лошадей Лазарь вполголоса сказал мне, что это брат здешнего звонаря едет за нами. Накануне он говорил с Лазарем и заявил, что хочет работать у меня, причем готов делать все бесплатно. Совсем странно... Почему-то мне не хотелось видеть этого мрачного всадника в числе своих сотрудников.

Я чувствовал его взгляд на своем затылке. Он не догонял нас, когда мы замедляли ход, но и не отставал, если наши кони ускоряли шаг. Уголком глаза я все время видел длинную тонконогую тень, она сопровождала нас километр за километром до самого лагеря, где все тени слились и растворились в ночи, когда солнце ушло за гору.

По мнению Лазаря, вряд ли всадник слышал наш разговор. А говорил я о том, что недалеко то время, когда тайные туннели и прочие подземные хранилища смогут находить особым прибо-

ром, отмечающим пустоты. Мой рассказ явно поразил Лазаря. На пути от Рано Рараку до Анакены он показал много мест, где стоило бы пройти с таким прибором: есть пещеры, но в наше время никто не знает хода в них. С нескрываемой тревогой Лазарь сказал, что достаточно пройти с таким детектором по деревне, чтобы разбогатеть. Ведь от северной окраины почти до самого берега на триста метров простирается тайная пещера, собственность одного из последних королей. Один пасхалец нашел ее, но, хотя он вынес лишь несколько громадных наконечников от копий, *аку-аку* много ночей подряд кусали его и кололи, пока не замучили до смерти.

На следующее утро, выйдя из палатки, я сразу увидел нашего вчерашнего спутника. Лежа на траве за оградой, напротив входа в палатку, он пристально глядел на меня. Полицейские Николас и Касимиро давно перестали нас охранять, все равно никто не посягал на лагерное имущество.

Весь день худой человек, не произнося ни слова и не предпринимая никаких действий, ходил за мной на почтительном удалении, как верный пес. И когда снова спустилась ночь и все в лагере легли спать, я заметил, что он сидит в темноте на *аху* по соседству с моей палаткой.

Ночью прошел сильнейший ливень. Пасхальцы страшно обрадовались, потому что запасы воды в деревне кончились и приходилось носить воду из пещер и с кратерного болота. И вот в самый разгар засухи разверзлись хляби небесные. Это ли не хорошая примета! Правда, для нас, обитателей палаток, это был чистый потоп. Едва прекратился дождь, как дорога преобразилась в шоколадного цвета поток и в два счета превратила лагерную площадку в озеро. Меня разбудил счастливый голосок Аннет, которая кричала по-полинезийски: «Гляди, мама, гляди!» Она радостно показывала пальчиком на свой горшок, который поплыл, описывая круги между раскладушками. Я отнюдь не разделял ее восторга, когда обнаружил, что наша одежда, чемоданы и прочее имущество утонули.

Снаружи журчал быстрый поток, в палатках звучали проклятия и смех. Кухонный тент сорвало, ящики для примусов были доверху наполнены водой, кругом плавали продукты. Кок и стюард стояли в месиве из муки и сахара и ломом вырубали канавку в полу, чтобы был сток для воды. Фотограф сложил пленку и аппараты на кровати; моряки вычерпывали воду из палаток кувшинами и ведрами, словно спасали тонущий корабль.

Мы живо вырыли канаву, перегородили дорогу плотиной и

отвели поток в сторону. В разгар суматохи меня пришли поздравить сияющие от радости «длинноухие», которые благополучно отсиделись в сухой пещере. Хорошая примета! Теперь надолго хватит воды и людям, и скоту. Шкипер тоже был доволен: на судне удалось собрать несколько тонн дождевой воды. За одну ночь — полный танк! Ливень усмирил ветер, и многодневное волнение на море улеглось.

Но один человек остался в пещере «длинноухих», он лежал и корчился от острой боли. В эту ненастную ночь он впервые ходил в свой родовой тайник за скульптурами. Я узнал об этом только на следующий день, когда мы с врачом поздно ночью вернулись от Эстевана и его жены.

Прежде чем войти в палатку, я постоял и полюбовался силуэтом воздвигнутого великана на фоне переливающегося звездами южного неба. Вдруг из тьмы появился Лазарь, и по лицу его я сразу понял, что случилась какая-то беда. Он сообщил, что брат звонаря, тот самый худой всадник, лежит при смерти в пещере Хоту Матуа. Нужен доктор!

Врач уже приготовился влезть в спальный мешок, но мы заставили его одеться, и все втроем поспешили через долину в пещеру. По дороге Лазарь поделился со мной тем, что ему рассказал больной. Дескать, у него есть пещера, и он ходил в нее под ливнем и достал много предметов, которые уложил в мешок и спрятал между камнями на горе над Анакенской долиной. А под утро ему вдруг стало худо. Дальше — больше, и теперь его рвет, он корчится и жалуется на дикие рези в животе. Он сказал по секрету Лазарю, где спрятан мешок, и попросил отнести вещи мне, если сам умрет.

В пещере, тщетно пытаясь уснуть, лежали вповалку наши рабочие. У задней стенки я увидел бледного верзилу — щеки впалые, вид такой, что хоть в гроб клади. Он тяжело дышал, стонал и корчился. Его товарищи испуганно смотрели, когда врач крутил костлявого больного и пичкал его пилюлями. Потом доктор сходил в лагерь за новой порцией лекарств, постепенно больной начал успокаиваться, боли прошли, опасность миновала.

Когда мы наконец покинули пещеру, бедняга успел настолько оправиться, что потихоньку выбрался наружу и исчез в темноте. Он отправился прямиком на гору, взял мешок и помчался с ним в тайник, чтобы поскорее положить все на место и отвести от себя гнев *аку-аку*. Оставив там тяжелое бремя, он вернулся в деревню и рассказал друзьям, что был на волосок от смерти. Врач объяснил мне, что у него были всего-навсего сильные колики.

Рыба клюет, только умей ловить!

Билл с безголовой статуей в Винапу и Эд с скульптурой, которую он раскопал в солнечной обсерватории Оронго

Двенадцать человек, орудуя бревнами и камнями, подняли великана за восемнадцать дней

Как древние поднимали огромные статуи? Нам рассказали об этом «длинноухие»

Изваяние подмащивают камнями, бургомистр руководит подъемом

И вот этот великан стоит, видный издалека, на участке в Анакене

Билл определил, что лучшие аху клали в древнейший период, потом увлеклись статуями, а затем началось разрушение

На камышовых поплавках в кратерном озере

Удивительная лодка — она непотопляема и легко скользит по морским волнам

Их повалили ничком во время усобиц

Шагаем на работу. У подножия каменоломни статуи устанавливали временно, для доделки

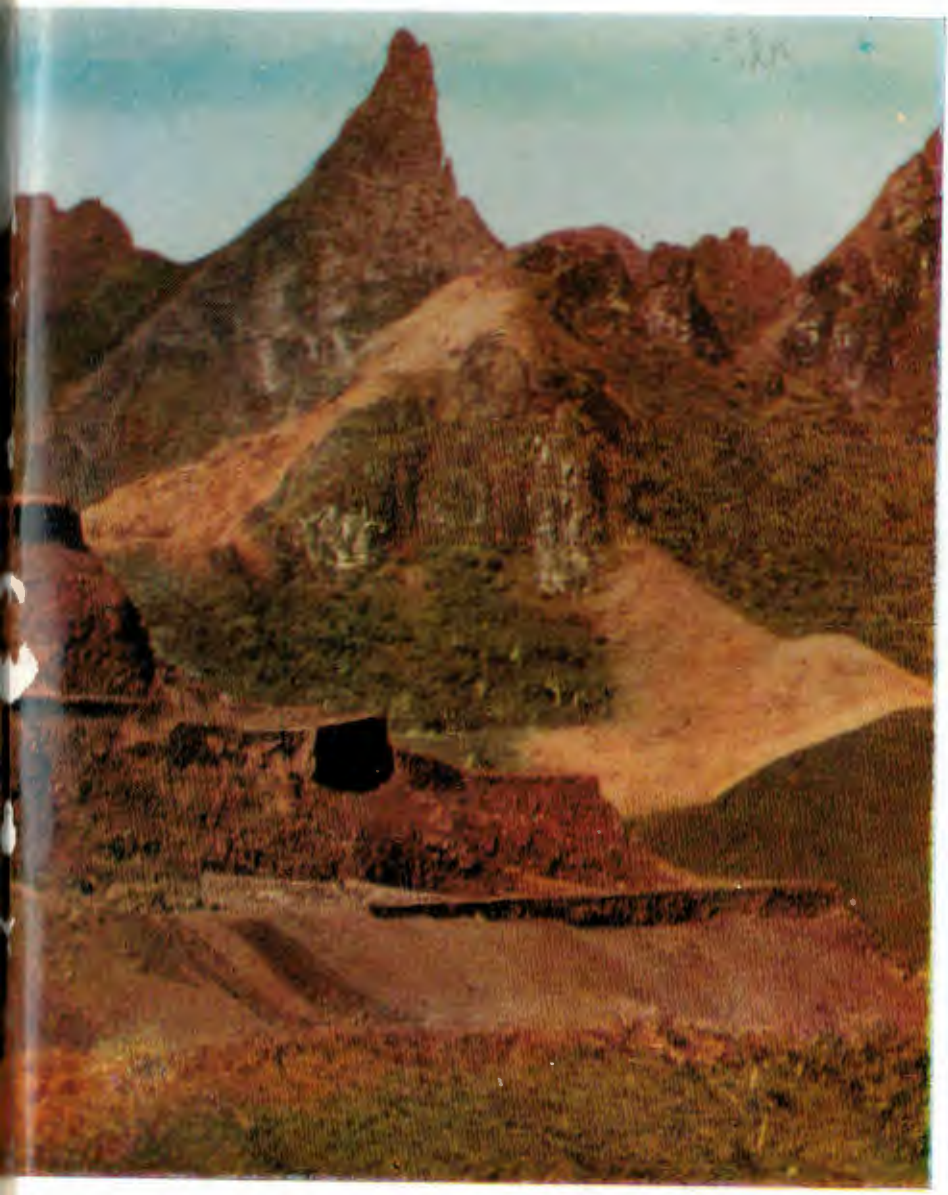
Когда-то сотни таких великанов стояли на Пасхе. Всех повалили, но экспедиция одного подняла с помощью пасхальцев. Перед ним: Лазарь и автор.

Усатый бургомистр — «длинноухий», слева от него: Атан Атан, справа: Хеи, Хуан, Лазарь и Энлике

Пасхальцы, плотно закусив, потащили статую по равнине

Моронго Ута, будто волшебный замок. Начав раскопки на Рапаити, мы вскрыли древние жилища, нашли орудия.

Некогда здесь на вершинах было двенадцать укрепленных поселений



Тайная родовая пещера и ее хозяин Атан Атан

Глубоко под землей хранились сокровища Энлике

Голова слева сторожила вход в пещеру

Хуан Колдун, Туму и Андрес Хаоа колдуют в родовой пещере

В подземных тайниках хранились мелкие скульптуры. Череп вверху — ключ в родовую пещеру.

Из камня сделана и модель парусного судна из камыша

Танцы на Таити. В красной юбке — Ивон

Болезненный брат звонаря промелькнул, будто метеор в ночи, но ливень и исцеление умирающего произвели сильное впечатление на жильцов пещеры. И когда я уже под утро вернулся в палатку, на моей кровати лежала вытесанная из камня оскаленная голова кошки — то ли льва, то ли пумы. Чиркнув спичкой, я увидел, что Ивон не спит. Она рассказала, что несколько минут назад приходил какой-то пасхалец и просунул каменную голову в палатку. Кажется, это был младший брат бургомистра.

Совершенно верно: на следующий день ко мне пришел усатый коротыш с карими оленьими глазами — человек с золотым сердцем, который помог бургомистру, Лазарю и мне перевернуть первый камень с изображением кита. Избавившись от своих страхов, Лазарь давно старался ободрить Атана, тоже владеющего подземным тайником. И тот даже сказал ему, что хочет спросить своего старшего брата, бургомистра — может быть, он разрешит ему принести что-нибудь из пещеры для сеньора Кон-Тики.

Выглянув раз-другой из палатки и убедившись, что никто не подслушивает, Атан откровенно и прямо рассказал мне все, что знал. Я услышал, что он чистокровный «длинноухий», их четверо братьев: старший, глава рода — бургомистр Педро Атан, далее Хуан Атан, Эстеван Атан и, наконец, Атан Атан, которого в честь одного из предков нарекли еще Харе Каи Хива. Каждый из братьев получил по пещере от богатого отца. Атану как младшему досталась самая маленькая, в ней всего шестьдесят скульптур. Он ничего не знает про тайники старших братьев, а они распоряжаются его пещерой наравне с ним. Отцу эта пещера досталась от Марна Мата Поепое, который унаследовал ее от Атамо Уху, а тот от Харе Каи Хива, автора всех скульптур.

Я знал имя Харе Каи Хива — он значился в родословной бургомистра и происходил по прямой линии от Ороронны, единственного длинноухого, уцелевшего после битвы на Поике.

На мой вопрос о кошачьей голове Атан как-то неуверенно ответил, что это изображение морского льва — они изредка встречаются у берегов острова. Но ведь у морских львов нет ушей, возразил я. Верно, сказал Атан, но, может быть, во времена Харе Каи Хива были другие морские львы?

Атана сильно тревожила опасность того, что его пещеру смогут в будущем найти «машиной»; об этом ему рассказал Лазарь. Если бы братья позволили, он предпочел бы вовсе избавиться от своего клада. Как добрый христианин он считал, что лучше всего возложить ответственность на надежно охраняемый музей.

Прямой и простодушный Атан Атан легко поддавался воздей-

ствию. К тому же последние события так его поразили, что он и не нуждался в особенной обработке. И через три дня Атан пригласил меня в свою скромную хибарку на краю деревни, где шепотом рассказал мне, что его старая тетка Таху-таху и два старших брата, Педро и Хуан, уже разрешили ему передать пещеру мне. Осталось только получить согласие Эстевана Атана, и тут нужна моя помощь. Пока я дожидался при свете стеариновой свечи, Атан потихоньку сходил за братом в соседний дом. Когда вошел третий брат, я сразу убедился, что еще ни разу не встречал его. Изо всей четверки он один не работал у меня. Атан доверительно рассказал мне, что Эстеван возглавляет команду, которая построила лодку, и только ждет случая бежать на Таити, когда уйдет наш корабль и некому будет их перехватить. Эстеван смешался, но не стал запираться. Он еще ни разу не выходил в море, но старики научили его разбираться в звездах, и он отлично сумеет найти путь в океане.

Так вот он — известный всей деревне кандидат в шкиперы, очередной таитянский беглец! Лет тридцати, красивый, статный, тонкие, решительные губы, открытый взгляд. Как и остальные братья, Эстеван сильно отличался от обычного пасхальского типа, в Европе с первого взгляда никто не узнал бы в нем чужеземца. А между тем он был настоящий «длинноухий», прямой потомок Ороронны.

«Деревенский шкипер» Эстеван Атан был человек любознательный, он долго расспрашивал меня про плавание плота «Кон-Тики» и про дальние страны. Уже поздно ночью младшему Атану удалось перевести разговор на предков и на родовые пещеры. Эстеван охотно поддержал эту тему, и постепенно выяснилось, что у него в пещере хранится около ста скульптур, когда-то был даже небольшой кофейного цвета кувшин из *ипу маенго,* но он разбился. А всего дороже «книга», страницы которой исписаны *ронго-ронго.* Кроме него, никто из пасхальцев не видел этой «книги». Далее я услышал, что главный начальник над пещерами рода их старая тетка Таху-таху; она умеет колдовать и якшается с дьяволом. У нее есть очень важная пещера, которая со временем перейдет к их двоюродному брату. Старая Таху-таху хорошо относилась ко мне, я ей дал черный материал на платье и другие подарки, когда она приходила в Анакену и плясала для «длинноухих».

После этого мне довелось пережить несколько волнующих дней. Сначала в лагерь дошла весть о том, что младший Атан попал в больницу — заражение крови. Но тут же от Лазаря посту-

пило новое сообщение: врач вскрыл нарыв на пальце у Атана, удача не изменила моему другу, все хорошо. И наконец, мне намеками дали знать, что Атан ждет меня в своей хижине.

Поздно вечером, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, я подъехал к церкви и зашел к патеру Себастиану. Услышав, о чем идет речь, он сразу загорелся. Ему страшно хотелось увидеть хоть один из этих подземных тайников, о которых ходило столько слухов, но которые он считал бесповоротно утраченными. Вместе с тем он понимал, что ему-то все равно не на что рассчитывать. И патер Себастиан взял с меня обещание, что я с ним поделюсь, как только что-нибудь увижу. Пусть это будет даже среди ночи, я должен его разбудить, если окажусь где-нибудь поблизости.

От дома патера до Атана я добирался в полной темноте закоулками вдоль каменной ограды. Отыскав на ощупь калитку, вошел и постучал в низенькую дверь лачуги. Атан с перевязанной бинтом рукой отворил мне и тут же закрыл дверь поплотнее. Мы сели друг против друга за столик, на котором горела свеча. Под скатертью что-то лежало, Атан отдернул ее, и я увидел осклабившуюся мертвую голову. Она была из камня, до жути правдоподобная: оскал зубов, торчащие скулы, пустые темные глазницы, дыры ноздрей... На черепе — две непонятные ямки шириной с ноготь большого пальца.

— Принимай,— сказал Атан, указывая пальцем на мертвую голову.— Вот ключ от пещеры, теперь она твоя.

От неожиданности я не мог сообразить, как себя повести. Впрочем, Атан волновался не меньше моего и сам пришел мне на помощь, прежде чем я успел сказать что-нибудь невпопад. Показывая на ямочки на черепе, он объяснил, что в них лежал порошок из костей *аку-аку*, смертоносный для всякого, кто посмел бы притронуться к «ключу». Но бабка Таху-таху сходила в пещеру и убрала костяную муку, всю до последней крупинки, так что мне ничто не грозит. Дальше Атан сказал, что мертвую голову — он все время называл ее «ключом» — я должен пока хранить у себя под кроватью, а через два дня мы пойдем в пещеру, и тогда надо будет захватить «ключ» с собой.

Мне навсегда врезалось в память лицо Атана в неверном пламени свечи и рядом — серая каменная голова... С легкой жутью смотрел я, как тень моей руки дотянулась до осклабившегося «ключа», который отныне перешел в мое владение. Слабый звук наших голосов и свет свечи, казалось, терялись, не дойдя до стен лачуги. Но снаружи время от времени доносился цокот копыт.

Вверх и вниз по склону проезжал то один, то другой... Ночью в деревне шла какая-то своя таинственная жизнь.

Атан попросил меня устроить ему в день перед посещением тайника *курандо* — угощение «на счастье». В свою очередь я спросил, можно ли мне будет взять с собой друга в пещеру. Он было заколебался, но потом рассудил, что пещера теперь моя и я все равно оттуда все вынесу, так, наверно, ничего страшного в этом не будет. Когда же я объяснил, что подразумевал Эда, Атан совсем успокоился, потому что слышал о нем только хорошее от своего брата Хуана, который работал у Эда на раскопках в Оронго. Правда, число «три» неудачное, тогда уж надо захватить еще кого-нибудь, и он предложил другого из своих братьев — Эстевана, «деревенского шкипера». Мне удалось настоять на том, чтобы с нами пошел также фотограф. В ответ Атан сказал, что возьмет еще кого-то из своих, чтобы нас было шестеро. Дескать, два, четыре, шесть — счастливые числа. Но больше никого не надо брать, не то мы, сами того не желая, можем разгневать *аку-аку*, охраняющих пещеру.

В назначенный день капитан Хартмарк съездил в деревню и привез самого Атана Атана, его брата и их молодого друга Энлике Теао, одного из «длинноухих», которые работали под началом бургомистра.

Обед уже прошел, поэтому мы сидели одни за столом, на котором стюард расставил для нас холодные закуски. «Деревенский шкипер» робко попросил меня преподнести «на счастье» небольшой подарок Атану, а также их тетке Таху-таху — она разрешила передать пещеру и рано утром сама изжарила у входа в тайник курицу для *аку-аку*.

Прежде чем приступать к еде, пасхальцы перекрестились и прочли коротенькую молитву. Атан простодушно посмотрел на меня и объяснил, что это «отра коса апарте» — само по себе. Потом наклонился через стол к нам и шепотом предупредил, что до еды каждый из нас должен громко сказать по-полинезийски:

— Я «длинноухий» из Норвегии. Я ем приготовленное в норвежской земляной печи «длинноухих».

Произнеся эту формулу, мы продолжали разговор шепотом С некоторым опозданием я сообразил, что наша трапеза — ритуал в честь *аку-аку*, и слова, намекающие на наше родство, говорились для них. Мне было известно, что Атан оставил версию об исходе древнейшего населения острова из Австрии; теперь он и другие «длинноухие» не сомневались, что во всяком случае их род вышел из Норвегии. Эта мысль утвердилась в их умах после того,

как они увидели в составе нашей команды матроса богатырского сложения с огненно-рыжими волосами. И теперь, во время *курандо,* очевидно, пришла пора посвятить *аку-аку* в тайну этого несколько замысловатого родства.

В столовую зашел Эд с каким-то известием для меня, и я спросил пасхальцев, нельзя ли ему тоже присоединиться к *курандо,* ведь и он пойдет в пещеру. И Эд произнес по-полинезийски с типичным американским акцентом, что он-де «длинноухий» из Норвегии, который ест приготовленное в норвежской земляной печи «длинноухих».

Продолжая с торжественным видом есть, мы разговаривали хриплым шепотом. Предмет застольной беседы — духи и пещеры — был для нас с Эдом так же непривычен, как для наших гостей закуски, расставленные на столе. Атан брал масло лопаточкой для резки сыра, лимон клал не в чай, а на хлеб и ел все с большим аппетитом. Насытившись, три пасхальца пошли отдохнуть в свободную палатку. До ночи, когда нам предстояло выступить в тайный поход, было еще долго.

Часа через два после того, как стемнело, пришел Атан и сказал, что можно выходить. По тому, как строго и важно он держался, было ясно, что передача пещеры для него большое событие. Да я и сам, заходя в палатку, чтобы попрощаться с Ивон и вытащить из брезентового мешка под кроватью осклабившуюся мертвую голову с ямкой во лбу, чувствовал себя так, словно мне предстояло долгое необычное путешествие. Я не представлял себе, как надо оперировать магическим ключом, и никто не мог меня наставить на этот счет. Впервые такой камень попал в руки к совершенно непосвященному человеку. Захватив полную сумку подарков от Ивон для старой Таху-таху, я выбрался из палатки в ночной мрак и предупредил Эда и фотографа, что пора трогаться.

Нам предстояло сперва проехать на машине мимо уединенной овцефермы на горе посреди острова, а между Ваитеа и деревней сойти с машины и продолжать путь пешком. Для отвода глаз багажник загрузили узлами с грязным бельем. Шкипер довез нас до Ваитеа, сошел и сдал белье Аналоле — так звали управительницу овцефермы, которая вместе со своими подругами подрядилась стирать для нас. Сюда подходил единственный на острове водопровод от заболоченного кратерного озера Рано Арои.

Сменивший Хартмарка за рулем фотограф повез нас — троих пасхальцев, Эда и меня — дальше. До сих пор небо было ясное, сверкали звезды, но тут вдруг полил дождь. Атан, с чрезвычайно

серьезным видом восседавший на инструментальном ящике между мной и фотографом, встревожился и зашептал что-то насчет важности «хороших примет». «Деревенский шкипер» мрачно буркнул Эду, что ветер как будто меняется. Пойди пойми, из-за чего они так нервничают,— то ли чего-то опасаются, то ли заранее переживают серьезность предстоящего. Я боялся, как бы что-нибудь не заставило их в последнюю минуту отступиться, как это сделал брат звонаря.

Эд и его два соседа на заднем сиденье примолкли. Фотограф поневоле молчал: он не понимал ни по-испански, ни по-полинезийски и мог объясняться с пасхальцами лишь на международном языке жестов. Вдруг он остановил машину и пошел проверить колеса. Братья Атан страшно перепугались и стали выяснять, в чем дело. Видя, как они нервничают, остерегаясь дурных примет, я начал их успокаивать, дескать, все в порядке, хотя сам отчаянно боялся, как бы джип нас не подвел. Тем более что фотограф, не подозревая, о чем идет речь, озабоченно принялся мне объяснять и показывать, что мотор барахлит, кажется только три цилиндра работают. Впрочем, машина затряслась дальше по разбитой колее, и между тучами над нами проглянули звезды. Тем не менее братья заметно волновались. И когда мы доехали до места, где должны были оставить машину, Атан вдруг передумал. Дескать, лучше доедем до Хангароа и подождем у него в доме, пока все в деревне не уснут

Когда же мы подъехали к деревне, он опять передумал и объявил, что *аку-аку* велел ехать к дому брата. С включенными фарами мы пересекли деревню, возле церкви свернули к берегу и проехали немного вдоль каменной ограды. Здесь нас попросили выключить фары и остановиться. Оставив Энлике Теао присматривать за машиной, мы перелезли через ограду и под моросящим дождем зашагали по широкой каменистой площадке. Мелкие камни лежали так густо, что неизвестно, куда ступать в темноте. Уважая возраст фотографа, Атан предложил ему опереться на его плечо, чтобы не оступиться. А Эду снова и снова говорил шепотом, что друзья могут без опаски идти по его земле. Ведь у него доброе сердце, поэтому его *аку-аку* позаботится о том, чтобы с теми, кто проходит через его участок, не приключилось никакой беды. И Атан простодушно добавил, что он всегда старается быть добрым, делится едой с теми, у кого нет, отзывается на все просьбы о помощи. Поэтому его *аку-аку* им доволен.

Среди россыпи камней стояла беленая лачуга. «Деревенский шкипер» осторожно постучал в дверь, потом в окно, наконец раз-

будил жену, дверь открылась, и мы увидели суровую полинезийскую красавицу лет тридцати, подлинное дитя природы; длинные волосы цвета воронова крыла облекали чудесную фигуру. Гордящийся своими предками «длинноухий» нашел среди «короткоухих» достойную продолжательницу рода.

К маленькому столу посредине комнаты придвинули две скамьи, и красавица хозяйка, бесшумной тенью скользя около нас, поставила на него огарок свечи. «Деревенский шкипер» вышел в соседнюю комнату и вернулся оттуда с плотным бумажным мешком из-под цемента. Из этого мешка он достал толстую тетрадь без обложки и положил перед нами. Тетрадь первоначально предназначалась для чилийских школьников, но нашла совсем другое применение: пожелтевшие страницы были испещрены знаками *ронго-ронго* — тщательно нарисованными фигурками птицечеловеков и другими загадочными символами, в которых мы тотчас узнали своеобразное рисуночное письмо острова Пасхи.

Перелистывая тетрадь, мы убедились, что одни страницы заполнены только непонятными иероглифами, другие же представляли собой как бы словарик: слева — колонка письмен *ронго-ронго*, а справа неуклюжими латинскими буквами — толкование каждого знака на рапануйском диалекте. Мы сидели и смотрели на освещенную свечой ветхую тетрадь, не зная, что и говорить. Было очевидно, что это не подделка, выполненная рукой Эстевана. И столь же очевидно, что, если писавший эти загадочные значки в самом деле знал секрет письменности *ронго-ронго*, простенькая тетрадь без обложки представляла собой огромную ценность, открывая неслыханные перспективы для толкования нерасшифрованных древних письмен острова Пасхи.

Прочтя вверху одной страницы год «1936», я спросил «деревенского шкипера», откуда у него эта замечательная тетрадь. Он ответил, что ему вручил ее отец за год до смерти. Сам отец не владел ни древним, ни современным письмом, и, однако, именно он, по его словам, переписал все знаки из еще более старой тетради, которая была составлена его отцом, но пришла в негодность. А дед «деревенского шкипера» был человек ученый, он умел не только декламировать *ронго-ронго*, но и вырезать их на деревянных дощечках. В то время на острове было несколько человек, научившихся грамоте в Перу, куда их увозили в рабство. Один из них и помог старику записать толкование священных знаков, которые быстро стали забываться молодежью после набега работорговцев, когда погибло большинство знатоков древнего письма.

Атан и жена Эстевана были поражены не меньше нас. Владелец тетради гордо сообщил, что до сих пор никому ее не показывал. Хранил в пещере, в бумажном мешке и доставал только, когда хотел вспомнить отца. Решил было сделать новый список, потому что тетрадь уже начала рассыпаться, но убедился, что перерисовать все значки, занимающие сорок одну страницу,— адский труд. Я предложил дать на время тетрадь фотографу, чтобы тот сделал точную фотокопию. После долгих уговоров Эстеван с большой неохотой согласился на это *.

Было уже довольно поздно по местным понятиям, и я спросил, не пора ли нам двигаться дальше. «Деревенский шкипер» ответил, что время терпит, он узнает, когда будет одиннадцать часов: тогда замычит определенная корова. Правда, я так и не услышал никакого мычания, тем не менее мы вскоре встали из-за стола, и черноволосая вахина проводила нас со свечой до двери. Атан снова помог фотографу пройти через камни, и вот уже мы опять около джипа. Энлике, оставленный для охраны, крепко спал, навалившись на руль. Мы растолкали его и поехали было по колее к лепрозорию, но тут же свернули на какую-то коровью тропу. Не видно ни зги, дорога — одно название, и Атан все время сидел с вытянутой рукой, будто регулировщик, показывая, куда ехать. О заражении крови напоминала только белая тряпица у него на пальце, которая теперь оказалась очень кстати.

Через полчаса, миновав Пуна Пау с древней каменоломней, мы по знаку Атана остановились и вышли из джипа. После долгой тряски на ухабах приятно было размять ноги. Далеко-далеко затаилась во мраке притихшая деревня. Дождь прекратился, тучи отступали под натиском звезд. «Деревенский шкипер» посмотрел вверх и прошептал, что это хорошая примета. Такая реплика в устах пасхальца в разгар засухи показалась нам с Эдом очень странной. Обычно в это время года здешние жители, где бы они ни находились и чем бы ни были заняты, рады каждому дождю. Младший Атан горячо подхватил, что все будет хорошо, он уверен, ведь его тетка Таху-таху наделена большой силой *мана*, а она не только все подготовила и рассказала ему, что и как делать,

---

* Тем самым было сохранено бесценное содержание тетради, ведь «деревенский шкипер» покинул остров, едва ушло экспедиционное судно, и никто не знает, что с ним случилось. Возможно, тетрадь лежит в неведомом подземном тайнике. Возможно, владелец увез ее с собой *(прим. авт.)*. О том, что дало изучение рукописей, собранных эспедицией, можно прочесть в книге Тура Хейердала «Приключения одной теории». Л., 1969 *(прим. перев.)*.

но самолично испекла положенное угощение в земляной печи у пещеры.

Первым делом нам надо было перелезть через высокую каменную ограду. Заботясь о фотографе, Атан забрал у него все снаряжение и не спускал с него глаз. Я отчаянно боялся, как бы кто-нибудь не упал,— это непременно будет сочтено дурной приметой! За оградой начиналась едва заметная узкая тропка. Меня попросили идти первым и светить фонариком. Вдруг фонарик потух, и мне пришлось остановиться. Братья перетрусили и испуганно спросили, в чем дело. Ничего особенного, сказал я, и принялся трясти фонарик. В конце концов появился слабый накал, и я зашагал дальше, но братья продолжали нервничать, пока фотограф не сунул мне потихоньку свой исправный фонарик взамен моего.

Высокая кукуруза чередовалась с каменистыми прогалинами. Место это, как мне потом сказал Атан, называется Матамеа — пасхальское имя планеты Марс. Я пытался хоть как-то сориентироваться, но в кромешном мраке за кругом света у самых ног ничего не видел, приметил только силуэты трех круглых вершин на фоне звездного неба. Одна возвышалась впереди, две другие — справа от нас.

Шесть человек молча шагали в ночи — странное шествие, причудливое смешение прошлого и настоящего... Я возглавлял колонну, неся в ультрасовременной сумке тетрадь с древними письменами, а в почтовом мешке с печатью Королевского норвежского департамента иностранных дел — осклабившийся каменный череп. За мной, с фотоаппаратурой и пустыми коробками, гуськом шагали остальные.

На поляне с высокой жухлой травой Атан шепотом попросил меня остановиться и выключить фонарик. Эстеван отошел влево шагов на пятьдесят и, стоя спиной к нам, медленно заговорил на полинезийском языке. Хотя он явно сдерживал голос, речь его как-то особенно звонко разносилась в ночи, в ней была размеренная певучесть. Да и к чему повышать голос, если в траве перед ним не было ни души, только его спина черным силуэтом выступала на фоне звездного неба на западе. С округлившимися глазами Атан прошептал, что брат обращается к местным *аку-аку*, чтобы заручиться их благоволением. Возвратившись к нам, «деревенский шкипер» строго-настрого велел всем говорить только шепотом, когда мы сойдем с тропы. И ни в коем случае нельзя улыбаться, лицо все время должно быть серьезным.

Снова меня попросили идти первым примерно туда, где произносил свой монолог Эстеван. Мы шли по редкой высокой траве,

пока «деревенский шкипер» не остановился. Присев на корточки, он стал раскапывать руками песок. Я увидел блестящий зеленый банановый лист и понял, что Таху-таху именно здесь побывала рано утром, чтобы сделать так называемую *уму* — полинезийскую земляную печь. Под зеленым листом лежал другой, потемнее и посочнее, за ним еще и еще, и вот показалось белое мясо курицы, запеченной вместе с тремя бататами, а наших ноздрей коснулся чудесный запах, от которого у меня сразу появились слюнки во рту. Вся ночь обрела какой-то особый аромат...

Пока раскрывалась печь, Атан сидел как на иголках, а убедившись, что курица и гарнир удались, облегченно вздохнул. Земляная печь Таху-таху сработала на славу — это добрая примета!

Сидя на корточках вокруг *уму*, мы благоговейно вдыхали восхитительный запах. Шепотом мне предложили отломить у курицы жирную гузку и съесть ее, говоря при этом вслух на рапануйском языке:

— *Хекаи ите уму паре хаонга такапу Ханау эепе каи норуэго.*

Как я потом убедился, пасхальцы сами не знают перевода некоторых старинных слов этой формулы. А общий смысл ее: съедим приготовленное в норвежской земляной печи «длинноухих» и обретем силу *мана*, чтобы войти в пещеру.

Братья все еще продолжали нервничать, и я из кожи вон лез, стараясь, во-первых, верно прочесть не совсем вразумительную скороговорку, во-вторых, не посрамить своих учителей по зоологии и разобраться в анатомии скорченной и общипанной курицы. Наконец мне удалось нащупать ту самую часть, где находится гузка. Кстати, потом я обратил внимание, что почему-то голова и лапы курицы не были отрезаны. Сломанные в суставах ноги были прижаты к тушке снизу, а шея с головой положены набок. Только клюв был отсечен у основания; я вспомнил рассказ бургомистра о том, что, поколдовав над куриным клювом, можно погубить своего врага...

Итак, я оторвал гузку, сунул ее в рот и принялся жевать. Совсем недурно! Затем мне предложили кусочек батата. Еще лучше! Только как мне быть с оставшейся во рту косточкой — глотать ее или выплюнуть? Как бы не опростоволоситься! Я сосал косточку, пока Энлике не показал мне знаком, что ее можно выплюнуть, но тут вмешался Атан и попросил положить ее на банановый лист.

Дальше я должен был отломить и дать каждому по кусочку цыпленка и батата, причем мы вместе с угощаемым повторяли замысловатую скороговорку. Первым был фотограф, который

вообще ни слова не понимал из ритуальной формулы, и я здорово боялся за него, но он пробормотал что-то такое неразборчивое, что, если что-нибудь и наврал, все равно не понять. Эд еще проще вышел из положения: сразу слопал свой кусок, как только я произнес хитрое заклинание.

Выдержав это испытание, я уже начал спрашивать себя, неужели вся моя доля в аппетитно пахнущем курчонке так и ограничится гузкой? И как же обрадовал меня Атан, когда прошептал, что *аку-аку* довольны, наблюдая трапезу, и можно не стесняться, доесть все «на счастье».

Никогда еще еда не пахла для меня так вкусно. И никогда раньше мне не доводилось отведывать курицы с бататами, приготовленной так замечательно в банановых листьях в земляной печи. Старая плясунья Таху-таху и впрямь показала себя чародейкой. Без всяких там кулинарных книг и специй она сумела превзойти самого искусного шеф-повара. Зато и ресторан был такой, что больше нигде не найдешь! Над головой сверкающий звездами свод, обои сотканы из колышущейся травы, блюда приправлены запахом степного простора и прогоревшего костра.

Но как ни наслаждались мы, сидя в кружок, сочным курчонком, не мы были почетными гостями на пиру. Ритуал происходил в честь гостей, у которых не было ни желудка, ни, естественно, такого волчьего аппетита, как у нас. Им довольно было видеть, как мы уплетаем за обе щеки. Мне было даже немножко жаль сидевших кругом в траве *аку-аку*. Во всяком случае если они наделены обонянием. Тут Атан шепотом велел нам бросать через плечо обглоданные косточки, приговаривая: «Ешь, родовой *аку-аку!*»

К *аку-аку* полагалось обращаться вслух, а говорить между собой — только шепотом. Видно, наши сотрапезники вдобавок к кишечным неурядицам были туговаты на ухо, и самым развитым чувством у них было зрение.

В разгар трапезы послышалось громкое жужжание, и прямо на курице приземлилась противная зеленая навозная муха. Я хотел согнать паразитку, но боязнь совершить какой-нибудь промах удержала меня. И слава богу, потому что Атан уставился на муху и радостно прошептал:

— *Аку-аку* поет, это хорошая примета.

По ходу трапезы он явно становился веселее. Напоследок, когда оставался только кусок батата, я получил указание раскрошить его и бросить крошки на землю, на банановые листья и на кострище.

После этого Атан объявил шепотом, что все в порядке, встал и попросил меня взять «ключ» — сейчас мы откроем вход в пещеру. Кажется, я еще никогда в жизни не волновался так, гадая, что́ мне предстоит увидеть.

Пройдя всего пятнадцать-двадцать шагов на запад, Атан остановился. Мы присели на корточки. Я держал на коленях осклабившуюся мертвую голову.

— Ну, спроси-ка своего *аку-аку,* где вход,— вдруг чуть не с вызовом прошептал Атан.

Я растерялся. Место ровное, как паркет, кругом ни одной горки, и только вдали россыпь звезд раздвигают черные силуэты трех вершин. Пещера — где тут быть пещере? Если бы был хоть один бугорок размером с собачью будку...

— Нет,— сказал я.— Я не могу этого делать. Не годится спрашивать *аку-аку* про вход в владения другого человека.

К счастью, Атан был согласен со мной. Он показал пальцем на землю у наших ног. Я пригляделся: носки моих ботинок упирались в засыпанный песком и сухой травой плоский камень, ничем не отличающийся от десятка миллионов других камней вокруг. Атан шепотом попросил меня наклониться, держа перед собой мертвую голову, и громко произнести:

— Открой ворота в пещеру!

Я послушался, хотя при этом чувствовал себя последним дураком. С каменным черепом в руках я нагнулся и произнес подсказанный мне Атаном магический пароль:

— *Матаки ите ана̀ кахаата маш!*

После этого Атан взял у меня мертвую голову и предложил «войти». Я стряхнул с камня песок и солому; он был с поднос величиной. Затем я раскачал его, откинул в сторону и увидел зияющее черное отверстие, однако слишком узкое, чтобы в него мог протиснуться человек. Крайне осторожно, стараясь не сыпать в отверстие песком, я одну за другой раздвинул четыре плиты, подстилавшие первую. И ход в конце концов оказался впору для не слишком упитанного человека.

— Входи теперь,— велел Атан.

Я сел, свесив ноги. В черной яме разглядеть что-нибудь было невозможно, поэтому я уперся локтями в края, протиснулся и замахал ногами в воздухе, нащупывая дно. Так и не найдя его, я по знаку Атана отпустил руки и провалился в неведомое. Меня еще поразило ощущение чего-то знакомого, и мгновенно вспомнилась ночь во время войны, когда я точно так же сидел, свесив ноги в темную дыру. В тот раз команду отпустить руки мне подал сер-

жант, но тогда у меня за спиной был парашют, и я знал, что приземлюсь среди друзей на тренировочном поле в Англии. Теперь же один только Атан, глядящий на меня своими огромными диковатыми глазами, знал, где я приземлюсь, а он явно был не очень-то уверен в дружелюбии подземных *аку-аку*...

Я полетел в мрак, но полет был недолог, и ноги мои уперлись во что-то мягкое, пружинистое. Я не видел ни зги и не понимал, на чем стою. Лишь над головой было на чем остановиться взгляду: круглое отверстие, и в нем несколько мерцающих звездочек. Их накрыла черная тень — голова и рука, которая протягивала мне карманный фонарик. Я дотянулся до этой руки и, когда зажег фонарик, увидел подле ног два белых черепа. Через висок одного из них сбегала вниз какая-то ядовито-зеленая полоска, и у обоих лежали на макушке угрожающего вида копейные наконечники из черного обсидиана. Оказалось, что я стою на толстой и мягкой, как матрац, циновке из желтого камыша *тотора,* сплетенного с крученым лубом. Справа совсем близко была каменная стена. В этом месте пещера была всего два-три метра в ширину, но подземная полость уходила влево, и там, насколько слабый свет фонарика мог рассеять мглу, я видел уставившиеся на меня гротескные рожи, какие-то фигурки... Они были расставлены вдоль стен на таких же циновках.

Долго смотреть не пришлось, потому что в эту минуту Атан подал мне «ключ». Потом он сам стал протискиваться через ход. При этом я различил, что прямо надо мной потолок сложен из окаймляющих отверстие больших плит; дальше шла естественная кровля с круглыми натеками затвердевшей лавы.

Я подвинулся, освобождая место для Атана. Соскочив на пружинистую циновку, он раньше всего почтительно приветствовал оба черепа, потом еще и лежащую чуть дальше каменную голову — копию той, которую я держал в руках. Выполняя наставления Атана, я положил «ключ» рядом со вторым сторожем и тихо сказал, что я «длинноухий» из Норвегии, пришел сюда со своим братом. Потом он показал мне, что тетка убрала также магическую костяную муку из ямки во втором каменном черепе. Оглядев всю пещеру, Атан прошептал, что нам больше нечего опасаться. Тетка все сделала, и он точно следовал ее указаниям, *аку-аку* довольны.

Я посветил в один, в другой угол; в свете фонарика проходили чередой причудливые каменные фигуры и дьявольские рожи.

— Это твой дом,— заверил меня Атан.— Можешь свободно ходить в нем.

Он добавил, что пещера называется Раакау, а слово *раакау*, насколько ему известно,— одно из названий луны. Освобождая место для фотографа и Эда, мы с Атаном продвинулись в глубь пещеры по тесному проходу между двумя широкими каменными карнизами. Карнизы покрывали желтые камышовые циновки, а на них в ряд стояли затейливые скульптуры. Пещера была совсем не длинной, несколько метров, и путь преграждала бугристая стена. Тем не менее «лунный» тайник Атана представлял собой подлинную сокровищницу. Любой антиквар позеленел бы от зависти при виде таких диковин, такого собрания изделий никому не ведомого первобытного искусства. Ни в одном музее мира не было таких скульптур: что ни предмет, то этнографическая новинка, отражающая удивительный, сокровенный духовный мир пасхальцев, их прихотливую фантазию. Какую фигуру ни возьми, не похожа на то, с чем мы были знакомы раньше. Я узнал только один традиционный пасхальский мотив — птицечеловека с крючковатым клювом и сложенными на спине руками. Но обычно его делали из дерева, никто еще не видел каменную статуэтку *тангата ману*. Были тут и маленькие каменные модели своеобразных пасхальских весел. Да всего и не перечислишь: люди и звери, птицы и рыбы, пресмыкающиеся и моллюски и даже какие-то невероятные гибриды. И групповые композиции, например два птицечеловека по бокам мифической кошки. А то какой-нибудь несуразный скорченный урод с кое-как присобаченной головой или вовсе что-нибудь непонятное.

Между карнизами на полу было настлано сено. Атан рассказал, что раньше, когда он был еще мальчишкой, за пещерой смотрела Таху-таху, его тетка. Она и теперь ходит сюда ночевать, когда грустит и тоскует по ушедшим. Сегодня утром она приходила чистить камни. И впрямь две скульптуры были сырые на вид.

Постепенно напряжение покидало Атана, и через полчаса он вдруг обратился ко мне полным голосом:

— Теперь все в порядке, мы можем говорить и делать, что хотим, в *твоем* доме, брат.

Судя по всему, Атан считал, что ему теперь ничто не грозит. Он точно выполнил все указания тетки, пещера со всеми ее радостями, опасностями и обязанностями передана по правилам, отныне вся ответственность лежит на мне. Его тревога пошла на убыль, когда вскрыли приготовленную теткой земляную печь и все оказалось в порядке. А теперь, разделавшись с нечистой силой, он окончательно успокоился. Я не совсем понимал, то ли все дело в том, что он возложил ответственность на меня, то ли *аку-аку*, по его мнению, сложили свои полномочия здесь и перебрались в более

укромный уголок. Во всяком случае, если не считать явно почтительного отношения к камням, Атан держался совсем свободно. Он только попросил нас не трогать человеческие черепа — они принадлежали умершим членам его рода. А скульптур можно уносить столько, сколько войдет в наши коробки.

Было около полуночи, когда мы спустились в пещеру, а выбрались мы из нее в два часа. Хорошо было выйти на волю из подземелья и полной грудью вдохнуть свежий ночной воздух. «Деревенский шкипер» принес отличный арбуз, с которым мы живо расправились. Отверстие в земле прикрыли, но маскировать песком и соломой не стали: завтра наши люди придут за остальными камнями.

На пути домой мы спугнули незримый табун лошадей; стук копыт глухой барабанной дробью отдался в ночи. Людей мы не встретили и огней не видели. Атан уже не опекал фотографа, и тот сам ковылял по камням. Очевидно, нас больше не окружали притаившиеся *аку-аку*.

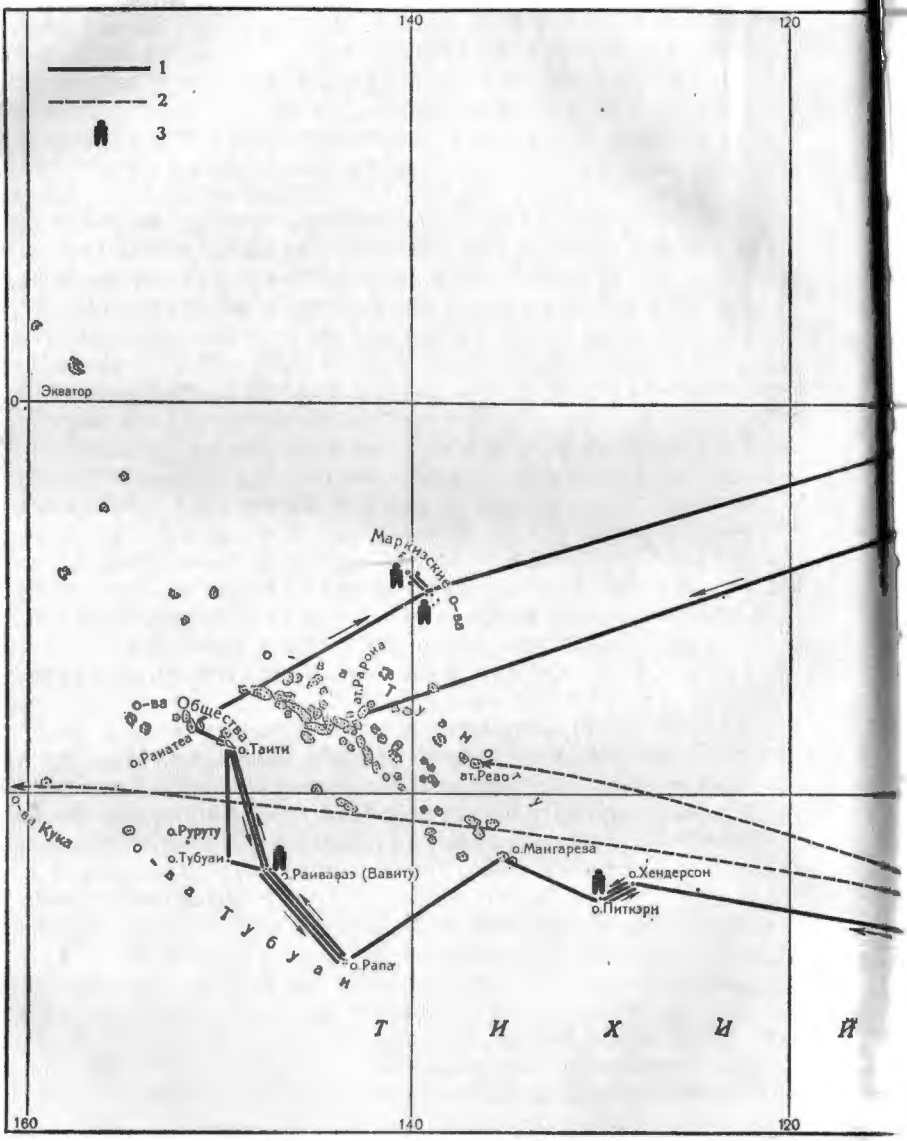
Эд спросил Атана, что́ он думает делать со своей пещерой теперь, когда в ней не будет скульптур.

— Пещеру я оставлю за собой,— ответил Атан.— Пригодится, если будет война.

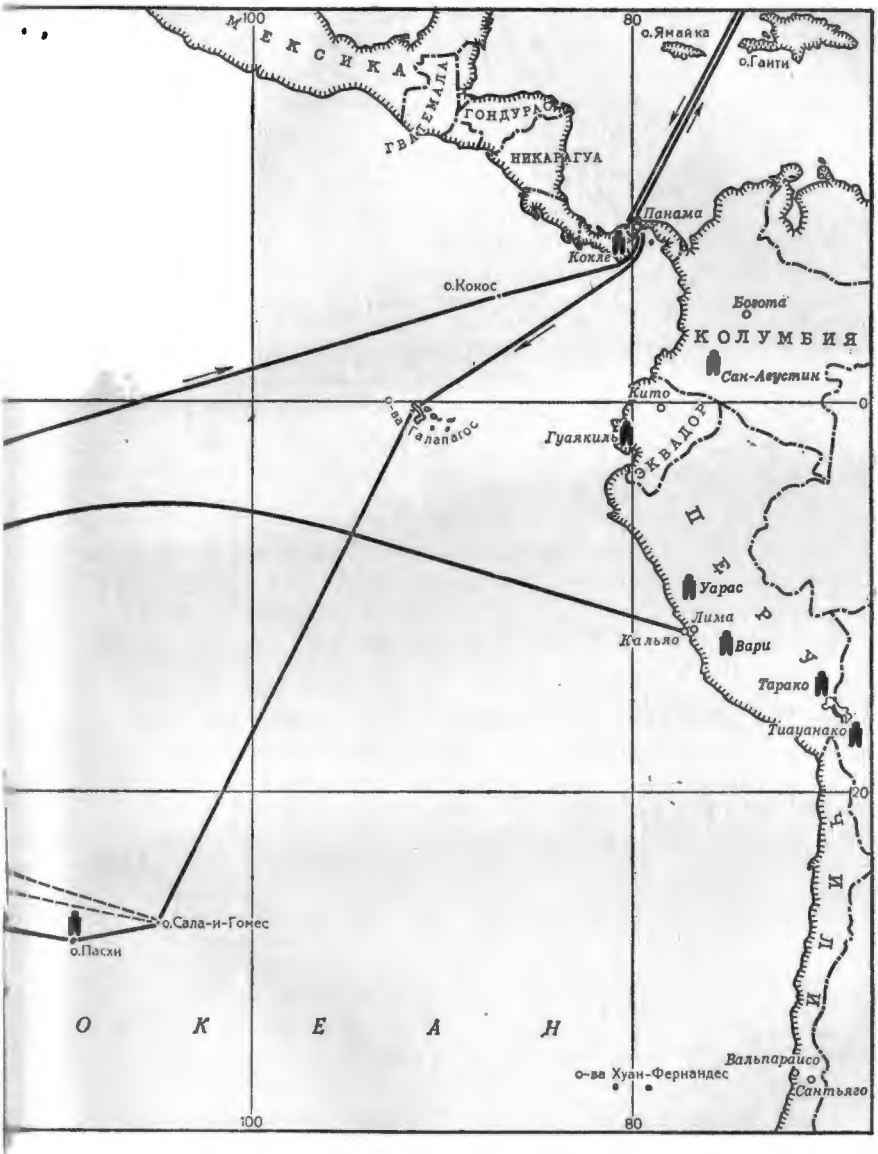
В ту ночь мне было не до сна. Свет керосинового фонаря падал на мой дневник, пока небо на востоке не зарделось рассветным румянцем, и я только самую малость успел вздремнуть до того, как стюард застучал в сковороду — новый день, новые хлопоты! Лазарь уже был тут как тут и, снедаемый любопытством, вертелся около меня, пока я умывался за палатками.

Бургомистр однажды рассказывал мне, что, если в тайную пещеру придут сразу несколько человек, *аку-аку* ее покинут. А без *аку-аку* конец волшебству, охраняющему тайну входа, любой прохожий сможет его обнаружить. Что ж, это суеверие не лишено практического смысла, ведь на Пасхе, как нигде, справедливо правило: что известно одному, того больше никто не знает, что известно двоим — знают все. Не успели Энлике предупредить, что он пойдет в пещеру Атана, как он поспешил похвастаться Лазарю — и пошли шептаться по всей деревне.

Дня за два, за три до этого Лазарь рано утром, еще затемно принес мне пещерные скульптуры. Заметно нервничая, он молча достал из мешка большую птицу. Я увидел вылитого пингвина в натуральную величину, и был поражен, ведь за пределами областей, прилегающих к холодной Антарктике, пингвины встречаются только на Галапагосских островах. Тем временем Лазарь снова полез в мешок и вытащил голову какой-то мифической птицы с



1. Маршруты экспедиций Хейердала



2. Дрейфы полинезийцев *3. Каменные статуи*

зубастым клювом. Дальше последовала звериная голова с сильно поцарапанным носом.

Лазарь долго сидел тогда и угрюмо смотрел на меня, не произнося ни слова. Когда он наконец заговорил, то рассказал мне, что ночью был на волосок от смерти. Он дважды спускался за скульптурами в свою пещеру на обрыве, и, когда карабкался вверх второй раз, у него под рукой обломился камень. Изогнувшись и судорожно махая руками, он качался над сорокаметровой пропастью, чудом ему удалось зацепиться левой рукой за другой выступ, он удержался и потом осторожно преодолел пятнадцать метров до края обрыва. Выбравшись наверх, он сел и крепко задумался: почему произошел несчастный случай? Может быть, нельзя выносить камни из пещеры?

По пути обратно в Анакену Лазарь снова и снова задавал себе этот вопрос, и теперь, явно обеспокоенный, спросил меня о том же.

— Но ведь это безумие, лазить ночью в одиночку по отвесной скале! — сказал я.— Будто сам не понимаешь, как это опасно.

Мои слова не произвели на него впечатления, он только скептически посмотрел на меня. Он всегда так лазил — только один, и только ночью!

— И вообще, какой же это несчастный случай, наоборот, тебе здорово повезло, ты зацепился за другой выступ! — добавил я.

Этот довод подействовал, Лазарь глядел уже не так мрачно. В самом деле, ведь он не сорвался, напротив, все обошлось на редкость удачно, и вот он сидит здесь, целый, невредимый. Но этот страх, эта тревога на душе?..

На это было не так просто ответить... Я смотрел на лежащие на кровати скульптуры: как и прежние, полученные мной от Лазаря, они не подвергались ни чистке, ни мытью, но у зверя с оскаленной пастью была глубокая царапина на носу. Я показал на нее Лазарю, он озабоченно поглядел на светлую метину.

— По-твоему, ты хорошо обращаешься со своими камнями? — попытался я перевести разговор на другое.— А если бы тебя вместе с бургомистром затолкать в один мешок и хорошенько потрясти? Хоть бы травой переложил!

Лазарь почувствовал себя виноватым и даже как будто склонился к тому, что именно в этом корень его душевных переживаний. Тем не менее мы условились, что он не будет больше один ходить в пещеру за камнями. Видно, ночью лазить туда слишком опасно. Лазарь покидал палатку заметно повеселевший, готовый считать неприятное ночное происшествие еще одной хорошей приметой.

Потом была та ночь, когда мы собирались в пещеру Атана, и Лазарь нетерпеливо бродил во тьме вокруг палаток, пока не улучил минуту и, оказавшись со мной наедине, не объявил, что знает о нашем плане и сам тоже решил сводить меня в свою пещеру, после того как я побываю у Атана.

И вот теперь, наутро после нашей вылазки, я еще только нагнулся над умывальным тазом, а он уже здесь, торопится переговорить со мной и выяснить, что и как. Он не стал меня расспрашивать, только убедился, что ночью ни с кем из нас не случилось никакой беды, и ушел, предоставив мне гадать, какое же все-таки решение он примет.

Вместе с другими «длинноухими» Лазарь в эти дни работал у Арне в Рано Рараку, но после работы они садились на коней и ехали на ночь в пещеру Хоту Матуа. Мы выдавали всем рабочим-пасхальцам ежедневный паек, а временно обосновавшиеся в Анакенской долине сверх того получали добавку на нашей кухне. Однако сегодня Лазарю, похоже, этого оказалось мало. Под вечер он тихонько подошел ко мне и попросил курицу, живую курицу.

Пасхальцы то и дело несли мне в подарок живых цыплят. Те, которые не кудахтали и не кукарекали на заре, привольно разгуливали у нас между палатками, остальные же таинственным образом исчезали. Поговаривали, будто кто-то видел, как фотограф в предрассветный час босиком, в пижаме куда-то крался с малокалиберной винтовкой в руках... Во всяком случае он неустанно проклинал островитян, наводняющих лагерь горластыми петухами и квохчущими курами.

Я смекнул, что Лазарь что-то затевает, и велел стюарду дать ему курицу. Стюард самолично подкрался к стае кур за палатками, плюхнулся на живот в гущу истошно кудахтающих хохлаток и схватил на лету пару бегущих ног. Сияя от радости, Лазарь пришел показать мне добычу.

— Хорошая примета,— шепотом сообщил он.— Стюард поймал *белую* курицу!

Потом, уже уходя, спросил меня, сможем ли мы завтра отправиться на катере вдоль побережья — он готов показать мне свою пещеру. В тот же вечер шкипер съездил в деревню за Биллом, которого Лазарь тоже согласился взять; еще я договорился, что с нами поедет фотограф.

Утром следующего дня мы собрались на борту экспедиционного судна; залив был как зеркало. Лазарь спустился со мной в трюм — надо же что-то положить в пещеру взамен камней, чтобы не пустовала! Он попросил два целых рулона материала и еще

в придачу какой-нибудь маленький предмет, все равно какой. Материал выбирал очень тщательно, что же касается маленького предмета, то сразу согласился, когда я предложил ему ножницы. Я сообразил, что материал предназначается для его сестер, а ножницы, видно, для *аку-аку* — хватит с него!

В катер кроме нас четверых сели старший механик и моторист; они должны были подбросить нас туда, куда укажет Лазарь. Мы пошли на запад мимо скал северного побережья, радуясь тихому морю и предвкушая легкую высадку на берег. Но, удалившись от Анакены, с удивлением заметили, что нас начинает довольно сильно качать. А Лазарь принял это как должное. Судорожно цепляясь за банку, он с остекляневшими глазами доложил нам, что *аку-аку* всегда нагоняют волну, когда кто-нибудь направляется в пещеру.

Под крутыми откосами тянулось сплошное беспорядочное нагромождение глыб застывшей лавы, о которые разбивался прибой. Лазарь обратил наше внимание на участок длиной в полсотни метров между двумя осыпями: здесь его бабушка, занимаясь рыбной ловлей, однажды застигла врасплох другую женщину, когда та мыла и сушила пещерные скульптуры. Не подавая виду, бабушка прошла мимо, а когда она вскоре вернулась, та женщина уже сидела и ловила рыбу, скульптур не было видно. Так что где-то тут явно тоже есть потайная пещера.

После этого мы миновали ветряную мельницу в долине Хангаа-Тео. Некогда здесь было большое селение, но долина давно обезлюдела. Дальше Лазарь отмерил жестами примерно стометровую полосу и объяснил, что в этом районе находится подземный тайник, куда его двоюродный брат Альберто Ика ходил за драгоценными дощечками *ронго-ронго,* но *аку-аку* тут же заставил его отнести их обратно.

Вдруг на лице Лазаря отразился испуг — он приметил людей на берегу. Мы ничего не могли разглядеть, но Лазарь, который днем видел, как орел, а ночью, как сова, утверждал, что на камне сидят четыре человека. Зачем они сюда пришли, что тут делают? Он не сводил глаз с камня, пока тот не исчез за очередным мысом. А волна становилась все круче, и нам стало ясно, что сейчас лучше и не пытаться подходить к берегу. Мы сделали несколько кругов под обрывом, и Лазарь попытался нам показать карниз, где был вход в его пещеру. Мы решили, что тоже видим ее, но, когда стали проверять друг друга, оказалось, что каждый подразумевает другое место, и в конце концов мы сдались. Механик развернул катер, и, прыгая по крутым волнам, мы сквозь соленые брызги по-

шли обратно. Хотя ветер ничуть не усилился, лишь немного сместился, море все больше разгуливалось. Идти прямо было невозможно, рулевой то и дело разворачивал катер, чтобы встретить носом идущий с океана особенно высокий вал с белым гребнем. Лазарь не произносил ни слова, только крепко держался за поручни. В липнущей к телу промокшей одежде, не поспевая вытирать сбегающие по волосам и лицу соленые струйки, мы напряженно следили за рулевым и за подбирающимися к нам волнами.

Снова показалась мельница Ханга-о-Тео, и тут мы все увидели на краю плато четыре точки — четыре человека. Трое сели на коней и направились в ту же сторону, в какую шли мы, четвертый помчался галопом к деревне.

— Это брат того самого Альберто поскакал,— сообщил Лазарь; он явно был удивлен.— Остальные, должно быть, его сыновья.

Вскоре мы потеряли всадников из виду, и долго размышлять, что́ они тут делали, нам не пришлось — показалось экспедиционное судно. Его тоже заметно качало. Бурлящие волны не отставали от нас и в Анакенской бухте, где они с ревом разбивались о берег.

Лазарь поспешил прыгнуть на сушу так, словно сам дьявол гнался за ним по пятам. Мы молча побрели в лагерь, мокрые, как утопленные котята. Билл, такой же угрюмый как Лазарь, снял забрызганные морской водой очки и пытался протереть их мокрым платком. Он признался мне, что чуть не отдал богу душу от морской болезни, но не показал виду, боясь, как бы Лазарь не усмотрел в этом дурной приметы...

После второго завтрака мы снова отправились в путь, но теперь уже верхом вдоль северного побережья, по древней дороге, петляющей между грудами камня на плато. После скрипучей мельницы в Ханга-о-Тео нам попался мощеный участок, очень похожий на какую-нибудь инкскую дорогу в Перу. Вскоре Лазарь, сойдя с коня, подвел нас к скале и показал горельефное изображение огромной змеи с круглыми углублениями вдоль всей спины. Это была та самая змея, о которой он нам прежде говорил и которую видел патер Себастиан. Билл одновременно был восхищен и озадачен: на этих островах нет змей, откуда древние ваятели взяли мотив?

Затем мы миновали каменного великана, которого́ бросили, не дотащив самую малость до *аху* на берегу. При мысли о трудностях, стоявших перед древними, мне даже стало страшно: семь километров от Рано Рараку по прямой, а на самом деле, учитывая сильно пересеченную местность, где и верхом-то проехать не про-

сто, неизмеримо больше... Мы свернули с древней дороги и через каменистое поле направились к обрыву. Море по-прежнему было исчерчено пенистыми гребнями. Когда мы пересекали высохший ручей, у меня лопнуло стремя, но я ухитрился его спрятать, прежде чем Лазарь что-либо заметил. Дальше я ехал с одним стременем, а промоины следовали одна за другой.

Только теперь, когда осталось совсем немного до места, Лазарь начал заметно нервничать. Подхлестнув прутиком своего коня, он попросил меня прибавить ходу, чтобы мы опередили остальных двоих. Мы оторвались метров на двести, когда же подъехали к двум огромным лавовым глыбам, Лазарь соскочил с коня, привязал его и предложил мне сделать то же. Потом живо сдернул с себя рубаху и штаны. Захватил веревку и, сбегая в одних трусах босиком по откосу к обрыву, попросил меня побыстрее раздеваться и догонять его с курицей. Я не представлял себе, где у него лежит курица, а на мой вопрос он почти сердито буркнул что-то невразумительное. Увидев, что к его седлу привязана старая сумка, я схватил ее и поспешил следом за ним, тоже босой и в трусах. Наши спутники еще петляли между камнями метрах в ста от нас.

На краю обрыва я догнал Лазаря. Не оборачиваясь, он велел мне съесть гузку и дать ему кусочек мяса, когда он вернется. А сам скрылся за краем обрыва, оставив без ответа мой недоуменный вопрос: есть ли мне гузку сейчас или подождать его?

Ощипанная и зажаренная курица лежала в сумке, завернутая в банановые листья. Я не сразу разобрал, где перед и где зад, и только-только успел оторвать гузку, когда снова показался Лазарь. Сунув в рот свою долю, я подал ему кусок белого мяса, и он стал жадно его поедать, все время озираясь по сторонам. Вот так ритуал — на краю пропасти, в одних трусах!

Подъехали наши друзья и тоже спешились. Лазарь попросил меня положить несколько кусочков куриного мяса на камень, потом, уже не такой озабоченный, сказал, что можно спокойно доедать курицу вместе с двумя нашими товарищами.

Сам же он не мог ни минуты сидеть на месте, все торопился. Накинул веревку петлей на круглый камень, соединенный со скалой только комом высохшей глины, и сбросил конец вниз. Миг, и уже исчез снова за краем обрыва, не проверив надежность веревки,— сам-то он в ней не нуждался! Глядя на него сверху, я осторожно спросил, можно ли на нее положиться. Он только удивленно посмотрел на меня и ответил, что ему она вообще не нужна, а мне-то чего бояться, со мной ничего не может случиться!

Да, не всегда выгодно слыть сверхъестественным существом...

Веревка была бы мне очень кстати, но, зная как скверно она закреплена, я не решался браться за нее. И в одних трусах я полез вниз за Лазарем, держа в зубах завернутые в бумагу ножницы, которые он велел мне непременно захватить.

Я далеко не альпинист, и мне все это страшно не нравилось. Осторожно спуская ноги вниз, я уперся кончиками пальцев в узенькую полочку, но руками не за что было ухватиться. У подножия обрыва, в сорока — пятидесяти метрах под нами, рокотала между острыми камнями вода, кипела пена. Как будто зеленое морское чудовище яростно фыркало и облизывало языками-струями зубастые лавовые челюсти, готовые схватить все, что только свалится сверху. Не больно-то приятно попасть в эти челюсти... А значит, покрепче прижимайся к скале — одно неосторожное движение, и равновесие нарушится. Лазарь, будто канатоходец, легко и уверенно шел боком по карнизу, показывая мне путь. А у меня вдруг пропал всякий интерес к его пещере, и я проклинал всех *аку-аку* на острове, включая своего собственного, из-за которых влип в такую историю. Я предпочел бы, пока не поздно, вернуться наверх, на плато. Да нет, не годится это... И я, судорожно прижимаясь одной щекой, животом и обеими руками к скале, медленно последовал за Лазарем вниз по наклонному карнизу.

Никогда в жизни не полезу больше в трусах по лавовой стенке! Малейшая неровность — петли цепляются и держат тебя; без конца приходилось тянуть и дергать, чтобы освободиться. Если Лазарю нужен был в сторожа особенно зловредный *аку-аку*, этому сторожу следовало бы сидеть именно здесь и в самые критические минуты дергать за трусы людей, старающихся тенью проскользнуть мимо. Так или иначе мне каждый шаг давался с бою, а Лазарь легко шел вперед на цыпочках и хоть бы раз поцарапался.

Спускаясь зигзагом, мы на следующем карнизе опять встретились с нашей веревкой. Всеми пальцами рук и ног я цеплялся за скалу, стараясь поменьше нагружать веревку, и наконец добрался до полки, где стоял Лазарь. А он, прямой, как оловянный солдатик, врос в стенку и явно не собирался двигаться дальше. Нашел место для стоянки, хуже не выдумаешь: ширина уступчика три ладони, длина — только-только двоим стать рядом.

А где же пещера? Лазарь молча глядит на меня, и не поймешь, что у него на душе. Вдруг он протянул мне свою пятерню:

— Дай руку!

Нашел время руку просить! Стоя в рваных трусах, сжимая в зубах ножницы, я изо всех сил держался за скалу. Что поделаешь: я еще плотнее прижался к острым граням, которые царапали кожу,

будто кораллы, и протянул Лазарю правую руку. Он стиснул ее в крепком рукопожатии.

— Обещай мне — пока будешь на острове, никому ни слова о том, что́ сейчас будет,— настойчиво произнес он.— Своим людям можешь сказать, но только чтобы они не проговорились.

Не выпуская моей руки, он объяснил, что сестры ему житья не дадут, если что-нибудь проведают. Вот уеду с острова, тогда могу говорить сколько угодно. Даже если потом, когда опять придет «Пинто», весть об этом дойдет до деревни, он отговорится, дескать, сделал копии, и через месяц-другой все забудется.

Я пообещал, что не выдам его, тогда он отпустил мою руку и предложил посмотреть вниз. Я нагнулся, сколько хватило храбрости, и с содроганием обозрел купающиеся в водоворотах острые камни. Метрах в двух ниже нас я заметил полочку вроде той, на которой мы стояли; дальше шла отвесная стена до самого моря.

— Ну, что, где вход? — горделиво спросил Лазарь.

— Не могу угадать,— признался я, мечтая лишь о том, чтобы все это поскорее кончилось.

— Да он там, у тебя под ногами.— Он показал на полочку внизу.

Держась за его руку, я нагнулся еще дальше. Ничего не видно.

— Теперь слушай, что надо делать, чтобы попасть в пещеру,— сказал Лазарь.

И последовал инструктаж, подобный которому я слышал разве что тогда, когда много лет назад впервые пришел на курсы танцев.

Я должен был, начиная с правой ноги, выполнить строго определенный ряд шагов с полуоборотами, а в заключение присесть и лечь на живот. После объяснения Лазарь продемонстрировал все па трудного танца, который надо было исполнить на пути в пещеру. Я смотрел, куда он ставит ноги, куда кладет руки, как поворачивается на полочке, опускается на колени и ложится на живот. В воздухе мелькнули болтающиеся ноги, и мой учитель исчез. Очутившись в одиночестве, я почему-то особенно явственно услышал грозный рев прибоя.

В это время на самом краю протянувшегося дальше на запад обрыва в нескольких стах метрах от меня показался фотограф. Используя свет предзакатного солнца, он что-то снимал. Сверкали белыми гребнями волны там, где мы утром кружили на катере, тщетно высматривая пещеру.

Но вот на полочке внизу появилась рука с устрашающей каменной головой, дальше последовали голова и тело самого Лазаря.

Медленно повторив в обратном порядке все положенные шаги и повороты, он снова очутился на выступе рядом со мной.

— Ключ,— буркнул он, протягивая мне каменную голову.

И опять мне пришлось поплотнее прижаться к скале: Лазарь попросил дать ему завернутые в бумагу ножницы, и надо было вынуть их изо рта, в это же время другой рукой принимая «ключ». Роль ключа исполняла бородатая голова с большими глазами навыкате и какими-то завораживающими чертами лица. От затылка горизонтально, как у животного, шла длинная шея.

Лазарь сказал, чтобы я положил «ключ» на выступе возле моей головы, и пришла моя очередь исполнить малоприятный танец. Точки опоры были так малы, а границы для маневра, предписанные законом земного притяжения, настолько узки, что я быстро осознал практическую целесообразность скрупулезного выполнения всех инструкций Лазаря. Наконец, я после заключительного оборота опустился на четвереньки на нижнем карнизе и только теперь увидел скрытое под выступом входное отверстие. Оно было так мало, что я никогда бы не поверил, что в него может пролезть человек.

Чтобы открыть эту пещеру, надо было долго жить поблизости и хорошо изучить каждый дюйм местности. Со слов Лазаря я знал, что пещера называется *Моту Таваке* — «Утес тропической птицы», а плато до подножия Ваи-матаа — Омохи. Прежде пещера принадлежала Хатуи, прадеду Лазаря по матери.

Итак, я стоял на четвереньках на крохотном выступе, а ход в пещеру открывался на другом, еще меньшем выступе рядом со мной. Наклонясь вперед, я дотянулся до него и просунул руки и голову в отверстие. Ноги в это время еще лежали на первой полочке, а живот повис в воздухе над пропастью. Вход оказался настолько тесным, что я несколько раз выползал из трусов. Острые голые грани скалы нещадно царапали спину и бедра.

Сперва я видел только страшно узкий проход и где-то впереди слабый свет. Мне не сразу удалось подтянуть ноги, и некоторое время я болтал ими в воздухе над пропастью. Потом наконец почувствовал, что туннель немного раздался, но только в ширину, а сверху меня все так же прижимало к полу. Постепенно я стал различать очертания пещеры и вдруг около самого уха увидел скульптуру — спаривающихся черепах. Напротив стояла статуэтка, повторяющая облик великанов из кратера Рано Рараку. Дальше стало просторнее, я смог даже сесть и окинуть взглядом подземную полость, в которую через какое-то отверстие проникал слабый свет.

Вдоль стен прямо на камне плотными рядами стояли и лежали причудливые скульптуры. Ни циновок, ни сена здесь не было. Метрах в пяти-шести передо мной путь преграждала большая фигура мужского пола. Слегка присев, истукан угрожающе поднял руки над головой. Его окружало множество других скульптур, а за ним на наклонном карнизе лежали два скелета. Тусклый свет падал на истлевшие кости из крохотного отверстия в стене справа, позволяя различить внутренность этой жутковатой сокровищницы.

Вдруг рядом послышалось чье-то дыхание. Но я ошибся, это дышал Лазарь, который в эту минуту начал протискиваться в пещеру. Поразительная акустика — я отчетливо слышал, как он задевает кожей острые камни.

Никаких ритуалов больше не последовало, он одолел туннель и сел на корточках рядом со мной. Сверкая в темноте белками глаз и зубами, Лазарь напоминал негра. В его поведении были знакомые мне ноты, точно так он держался, когда ночью приходил в мою палатку.

Лазарь показал на рослого идола с предупреждающе поднятыми руками — этакий регулировщик, командующий роем таинственных созданий, которые выстроились вдоль стен пещеры до входа.

— Это самый главный камень,— объяснил он.— Вождь пещерного народа, древний король.

В остальном Лазарь обнаружил поразительное неведение. На все вопросы о других фигурах он лишь пожимал плечами и говорил: «Не знаю». Только два каменных диска с симметрично расположенными символическими знаками вызвали другую реакцию: он объяснил, что они изображают солнце и луну. Хотя от нас не требовалось, чтобы мы говорили шепотом, вся обстановка и акустика заставляли нас понизить голос.

Побыв со мной, Лазарь отправился за Биллом; фотографа я не хотел заставлять заниматься воздушной гимнастикой. Через некоторое время я услышал голос Билла — он тихо бранился в узком проходе. Его, уроженца Скалистых гор, не пугали обрывы и пропасти, но такой крысиной норы он и в Вайоминге не видал. Протиснувшись в пещеру, он сел, молча озираясь в полумраке. Постепенно глаза его привыкли, и вдруг у него вырвался громкий возглас: Билл увидел скульптуры. Подоспел Лазарь, он принес фонарик, и мы смогли как следует рассмотреть каждую фигуру.

Если у Атана многие камни были поцарапаны и носили явные следы чистки и мытья, то фигуры в тайнике Лазаря не имели никаких повреждений. Пещера Атана, с циновками на карнизах

и сеном на полу, напоминала сокровенное убежище чародея, а тут мы словно попали в старый заброшенный склад.

Мы спросили Лазаря, моет ли он скульптуры.

Нет, в этом нет нужды, воздух тут благодаря сквозняку сухой, и плесень не растет.

Из маленького отверстия тянуло сухим холодком, и на твердых стенах мы не заметили ни пятнышка зелени, не было ее и на истлевших костях. А у Атана на стене под входом рос тонкий слой мягкого зеленого мха.

Время в пещере летело незаметно. Мы отобрали несколько самых интересных скульптур. Лазарь с Биллом первыми выбрались наружу, чтобы принять их, а на мою долю выпало протолкнуть камни через узкий туннель и не поцарапать их. Это оказалось не так-то просто. Ведь у меня в руках еще был фонарик, и надо самому подтягиваться следом! Только теперь я в полной мере оценил ловкость Лазаря, который один лазил тут по ночам и лишь однажды поцарапал нос каменной морды.

Мало-помалу, толкая перед собой несколько скульптур, я добрался до выхода и услышал тревожные возгласы. Это был голос Билла, но из-за рева прибоя я не разбирал слов. Скульптуры загораживали выход, но мне казалось, что я смутно различаю руку Лазаря, когда он их принимает. Вдруг до меня дошло, в чем дело: снаружи было темно, наступила ночь.

Один за другим Лазарь вытащил камни и передал их наверх Биллу. Как только освободился проход, я вылез на волю — и не узнал места. В тусклом свете лунного серпа еле-еле различались очертания скалы.

Стоя после жуткого подъема на краю плато, я почувствовал, что меня знобит и колени слегка дрожат. Попробовал свалить на холод — ведь и правда было холодно, сперва в пещере, потом на обрыве, где меня, полуголого, обдувал ночной ветерок. Пока мы с Биллом карабкались вверх, Лазарь успел сделать еще один заход в пещеру, чтобы спрятать два рулона ткани. Мигом одевшись, мы насладились горячим кофе из термоса и похвастались перед фотографом нашим уловом. Я заметил, что Лазарь покашливает; да и Билл потихоньку признался мне, что ему нездоровится. Оба мы знали, что в последние дни завезенная на «Пинто» *коконго* заметно распространилась в деревне. До сих пор эпидемия была намного слабее обычного, но теперь как будто начала принимать серьезный характер. Будет совсем некстати, если Лазарь или Билл заболеют: вместо того чтобы постепенно одолеть свой страх перед *аку-аку* и *табу*, Лазарь станет еще более суеверным. На Билле

была штормовка, я отдал Лазарю свою и сам понес мешок с драгоценными скульптурами.

Прежде чем идти к лошадям, Лазарь тщательно проверил, не осталось ли после нас клочка бумаги или каких-нибудь других следов. После этого наш маленький караван двинулся домой в тусклом лунном свете. Мешок был тяжелый, а местность неровная, и мне стоило больших трудов с одним только стременем удерживаться в седле. Но когда мы наконец выбрались на древнюю дорогу, я поравнялся с Лазарем и сказал ему — вот, мол, никаких злых *аку-аку* в пещере не оказалось.

— Это потому, что я спустился первым и сказал нужные слова,— спокойно ответил он.

Что это были за слова, я так и не узнал. Не узнал также, зачем надо раздеваться перед спуском в пещеру, где так сквозит. Разве что *аку-аку* старомодный и привык к гостям в набедренных повязках... Спросить я не решился, ведь Лазарь считал, что я не меньше его, если не больше знаю об *аку-аку*.

Мы ехали молча; копыта звонко простучали по мощеному участку. Потом послышался пронзительный скрип мельницы в Ханга-о-Тео. Беспокойные тучи то и дело закрывали месяц, который с любопытством заглядывал в мой мешок, ночь была полна таинственности. Ветер нес прохладу, и мы поторапливали коней, не стали даже поить их возле мельницы.

Потому что Лазарь кашлял.

Глава девятая СРЕДИ БОГОВ И ДЕМОНОВ В ПАСХАЛЬСКОЙ ПРЕИСПОДНЕЙ

В те самые дни, когда для нас открылся вход в тайные пещеры, по острову Пасхи рука об руку с *аку-аку* бродило коварное привидение. Оно явилось в деревню несколько недель назад и исправно навещало дом за домом, не признавая никаких запоров. Все более назойливое, оно стало являться и среди наших людей в Анакенском лагере. Через нос и рот проникало в тело и принималось бесчинствовать. Оно добралось до острова «зайцем» на «Пинто» и прокралось на берег под именем *коконго*.

Бургомистр успел всего два раза сходить в пещеру за камнями, когда *коконго* вошла в его дом. Несколько дней он крепился, потом слег. Когда я пришел его навестить, дон Педро, весело улыбаясь, сказал, что обычно *коконго* куда злее, он скоро поправится. Неделю спустя я снова собрался проведать бургомистра. Теперь он уже лежал в деревенской больнице. Я познакомился с новым врачом, который прибыл на «Пинто» на смену старому, потом меня провели в маленькую палату с кашляющими жертвами *коконго*. Где же бургомистр? Я начал было беспокоиться, но тут на кровати в углу поднялся на локте тощий старец и прохрипел:

— Сеньор Кон-Тики, здесь я!

Я узнал дона Педро, и мне стало страшно.

— Воспаление легких,— прошептал врач.— Чуть не погиб, но я надеюсь, мы его спасем.

Тонкие губы на посеревшем, осунувшемся лице через силу улыбались. Вялым жестом бургомистр подозвал меня и прошептал на ухо:

— Все будет хорошо. Вот поправлюсь, мы вместе большие дела сделаем. Вчера от *коконго* умерла моя внучка. Она укажет мне путь с неба. Я понимаю, это вовсе не возмездие. Погоди, сеньор, мы совершим большие дела.

Я выходил из больницы страшно расстроенный. Видеть жизне-

радостного бургомистра в таком состоянии было ужасно. И как-то странно он себя вел, как понимать его слова? Или диковатый взгляд и бессвязные речи дона Педро объясняются температурой? Конечно, это кстати, что столь суеверный человек не считает болезнь возмездием *аку-аку*, но уж очень неожиданно.

Шли дни. Внучка бургомистра оказалась на этот раз единственной, кого *коконго* унесла в могилу. Сам он быстро поправился и вернулся домой. И встретил меня все той же странной улыбкой, когда я снова его навестил. Жара у него не было, однако он повторил то, что говорил мне в больнице.

Бургомистр был еще слишком слаб, чтобы вернуться в Анакену, к нам и своим друзьям в пещере. Несколько недель он провел дома, с женой, и мы посылали ему масло и другие высококалорийные продукты, чтобы он побыстрее набрал вес.

Младший брат бургомистра Атан оказался удачливее. *Коконго* вовсе не коснулась его в этом году, и он совсем перестал верить в строгость *аку-аку*. Избавившись от обязанностей и угроз, связанных с пещерой, он вздохнул полной грудью. Вместо кары Атан получил вознаграждение, причем такое, что теперь его семья надолго была обеспечена. Он стал, по местным понятиям, состоятельным человеком; правда, одежду и деньги спрятал в природном сейфе под землей. Тяжелую болезнь бургомистра Атан отнюдь не считал возмездием, он даже не подозревал, что брат приносил мне скульптуры, и все советовал спросить бургомистра про его пещеру, как только тот выздоровеет. Ведь пещера дона Педро — самая главная изо всех...

Лазарь чудом разминулся с болезнью. После верховой поездки к тайнику он утром чуть свет явился к моей палатке и, покашливая, хриплым голосом спросил, как я себя чувствую.

— Превосходно,— ответил я и увидел, как он сразу повеселел.

Хорошо, что не спросил про Билла,— тот чувствовал себя довольно скверно...

Два-три дня Лазарь кашлял и глотал лекарства, но затем совершенно оправился, обойдясь даже без постельного режима. Ему и его сестрам тоже досталось щедрое вознаграждение.

Пока деревенский врач сражался с *коконго* в Хангароа, у нашего доктора был полон рот хлопот с рабочими экспедиции, которых насчитывалось уже около ста. Мы запасли вдоволь антибиотиков и других лекарств, и они нам очень пригодились. К тому же пасхальцы обожали таблетки от головной боли и могли есть их, как монпасье. Один за другим мы успешно отбивали штурмы *коконго*, и постепенно она унялась. Но беда редко приходит одна.

Как раз в эти дни в деревне произошел случай, который вызвал немалый переполох.

За день до того, как *коконго* принялась за бургомистра, он сидел у себя дома с кучей скульптур из пещеры и ждал, когда за ним приедет джип. И дважды пережил сильный испуг. Особенно когда шкипер подкатил к его дому с двумя монахинями в машине; ведь у дона Атана лежали в мешках языческие камни... А еще раньше в комнату неожиданно вошел Гонсало и увидел каменного омара, которого бургомистр не успел спрятать.

— Эта штука старинная,— сказал Гонсало, живо поднимая с пола скульптуру.

— Нет, она новая,— соврал бургомистр.

— Ведь я вижу, что старая.

— Я ее нарочно так сделал,— настаивал бургомистр.

Пришлось Гонсало сдаться.

Приехав в лагерь, бургомистр тотчас рассказал мне про эпизод с Гонсало и еще раз попросил ни в коем случае никому не говорить, что он вынес камни из родовой пещеры.

— Сеньор Гонсало явно что-то проведал,— встревоженно сказал он.— Он никак не хотел мне верить, когда я сказал, что сам сделал омара.

Вскоре пришел Гонсало и тоже рассказал мне про случай в доме бургомистра. Он был уверен, что разгадал ребус с пещерами.

— Бургомистр обманывает тебя,— заявил Гонсало.— Я видел у него потрясающего омара, и дон Педро признался, что сам его сделал. Так что смотри, не попадись на удочку, если он скажет, что омар из пещеры.

Гонсало немало удивился, услышав от меня, что бургомистр уже отдал мне омара и к тому же рассказал про их встречу.

Так или иначе бургомистр насторожился и для страховки продолжал всем твердить, что сам делает особого рода каменные скульптуры. Когда по деревне пошла *коконго* и он слег, к нему вечером наведались Гонсало и Эд. У калитки они встретили зятя бургомистра Риророко, который с ходу начал громко расхваливать умение дона Педро делать каменные фигуры. Дескать, у бургомистра есть специальный инструмент, чтобы вытесывать омаров, зверей и лодки, а готовые скульптуры он моет в воде и натирает банановыми листьями, так что они выглядят старыми.

Все это Риророко выложил по своему почину — ни Эд, ни Гонсало его не спрашивали про скульптуры. И, пораженные таким признанием, они сразу поделились со мной. Бургомистр лежал с

высокой температурой, он физически не мог ни сходить в пещеру за скульптурами, ни изваять новые, однако Гонсало, живя в деревне (он в это время работал с Биллом в Винапу), чутко прислушивался к разговорам пасхальцев в надежде выяснить что-нибудь еще.

В эти дни красавица жена молодого Эстевана, выйдя из больницы после успешного лечения, каждую ночь наведывалась с мужем в пещеру за причудливыми фигурами, которые они складывали у себя в сарае. Я не настаивал больше на том, чтобы они сводили меня в ее родовую пещеру. За это она рассказала мне важные вещи про некоторые камни.

Гонсало знал от меня, что я жду целую партию скульптур из пещеры жены Эстевана. Как-то вечером, бродя вокруг их дома, он увидел груду камня на соседнем участке. И сразу в душе его созрело подозрение. Заключив, что это сырье для фигур, он решил немедленно действовать — ковать железо, пока горячо.

В тот день в деревне произошло несчастье. Одна женщина топила свиное сало в котле возле хижины, а ее ребенок играл тут же. И надо было случиться так, что малыш упал и угодил головой прямо в котел. Мать побежала с ним в больницу, и теперь он, весь в бинтах, лежал там.

На следующий день ко мне с мрачным видом подошел Энлике — тот, что потом ходил с нами в пещеру Атана. Он недавно сам приносил мне в мешке камни из своего тайника. Энлике приходился дядей пострадавшему малышу, и я ждал, что он обвинит меня в несчастье, ведь я уговорил его вынести скульптуры из пещеры! Да, худо... На Пасхе чуть не все так или иначе родня, и любой казус может быть истолкован как прямое или косвенное возмездие нарушителю древних запретов.

Энлике отозвал меня за стену, на которой стоял поднятый идол.

— Беда,— вполголоса заговорил он.— В деревне прямо скандал. Эстеван с женой не выходят из дому, все время плачут. Сеньор Гонсало сказал, что они обманули сеньора Кон-Тики, сами делали фигуры.

— Ерунда,— ответил я.— Нашли из-за чего слезы лить. Скачи к Эстевану и скажи им, что все в порядке. Я не сержусь.

— Нет, не в порядке,— озабоченно возразил Энлике.— Скоро вся деревня разъярится. Если камни новые, все набросятся на Эстевана с женой за то, что они хотели обмануть сеньора Кон-Тики. А если камни старые, люди еще больше рассердятся: зачем выдали тайну своей пещеры! Теперь все будут злы на них.

О пострадавшем малыше Энлике не сказал ни слова. Очевидно, считал это бедой не своей, а брата. Брат же, хотя у него, как я выяснил потом, тоже была пещера, мне камней не приносил.

В тот день я вечером препарировал образцы с кратерного озера и не мог оставить лагерь, но назавтра шкипер ночью отвез меня в деревню, и мы зашли к Эстевану. Хозяин дома сидел на лавке, жена лежала в постели, и у обоих глаза были опухшие от слез. Мы тепло поздоровались, но Эстеван не смог даже ответить, опять разразился слезами. Наконец сказал, что они вот уже двое суток не едят и не спят, только плачут. Потому что сеньор Гонсало заявил, будто Эстеван сделал фальшивые скульптуры, чтобы обмануть сеньора Кон-Тики. Сеньор Гонсало увидел груду камней на участке соседа и решил, что это Эстеван их заготовил для поделок. А того он не видел, что сосед пристраивал дом сзади и камни нужны были для кладки.

Я постарался, как мог, успокоить и утешить обоих, вручил им подарки. Когда мы уходили, они обещали поесть, потом лечь спать и попытаться забыть всю эту историю.

А мы со шкипером, проехав немного дальше, постучались к бургомистру. Дон Педро лежал в постели совсем расстроенный. К нему наведывалась его могущественная тетка Таху-таху, она была страшно сердитая и сказала, что он хороший парень и сеньор Кон-Тики тоже хороший, так нечего продавать сеньору Кон-Тики подделки, об этом ходит слух в деревне. И дон Педро не мог ей возразить, что дал мне старинные камни, ведь он еще не получил ее разрешения выносить что-либо из родовой пещеры Ороронны. Поэтому он отговорился тем, что сейчас болеет и все ей объяснит, как только поправится.

— Другие недолго сердятся,— продолжал бургомистр,— а такие старые люди, как разозлятся, три дня даже говорить не могут.

Он дал Таху-таху рулон материала и картон сигарет, сказал, что это дружеский подарок от меня, но она швырнула все на пол и ответила, что ей не нужны вещи, которые он добыл обманом. Он повторил, что это было подарено для нее, только тогда старуха забрала все и ушла.

Сколько мы ни старались вразумить больного бургомистра, он только хуже волновался. Тетка представляла старшее поколение, это давало ей особые права и могущество. Таху-таху — женщина опасная... Она может, рассердившись, убить человека, ей достаточно для этого зарыть в землю куриную голову.

Толки об Эстеване и бургомистре взбудоражили всю деревню.

Пасхальцы подходили ко мне и клялись, что на острове нет тайных пещер, все это враки. Может быть, раньше и были, но уже давно никто не знает входа в них. И если кто-нибудь принесет мне скульптуры, значит, сами же их сделали, деды-прадеды тут ни при чем.

При этом было видно, что некоторые говорят совершенно искренне. Зато другие, силясь нас убедить, так горячились и нервничали, что это выглядело подозрительно. Особенно некоторые старики рьяно убеждали нас, будто теперь на острове ничего нет, кроме овец да статуй.

Сегодня тебе говорят одно, завтра другое... И все, у кого были знакомые среди местных жителей, осторожно пытались выяснить истину.

Как-то из Оронго спустился Эд, чтобы сказать, что он теперь опять верит в тайные родовые пещеры, важно только не клюнуть на подделки. Ему удалось выведать у своих рабочих, что хранимое в пещерах принято время от времени выносить и просушивать. Причем некоторые вещи обернуты в камыш *тотора*.

Билл тоже был сбит с толку разноречивыми слухами. Чтобы получше изучить пасхальский быт, он перешел от губернатора в дом одного из коренных жителей. И как-то в воскресенье, перехватив меня около церкви, он прошептал мне на ухо:

— Я связан обещанием молчать, но одно могу сказать: на острове в самом деле есть тайные пещеры, и в них хранятся вещи вроде тех, что ты получил.

Следом за Биллом ко мне подошел Гонсало. Он несколько дней ходил страшно огорченный тем, какой переполох вызвал в деревне. Гонсало был искренне убежден, что эти пещерные скульптуры — сплошной обман, но затем случилось нечто такое, что заставило его изменить взгляд. Вот как это было.

Один юный пасхалец рассказал ему по секрету, что по просьбе одной старухи лазил в тайную пещеру в Ханга Хему за скульптурами для сеньора Кон-Тики. В первом отделении рядом с двумя черепами лежал «ключ» — каменная курица. Но дальше проход был завален, и он не смог проникнуть туда, где, по словам старухи, лежали фигуры, завернутые в *тотору*.

Гонсало так загорелся, услышав этот рассказ, что не отставал от парня, пока тот не пообещал показать ему тайник. Все точно соответствовало описанию — и два черепа, и заваленный боковой ход. Но он обнаружил кое-что еще: кто-то побывал здесь после парня и пытался прорыть лаз под завалом и над ним. Гонсало

протиснулся в щель над завалом и метра через три нащупал прокопанное кем-то отверстие. Просунув вниз руку, он извлек горсть земли с истлевшим камышом. Его опередили.

Я спросил Гонсало, не знает ли он, кто была старая женщина — хозяйка пещеры.

— Знаю,— ответил он,— мать Аналолы.

Его слова многое мне прояснили — ведь это мать и сестра Аналолы ринулись в бой, когда молодые супруги, найдя четыре каменные головы возле деревенской ограды, хотели продать их мне. Вконец расстроенная старуха обозвала ворами молодых и ужасно обрадовалась, когда я решил не трогать причудливые скульптуры. Теперь она, очевидно, решила в знак благодарности принести мне камни из пещеры.

Сказав Гонсало спасибо за важные сведения, я сел в джип и вместе со шкипером покатил обратно в Анакену. «Так вот оно что,— посмеивался я про себя,— у матери Аналолы есть пещера!» У меня были особые причины намотать себе это на ус.

Солнце уже окунулось в море, стемнело. Нам надо было еще заехать в Ваитеа, набрать там на горке воды для лагеря. Овцефермой Ваитеа заведовала как раз Аналола, и она не упускала случая побеседовать с нами, когда мы приезжали. Аналола пользовалась на острове большим уважением. Настоящая красавица, пышные черные волосы, улыбчивые карие глаза. Правда, нос, пожалуй, широковат, и губы слишком полные, чтобы она могла победить на конкурсе красоты в нашей части света, зато здесь, в Полинезии, Аналола была некоронованной королевой острова Пасхи. Все ее почитали за ум и честность.

Как только мы остановились возле крана (напомню, что здесь был единственный на острове водопровод), Аналола с двумя подругами вышли нам посветить и помочь. Шкипер был нашим постоянным водовозом, и все последние дни Аналола твердила ему, что бургомистр обманул сеньора Кон-Тики.

— Никаких тайных пещер на острове нет,— уверяла она.— И скульптур тоже ни у кого нет. Я здесь родилась и всю жизнь прожила, капитан. Скажи сеньору Кон-Тики, чтобы не верил никаким бредням.

В конце концов, зная, что Аналола не будет впустую языком болтать, шкипер начал беспокоиться.

— Понимаешь, если так говорит Аналола...— встревоженно сказал он мне.— И ведь бургомистр в самом деле пройдоха.

Аналола была, как говорили пасхальцы, «дитя своего времени». Она была свободна от пережитков старины, и это касалось не

только ее одежды и поведения. Лишь однажды я видел искорку суеверия в ее карих глазах.

— Правда, что ты разговаривал с каменным идолом? — спросила она меня после того, как мы с бургомистром и Лазарем нашли столько китов возле *аху* в Анакене.— Мама говорит, будто ночью к тебе в палатку приходит каменный идол и рассказывает, где надо искать.

— Ерунда,— ответил я.— Разве может идол войти в мою палатку!

— Ну, почему же... Маленький — может.

И вот Аналола, поеживаясь от ночной прохлады, стоит и светит нам, чтобы мы могли просунуть шланг в бочку.

— Как поживает твоя мать? — осторожно осведомился я.

— Интересно, почему ты про нее вспомнил! Она как раз сегодня пришла меня навестить и сейчас спит на моей кровати.

Взяв Аналолу под руку, я шепотом попросил ее отойти со мной в сторонку, пока остальные наполняют бочку. Мне вдруг пришла в голову одна мысль... Я знал полинезийцев как людей с богатым воображением, знал, что они предпочитают туманные иносказания, говоря о священных предметах, которые не принято называть своими именами. Кроме того, я знал, что мать Аналолы достала из своей пещеры каменную курицу. Наверно, в ее тайнике есть и собака — ведь такие скульптуры были и у бургомистра, и у Лазаря, и у Атана.

Мы остановились под темным эвкалиптом.

— Аналола,— прошептал я, и она лукаво посмотрела на меня.

— Пойди к матери,— продолжал я,— передай от меня привет и скажи: курица — хорошо, но собака — лучше.

Аналола опешила. С минуту она недоумевающе глядела на меня, потом молча поднялась по крыльцу в дом. Бочка была уже полна. Мы попрощались с женщинами и покатили в Анакену.

На следующий день шкипер, как обычно, вечером отправился за водой. Вернувшись, он пришел ко мне с подробным отчетом. Аналола рассказала ему, что́ было накануне. Как я тихонько заговорил с ней в темноте, и сердце ей подсказало: «Кажется, сеньор Кон-Тики решил за мной поухаживать...» Когда же я сказал, что курица — хорошо, а собака — лучше, она подумала: «Кажется, сеньор Кон-Тики выпил лишнего». Тем не менее она пошла к матери и передала ей мои слова. Никогда еще Аналола не видела, чтобы мать вела себя так странно — она порывисто села на кровати и ответила:

— Я потому и пришла сюда! Мы пойдем в пещеру — я, ты и Даниель Ика.

(Мать Аналолы была теткой — *мама-тиа* — Даниеля, сестрой его отца.)

Аналола оторопела. Это было что-то совершенно новое для нее. От мыслей о том, что́ ей предстоит, она всю ночь не могла уснуть. На следующий день мать попросила у нее двух кур, кусок молодой баранины и четыре свечи. На вопрос дочери, уж не званый ли обед предстоит, она ничего не ответила.

Прошел еще день, и вечером шкипер привез новые известия. Даниель Ика накануне пришел в Ваитеа и ночевал на ферме. Аналола видела в замочную скважину, как он совещался с ее матерью. Они договорились пойти в пещеру, но Даниель настоял на том, чтобы не брать с собой Аналолу. Дескать, это только принесет несчастье, потому что Аналола «дитя своего времени» и непременно проговорится.

Они условились отправиться в тайник через два дня и наметили, где устроить *уму*, чтобы изжарить кур. Насколько могла разобрать Аналола, пещера находится в Ваи-тара-каи-уа, рядом с Анакенской долиной.

— Странно,— заметил старший механик, когда шкипер за завтраком повторил свой рассказ.— Мы со вторым механиком частенько ходим вечером в это место, которое ты назвал. Там очень красиво, есть зеленая рощица, и в ней часто прячутся дикие куры. И каждый раз мы встречаем там старика Тимотео, того самого, который связал лодку из камыша. Он говорит, что ночует там, потому что любит курятину.

А один из наших вахтенных в последние дни по утрам видел с корабля дымок в той стороне.

Наконец настала ночь, когда мать Аналолы и Даниель Ика собирались пойти в пещеру. Они вернулись наутро обескураженные, и Аналола рассказала, что кур-то они изжарили на горке, а вот к тайнику спуститься не смогли — в Ваи-тара-каи-уа был еще какой-то человек. На следующую ночь повторилось то же самое, причем они обнаружили, что таинственный человек — старик Тимотео. Видимо, у него там тоже есть пещера, и он сторожит ее от людей Кон-Тики. Мать Аналолы решила сделать еще одну, третью попытку, и, если опять не повезет, значит, в пещеру вообще не следует ходить. Тогда они с Даниелем бросят всю затею и уйдут обратно в деревню.

Мы узнали от Аналолы, когда намечена следующая попытка, и я решил чем-нибудь занять Тимотео в эту ночь. Море с вечера

было тихое, гладкое. Накануне несколько наших ребят вместе со знакомыми островитянками ловили лангустов при луне. Лангуст — огромный омар без клешней, одно из самых лакомых пасхальских блюд. С аквалангом несложно бить лангустов острогами в гротах под водой, но еще проще охотиться ночью на мелководье с факелом. Островитянки делали это очень ловко. Одна, нащупав пальцами ног здоровенного лангуста, стоит на нем, а другая ныряет, хватает добычу и кладет в мешок.

И вот сегодня повар приготовил нам два десятка лангустов, да еще Лазарь принес мешок свежейших и сочнейших ананасов. Словом, предстоял пир.

Весь этот день старик Тимотео выполнял мое задание — чинил на корабле связанную им же камышовую лодку, которая сильно пострадала, потому что мы не сразу догадались убрать ее с палубы в трюм. А когда он вечером собрался на берег, чтобы занять свой пост в Ваи-тара-каи-уа, я привез ему роскошное угощение и попросил остаться на ночную вахту.

— Мы устраиваем пир в лагере,— объяснил я.— Всю команду пригласили на лангустов. Море спокойное, никаких бед быть не должно.

Тимотео явно был недоволен. Подозревая, что старик способен спустить на воду *пóра* и уплыть на берег, я подвел его к барометру и поставил стул около прибора.

— Если стрелка опустится до сих пор,— на всякий случай я показал на цифру 30,— немедленно дай сигнал сиреной.

Тимотео чрезвычайно серьезно воспринял поручение. Сел возле барометра и принялся за еду, не сводя глаз со шкалы. Я знал, что он теперь не сойдет с места. А когда вахтенный и механики вернутся, они уложат его спать на борту.

Итак, Тимотео добросовестно таращил глаза на барометр, мы сидели в столовой вокруг блюда с омарами, а где-то на горке над Ваи-тара-каи-уа в это время тихонько пробирались к пещере Даниель и мать Аналолы. Жареные куры уже извлечены из земляной печи; свечи они, наверно, несут с собой, чтобы зажечь их в темном подземелье...

Ночь прошла, и рано утром Тимотео вместе с механиками съехал на берег. Он тотчас принялся седлать коня, ему надо было переговорить с женой.

— А она где? — спросил я.

— В деревне,— ответил старик. Потом медленно повернулся ко мне и с лукавой улыбкой добавил: — Но сегодня ночью она, может быть, спала в Ваи-тара-каи-уа... Кто знает?

Его слова меня озадачили.

— А как звать твою жену? — полюбопытствовал я.

— Виктория Атан. Но она любит себя называть Таху-таху. И она в самом деле немного *таху-таху*.

(*Таху-таху* означает чары, колдовство.)

Тимотео уже сидел верхом на коне. Он дернул поводья и ускакал.

В этот день шкипер раньше обычного поехал в Ваитеа за водой. И вернулся с известием, что Даниель и мать Аналолы ушли в деревню. Они потеряли надежду незаметно пробраться в пещеру в Ван-тара-кан-уа. Когда они в последний раз ходили туда, Тимотео не было, но зато на посту сидела его старуха жена.

Мы так и не смогли выяснить, как Тимотео ухитрился предупредить Таху-таху. Она сменила его только на одну ночь, дальше старик сам продолжал караулить свой тайник, сколько мы оставались на острове.

Покров тайны, окутывающий две родовые пещеры в Ван-тара-кан-уа, остался непотревоженным. Теперь спрашивается, захотят ли Тимотео, Таху-таху и мать Аналолы передать секрет «детям нашего времени». И тянуть с решением нельзя, ведь если со стариками что-нибудь случится, бесценное содержимое двух пещер навсегда будет погребено в недрах острова Пасхи.

У Даниеля Ика было два брата — родной и сводный. Родного брата (они были близнецы) звали Альберто. Это он приносил в деревню две дощечки *ронго-ронго* и тут же отнес их обратно в пещеру, потому что ночью его осадили полчища *аку-аку*. Сводного брата звали Энлике Ика, он был из королевского рода и имел право на знатный титул *арики-пака*. Патер Себастиан и губернатор считали его уникумом: он не умел лгать. А это на острове Пасхи — редкость. В нашем лагере Энлике Ика за гордый нрав, благородную внешность и знатное происхождение прозвали «Сын вождя». Он был неграмотен, но за непоколебимую честность считался у военно-морских властей лучшим пастухом; жил он в каменном домике у дороги на Рано Рараку.

Как-то раз он приехал верхом в лагерь и предложил сделку. У нас были огромные сосновые балки, которыми мы подпирали статуи во время раскопок. Энлике собрался построить себе на безлесном острове новый дом. Так нельзя ли устроить обмен: по хорошему быку за три балки?

— Принеси мне камни из пещеры, и все балки будут твои,— предложил я в ответ.

Это был выстрел вслепую, внезапное наитие. Я даже не знал, есть ли у Энлике пещера. А он, застигнутый врасплох, начал изворачиваться, стараясь перевести разговор на другое. Но я твердо стоял на своем, и, видя, что от меня не отделаешься, он решительно произнес:

— Но я не знаю, где вход. Если бы только я знал это, сеньор Кон-Тики!

— А ты пробовал изжарить курицу в *уму такапу?* — сухо спросил я.— Пробовал устроить *таху* перед пещерой?

Энлике опешил и даже переменился в лице.

— Я поговорю с братьями,— вымолвил он наконец.— Один я решать не могу, мне только часть принадлежит.

Он подтвердил, что вход в одну из его родовых пещер в самом деле утрачен. Но ему вместе с братом Даниелем принадлежит часть другой пещеры, вход в которую знает один лишь Альберто. Энлике слышал, что камни лежат там, завернутые в камыш *тотора,* и что в пещере есть также *ронго-ронго* и несколько старинных двойных весел. Но всего замечательнее *вака охо* — парусник из камня и большая, по пояс человеку, статуя из гладко отполированного черного камня.

«Сын вождя» много раз искал тайник, потому что Альберто не хотел показывать ему вход. Альберто был не против, сидя в деревне, на словах описать братьям, как найти пещеру, но пойти туда и показать — нет... *Аку-аку* увидят его и покарают!

Прошло несколько дней, раньше чем Энлике снова появился в лагере. Он привез огромные арбузы и, сгружая их, шепотом сообщил мне, что скоро привезет старинные фигуры. Мол, жена долго плакала и жаловалась, что у нее никудышный муж — не может найти ход в пещеру своего рода! Но слезы не помогали, Энлике всякий раз возвращался из поисков с пустыми руками, и тогда она принялась долбить голову своему старому дяде, чтобы он помог им получить балки для нового дома. От бабушки она слышала, что дядя знает вход в пещеру, часть которой принадлежала ее отцу, а после его смерти перешла к ней. Дядя этот сейчас живет у них. И слезы племянницы до того ему надоели, что он обещал показать пещеру.

Дядя жены Энлике был не кто иной, как старик Сантьяго, один из четырех братьев Пакарати, которые во главе с Тимотео связали по моему заказу лодки из камыша. Теперь братья ловили для нас рыбу.

Пасхальцы, занятые на раскопках у Рано Рараку, находились на моем полном содержании, и я сделал так, как, по преданию,

было принято во времена древних скульпторов: выделил рыболовецкую бригаду, члены которой день и ночь поочередно ловили рыбу и омаров для работающих в каменоломне. Это позволяло подольше растянуть стремительно убывающие запасы мяса, риса и сахара. Выдачу муки уже пришлось прекратить. Только четверо стариков постоянно получали в лагере сухари; они макали их в кофе и ели как лакомство. Особенно сдружились мы с Сантьяго, который ежедневно приходил за пайком хлеба и табака для всех четверых. Как-то раз мы решили упростить дело и выдали рабочим сразу недельный паек. Но на острове Пасхи такой порядок не годится. Наши труженики всю ночь ели и курили, и утром вышли на работу зеленые. Недельный паек был уничтожен. Они были страшно довольны тем, как погуляли, но Сантьяго пришел просить еще сигарет — не ходить же им целую неделю без курева! Мы восстановили ежедневную раздачу, и никто не возражал.

Бережливость чужда пасхальцам: будет день, будет пища. Девиз местных жителей — *хака-ле,* ничего! *«Хака-ле!»* — скажет пасхалец, потерял ли он нож, разбил ли миску или у него сгорел дом...

Однажды Арне, лежа на кровати в доме у старика Сантьяго, уронил горящую сигарету и принялся лихорадочно раскидывать солому, чтобы извлечь дымящийся окурок.

— *Хака-ле,*— спокойно покуривая, произнес Сантьяго.— Закури новую!

Рядом с такой веселой беспечностью, рядом с *хака-ле* особенно неуместными выглядели *аку-аку.* И пасхальцы всячески старались их избегать, однако ничего не делали, чтобы вовсе от них избавиться. Эти *аку-аку,* прячущиеся в утесах, были ложкой дегтя в бочке меда.

Мы знали старика Сантьяго как веселого, неунывающего чудака, всегда довольного жизнью, щедрого на смех и улыбку. Но лицо старика сразу посуровело, он чуть не рассердился, когда услышал, что Арне собирается жить один в палатке на берегу озера в кратере Рано Рараку. Сам он ни за какие блага не согласился бы ночью пойти в этот кратер. *Аку-аку* прячутся там за каждым идолом, свистят из зарослей камыша...

Вот почему я немало удивился, услышав теперь, что старик Сантьяго вызвался проводить нас в пещеру.

Была уже ночь, когда джип остановился возле каменного домика у дороги на Рано Рараку. Из археологов я взял с собой Арне, он лучше других знал Сантьяго; кроме того, с нами поехали капитан Хартмарк, штурман и чилиец Санчес. Из дома тотчас вышли

Энлике с женой и молодой парень, которого они нам представили как сына Сантьяго.

— А сам Сантьяго где?

— Он заболел. Он не может с нами поехать. Но он объяснил сыну, где пещера.

Так я и знал. Теперь все пойдет насмарку... Я вошел в дом проверить, насколько болен Сантьяго. Он сидел в углу на корточках с очень скорбным видом и при виде меня принялся нарочито кашлять. Я не обнаружил у него ни температуры, ни других признаков болезни. Зато сразу было видно, что старик не рад собственной затее.

— Сантьяго, старый плут, ты здоров, как тунец. Со мной неужели тебе страшны *аку-аку*?

Сантьяго жадно схватил сигарету и усмехнулся, собрав в гармошку морщины около глаз.

— У меня спина болит, сеньор.

— Тогда тебе надо бросать курить.

— Она не так сильно болит.

Я продолжал шутить и балагурить, наконец старик нехотя вышел из дому и с натянутой улыбкой сел в джип.

Итого нас стало девятеро. Сантьяго, суровый и молчаливый, сидел рядом со мной и показывал дорогу. От Рано Рараку мы свернули к южному побережью и поехали по чуть заметной колее над обрывом. Приходилось держаться обеими руками, потому что разглядеть дорогу было почти невозможно, зато тем сильнее мы ее ощущали.

— Это не такая пещера, где прячут вещи, сеньор,— вдруг сказал старик, надеясь, что я передумаю.

— Разве в ней совсем ничего нет?

— Есть... немножко. Я с семнадцати лет не бывал там. Одна старая бабка перед смертью показала мне эту пещеру.

Не доезжая Ваиху, старик попросил нас остановить машину, и дальше мы пошли пешком. Светила яркая луна, и, когда мы спустились к самому обрыву, я снова увидел внизу седой прибой, штурмующий в ночи лавовую баррикаду. Сантьяго нес самодельную веревочную лестницу: две тонкие веревки с редкими перекладинами. На краю скалы мы остановились, и жена «Сына вождя» передала старику пакет, из которого он достал зажаренную в банановых листьях курицу. Сантьяго предложил мне гузку, «потому что я тебе показываю пещеру». В пакете лежал еще печеный батат, но я получил только гузку, а другим и вовсе ничего не досталось. Все остальное было положено на каменный выступ.

Внезапно старик, обратившись лицом к морю, негромко запел монотонную песню. И так же внезапно, словно на середине, песня оборвалась. Сантьяго медленно повернулся ко мне и попросил, чтобы я обещал ему оставить в пещере какую-нибудь одну вещь, все равно какую. Дескать, таков «закон». И объяснил, что, так как пещера принадлежит ему и в ней покоятся его дальние родичи, он пропел для *аку-аку* имя владельца.

После этого он зацепил веревочную лестницу верхней перекладиной за торчащий камень и швырнул ее вниз с обрыва.

Я лег на живот и посветил фонариком. Мы находились на широком карнизе, ниже которого лестница свободно висела в воздухе. Сантьяго велел сыну раздеться до трусов — он должен был спускаться первым. Там, где лестница прилегала к скале, было трудно ухватиться за веревки, а расстояние между перекладинами показалось мне очень большим. Всего десять метров отделяло нас от беснующихся волн, но и двух было достаточно, чтобы, сорвавшись, разбиться насмерть о купающиеся в пене острые камни.

Спустившись метра на три, сын Сантьяго вдруг исчез. Лестница опустела, и, сколько мы ни светили фонариком, никого не было видно. Очевидно, он нырнул в какую-нибудь щель в скале, скрытую от нашего взгляда. Энлике, спускаясь следом, тоже пропал из виду в этом месте. Только к спуску приготовился третий, как мы с удивлением увидели, что «Сын вождя» во всю прыть карабкается обратно наверх.

— Ты видел что-нибудь? — спросил я.

— Да, там длинный туннель, он ведет в пещеру.

— А в пещере что?

— Вот этого я не видел. Я не стал входить, я не привык к пещерам.

— Кто не привык к пещерам, боится демонов,— объяснил старик Сантьяго.

Энлике подтвердил, что это так. Жена испуганно смотрела на него и явно радовалась, что супруг вернулся в сохранности.

Когда пришла моя очередь спускаться вниз по тонким перекладинам, я трусил не меньше, чем Энлике, хотя и по другой причине. Меня тревожил ненадежный камень, на котором висела лестница, и тревожили собственные слабеющие пальцы, которыми я не мог как следует взяться там, где веревка прижималась к скале. А чтобы дотянуться ногой до следующей перекладины, приходилось складываться так, что колено опорной ноги упиралось в подбородок. Наконец я миновал изгиб карниза и почти сразу увидел в стене узкую щель.

Взявшись покрепче руками за веревки, я стал лицом вверх продеваться сквозь лестницу, пока не попал ногами в щель. Качаясь в воздухе, я с превеликим напряжением втиснул их внутрь до колена, потом, вися на локтях, сделал новое усилие, но мне не во что было упереться, веревочная лестница только отклонялась все дальше назад. Тогда я начал подтягиваться пятками. У меня вся спина разламывалась от боли, когда я наконец подтянулся настолько, что можно было отпускать одну руку, чтобы поискать на скале более надежную опору. Тут лестница раскачалась так, что едва не выдернула меня из туннеля. Наконец я решился разжать вторую руку и повис лицом вверх — половина корпуса в щели, половина торчит наружу. «Сын вождя» всю эту часть пути одолел шутя... Только забравшись в туннель с головой, я почувствовал себя в безопасности. Ногами вперед я прополз еще несколько метров, вылез из прохода в пещеру с низким сводом и облегченно вздохнул там, где Энлике оробел и отступил.

В тайнике горела свеча, зажженная сыном Сантьяго, и когда я сел, то увидел, что мы окружены скелетами. Здесь, завернутые в циновки из камыша *тотора,* покоились родичи Сантьяго. Бурый сопревший камыш крошился от малейшего прикосновения, а некоторые кости приобрели странный сине-зеленый оттенок. Прямо у моих колен лежали бок о бок два скелета, подле которых были положены маленькие свертки из того же истлевшего камыша. Я осторожно потрогал пальцем один сверток и под рассыпающимся камышом нащупал что-то твердое.

В это время едва не случилась беда. После меня настала очередь Арне заниматься воздушной эквилибристикой на лестнице. И в разгар поединка с веревками, протискиваясь в узкую щель, он сломал ребро. Да так, что потом всерьез утверждал, будто слышал треск. От боли он чуть не выпустил веревку, а тогда быть бы ему на дне пропасти.

Мы втащили его в тайник, и то, что он здесь увидел, заставило его забыть про боль. Стиснув зубы, археолог ползал по камням, изучая низкую пещеру.

Для нас было непостижимо, как в старину сюда по отвесной скале и через узкую щель доставляли покойников. Правда, патер Себастиан рассказывал мне, что некоторые пасхальцы сами забирались в подземелье, чтобы там умереть. После того как в прошлом столетии на острове было введено христианство с обязательным погребением мертвых на кладбище в Хангароа, находились старики, которые тайком заживо погребали себя в пещерах. Пос-

ледним, кто сумел таким способом провести церковь, был старик Теаве; его внуки живы сегодня.

Но окружавшие нас скелеты были завернуты в камышовые циновки. Очевидно, покойников спускали на веревках, а внизу уже кто-то ждал и втаскивал их внутрь.

Капитан, штурман и Санчес присоединились к нам, только Сантьяго и «Сын вождя» с женой остались на плато. Сделав фотоснимки и зарисовки, насколько позволял низкий свод, мы решили поближе исследовать содержимое пещеры. Скелеты лежали на полу беспорядочно; маленькие камышовые свертки составляли весь погребальный инвентарь. Некоторые из них совсем истлели, даже видно, что́ внутри. В самом большом была женская скульптура. Из другого выглядывало двойное лицо с четырьмя глазами и двумя длинными носами, которые огибали камень и встречались на обратной стороне, преображенные в копейные наконечники.

В самой глубине пещеры покоился скелет, возле которого лежал только один сверток. Здесь камыш истлел не так сильно, и большие куски обертки сохранились. А внутри был каменный омар вроде того, что Гонсало так некстати увидел у бургомистра. Возможно, покойный был рыбаком, отсюда его заинтересованность в росте поголовья омаров...

Мы насчитали только десять скульптур. Все они были завернуты в камыш. Две из них, изображающие маленького человечка с клювом, были очень похожи друг на друга, и, выполняя свое обещание, мы одну оставили.

Чтобы выбраться на волю, мы должны были, отталкиваясь ногами, ползти к выходу на спине, потом высунуться по пояс из туннеля и, держась на весу, ловить руками веревочную лестницу. Дальше, выдернув из щели ноги, надо поймать ими перекладину. Удовольствие ниже среднего — заниматься такой акробатикой при луне над рокочущим прибоем. Хуже всех досталось Арне с его сломанным ребром. Но все обошлось благополучно, и беспокойно ожидавшие нас наверху пасхальцы решили, что у него просто побаливают суставы от непривычки.

Скульптуры мы хорошенько завернули и подняли на веревке. Когда подъем был закончен и Сантьяго удостоверился, что в тайнике оставлен один предмет, я вдруг вспомнил про жареную курицу. Лежа на камне, она пахла так соблазнительно, что я не устоял. Оставлять *аку-аку* такой лакомый кусок? Ну, нет! Разделив курицу по-братски с товарищами, я принялся уписывать за обе щеки, и *аку-аку* меня не покарали.

Правда, пасхальцы наотрез отказались притронуться к курице и испуганно жались в сторонке, пока последняя обглоданная косточка не полетела в море. Тут жена Энлике расхрабрилась и давай смеяться над мужем: побоялся войти в пещеру! Чем дальше мы уходили от утеса, тем смелее она становилась. А когда мы, втиснувшись в джип, покатили вприпрыжку домой, мне даже стало жаль статного парня на заднем сиденье. Жена не унималась, все дразнила Энлике, и в конце концов он сам улыбнулся, покачал головой и заверил, что больше никогда не будет таким дураком. Теперь его не запугаешь никакими духами и бесами. И завтра же он начинает строить новый дом.

Был на острове человек, более привычный к общению с демонами, чем Энлике. И вышло так, что младший брат бургомистра Атан, сам того не ведая, затащил меня в осиное гнездо. Разделавшись со своей пещерой и получив взамен более полезные вещи, Атан уверился, что избавление от связей с подземным миром приносит счастье. У Атана было много друзей и ни одного врага. Все его любили. И вот он чрезвычайно осторожно принялся выведывать, у кого есть пещеры.

Однажды вечером наш фотограф сел на коня и отправился в путь во главе кавалькады, которая состояла из капитана Хартмарка, наших трех механиков, кока и юнги. Все знали, что они собираются поснимать немного на северном побережье в лучах заходящего солнца. Бургомистр, маленький Атан и Лазарь вместе с нами провожали их, стоя у палаток. Нас на этот вечер пригласили в гости к губернатору, и мы предложили подвезти до деревни Атана и бургомистра. Оставался Лазарь, но и он, едва наша машина скрылась из виду, вскочил на коня. Галопом он ринулся догонять фотографа с его товарищами, которые должны были ждать Лазаря в условленном месте. Все это делалось по секрету от других пасхальцев, не подозревавших, что в рюкзаках у членов кавалькады лежат коробки и мешковина. Надо было за ночь незаметно доставить в лагерь оставшиеся скульптуры из пещеры Лазаря.

А мне в эту ночь предстояла новая вылазка под водительством младшего Атана. Он уже давно догадывался, что у его зятя Андреса Хаоа есть пещера. И вот теперь эта догадка подтвердилась.

— Ты помнишь Андреса Хаоа, сеньор Кон-Тики? Он еще показывал тебе черепки *ипу маенго*... Так вот, и черепки, и целые кувшины, которые он приносил патеру Себастиану, спрятаны у него в пещере.

Андрес Хаоа? Вот уж с кем у меня вряд ли что-нибудь выйдет!

Он смертельно обиделся на меня, когда уговорил старика рассыпать мелкие черепки в раскопе у Аху Тепеу, а я обвинил его в жульничестве и лишил награды. Маленький Атан это знал, но был уверен, что все уладится, если я пошлю Андресу Хаоа подарок в знак дружбы. Я дал для подарка денег и два картона сигарет, и мы условились, что ночью, после приема у губернатора я приду к Атану. А он к тому времени постарается подготовить встречу с Андресом.

Около полуночи я простился с губернатором. Объяснил ему, что совершаю тайные вылазки в подземелья острова, но подробно рассказать об этом пока не могу, так как связан обещанием хранить секрет. Губернатор поблагодарил меня. У него отлегло от души, ведь в деревне ходили какие-то странные слухи... Впрочем, в Хангароа чего только не наслушаешься, и никто не принимает всерьез такие толки.

Ровно в полночь я вошел в домик Атана. Он открыл мне сам, и первым, кого я увидел в неверном свете свечи, был человек с черепками — мой старый «недруг» Андрес Хаоа. Небритый, взлохмаченный, глаза воспалены... Он вскочил на ноги, обнял меня, называя братом, и заверил, что сделает для меня все. В маленькой комнатушке стало тесно от громких фраз. Добряк Атан напыжился и начал кичиться своей *мана*. Это он спас нашу дружбу, благодаря ему мы встретились снова. Свою *мана* он унаследовал от матери. Хотя он был младший, она любила его больше других детей и передала ему всю свою магическую силу. Атан рассказал мне, что Андрес Хаоа едва не помешался при виде моего подарка. Сам Андрес признался, что всплакнул от радости, получив подарок и услышав послание мира и дружбы. Ведь он попал в ужасное положение в тот раз, когда принес мне черепок настоящего *маенго*. Я тотчас потребовал, чтобы он показал, где найден черепок, но он не мог мне показать свою родовую пещеру! И пришлось повести нас в другое место, чтобы мы не проведали о ней.

Объяснение Андреса показалось мне правдоподобным.

А теперь, продолжал он, послушав рассказы Атана, он готов дать мне «ключ» от пещеры, чтобы я сам увидел кувшины. Только сначала надо расположить в мою пользу младшего брата, а он тверд как кремень. Ведь он заведует пещерой, отец ему передал «ключ», и *аку-аку* живет у него в доме. Когда Андрес сегодня вечером зашел к нему и предложил отдать «ключ» сеньору Кон-Тики, он страшно рассердился.

— Пошли вместе к его брату,— сказал Атан.— Наша объединенная *мана* поможет нам уговорить его.

По случаю приема у губернатора я был одет в легкий белый костюм, но у меня были с собой штаны и рубаха защитного цвета. Я переоделся, потом мы вместе покинули дом и, крадучись, вышли из деревни на север. И чем дальше, тем пламеннее становились произносимые шепотом уверения в дружбе и братстве. Атан выражал беспредельную веру в нашу объединенную *мана* и клялся, что из нас двоих он более чистокровный норвежский «длинноухий». Оба поучали меня, чтобы я был начеку и не попался в ловушку: если младший брат Андреса Хуан Хаоа предложит мне «ключ» от пещеры, я должен сказать «нет!» и скрестить руки на груди. Вот когда он передаст «ключ» старшему брату, я могу принять его из рук Андреса, говоря «спасибо».

На пустынной поляне за деревней мы остановились перед высокой каменной оградой, за которой тянулись к луне блестящие большие банановые листья и стоял беленький каменный домик. Дом был без окон и казался нежилым — этакая обитель привидений. Через ограду вел прогнивший перелаз со сломанными ступеньками.

Маленький Атан расправил плечи — он первым войдет и предупредит о нашем приходе. Уныло заскрипел перелаз, и вот уже он стучит в дверь, медленно и осторожно. Мелькнул луч света: Атан вошел.

Мы прождали его пять минут. Наконец он вышел и вернулся к нам, страшно расстроенный. До чего же непреклонный и упрямый человек, этот младший брат Андреса! Надо идти всем троим и воздействовать на него нашими объединенными *аку-аку*. Мы перелезли через ограду и вместе подошли к домику. Я вошел первым, мои спутники — сразу за мной.

В скудно обставленной комнате — белый крашеный стол и три маленькие скамейки — стояли, вызывающе и враждебно глядя на нас, два суровых типа. Да, с ними шутки плохи... Одному было на вид лет тридцать с небольшим, другому — за сорок.

Я поздоровался; они бесстрастно ответили тем же, но не двинулись с места. Младший гордой осанкой и каменным лицом напоминал индейца из американского кинофильма. У него были колючие черные глаза и темная жесткая бородка, такая же, как у стоявшего позади меня брата. Надо сказать, что борода на Пасхе — редкость, хотя и бургомистр, и Атан, и многие другие щеголяли усами. Угрюмый бородач стоял, расставив ноги и сунув руки за пазуху, так что грудь частично обнажилась. Пристально глядя на меня из-под опущенных век, он звонко и раздельно произнес, будто в трансе:

— Смотри на моего *аку-аку*. Это дом *аку-аку*.

Теперь только бы не промахнуться — по лицам этих ребят было видно, что мне предстоит серьезное испытание.

— Знаю,— отозвался я.— Я вижу.

Мои слова как будто вызвали досаду у Хуана Хаоа, он медленно подошел вплотную, с вызовом уставился мне в лицо и прошипел со скрытым гневом:

— Покажи мне силу твоего *аку-аку!*

Очевидно, Атан не поскупился на краски, расписывая меня и моего *аку-аку*: все четверо ждали чуда. На лицах пасхальцев было напряженное ожидание, правда смешанное с подчеркнутым пренебрежением на бородатой физиономии Хуана Хаоа. Он казался пьяным, хотя был вполне трезв. Он довел себя самовнушением почти до транса. Он был сам своим *аку-аку*.

Я сделал шаг вперед — теперь мы едва не касались друг друга грудью — и напыжился, чтобы не отставать от противника.

— Если твой *аку-аку* так же силен, как мой,— я тоже старался говорить с ноткой скрытого презрения,— скажи ему, чтобы он вышел из дому. Пошли его на вершину Оронго. В кратер Рано Као. Через степь к Винапу. К статуям Рано Рараку. В Анакену, Хангароа — во все концы острова. Спроси его, изменилось ли что-нибудь на острове? Спроси, разве не стало здесь лучше? Разве не явились древние стены и строения, не поднялись из земли неведомые статуи? И когда ты услышишь ответ своего *аку-аку*, я спрошу тебя: нужны тебе еще доказательства силы моего *аку-аку*?!

Мои слова убедили его. Отбросив колебания, он предложил мне сесть на скамейку рядом с ним.

Маленький Атан сразу воспрянул духом. Вдвоем с Андресом они попросили брата отдать мне «ключ». Их поддержал второй суровый малый, вежливо заметив, что в самом деле следует вручить «ключ» мне. Но герой драмы даже бровью не повел, словно не слышал их. Он сидел будто на незримом золотом троне — прямой, как свеча, руки скрещены на груди, челюсти сжаты, губы оттопырены в точности, как у каменных великанов. Сидел и пыжился, набивая себе цену в собственных глазах и глазах своих приятелей — этакий самоупоенный шаман или верховный жрец из далекого прошлого, облаченный в рубаху и брюки.

Остальные трое стояли перед Хуаном, уговаривая его отдать «ключ», но он ими пренебрегал. Они упрашивали его, умоляюще протягивали к нему руки, один из них даже стал перед ним на колени, а он упивался их унижением и медленно, будто греясь на солнце, поворачивал голову то в одну, то в другую сторону. Или

с церемонным видом обращался ко мне и начинал расписывать свою потрясающую магическую силу, свою *мана*. Ему было откуда черпать сверхъестественную силу, ведь в жилах Хуана текла кровь виднейших родов острова. И он жил в доме *аку-аку*, они его окружали и защищали со всех сторон. Самый могущественный *аку-аку* на всем острове оберегал его со спины: дом Хуана Хаоа стоял перед хижиной старой Таху-таху, которая приходилась теткой его жене. Других соседей у них не было. Несколько правее стояла заброшенная хижина; хозяйка хижины умерла, и теперь там тоже поселился *аку-аку*. Сзади — *аку-аку*, по бокам — *аку-аку*, и еще один в самом доме!

В глазах бородача появился зловещий блеск. Чем больше он пыжился, тем упрямее становился, и я решил вмешаться. Попросту я сам принялся отчаянно хвастаться, и бородач начал скисать прямо на глазах.

Я рассказал, что унаследовал сильнейшую *мана* от моего могущественного названого отца Терипероо, последнего великого вождя Таити, который перед смертью нарек меня королевским именем Терап Матеата — Голубое Небо. Последний вождь Фату-Хивы Тен Тетуа тоже передал мне свою *мана*. А когда я приплыл на плоту на Рароиа, моя *мана* выросла еще больше, потому что жители острова устроили праздник в память своего первого короля Тикароа и приняли меня в общину под именем Вароа Тикароа (Дух Тикароа).

Помогло! С каждым моим словом решимость противника ослабевала, и наконец он сдался. Он медленно встал; мы тоже. Показав на своего угрюмого приятеля, Хуан Хаоа произнес:

— Туму, будь свидетелем!

Слово *туму* было мне знакомо; я знал, что это не имя, а титул. В книгах исследователей можно прочесть, что загадочный термин *туму* — память о древнейшей общественной организации пасхальцев, а в наши дни его-де никто не понимает и не может истолковать. И вот передо мной стоит настоящий живой *туму*! Он отнюдь не канул в прошлое, он существует и действует. После Атан рассказал мне, что это Хуан Нахое — *туму* семьи Хаоа, судья и посредник между братьями.

Бородатый фанатик стал передо мной, Туму — рядом с ним.

— Настоящим передаю тебе ключ одной из моих двух пещер,— замогильным голосом произнес Хуан Хаоа, словно зачитал смертный приговор.

Остальные стояли молча. Царила полная тишина, даже огонек свечи не трепетал. Я был в затруднении. Скрестить руки и ска-

зать «нет»? Он ведь предлагает мне «ключ», хотя и не показывает его. Помедлив секунду, я сухо произнес: «Спасибо». Он продолжал стоять без движения, меряя меня взглядом своих черных колючих глаз. Потом круто повернулся и вышел из дому, шагая важно, как индейский петух.

Его приятели явно испытали великое облегчение. Маленький Атан вытер со лба обильный пот, хотя единственным источником тепла был огарок свечи, наклонивший к выходу дрожащее пламя. Скованность прошла, троица оживленно жестикулировала, невольно оттеняя надменную спесь вышедшего.

Через несколько минут мрачный тип появился снова, держа под мышкой легкий плоский сверток из камыша *тотора*, а в руке — тяжелую корзину из того же материала. Отдав сверток брату, чтобы тот положил его на стол, Хуан снова подошел ко мне и замер. Он пристально глядел на меня, не торопясь вручать корзину. Я тоже стоял недвижимо, изображая безучастность и гордое презрение. Вдруг Хуан Хаоа повернулся и протянул корзину Андресу. Тот в свою очередь передал ее мне. Взяв корзину, я поблагодарил Хуана за то, что он сперва вручил «ключ» старшему брату. Мои слова не произвели никакого впечатления на угрюмого малого. Помедлив немного, он внезапно устроил мне новый экзамен.

— Что здесь лежит? — раздельно спросил он, указывая пальцем на сверток.— Покажи мощь своего *аку-аку!*

Опять все четверо испытующе смотрят на меня. Я напряг до предела свои мыслительные способности. Обычно такие экзамены только снятся человеку, и это называется кошмаром, когда чувствуешь, что провал грозит невесть чем. Сверток был величиной с портфель, слишком плоский, чтобы в нем могло содержаться какое-нибудь изделие из дерева или камня. Мастерски сплетенная обертка легкостью и гибкостью (это было видно, когда Андрес клал ее на стол) напоминала большой конверт. Зная, что держу в руках «ключ» от пещеры, я не сомневался, что сверток взят оттуда же. И сплетена обертка так же, как корзина.

Мне вспомнились красивые изделия из перьев, которые нам часто приносили пасхальцы: копии старинных венцов и длинные нити из убора для плясок. Первые исследователи записали, что на острове Пасхи знатные люди носят плащи и головные уборы из перьев, совсем как многие индейские вожди в Мексике и Южной Америке. Может быть, нечто в этом роде, сделанное уже недавно, хранилось в тайнике Андреса? Изделие из перьев — неплохая идея. Но что именно? Венец или что-то еще? Мои экзаменаторы ждали как на иголках. Ладно, рискнем.

— Мой *аку-аку* говорит: *кон плюма*, перо,— сказал я осторожно и неопределенно.

— Нет! — прошипел фанатик и подпрыгнул, словно тигр.— Нет! — яростно повторил он.— Спроси своего *аку-аку* еще раз!

Он изогнулся по-кошачьи, злорадно и торжествующе улыбаясь. Маленький Атан вытер пот со лба, лицо его выражало полное отчаяние, и он умоляюще смотрел на меня — мол, вразуми ты своего *аку-аку*! Туму и Андрес медленно подошли ко мне ближе с видом недоверчивым и угрожающим. Мне стало не по себе. Ведь я непрошеным гостем вторгся в святая святых этих фанатиков... Мало ли что сейчас может случиться, а никто не знает, где я нахожусь. Кричи, зови — в деревне не услышат. Мои товарищи подумают, что я сорвался с обрыва или застрял в какой-нибудь тайной пещере. Нигде в мире нет такого обилия укромных уголков, где может бесследно исчезнуть человек и никто ничего не заподозрит...

Так что же все-таки в этом свертке? Я мог только гадать. Может быть, *тапа* — лубяная материя?

— Какая-нибудь одежда?

— Нет! Спроси своего *аку-аку* еще раз, и спроси как следует!

Пасхальцы подступили ко мне совсем близко. И, думая, что же такое может лежать в свертке, я в то же время лихорадочно соображал, как отбиваться и куда бежать, если что.

— Материал,— сделал я последнюю попытку, вспомнив опыт наших радиовикторин.

Я услышал в ответ какое-то рычание. Потом мне предложили развернуть сверток; вся четверка стояла с чрезвычайно грозным видом. Развязав шнурок из камышового волокна, я достал книгу без переплета, исписанную замысловатыми знаками *ронго-ронго*, вроде драгоценной тетради «деревенского шкипера». Чернила, которыми были выведены эти своеобразные символы, сильно поблекли. Внезапно меня осенило: в испанском языке слово «перо» многозначно!

Я швырнул книгу на стол, так что свеча чуть не погасла, и негодующе выпрямился.

— Мой *аку-аку* был прав! Он сказал *кон плюма*, и ведь это написано *кон плюма* — пером!

И тотчас все переменилось. Пасхальцы отпрянули и обалдело уставились друг на друга. Не я, а они ошиблись! Угрюмый бородач с молниями во взоре скис. Такого оборота он никак не ожидал.

Первым молчание нарушил маленький Атан. С трудом переводя дыхание, он пролепетал:

— До чего же у тебя могущественный *аку-аку!*

Его слова зажгли искру ревности в душе моего противника.

— Посмотри на *аку-аку* в книге,— сказал он.— Вот!

Он перелистал свою диковинную книгу, пока не дошел до нужного разворота. Слева — сплошь загадочное рисуночное письмо без каких-либо толкований. Справа — повторено двадцать знаков, и рядом корявыми латинскими буквами написан перевод на рапануйский язык. А в самом низу страницы выцветшими бурыми чернилами отдельно написана одна строка.

— Вот *аку-аку,*— буркнул Хуан, показывая мне на эту строку.

Я прочитал:

— *Кокава аро, кокава туа, те игоа о те аку-аку, эруа.*

— «Когда истреплется спереди и истреплется сзади, сделай новую»,— так зовут *аку-аку* в книге,— гордо перевел владелец старинную формулу.

«А ведь это гениально!» — подумал я. Человек, который составил эту книгу, облек практический совет в такую форму, чтобы наследники своевременно делали новый список, прежде чем окончательно истреплется предыдущий. Совет — в роли *аку-аку;* кто посмеет его не выполнить!

— Вот *аку-аку,*— гордо повторил бородач и показал пальцем, чтобы все восхитились.

— Да, сильная книга,— сказал я и тотчас смекнул, что выбрал самое верное определение. Не «интересная», не «красивая», не «искусно составленная», а именно «сильная».

Было очевидно, что владелец читать содержание не умеет и эта книга для него чисто магический предмет.

И сразу мы все стали друзьями, пасхальцы называли меня «братом», в их глазах появился восторг. Тем не менее настороженность не оставляла меня совсем.

— Теперь мы братья.— Хуан Хаоа положил мне руки на плечи.— Выпьем кровь друг друга!

В обращенном на него взгляде маленького Атана смешались испуг и восхищение. Я весь напрягся, силясь выглядеть невозмутимо. После всех душевных треволнений какая-то там царапина ножом мне и подавно не страшна. Но пить кровь этого жуткого типа... Сама мысль об этом казалась мне невыносимой. Вспомнилось, как бургомистр и Атан рассказывали мне и Эду, что иногда они разбалтывают в воде муку из костей своих предков и пьют, чтобы обрести «силу». Очевидно, нечто в этом роде предстояло нам сейчас.

Кошмарный тип надменно прошествовал в соседнюю комнатушку. Я думал, он вернется с ножом, а он с мрачным видом принес бутылку и пять рюмок. Откупорив бутылку, он налил вина — всем на донышке, только мне полную рюмку. И велел нам несколько раз повторить слово *такапу*. От Атана я знал, что это слово — источник *мана*, оно делает *аку-аку* зрячим. Прежде исследователи считали, что *такапу* означает «ритуальная земляная печь», но это неверно. Земляная печь тут ни при чем, если только перед *такапу* не стоит слово *уму*, означающее «земляная печь».

Наконец магическое слово было произнесено столько раз, сколько положено. Я успел понюхать грязную рюмку и узнал красное вино с «Пинто». Перед тем как пить, наш церемониймейстер замогильным голосом объявил:

— Сейчас мы выпьем нашу кровь, смешанную вместе.

Представление о вине как о крови он, видимо, почерпнул из церковной службы. Выпили, и Хуан тут же налил еще: всем чуть-чуть, мне полную.

— Ты наш главный брат, пей побольше,— добродушно сказал бородач.

Я был рад, что ему достается так мало. Правда, дружба окончательно наладилась. Звучали громкие слова про *аку-аку*, про братство. Я — старший над ними, у меня «ключ». «Ключ» к одной из их пещер и к «счастью» всей нашей пятерки. Вторая пещера тоже будет моей, если я вернусь и навсегда поселюсь на острове. Сейчас, насколько я понял, за нее отвечал Туму.

Бутылка быстро опустела. Бóльшая часть вина досталась мне.

— Посмотри на мою бороду,— сказал чернявый разбойник, который теперь был моим младшим братом.— Вот где моя сила,— торжествующе пояснил он.

Видели бы они меня после того, как я сто один день шел на плоту «Кон-Тики»! А впрочем, они все равно поверили в мое могущество, хоть я теперь гладко выбрит.

Никогда еще я не пил такого вкусного вина. Все мои тревоги прошли. Я посмотрел на часы: три. До лагеря далеко, пора домой. Тепло поблагодарив, я прижал к груди драгоценную книгу с *ронго-ронго* и корзину с «ключом» от пещеры. Мои братья сказали, что завтра придут ко мне в лагерь, и мы вместе поедим моей пищи. Я ответил: «Добро пожаловать» — и вместе с Туму, Андресом и Атаном вышел на прохладный, свежий ночной воздух.

На следующий день мои новые братья, зайдя за мной в лагерь, повели меня на гору. Здесь бородатый фанатик, стоя на бугре лицом к морю, обратился с речью к незримым слушателям. Под ле-

вой рукой у него была зажата камышовая папка с книгой *ронго-ронго,* правую руку он воздел к небу, жестикулируя. Хуан говорил по-полинезийски, но, хотя голос его звучал очень тихо, почти неслышно, он сильно смахивал на оратора из лондонского Гайд-парка. Вот он указал рукой на нас, продолжая говорить так взволнованно, словно равнину и море внизу заполняла огромная толпа. Грудь нараспашку, полы незастегнутого пиджака развеваются на ветру... Казалось, он стоит одной ногой в прошлом, другой — в настоящем, как символ народа, переживающего ломку.

Кончив речь, Хуан спустился к нам и вручил мне великолепное изображение рыбы-парус, которое сам вырезал из дерева. Потом вынул из папки книгу *ронго-ронго* и быстро ее перелистал, пока не дошел до страницы с *аку-аку.* Держа палец на волшебной строке, он снова тихо заговорил с окружающими нас невидимыми существами, затем передал книгу мне и попросил прочитать вслух *аку-аку.*

Кругом простирался удивительный остров, рядом со мной стояли три благоговейно слушающих пасхальца... Я прочел:

— *Кокава аро, кокава туа, те игоа о те аку-аку, эруа.*

Ритуал закончился. Предки смогли убедиться, что книга передана мне по всем правилам. Мы спустились с горы к зеленым палаткам, где стюард уже расставил на столе закуски.

Трапеза во многом проходила так, как и завтрак перед походом в пещеру маленького Атана, только ритуал был еще более гротескным и еще грубее звучали хриплые голоса, шепча про сокровенную «мощь» и «силу» поданных блюд. И каждый из нас сидел со своей вахиной. Ивон даже испугалась, когда я забормотал что-то скрипучим голосом и тоже начал вести себя как-то странно. Как я узнал от нее после, она решила, что я помешался.

Неожиданно мой сумрачный брат поднялся и, поглаживая свою черную бороденку, другой рукой показал на норвежский флажок на столе.

— Вот где твоя сила, брат,— сказал он вдруг и схватил флажок.— В нем твоя сила, я должен его получить.

Я отдал ему флаг и добавил маленькую целлофановую коробку с моделью плота «Кон-Тики», которая ему приглянулась. Взяв подарки, Хуан важно вышел из палатки, сопровождаемый своими друзьями, и они вместе ускакали в деревню.

Вечером я лег пораньше, чтобы поспать несколько часов перед новой полуночной вылазкой. На очереди стоял еще один тайник: «раскололся» Энлике Теао, который ходил с нами в пещеру Атана. Кроме него должны были пойти Ивон, Карл, фотограф, Тур-млад-

ший и Атан. Тайник, расположенный на западном берегу, был очень искусно укрыт, но попасть в него оказалось легко — сквозь заросшую осыпь у подножия утеса. Съев куриную гузку, я по тесному ходу проник в подземелье. В «передней» с чисто выметенным полом нас встречали два черепа. Дальше была подковообразная ниша, напоминающая рождественские ясли католиков: на полу — сено, вдоль стен — желтые камышовые циновки с множеством причудливейших фигур. Здесь было даже уютно. После встречи с братьями-фанатиками накануне я просто отдыхал у простодушного, скромного и радушного Энлике. Когда мы вышли из подземелья, нас встретила приветливая круглая луна; ленивый ветерок не мешал ей смотреться в черное зеркало игриво настроенного моря.

На следующий день в Анакене состоялось что-то вроде народного гулянья. Пользуясь случаем, два врача — наш и деревенский, сидя в столовой, добывали капельки крови из ушных мочек тех из наших гостей, кого патер Себастиан считал чистокровными. Бургомистр и его родичи, когда дошла очередь до них, смотрели на врача как на грабителя, отнимающего у них бриллиантовые серьги. Они не сомневались, что за каплю крови настоящего «длинноухого» начальники музеев платят огромные деньги. Их взгляд, когда они смотрели, как тщательно смешивают красные капельки с химикалиями и в особых пузырьках отправляют в холодильник на корабле, был достаточно красноречив. Мол, их бессовестно надувают, но на что не пойдешь дружбы ради...

Бургомистр, щеголяя соломенной шляпой, самолично приводил в палатку избранных из толпы, которая веселилась на просторной поляне. Вокруг лагеря звучали песни и смех, бренчали гитары, ржали кони. Я только что сходил к костру и выбрал себе кусок жареного мяса посочнее, когда ко мне подъехал худой, обросший седой щетиной всадник в драном кителе. Он учтиво поздоровался, и я предложил ему спешиться и найти себе что-нибудь по вкусу в открытой земляной печи. Но старик нагнулся ко мне и прошамкал беззубым ртом:

— Вот зачем я здесь: чтобы передать, что ты можешь рассчитывать на двойное счастье. *Эль брухо,* колдун, сказал мне, что тебя ожидает счастье, если ты придешь в воскресенье в полночь. И оно будет тебе сопутствовать впредь.

Не отвечая на мои вопросы, старик дернул поводья и скрылся в толпе; больше я его не видел. Я впервые услышал про *эль брухо;* до сих пор мне лишь о старухе Таху-таху было известно, что она занимается *таху* и колдовством. Однако нетрудно было сообразить:

если на острове есть кто-либо, заслуживающий звания колдуна, это может быть только мой новый брат. В самом деле, он вел себя так, словно считал себя шаманом. И живет он в доме *аку-аку* перед уединенной обителью Таху-таху, со всех сторон окруженный бесами. Словом, ясно, что «колдун» — мой новоявленный младший брат Хуан Хаоа.

В воскресенье мы, как обычно, отправились в церковь. Попрежнему под потолком порхали щебечущие пташки. Патер Себастиан, как всегда, вышел в нарядном облачении, и, как всегда, атмосфера была словно в оперном театре. Но толпа прихожан теперь уже не была для нас чужой и безликой. Теперь мы знали большинство. В каждом ряду сидели наши друзья. Вот «полицейские» Николас и Касимиро. Вот старик Пакомио рядом с Лазарем и молодым Эстеваном. «Деревенский шкипер», «Сын вождя», четверо братьев Пакарати... Атан и Энлике, Альберто и Даниель. Вошли и сели вместе три приятеля — Туму, Андрес и Хуан Колдун. Сегодня в полночь мне еще предстоит снова встретиться с ними.

Время от времени я поглядывал на них. С неподдельным благоговением они ловили каждое слово патера Себастиана. И так же истово, как все, пели полинезийские псалмы. Ничего дьявольского во взгляде, сидят три добрых малых, и черные бороды отнюдь не делают их похожими на бандитов, а скорее на святых угодников. Если бы мне вздумалось подойти и спросить их, что́ им надо здесь, в церкви патера Себастиана — ведь они водятся с *аку-аку* и подземной нечистью,— друзья, наверно, удивились бы. И ответили бы подобно Атану:

— Мы добрые христиане. А то — само по себе, *отра коса апарте*.

Сегодня в церкви происходило крещение. Я был крестным отцом, и меня посадили в первом ряду на женской половине. Дальше сидели Аналола со своей старушкой-матерью и прочие женщины — сплошной цветник. Рядом со мной восседал бургомистр при всем параде; его сопровождали жена, рыжеволосый сын и одетая во все черное старая тетка Таху-таху. Сегодня у бургомистра был великий день. Сноха подарила ему славного внука взамен девчушки, которую унесла *коконго*. Сияющий от счастья дед решил назвать внука в мою честь. Когда патер Себастиан справился у родителей, какое имя они желают дать ребенку, бургомистр ответил:

— Тур Хейердал Кон-Тики Эль Сальвадор де Ниньос Атан.

Патер Себастиан в отчаянии подергал себя за бороду и жалобно попросил придумать имя покороче.

Когда малыша подняли над купелью, довольный дед толкнул меня в бок.

— Погляди на волосы,— сказал он.

Волосы на голове крохи были огненно-рыжие.

Мальчугана окрестили Сальвадор Атан. Младшая ветвь на генеалогическом дереве «длинноухих», тринадцатое поколение после Ороронны, уцелевшего в битве у рва Ико...

Когда наступила ночь и деревню окутал глухой мрак, в доме бургомистра задули свечу и в дверь незаметно выскользнули две фигуры. Наши люди, кто верхом, кто на джипе, давно отправились в Анакену. Лагерь спит, деревня спит, скоро полночь...

Джип вернулся из Анакены в деревню и стоял с выключенными фарами у калитки бургомистра. Рыжий отец моего крестника и дядя Атан сидели в джипе. Они потеснились и впустили в машину выскользнувшую из дома двойку. Тихо, не включая света, джип покатил мимо церкви к морю, затем вдоль побережья к лепрозорию.

Было условлено, что Эд (это мы с ним прятались до полуночи от непосвященных у бургомистра) вместе с рыжеволосым папашей останутся ждать в джипе, а я и Атан пройдем пешком последнюю часть пути до жилища *аку-аку*.

У стены с прогнившим перелазом, за которой среди блестящих банановых листьев стоял дом с привидениями, Атан остановился.

— Ты сперва входи один,— прошептал он.— Ты ведь главный брат. Постучись и скажи: «Хуан Колдун, вставай на счастье!»

Я одолел скрипучий перелаз и подошел к дому. Царила могильная тишина. Я поднял руку и осторожно постучал в старую дверь.

— Хуан Колдун, вставай на счастье! — отчетливо произнес я.

Никакого ответа. Никаких признаков жизни в доме. Только огромные блестящие листья шелестели на ветру и тянулись к луне, будто пальцы. Вдали глухо шумел океан.

— Попробуй еще раз,— прошептал из-за ограды Атан.

Я снова постучал и машинально повторил условную фразу. Мне ответил лишь ветер.

В чем дело? Новая ловушка? Очередное испытание? Видя мое колебание, Атан шепотом велел мне постучать опять — должно быть, они легли спать «на счастье». Неужели они и впрямь так крепко спят, хотя знали, что мы придем? Как бы не попасть впросак... Может быть, они стоят за дверью и ждут, чтобы мой *аку-аку* их увидел? Кстати, подозрительно громко что-то шуршит вон там,

слева, где сгустилась тень от больших колышущихся листьев, которые не пропускают лунное серебро... Уж не спрятались ли они там за кустами, чтобы проверить зоркость моего *аку-аку*? Раз-другой мне послышалось, будто в доме кто-то ходит, однако никто не открывал. После шестой попытки я сдался и уже хотел отступить, но вдруг услышал за дверью шум и постучал в последний раз:

— Хуан Колдун, вставай на счастье!

Дверь медленно отворилась, вышла молодая женщина с коптилкой в руке. Я глянул через ее плечо: в комнате никого, пустые скамейки окружали столик, за которым мне вручали книгу *ронго-ронго* и «ключ» от пещеры.

Хозяйка объяснила, что мужчины ушли. Кажется, в пещеру.

Вот оно что! И теперь, очевидно, ждут, что мой *аку-аку* приведет меня к пещере по их следам...

Меня выручил Атан, вызвавшись сходить в деревню и поискать Андреса. Хозяйка задула коптилку и села на освещенную луной скамью перед домом. Мне она предложила сесть рядом. Я встречал ее раньше, это была жена Хуана Хаоа, младшая сестра бургомистра. Невольно я отметил, что она очень хороша собой, лицо совсем не полинезийское, типичная арабско-семитская красавица. Тонкий нос с горбинкой, тонкие губы... Просто не верилось, что она дочь чистокровных пасхальцев, из настоящих длинноухих. Мы брали у нее кровь для исследования.

Жена Хуана была далеко не глупа, и мы разговорились. Времени для беседы оказалось достаточно: прошел и час, и два, а Атан все не возвращался. Сидя при луне, мы болтали о том, о сем, и мало-помалу я сумел кое-что выведать.

В частности, я узнал, что три приятеля решили поднести мне *аку-аку* из перьев — ведь в ту знаменательную ночь о них шла речь. А чтобы придать этому *аку-аку* надлежащую силу, они ходили к Таху-таху, и она, зарезав курицу, связала венец из перьев. Несколько часов назад, перед тем как лечь спать, моя собеседница сама видела этот венец на столе. Теперь он исчез, и она полагала, что они сидят с ним в пещере и ждут меня. Она не могла мне сказать, где находится пещера. Знала только, что муж, отправляясь ночью в тайник, обычно шел на север. Ей немало довелось слышать о пещерах и связанных с ними ритуалах, но сама она ни разу не видела подземного тайника.

Рассказ о венце из перьев был очень кстати: теперь, если три друга захотят подвергнуть меня новому испытанию, они не застигнут меня врасплох, скорее, я их удивлю.

Наконец, в три часа ночи Атан прибежал из деревни. Ему удалось найти Андреса и Хуана, вместе с Туму они сидели в доме сестры. Она совладелица тайника, и Туму потребовал, чтобы они получили ее согласие на передачу мне пещеры. А сестра пришла в ярость: почему-де не спросили до того, как отдали мне «ключ». Они ее и так, и эдак успокаивали, сулили богатые подарки от меня, но она ни в какую, грозит поднять шум, если они отдадут пещеру. Атана и слушать не захотела. Так что трое друзей сейчас в полном отчаянии, особенно Туму — он так старался найти приемлемое для всех решение. Они просят меня извинить их и подождать еще.

В четыре часа я пошел успокоить тех, кто ждал в машине. Мы решили, что пора уезжать, но только двинулись к деревне, как услышали стук копыт. В лунном свете за нами мчался во весь опор сам Хуан Колдун. Он скакал откуда-то с севера, и вид у него был возбужденный и усталый. Догнав нас, Хуан крикнул, чтобы мы поворачивали и следовали за ним.

Мы развернули джип и, не включая фар, поехали за Хуаном вдоль побережья, в сторону лепрозория. Только я подумал, что там могут услышать гул мотора, как наш проводник знаками показал нам, чтобы мы остановились и сошли возле огромных глыб застывшей лавы. Кругом простиралась чуть всхолмленная каменистая равнина.

Не успел я, сонный, продрогший, окоченевший, выбраться из джипа, вдруг из-за камней выскочили двое, одним прыжком очутились около меня и мгновенно надели мне на голову убор из развевающихся перьев. Хуан Колдун спешился, привязал коня к камню и в свою очередь живо надел себе наискось через плечо гирлянду из перьев, чтобы, как он объяснил, было видно, что я главный брат, а он рангом ниже. Потом он попросил меня идти за ним, и мы, сопровождаемые Эдом, Туму, Андресом и Атаном, предельно быстро зашагали по каменистой равнине. Рыжеволосый остался сторожить машину.

Сделанный Таху-таху венец был точной копией *ха'у теке-теке;* этот головной убор был широко распространен среди исконных обитателей Пасхи, и образцы его можно увидеть в некоторых музеях. Я чувствовал себя как-то нелепо с венцом, как будто впал в детство, когда мы ночью при луне играли в индейцев. Чувство нереальности происходящего ничуть не ослабло, когда я немного спустя сел на корточки и принялся уплетать гузки двух жареных кур.

Потом мы отодвинули несколько камней посреди застывшего

лавового потока, и вот уже я с венцом на голове ползу вниз по тесному ходу. Ход привел нас в обширный подземный тайник с низким волнистым сводом. Пол был застлан старым сеном. Направо от входа стоял маленький алтарь под камышовой скатертью, на котором покоилась мощная голова из камня с двумя черепами по бокам. Один череп — настоящий, человеческий; второй — каменный, с вытянутыми воронкой губами, которые загибались вверх и заканчивались круглым блюдечком. На это блюдечко — масляный светильник — смотрели сверху огромные глаза в глубоких глазницах. Напротив жуткого трио лежал еще один белый череп и изящный каменный пест с лицом в верхней части. Посередине пола под сеном и камышовой циновкой тоже было небольшое каменное возвышение. Хуан Колдун предложил мне сесть на циновку так, как некогда сидел его дед. Вдоль стен тянулся карниз с множеством затейливых фигур из мира реальности и мира фантазии. По обе стороны платформы, на которой я восседал, лежало что-то завернутое в желтую камышовую плетенку.

Прежде всего Хуан Колдун достал модель плота «Кон-Тики» и норвежский флажок.

— Это твоя кровь,— хрипло прошептал он, крепко сжимая флажок в руках *.— А здесь ты можешь набраться свежей силы — вот тебе *ипу маенго*!

Разворачивая свертки, я так волновался, что почти не дышал. В каждом был коричневый необливной кувшин. Уж не из тех ли они трех загадочных кувшинов, которые Хуан, рассердившись на меня, тогда показал патеру Себастиану?

— Во второй пещере у него их много, и все разные,— заметил Туму.— Она полна *маенго* и будет твоя, когда ты вернешься к нам.

Один из кувшинов опоясывал несложный орнамент. Хуан утверждал, будто орнамент делал его дед и черточки изображают воинов. А в пещеру кувшины поставили, чтобы мертвые могли напиться, когда захотят.

Позже, когда мы рассматривали кувшины в лагере, только Гонсало их опознал. Он видел такие же в Чили, индейцы исстари их лепили, да, наверно, и по сей день лепят в глухих селениях.

Опять загадка! Кувшины сделаны не на гончарном круге, это лепточная керамика, типичная для индейцев. Но как могли, будь то в старину или в наши дни, примитивные индейские сосуды по-

---

* На норвежском флаге синий крест с белой каймой изображен на красном поле *(прим. перев.)*.

пасть на остров Пасхи? И почему их сочли достойными стоять рядом со скульптурами в родовой пещере? Почему воду для духов не ставят в стакане, в банке или в чайнике? Пасхальцы не употребляют в быту глиняную утварь, между тем у Хуана явно были еще сосуды: из двух, которые мы получили, ни один не соответствовал описанию тех, которые он приносил к патеру Себастиану.

Кроме этого случая я на Пасхе лишь однажды слышал про пещеру со старинными кувшинами. Она принадлежала двоюродному брату Энлике. Но он уплыл в Чили на «Пинто».

...Уже светало, пели петухи, когда я постарался бесшумно проскользнуть в калитку бургомистра. Мне никто не встретился, и постель была такой же, какой я ее оставил, но чьи-то руки поставили на стол фрукты, жареную курицу и фруктовый сок. Однако слаще всего были чистые белые простыни, те самые, которые я подарил владельцу дома, когда он еще думал о плавании на «Пинто».

— Дон Педро, бургомистр,— сказал я, когда утром мой друг, улыбаясь, вошел на цыпочках с водой для умывания,— спасибо за отличный ночлег. Но когда ты мне покажешь свою пещеру?

— Не горячись, сеньор. Надеюсь, сегодня ночью тебе сопутствовало счастье?

— Да, мне сопутствовало счастье. Но скоро я покидаю остров. Так когда же я увижу пещеру Оророины?

— Не горячись, сеньор, ты ведь получил от меня «ключ». Он лежит у тебя под кроватью?

Да, «ключ» лежал у меня под кроватью. И при мысли о нем я невольно улыбнулся про себя, ведь голова была хотя и длинноухая, но довольно неожиданного вида.

Впрочем, бургомистр за последнее время вообще был щедр на неожиданности. Со дня выхода из больницы он вел себя странновато, я не узнавал старого дона Педро. Побледнел, осунулся, и это вполне естественно, но, главное, его хитрые глаза сверкали каким-то особенным блеском. Он ходил чрезвычайно возбужденный и с каким-то непонятным оптимизмом строил потрясающие планы. Бабушки он больше не боялся — опустошим тайник, и оба станем миллионерами! Он купит пароходик и откроет постоянную линию для туристов с материка. Его брат, «деревенский шкипер», умеет править по звездам, а рыжеволосый сын — ведь научился водить джип — будет смотреть за машиной. Все на острове разбогатеют, потому что спрос туристов на деревянных птицечеловеков и *моаи кава-кава* так вырастет, что только поспевай вырезывать!

Я попытался притушить его непомерный оптимизм — куда там. Я не должен даже так говорить, это дурная примета! В то же время, несмотря на громкие слова и обещания, дон Педро после выхода из больницы не принес мне еще ни одного камня. И работать у нас перестал. Мол, некогда, некогда... Он — бургомистр, страшно занятый человек.

Но однажды, когда я проходил мимо его дома, он вдруг выбежал мне навстречу.

— Счастливый день! Сегодня очень, очень счастливый день,— ликующе прошептал он.

И уже вслух, не стесняясь присутствия шкипера, рассказал, что Таху-таху разрешила ему вручить мне «ключ» от пещеры Оророины. За это я, когда поплыву дальше, должен взять с собой не только бургомистра и его сына, но еще и старшего сына Таху-таху. Я обещал переговорить об этом с губернатором, и бургомистр буквально заплясал от радости. Счастливым голосом он предложил нам со шкипером тотчас зайти к нему в дом.

У круглого стола, за которым я так часто сиживал, мы увидели грубоватого с виду малого с широким плоским носом и курчавыми волосами. Он изобразил улыбку, но от этого лицо его не стало добродушнее. Перед ним стояли две рюмки и початая бутылка чилийской мятной водки. Судя по особому блеску в глазах гостя, он был ее главным потребителем. Впрочем, он пока не захмелел. Встав, незнакомец щедро протянул для приветствия широченную ладонь.

Бургомистр с жаром заверил нас, что это отличный человек — его собственный двоюродный брат. Ведь его мать — Таху-таху; правда, предки отца с архипелага Туамоту.

— Он нам помог,— говорил бургомистр.— Это он смягчил Таху-таху.

Затем дон Педро достал какой-то сверток и с видом заговорщика прошептал, что «ключ» — голова с тремя ямками, в которых лежала смертоносная мука из костей предков; человек с блестящими глазами кивком подтвердил его слова. Но они удалили всю костяную муку, и теперь голова безвредна.

Эту деталь я уже знал по пещере младшего Атана. Но когда бургомистр достал из свертка «ключ», я увидел не оскаленный каменный череп, а... добродушную свиную морду. Круглый пятачок, пухлые щеки, длинные отвислые уши — ни дать ни взять весельчак из «Трех поросят», тот самый, который беспечно плясал перед носом у волка и соорудил себе домик из соломы. От милой свинки из сказочки этого пещерного жителя отличали длинные

кривые клыки да три ямки на черепе — для муки из человеческих костей.

Бургомистр и его двоюродный брат перевели взгляд с «ключа» на меня. Как я ни старался сохранить серьезный вид, бургомистр, должно быть, заметил искорку в моих глазах, он вдруг улыбнулся и чмокнул каменную морду в пятачок. Мы со шкипером едва не покатились со смеху. Я поспешил, напустив на себя серьезность, поблагодарить за «ключ», шкипер взял картонную коробку с другими скульптурами, и мы направились к двери. Дон Педро попросил меня набраться терпения еще на два-три дня, а свиную морду пока хранить под кроватью. Он же должен несколько ночей подряд жарить кур в земляной печи, чтобы все было ладно, когда мы пойдем в пещеру.

Дни превратились в недели, а бургомистр никак не мог завершить свои кулинарные приготовления. И свиной голове вовсе не было покоя под моей кроватью: Аннет то и дело забиралась туда поиграть с папиной «хрюшкой». Скульптуры из других пещер мы давно отправили на судно. Держать их в палатках нам было не с руки, потому что из дыр в камне частенько выползали скорпионы...

— Да, сегодня ночью мне сопутствовало счастье,— повторил я, вставая с постели.— И «ключ» лежит на месте под кроватью. Но теперь придется его перевезти на борт, мы уезжаем.

Тут, очевидно, бургомистр решил, что в жертву принесено достаточно кур, и назначил наконец ночь для посещения пещеры. С нами могут пойти Билл и фотограф, больше он никого не разрешил брать.

Весь день перед нашим походом в лагерь наведывались гости. Сначала приехали верхом резчики с традиционными деревянными скульптурами для продажи, и развернулся оживленный обмен. К моей палатке подошел какой-то придурковатый парень. Он принес в узле шесть сильно потертых каменных фигур. Одна из них обросла мхом.

— Кто их сделал? — спросил я.

— Я,— апатично ответил парень.

— Ты?! Да ведь они старые, мхом поросли.

Парень промолчал; казалось, он сейчас расплачется. Потом он взял себя в руки и сказал, что проведал, где вход в пещеру деда, но отец ничего не должен об этом знать, не то он его поколотит.

Я надавал парню подарков для него самого и для его отца, и он отправился домой предельно счастливый. Видимо, ему попал-

ся чей-то беспризорный тайник. Это был наш первый и последний разговор с ним.

Резчики оставались в лагере, пока не начало смеркаться, потом кавалькада двинулась обратно в деревню. Не успели они скрыться, как с горы спустился всадник. Привязав коня, он вошел в мою палатку. Это был Хуан Колдун. У него был страшно озабоченный вид, он обнял меня, назвал братом. И очень серьезно предупредил, чтобы я больше ни у кого не брал камней, они принесут мне несчастье. Что мной получено, то получено, все в порядке, но теперь хватит, я не должен принимать больше ни одной скульптуры. Его *аку-аку* все известно, что делается в деревне. Если я еще возьму у кого-нибудь хоть одну фигуру, он об этом узнает. Ради нашего братства я обязан выполнить его просьбу, не то не видать мне его второй пещеры, с *ипу маенго*. А чтобы я не забыл его слов, Хуан отдал мне чудесную скульптуру из второй пещеры — камышовую лодку с двумя парусами и головой на носу. Он говорил так искренне и так озабоченно, что я понял: он проведал что-то такое, о чем не мог мне сказать.

Изложив свою странную просьбу, Хуан Колдун снова сел на коня и исчез в ночи.

А вскоре на колее, которую джип проложил из деревни в наш лагерь, показались два всадника. Приехала молодая пара, едва ли не самые тихие и скромные среди знакомых нам пасхальцев. Моисей Секундо Туки — один из моих лучших рабочих и его жена Роза Паоа, такая же простодушная и бесхитростная, как муж.

Мы с ними никогда не говорили о пещерах, поэтому я немало удивился, когда они осторожно сняли с одного коня тяжелый мешок и сказали, что хотят показать его содержимое мне наедине. И вот на моей кровати лежат в ряд семнадцать диковинных каменных скульптур, в том числе несколько чрезвычайно своеобразных. Больше всего меня заинтересовала женщина, несущая на спине большую рыбу на веревке,— мотив, типичный для керамических изделий из древних могил в пустынях Перу.

Роза прямо и откровенно ответила на все мои вопросы. Скульптуры дал ей отец,— его зовут Симон, он «короткоухий» из рода Нгарути,— чтобы она что-нибудь выменяла у меня. Ему они достались от прадеда, его имени она не знает. Зато она знает, что скульптуры хранились в тайнике, в обрыве возле Оронго, а называется эта пещера *Мата те Паина,* «Глаз Соломенного Идола». Там же хранит свои скульптуры другой род, но после смерти Марты Хаоа их никто не мыл.

Как ни хотелось мне приобрести эти замечательные скульптуры, я решил, что осторожность не помешает. Уж очень настойчиво предупреждал меня Хуан Колдун. Кто знает — может быть, он притаился и следит за мной? Ведь что-то заставило его поспешить ко мне ночью. Однако и камни упускать было жалко, поэтому я сказал супругам, что мой *аку-аку* не советует мне брать камни сегодня, но не исключено, что потом он передумает. Пусть спрячут мешок получше и придут с ним ко мне в день отплытия экспедиции.

Такой ответ их явно огорчил и озадачил. Они молча смотрели на меня, будто два оживших вопросительных знака. Тогда я в знак дружбы вручил им подарки, они поблагодарили, уложили свое имущество в мешок и тихо вышли к ожидающим коням.

Я почесал в затылке, пытаясь сообразить, что же все-таки происходит? Потом погасил фонарь — надо было хоть немного поспать, прежде чем отправляться на встречу с бургомистром.

Только я задремал, как пришел фотограф и доложил, что джип готов. С Биллом было условлено, что мы подберем его в деревне, но из лагеря с нами еще поехал штурман, тоже по секретным делам. Один старик-пасхалец рассказал мне, что знает пещеру, где лежит человеческая голова с рыжими волосами. Сам он не смел к ней прикоснуться, но был готов показать тайник человеку, который не побоится проделать ночью небольшой заплыв. Такой человек нашелся — штурман Санне.

А ведь бургомистр тоже как-то раз говорил про такую голову. Может быть, в некоторых тайниках хранятся высушенные головы?.. Ухабы вытряхивали из нас сон; будто облака пыли обтекали машину стада белых овец. Скоро мы получим ответ на наши вопросы...

Было далеко за полночь, когда к дому Таху-таху крадучись подошел маленький отряд из шести человек: бургомистр, его двоюродный брат и рыжеволосый сын, а также Билл, фотограф и я. На каменной осыпи пониже домика я уловил знакомый запах изжаренной в земляной печи курицы. И вот уже мы сидим в кружок на корточках и уписываем угощение; мне достался первый кусок — гузка. Я уже хорошо освоился с ритуалом *уму такапу*, и надо сказать, что он еще никогда не проходил так непринужденно, как в эту ночь. Пасхальцы ни капли не нервничали, а бургомистр чуть ли не с театральным апломбом уписывал курицу и швырял *аку-аку* кости так небрежно, будто вокруг нас стояли изголодавшиеся псы. После еды дон Педро отошел в сторонку и покурил, потом вернулся и учтиво предложил идти в пещеру.

Но на сей раз до входа было не несколько шагов. Просто удивительно, сколько нам пришлось идти от места ритуала до тайника. Мы карабкались через стены, ковыляли через усеянное камнями поле, шли по извилистым тропкам. Так продолжалось минут десять, не меньше, и мы изрядно удалились от земляной печи, когда бургомистр наконец остановился. Перед нами была осыпь; внимательно приглядевшись, мы без особого труда приметили в середине перевернутые кем-то камни.

Бургомистр предложил мне достать из сумки «ключ» и попробовать с его помощью отыскать вход. Когда я его найду, надо трижды прокричать, что я «длинноухий» из Норвегии и пусть ворота откроются.

Держа в руках свиное рыло, будто миноискатель, я подошел прямо к осыпи, направил его на подозрительные камни и произнес магические слова, подсказанные бургомистром. Затем отвалил в сторону груду камней и полез ногами вперед в шахту, уходящую в недра острова Пасхи.

Одолев шахту, я стал осторожно выпрямляться в кромешном мраке. Вдруг меня что-то больно ударило по голове. Я не свод боднул, а что-то другое — и это «что-то» подалось от удара... Здесь кто-то есть кроме меня! В ту же секунду я нырком ушел в сторону и включил фонарик. Так и есть — в луче света мелькнул движущийся предмет! Но что за напасть: перед моими глазами была огромная хищная птица с изогнутым клювом и распростертыми крыльями, а на спине у ней лежала мертвая голова. Каменная птица была подвешена к своду на веревочке и продолжала медленно раскачиваться после столкновения с моей головой. Но что-то она подозрительно светлая и новая, никак не похоже, чтобы она висела здесь со времен Ороронны... Да и веревочка тоже новая.

Я посветил по сторонам. Пещера была совсем небольшая. На земляном полу расстелены три камышовые циновки, на них параллельными рядами лежат круглые плоские камни, а на камнях высечены увеличенные знаки письменности *ронго-ронго*. Еще на каждой циновке лежало по «сторожу» — маленькие головы с острой бородкой. Нетрудно было сообразить, что не отсюда были взяты те скульптуры, которые мне раньше приносил бургомистр. Только два предмета выделялись: кораблик с парусом и большая каменная чаша. Искусно изготовленные, они тем не менее, как и птица под сводом, выглядели совсем новыми.

Я заглянул в чашу. В ней лежало одиннадцать маленьких прядей человеческих волос, большинство — рыжие, но были и дру-

гие оттенки, вплоть до черных. Каждая прядь аккуратно перевязана лубяной нитью. Но волосы были не сухие и тусклые, как на старых мумиях; свежий блеск говорил, что они недавно отрезаны у живых людей.

Так окончательно утвердилось подозрение, зародившееся у меня при виде птицы под сводом. Скульптуры в этой пещере не старинные. Они сделаны теперь. Весь тайник — мистификация. Нас провели! Так вот о чем меня предупреждал Хуан Колдун... Скорей выбираться отсюда!

Но из шахты уже торчали ноги Билла, останавливать его поздно, и фотограф спускался следом. Устраивать шум сейчас не стоит.

Если пасхальцы поймут, что их затея разоблачена, они могут, боясь неприятностей, завалить шахту камнями. И мы будем прочно закупорены...

— Нас обманули,— шепнул я Биллу, как только показалась его голова.— Надо поскорее вылезать отсюда. Это никакая не родовая пещера. И скульптуры вовсе не старинные.

Мои слова ошеломили Билла, он озадаченно посмотрел на меня, потом подполз к камням с письменами, чтобы как следует их разглядеть.

— Да, на старину не похоже,— прошептал он.

— Посмотри на птицу, кораблик и чашу с волосами,— продолжал я.

Билл посветил кругом фонариком и согласился с моей оценкой. Обернувшись, я увидел поблескивающие глаза двоюродного брата дона Педро. Он пристально глядел на меня, но нашей английской речи не понимал. Вот и лицо бургомистра вынырнуло из тьмы; капли пота выдавали его волнение. И сын уже стоит с ним рядом, озираясь широко раскрытыми глазами. Значит, проход свободен.

— Здесь дурной воздух,— сказал я бургомистру и потер себе пальцами лоб.

Он поспешил согласиться и смахнул рукой пот с лица.

— Поднимемся наверх и побеседуем,— предложил я, подаваясь к шахте.

— Ладно,— сказал бургомистр и двинулся следом за мной.

Выйдя на волю и глядя, как остальные один за другим вылезают из хода, я облегченно вздохнул.

— А теперь пошли,— сурово молвил я, подбирая проклятую свиную голову, которая с кривой усмешкой глядела на меня с камней.

— Пошли.— Бургомистр живо вскочил на ноги, как бы подтверждая, что здесь не стоит задерживаться.

И наш отряд, не говоря ни слова, побрел тем же путем назад. Первым шел я — сонный, усталый и злой; за мной — бургомистр; дальше — Билл и все остальные. Двоюродный брат дона Педро, улучив минуту, куда-то улизнул, и тут же его примеру последовал сын бургомистра.

На краю деревни мы с фотографом пожелали Биллу спокойной ночи: было два часа, и он спешил домой, к приютившему его пасхальцу. Прощаясь, Билл шепнул мне, что, если я сейчас все-таки уговорю бургомистра сводить меня в настоящую пещеру, он уже не успеет подстроить никаких штук.

У калитки бургомистра я попросил фотографа обождать в джипе, а сам, сопровождаемый по пятам хозяином, прошел через садик в дом. Войдя в комнату, я молча сел у стола. Бургомистр тотчас сел со мной рядом и с невинным видом уставился на стену. Я барабанил пальцами по столу. Он сел поудобнее. Я поймал его взгляд. Несколько секунд он смотрел на меня большими невинными глазами, потом снова принялся изучать стены. Так можно до утра просидеть... Дон Педро явно не хотел первым делать ход, все надеялся, что игра еще не проиграна. Ведь я ему пока ничего не сказал.

— Плохая примета, Педро Атап,— заговорил я и заметил, что мой голос звенит от волнения.— Плохая примета для тебя, для меня, для твоей поездки.

Грудь бургомистра начала тяжело вздыматься, и вдруг его прорвало, он разрыдался. Долго рыдал, положив голову на руки, потом выскочил в соседнюю комнату и бросился там на кровать. Слышно было, как он продолжает рыдать. Затем стало тихо, и в следующую секунду бургомистр опять подбежал ко мне.

— Это все мой двоюродный брат, мой злой, нехороший двоюродный брат виноват. Я, так же как и ты, думал, что мы идем в пещеру со старинными скульптурами.

— Но ведь дорогу показывал ты. И пещера твоя,— возразил я.

Дон Педро призадумался, потом опять разразился плачем.

— Это он все придумал! Зачем только я его послушал!

Он снова выскочил в соседнюю комнату, долго лежал на кровати, затем примчался опять:

— Сеньор, проси у меня все что хочешь. Все! Только не спрашивай про вход в пещеру. Только не вход в пещеру. Я могу принести тебе все скульптуры!

— Можешь не показывать пещеру, но тогда тебе никто не поверит. Ты очень искусно сам делаешь скульптуры.

Я сердито указал кивком на проклятую свиную голову, которая лежала в сумке на столе. Здорово сделана; несмотря на усталость и разочарование, я невольно улыбнулся про себя при мысли о том, как этот хитрец меня одурачил, заставил ковылять по осыпи с фальшивкой в руках.

— Если ты не отведешь нас в свою пещеру сегодня, то к следующему разу опять понаделаешь кучу новых скульптур.

— Все что угодно, только не вход в пещеру,— спокойно и решительно повторил бургомистр.

Я встал, чтобы уйти.

— Сегодня я могу показать тебе другую тайную пещеру! — воскликнул бургомистр с неподдельным отчаянием.

— Пещеру Оророины?

— Нет, но в этой тоже много старинных предметов.

Я взял сумку со свиной головой — единственное воспоминание о ночном приключении — и с безразличным видом шагнул к двери.

— Если до утра передумаешь, пойди к дому Рапу и вызови Билла. А я поехал в Анакену.

И я, усталый и подавленный, побрел к джипу, где меня терпеливо ожидал фотограф, а расстроенный бургомистр стоял в дверях и проклинал своего двоюродного брата.

Едва мы уехали, как злополучный дон Педро отправился к домику Рапу, разбудил Билла и вызвался тотчас проводить его в настоящую пещеру. Но Билл хотел спать и был крепко зол на бургомистра, и когда он к тому же услышал, что мы с фотографом вернулись в Анакену, то наотрез отказался куда-либо идти.

И побрел бургомистр уже перед самым рассветом не солоно хлебавши домой.

Приблизительно в это же время штурман Санне вышел из воды на берег неподалеку от лепрозория. Старик не велел ему пользоваться лодкой, и пришлось штурману при звездах вплавь добираться до голого лавового островка, где он, руководствуясь указаниями пасхальца, обнаружил два склепа. В одном из них и впрямь лежала мертвая голова с очень тонкими совершенно рыжими волосами. Одна прядь сбоку отстала, он спрятал ее в мешочек и захватил с собой.

Эти волосы были тусклые, сухие и ломкие. Такими были бы пряди в каменной чаше бургомистра, если бы он после больницы

сам не обошел с ножницами своих рыжих и черноволосых родичей...

Проклятая *коконго*! Она потрясла дона Педро настолько, что он вновь уверовал в покойницу-бабушку и *аку-аку*, а я в его глазах стал всего лишь простым смертным, который пытался его надуть. В отместку он сам решил меня провести, чтобы я больше не докучал ему с пещерами. Причем на всякий случай — еще прогневаешь чьих-нибудь *аку-аку*! — устроил свою подложную *уму* подальше от всех тайников, рядом с домом Таху-таху, где мог рассчитывать на одобрение и защиту.

На другой день под вечер в лагерь прибыл верхом с выражением чрезвычайной серьезности на лице рыжеволосый сын дона Педро. Хуан был очень красив и великолепно сложен; как и все представители «длинноухого» рода Атанов, нисколько не похож на полинезийца. Его вполне можно было принять за ирландца, непосвященный человек ни за что не назвал бы Хуана уроженцем тихоокеанского острова.

Он мрачно сообщил мне, что отец, похоже, собрался помирать. Не хочет видеть свою жену, отказывается есть и пить, лежит в кровати, рыдает, стонет и говорит о «плохой примете». Вчера Хуан понял по моему лицу, что с пещерой что-то было неладно. Он-то еще никогда не бывал в таких пещерах и принял все за чистую монету.

С каменным лицом он выслушал мое объяснение, и только обильные слезы выдавали его чувства. Он рассказал мне, как отец пошел к сеньору Биллу, хотел ему показать другую пещеру, но сеньор Билл отказался идти без согласия сеньора Кон-Тики. И вот теперь отец лежит в кровати и думает о смерти. Но если я напишу сеньору Биллу записку, Хуан попробует узнать у отца, где вторая пещера, и сходит туда вместе с сеньором Биллом, чтобы вернуть на остров «счастье».

Я написал записку Биллу, и парень галопом помчался в деревню.

После того как Билл получил записку, за ним, едва он вышел из хижины Рапу, весь остаток дня следили двое. Пасхальцы и за Лазарем установили слежку, из-за этого мне не удалось попасть в его вторую пещеру, в Винапу. Но Билл сумел около полуночи уйти от преследователей и встретился в условленном месте с Хуаном. У того была с собой начерченная отцом на обрывке бумаги примитивная карта.

Из карты было видно, что сперва надо добраться до Аху Тепеу, что находится к северу от лепрозория, в каменистом поле

у побережья. Хуан привел двух коней и раздобыл длинный канат, они отправились в путь и, подъехав далеко за полночь к древней *аху*, снова обратились к карте. Дальше надлежало, оставив коней, одолеть высокую ограду. Следующий ориентир — большие лавовые утесы по правую руку. Ниже их, на краю берегового обрыва, следовало отыскать круглый камень и привязать к нему канат. Длина каната примерно отвечала расстоянию до входа в пещеру.

Они нашли ограду, нашли утесы и камень на краю обрыва, привязали веревку, и Хуан полез вниз. Кур не ели, *уму такапу* не устраивали, вообще никакого ритуала не было. После долгой разведки Хуан вернулся усталый наверх: здесь пещеры не оказалось. Нашли другой камень, привязали за него канат, и опять результат был отрицательным. Они переходили от камня к камню, и Хуан вконец измотался; в последний раз Биллу пришлось буквально втаскивать его на плато. Зато он все-таки нашел пещеру.

Теперь Билл полез в темноте вниз. Первый участок несложный — крутой склон и карниз, можно упираться ногами. Но с карниза канат свисал свободно. Продолжая спуск, Билл слышал далеко внизу рев прибоя, но ничего не видел во мраке. Вдруг он прямо перед носом различил на скале горизонтальную трещину. Похоже было, что в ней что-то лежит, но слишком глубоко, рукой не достать, а сунуть туда голову он не решался — еще застрянешь! В конце концов, светя фонариком, они с Хуаном разглядели, что тесная пещера набита скульптурами, покрытыми толстым слоем пыли. Хуан ухитрился ногой вытащить из трещины горбоносую бородатую голову, сходную по стилю с церковной скульптурой средневековья.

Оба так намаялись, что еле-еле одолели двадцатиметровый подъем по канату со своей первой добычей. Второй раз они уже не решились спуститься.

Утром я получил письмо от Билла: он считал, что эта пещера не пустой номер. По его разумению, скульптуры в ней настоящие.

Мы изучили добытую ими каменную голову. Это было удивительное изделие, совсем не похожее на новые фигуры, которые нам показали накануне. На сей раз речь шла о старинной скульптуре.

Я мобилизовал двух самых ловких скалолазов из нашей команды — кока и второго механика, и среди бела дня мы отправились, ведомые Хуаном и Биллом, к пещере за Аху Тепеу. Был проливной дождь — «хорошая примета» в разгар засушливого периода, и Хуан, хоть и трясся от холода, широко улыбался.

Возле ограды мы соскочили с мокрых коней и продолжали путь пешком. А когда пришли на место, дождь уже перестал. Мы разделись, чтобы выжать одежду, и я согрелся пробежкой вдоль края обрыва. Вдруг ветер донес знакомый запах. Мне его не заглушили бы тысячи флаконов с духами или цветов: пахло курицей и бататом, испеченными в *уму такапу*. Я сказал об этом Биллу, однако он, заядлый курильщик, ничего не почувствовал. Но, хотя мы не заметили ни дыма, ни людей, я не сомневался, что здесь кто-то побывал с особой целью — ведь не придут же сюда из деревни просто так, приготовить себе обед на утесе.

Хуан укрепил веревку и бросил другой конец вниз. Мне стало жутко, когда я увидел, где лазил ночью Билл; да он и сам слегка изменился в лице, рассмотрев обрыв при дневном свете. До самого моря — стена высотой около ста метров. От края обрыва до пещеры было метров двадцать с лишним.

Билл не горел желанием повторить свой подвиг, а я и подавно был рад, что с нами пришли два испытанных скалолаза. Я был сыт по горло такими приключениями и охотно уступил честь другим — ведь мне никому не надо было доказывать могущество своего *аку-аку*. Кок и механик спустились по канату, вооруженные мешком и приспособлением вроде сачка, чтобы вылавливать скульптуры из трещины. И вот уже мешок путешествует вверх — полный и вниз — пустой.

Из мешка появлялись диковиннейшие изображения людей, животных и демонов. Вдруг у Билла вырвался громкий возглас. Он держал в руке большой кувшин из камня — высокий, изящный сосуд с ручкой на боку. А сдунув пыль, мы увидели почти стершееся изображение лица и двух летящих птиц в типичном пасхальском стиле.

— Именно такую штуку я и ожидал найти,— воскликнул Билл.— Не настоящую керамику, а каменное изделие, сделанное по образцу керамического.

Билл — человек уравновешенный и не любитель превосходных степеней. Но тут даже он загорелся. Когда усобицы привели к разрушению Аху Тепеу и свержению огромных статуй, венчавших это могучее сооружение, могла возникнуть надобность спасать мелкие скульптуры, и разве не естественно было бы спрятать их в этой пещере?

Снова разгружаем мешок: еще один каменный кувшин, только намного меньше, лингам с тремя человеческими головами, воин в длинном плаще из перьев верхом на черепахе. Но всего примечательнее был кит с оскаленной зубастой пастью: на хвосте — ма-

ленький череп, а на спине — модель пасхальской лодковидной хижины из камыша с прямоугольной дверью, сзади — пятиугольный очаг. Живот кита опирался на шесть шаров величиной с апельсин, а вдоль боков тянулись параллельные линии — намек на мифическое камышовое судно? От хижины спускалась вниз лесенка (или тропка?), обрываясь там, где у корабля проходила бы ватерлиния.

Хуан ничего не мог нам сказать про все эти диковины, он знал лишь, что отцу эту пещеру показала старая тетка.

Наконец кок и второй механик поднялись с последней партией скульптур и рассказали, что за трещиной была еще маленькая каморка, которую они опорожнили. Там впереди стояли фигуры помельче, сзади — покрупнее. Все было покрыто толстым слоем пыли, а местами и паутиной. Циновок и скелетов в этой пещере, где хранилось двадцать шесть скульптур, не было.

На обратном пути рыжеволосый сын бургомистра подъехал ко мне — его взгляд вопрошал, доволен ли я.

— Это совсем другое дело,— сказал я.— И я не останусь в долгу. Но передай отцу, что это не пещера Ороронны.

Мы сложили скульптуры в доме Рапу, где квартировал Билл. Проезжая мимо церкви, я решил заглянуть к патеру Себастиану. Услышав, что бургомистр наконец показал нам настоящую пещеру, он всплеснул руками и в радостном возбуждении заходил взад и вперед по комнате.

Происшествие с мнимой пещерой глубоко огорчило патера. Он сам долго лежал из-за *коконго,* которой заразился еще до того, как ушел «Пинто». Но и больной он пристально следил за всем, что происходило на острове. Когда бы я к нему ни приходил, в ночь-полночь, он садился на постели и жадно слушал мой рассказ. И каждый раз патер в свою очередь делился со мной интересными сведениями. Вот и теперь он вспомнил, что старики говорили ему именно о прибрежных скалах к северу от Аху Тепеу — мол, там есть пещеры с «начинкой».

В деревне тотчас проведали о случившемся, и началось... Стоило бедняге бургомистру выйти за дверь своего дома, как со всех сторон неслись крики: «*Реорео,* лжец!» И каждый старался извлечь выгоду из сложившейся ситуации.

Многие из тех, кто особенно яро честил бургомистра, сами немедля принялись тайком изготовлять каменные скульптуры. Кто же захочет теперь, когда старинные мотивы перестали быть секретом, корпеть над тысячу раз повторенными деревянными образинами! И из рук местных мастеров выходили уже не малень-

кие копии каменных великанов и не простенькие кругляши с носом и глазами. Сразу несколько человек заработали в совершенно зрелом и абсолютно своеобразном стиле. Родилась, можно сказать, новая отрасль, основанная на старинном искусстве, которое до сих пор было табу для непосвященных.

Раньше никто не шел на то, чтобы откровенно продавать скульптуры из пещер. Все основывалось на обоюдных подарках. Теперь же новые изделия стали, как и деревянные фигурки, предметом купли-продажи. При этом кое-кто мазал каменные скульптуры землей или хлестал их прелыми банановыми листьями, чтобы придать им вид старинных. Стемнеет, и несут в лагерь свою продукцию — авось номер пройдет. Ведь что-то не похоже, чтобы у сеньора Кон-Тики был всеведущий *аку-аку*, иначе разве он позволил бы заманить себя в поддельную пещеру?..

На острове Пасхи нужно быть готовым ко всему. Если одни ловкачи приносили мне новые скульптуры и выдавали их за старые, то другие поступали наоборот. В последние дни нашей работы на острове кое-кто предлагал нам старинные изделия, уверяя, будто сам их сделал. И владельцы всячески изворачивались, когда мы находили пятнышки мха, или следы давних повреждений, или стершиеся детали, которых они сами не заметили. О мотивах и стиле говорили, будто заимствовали их из книжек, хотя еще ни один ученый и ни один писатель не видел таких скульптур! Я нарочно спрашивал, уж не о книге ли Лавашери идет речь, и слышал в ответ простодушное: ну, конечно же.

Сперва мне все это было непонятно, но скоро я разобрался. Рушилось почтение перед табу. События привели к тому, что многие перестали бояться *аку-аку*. Не только сеньор Кон-Тики оплошал со своим *аку-аку* — в пещерах их тоже нет! Тут и там встречное пламя погасило суеверие. Правда, в полной мере сохранялось опасение, как бы соседи не осудили, если проведают, что ты нарушил запрет предков и вынес скульптуры из родовой пещеры.

Один бургомистр молча страдал дома, и, когда мы уже начали свертывать лагерь, ко мне снова пришел его сын. Отцу надоело клеймо лжеца. Ведь он ни разу мне не солгал до того дня, когда повел нас в эту злополучную пещеру. Теперь он докажет мне и археологам, что говорил правду о пещере Ороронны. И патер Себастиан, и губернатор тоже пусть убедятся, что он не лжец. Он всех нас сводит в пещеру. Дон Педро Атан не какой-нибудь подонок, чтобы впустую болтать языком и врать.

И вот назначена ночь, когда мы отправимся в пещеру Ороронны. Поздно вечером мы с Биллом, Эдом, Карлом и Арне при-

ехали в деревню за губернатором и патером Себастианом. И узнали, что бургомистр в последнюю минуту передумал — принес сорок скульптур из пещеры и устроил выставку у себя дома. А патера Себастиана предупредил, что не сможет нас проводить в пещеру Ороройны, так как там слишком уж много скульптур. Уступить мне их все невозможно, а после первого же визита тайна раскроется и ему негде будет хранить свою огромную коллекцию.

Патер Себастиан и губернатор доехали с нами до бургомистра. Он громогласно приветствовал нас в дверях и с радушной улыбкой провел в комнату. Круглый стол был отодвинут, и весь пол заставлен скульптурами. Но среди них почти не было старинных, большинство изготовлено совсем недавно! Я тотчас узнал несколько фигур, которые мне уже предлагал другой пасхалец. А две-три скульптуры повторяли те, что мы извлекли из маленькой пещеры дона Педро в обрыве.

Какая муха его укусила? Второй раз заведомо обреченная на провал попытка надуть нас!

— Ну, зачем ты все это затеял? — спросил я.— Почему не сдержать слово и не отвести нас в пещеру Ороройны, если это правда, что она досталась тебе?

— Конечно, правда, сеньор! Но когда я ночью пришел в пещеру Ороройны, то увидел, что скульптур так много — я не могу тебе столько отдать.

— А раньше ты этого не знал! Ведь ты же говорил мне, что регулярно моешь все свои камни?

— Да, но сегодня я обнаружил в глубине пещеры другие, о которых раньше не знал. Их совсем не было видно из-за пыли.

— Как же ты говорил мне, будто у тебя есть тетрадь, где записаны все твои скульптуры?

— Не скульптуры, сеньор. Все пещеры.

— То есть в тетради записаны только твои пещеры?

— Ну, да, сеньор, это совсем маленькая тетрадочка,— приветливо пояснил бургомистр и показал двумя пальцами ее размеры, что-то вроде почтовой марки.

Мне оставалось только махнуть рукой.

Не без грусти спускался я вместе со своими товарищами с крыльца его домика. Расстроенный бургомистр стоял один на пороге комнаты с рядами скульптур на полу. Так прошла моя последняя встреча с доном Педро Атаном, самой замечательной личностью среди пасхальцев, последним знаменосцем «длинноухих». Человеком, в голове у которого столько секретов, что он

и сам вряд ли сумел бы провести грань между правдой и вымыслом. Если на Пасхе в прошлом насчитывалось несколько тысяч таких же оригиналов, не приходится удивляться тому, что немыслимо огромные каменные истуканы выходили из недр горы и становились на место по щучьему велению. И нет ничего странного в том, что были созданы *аку-аку* и тайные кладовые — этакие несгораемые сейфы для плодов народной фантазии, маленьких скульптур, представляющих собой соблазн для вороватых людишек.

Когда, подчиняясь команде, заскрежетала якорная цепь и в чреве судна по велению машинного телеграфа загудели-застучали маховики и поршни, на борту и на берегу не было веселых лиц. Мы успели сродниться с маленькой островной общиной, и зеленые палатки экспедиции будто искони стояли на участке короля в Анакене. А теперь палатки свернули, и каменный истукан опять остался один. Всеми покинутый, он стоял на платформе, глядя на безлюдную солнечную долину, и вид у него был такой одинокий, что казалось — он просит снова повалить его на песок носом вниз.

Но великан в Анакене был из камня, а в деревне Хангароа мы простились с живым исполином. На пристани, в толпе наших пасхальских друзей, стоял в белой сутане, с обнаженной головой патер Себастиан. Мы воспринимали его как равноправного члена экспедиции. Но старый священник крепко врос в землю острова Пасхи. И он не в пример анакенскому богатырю не чувствовал себя одиноким, его окружали пасхальцы, которые видели в нем собирательный центр и опору. Вот так и король Хоту Матуа вел за собой их предков, когда в незапамятные времена они ступили на берег уединенного островка.

Мы простились с каждым в отдельности, и последним, кому все члены экспедиции пожали руку, был патер Себастиан. Он прочно вошел в нашу жизнь. После Ивон и маленькой Аннет настала моя очередь. Рукопожатие было долгим, хотя прощальных слов было сказано немного. Легче найти слова на перроне вокзала, чем на берегу самого глухого острова в мире, да еще когда прощаешься с человеком, который стал тебе другом на всю жизнь.

Патер повернулся, толпа расступилась, и тяжелые черные башмаки затопали вверх по склону. Там, наверху, ждал красный джип. Теперь, сколько хватит покрышек, старый священник — неутомимый помощник и утешитель всех болящих и страждущих на острове — может поберечь подметки и ноги...

Губернатор и его семья уже ждали в катере, чтобы проводить нас. Только я хотел прыгнуть следом за ними, как старик Пакомио тихонько дернул меня за рукав и отвел в сторону.

Пакомио... Это он первым задумал показать мне тайную пещеру на птичьем островке; правда, мы ее не нашли. Потом он стал правой рукой Арне, бригадиром рабочих на раскопках в Рано Рараку. Когда Арне откопал маленькую статуэтку у ног одного из великанов, старик по секрету предложил показать пещеру с множеством таких фигурок. Но тут началась шумиха вокруг подземных тайников, он испугался и забил отбой... Это Пакомио бежал за мной, чтобы заверить меня, что в наше время ничего подобного нет, раньше были пещерные скульптуры, теперь же все тайные ходы забыты, и, если кто-нибудь принесет мне фигурки, это могут быть лишь копии утраченных образцов.

Старик смущенно вертел в руках самодельную соломенную шляпу; остальные молча стояли поодаль.

— Ты вернешься к нам на остров, сеньор? — робко спросил он, глядя на меня большими карими глазами.

— Это зависит от камней, которые я получил. Если, как ты мне говорил, это все ложь и обман, камни не принесут мне счастья. Тогда мне незачем сюда возвращаться.

Пакомио потупился, поправил гирлянду из белых перьев на шляпе, наконец снова посмотрел на меня и тихо произнес:

— Не все камни, которые ты получил, ложь и обман. Они принесут тебе счастье, сеньор.

Его глаза выражали тревогу и дружелюбие. Мы в последний раз пожали друг другу руку, и я спрыгнул в катер.

Провожающие кто верхом, кто пешком устремились вдоль побережья, чтобы еще и еще раз помахать нам напоследок. Казалось, земля гулким эхом отзывается на удары конских копыт, ведь остров Пасхи — «двухэтажный» мир... На самом деле был слышен только плеск волны у подножия крутых утесов,

Глава десятая МОРОНГО УТА, ГОРОД ПОДОБЛАЧНЫХ РАЗВАЛИН

Сказка говорит: в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, за высокими горами стоит на вершине золотой за́мок. Но кто верит сегодня в сказки? Мы поверили, когда перевалили через высокую гору и увидели перед собой Моронго Ута.

Кругом во все стороны света простирался океан. Безбрежный океан, который мы пересекли со своим суденышком с другого конца земного шара. Под нами были глубокие зеленые долины, зеркальная гладь залива и тот самый кораблик, что доставил нас сюда с острова Пасхи. А на соседней вершине, рукой подать,— волшебный замок. Заколдованный замок, спящее царство, стены и башни затканы зеленым лесным ковром с той самой поры, как король со всей свитой оставил его. И случилось это тогда, когда мир еще верил в сказки...

У меня захватило дух от волнения, когда мы ступили на последний гребень и начали приближаться к подножию сказочного замка. Могучий и величественный высился он перед нами на фантастическом фоне плывущих облаков, голубых пиков и шпилей... И хотя замок был вознесен высоко в воздух, к самому небосводу, было что-то от подземелья в этом древнем сооружении с густым зеленым руном девственных зарослей поверх облепленных дерном стен.

Красивая синяя птица с криком ринулась в пропасть. А когда мы подошли к замку, три белые дикие козы неожиданно вынырнули из кустарника на стене, соскочили в ров и пропали из виду.

Учитывая, что остров Пасхи — самый уединенный на свете, не так уж странно называть Рапаити одним из его ближайших соседей, хотя их разделяет такое же расстояние, как Испанию от Канады. В этих зеленых горах мы были как-то особенно далеки от мирской суеты. Уж верно, это самый забытый уголок Тихого океана.

Кто слышал про Рапаити? Маленький островок, почти разорванный на две части могучими клыками окружающего океана... Справа и слева от нас крутые, обрывистые склоны и два залива, которые попеременно в зависимости от ветра служили зеркалом волшебному замку. А обернешься, можно на других обросших зеленью вершинах насчитать двенадцать столь же диковинных замков. И столь же безжизненных. Только на берегу залива, где стоял наш кораблик, виден был дымок над деревушкой: горстка белых мазанок и бамбуковые хижины с камышовой кровлей. Здесь обитало все население Рапаити — двести семьдесят восемь полинезийцев.

Но кто же воздвиг волшебный замок перед нами — и остальные, на других вершинах? И для чего на самом деле предназначались эти сооружения? Этого никто не знал. Когда капитан Ванкувер в 1791 году случайно обнаружил этот уединенный островок, ему показалось, что на одной из вершин копошатся люди. На склоне он как будто разглядел блокгауз и частоколы в несколько рядов и заключил, что это искусственное укрепление. Правда, лезть на гору и проверять он не стал. А прибывший туда через несколько лет знаменитый миссионер Эллис заявил, что Ванкувер ошибся, принял за форт чисто природные образования. После Эллиса на Рапаити побывал известный путешественник Муренхут. Он восхищался своеобразной природой острова, чьи горы напоминают башни, зáмки и укрепленные индейские селения. Но и он не поднимался на вершины, чтобы рассмотреть поближе удивительное явление природы.

В начале тридцатых годов вышла книжка Кайо *, который лазил на горы и убедился, что между кустами проглядывает кладка стен. За ним лазили и другие; большинство решило, что тут были древние укрепления, но кое-кто толковал развалины как остатки земледельческих террас. Из этнологов на острове побывал только Стокс. Он изучал местных жителей, однако его рукопись пока оставалась неизданной и хранилась в музее Бишоп.

До нас ни один археолог не ступал на землю Рапаити. Никто не поднимался на вершины с топором и лопатой, не проверял, какие тайны могут поведать сами горы. Обозревая сверху гребни и долины, мы знали, что перед нами девственный край, приступай где угодно — здесь никто не занимался раскопками. И никто не знал, чтó мы можем найти.

Жители Рапаити хранили старинное предание о первоначаль-

---

* Эжен Кайо. Истуар де л'Иль Опаро у Рапа. Париж, 1932.

ном заселении острова. В этом предании, записанном лет сто назад, говорится, что он был открыт женщинами, которые приплыли с острова Пасхи. Многие женщины были беременны, от них-то и пошло население Рапаити.

От сказочного замка открывался вид на десятки километров вокруг. На юге небо над океаном было темное и угрюмое. Там, далеко-далеко, омывая дрейфующие льды Антарктиды, шли холодные океанские течения на восток. Пустынная, необитаемая область — и опасная: штормы, густые туманы. А на севере небо чистое, голубое, украшенное легкими как перышко пассатными облачками. Они скользили на запад, заодно с теплым течением Гумбольдта, которое омывает великое множество островов, и в том числе одинокий островок Рапаити. Путь от Пасхи сюда был определен самой природой. Мы тоже пришли этим путем на Рапаити.

День за днем, день за днем, обгоняя морские течения и летящие облака, шли мы через безбрежный океан на запад. День за днем, стоя на мостике, на баке, у поручней, всматривались в далекую синь. Удивительно много народу теснилось на корме, от которой кудрявый зеленый кильватер по голубому полю указывал курс на канувший за горизонт остров Пасхи. Похоже, их влекли обратно вахины, а может быть, нерешенные загадки и нехоженые тропы... Так или иначе, лишь единицы стояли на носу корабля, предвкушая встречу с легендарными пальмовыми островками впереди.

Между теми, кого манила корма, первым был Рапу, верный друг Билла, возглавлявший бригаду на раскопках в Винапу. Билл обучил пасхальца работе с геодезическим инструментом и получил мое разрешение взять его с собой. И Рапу, с улыбкой киногероя, отправился путешествовать по белу свету. Но сердце привязывало его к Пупу Вселенной, и когда тот скрылся за горизонтом, Рапу пал духом. Исчез его привычный мир, только море да небо вокруг... И куда подевалось его веселье.

Учтя технические способности Рапу, мы послали его в машину помогать механикам. Но грохочущее чрево корабля было ему не по душе. Он твердил механикам, что под палубой засели полчища «бесов», и мягкосердечный старший механик разрешил ему отбывать вахты на стуле в верхней части трапа. Но здесь морской бриз так ласково его овевал, что он мигом погружался в сон. И механики предложили привлечь его к вахтам на мостике.

Рапу живо освоился с компасом, и штурман ушел в свою рубку, поручив ему держать курс. Тотчас кильватерная струя нача-

ла причудливо извиваться. Кое-кто обрадовался, решив, что мы с капитаном образумились и отдали команду идти обратно на остров Пасхи. Но Рапу не был причастен к перемене курса. Он свернулся калачиком на банке и крепко спал, предоставив кораблю плыть по воле волн. Нужно ли править, когда кругом, куда ни посмотри, одинаково пусто?

Рапу не страдал особенным суеверием, он был, как говорят пасхальцы, «дитя своего времени», однако, ложась спать, на всякий случай накрывался одеялом с головой: так принято на Пасхе. Когда Арне спросил, зачем это делается, ответ гласил: чтобы не видеть всякую нечисть, которая слоняется по ночам. И раньше, чем его порицать, поставьте себя на место пасхальца, вышедшего в пустынные вселенские просторы на корабле, в трюмах которого лежат сотни пещерных скульптур, «ключей», черепов и костей. «Летучий голландец» был ничто перед нами, мы бороздили океан на корабле с грузом *аку-аку!*

Первым на нашем пути оказался Питкерн, остров мятежников с «Баунти» *. В небе пламенела заря, и казалось, то горит корабль, подожженный безрассудными беглецами.

Рапу проснулся и поспешил на нос. Он считал кокосовые пальмы: одна, две, три... да тут их больше чем на всем острове Пасхи! И дикие козы в горах... Бананы, апельсины, всевозможные южные фрукты, каких он и не видывал. Это же настоящий райский сад! Вот куда он переселится с женой, как только вернется на Пасху и построит себе лодку.

А вот и красные крыши проглядывают сквозь пышный зеленый покров на крутых скалах. В лучах утреннего солнца замелькали в лад шесть пар весел: из расщелины за мысом вышел длинный швербот. Это потомки мятежников встречали нас. К нам на борт поднялись дюжие босые молодцы, и я заметил себе несколько живописных типов, словно из какого-нибудь голливудского исторического фильма. Первым на палубу ступил седой великан Перкинс Крисчен — прапраправнук того самого Флетчера Крисчена, который возглавил знаменитый мятеж на «Баунти» и предоставил капитану Блаю добираться на лодке почти до Азии, а сам повел «Баунти» против ветра и посадил на мель возле пустынного островка в океане. Когда мятежники вместе с красавицами вахинами с Таити поселились на этом клочке земли, он был необитаем. Но они обнаружили заброшенные культовые платфор-

---

* См. книгу Бенгта Даннельссона «На «Баунти» в Южные моря». М., 1968 *(прим. перев.)*.

мы с человеческими черепами и несколько небольших статуй, смахивающих на великанов острова Пасхи. Кто же побывал здесь до них? Этого никто не знает. Археологи очень мало работали на Питкерне.

Перкинс Крисчен пригласил меня в свой дом, который он сам выстроил. Остальные разместились в других домиках. Маленькая британская община (здесь говорят по-английски примерно так, как говорили в 1790 году, когда предки нынешних питкернцев сошли на берег, но с полинезийским акцентом и с примесью отдельных таитянских слов) приняла нас исключительно радушно, мы провели несколько дней, будто в обетованной земле.

Пока археологи копали тут и там, моряки сходили в пещеру Крисчена и к могиле Адамса. А аквалангист побывал на дне залива и осмотрел останки «Баунти». С помощью питкернцев мы нашли в расщелине на дне Баунти Бэй груду ржавых железных чушек — балласт старинного парусника.

Местные жители частенько находят в земле каменные рубила. А у подножия высокого обрыва на северном берегу можно увидеть наскальные изображения. Вообще же Питкерн беден археологическим материалом. Очищая свой остров от чужих богов, потомки мятежников, добрые христиане, разломали стены культовых сооружений, разбили и выбросили в море истуканов. На одной круче Арне и Гонсало, руководствуясь советами островитян, отыскали пещеру, где, похоже, были высечены красные статуи. На дне пещеры до наших дней пролежали стертые рубила.

Питкерн редко навещается иноземцами. Узкую набережную у подножия скал непрестанно штурмует прибой. Но мимо острова совсем близко проходит пароходная линия Новая Зеландия — Панама, и питкернцы встречают на лодках рейсовые пароходы, продают туристам деревянных черепах и летучих рыб, а также модели гордого корабля предков. Спрос на эти поделки — важнейший источник дохода питкернцев — так велик, что на острове совсем не осталось *миру*, древесина которого служит сырьем для резчиков.

Чтобы не оставаться в долгу перед питкернцами, мы свозили все мужское и добрую часть женского населения острова на необитаемый островок Гендерсона. За один день наши шестьдесят пассажиров заготовили двадцать пять тонн древесины *миру*. Берег под пальмами напоминал арену пиратского сражения, когда живописно одетые питкернцы всех возрастов прыгали с узловатыми стволами в накат и волокли их к качающимся на волнах у рифа шлюпкам, которые шли с полным грузом к судну.

Тому, кто не привык видеть, как бушует прибой, то накрывая, то опять обнажая барьерный риф, могло показаться, что беды не миновать. Но люди крепко держались за риф и за лодку, когда обрушивались бурлящие гребни. А двенадцать дружных гребцов, подчиняясь громкой команде богатыря на руле, не давали опрокинуть лодку даже самым могучим океанским валам.

Когда мы на следующий день разгрузили судно под скалами Питкерна, Перкинс Крисчен, улыбаясь, заверил нас, что теперь им на четыре года хватит древесины строгать летучих рыб и модели «Баунти».

От Питкерна мы взяли курс на Мангареву и бросили якорь среди кораллов в чудесной лагуне между горами, населенной полчищами рыб и жемчужниц. В этом пальмовом раю мы увидели всего одну статую, да и ту на картине в церкви, где ее, расколотую надвое, попирал ногой торжествующий миссионер. Французский администратор острова был в отъезде, но его радушная супруга созвала мангаревцев на праздник по случаю приезда гостей, и мы увидели танец в честь легендарного короля Тупы. Его величество выступал перед своими воинами в причудливой маске из выдолбленного обрубка кокосовой пальмы. По местному преданию, он пришел на остров с восхода во главе флотилии бревенчатых плотов, погостил здесь несколько месяцев, после чего вернулся в свое могучее государство на востоке и уже больше не показывался на Мангареве.

Время и место действия этого предания удивительно совпадают с тем, что говорит легенда инков об их великом владыке Тупаке; он повелел построить огромную флотилию парусных плотов из бальсы и почти год плавал в Тихом океане, разыскивая два далеких обитаемых острова, о которых ему рассказали купцы-мореплаватели.

А следующая земля на нашем пути был Рапанти. Он возник среди туч на юго-западе, словно плывущий на волнах сказочный мир. Мы еще в бинокль приметили необычные очертания некоторых его вершин. Они напоминали не то поглощенные лесом пирамиды Мексики, не то заброшенные крепости инков в диких горах Перу. Будет что исследовать!

Затаив дыхание мы смотрели с мостика, как искусно шкипер ведет судно через извилистые трещины в барьерном рифе. За барьером, в сердце острова нас ждала удивительная лагуна — изобилующий рыбой тихий кратерный водоем, окаймленный крутыми утесами. Аннет благоговейно смотрела, как капитан передвигает ручку машинного телеграфа: «стоп», «малый вперед», «назад».

Корабль медленно полз между кораллами, вдруг Аннет приподнялась на цыпочки, решительно схватив ручку телеграфа, и перевела на «полный вперед». «Полный вперед» — отозвались из машинного отделения. Еще секунда, и мы врезались бы в риф, как ледокол в льдину, если бы капитан тотчас не дернул ручку обратно.

Мы облегченно вздохнули, бросив якорь в зеркальном заливе у живописной деревушки, от которой к нам немедленно вышли крохотные пироги.

...И вот мы на самом хребте; позади трудный подъем по крутым ущельям и гребням.

— Моронго Ута,— сказал наш проводник.

— Кто это построил?

Он пожал плечами:

— Может быть, король какой-нибудь, кто знает.

Раздвигая густые заросли, мы увидели тут и там куски тщательно выложенных стен. Я услышал возглас Эда. В одном месте выступ над крутым склоном осыпался, и обнажилась земля, перемешанная с ракушками и рыбьими костями. А еще из мусора торчала базальтовая ступка колоколом, такая изящная, так искусно вытесанная и отполированная, что я во всей Полинезии не видел лучшей работы.

В это время и Билл выбрался на гребень.

— Вот это да,— сказал он, глядя как завороженный на могучее сооружение.— Здесь надо копать!

Мы устроили совещание на судне. Запасы экспедиции подходили к концу. На содержание рабочих и на ночные вылазки на острове Пасхи ушли не только почти все товары, но и бо́льшая часть провианта, припасенного на много месяцев. Оставалось только поднять якорь и идти за продовольствием на Таити, а уж оттуда вернемся и пойдем на штурм горного замка.

Сквозь жестокий шторм мы пробивались на северо-запад, пока не увидели знакомые очертания Таити. Моего названого отца вождя Терииероо уже не было в живых. Дом его стоял пустой под пальмами. Но у меня еще было немало друзей на Таити, мы не скучали ни днем ни ночью, и вот уже время плыть к ожидающему нас на краю туманов острову в тридевятом царстве, в тридесятом государстве.

Вторично мы пробирались через коварный риф уже без Арне и Гонсало. Проходя мимо острова Раиваваэ, высадили их там — изучать развалины культовых сооружений с небольшими камен-

ными статуями. Зато с нами были новые пассажиры. Один из них мой старый друг Анри Жакье, председатель Общества океанических исследований и управляющий музея в Папеэте; я его пригласил участвовать в экспедиции. А власти Таити попросили меня отвезти домой одну рапаитянскую семью.

Жакье поднялся на борт с небольшим чемоданчиком, но для рапаитян пришлось пустить в ход грузовую стрелу. Они везли с собой ящики и сундуки, свертки, мешки, стулья, столы, комоды, шкафы, две двуспальные кровати, доски и балки, кровельное железо, домашних животных и огромные гроздья бананов. Когда весь этот багаж наконец был погружен, на палубе негде было повернуться. Немалого труда нам стоило сгрузить эти вещи, когда мы после недельного перехода бросили якорь у Рапаити. Так как мы все перевезли бесплатно, хозяин счел, что и благодарить не стоит. Он спокойно съехал с семьей на берег, предоставив нам заботиться о разгрузке. И наше знакомство на этом не кончилось...

А в деревне мы узнали одну чету совсем другого склада. Ее звали Леа — веселая, пылкая вахина, полутаитянка, полукорсиканка, которую прислали на остров учить грамоте больших и маленьких рапаитян. Его звали Мани — весь сплошная улыбка, уроженец Таити с примесью китайской крови, которая чуть скосила его глаза. На Таити он водил автобус, а переехав с женой на Рапаити, ровным счетом ничего не делал.

Так как Леа умела говорить и писать по-французски, она стала правой рукой старика вождя. Если возникало какое-нибудь недоразумение, учительница решительно наводила порядок. Все нити маленькой островной общины сходились к ней.

Едва я сошел на берег, как Леа — этакий гренадер с торчащими косичками — подошла и доложила о своей готовности помочь нам. Толстый Мани скромно стоял позади с улыбкой от уха до уха. Я спросил Леа, можно ли подобрать двадцать крепких мужчин для раскопок в горах.

— Когда им надо явиться к тебе? — спросила Леа.

— Завтра в семь утра,— ответил я, рассчитывая, что к концу недели наберется человек двенадцать желающих.

А когда я на следующее утро вышел на палубу размяться в лучах восходящего солнца, то увидел на берегу Леа и с ней двадцать рапаитян! Живо проглотив стакан сока и бутерброд, я сел на катер.

Условились, что рабочий день и оплата будут как на Таити, и, когда солнце добралось до середины неба, мы уже были в горах,

и двадцать дюжих рапаитян под водительством Мани рубили на крутом склоне ступеньки и полочки, чтобы можно было без опасности для жизни подниматься на Моронго Ута.

Мани шел первым, шутил, смеялся и заражал всю бригаду весельем. Островитяне пели, гикали и увлеченно работали. Им это было в новинку, ведь здесь не привыкли к систематическому труду, нужды семьи этого не требовали. Жены выращивали *таро* на полях, жены приносили *таро* домой и делали из него киселоватое тесто *попои,* повседневную пищу семьи. А надоест *попои,* можно без больших усилий наловить в субботу рыбы в лагуне. И, пополнив меню сырой рыбой, снова посвятить неделю сну и любви... Раз в год приходила с Таити шхуна купца-полинезийца. Тогда часть мужчин на день-два отправлялись в лес и собирали на земле опавшие плоды диких кофейных деревьев, чтобы выменять у купца кое-какие товары.

Во всей этой жизнерадостной бригаде только один человек — замыкающий всячески отлынивал сам и других уговаривал не слишком нажимать. Когда Мани его отчитал, он удивился — дескать, ты-то чего кипятишься, не ты за работу платишь. Это был тот самый бесплатный пассажир, которого мы подвезли с семьей и багажом с Таити...

На остром водораздельном гребне было седловидное углубление, где зацепился взобравшийся по противоположному склону лесок. Мы расчистили в зарослях площадку как раз впору для двухместной палатки, ее обитатели могли, сидя у входа, сплевывать апельсиновые косточки каждый в свою долину. Здесь обосновался Билл, которому было поручено руководить раскопками Моронго Ута.

На другой день, когда мы собрались выходить в горы, никто из нашей веселой бригады не явился в условленный час. Мани один стоял на берегу и мрачно сжимал привычные к улыбке губы а из большой бамбуковой хижины, хмурая, как грозовая туча, прибежала Леа.

— Мне бы пулемет! — яростно воскликнула она, направив вытянутую руку на хижину и согнув около глаза указательный палец другой руки.

— А что случилось? — испуганно спросил я, благодаря судьбу за то, что эта разгневанная женщина не вооружена.

— Они устроили там совещание,— объяснила Леа.— Малый, которого вы привезли с Таити, говорит, что это несправедливо — отбирать для работы двадцать человек. Теперь они сами будут решать, сколько человек посылать. Мол, пусть работают все, кто

захочет, и никакой диктатуры. А если ты на это не согласишься, тебя больше не пустят в горы. Они прогонят вас с острова. Пятьдесять мужчин желают работать.

Возмущенная Леа передала, что мы официально приглашены на совет в большой хижине после захода солнца. А пока придется нам возвращаться на корабль.

В шесть часов солнце зашло, и в глубокой чаше, на дне которой стоял наш корабль, тотчас стало темно. Шкипер высадил на берег меня и Жакье, и мы пошли в деревню, светя себе фонариком. Из мрака бесшумно вынырнули трое островитян и молча последовали за нами.

Деревня словно вымерла, только тут и там в крытых соломой овальных хижинах тлели покинутые очаги. Но по свету керосиновых ламп мы быстро нашли дом собраний и, пригнувшись в низкой двери, ступили на мягкие циновки из листьев пандануса. Вдоль трех стен сидели на корточках тридцать рапаитян, суровые, будто воины перед битвой. В центре величественно восседала могучая толстая женщина; на полу между ее широко расставленными босыми ступнями лежала карта.

Мы приветствовали собравшихся бодрым *иа-о-рана* и услышали в ответ какой-то нестройный гул. У четвертой стены вместе с священником-островитянином стояла, скрестив руки на груди, Леа. Лицо ее сохраняло грозное выражение, но при виде нас она улыбнулась; Мани здесь не было. Леа показала на четыре стула, предназначенные для нее, священника и нас двоих. И предоставила первое слово Жакье как представителю французских властей.

Жакье стоя произнес по-французски целую речь. Говорил он спокойно, не торопясь. Кое-кто, видимо, понимал французский язык; они удовлетворенно кивали. Остальные, хотя явно не понимали ни слова, тоже внимательно слушали, пристально глядя на нас.

Жакье сообщил, что руководит Обществом океанических исследований,— тут толстуха одобрительно кивнула и указала на карту. Дальше он сказал, что послан самим губернатором, чтобы помогать нам. Ради этого он оставил свою семью, музей и аптеку. Показывая на меня, он подчеркнул, что я отнюдь не турист. Что это я доплыл со своими друзьями до Рароиа на *пае-пае*. А теперь приехал сюда с учеными людьми, чтобы исследовать старинные сооружения. Приплыли люди из многих стран и хотят мирно трудиться вместе с рапаитянами. Из Норвегии, Америки, Чили, с острова Пасхи, из Франции. Наша цель — узнать, как жили пред-

ки рапаитян. Мы прибыли сюда с Рапануи — острова Пасхи. Так пусть же здесь, на Рапа*ити* — Малой Рапе, нас примут так же хорошо, как принимали на Рапа*нуи* — Большой Рапе.

Леа повторила речь Жакье по-таитянски, дополнив тем, что подсказало ей собственное сердце. Говорила она мягко, даже утонченно, но вместе с тем проникновенно и призывно. Притихшие слушатели ловили каждое слово, и казалось, они стремятся объективно оценить суть.

Я пристально изучал озаренные живой мыслью лица рапаитян, которые сидели на циновках вдоль стен низкой бамбуковой постройки. Мной овладело острое чувство причастности к тому, что происходило здесь в пору Великих открытий. Много поколений сменилось с того времени, а на Рапаити как будто прошло лишь несколько месяцев или лет. Во взглядах местных жителей читалась ничем не замутненная душа подлинных детей природы, и это впечатление было настолько сильным, что я уже не видел заношенных штанов и рубах. Наверно, набедренные повязки были бы более к месту, но мы-то замечали только внимающие умные глаза без какого-либо намека на дегенерацию, которая сопровождает внедрение чуждой культуры, зато с диковатой искрой, какую мне приходилось видеть у жителей самых глухих дебрей.

Когда Леа закончила перевод, поднялся старый вождь. Он говорил ровно, почти бесстрастно, но явно в нашу пользу. Его сменил другой старик, судя по всему, опытный трибун, который с большим пафосом произнес длинную речь на рапаитянском диалекте.

Под конец слово предоставили мне. Я начал с того, что у предков нынешнего населения, наверное, были причины вставать на защиту своих укреплений в горах, когда к острову подходили чужие суда. Но сейчас другие времена. Мы прибыли, чтобы вместе с рапаитянами подняться в горы и очистить старые укрепления от дерна и кустов, сделать их такими же красивыми, какими они были в старину. Я готов принять на работу всех желающих. Но с условием: за мной остается право отправить обратно всякого, кто не оправдает своим трудом дневную ставку.

Присутствующие вскочили на ноги и бросились к нам, чтобы обменяться рукопожатиями. И на другое утро Леа представила нам отряд из пятидесяти шести человек; рядом, улыбаясь, стоял Мани. Это было все мужское население острова, не считая двоих стариков, у которых уже не хватало сил карабкаться на гору.

Вместе с Мани я повел наше войско на приступ, и ночевавший

на гребне Билл чуть не свалился в пропасть при виде нескончаемой вереницы гикающих рапаитян, которые шли и шли из-за поворота, размахивая топорами и тесаками.

И закипела битва на стенах Моронго Ута. Гибискусы, пандануcы, огромные древовидные папоротники не могли устоять против такого натиска, и тяжелые стволы с грохотом катились вниз вместе с листьями и травой.

Под вечер армия без единого раненого спустилась на берег. Рабочие плясали и веселились, как дети, хотя весь день трудились без передышки, только наскоро пообедали, развернув принесенные с собой свертки из больших зеленых листьев, кислым сероватым тестом *попои,* которое отправляли в рот двумя пальцами. А Мани в перерыве отлучился и пришел обратно вдвое толще обычного — с полной пазухой диких апельсинов, которыми угощал всех желающих.

Проводив бригаду вниз, Билл остался в палатке вместе с помощником штурмана. Было условлено, что вечером мы свяжемся по радио, но задолго до срока с седловины полетели сквозь мрак световые сигналы. Помощник штурмана передал SOS: на лагерь напал миллион крыс.

— Этот Ларсен всегда преувеличивает,— сказал капитан.— Если сообщает «миллион», значит, от силы несколько тысяч...

Утром наше войско снова выстроилось на берегу, и мы понесли на гору кирки, лопаты, проволочные сита и прочее снаряжение. Наверху мы узнали, что обе крысы, посетившие лагерь на седловине, объелись *попои* и отступили вниз, в апельсиновую рощу.

Несколько дней все шло как нельзя лучше, но однажды утром никто из наших пятидесяти шести рабочих не явился к месту сбора. С палубы корабля мы видели в бинокль только Билла и Ларсена на горе да машущую нам рукой Леа на берегу. Опять осложнения... Я спустился на катер.

— Они бастуют,— встретила меня Леа.

— Почему? — Я слегка опешил.

— Этот малый, которого вы привезли с Таити, сказал им, что кто работает, непременно должен бастовать.

Озадаченный, я пошел в деревню. Несколько заводил стояли с вызывающим видом, сунув руки в карманы; остальные отсиживались в своих хижинах, осторожно выглядывая в дверь.

— Почему вы бастуете? — спросил я одного из мужчин.

— А я почем знаю,— ответил он, ища взглядом поддержки у своих товарищей.

Но он ее не получил. К кому бы я ни обратился, никто не мог ничего ответить, только всем видом изображали недовольство.

— Того, кто знает это, тут нет! — крикнула из одной хижины полная женщина.

Я попросил разыскать его, и сразу несколько человек сорвались с места. Они привели упирающегося малого с наглым лицом; он был в старой зеленой шинели без пуговиц, босиком, во рту — незажженная сигарета из наших запасов. Я сразу узнал старого приятеля — бесплатного пассажира.

— Почему вы бастуете? — повторил я свой вопрос, глядя на этого нахала.

Из хижин высыпали рапаитяне обоего пола и с мрачным видом обступили нас.

— Мы хотим получать больше денег на еду,— ответил он, держа руки в карманах и не вынимая сигареты изо рта.

— Но ведь вы получаете столько, сколько просили, как на Таити!

— Мы требуем прибавки — возмещение за стол и квартиру!

Я посмотрел на бамбуковые хижины и висящие между ними зеленые свертки с *попои*. Мне было известно, сколько платят рабочим во Французской Океании, и я понимал, что его требование чрезмерно. Уступи я теперь, послезавтра будет новая забастовка с новыми требованиями.

И я решительно объявил, что буду придерживаться условий, о которых мы договорились в доме собраний. В ответ мне было заявлено, что все отказываются работать.

Возле меня стояла, сверкая глазами, могучая вахина с такими мускулами, что они хоть на кого могли страх нагнать. Да и другие женщины мощью не уступали ей, и у меня вдруг родилась идея. Я обратился к ним:

— Неужели вы, женщины, будете смотреть, как ваши мужья спят день-деньской, когда в кои-то веки представился случай заработать денег и в лагуне стоит корабль с полными трюмами продуктов, одежды и других товаров?

Мои слова попали в цель. Могучая вахина принялась песочить своего супруга, да так, что он мигом улетучился. Женщины кричали наперебой, и тут Леа, словно какая-нибудь Жанна д'Арк, вышла из толпы, подбоченилась и крикнула мне:

— А зачем тебе непременно мужчины, разве мы не годимся?

Гул одобрения! Я посмотрел на возбужденные лица дюжих островитянок и сказал «да». В конце концов кто, как не они, делали всю работу на этом острове.

В следующую секунду Леа уже шла от хижины к хижине и отдавала распоряжения, указывая на Моронго Ута. Прочь домашние дела! Матери передавали грудных младенцев дочерям и бабушкам; стиравшие у ручья побросали вальки и мокрое белье; поля *таро* были предоставлены самим себе — пусть мужчины потрудятся, когда захотят есть!

И вот Леа что твой солдат ведет в горы женский отряд. Наполеон был бы горд своей корсиканской кровью, если бы мог увидеть, как Леа вышагивает впереди, распевая «Марсельезу»! Правда, по мере удаления от головы колонны «Марсельеза» становилась все более похожей на полинезийскую мелодию, а замыкающие пели уже самую настоящую *хюла,* раскачиваясь и вращая бедрами.

Мы с Мани были единственные мужчины в этой шумной компании, и если Мани прежде улыбался, то теперь он просто помирал со смеху.

Заслышав гомон, Билл и Ларсен выбрались из палатки — и чуть не упали от неожиданности, когда увидели женский батальон.

— Вот вам рабочие! — крикнул я.— Где инструмент?

Опомнившись, Билл взял кирку и подал одной из самых миловидных рапаитянок. Она пришла в такой восторг, что бросилась археологу на шею и наградила его звонким поцелуем. Билл поймал на лету свои очки и шляпу, медленно сел на ящик, вытер щеку и с отчаянием посмотрел на меня.

— Сколько я занимаюсь археологией, такого никогда еще не переживал,— сказал он.— В жизни не думал, что моя наука таит столько сюрпризов. Кого ты приведешь в следующий раз?

Леа и ее отряд не ударили лицом в грязь. Ни в США, ни в Норвегии еще не видали таких темпов. Комья земли и дерна так и летели вниз; Билл бегал как угорелый, проверяя, чтобы все делалось как положено. Рапаитянки все схватывали на лету и под водительством Леа составили первоклассную бригаду. Насколько аккуратно они действовали, когда нужно было что-то расчистить маленькой лопаточкой, настолько же лихо орудовали киркой и заступом, удаляя пласты земли и корни. Мало-помалу обнажались ржаво-красные и светло-серые башни и стены. В конце трудового дня Билл вернулся в свою палатку совершенно измотанный. А вахины и дальше трудились так же рьяно.

Мужчины сидели в деревне одни и ели свое *попои.* Но когда наступил день получки и женщины принесли домой деньги и товары себе и детишкам, мужчины не выдержали — один за дру-

гим бросали свертки с *попои* и брели к мудрецу с Таити. Такого оборота они не предвидели.

Священник и вождь, не говоря уже о добродушном Мани, с самого начала твердо стояли на нашей стороне, но сделать ничего не могли. Теперь они пришли к нам и привели мужчин. Бунтари забили отбой и согласились на таитянские расценки.

Мы поставили мужчин и женщин в разные концы огромного сооружения, и развернулся турнир — кто лучше и быстрее выполнит свою работу. Каждая бригада стремилась отстоять честь своего пола, и вряд ли когда-либо на раскопках трудились с таким рвением. С палубы нашего корабля казалось, что на гору напала саранча. Зеленый покров Моронго Ута на глазах отступал вниз; с каждым днем коричневого становилось больше. Появлялись террасы, стены, и вот уже вся макушка будто шоколадный храм на голубом небесном фоне.

А кругом по-прежнему высились зеленые косматые пирамиды — этакие замки горных троллей. На самом деле Моронго Ута не был замком. С соседних гребней сразу было видно, что это не одиночная постройка. Мы вскрыли заброшенные развалины целого селения. Называть это фортом неверно. И земледельческие террасы не то определение. Потому что все население острова некогда обитало здесь, на макушках гор.

Те, кто первым приплыл на остров, вполне могли бы разместиться в долинах, на ровном месте. Тем не менее они вскарабкались по крутым обрывам на вершины гор. Зацепились на них и, так сказать, свили свои орлиные гнезда. А точнее, начали долбить гору каменными рубилами и превратили ее макушку в неприступную башню. Ниже башни шли большие террасы, на которых жались друг к другу жилые постройки. До нашего времени сохранились полные золы и древесного угля очаги — каменные печи своеобразной кладки, которую до сих пор во всей Полинезии знали только по острову Пасхи.

Билл тщательно укладывал в пакеты драгоценные головешки: радиоактивный анализ поможет определить возраст удивительного горного селения.

Кругом лежало множество каменных рубил различного вида, целые и разбитые. Но еще чаще встречалось непременное орудие домашней хозяйки — каменные песты, которыми женщины превращали *таро* в *попои*. Некоторые песты были сделаны так искусно, изящные линии и гладкая полировка говорили о таком совершенстве, что наши механики не могли поверить — как это можно сделать такую вещь без современного токарного станка. А в

одном месте Билл осторожно извлек из земли почерневшие остатки старой рыболовной сети.

Селение было основательно укреплено. С юга путь к нему преграждал широкий ров со стеной. Чтобы бурные ливни не смыли хижины в пропасть, строители терпеливо перенесли из долины наверх сотни тысяч обломков твердого базальта, которыми подперли террасы. Камни чрезвычайно искусно пригнали друг к другу без всякого связующего раствора. Тут и там кладку пронизывали дренажные каналы; торчали продолговатые камни, образуя своими выступами лестницы, которые соединяли между собой карнизы. Всего в Моронго Ута насчитывалось больше восьмидесяти террас. Общая высота сооружения — пятьдесят метров при поперечнике в четыреста метров; другими словами, это самое большое известное нам сооружение в Полинезии. Билл прикинул, что только в Моронго Ута жило больше людей, чем сегодня живет на всем острове.

Очаги, колодцы и погреба для хранения *таро* — вот все, что осталось от жилищ, если не считать орудий и мусора. А прежде тут стояли (еще одна черта, напоминающая остров Пасхи) овальные хижины из воткнутых в землю сучьев, которые связывали вместе вверху и накрывали камышом и сухой травой. Для больших культовых сооружений — главного элемента строительного искусства на других островах — не хватало места. И жители Моронго Ута решили эту задачу своим, неизвестным в других частях Полинезии способом: на горе за террасами вырубили куполообразные ниши и в них устроили миниатюрные храмы. На гладком полу, будто шахматные фигуры, стояли, образуя ряды и клетки, небольшие камни. А те ритуалы, для которых перед карликовым храмом было слишком тесно, совершались на верхней площадке пирамиды, где потолком был небосвод.

Пока Билл и его помощники руководили раскопками Моронго Ута, Эд и Карл вместе с членами судовой команды изучали другие части острова. Все пирамидоподобные вершины оказались развалинами таких же укрепленных селений. Рапаитяне называли их *паре*. Вдоль острого водораздельного гребня, соединявшего между собой вершины, сплошной вереницей тянулись фундаменты былых жилищ. А в долинах сохранились стены древних земледельческих террас. Нередко они поднимались ступеньками на склоны. И всюду были видны следы сети искусственного орошения — длинные каналы забирали воду из ручьев и разносили ее по террасам.

Итак, в прошлом люди этой своеобразной островной общины

обитали на макушках гор и каждый день спускались по высеченным в обрывах тропам вниз, чтобы ухаживать за посевами *таро* в долинах и ловить в море рыбу и раков. Дети горного народа жили выше, чем орлята в своих гнездах.

Что же загнало этих людей на вершины? Может быть, они из страха друг перед другом укрепились в разных селениях? Вряд ли. Селения соединялись между собой домами вдоль гребней, образуя сплошное оборонительное сооружение, смотрящее на безбрежный океан. Может быть, спасались в горах от погружений морского дна? Вряд ли. Сверху мы видели, что береговая линия и сегодня такая же, какой была тогда: вдоль отмелей были расчищены от камня причалы, устроены ловушки и садки для рыбы, которыми по-прежнему можно пользоваться.

Задача решается просто. Рапаитяне боялись могущественного внешнего врага, чьи боевые суда в любую минуту могли появиться на горизонте.

Возможно, этот самый враг вытеснил их сюда с другого острова. Может быть, с острова Пасхи? Может быть, местное предание выросло из зернышка истины, подобно преданию о битве у рва Ико? Воинственные каннибалы третьего периода острова Пасхи могли хоть кого заставить уйти в море, даже беременных женщин и маленьких детей. Кстати, не далее как в прошлом столетии семь человек благополучно добрались до Рапаити на бревенчатом плоту с острова Мангарева, мимо которого мы прошли по пути сюда с Пасхи.

Правда, на Рапаити нет статуй. Но на вершинах гор негде было их ставить. К тому же, если основу местной культуры заложили женщины и дети, для них естественнее было думать о крове, пище и безопасности, чем о царственных истуканах и военных походах. И для выходцев с Пасхи естественно было строить овальные хижины с камышовой крышей и многоугольные каменные печи, а не многоугольные дома и круглые земляные печи, как на островах по соседству. Надежно укрепить свои селения им было важнее, чем думать о набегах на другие. Наконец, если это и впрямь были пасхальцы, понятно, откуда взялась настойчивость у людей, преобразивших весь горный массив маленькими каменными рубилами. Интересно, что на Рапаити по сей день община держится на женщине, а мужчина здесь — этакий мальчик-переросток, которого лелеют и холят.

Прежде тихоокеанисты считали, что на Рапаити нет ни обтесанных каменных блоков, ни скульптур из камня. Мы нашли и то и другое. Рапаитяне привели нас в глухое место на горе к во-

стоку от Моронго Ута и показали, где, по преданию, лежали останки древних королей, перед тем как отправиться в последнее странствие. Это был образец высокого каменотесного искусства: прямо в горе вырублена напоминающая большой саркофаг усыпальница, вход в которую заложен четырьмя квадратными глыбами, пригнанными так тщательно, что не видно никаких следов — будто сплошная природная стена. Рядом на той же скале высечено уменьшенное изображение человека. Угрожающая поза с поднятыми вверх руками напоминает «короля» в пещере Лаваря на острове Пасхи.

Как говорит предание, торжественное шествие днем доставляло останки умершего короля в усыпальницу. Здесь покойник лежал головой на восток, но однажды ночью двое приближенных незаметно переносили его через гребень в долину Анаруиа, где в потайной пещере хоронили прах всех королей.

Мы нашли на Рапаити погребальные пещеры. Самая большая находилась в долине Анапори, за десятиметровым водопадом. В нее впадал ручеек, и нам пришлось идти по колено в грязи до сухого места — берега подземного озера, где были небольшие каменные курганчики. Плыть через озеро — это семьдесят метров в ледяной воде, но и на другом берегу лежали в кромешном мраке остатки человеческих костяков.

На склоне ниже Моронго Ута мы обнаружили вырубленный в слабой породе склеп новейшего времени. Пещера была закрыта плитой, и в ней лежало трое покойников, но мы живо положили плиту на место, когда поднявшийся снизу рапаитянин учтиво осведомил нас, что здесь похоронена его ближайшая родня. Рядом было еще несколько таких склепов; мы их не стали трогать, и рапаитянин рассказал нам, что в большой пещере по соседству покоится его дед и многие другие.

По сей день рапаитяне верны старому обычаю. Правда, теперь покойников хоронят в освященной земле около деревни, но при этом останки помещают в нору, вырытую в стенке у дна могилы.

Иссеченные рукой человека вершины Рапаити — словно памятник безымянным мореплавателям, которые прошли не одну тысячу миль в океане, прежде чем ступили на берег этого уединенного островка. Огромное расстояние, но все равно они не были уверены, что за ними не последуют другие. Как ни велик океан, даже былинка может его пересечь — дай срок. И как ни тверда гора, самое маленькое рубило ее источит, если настойчивые руки будут трудиться достаточно долго. А времени у людей здесь было

сколько угодно. Если верно, что время — деньги, то обитатели солнечных террас в горах Рапаити были богаче любого вельможи наших дней. Если время — деньги, то рапаитяне обладали несметными сокровищами, как несметно число камней, слагающих стены Моронго Ута. Словом, глядя на развалины, будто парящие в солнечной дымке между небом и океаном, и впрямь можно было вообразить себе сказочный золотой за́мок в тридевятом царстве, в тридесятом государстве...

Но Королевский склеп в долине Анаруиа нам не смогли показать. Люди, которые переносили туда прах королей, давно уже покоятся в толще гор. А нынешние рапаитяне не владеют способом находить тайные пещеры.

Нет у них *аку-аку,* и они не понимают толк в куриных гузках.

Глава одиннадцатая МОЙ АКУ-АКУ ГОВОРИТ

В верховьях долины Тайпи стоял запах дикой свиньи. Но глаз не улавливал признаков жизни — ни людей, ни животных. А услышать что-нибудь было физически невозможно: могучая струя воды, шипя, срывалась с уступа надо мной и, пролетев в воздухе двадцать метров, с грохотом обрушивалась в чашу, где я купался. С трех сторон высилась в рост водопада каменная стена с толстой зеленой обивкой холодного и вечно влажного от водяной пыли мха; покачивались, роняя хрустальные капли, листья папоротника и еще каких-то растений. Обрамленные радугой бусинки падали с листа на лист и в глубокую заводь, а затем, поплясав в божественной влаге, стекали через край, исчезая в просвете среди плотно сомкнутых крон девственного леса.

В долине стояла невыносимая жара. В такой день истинное блаженство освежиться в холодной заводи. Я понырял, утолил жажду и теперь, расслабившись, лежал на воде, обхватив руками камень. Отсюда открывался великолепный вид на зеленый полог леса. Вон там я карабкался, прыгал с камня на камень, шел по воде, поднимаясь по руслу, протискиваясь сквозь сплетение живых и мертвых деревьев, обросших мхом, папоротником и паразитами. Наверно, здесь после открытия Маркизских островов европейцами еще ни разу не работал топор.

В наши дни люди живут лишь в устье самых больших долин, под кокосовыми пальмами на берегу моря. И так не только тут, на Нукухиве, а на всех островах архипелага. Считается, что ко времени первого появления здесь европейцев коренное население насчитывало сто тысяч. Теперь маркизцев осталось от силы две-три тысячи. Прежде всюду обитали люди. По пути наверх мне попалось немало обросших зеленью стен. Но сейчас я был один в воспетой Мелвиллом долине Тайпи*; деревушка на берегу зали-

* Речь идет о романе «Тайпи». М., 1967 *(прим. перев.)*.

ва, в котором стояло наше судно, укрылась за последним поворотом.

На склоне горы, на расчищенной нами большой прогалине в лесу стояло одиннадцать кряжистых красных фигур. Восемь из них так и встретили нас стоя, когда мы пришли в заросли. А остальные три поднялись на ноги на прошлой неделе и впервые увидели крещеных людей. Много десятилетий — с той поры, когда еще был обычай приходить в храм под открытым небом с жертвенными дарами и молитвами,— они пролежали, уткнувшись лицом в землю. Подняв одного из великанов канатом, мы с удивлением увидели двуглавое чудище. Нигде больше в Тихом океане не находили таких статуй.

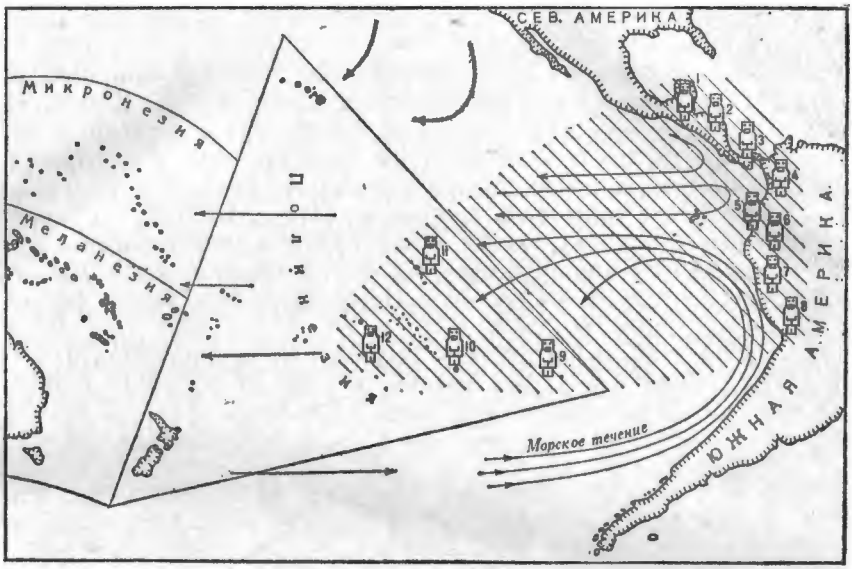
Пока Эд наносил на карту развалины, Билл приступил к раскопкам, надеясь определить возраст истуканов. Как ни странно, мы одними из первых организовали настоящие археологические изыскания на богатых древностями Маркизских островах.

Биллу посчастливилось. Под платформой, на которой стояли идолы, он нашел поддающийся датировке древесный уголь. Теперь можно было установить, когда изваяли здешних истуканов, и сравнить их возраст с возрастом великанов острова Пасхи. И кроме того, нам оставил здесь свой привет один из длинноухих. Может быть, его похоронили с почестями. Может быть, принесли в жертву богам и съели. А остались от него только две огромные «серьги» да истлевшие кости в погребальной камере в толще каменной кладки.

Радиоактивный анализ найденного угля в лаборатории показал, что старшие статуи Маркизского архипелага были воздвигнуты около 1300 года нашей эры, или лет через девятьсот после того, как на Пасхе впервые поселился человек. Так что отпадает догадка некоторых исследователей, будто низкорослые маркизские идолы — предки великанов острова Пасхи.

Пока мы работали в лесу на острове Нукухива, Арне и Гонсало с отрядом рабочих трудились под пальмами Хива-Оа в том же архипелаге. Таким образом, мы посетили и исследовали все места в Тихом океане, где найдены статуи.

Еще раньше на Раиваваэ Арне и Гонсало нашли много неизвестных небольших скульптур. И провели интересные раскопки культовых сооружений и жилищ. На Хива-Оа они искали данные для датировки тамошних идолов и сделали слепок с самой большой из маркизских статуй. Впрочем, после острова Пасхи нам этот 2,5-метровый истукан показался карликом. Арне и Гонсало получили последние мешки из нашего трехтонного запаса зубо-



Область, где обнаружены большие антропоморфные каменные статуи. Все неизвестного происхождения.

1. Мексика. 2. Гватемала. 3. Панама. 4. Колумбия. 5. Эквадор. 6. Северное Перу. 7. Центральное Перу. 8. Перу — Боливия. 9. Остров Пасхи. 10. Питкэрн. 11 Маркизские острова. 12. Раивавэ

врачебного гипса. А бóльшая часть ушла на форму десятиметрового пасхальского идола, его копию мы задумали установить в музее «Кон-Тики» в Осло над моделью пещеры с каменными «ключами» и диковинными скульптурами.

Блаженствуя в заводи, я мысленно повторил весь наш рейс, и остров Пасхи представился мне в виде господствующего центра. Одиннадцать маленьких причудливых фигур в долине Тайпи да горстка статуй в долине Пуамау на Хива-Оа — они казались какими-то случайными и жалкими рядом с полчищами гордых великанов раннего и среднего периодов острова Пасхи. Так сказать, крошки со стола богачей. Такое же впечатление производили единичные скульптуры Питкерна и Раивавэ.

Остров Пасхи с его высокой культурой хочется назвать краеугольным камнем в древней истории восточной части Тихого океана.

Один современный исследователь объясняет все, что происходило на Пасхе, климатом. Дескать, сравнительно прохладная погода не располагала к любовным утехам и праздности, как на других островах. А отсутствие леса заставило островитян обратить свое рвение на камень. Но если говорить о любви, то кое-кто из нашей команды никак не соглашался с этим исследователем. И если каменные идолы должны появляться там, где холодно и нет леса, то после викингов в Исландии должны были остаться огромнейшие скульптуры. Вообще ни одна из древних культур Северной Европы и Северной Америки не знала антропоморфных монолитов. Даже эскимосы не занимались ваянием. Зато каменных истуканов находят от Мексики до Перу, в том числе в жарких лесах Центральной Америки.

Видно, не так уж это естественно, чтобы человек, взяв рубило, принялся долбить гору. Нигде, даже в холодных горах Новой Зеландии, никто не наблюдал полинезийцев за таким занятием. Для столь грандиозных работ нужен, как правило, долгий, накопленный в веках опыт. И нужны люди фанатического трудолюбия и творческого пыла вроде бургомистра острова Пасхи. Этого окаянного упрямца я никак не назвал бы типичным полинезийцем. Мне вспомнилось, как он стоял на пороге, и позади него лежали на полу десятки диковинных скульптур. А рядом подле левого колена — незримый *аку-аку*...

Мне стало зябко, я вылез из воды, лег на горячий камень и задремал под лучами тропического солнца. Водопад кропил меня мельчайшими капельками, я чувствовал себя превосходно. В мыслях я был на острове Пасхи. Мысли — мой *аку-аку* — летели по моему хотению в любой конец так же быстро, как *аку-аку* бургомистра переносился в Чили и другие далекие страны.

Как представить себе *аку-аку* бургомистра? Вряд ли Педро Атан сам сумел бы четко описать его невидимую оболочку. А суть *аку-аку*, наверно, составляли собственные мысли дона Педро, его совесть, интуиция — все то, из чего слагается понятие о незримом духе. Что-то крылатое, бесплотное, способное вести тело на удивительные дела, покуда оно живо. И сторожить пещеру после того, как владелец ее исчез и кости его истлели...

Обращаясь к своему *аку-аку* за советом, бургомистр стоял так же смирно и безмолвно, как при переговорах с покойной бабушкой. Стоило мне тогда заговорить и нарушить ход его мыслей, как бабушка пропала. Да, погрузившись в раздумье, он вопрошал свою совесть, прислушивался к собственной интуиции — говорил со своим *аку-аку* Назовите как хотите все то в человеке, чего не

измеришь метрами или килограммами. Бургомистр называл это *аку-аку*. И обычно помещал его у своей левой ноги. А что тут такого? Ведь этот *аку-аку* вечно скитался в самых удивительных местах!

Бедный мой *аку-аку* — целый год ходит за мной на привязи, и не дают ему вольно постранствовать. Мне показалось, что я слышу, как он ропщет.

— Ты мельчаешь,— сказал он.— Кроме сухих фактов, уже ни чем не интересуешься. Чтó бы тебе поразмыслить о всех тех удивительных вещах, которые происходили на здешних островах в далеком прошлом. О разных людях, которые здесь жили. Обо всем том, чего не увидишь, роясь в земле.

— У нас научная экспедиция,— ответил я.— Бóльшая часть моей жизни прошла среди ученых, и я затвердил их первую заповедь: задача науки — чистое исследование. А не догадки. Не попытки что-то доказать.

— Преступи заповедь,— сказал *аку-аку*.— Растормоши их.

— Нет,— решительно возразил я.— Я уже сделал это в тот раз, когда мы дошли до Полинезии на плоту. Теперь же речь идет об археологических раскопках.

Аку-аку фыркнул.

— Археологи — тоже люди. Спроси меня, уж я-то видел...

Я велел ему замолчать и брызнул водой на комара, который отважился залететь в облако распыленной влаги, окружающее водопад. Но мой *аку-аку* не унимался.

— Откуда, по-твоему, на Пасхе появились рыжеволосые люди? — спросил он.

— Помалкивай,— ответил я.— Мне известно лишь то, что они были там, когда остров впервые посетили европейцы. И что бургомистр происходит из рыжеволосого рода. Кроме того, все каменные великаны носили красный «парик». Вот и все, что можно сказать, оставаясь на твердой почве фактов.

— Если бы рыжеволосые не покинули твердую почву, они бы никогда не открыли остров Пасхи,— пошутил мой *аку-аку*.

— Я не хочу строить догадки,— сказал я и повернулся на живот.— Не хочу говорить о том, чего не знаю точно.

— Отлично. Расскажи, чтó ты знаешь, а я дополню тем, чего ты не знаешь,— предложил мой *аку-аку*.

Кажется, разговор начал налаживаться.

— По-твоему, волосы у них порыжели из-за погоды на острове? — продолжал он.— Что ты об этом знаешь?

— Вздор,— сказал я.— Я отлично знаю, что рыжеволосые

должны были быть в числе первых поселенцев. Хотя бы несколько человек.

— А еще где-нибудь по соседству они жили?

— На многих островах. Например, на Маркизских.

— А на материке?

— В Перу. Когда испанцы открыли империю инков, Педро Писарро записал, что среди низкорослых и смуглых андских индейцев выделялся господствующий род — инки, высокие ростом и белокожие, белее самих испанцев. Он особо упоминает белых рыжеволосых людей, которых видел в Перу. А мумии? На тихоокеанском побережье у Паракаса в песчаной пустыне найдены большие усыпальницы, в которых превосходно сохранились многочисленные мумии. Если снять разноцветные бинты, оказывается, что у одних мумий густые жесткие черные волосы, как у большинства индейцев, а у других, хотя они лежали в тех же условиях, волосы рыжие, иногда каштановые, тонкие и шелковистые, как у европеоидов. Высокий рост и длинная голова тоже резко отличают их от нынешних индейцев Перу. Специалисты изучили волосы рыжих мумий под микроскопом и нашли в них все признаки, по которым принято отличать европеоидный тип волос от монгольского или индейского.

— А что говорят легенды? Ведь в микроскоп всего не увидишь!

— Легенды ничего не доказывают.

— Но все-таки, что они говорят?

— Писарро спросил, кто эти белые рыжеволосые люди. И тогда инки ответили, что эти последние потомки *виракочей*, а *виракочи* — божественное племя белых бородатых людей. Когда в империю инков пришли европейцы, их сразу назвали *виракочами*, так они были на них похожи. Известно, что именно поэтому Франсиско Писарро с горсткой испанцев беспрепятственно проник в сердце империи, захватил в плен солнце-короля и покорил все его владения. Воинственные полчища короля не тронули чужеземцев, так как приняли их за вернувшихся из Тихого океана *виракочей*. Ведь одно из главных преданий сообщает, что предшественник инков солнце-король Кон-Тикки Виракоча ушел из Перу в Тихий океан со всеми своими подданными. А на высокогорном озере Титикака испанцы увидели самые величественные во всей Южной Америке развалины — Тиауанако. Исчерченная искусственными террасами гора, классическая кладка из великолепно обработанных огромных блоков, множество крупных каменных статуй... Испанцы спросили индейцев, кому все это принадлежало. Знаменитый летописец Сьеса де Леон услышал в ответ, что

могучие сооружения Тиауанако были созданы задолго до прихода инков к власти и строили их белые бородатые люди, такие же, как сами испанцы. А потом ваятели бросили свои статуи и стены и во главе со своим вождем Кон-Тикки Виракоча ушли в Куско, а оттуда спустились к Тихому океану. Прозвище *виракоча,* что означает «морская пена», им дали потому, что они отличались белой кожей и исчезли, как исчезает пена на волнах.

— Так,— заметил мой *аку-аку.*— А ведь интересно, правда?

— Но это ничего не доказывает,— возразил я.

— Ничего,— повторил мой *аку-аку.*

Мне опять захотелось освежиться в заводи, но, когда я вылез, *аку-аку* был тут как тут.

— Бургомистр происходит из рыжеволосого рода,— сказал он.— И он, и его предки, которые вытесали огромных истуканов, называли себя «длинноухими». Странно, правда, что они придумали удлинять себе уши, так что мочки свисали до плеч.

— Не так уж и странно,— ответил я.— Такой же был обычай на Маркизских островах. И на Борнео. И у некоторых племен Африки.

— И в Перу?

— И в Перу. Испанцы записали, что главенствующие инкские роды называли себя *орехонес* — «длинноухие», так как им, чтобы отличаться от подданных, разрешалось искусственно удлинять мочки ушей. Причем, когда прокалывали уши, это обставлялось как торжественный обряд. Педро Писарро отметил, что белая кожа была особенно присуща «длинноухим».

— А что говорит предание?

— Пасхальское предание говорит, что этот обычай был принесен извне. Что первый король привез с собой «длинноухих», и прибыл он с востока, шестьдесят дней шел через океан и все время правил на закат.

— На востоке была империя инков. Что говорят там предания?

— Они говорят, что Кон-Тикки Виракоча, когда отплыл на запад, вез с собой «длинноухих». Последнюю остановку на пути от озера Титикака к приморью он сделал в Куско. Провозгласил здесь вождем некоего Алькавису и повелел своим преемникам удлинять себе уши. Когда испанцы пришли к озеру Титикака, они и там услышали от индейцев, что Кон-Тикки Виракоча был вождем племени «длинноухих», которые плавали по озеру на камышовых лодках. Дескать, эти люди прокалывали себе мочки ушей и вдевали большие кольца из камыша *тотора,* причем называли себя *рингрим* — «ухо». По словам индейцев, эти самые «длинно-

ухие» помогали Кон-Тикки Виракоча переносить и укладывать огромные, больше ста тонн, каменные блоки, которые можно увидеть в Тиауанако *.

— Как же они управлялись с такими махинами?

— Этого никто не знает. «Длинноухие» из Тиауанако не оставили после себя бургомистра или кого-нибудь еще, кто бы мог показать потомкам древние приемы. Но у них были мощеные дороги, как на острове Пасхи. А некоторые из самых больших блоков, очевидно, были перевезены через озеро Титикака, это огромное внутреннее море, на больших камышовых лодках, потому что такой камень есть только в потухшем вулкане Капиа на противоположном берегу, в пятидесяти километрах от Тиауанако. Я сам видел у подножия горы громадные блоки, которые ждали своей очереди. И по соседству — остатки причала, местные индейцы называют его *Таки Тиауанако Кама,* или «Путь в Тиауанако». Кстати, соседняя гора называется Пуп Вселенной.

— Кажется, ты начинаешь мне нравиться,— пропел мой *аку-аку.*— Ты начинаешь мне нравиться...

— Но ведь остров Пасхи тут совсем ни при чем,— сказал я.

— Разве камыш, из которого они вязали свои лодки, не *скирпус тотора* — тот самый, что пасхальцы откуда-то привезли и посадили в своих кратерных озерах?

— Тот самый.

— А важнейшим растением на Пасхе, когда остров посетили Роггевен и капитан Кук, ведь был батат, который пасхальцы называли *кумара?*

— Да.

— И ботаники показали, что это растение — южноамериканское и могло попасть на остров Пасхи только с помощью человека? А в Перу индейцы тоже называли его *кумара?*

— Верно.

— Тогда я задам тебе еще только один вопрос, после чего скажу ответ на задачку. Зная, что инки были мореплавателями, можем мы допустить, что их предшественники в Перу тоже выходили в море?

— Да. Мы знаем, что они много раз посещали Галапагосские острова. И мы знаем, что в доинкских могилах Паракаса, как раз там, где найдены рыжеволосые мумии, лежит много гуар с резной рукояткой. Гуары без паруса не применяются, а парус уста-

* Сказания инков об их белых бородатых предшественниках в Перу можно найти на страницах 224—268 в монографии Хейердала «Американские индейцы в Тихом океане» *(прим. авт.).*

навливают на судах. Так что одна гуара убедительнее всех легенд или ученых трудов говорит о высоком развитии морского дела в Перу.

— Так вот я тебе кое-что скажу.

— Я не хочу тебя слушать. Ты начинаешь делать выводы. Вместо того чтобы придерживаться фактов. У нас научная экспедиция. А не сыскная контора.

— Допустим,— согласился *аку-аку* — Но чего бы стоил Скотланд-ярд, если бы следователи только собирали отпечатки пальцев и не пытались схватить преступника?

Я не нашелся, что ответить, и мой мучитель продолжал:

— Ладно, поговорим о другом. Рыжеволосые «длинноухие» вытесывали на острове Пасхи длинноухих идолов с красными «волосами». То ли потому, что зябли, то ли потому, что прибыли из страны, где умели переносить большие камни и воздвигать статуи. Но вот появились «короткоухие» — полинезийцы, которые не зябли и которые нашли на острове достаточно дерева, чтобы вырезывать птицечеловеков и «длинноухих» бородачей с тонкими горбатыми инкскими носами. Откуда они пришли?

— С других островов Полинезии.

— А туда?

— Судя по языку, они дальние родичи низкорослых людей с плоскими носами, обитателей Малайского архипелага, что лежит между Азией и Австралией.

— Как они оттуда попали в Полинезию?

— Этого никто не знает. Ни в самой Полинезии, ни на других островах на пути к ней не найдено никаких следов. Мне думается, они прошли по течению вдоль берегов Азии до Северо-Западной Америки. Здесь, на островах у побережья, обнаружены очень интересные следы. И здесь строили огромные двойные палубные лодки, которые могли — опять с ветром и течением — доставить людей дальше, на Гавайский архипелаг и другие острова на юге. Одно очевидно: они последними, быть может всего лет за сто — двести до европейцев, достигли острова Пасхи.

— Если «длинноухие» пришли с востока, а «короткоухие» с запада, значит, в этих водах можно плавать в обе стороны?

— Конечно, можно. Да только в одну сторону сделать это куда легче, чем в другую. Взять первые плавания путешественников из нашей части света. Европейцы утвердились в Индонезии и по берегам Азиатского материка, но еще долго ни одно судно не пыталось выйти оттуда в Тихий океан. Ведь ни ветер, ни течение этому не благоприятствовали. Только после того, как Колумб — по

ветру и течению — достиг Америки, португальцы и испанцы уже оттуда вышли с ветром и течением дальше и постепенно узнали острова Великого океана. Полинезия и Меланезия были открыты испанцами, которые следовали описаниям инкских мореплавателей и шли по течению от берегов Перу. Микронезия, включая Палау и другие острова у берегов Азии, тоже была сперва достигнута из Южной Америки. А пройти обратно тем же путем испанцам не удавалось. Так было сотни лет. Из Мексики и Перу каравеллы шли до Азии в тропическом поясе, когда же надо было возвращаться, следовали до Америки с течением Куросио через пустынные воды к северу от Гавайских островов. Почему от малайских пирог или от бальсовых плотов и камышовых лодок инков мы должны требовать больше, чем от европейских каравелл? Помнишь француза де Бишопа, который собирался выйти на бамбуковом плоту с Таити, когда мы туда заходили? Однажды он задумал пройти на примитивном суденышке из Азии в Полинезию Ничего не вышло. Тогда он стартовал из Полинезии в Азию — и развил отличную скорость. И вот теперь он задумал достичь Америки на бамбуковом плоту из Полинезии. Ему придется уйти далеко на юг, в холодное антарктическое течение. Может быть, он, европеец, и выдержит холодные штормы тех широт. Но если даже он благополучно подойдет к берегам Южной Америки, самое трудное ждет его на последнем отрезке, потому что течение круто поворачивает на север, и его надо пересечь. Не справится — его понесет обратно в Полинезию, по тому же пути, каким шел «Кон-Тики», а потом и одинокий американец *. Одно дело плыть на пароходе. Одно дело путешествовать по карте карандашом. Совсем другое дело — выйти в океан на первобытном суденышке **.

Я остановился, ожидая, что́ скажет мой *аку-аку*. Он уснул.

— Так на чем мы остановились? — заговорил он, когда мне удалось его растормошить.— Ах да, мы говорили о «короткоухих», дальних родичах малайцев.

— Вот именно. О дальних родичах, потому что это не были малайцы. На пути через океан они явно где-то задержались. Там отчасти изменился их язык, но еще больше — физический тип. Антропологи различают полинезийцев и малайцев по всем призна-

---

* «Одинокий американец» — Уильям Уиллис; см. его книги «Семь сестричек» и «Возраст не помеха» *(прим. перев.)*.

** Потом мы узнали, что команда де Бишопа перешла на военное судно, так как бамбуковый плот был разбит у острова Хуан Фернандес *(прим. авт.)*. О Бишопе можно прочесть у Бенгта Даниельссона — «Большой риск» и в книге самого Бишопа «Таити-Нуи» *(прим. перев.)*.

кам — от формы головы и носа до роста и типа крови. Только лингвисты видят между ними родство. Вот что странно.

— И кому же мне, бедненькому, верить?

— Тем и другим, пока речь идет о фактах. И никому из них, когда они, пренебрегая друг другом, порознь составляют мозаику. В этом сила чистого исследования,— ответил я.

— И в этом его слабость,— сказал мой *аку-аку*.— Большинство специалистов сознательно ограничивают свой кругозор, зарываются все глубже и глубже каждый в свой шурф, пока совсем не перестают видеть друг друга. А что добудут, аккуратненько складывают наверху. Вам не хватает еще одного специалиста, который оставался бы на поверхности и обобщал результаты.

— Работа для *аку-аку*,— заметил я.

— Нет, работа для ученого,— сказал мой *аку-аку*.—Но мы могли бы ему кое-что подсказать.

— Мы говорили о возможной связи между малайцами и «короткоухими»,— еще раз напомнил я.— Как ты, *аку-аку*, рассудишь, если языковеды говорят «да», а антропологи — «нет»?

— Если языковеды скажут, что негры Гарлема и индейцы Юта вышли из Англии, я предпочту послушать антропологов.

— Будем держаться Тихого океана. Только глупец станет пренебрегать данными языковедения. Язык одним ветром не переносится.

— Язык может найти много путей,— ответил мой *аку-аку*.— И уж во всяком случае он не может переноситься один *против* ветра. И если физический тип людей не совпадает, значит, что-то случилось в пути, пролегал ли этот путь на севере или на юге.

Далеко внизу показался всадник. Это врач экспедиции привез из долины Таиохаэ полную сумку пробирок с кровью для анализов. На всех островах, где мы побывали, он брал кровь. Вожди, старики и местные власти помогали отобрать тех, кого еще можно было считать чистокровными. С Таити мы самолетом отправили пробирки в термосах со льдом в Мельбурн, в лабораторию стран Британского содружества. Следующая партия будет выслана из Панамы, а самую первую увез «Пинто». Впервые оказалось возможным исследовать кровь туземцев Полинезии по всем наследственным признакам. Прежде были изучены только факторы А, Б и О, причем выяснилось, что в крови полинезийцев нет фактора Б. Но это же отличает аборигенов Америки, тогда как в Азии — Индия, Китай, Малайские острова — и в Меланезии-Микронезии у всех народностей найден этот фактор.

— Интересно, что́ нам поведает кровь,— сказал я своему *аку-аку*.

Тогда я еще не знал, что доктор Симмонс и его коллеги после тщательнейшего анализа установят, что все наследственные факторы взятой нами крови говорят за прямое происхождение от аборигенов Америки и резко отличают полинезийцев от малайцев, меланезийцев, микронезийцев и других азиатских народностей. Этого даже мой *аку-аку* не мог предположить в моих, простите, в своих самых смелых мечтах.

Я озяб и решил одеться. Потом в последний раз посмотрел на скалу, с которой срывался рокочущий водопад, на сбегающие по мху бусинки. Два желтых цветка гибискуса нырнули в заводь, поплясали на поверхности, потом ток воды унес их вниз, под полог леса. Сейчас и я пойду вниз вместе с потоком. По течению легче идти, недаром бегущая вода была проводником для первых путешественников, вела их к океану и дальше, через океан...

И вот мы уже стоим на корабле — кто на мостике, кто на корме. Даже механики поднялись на палубу и благоговейно смотрят на крутые маркизские горы, за которые, как за исполинский занавес, медленно уходит восхитительная долина. Еще видны пышные вечнозеленые дебри, скатывающиеся по склонам к морю. Буйные заросли словно оттеснили тонконогие кокосовые пальмы к самой воде, чтобы они стояли там и приветливо кивали всем, кто приезжает и уезжает. Эти пальмы придавали острову обжитой вид. Без них была бы одна дикая красота. Мы упивались картиной и запахами. Скоро все сольется, превратится в эфемерную голубую тень и уйдет за край неба...

Мы стояли под лучами тропического солнца с прохладными благоухающими цветочными гирляндами на шее. Сейчас, по обычаю, полагалось бросить их в море и пожелать себе вернуться еще на эти очарованные острова. Но мы медлили. Ведь стоит гирляндам лечь на волны, как они станут точками в конце нашей сказки.

Я два раза уже бросал гирлянду в этом фантастическом краю и вот попал сюда в третий раз.

Полетели за борт первые гирлянды... С мостика — от Санне и капитана Хартмарка. С самой высокой мачты — от Тура-младшего и второго юнги. Легли на воду гирлянды от археологов и моряков, от фотографа и врача, от Ивон и меня. Маленькая Аннет взобралась на шезлонг около поручней на шлюпочной палубе. Привстав на цыпочки, она долго возилась с своей гирляндой, потом изо всех силенок бросила ее через поручни.

Я снял Аннет с шезлонга и поглядел вниз. Двадцать три гирлянды, белые и красные, качались на кильватерной струе. Маленькой гирлянды Аннет среди них не было. Она зацепилась за поручни на следующей палубе. Несколько минут я смотрел на нее, потом решительно спустился и сбросил ее в воду. Зачем?.. С чувством выполненного долга я вернулся к своим товарищам. Никто не заметил моей отлучки. Но мне отчетливо послышался чей-то смех.

— Если не поможет, съешь куриную гузку! — сказал мой *аку-аку*.

10456 987450 4

ОГЛАВЛЕНИЕ

В ПОИСКАХ РАЯ

К советским читателям 7

Глава первая. В солнечную страну 9

Глава вторая. На коралловых островах Туамоту 26

Глава третья. Уединенные островки 32

Глава четвертая. В бамбуковой хижине на земле древних каннибалов 44

Глава пятая. Нет жизни полинезийцам в краю изобилия... 55

Глава шестая. Мы нарушаем табу 74

Глава седьмая. За кулисами пальм 84

Глава восьмая. На Хива-Оа 99

Глава девятая. В безлюдной долине каннибалов 119

АКУ-АКУ

Глава первая. Когда детективы собираются на край света 141

Глава вторая. Что нас ожидало на Пупе Вселенной 154

Глава третья. По вулканическим туннелям 175

Глава четвертая. Загадка великанов острова Пасхи 199

Глава пятая. Секрет длинноухих 222

Глава шестая. Клин клином 256

Глава седьмая. Встреча с немыми сторожами родовых пещер 293

Глава восьмая. В подземные тайники острова Пасхи 318

Глава девятая. Среди богов и демонов в пасхальской преисподней 349

Глава десятая. Моронго Ута, город подоблачных развалин 399

Глава одиннадцатая. Мой аку-аку говорит 418

Хейердал, Тур

Х 35 В поисках рая. Аку-аку. Пер. с норвежск. М., «Мысль», 1970.

431 с. с илл. и карт.; 24 л. илл.

«В поисках рая» — первая книга известного норвежского исследователя Тура Хейердала. На Маркизских островах он впервые встречает каменные изваяния и плиты с загадочными рисунками, и у него зарождается интерес к тайне заселения Полинезии.

«Аку-аку» — увлекательный рассказ ученого о первых поселенцах отдаленного острова Пасхи, о создателях грандиозных каменных изваяний, о творцах неведомой культуры далекого прошлого.

2-8-3 91 П

Тур Хейердал

В ПОИСКАХ РАЯ.
АКУ-АКУ

Редактор *Г. Е. Матвеева*
Редактор карт *В. В. Рязанова*
Младший редактор *И. В. Чулочникова*
Оформление художника *Ю. К. Бажанова*
Художественный редактор *В. Ф. Найденко*
Технический редактор *С. П. Лебедева*
Корректор *Л. Ф. Кирилина*

Сдано в набор 27 апреля 1970 г. Подписано в печать 27 июля 1970 г. Формат бумаги 60×84 1/16, № 2. Усл. печатных листов 27,9 с вкл. Учетно-издательских листов 29,32 с вкл. Тираж 50 000 экз.

Цена 2 р. 31 к. Заказ № 1045.

Издательство «Мысль». Москва. В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР Москва, М-54, Валовая, 28.

Отпечатано с матриц в 11-й типографии Главполиграфпрома. Заказ 1550.